РУССКОЕ СЛОВО.

VII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.

ІЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 21 іюля 1861 года.

Цензоръ *Е. Волковъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ЖЕРТВА.

I.

Былъ ясный лѣтній вечеръ. Западавшее солнце цвѣтило небо и землю блѣдно-розовымъ колоритомъ, ложилось милліонами призмъ на листьяхъ деревьевъ, бросая длинную тѣнь у подножія ихъ, золотило бѣлокурую рожь, заглядывало въ глубь овражка, скользило по текущему въ немъ ручейку, по камешкамъ на днѣ его, по маковкѣ склонившагося ландыша, блестѣло на золотомъ крестѣ сельской церкви, купалось въ чистомъ озерѣ, спорило съ закоптѣлымъ окномъ крестьянской лачуги, какъ бы насильно врываясь въ нее свѣтлымъ столпомъ, освѣщавшимъ на пути своемъ облака ѣдкаго дыма, широкую русскую печь да сырой земляной полъ. Въ воздухѣ пахло ароматною свѣжестью, какъ будто всѣ растенія отдохнули отъ жгучаго дня, и при вечерней прохладѣ испускали душистые пары свои. Легкій вѣтерокъ еле шевелилъ мягкій волосъ на кудрявой головкѣ деревенскаго мальчика. Птички казалось щебетали вольнѣй. Хороводы ласточекъ рѣзали воздухъ, кружились надъ пашнями и лугами, привѣтливо вились кругомъ человѣка, точно провожали его съ дневнаго труда на отдыхъ. Гдѣ-то вдали бренчала балалайка, тянулась безконечная, заунывная русская

пѣсня. На дворѣ барской усадьбы стояли возвратившіяся съ поля коровы, нѣкоторыя изъ нихъ, отъ нечего дѣлать, щипали траву, другія, уставивъ неподвижно головы, жевали жвачку, одна протяжно мычала, какъ будто обижалась и говорила: «что-жъ насъ не доятъ, намъ спать хочется». На нихъ равнодушно смотрѣли, объятыя сладкой дремотой, подъ навѣсомъ, на шестѣ, хохлатыя куры, съ господиномъ супругомъ по срединѣ. По двору пронеслась кошка, задравъ перпендикулярно хвостъ кверху, за нею промчалась собака, такъ быстро, что попавшаяся ей навстрѣчу корова попятилась и повела рогами. И кошка и собака возбудили большое вниманіе стоявшихъ въ сторонѣ овецъ: одна изъ нихъ даже выступила впередъ и, казалось, удивлялась проворству ловкаго животнаго, однимъ прыжкомъ вскочившаго на дерево, и безсильной злобѣ косматой шавки, ограничивавшейся пронзительнымъ лаемъ. Въ большой дождевой лужѣ деревенскіе ребятишки, поднявъ рубашонки, полоскали грязныя ноги; около нихъ купались утки съ утятами. Далѣе свинья, съ несовсѣмъ удобнымъ ошейникомъ, въ видѣ треугольника, напрасно силилась пробраться черезъ плетень къ огороду, сердилась на преграду и громко хрюкала. За сплошной стѣной густыхъ разросшихся акацій, вѣроятно, имѣвшихъ назначеніе отдѣлять чистое отъ нечистаго, то есть, дворню и домашнихъ животныхъ отъ ихъ владѣльцевъ, виднѣлась красная, черепичная крыша длиннаго барскаго дома. Самый домъ былъ деревянный, сѣраго мрачнаго цвѣта, съ большими неправильными, нѣсколько покосившимися окнами, расположенными безъ всякого плана. Тутъ не было ни колоннъ, ни барельефовъ, ни каріатидъ, ни прочихъ ненужныхъ украшеній; сквозь досчатую обшивку мѣстами проглядывала трава; ласточьи гнѣзда, на стѣнахъ подъ крышей, составляли живой, произвольный карнизъ ихъ. Наружный фасадъ дома, выходившій въ обширный садъ, почти не отличался отъ противуположной стороны: тѣ же гнилыя стѣны, та же трава, тѣ же окна и гнѣзда, только одна широкая терраса съ толстыми, неуклюжими колоннами, болѣе похожая на другой домъ чѣмъ на террасу, какъ-то не кстати приклеилась къ нему. Садъ, разбросившійся по-

косогору, былъ дикъ и теменъ, такъ что солнечные лучи едва пробивались сквозь деревья и только украдкой, мѣстами падали на землю; оттого въ саду было мрачно и сыро, дорожки заросли травой, остатки цвѣтовъ на клумбахъ смѣшались съ крапивой, прудъ покрылся зеленою плѣсенью, кое-гдѣ торчавшія скамейки подгнили и развалились. Вообще отъ всего этого жилища вѣяло грустью, чѣмъ-то тяжелымъ, безотраднымъ, безжизненнымъ; все было дико, печально, все истлѣвало, все говорило о смерти: оно походило на могилу, вырытую людьми заживо. Внутренность дома имѣла тотъ же характеръ. Большая комната, носившая названіе гостиной, была уставлена уродливой мебелью, самаго стариннаго фасона, съ признаками когда-то существовавшей позолоты, съ ручками и ножками въ видѣ птицъ, сиренъ, амуровъ, пылающихъ сердецъ и т. п.; штофная обивка ея, изображавшая различныхъ звѣрей, истлѣла, вылиняла до неопредѣленнаго цвѣта, мѣстами обратилась въ рѣшетчатую канву; окна, заставленныя зеленью, преимущественно гераніей да густымъ разросшимся плющемъ, пропускали мало свѣта, отчего въ комнатѣ царствовалъ полумракъ; бѣлыя стѣны были увѣшаны литографированными картинами изъ священнаго писанія, да нѣсколькими масляными, очень темными, вѣроятно фамильными портретами. Тутъ была и Юдиѳь, отсѣкающая Олоферну голову, и цѣломудренный Іосифъ, спасающійся отъ сладострастной жены Пентефрія, и тотъ же Іосифъ, проданный братьями, и видѣніе Іакова, и изображеніе Аѳонской обители, и какой-то господинъ въ петровскомъ мундирѣ, съ косой и въ пудрѣ. Въ одномъ углу стояла горка съ разставленными на ней фарфоровыми тарелками, чашками, чайниками и статуетками; въ другомъ столикъ съ блюдечкомъ, наполненнымъ какою-то жидкостію, погубившею множество мухъ. Полъ въ комнатѣ, тщательно устланный деревенской сермягой, скрипѣлъ безпощадно. На большомъ вольтеровскомъ креслѣ лежала мохнатая собака, немного моложе самаго кресла; у ногъ его помѣщалась другая, умильно смотрѣвшая на госпожу свою. Сама госпожа, Елена Ивановна Радимцева, сморщенная, сухая, полусѣдая женщина, лѣтъ пятидесяти, съ тонкими сжатыми губами, впалыми сѣрыми,

довольно быстрыми глазами, съ строгимъ, ястребинымъ выраженіемъ желтаго лица, въ зеленомъ клѣтчатомъ тафтяномъ капотѣ, наглухо застегнутомъ на рукахъ и шеѣ, сидѣла, вытянувшись по срединѣ дивана, облокотясь на лежавшую за спиной канвовую подушку. Возлѣ нея на столѣ, покрытомъ синей домашней салфеткой, заунывно шипѣлъ самоваръ, изъ чашекъ струился паръ разлитаго чая. На другомъ концѣ стола, задумчиво облокотясь на него, сидѣла дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Блѣдное, истомленное лице ея не отличалось красотой, но было чрезвычайно выразительное; большіе черные глаза, подъ высокимъ, открытымъ лбомъ, свѣтились добротой, смотрѣли бойко и симпатично, заглядывали прямо въ душу, спрашивали о чемъ-то невѣдомомъ; щеки впали, улыбка на губахъ говорила что-то двусмысленное; она не походила на улыбку счастія и довольства, выражала не безпечную радость или душевное спокойствіе, а скорѣе внутреннюю борьбу, глубокую думу, какое-то безучастное созерцаніе всего окружающаго и полное къ нему равнодушіе. Полураскрытыя губы выставляли рядъ бѣлыхъ ровныхъ зубовъ. Гладко зачесанные за уши густые, темно-каштановые волосы соединялись на затылкѣ въ густую косу. Вообще вся физіономія дѣвушки выражала что-то болѣзненное, неестественное, какую-то раннюю дряхлость; казалось, она хотѣла плакать и грустно улыбалась, потому только, что плакать въ ея лѣта было неприлично. При взглядѣ на это смуглое личико, у самаго веселаго, беззаботнаго человѣка замиралъ смѣхъ на устахъ, душа его наполнялась благоговѣніемъ, заражалась тѣмъ теплымъ, отраднымъ, но грустнымъ чувствомъ, при которомъ хочется услышать заунывную пѣснь, такую пѣснь, отъ которой градомъ полились бы слезы. Одѣта дѣвушка была просто. Черное шерстяное платье плотно закрывало грудь, плечи и руки; на послѣднихъ оно оканчивалось небольшими бѣлыми манжетами; на шеѣ лежалъ такой-же воротничекъ; черный лакированный поясъ обхватывалъ талью; на одной рукѣ висѣли янтарныя четки; шею обвивала тонкая золотая цѣпочка, спущенная на груди подъ платье.

Въ глубинѣ, у дверей, въ почтительномъ разстояніи отъ

господъ, вытянувъ по швамъ руки и безсознательно уставивъ глаза, стояла краснощекая деревенская дѣвушка въ затрапезномъ тиковомъ платьѣ и такомъ же передникѣ. Босоногая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, сидѣла на полу въ углу, вязала чулокъ и, по временамъ, изподлобья взглядывала то на стоявшую въ сторонѣ подругу, то на сидѣвшихъ въ отдаленіи господъ своихъ. Въ комнатѣ было тихо; собака на креслѣ протяжно храпѣла. Радимцева отгоняла мухъ и макала ложкой въ стоявшую передъ ней на тарелкѣ медовую сыту.

— Эка мерзкая! одна привяжется и не отстанетъ, фу! говорила она, отмахиваясь носовымъ платкомъ, я полагаю, что въ наказаніе человѣку, за его гордость, такая тварь Господомъ Богомъ создана... подитка, грѣшно морить ихъ, грѣшно, какая ни есть, а все же Божья... вотъ послѣ Петровокъ кусать начнутъ, человѣческаго терпѣнія и не хватитъ, искусишься, поморишь окаянныхъ!... вишь, нелегкая, такъ и вьется, фу!

Дѣвушка ничего не отвѣчала, казалось, она была занята чѣмъ-то, продолжала сидѣть нагнувшись и перебирала четки.

— Слышала, Танюша, старуха, сосѣдка-то наша, постомъ скоромное ѣла? спросила Елена Ивановна.

— Слышала, маменька! отвѣтила дѣвушка, подняла голову и вздохнула.

— Тьфу!.. я даже какъ узнала, такъ тошно стало, потому, диви бы молодой человѣкъ, совратитель какой, ну!... а то въ гробъ смотритъ... живетъ это Нѣмецъ у нихъ, такъ она спорить съ нимъ зачала, которая вѣра лучше, христіанская иль нѣмецкая.

Дѣвушка покачала головой.

— Нѣмецъ свое, а она свое, вотъ и пошли... тараторка!.. обѣщалась я ей грибковъ соленыхъ, не пошлю, пусть свое шамкаетъ, добавила Радимцева сердито.

Молчаніе возобновилось.

— Морошку сварили, Танюша? нѣсколько спустя спросила Елена Ивановна.

— Сварили, маменька.

— Говорятъ, для вкусу ванили хорошо положить, душистѣе будетъ.

— И ванили можно.

— Ѣла я намедни пирогъ у настоятеля, такъ вотъ пирогъ, Таня! такихъ пироговъ у насъ и въ заводѣ нѣтъ, наслажденіе, тѣсто какъ бархатъ!

— Это отъ дрожжей, маменька.

— Ужъ не знаю отчего, а только хорошъ, очень хорошъ!... согрѣшила, позавидовала даже!... Охъ, грѣшишь, все грѣшишь! добавила Радимцева съ нѣкоторымъ раскаяніемъ.

Молчаніе возобновилось.

— Во всемъ грѣшишь, на каждомъ шагу! выразительно произнесла дѣвушка, какъ бы желая возобновить прерванный разговоръ. Знаете, маменька, часто я думаю, какъ бы жить безъ грѣха,—трудно это, невозможно?

— Трудно, Танюша! есть такіе избранные, есть!.. а только трудно, слабость-то человѣческая велика больно!

— Такой ужъ свѣтъ здѣшній, искушеніе во всемъ! снова замѣтила дѣвушка; иной разъ кажется, что и доброе дѣлаешь, по совѣсти, а глядишь, грѣхъ на душѣ, совѣсть то заблудитъ, дьяволъ шепнетъ ей, вотъ и грѣхъ!

— Заблудитъ, Танюша, точно заблудитъ, заведетъ далеко, не выпутаешься! рѣшила Радимцева.

Дѣвушка вопросительно на нее взглянула.

Въ комнатѣ опять молчаніе.

— Съ чего бы Зорочкѣ храпѣть такъ, вѣрно сонъ дурной видитъ.... Зорка, Зорка! крикнула Елена Ивановна.

Лежавшая на креслѣ собака встрепенулась, открыла глаза, лѣниво взглянула на госпожу свою, перевернулась, обнюхалась, легла и захрапѣла снова.

— Охъ, старость тоже пришла! грустно замѣтила Радимцева. «Ты чего зубы то скалишь?!» неожиданно обратилась она къ стоявшей у дверей дѣвушкѣ, «господа этакіе возвышенные разговоры ведутъ, а ты зубы скалишь, негодница!.. небось Андрюшка мимо воротъ прошелъ, такъ и смѣшно стало, хи, хи, хи!.. а вотъ я его на конюшню, а тебя смотрѣть заставлю, поскалишь тогда.... Что это за на-

родъ необузданный, житья съ ними нѣтъ, только въ искушеніе вводятъ... Господи, Господи!»

Горничная хотѣла что-то сказать.

— Молчи! крикнула на нее хозяйка, знаю!.. связалась съ Андрюшкой, нечестивая этакая, не замужъ-ли наровишь, смотри, косу береги, замужница... Танюша, гдѣ отецъ твой, не видать что-то, небось шалберничаетъ опять? замѣтила она, нѣсколько спустя, перемѣнивъ тонъ и обращаясь къ сидѣвшей напротивъ дѣвушкѣ.

— Папенька на богомолье уѣхалъ: на Пятницкомъ погостѣ праздникъ нынче, такъ онъ съ утра и уѣхалъ, отвѣтила послѣдняя.

Елена Ивановна набожно перекрестилась.

— Какъ уѣхалъ?!. тревожно спросила она.

— Да, маменька, уѣхалъ; хромую, сѣренькую заложилъ да въ таратаечкѣ и уѣхалъ очень рано, подтвердила Таня.

— Ахъ я старая грѣховодница! говорила Радимцева, съ разстановкой качая головой, вѣдь вотъ поди ты, изъ ума вонъ, словно затмѣніе какое нашло, вчера еще ложусь да думаю, кажется завтра ничего нѣтъ... ну, спасибо отцу твоему, одолжилъ... этакой человѣкъ безсовѣстный, стыда нѣтъ, сказано ему, чтобъ обо всякомъ праздникѣ докладывалъ... хоть бы ты Таня напомнила, знала небось, я бы тоже поѣхала.

— Вы, маменька, вчера нездоровы были, а папенька сказывалъ, что это праздникъ такъ только, мѣстный, отвѣтила дѣвушка.

— Мѣстный-ли не мѣстный, все одно, не его это дѣло, вишь уставщикъ какой, учить вздумалъ; онъ что приказано, то и дѣлай, за то и хлѣбомъ кормлю... нездорова! эка забота какая! что́, я для нездоровья грѣхъ на себя приму, что-ли?

Таня молчала и сидѣла потупивъ голову.

— Подитка-сь какое служеніе тамъ было!—какъ бы въ раскаяніи, сама съ собой, продолжала хозяйка, небось отецъ Макарій служилъ,—какъ не служить, и калитинскіе пѣвчіе пѣли и городской дьяконъ былъ, этакое благолѣпіе, Господи! Господи!.. вотъ ужъ подлинно не за свои грѣхи терпишь,

сама то памятью ослабѣла, а понадѣешься на людей, нагрѣшишь только, потому все мірскимъ заняты, душевнаго ничего нѣтъ... вѣдь вотъ теперь только и вспомнила, отецъ то Василій еще и на пирогъ звалъ, то-то обидѣлся чай,.. Господи, Господи... согрѣшили мы съ тобой, Таня!.. да и какъ еще согрѣшили!

— Ну что же дѣлать, маменька, можно поѣхать завтра, замѣтила Таня.

— Все отцу твоему обязаны, вѣкъ я ему этого случая не забуду, умирать буду, вспомню! продолжала Радимцева, не обращая вниманія на слова дѣвушки,—и точно я не понимаю, экую дуру, малаго ребенка нашелъ, пьянствовать захотѣлось, потому одинъ и поѣхалъ, все знаю!.. Ты чего уши развѣсила?.. твое дѣло?.. вонъ! прикнула она на горничную.

Послѣдняя повернулась и вышла.

— Да, Таня, продолжала Елена Ивановна, какъ бы усовѣщевая дѣвушку, знаю, все знаю! благо случай пришелъ, все выскажу... прошедшій разъ на Никольское пошелъ, а попалъ въ кабакъ, трое сутокъ безобразничалъ, себя совѣстно, сосѣдей срамъ, вѣдь онъ у нихъ словно шутъ, поганый скоморохъ какой, прости Господи, плясать заставятъ— пляшетъ, пѣсни пѣть такъ пѣсни поётъ, иногда-съ съ дѣвками въ хороводѣ пошелъ, тьфу!.. стыда-то у него нѣтъ, на старости лѣтъ поясничать вздумалъ, душу-то свою въ тартарары готовитъ, здѣсь Лазаремъ прикидывается, а за ворота шмыгъ,—фу!.. откуда и прыть взялась!.. Я въ своемъ домѣ соблазна да разврата не могу терпѣть, какъ хочешь, Таня, не могу!.. люблю я тебя и отецъ онъ твой, а только терпѣть не могу, свою душу за него, безстыжаго человѣка, губить не стану!

Таня схватила руку Радимцевой и крѣпко ее поцѣловала.

— Господи!.. что мнѣ дѣлать, маменька, чѣмъ-же я то виновата! видно ужъ такое затмѣніе на него послано, и на мнѣ грѣхъ за него, насмѣялся онъ надъ собой, сгубилъ себя! произнесла она съ чувствомъ.

Елена Ивановна умилилась.

— Я, Таня, добра ему хочу, потому и говорю, для его

же счастія, продолжала она чуть не со слезами, пусть покается да въ монастырь пойдетъ, тамъ только и исправитъ себя, душу свою спасетъ, отъ дьявола отречется,.. и что ему въ мірскомъ-то, сама разсуди, жить нечѣмъ, только что скоморошничаетъ да подаяніе собираетъ, и себя и другихъ срамитъ, лѣта преклонныя, о дочери заботы нѣтъ, слава те Господи, тутъ ужъ мое дѣло, чего еще нужно ему какъ не успокоить себя, развѣ въ монастырѣ жить худо, этакой благодати и не удостоится всякій!

Таня вздохнула.

— Не для него благодать эта! произнесла она, какъ-то торжественно, къ этой благодати нужно приготовить себя, воспитать душу и тѣло, труденъ путь къ ней, папенька слабъ, грѣховенъ, не для него благодать эта!

— Богъ милостивъ, нѣтъ грѣха безъ покаянія, отвѣтила Елена Ивановна, поживетъ съ монашествующей братіей, годъ, другой, попостится, отринетъ отъ себя всѣ мірскія заботы, исправится, для чего-жъ и монастыри какъ не для исправленія человѣческаго!

— Онъ не хочетъ, маменька, станешь ему говорить, смѣется, упрекаетъ, ты, говоритъ, не любишь меня, избавиться хочешь, зачѣмъ я, говоритъ, пойду, мнѣ и такъ хорошо, на волѣ хочу быть... Маменька, голубушка, родная вы моя, вѣдь отецъ онъ мнѣ, поймите это, что-жъ я то сдѣлаю!?

— Какой отецъ, безпутный человѣкъ и все тутъ!. своего спасенія не хочетъ, рѣшила хозяйка, подымаясь съ дивана.

— А ты, Танюша, можетъ тебѣ и жаль его, не знаю, правду сказать и жалѣть нечего, а я въ своемъ домѣ соблазна терпѣть не могу, ты ему вотъ что скажи, до будущей весны я терплю, дѣлать нечего, пусть приготовится сообразитъ себя, а тамъ если въ монастырь не хочетъ, милости просимъ куда угодно, на всѣ четыре стороны, за что-жъ я-то грѣшу, за что?! диви бы еще какое дѣло дѣлалъ, а то дармоѣдствуетъ только, въ грѣхъ вводитъ, вонъ сегодня до чего довелъ, всѣ люди какъ люди, а мы по его милости и Бога забыли... Прощай, Танюша, завтра къ заутрени вставать нужно, пойдешь?

— «Конечно пойду!» отвѣтила Таня и почтительно поцѣловала руку Радимцевой.

— «Прощай!» повторила послѣдняя, перекрестила дѣвушку и отправилась въ спальню. «Пашка!» крикнула она на порогѣ.

Таня тяжело вздохнула и вышла изъ гостиной.

Комната Татьяны Петровны находилась въ сторонѣ дома и выходила окнами въ садъ.—Въ настоящую минуту они были растворены, въ нихъ врывались густыя вѣтки сирени и черемухи. Вдали, гдѣ-то въ рощѣ, свистѣлъ соловей.—Въ правомъ углу, передъ большимъ кивотомъ съ образами, убранномъ вербами и восковыми херувимчиками, мерцала неугасимая лампада, налѣво стояла кровать краснаго дерева съ бѣлыми кисейными занавѣсками, въ изголовьи ея висѣло распятіе, возлѣ помѣщался маленькій столикъ съ двумя или тремя книгами, въ старыхъ кожаныхъ переплетахъ, съ бронзовыми застежками.—Противуположную стѣну занималъ старинный неуклюжій комодъ, на немъ стояло небольшое тусклое зеркало въ золоченной рамкѣ, клѣтка съ чижикомъ, огромная зачерствѣлая просфора, крошечный подсвѣчникъ съ восковымъ огаркомъ, тарелка съ остатками земляники, да два букета палевыхъ цвѣтовъ въ огромныхъ глиняныхъ кружкахъ.—Надъ комодомъ висѣло деревенское, съ красною каймою, полотенце.—Остальная мебель состояла изъ двухъ или трехъ стульевъ, съ истертой порыжѣлой обивкой.—Вообще вся эта комната съ ея убранствомъ скорѣй походила на монашескую келью, чѣмъ на жилище молодой, свѣжей дѣвушки, даже воздухъ въ ней отличался чѣмъ-то особеннымъ, какою-то смѣсью, какъ будто въ немъ слышался запахъ ладона, деревяннаго масла, сирени и ландышей.

Таня подошла къ окну и облокотилась на него, грудь ея высоко подымалась и сильно дышала, какъ будто хотѣла запастись свѣжей вечерней прохладой.

Сзади, около дверей, стояла дѣвушка лѣтъ двадцати, съ простымъ, но довольно красивымъ лицомъ.

Татьяна Петровна задумалась и разсѣянно глядѣла, сквозь вечерній сумракъ, на чистое, голубое небо.

Дѣвушка казалась озабоченною, она стояла опустивъ голову и машинально гладила рукою передникъ.

Прошло нѣсколько минутъ.–Дѣвушка слегка кашлянула.

Татьяна Петровна обернулась.

— «Что ты, Наташа, что тебѣ?» спросила она довольно ласково.

— «Ничего, барышня, можетъ приказать что изволите,» отвѣтила горничная.

— «Нѣтъ, ступай съ Богомъ, я сама раздѣнусь.»

Дѣвушка стояла неподвижно.

— Ступай, Наташа, завтра къ заутренѣ идемъ.

Дѣвушка осталась на мѣстѣ, руки ея слегка дрожали, на глазахъ выступили слезы, она быстро подошла къ госпожѣ своей и повалилась ей въ ноги.

— Матушка, барышня, золотая, желанная! говорила она, всхлипывая, не погубите, барышня, заставьте за себя Бога молить, вѣкъ вамъ служить буду, по гробъ вашей милости не забуду, душу за васъ положу.

Татьяна Петровна смутилась, она въ недоумѣніи смотрѣла на горничную и силилась поднять ее.

— Что ты, Наташа, что ты?.. встань, опомнись; Бога побойся, грѣшно передъ человѣкомъ на колѣни падать, встань, встань, Наташа, что ты, голубушка? говорила она съ испугомъ.

Дѣвушка встала, и заливаясь слезами, цѣловала платье Татьяны Петровны.

— Матушка, барышня, повторяла она, ни за что человѣка губятъ, неповиненъ онъ, вотъ те Христосъ неповиненъ, къ присягѣ за него пойду, вашей милости только слово молвить. Алена Ивановна смилуется, отрѣшитъ, барышня, желанная, браліантовая.

Она снова хотѣла броситься на колѣни, но Таня удержала ее.

— Кто неповиненъ?.. за кого ты просишь? произнесла она съ разстановкой, вытаращивъ глаза на горничную.

— Да за Сидора, матушка, за Сидора Терентьича, что на мельницѣ былъ, барыня его въ солдаты отдаютъ, въ солдаты, матушка!.. воръ, говорятъ, такой сякой!. а вотъ

отсохни языкъ мой, не то что добра какого, чужой нитки не возьметъ, хмѣльнаго тоже въ ротъ не беретъ!.. Это все староста съ правляющимъ на него злобу несутъ, барынѣ насказали, а та и повѣрила, гонитъ теперь!.. сами они воры, мошенники этакіе, глаза-то у нихъ безстыжіе,... матушка-барышня, явите божескую милость, человѣка отъ погибели спасите.

Таня молчала, она смотрѣла на горничную и что-то соображала.

— Хорошо, Наташа, я попрошу! произнесла она нѣсколько спустя, все что могу, то сдѣлаю.... тебѣ жаль его?

— Какъ же не жаль, добраго да хорошаго человѣка порочатъ только; онъ, барышня, на мнѣ жениться хотѣлъ, а въ солдаты пойдетъ, такъ уже что?.. извѣстно солдатъ!

— Жениться!.. ты замужъ хочешь? какъ то грустно, съ удивленіемъ произнесла Татьяна Петровна.

Горничная улыбнулась и слегка покраснѣла.

— Какъ хотѣть, матушка, гдѣ намъ хотѣть тоже, наше дѣло господское, подначальное, а только хорошій человѣкъ сватается, какъ и не выйти, потому въ дѣвкахъ трудно тоже!.. отвѣтила она и вздохнула.

Татьяна Петровна отвернулась.

— А я думала, что ты никогда не пойдешь замужъ, говорила она съ нѣкоторымъ упрекомъ, что ты вѣкъ при мнѣ останешься,... взяла я тебя сиротой маленькой, въ ученье тебя отдала, все, что могла, все сдѣлала, люблю тебя... зачѣмъ тебѣ замужъ?»

Дѣвушка опустила голову.

— Что жъ, матушка барышня, не я первая, не я послѣдняя, не то что бы въ чужую деревню просилась, такой ужъ порядокъ заведенъ, всѣ дѣвки замужъ идутъ, одна останешься словно браковка какая.

— Всѣ! повторила Таня и пристально взглянула на горничную.—Всѣ!.. Наташа, голубушка, какое тебѣ дѣло до всѣхъ.

— Знаешь что, я спасу Сидора, слышишь, спасу!.. а только если любишь ты меня, не ходи замужъ!

Дѣвушка смѣшалась и не знала что̀ отвѣчать, она только глядѣла на госпожу свою и утирала кулакомъ слезы.

— Слушай, Наташа, продолжала послѣдняя, я твоя барыня, я ни отъ кого не завишу, я свободна, а замужъ никогда не пойду, никогда!.. еслибъ женихъ у меня былъ, я бы бѣжала отъ него и скрылась!.. Я не хочу дѣлать то, что всѣ дѣлаютъ!.. Голубушка, Наташа, ради Христа не выходи замужъ, не губи ты себя, я тебя еще больше буду любить, облагодѣтельствую тебя!—Она положила руки на плечи горничной и пристально на нее смотрѣла.

— Ваша воля, барышня, супротивъ господъ не пойдешь, какъ приказать изволите... какое же губленіе тутъ, человѣкъ полюбился тоже!

— Полюбился! протяжно, со страхомъ повторила Татьяна Петровна.—Ты любишь?!.. разскажи мнѣ, Наталья, все разскажи, я знать хочу, я должна спасти тебя, говорятъ, тяжкій грѣхъ это, тяжкій!

— Какой же грѣхъ, матушка, по закону... по нраву пришелся, парень смиренный, вотъ и полюбишь, а какъ? — и сама не вѣдаешь, такая болѣзнь найдетъ, словно тянетъ тебя, все бы, то есть и говорила и сидѣла и всякую тяготу сносила, все съ милымъ.

Татьяна Петровна вытаращила на нее глаза.

— Ты цѣловалась съ нимъ, Наташа? спросила она.

Горничная сконфузилась и отвернулась.

— Не скрывай, говори, все говори....

— Разъ поцѣловалась, отвѣтила дѣвушка очень тихо.

Татьяна Петровна отскочила, точно вдругъ испугалась чего-то, опустилась въ кресло и закрыла лице руками.

— Ты грѣшница, Наталья, страшная грѣшница, ты погубила себя, говорила она, качая головой, нѣтъ тебѣ спасенія, что дальше-то будетъ, куда ты дѣнешься, узнаетъ маменька... мнѣ и слушать негодится тебя, страшно мнѣ съ тобой, страшно! Она не договорила и отняла руки, лице ея горѣло, на глазахъ блестѣли слезы.

— Уйди, Наталья, уйди ради Бога!... завтра, завтра.... уйди! повторила она повелительно.

Горничная хотѣла что-то сказать, но довольно грозный

взглядъ госпожи остановилъ ее, она повернулась и вышла, утирая передникомъ капавшія изъ глазъ слезы.

Оставшись одна, Татьяна Петровна простояла нѣсколько минутъ неподвижно, въ грустномъ раздумьи, потомъ опомнилась, накинула на голову большой бѣлый платокъ и вышла изъ комнаты. Проходя мимо гостиной она остановилась, прислушалась, потомъ осторожно отворила дверь на террасу, сошла нѣсколько ступеней и сѣла.

Въ саду было совершенно тихо, легкій вѣтерокъ еле перебиралъ листьями, сквозь густоту деревьевъ просвѣчивалась луна, мелькали яркія звѣзды.

Татьяна Петровна сидѣла неподвижно, устремивъ глаза къ небу, и тихо плакала. Что̀ было причиною этихъ слезъ, сказать трудно. Быть можетъ грусть, раскаяніе, даже досада, а быть можетъ теплая, задушевная молитва волновали сердцемъ дѣвушки.

А между тѣмъ Елена Ивановна, скорчившись подъ шелковымъ одѣяломъ, лежала въ спальнѣ, на своей кровати. Зеленыя сторы были спущены, комнату освѣщали нѣсколько лампадъ, висѣвшихъ передъ образами.

На полу, около барскаго ложа сидѣла дѣвочка, та самая, которая въ гостиной вязала чулокъ, на колѣняхъ ея лежала толстая книга, возлѣ, въ жестяномъ подсвѣчникѣ торчалъ сальный огарокъ, она протяжно, тонкимъ голосомъ читала эту книгу.

Минуты черезъ двѣ дѣвочка остановилась, осторожно, тихо зѣвнула и взглянула на барыню. Она лежала съ закрытыми глазами. Снова продолжала чтица болѣе тихимъ голосомъ, потомъ еще разъ взглянула на барыню, прислушалась даже къ ея дыханію, наконецъ погасила свѣчку, ручонкой зажала тлѣвшую на ней свѣтильню, развернула на полу въ углу какое-то тряпье, легла не раздѣваясь и тотчасъ заснула какъ убитая.

II.

Елена Ивановна Радимцева, дочь отставнаго генерала, помѣщица двухъ сотъ душъ крестьянъ, лѣтъ двадцат тому

назадъ нисколько не походила на ту Радимцеву, съ которой познакомился читатель въ предъидущей главѣ. Въ то время она была только зрѣлой дѣвицей съ томнымъ выраженіемъ въ лицѣ, незамѣтно подкрашеннымъ очень нѣжными розоватыми бѣлилами, единственно по причинѣ желтизны кожи. Любила пышно одѣваться, бранила горничныхъ за скверно накрахмаленныя юбки, неимовѣрно затягивалась въ корсетъ, перетягивала талью въ рюмочку, изящно чесала волосы, выпуская ихъ на вискахъ какими-то колечками, носила на шеѣ черный бархатецъ, отчего шея казалась еще бѣлѣе, мыла руки чѣмъ-то очень пріятнымъ, придающимъ нѣжность и свѣжесть, щурила, а иногда, въ особенности при разговорѣ съ мужчинами, даже закатывала глаза, краснѣла и умильно улыбалась при тонкихъ намекахъ о вещахъ неподлежащихъ дѣвическому знанію, любила пококетничать, картавила на французскомъ діалектѣ, съ нетерпѣніемъ ждала предложенія руки и сердца, почему безпрестанно ѣздила въ уѣздный городъ къ гадальщицѣ, не разъ влюблялась или казалась влюбленною, стонала, охала, сердилась на холодность мужчинъ, читала романы, плакала надъ Марлинскимъ, зорко засматривалась на луну и тяжело вздыхала; однимъ словомъ была во всѣхъ отношеніяхъ милой, *благовоспитанной* дѣвицей, на зависть многимъ уѣзднымъ барышнямъ. Одна бѣда, несчастливилось въ женихахъ Еленѣ Ивановнѣ. Появится мужчина, такъ и кажется предложеніе сдѣлаетъ, любезничаетъ, любезничаетъ, даже до приторности, да на томъ и покончитъ. Старикъ Радимцевъ, человѣкъ добрый, простой, вѣкъ свой прослужившій въ военной службѣ, не мало убивался такимъ застоемъ дочери, часто говорилъ ей: «охъ Леля, не хорошо, пора бы замужъ тебѣ, пора... на всю жизнь въ дѣвкахъ останешься». Но Леля принимала эти слова за упрекъ, обижалась ими, корчила недовольную мину и съ негодованіемъ отвѣчала: «вы меня сбываете, папенька, за кого же идти мнѣ? здѣсь глушь, никого нѣтъ, везите меня въ Петербургъ, въ Москву, куда хотите, тамъ влюбится въ меня человѣкъ по моимъ понятіямъ, и я съ радостью отдамъ ему руку и сердце, а здѣсь я зачахну, умру!» Она закатывала глаза. Старикъ генералъ махалъ рукой и уходилъ во свояси. Дол-

го ждала Елена Ивановна, долго бредила столичными эполетами и даже фракомъ, и вдругъ судьба ея рѣшилась: герой ея игривой фантазіи, ея дѣвическаго бреда, свалился какъ снѣгъ на голову. Это былъ прокутившійся, высокаго роста поручикъ, съ длинными усами, орлинымъ взглядомъ и потрясающимъ голосомъ. Сердце дѣвушки сразу угадало своего суженаго; она тотчасъ, до-зарѣзу влюбилась въ него. Поручикъ сдѣлалъ предложеніе и влюбился въ Елену Ивановну. Дѣло шло какъ нельзя лучше; женихъ и невѣста были совершенно счастливы, бродили по уединеннымъ тѣнистымъ аллеямъ сада, мечтали каждый по-своему, катались по окрестностямъ, ѣздили въ гости, въ дѣвичьихъ между тѣмъ шили приданое, вся дворня бѣгала, суетилась, всюду мыли, чистили, подновляли, приготовлялись къ свадьбѣ. Но счастіе съ горемъ идутъ, какъ извѣстно, рука объ руку. Старикъ, отроду не простужавшійся, простудился схватилъ горячку и вскорѣ умеръ. Елена Ивановна осиротѣла. Свадьба была отложена по случаю траура до слѣдующаго мясоѣда. Поручикъ между тѣмъ сталъ распоряжаться всѣмъ какъ полный хозяинъ, бранился съ людьми, маломальски непокорнымъ задавалъ потасовку, требовалъ отъ своей нареченной денегъ на разные непредвидѣнные расходы, называлъ ее Лёлей, Лёлечкой, Лёлешей и прочими нѣжными именами. Нареченная, съ своей стороны, вздыхала, закатывала глаза, подставляла поручику свою вымытую чѣмъ-то очень пріятнымъ ручку. «Ардальонъ Дмитричъ!» въ упоеніи восклицала она, «распоряжайтесь какъ хотите, до того-ли мнѣ, берите все, все!... Я ваша, совершено ваша!»

— Твоя! поправлялъ ее поручикъ.

— Твоя! какъ-то шопотомъ, съ невыразимо-сладкою улыбкою повторяла Елена Ивановна.

Такъ прошло мѣсяца два, три, — Срокъ свадьбы былъ недалекъ. Въ одинъ прекрасный день, поручикъ, снабженный изряднымъ количествомъ денегъ, уѣхалъ для разныхъ закупокъ въ губернскій городъ.—Невѣста, какъ водится, благословила его на дорогу, умоляла не мѣшкать, возвратиться какъ можно скорѣе; чувствительный Ардальонъ Дмитричъ разцаловывалъ милыя ручки и чуть не плакалъ.—Каково же было уди-

вленіе Елены Ивановны, когдачерезъ день она увидѣла возвратившихся обратно въ усадьбу лошадей и бричку безъ поручика. Въ первую минуту она вскрикнула, помертвѣла, ноги у ней подкосились, воображенію ея представлялась ужасная картина, она видѣла несчастнаго Ардальона Дмитрича плавающаго гдѣ нибудь въ крови или сражающагося съ напавшими на него разбойниками. Вошедшій въ комнату кучеръ, въ сѣромъ истасканномъ кафтанѣ, съ письмомъ въ рукахъ, вывелъ ее изъ заблужденія.

— Гдѣ баринъ? грознымъ, отчаяннымъ голосомъ вскрикнула хозяйка, уставивъ глаза на вошедшаго.

— А кто ихъ знаетъ!.. далече-чай, пожалуй-что за Сушковымъ будутъ... вашей милости кланяться наказывали, хладнокровно отвѣчалъ послѣдній, подавая письмо.

Елена Ивановна затряслась.

— Какъ за Сушковымъ? еле слышно спросила она.

— Такъ точно-съ, за Сушковымъ надыть... вечоръ уѣхали, тройку кульерскихъ взяли, двойной прогонъ заплатили... значитъ, качай только!

Что было съ Еленой Ивановной, когда она прочла роковое посланіе и что заключалось въ этомъ посланіи, разсказать невозможно. Оно и по настоящее время лежитъ у ней гдѣ-то въ потаенномъ ящикѣ, скрытое отъ любопытнаго глаза нѣсколькими замками. Достовѣрно только то, что она неистовствовала, въ полномъ значеніи этого слова. Плакала, хохотала, падала въ обмороки, кричала благимъ матомъ, рвала на себѣ волосы, била себя въ грудь, прокляла лошадей отвозившихъ поручика, сожгла бричку, имѣла намѣреніе даже утопиться въ пруду и прочее и прочее. Время однако мало по малу угомонило эту горячку, замазало рану, но не заживило ее, а обратило въ болѣзнь внутреннюю, развивающуюся постепенно болѣе и болѣе вмѣстѣ съ текущими годами.

Елена Ивановна поняла, что надежда на замужство исчезла для нея на вѣки; явись еще въ эту минуту какой нибудь мужчина, она безъ разбору, быть можетъ, уцѣпилась бы за него, какъ за послѣднее средство, но мужчины этого не было, послѣдняя минута была упущена, кругомъ раздавались самыя злыя насмѣшки сосѣдей... что дѣлать, куда

скрыться. какъ обмануть людей, заставить ихъ молчать, какъ наконецъ забыться самой, примириться съ своимъ горестнымъ положенiемъ, какимъ средствомъ развлечься, убить въ себѣ память разлетѣвшагося счастiя, какъ отомстить свѣту за свой позоръ, за свое поруганiе, какую жизнь избрать, чѣмъ наполнить ее? Елена Ивановна заперлась, наложила на себя какую-то эпитимiю, сходила пѣшкомъ на поклоненiе въ отдаленный монастырь, тамъ уничтожила и Марлинскаго и французскiе романы и замѣнила ихъ душеспасительными книгами, перестала душиться, бѣлиться и выпускать височки въ видѣ колечекъ, не могла видѣть равнодушно мужчинъ, исключая лицъ духовнаго званiя.

Только въ нѣкоторыя, исключительныя минуты, прежнiй бредъ овладѣвалъ ею. Она запиралась у себя въ комнатѣ, вынимала письмо поручика, выла, металась, стонала, потомъ мало-по-малу приходила въ себя и изливала остатокъ желчи на первой попавшейся горничной. Вообще казалось она каялась въ чемъ-то, точно желала наказать себя за прошедшее, точно въ этомъ прошедшемъ видѣла ошибку, заблужденiе, которыя надо было исправить во что бы то ни стало, хотя бы самыми насильными, противуестественными средствами. Конечно, раскаянiе это не могло быть искреннимъ, имъ она только мстила самой себѣ, она искала крайностей и думала: «люди не оцѣнили меня, насмѣялись надо мною, такъ я же насмѣюсь надъ ними, я знать ихъ не хочу, одна проживу, они враги мои, обезображу себя, а не поклонюсь имъ!»

А между тѣмъ отравленное, разбитое сердце женщины подавало свой голосъ, требовало для себя пищи, искало противуядiя во всемъ, на чемъ глазъ останавливался. Она или привязывалась къ цвѣтку и плакала надъ нимъ или заводила собакъ, кошекъ, берегла и лелѣяла ихъ, по цѣлымъ днямъ не спускала съ колѣнъ, или думала любить что-то мистическое, созданное ея разстроеннымъ воображенiемъ. Забрела въ домъ какая-то похожалка, полуумная старуха, говорившая загадками съ примѣсью совершенно непонятныхъ словъ и Елена Ивановна, ни съ того ни съ сего, привязалась къ ней, видѣла въ ней какое-то прав-

ственное превосходство, со слезами на глазахъ слушала превратную, пустую болтовню ея о человѣческомъ грѣхѣ, мірскомъ соблазнѣ, дьяволѣ смущающемъ добрую душу и т. п. Случались впрочемъ и такія минуты, когда Еленѣ Ивановнѣ были несносны и собаки и кошки и старуха странница; на нее находила полная апатія, она желала быть одной, томилась чѣмъ то и наконецъ, усталая, изнеможенная, лишенная и силъ и сознанія, начинала молиться.

При такомъ наружномъ смиреніи и отчужденіи отъ жизни, Радимцева становилась день ото дня строже, капризнѣе, неуживчивѣе со всѣмъ окружающимъ. Каждая бездѣлица выводила ее изъ себя, въ каждой малости она видѣла нестерпимую обиду и ничего не прощала, за все казнила. Молилась понѣскольку часовъ сряду, усердно постилась, ѣздила по монастырямъ, одѣляла нищихъ, юродивыхъ, а между тѣмъ дѣлала много зла окружающимъ ее, разоряла цѣлыя семьи, и строго преслѣдовала всѣ сердечныя побужденія. Однимъ словомъ изъ зрѣлой, смѣшной кокетки, изъ безвредной мечтательницы она обратилась въ ханжу окруженную ложнымъ мистицизмомъ, со всѣмъ его мракомъ и невѣжествомъ. Въ подобной женщинѣ прямыхъ нравственно-религіозныхъ началъ не могло быть и тѣни, она создала свои начала, выработанныя изъ уродливыхъ явленій въ жизни, привязалась къ нимъ какъ къ своему спасенію и коснѣла въ нихъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе.

При такихъ обстоятельствахъ Елена Ивановна встрѣтилась съ Таней, семилѣтнимъ ребенкомъ, дочерью бѣднаго пятидушнаго помѣщика, отчасти даже родственника, Петра Кононыча Кутина. Сердце Радимцевой остановилось на дѣвочкѣ, предпочло ее кошкамъ и собакамъ, выбрало окончательнымъ предметомъ, если не любви, то по крайней мѣрѣ заботы и попеченія. Женщинѣ хотѣлось для чего нибудь жить, потому что настоящаго, прямаго назначенія въ жизни у ней не было, хотѣлось насильно привязаться къ чему нибудь, настолько, насколько позволяла зачерствѣлая натура ея.

— Что тебѣ, говорила Елена Ивановна, обращаясь къ отцу дѣвочки, самъ разсуди, матери у нея нѣтъ, сиротка,

самъ ты человѣкъ бѣдный, ничтожный, какъ тебѣ и воспитать ее, путнаго платьишка не сдѣлаешь... а у меня она какъ дочь родная будетъ, умру—все что есть ей отдамъ, облагодѣтельствую, воспитаю въ благочестіи, въ страхѣ божіемъ, кажется знаешь меня, не безпутная какая нибудь... скучно станетъ, такъ хоть каждый день навѣщай, двери не заперты, а не то и живи тутъ... что тебѣ въ самомъ дѣлѣ одному-то тоже сиротствовать, у меня поселишься—когда совѣтомъ, когда дѣломъ поможешь, благо человѣкъ смиренный, вотъ и спасибо.

Петръ Кононычъ нетолько не сопротивлялся, но не зналъ какъ благодарить за такое доброе предложеніе.—Таня осталась жить у Радимцевой, самъ онъ получилъ комнатку въ одномъ изъ флигелей ея усадьбы и тотчасъ же переѣхалъ.

Кутинъ, во всемъ околодкѣ, у всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ, слылъ подъ названіемъ «кума.»—Это былъ добрый бѣднякъ, отроду не сдѣлавшій никому зла, готовый на всѣ услуги, ради куска хлѣба, рюмки водки, поношеннаго сюртука, а иногда даже одного добраго слова. У богатаго сосѣда, напримѣръ, въ уѣздномъ судѣ дѣло было,—кумъ бѣгалъ, хлопоталъ—до упаду за самое ничтожное вознагражденіе, у сосѣдки помѣщицы кашель сдѣлался,—кумъ отправлялся въ городскую аптеку за каплями, уѣзжалъ помѣщикъ изъ имѣнія,—кумъ оставался надзирателемъ, у старика генерала дочь шла замужъ, —кумъ разъѣзжалъ какъ угорѣлый, приглашалъ гостей на свадьбу. Однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, на всѣ руки, онъ былъ лицемъ необходимымъ для всего окрестнаго околодка. Имянины, рожденья, крестины, свадьбы, похороны, что хотите, ни что не обходилось безъ кума. Вездѣ онъ былъ если не главнымъ распорядителемъ, то по крайней мѣрѣ неутомимымъ и главнымъ надсмотрщикомъ надъ исправно поданнымъ чаемъ, закуской, виномъ и т. п. предметами.

Правда, нѣкоторые помѣщики, люди преимущественно молодые, модные, злоупотребляли такою добродѣтелью кума, составляли анекдоты о его неимовѣрной честности, смѣялись надъ его старомоднымъ, желтымъ нанковымъ сюртукомъ, перчатками безъ пальцевъ, давнымъ-давно купленными по случаю какого-то особаго торжества, бисерной цѣпочкой отъ

часовъ, клеенчатой фуражкой необыкновенной величины и прочими невинными предметами.

Петръ Кононычъ, съ своей стороны, или не обращалъ вниманія на подобныя выходки или отдѣлывался отъ нихъ шуткою.

— Эхъ, господа! говорилъ онъ, обращаясь къ окружавшей его молодежи, сюртукъ не хорошъ, знаю, наслѣдственный!.. бабушка дѣдушкѣ подарила, покойница маменька покойному папенькѣ собственноручно перешила, вотъ онъ какой!.. а вы, господа, подарите куму, такъ кумъ франтомъ одѣнется, всѣ барышни влюбятся!... штаны въ клѣтку, сюртучекъ на-отмашку, шляпа на затылкѣ, въ рукахъ тросточка,—хошь въ столицу, на вывѣску, да-съ!... вотъ вы, господа, всѣ можетъ двадцатипятирублевыя ассигнаціи, чистенькія да хорошенькія; а я пятакъ мѣдный,—ассигнацію-то всякій въ кошелечикъ спрячетъ, а пятакъ мужичекъ въ засаленную мошну сунетъ, вотъ и значитъ, что я тотъ же пятакъ и выхожу,...а сюртучишка мой мошна засаленная,... да-съ!

И нетолько однимъ помѣщикамъ такъ усердно служилъ Петръ Кононычъ,—онъ бѣгалъ и къ простому крестьянину, лечилъ больныхъ, присылалъ имъ лекарства, ласкалъ деревенскихъ ребятишекъ, ободрялъ мужика въ горѣ и несчастіи, помогалъ ему добрымъ совѣтомъ, а въ случаѣ нужды —и отложеннымъ на черный день четвертачкомъ да полтинничкомъ.

Немудрено, что такой человѣкъ полюбился скоро и Еленѣ Ивановнѣ, сдѣлался ея насущною потребностію. Онъ ей читалъ душеспасительныя книги, терпѣливо сносилъ брань, слушалъ самые нелѣпые разсказы, удивлялся ея благочестію, смѣялся, когда она смѣялась, что случалось впрочемъ довольно рѣдко, и чуть не плакалъ, когда у растроганной Радимцевой глаза начинали моргать и слезиться.

— Вотъ, матушка, не разъ говорилъ онъ, точно-что не всякій такъ можетъ сократить себя, потому человѣку искуситься долго-ли, такая ужъ душа у васъ неземная, ни къ чему, то есть, земному не прилѣпляется, хошь бы взять то, что въ дѣвичествѣ остались, по нонѣшнему вѣку трудно это,

куда трудно! благочестіе это великое, царство небесное, матушка, заслуживаете!

При послѣднихъ словахъ лице Радимцевой нѣсколько коробилось.—Она свертывала разговоръ на другой предметъ или, ни съ того ни съ сего, начинала бранить мошенника кучера да бестію горничную.

Семилѣтней Танѣ въ первое время на новосельи не понравилось. Она плакала и домой просилась. Но ребенка разумѣется уговорили, дали ему какую-то игрушку да домашняго варенья—и дѣло пошло на ладъ.

Елена Ивановна ласкала Таню, чистенько одѣвала ее, клала съ собою спать, кормила гостинцами, учила молиться Богу. Такъ прошло года три. Къ Радимцевой явилась какая-то старуха странница—и жизнь Тани вдругъ перемѣнилась. У ней отобрали игрушки, объявили, что она большая теперь, учиться нужно, посадили за книгу. Сама хозяйка стала учить читать, надзоръ за дѣвочкой порученъ прибывшей странницѣ.—Тяжело, душно стало бѣдному ребенку: ему хотѣлось прыгать, рѣзвиться, бѣгать на вольномъ воздухѣ, валяться на травѣ душистой, а тутъ заставляютъ его сидѣть надъ скучной, толстой книгой, недоступной ни дѣтскому уму, ни дѣтскому сердцу.—Освободится дѣвочка, дневной урокъ конченъ, улетѣла бы она на свободу, рвется какъ птичка изъ клѣтки, а странница тащитъ ее въ садъ, чинно гуляетъ съ ней, запрещаетъ рѣзвиться и бѣгать, или сидитъ на скамейкѣ да разсказываетъ все что-то такое странное, непонятное.—Придетъ Елена Ивановна—и того хуже: охаетъ да вздыхаетъ или ворчитъ все.—Хотѣлось бы дѣвочкѣ посмѣяться, поболтать, да взглянетъ она на старшихъ, увидитъ ихъ угрюмыя, желтыя лица—и смѣхъ пропалъ.—Не то, соберутся гости, монахъ какой-то, дьячекъ сельскій да стриженая баба юродивая сядетъ на голую землю, хохочетъ и пѣсни поетъ, Таня смѣется, а Елена Ивановна грозить ей да шепчетъ: «грѣшно надъ святымъ человѣкомъ смѣяться, она святой человѣкъ, поди руку у ней поцѣлуй»—бѣдный ребенокъ трясется, чуть не плачетъ и отправляется цѣловать закорузлую руку юродивой.— И каждый день то же самое, каждый день толстая книга, разсказы старухи странницы,

оханье и брань Елены Ивановны, да скучные, уродливые гости въ грязныхъ лохмотьяхъ.

Только въ праздникъ нѣсколько разнообразилась жизнь ребенка: его одѣвали въ бѣленькое, чистенькое платьице, мыли, чесали, учиться нетолько не принуждали, но даже не позволяли, возили въ церковь, заставляли стоять на вытяжкѣ понѣскольку часовъ сряду, потомъ заѣзжали въ гости, большею частію къ какому нибудь священнику, завтракали или, вѣрнѣе, обѣдали и возвращались домой подъ-вечеръ.—Въ гостяхъ Таня находила себѣ ровестницъ, она жадно знакомилась съ ними, дружилась и нерѣдко разставалась съ сдержанными на глазахъ слезами.

Трудно было сначала дѣвочкѣ пересиливать себя, ломать свою дѣтскую натуру, но впослѣдствіи, мало по малу, она такъ всосалась въ окружавшій ее міръ, такъсвыклась съ его обстановкой, такъ ввѣрилась ученію своихъ наставницъ, что и пересиливать было нечего, она невольно потянулась за этимъ міромъ, невольно, безотчетно привязалась къ нему.

Она представляла изъ себя ребенка съ рожденія окруженнаго людьми ходящими на четвереинькахъ, весьма естественно, что подобный ребенокъ перенялъ-бы взрослыхъ, ползалъ бы также какъ и они, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока какой нибудь благодѣтель не научилъ бы его ходить по-человѣчески.

Даже общество прежнихъ подругъ перестало занимать Таню, она старалась отдѣлиться отъ него, хотѣла казаться чѣмъ-то особеннымъ и болѣе, и болѣе, и душой и тѣломъ, прилѣплялась къ старухѣ странницѣ да Еленѣ Ивановнѣ.—Да и не мудрено, бѣдная дѣвочка не знала истинной жизни, не видѣла образца ея, она приняла тьму за свѣтъ, потому что не знала послѣдняго.—Старуха странница твердила ей о какомъ-то змѣѣ-соблазнителѣ, во образѣ мужчинъ губящемъ женщинъ, о мукѣ огненной, объ антихристѣ, о суетѣ мірской, о святыхъ монастыряхъ.—Елена Ивановна, съ своей стороны, вторила глубокомысленной наставницѣ, а иногда даже щеголяла передъ ней, разсказывала, какъ у одной дѣвушки на лбу рога выросли за то только, что во снѣ увидѣла мужчину и поцѣловалась съ нимъ или какъ купеческая

дочь, любившая очень танцовать, вдругъ кружиться начала и кружится до сихъ поръ и прочее.—Всѣ эти разсказы и наставленія, облеченные большею частію въ страшную таинственную форму, не могли не дѣйствовать на душу ребенка.—Въ четырнадцать лѣтъ она представляла живое подобіе своихъ воспитателей, ихъ миніатюръ, который разнился съ оригиналомъ только въ крѣпости матеріала: первый былъ мягокъ, могъ принять другую, новую форму, послѣдній окаменѣлъ окончательно.

— Таничка, душенька, пойдемъ играть съ нами, говорила какъ-то дочь сосѣда помѣщика, ровестница Кутиной.

— Нѣтъ, что играть, я лучше здѣсь посижу, здѣсь хорошо такъ, отвѣчала послѣдняя, усаживаясь на скамью, въ глубинѣ сада.

— Какая ты право странная, Таня, мы въ горѣлки будемъ играть, что тебѣ сидѣть-то одной?

— Ну останься со мной, поговоримъ, разскажи мнѣ что нибудь страшное, страшное, я люблю это... Вы въ монастырь ѣздили?

— Ѣздили.

— Хорошо тамъ?!

— Нѣтъ, скучно!

Таня съ упрекомъ взглянула на подругу.

— Что ты, Маша, какъ не стыдно говорить такъ, тихо произнесла она, въ монастырѣ не можетъ быть скучно, тамъ святая обитель, говорятъ, ангелы живутъ тамъ!

Маша махнула рукой.

— Богъ тебя знаетъ, Таня, ты все такая непонятная, точно боишься чего, точно тебѣ плакать хочется.

— Какъ же понапрасну смѣяться, развѣ хорошо это, грѣхъ; знаешь, кто въ пятницу смѣяться будетъ, тому въ старости много плакать придется, много, это я въ книжкѣ читала,... сегодня пятница!

— А завтра суббота, завтра мы въ гости поѣдемъ, танцовать будемъ, ахъ, какъ весело! воскликнула Маша и всплеснула руками.—Вотъ, Таня, голубушка, ты одна все, оттого тебѣ и скучно, твоя маменька строгая да сердитая такая, никуда не пускаетъ тебя, добавила она съ жалостію.

— Моя маменька добрая, я и сама никуда не хочу, мнѣ дома хорошо! завтра къ намъ самый святой человѣкъ придетъ, разсказывать страшное будетъ!.. Мнѣ не скучно одной, я люблю одна быть; знаешь, иногда всѣ спать улягутся, тихо такъ станетъ, а я выйду въ садъ на крылечко и сяду, смотрю на небо, долго, долго смотрю, и думается мнѣ, хорошо тамъ!.. звѣздочки ярко блещутъ, мѣсяцъ свѣтитъ, птички летаютъ, поютъ, такъ и кажется, что это голоса съ небесъ раздаются, и вдругъ душно станетъ, такъ душно, даже слезы на глазахъ выступятъ,... а иной разъ къ вѣтерку прислушаешься, какъ онъ листьями перебираетъ, слушаешь, слушаешь, и кажется точно кто говоритъ съ тобой, да такъ хорошо, пріятно и страшно и весело, сердце забьется, такъ забьется, кажется каждое бы деревцо обняла, каждый бы листикъ разцѣловала!.. а то солнышко только что восходить начнетъ,—какъ тутъ спать!—побѣжишь на кладбище, сядешь на могилку, кругомъ тихо, тихо, только въ травкѣ жужжитъ да щекочетъ что-то, прислушаешься, точно тысячи голосовъ поютъ; говорятъ, это души праведныхъ наслаждаются... Ахъ, какъ хорошо, Маша!.. Люблю я и кладбище и вѣтерокъ и ночь со звѣздами... Знаешь, зашла я разъ въ лѣсъ, одна одинешенька, и сама не знаю зачѣмъ, такъ, тянуло что-то, посмотрѣть хотѣлось, въ самую чащу забрела, подъ ногами сучья хрустятъ, ступишь и оглянешься, такъ это отдается все, никого нѣтъ, а точно люди за тобой идутъ, попробовала я аминь закричать, закричала, а кругомъ меня такъ все и вздрогнуло, такъ и вскрикнуло, точно каждое дерево своимъ голосомъ отвѣтило... Ахъ, Маша, какъ я люблю все это!.. Что̀ игры, что̀ танцы?—въ танцахъ человѣкъ бѣсу уподобляется.—Она вздохнула, потомъ схватила подругу за руку и быстро, умоляющимъ голосомъ, проговорила: Маша, голубушка, ты не говори никому, маменька узнаетъ, бѣда будетъ, за мной смотрѣть станутъ, всѣ двери запрутъ... что̀ я буду дѣлать тогда? я умру, Маша, право умру!—Она опустила голову, на глазахъ ея блеснули слезы.

Дѣйствительно, Таня съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе углублялась въ окружавшую ее природу, искала въ ней че-

го-то теплаго, задушевнаго, молча бесѣдовала съ нею, какъ съ лучшимъ другомъ, находила въ ней отголосокъ своихъ мыслей, радовалась и плакала вмѣстѣ съ нею.—Если солнце свѣтило ярко, физіономія дѣвушки принимала праздничный видъ, она торжественно улыбалась, точно поздравляла всѣхъ и каждаго съ чѣмъ-то особенно радостнымъ. Напротивъ, въ день пасмурный, облачный, Таня сидѣла угрюмая и чуть не плакала. Въ грозу, бурю лице ея принимало строгое, величественное выраженіе, точно она прислушивалась къ чему-то важному, таинственному.—Даже состояніе здоровья Тани измѣнялось вмѣстѣ съ временами года: осенью и зимой она хилѣла, блѣднѣла, къ веснѣ поправлялась, на щекахъ ея показывался румянецъ, лѣтомъ раскраснѣвшееся личико, покрытое сильнымъ загаромъ, дышало необыкновенною свѣжестію.—Она вставала съ восходомъ солнца, даже боялась провести это время въ постелѣ, наскоро накидывала на себя легкое платьице, подбирала рукой разсыпавшіеся волосы, выходила въ садъ, осматривала каждый кустикъ, умывалась ключевой водой, радовалась, глядя на цвѣтникъ распустившійся, долго молилась, припавъ головкой на мокрый песокъ или траву росистую, забѣгала на скотный дворъ, въ птичникъ, гладила коровъ, лакомила ихъ хлѣбомъ; тамъ отправлялась на сельское кладбище, обходила кругомъ могилы, прислушивалась къ шуму листьевъ, щебетанью птичекъ, чириканью насѣкомыхъ или, въ какомъ-то отрадномъ забытьи, лежала на душистомъ сѣнѣ, устремивъ неподвижно глаза въ голубое небо. Начинался день, вставала Елена Ивановна и жизнь Тани временно прерывалась: она поила старушку чаемъ, тамъ читала ей книги, бѣгала, хозяйничала, заказывала обѣдъ и завтракъ.—Приходилъ вечеръ, Радимцева отправлялась на боковую, а Таня долго ходила по саду, грудь ея высоко подымалась, сильно втягивала воздухъ, упивалась имъ какъ какою-то новизною. Иногда она сиживала на скамейкѣ и привѣтливо чему-то улыбалась, губы ея что-то шептали, казалось она разговаривала съ невидимымъ другомъ, или, прислонившись къ плетню, задумчиво смотрѣла вдаль, прислушивалась къ заунывной пѣснѣ пастуха, къ отдаленному звону колокольчика, къ лаю

цѣпной собаки, точно искала въ нихъ какого-то значенія. Въ иной день, рано утромъ или подъ вечеръ, перебродитъ Таня по всей деревнѣ, по полямъ, лугамъ, рощамъ, промочитъ въ мокрой травѣ ноги, испачкаетъ платье, перецарапаетъ руки, волосы ея растреплются, щеки сильно разгорятся, возвратится она домой измученная, усталая, съ пучками полевыхъ цвѣтовъ, обставитъ ими себя и радуется. Иногда, потихоньку отъ Елены Ивановны, соберетъ она деревенскихъ ребятишекъ, посадитъ ихъ вокругъ себя, кормитъ гостинцами, пряниками, смѣется на нихъ, любуется ими, а дѣти ползаютъ, увиваются около ея, цѣлуютъ ея колѣни, руки, ноги. А пройдетъ кто взрослый, Таня вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто ей совѣстно станетъ, точно испугается чего-то. Зато въ ненастную погоду, въ мокрую осень, тяжело было дѣвушкѣ: забьется она вечеромъ къ себѣ въ комнату и чуть не плачетъ, недостаетъ ей чего-то, душно какъ-то; станетъ она передъ образомъ на колѣни и долго, долго молится, потомъ раздѣнется, ляжетъ, ворочается съ боку на бокъ, а заснуть не можетъ. Вообще, къ ней можно было примѣнить слова поэта:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ;
Ручья разумѣлъ лепстанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Такъ выросла Таня, такъ достигла семнадцатилѣтняго возраста. Образованія она не получила никакого. Елена Ивановна выучила ее читать и писать; писарь изъ стана, горькій пьяница,—первымъ правиламъ ариѳметики,—вотъ и все.

Это было чистое дитя природы, съ доброй, прекрасной, теплой душой, воспріимчивымъ, любознательнымъ умомъ, къ сожалѣнію отравленнымъ окружавшей сферой, задавленнымъ мистицизмомъ и суевѣріемъ.

Петръ Кононычъ, между тѣмъ, облагодѣтельствованный Еленой Ивановной и лично и въ лицѣ дочери, въ послѣднее

время измѣнился совершенно. Прежняя угодливость его и неподдѣльная, чистая веселость пропали; изъ добраго старичка, готоваго всюду лишь бы услужить окружавшимъ сосѣдямъ, онъ сдѣлался ихъ шутомъ, пошлой игрушкой ихъ празднаго времени, началъ заливать-за-галстухъ или, какъ самъ онъ выражался, «убивать муху». Что было причиною такой внезапной перемѣны, сказать трудно. Надоѣло-ли однообразіе обыденной жизни, горе ли какое сдавило его, замучилъ-ли кусокъ чужаго хлѣба, или просто скука и отсутствіе всякой заботы стерли человѣка, обратили его въ какое-то бездушное, жалкое существо безъ мысли и цѣли—Богъ знаетъ!—Иногда и умный и образованный человѣкъ, а вдругъ ни съ того ни съ сего опустится въ самую грязь, да такъ, что никакими силами и не вытащить его оттуда; другаго, напротивъ, судьба щелкаетъ, а повалить никакъ не можетъ, онъ и въ усъ не дуетъ, смѣется надъ всѣми невзгодами, хорошѣетъ, тучнѣетъ, идетъ впередъ да впередъ. Все зависитъ отъ матеріала души человѣческой; нѣжное да деликатное портится скорѣе чѣмъ простое да грубое.—Кумъ свихнулся, обнищалъ; а другой бы на его мѣстѣ, при его положеніи, быть можетъ выпрямился, копѣйку нажилъ и рости бы пошелъ.

Поселившись у Елены Ивановны, Петръ Кононычъ отложилъ всякое попеченіе нетолько о дочери, но и о себѣ собственно. Да и о чемъ было хлопотать ему!—Таня пристроена, одѣта, обута, облагодѣтельствована, самъ онъ и прежде рѣдко существовалъ дома, а теперь и говорить нечего!—гдѣ чаю напьется, гдѣ позавтракаетъ, гдѣ пообѣдаетъ, летаетъ по окрестному околодку, какъ птица божія. Выпьетъ у мужичка, выпьетъ у помѣщика, завернетъ къ становому приставу—и тамъ выпьетъ; со всѣми онъ знакомъ, всѣ его угощаютъ, кто за услугу какую, а кто и такъ-себѣ. Только злые люди больше прежняго трунить надъ кумомъ стали: «что, куманекъ, закабалилъ себя, въ аренду отдалъ къ старухѣ, въ послушники опредѣлился, присмирѣлъ, непостился небось, чай на сухоядѣніи все?—ну-ка выпей съ горя, не скажемъ, чего боишься!» говорили они, и кумъ выпивалъ разъ, другой, третій, четвертый и такъ далѣе. Впослѣдствіи вре-

мени эти выпивки кума прiѣлись веселымъ господамъ сосѣдямъ, показались имъ слишкомъ обыкновенными, они разсудили, что Кутинъ не гость, не ровня имъ, что даромъ поить его не слѣдуетъ. Въ уплату за угощенiе они стали заставлять охмѣлѣвшаго Петра Кононыча плясать въ-присядку, пѣть пѣсни, ходить на четверенькахъ, декламировать какiе-то стихи, однимъ словомъ-выдѣлывать такiя штуки, отъ которыхъ все общество покатывалось со смѣху. Услужливый кумъ сначала сопротивлялся, отговаривался неумѣньемъ, но потомъ малу по малу такъ привыкъ къ своей роли, что самъ навязывался на ея выполненiе.

— Прикажете, ваше превосходительство, многоуважаемыхъ гостей повеселить?-говорилъ онъ послѣ имянинного обѣда у помѣщика генерала,—всѣхъ звѣрей и птицъ изображу!

Черезъ минуту въ залѣ раздавался пѣтушиный крикъ, хрюканье, мычанье, мяуканье, блеянье, ржанье, даже соловьиный свистъ, все, что хотите.

Гости смѣялись до-упаду. Куму за труды подносилась рюмка наливки.

Только въ присутствiи Радимцевой и Тани Петръ Кононычъ велъ себя совершенно иначе. Здѣсь онъ былъ попрежнему тихимъ, скромнымъ, добрымъ старичкомъ, былъ человѣкомъ насильно, по тяжкой обязанности, изъ боязни прогнѣвить благодѣтельницу Елену Ивановну, а быть можетъ и изъ любви къ дочери, неизгладившейся изъ сердца кума ни виномъ, ни пѣснями, ни плясками.

III.

На другой день послѣ того, когда заунывное чтенiе дѣвочки сладко усыпило Радимцеву, она, въ сопровожденiи Тани, возвращалась изъ сельской церкви, отъ заутрени. За ними, въ нѣкоторомъ отдаленiи, то въ припрыжку, то лѣниво шатаясь изъ стороны въ сторону, слѣдовалъ человѣкъ лѣтъ

шестидесяти. Длинные сѣдые волосы на его обнаженной головѣ развѣвались вѣтромъ, поднимались кверху, торчали космами или опускались на лобъ и закрывали глаза. Загорѣлое, сухое, сморщенное лице, бронзоваго цвѣта, безсознательно смѣялось. Костюмъ его состоялъ изъ бѣлой холстинной рубахи, очень толстой и грязной, подпосаянной простой веревкой, и такъ же коротенькихъ шараваръ; босыя ноги такъ закорузли въ пескѣ и пыли, что казались обмазанными глиною. Человѣкъ этотъ разговаривалъ самъ съ собою, размахивалъ руками, моталъ головой, по-временамъ останавливался, плевалъ на всѣ стороны и въ-припрыжку догонялъ опередившихъ его спутницъ.

— Яша, голубчикъ, что, усталъ развѣ? спросила съ участіемъ Елена Ивановна, остановившись на дорогѣ, подъ деревомъ, и поджидая отставшаго.

Старикъ сдѣлалъ нѣсколько скачковъ и поравнялся съ Радимцевой.

— Ворона, благодѣтельница, ворона! произнесъ онъ хриплымъ голосомъ,—ворона карръ, карръ!.. у человѣка слезки, изъ хвоста бѣда выросла, въ воронѣ бѣсъ, уу!.. дымомъ, разумница, пахнетъ, дымомъ... баба у мужика стряпаетъ, печурку топитъ, огонекъ трещитъ, мужичекъ пищитъ пи, пи!.

— Это къ дождю, Яша,—замѣтила Елена Ивановна, продолжая путь.

Таня шла повѣся голову и съ благоговѣніемъ вслушивалась въ слова старика.

— Польетъ дождичекъ, дождичекъ мокренькій, разцвѣтутъ цвѣтки,—на-распѣвъ продолжалъ послѣдній,—на травкѣ-муравкѣ зелено станетъ, ой зелено!.. Яшенька споетъ пѣсенку.... жила была барынька, у той барыньки дочка...

— Что это ты, Яша, ужъ не про меня ли поешь?! со страхомъ замѣтила Таня и щеки ея вдругъ покраснѣли.

Старикъ замоталъ головой, пронзительно свиснулъ и продолжалъ: «не то, что бы дочка, а простая птичка!... Танька, Танюшка!» громко крикнулъ онъ.

Дѣвушка вздрогнула.

— Яша, голубчикъ, не пой Христа-ради, я тебѣ гостин-

цу дамъ, гривенничекъ подарю! умоляющимъ голосомъ произнесла она.

— Что ты, Таня, да развѣ это онъ поётъ—такое ужъ откровеніе значитъ, не мѣшай ему.

Юродивый захохоталъ.

— У Яши мѣшечекъ съ золотомъ, сыплетъ, просыплетъ; купитъ Яша корабликъ, поплыветъ далече, далече, въ самое синее море, рыбку поймаетъ.... ай, ворона, ворона! снова крикнулъ онъ что есть мочи.

Елена Ивановна и Таня невольно остановились.

— Ну, голубчикъ, кажется и не труслива, а вотъ поди ты, испугалась тоже! замѣтила первая, качая головой и насильно улыбнулась.

— Карръ, карръ! продолжалъ кричать Яша.

Они подошли къ дому. Двѣ дворовыя собаки съ страшнымъ лаемъ налетѣли на юродиваго. Онъ кричалъ, корчился, отмахивался, прятался за женщинъ, Елена Ивановна ему вторила, но собаки остервенились и слушать ничего не хотѣли.

— Цицъ, цицъ!.. Шарикъ!.. Пашка, Тимошка!.. цицъ!. Машка, Федька! голосила на весь дворъ Радимцева.

Черезъ минуту изъ разныхъ концовъ выбѣжало нѣсколько мужчинъ и женщинъ.

Собаки угомонились и побѣжали прочь, помахивая хвостами.

— Черти!. вѣдьмы проклятыя! продолжала кричать Елена Ивановна на осовѣвшую дворню,—убить меня хотите, убить!.. сказано собакъ на цѣпи держать .. чего зѣнки вытаращили, чего!.. богоотступники безстыжіе!.. вонъ, святаго человѣка чуть не загрызли... подлые!

Яша между тѣмъ теръ себѣ ноги, показывалъ дворнѣ кулакъ, швырялъ въ нее мелкими каменьями.

— Разбойники, душегубцы!. одинъ грѣхъ съ вами, срамота одна... твердила Радимцева, но наконецъ плюнула, повернулась и стала взбираться на крыльцо.

Таня и юродивый послѣдовали за нею.

Дворня разошлась молча, повѣся головы, только какой то парень, проходя мимо зазѣвавшейся бабы, глубокомысленно замѣтилъ:

— Э-вотъ, лѣшаго водитъ, нешто человѣка собака тронетъ!—собака свою волю имѣетъ, вотъ и грызетъ, такая ея воля значитъ, звѣрь!

— Вѣстимо-тъ звѣрь! отозвалась баба.

Въ гостиной Яша безъ церемоніи расположился посрединѣ дивана, поджавши подъ себя грязныя ноги. Елена Ивановна помѣстилась возлѣ. Таня сѣла напротивъ и стала разливать чай.

Юродивый безсмысленно улыбался и покачивался изъ стороны въ сторону.

— Чтò это я за сонъ видѣла, такъ и объяснить себѣ не могу, говорила хозяйка, вотъ развѣ божій человѣкъ, по своему откровенію, не разскажетъ ли?

Яша протянулъ свою мозолистую руку. «Уу, уу!» вытягивалъ онъ на-распѣвъ, тыкая пальцемъ въ раскрытую ладонь, у меня дочки, дочки кралечки, цвѣтики; глазки у нихъ бѣлые, волосики красные, ножки золоченыя; умницы, разумницы,.. ой, ой!. плеточкой ихъ, плеточкой!» Онъ защолкалъ языкомъ и заболталъ что-то совершенно непонятное.

Радимцева вытащила изъ кармана серебряную монету и подала старику.

Онъ проворно сжалъ ее въ рукѣ, потомъ сунулъ за пазуху.

— Полно, Яша, голубчикъ, лучше выпей чайку на здоровье, помолись за насъ грѣшныхъ, говорила Таня, придвигая къ нему огромную кружку съ чаемъ.

Яша съ жадностію принялся за чай, набивалъ за обѣ щеки стоявшія на столѣ булки и крендели, дѣлалъ видъ будто обжигается, дулъ, корчилъ гримасы, утиралъ рукавомъ мокрыя губы.

Татьяна Петровна и хозяйка по-временамъ взглядывали на него съ полнымъ благовѣніемъ, точно видѣли въ немъ образецъ человѣка, такой образецъ, сдѣлаться которымъ могли только немногіе избранные.

— А я вотъ про сонъ хочу разсказать, начала Елена Ивановна, какъ-будто обращаясь къ Танѣ, но на самомъ дѣлѣ желая возбудить вниманіе Яши, услышать отъ него от-

кровеніе.—Вижу я, будто птица къ намъ прилетѣла, и такая странная да небывалая, издалека откуда-то.

— Птица, маменька, хорошо значитъ, впрочемъ какая птица,—вотъ ястребъ да ворона, говорятъ, къ несчастію, замѣтила Таня.

— Ой, бѣда стряслась, дочка смаялась, надѣла чоботы, привязала крылышки, улетѣла отъ матушки, ой, ой!.. затянулъ юродивый.

Дѣвушка и хозяйка вопросительно взглянули на него и другъ на друга; первая опустила голову и задумалась; на лицѣ ея выразилось безпокойство, послѣдняя разсѣянно мѣшала ложкой чай и казалось ждала объясненія загадочныхъ словъ Яши.

— Не ястребъ и не ворона, а такая странная да небывалая, не смѣло продолжала она, — какъ будто и знакомая какая, а только распознать не могу, побольше вороны, поменьше ястреба, крылья бѣлыя, бѣлыя такія!.. прилетѣла она вотъ на это окошечко и сѣла; сидитъ и геранійку клюетъ; хотимъ мы ее выгнать, а она не дается, все крыльями машетъ; взмахнетъ крыломъ—мы и отскочимъ, словно вѣтромъ какимъ отшатнетъ; махала, махала, а ты вдругъ будто поблѣднѣла вся и говоришь: маменька не гоните эту птицу, это благодать прилетѣла къ намъ!

— Видите, это хорошій сонъ! произнесла Таня, такимъ тономъ, какъ будто что-то тяжелое свалилось съ души ея.

— А кто его знаетъ! хорошій или худой, гдѣ намъ грѣшнымъ знать, знать это только по откровенію можно! возразила Радимцева, искоса взглядывая на юродиваго.

— Бѣлый цвѣтъ, маменька, хорошо значитъ, вотъ голубь хорошая птица, его всегда бѣлымъ изображаютъ.

— То голубь, Таня, а это, кто ее знаетъ! словно и не птица, такая странная да невѣдомая.

— Чтожъ, что невѣдомая! все-таки бѣлая, маменька!.. вонъ и Яшу спросите, онъ тоже скажетъ.—Яшенька, голубчикъ, добренькій Яшенька! Она взглянула на юродиваго, онъ сидѣлъ, опустивъ голову и качался всѣмъ туловищемъ.

— Яшенька миленькій, человѣкъ божій, смилуйся, скажи

что нибудь,.. правду я говорю? не совсѣмъ смѣло спросила Таня.

Старикъ уставилъ на нее глаза, скорчилъ гримасу, промычалъ что-то, потомъ вскочилъ съ своего мѣста, пробѣжался раза два по комнатѣ и остановился.

— Лихо тутатка, лихо!.. гарью пахнетъ, уу!.. кровь бѣжитъ, рѣкой льется, крапива выросла, жжетъ, жжетъ, ой жжетъ, всѣхъ спалитъ, душу сожжетъ!.. Согрѣшили, согрѣшила, чорта выкормили,.. ворона карръ, карръ! пронзительно крикнулъ онъ и выскочилъ изъ комнаты.

Татьяна Петровна поблѣднѣла, Радимцева набожно перекрестилась.

— Да будетъ воля Господня! произнесла она тихо, не спуская глазъ съ Тани. Что́ это онъ пророчитъ такое, Господи! какой бы кажется бѣдѣ быть!—все въ порядкѣ, тихо да спокойно, вотъ развѣ отъ людей неудовольствіе получишь, такъ на это плевать,.. согрѣшили!.. обидѣла ты его Таня, можетъ разсердился, пожалуй не заглянетъ больше.

— Что вы, маменька, чѣмъ обидѣла, смѣю-ли я!.. ну я прощенья попрошу, умилостивлю, все сдѣлаю, только бы худого ничего не было!.. У меня и самой все сердце тоскуетъ! иной разъ такъ заноетъ, что страсти!—точно бѣду чуетъ, такъ бы кажется и заплакала, а слезъ нѣтъ, такъ только, томитъ что-то... А въ саду теперь трава выросла и не бывало такой, колючая, преколючая!.. тоже задумаешься иной разъ или засмотришься на что, хоть на цвѣтокъ какой, и все тебѣ представляется что-то такое странное, да недоброе, и сама не знаешь что̀, а за душу хватаетъ!..

— Это ужъ въ мысляхъ такъ, мнѣніе такое, замѣтила Елена Ивановна.

— Нѣтъ, маменька, это все грѣхи наши. Грѣшимъ мы много, сами надъ собой бѣду творимъ!

— Чѣмъ же грѣшимъ, Таня, что ты!.. кажется, все исполняешь какъ слѣдуетъ, вотъ развѣ...

— Грѣшимъ, ближняго обижаемъ! прервала ее дѣвушка. Знаете, маменька, вы хотите Сидора въ солдаты отдать, не отдавайте, простите его, Господь помилуетъ насъ! Она схватила руку Елены Ивановны и крѣпко ее поцѣловала.

— Что ты, Таня, нашла грѣхъ тоже! Не стыдно-ли этакими пустяками заниматься. Да я его мошенника не то чтобы въ солдаты, а въ самые тартарары упрятала-бы!

— Все равно, маменька, простите его, освободите, простите, голубушка! говорила дѣвушка умоляющимъ голосомъ, обцаловывая руки хозяйки.

Лице Тани выражало такую горячую мольбу, такое теплое участіе къ участи ближняго, такое страданіе его горемъ, что только каменное, закоренѣлое сердце могло не тронуться, не сказать прости даже злѣйшему врагу своему.

— Если согрѣшили, лучше же обѣщаніе какое положить, чаю что–ли не пить, пѣшкомъ на богомолье сходить, на доброе дѣло пожертвовать, хладнокровно возразила Радимцева, мало–ли что придумать можно,... а то Сидорка! да чего онъ стоитъ, тварь этакая,... слава–те Господи!.. мошенникъ этакой!

— Маменька, послушайте вы меня, сердце мое правду говоритъ, чуетъ оно,.. если любите меня... ну сдѣлайте милость, счастіе, вѣдь это ничего не стоитъ, простите Сидора!.. и себя и меня спасете.

Елена Ивановна пристально взглянула на нее.

— Да что ты, Таня, Господь съ тобой! пристала–простите да простите, какъ не стыдно, право!.. ну, хочешь такъ и прощу, извѣстно ничего не стоитъ, чортъ съ нимъ, пусть остается!.. стоитъ ли заниматься этимъ! не все одно развѣ!

— Нѣтъ, не все равно! съ чувствомъ отвѣтила дѣвушка и бросилась цѣловать Елену Ивановну. Теперь нечего бояться, все хорошо будетъ! съ полною увѣренностію, очень весело добавила она.

Въ комнату вошелъ Петръ Кононычъ.

Это былъ маленькій, сухенькій человѣчекъ, въ наглухо застегнутомъ однобортномъ сѣромъ сюртукѣ и гороховыхъ брюкахъ, заправленныхъ въ сапоги, въ синемъ галстухѣ, изъ подъ котораго выглядывала не совсѣмъ чистая рубашка, красное, обрюзглое лице его привѣтливо улыбалось, точно спрашивало о здоровьѣ всѣхъ и каждаго, точно желало всѣмъ полнаго счастія. Остатки волосъ на головѣ лоснились и были такъ гладко примазаны, что казались издали шапочкой, сшитой изъ сѣренькой тафтички. Движенія его отличались

необыкновенною ребяческою живостію: онъ не могъ спокойно ни стоять, ни сидѣть, безпрестанно размахивалъ руками, перебиралъ пальцами, постукивалъ ногами;- сядетъ на одно мѣсто, тамъ перескочитъ на другое, третье и т. д. Даже всѣ черты его физіономіи двигались попеременно одна за другою, то моргалъ лѣвый глазъ, то брови подымались и опускались, то правая щека коробилась, то носъ какъ-то ёжился, точно чехнуть собирался, то трепетали губы, то во всемъ лицѣ происходило такое броженіе, такая игра всѣхъ членовъ, что каждый бы подумалъ, что оно тотчасъ или разразится хохотомъ или обольется горькими слезами.

Войдя въ комнату, онъ на минуту остановился, осмотрѣлся вокругъ, проворно подошелъ къ Еленѣ Ивановнѣ и почтительно приложился къ рукѣ ея.

— Съ добрымъ утромъ, матушка! добраго утра желаю, царица моя, счастія, всякаго счастія! говорилъ онъ тонкимъ голосомъ, такъ скоро, что заглушалъ одни слова другими. У заутрени изволили быть? молились?—похвальное дѣло, матушка, похвальное! а мы вчера праздновали, пирожокъ кушали, части за ваше здравіе вынулъ, отецъ Василій кланяется вамъ, матушка, очень кланяется, благодѣтельницѣ говоритъ поклонись,.. извѣстіе вамъ привезъ, матушка, событіе, радостное событіе, такое событіе, даже лошаденку чуть не загналъ, извѣстіе!

Онъ присѣлъ на кончикъ стула, прищурилъ глаза, улыбался и теръ руками колѣни.

Елена Ивановна довольно грозно взглянула на него.

— Какое еще извѣстіе?.. Небось съ похмѣлья извѣстіе-то у тебя! сердито произнесла она,—въ головѣ шумитъ, вотъ и извѣстіе... И къ чему потащился тоже, шута-то изъ себя корчить, совѣсти ни на грошъ нѣтъ, душу-то свою къ чему готовишь, хоть бы дочери посовѣстился, безобразникъ, срамникъ этакой!

При послѣднихъ словахъ кумъ задвигалъ бровями, въ добродушной улыбкѣ его мелькнула горечь, онъ взглянулъ на Таню, она стояла отвернувшись, разсѣянно смотрѣла въ окно и мяла между пальцами листокъ геранiи.

— Обижаете, царица! за что прогнѣвались? старичка оби-

жаете понапрасну, видитъ Богъ понапрасну, лучше накажите какъ, только словомъ не трогайте!—говорилъ Петръ Кононычъ прежнимъ тономъ,—только что съ праздничкомъ поздравили, по-христіански, водочки выпили, а насчетъ безобразія какого и въ поминѣ не было, отъ такого грѣха Господи спаси и избави! сами, матушка, знаете, собрались тамъ все духовныя особы, какое же безобразіе тутъ!.. обижаете, матушка, я какъ угорѣлый летѣлъ, извѣстіе везъ!

— Да чего ты присталъ, какое еще извѣстіе, сплетня какая нибудь, врешь все! недовѣрчиво произнесла Радимцева, косясь на кума.

— Собственными глазами сударыня удостовѣрился, какая сплетня, истинное явленіе, матушка, такое явленіе—побожиться могу!

— На лицѣ Елены Ивановны мелькнуло безпокойство, она раскрыла-было ротъ, но Петръ Кононычъ предупредилъ ее.

— Прикажите, царица, водочки подать, даромъ и говорить не охота, потому явленіе, растресло всего!.. рюмочку, матушка, только рюмочку, мушку убить, для желудка больше.

— Таня, прикажи подать, сказала Радимцева съ нѣкоторой досадой и нетерпѣніемъ.

Таня вышла изъ комнаты и черезъ минуту возвратилась.

— Хе, хе, хе! взятку съ васъ, матушка сударыня, взятку! такое явленіе, говорилъ кумъ ерзая на стулѣ. Заложилъ я это сѣренькаго прыгунчика, выѣхалъ ранымъ-ранешенько, на восходѣ солнечномъ, потому поутру не жарко, такъ томленія такого нѣтъ, да и лошади легче, свободнѣе... дорога-то туда большая, почтовая; мимо станціи надо ѣхать, изволите знать, дорога хорошая, ходкая... ѣду я этакъ не торопясь себѣ, до обѣденъ время довольно; дай, думаю, зайду на постоялый дворъ чайку напиться, потому что въ горлѣ-то пересохло...

— Знаю я, каковъ чай этотъ, небось хмѣльной тоже? замѣтила Елена Ивановна.

— Чайку, матушка, хоть побожиться, чайку!

Въ комнату вошла горничная дѣвушка съ подносомъ и

графиномъ. Петръ Кононычъ налилъ рюмку, привскочилъ, поклонился, проговорилъ: желаю здравствовать! и выпилъ.

— Славная эта настоечка, матушка, лекарственная, словно бальзамчикъ какой, замѣтилъ онъ.

— Да полно тебѣ Христа ради! началъ, такъ говори; глупость какую сочинитъ, да и той конца не дождешься! довольно сердито крикнула Елена Ивановна и облокотилась на подушку дивана.—Ну!

— Нельзя, матушка, по порядку, какъ теченіе дѣла было... еще рюмочку, царица!

Радимцева плюнула.

Кумъ выпилъ рюмку и крякнулъ.

— Слушайте, матушка, слушайте, говорилъ онъ, утирая рукою губы, да-съ,.. такъ, подъѣзжаю я къ постоялому двору чайку напиться, вижу тарантасъ стоитъ, въ пыли, такой что страсти! колеса такъ грязью и облипли, спрашиваю, кто пріѣхалъ?.. а кто его знаетъ, говорятъ, надо быть баринъ.. я знаете на лѣсенку, въ верхнія-то хоромы, къ Ильюшкѣ, поднялся, вхожу, вижу господинъ взадъ и впередъ ходитъ, не старый еще, лѣтъ подъ сорокъ этакъ, а только плѣшь на макушкѣ,—это, матушка, бываетъ!—другой молодехонекъ, а тоже съ плѣшью ходитъ,—отъ жизни, отъ заботъ, отъ болѣзней бываетъ. Онъ остановился.

— Ну! крикнула Радимцева.

— Ну, плѣшь на макушкѣ, плѣшь!.. тутъ бакенбарды, одѣтъ по-дорожному, только видно, что баринъ: на сапогъ взглянуть и довольно,—холопъ сапоговъ такихъ носить не станетъ, ну и руки тоже нѣжныя, деликатныя... Я поклонился, онъ поклонился, учтивый такой,.. спрашиваю такъ и такъ, куда молъ изволите ѣхать?.. ѣду, говоритъ, въ городъ К. а оттуда въ деревню... изъ Петербурга? спрашиваю,.. изъ Петербурга, говоритъ... въ какую деревню?.. я-то, матушка, весь здѣшній уѣздъ какъ на ладони знаю, потому и спрашиваю, изъ любопытства, то есть...

— Ну! какъ-то жалобно, снова крикнула Елена Ивановна.

— А въ деревню Черемошье! докончилъ кумъ, перескочилъ на другой стулъ, открылъ ротъ и пристально смотрѣлъ на хозяйку.

— Какъ въ Черемошье?.. къ намъ?! произнесла она въ недоумѣніи, съ нѣкоторымъ страхомъ, и вытаращила глаза на кума.

Татьяна Петровна, повидимому до сихъ поръ не обращавшая вниманія на слова отца, вдругъ обернулась и, казалось, ждала повторенія сказаннаго, точно не довѣряла ушамъ своимъ.

Петръ Кононычъ былъ совершенно доволенъ произведеннымъ эффектомъ, улыбался, мигалъ глазами и потиралъ руки.

— Къ вамъ, царица, къ вамъ!.. явленіе, такое явленіе!.. торжественно повторялъ онъ.

— Да врешь ты!.. кому ѣхать!.. кто такой, кто? грозно произнесла хозяйка.

— Не вру, царица, не вру, видитъ Богъ не вру, хоть побожиться, не вру, къ вамъ-съ!.. гость нежданый, негаданный, явленіе, завтрашній день здѣсь будутъ!.. Онъ остановился и оглянулся. Водочку-то убрали, матушка?

— Кто-о?! крикнула Радимцева.

Петръ Кононычъ вздрогнулъ.

— Братецъ вашъ, матушка, ей Богу братецъ! проворно отвѣтилъ онъ и звонко засмѣялся.

Елена Ивановна въ первую минуту остолбенѣла, лице ея замѣтно поблѣднѣло, она не знала что̀ отвѣчать и безсознательно смотрѣла на окружающихъ.

— Братецъ!.. какой братецъ!.. да что ты рехнулся! пьянъ, съ праздника не проспался! что ты?! говорила она въ недоумѣніи.

— Братецъ!.. Алексѣй Иванычъ Радимцевъ, родной братецъ!.. что маленькимъ уѣхали отсюда, тотъ самый! повторялъ совершенно довольный Петръ Кононычъ.

— Братъ, братъ! шептала хозяйка сама съ собою, братъ изъ Петербурга, что это?!.. двадцать лѣтъ не видались, лѣтъ двѣнадцать писемъ не было, ни слуху ни духу,.. братъ,.. сонъ это, бредъ что-ли?! вотъ она-птица-то, птица!

— Птица-съ, точно птица, матушка, высокаго полета, только бы ей бѣлыя крылья этакія распустить,.. родной братецъ, родной! повторилъ кумъ.

Таня не знала что подумать, она съ удивленіемъ, но спокойно глядѣла то на отца, то на свою благодѣтельницу, только при послѣднихъ словахъ Елены Ивановны она вздрогнула, точно вспомнила или увидѣла что-нибудь страшное.

— Знаю, что Алексѣй Иванычъ, знаю что родной, знаю, что бѣлыя!.. плачевнымъ голосомъ вдругъ вскрикнула хозяйка и блѣдно-желтыя щеки ея покрылись багровымъ румянцемъ.

— Да зачѣмъ онъ ѣдетъ?!. рехнулся, что-ли? бѣлены объѣлся?.. развѣ за добромъ ѣдетъ онъ?.. что нужно ему?.. убить меня хочетъ!. съ того свѣта свалился,.. передъ вторымъ пришествіемъ, что-ли?!.. его и не помню, не знаю, какой братъ!.. зачѣмъ, зачѣмъ?!.. Да ты врешь, врешь все, быть не можетъ, врешь!

— Да отсохни языкъ мой!.. сами изволите знать, какъ тутъ врать... говоритъ все такъ хорошо, ладно, служилъ, говоритъ, теперь вышелъ въ отставку, отдохнуть хочу, сестрицу навѣстить, на отцовскую могилку взглянуть, свою деревнюшку спровѣдать... У него тутъ своя деревушка по близости? такъ-съ?..

— Какая деревушка, у него въ другой губерніи, здѣсь семь дворовъ только! снова крикнула Радимцева.

— Да за что вы, матушка, сердиться изволите?—семь такъ семь, такъ и знать будемъ. Чѣмъ же я-то виноватъ, только что обошелся какъ слѣдуетъ, спросилъ это онъ про васъ, я молъ такъ и такъ говорю, дама достойная, всѣми уважаемая...

— Типунъ бы тебѣ на языкъ! за собой бы смотрѣлъ, меньше бы водки пилъ, я сама знаю какая я дама, сама! отозвалась Елена Ивановна.—Охъ, плохо, Таня, не къ добру это, чудеса какія-то, я и понять не могу,... вотъ тебѣ и птица бѣлая, крыльями-то машетъ, машетъ!.. Слушай, Петръ Кононычъ, если ты врешь, я тебя прокляну, ей Богу прокляну!—добавила она грозно.

— Маменька, голубушка, да что съ вами, вѣдь онъ, слышите, отдохнуть, навѣстить васъ хочетъ, замѣтила Таня, не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Именно-съ навѣстить! повторилъ Петръ Кононычъ,—

«у васъ, говоритъ мѣста хорошія, луга, сѣнокосы, сельское все этакое, свѣжимъ воздухомъ подышать можно, поохотиться; я, говоритъ, и охоту люблю и то и другое, на деревенскомъ сѣнѣ отдохну, говоритъ.»

— Ну, видите, маменька, онъ просто погулять хочетъ, ему въ городѣ надоѣло, онъ сюда и ѣдетъ; въ Петербургѣ, говорятъ, духота, пыль, тѣсно, а у насъ вольно, свѣжо, просторно, хорошо такъ!.. не къ намъ однимъ, вонъ и къ Паншинымъ тоже гости изъ Москвы пріѣзжали.

Елена Ивановна махнула рукой и иронически улыбнулась.

— Отдохнуть!.. вздоръ!.. тутъ чудеса, тутъ всему конецъ!.. Яша что сказалъ, помнишь: кровь бѣжитъ, жгетъ, душу спалитъ! произнесла она.

Таня опустила руки и не знала что отвѣчать.

Дѣйствительно, Елена Ивановна имѣла нѣкоторыя причины видѣть въ неожиданномъ пріѣздѣ брата что-то необыкновенное, сверхъестественное, отчасти страшное. — Братъ этотъ отправленъ былъ изъ дому съ пятнадцатилѣтняго возраста.—Въ Петербургѣ онъ воспитывался, потомъ поступилъ на службу, писалъ письма къ отцу, послѣ его смерти изрѣдка переписывался съ сестрой, поздравлялъ ее съ наступающимъ праздникомъ, причемъ желалъ здоровья и всякаго благополучія; сестра отвѣчала тѣмъ же; письма съ каждымъ разомъ становились короче и суше, наконецъ уменьшились до безконечности и прекратились окончательно.—Послѣднее извѣстіе отъ брата Елена Ивановна получила въ тяжкое для себя время размолвки съ поручикомъ, она-было развернула письмо, но тотчасъ-же съ досадой швырнула его: братъ какъ на зло увѣдомлялъ о своей свадьбѣ, сестра не разсудила отвѣчать, братъ, съ своей стороны, занятый молодою женою, и отчасти обиженный незаслуженнымъ молчаніемъ, прекратилъ и увѣдомленія и поздравленія и желанія всякаго благополучія.—Съ тѣхъ поръ для Радимцевой Алексѣй Иванычъ, какъ говорится, въ воду канулъ, она не имѣла объ немъ ни слуху, ни духу, не знала даже существуетъ-ли онъ на бѣломъ свѣтѣ, она забыла

о немъ, и вдругъ этотъ братъ какъ съ неба свалился, напомнилъ ей о чемъ-то прошедшемъ, вызвалъ воспоминанія молодости, тряхнулъ ея заснувшими чувствами. — Она не могла понять, какъ, почему, зачѣмъ, этотъ братъ по одному имени, братъ, котораго она не знала, вдругъ прискакалъ за нѣсколько сотъ верстъ.—Умъ ея, зараженный и пропитанный насквозь суевѣріемъ, отыскивалъ въ этомъ внезапномъ пріѣздѣ какой-то злой умыселъ, видѣлъ въ немъ что-то такое таинственное, загадочное, вызванное провидѣніемъ для ея погибели.—Къ тому же Радимцева совершенно отвыкла отъ гостей, сосѣди помѣщики не посѣщали ее, сама она къ нимъ не ѣздила, все окружающее ее общество состояло изъ странниковъ, юродивыхъ, убогихъ, Петра Кононыча да сельскаго священника, а тутъ гость, да еще какой, изъ Петербурга, изъ этого омута нечестія, какъ говорила Елена Ивановна.—Придется на нѣкоторое время измѣнить усвоенные порядки, подчинить свою безобразную волю волѣ другой, нежданной, непрошенной.—Неловко же въ самомъ дѣлѣ при постороннемъ человѣкѣ съ утра до вечера браниться съ горничными, благоговѣть передъ Яшей, читать книги: «сердце человѣческое чертогъ сатаны,» и, наконецъ, даже сладко засыпать подъ это чтеніе, да и мало-ли что неловко, по пятницамъ понадобится къ чаю сахаръ подавать, и то не ловко. — Правда, Елена Ивановна нисколько не сомнѣвалась въ законности и естественности принятыхъ ею обычаевъ, она только боялась, что гость, по всей вѣроятности, человѣкъ заблудшій, дерзкою насмѣшкою осквернитъ ихъ, разрушитъ эту ложную святость созданнаго ею міра.—Она боялась за все, боялась и за себя и за Таню и за Петра Кононыча и за дворню, боялась даже за собакъ и кошекъ, чтобъ и онѣ не совратились какъ-нибудь, не отстали отъ нея, не измѣнили ей.—Явись вмѣсто брата другой-кто, гостепріимная хозяйка не задумалась бы захлопнуть предъ ними двери, насказать всевозможныхъ дерзостей, а тутъ, какъ быть, родной братъ, не пустить нельзя, страшно, да опять же Богъ его вѣдаетъ зачѣмъ онъ пріѣхалъ, какъ не пустить, какъ не показать хоть нѣкотораго притворнаго радушія.

Весь остатокъ дня Елена Ивановна бродила какъ поте-

рянная, тревожно оглядывалась вокругъ себя, точно искала защиты отъ нападенія, безсознательно засматривалась то на одинъ, то на другой предметъ, тяжело вздыхала, качала головой, шепталась сама съ собою, выбранила горничную такъ, какъ давно не бранила, точно хотѣла натѣшиться предъ будущимъ невольнымъ смиреніемъ; за обѣдомъ не ѣла любимаго блюда, носившаго названіе зеленой каши, изъ молодой недозрѣлой ржи, приказала вычистить и отворить окна въ какой-то очень отдаленной, давно запертой комнатѣ, допытывала Петра Кононыча, а потомъ напустилась на него такъ, что бѣдный старикъ прослезился, сухо простилась съ Таней, раньше обыкновеннаго ушла въ свою спальню, долго молилась, прогнала дѣвочку чтицу, но заснула, не скоро закроетъ глаза и мерещится ей то прежній Алеша, въ курточкѣ съ отложнымъ воротничкомъ, то настоящій Алексѣй Иванычъ, да такой грозный, страшный, съ длиннымъ хохломъ на головѣ.

Татьяна Петровна безпокоилась нѣсколько иначе, ее тревожили только опасенія благодѣтельницы, ея сонъ да пророческія слова Яши.—Въ самомъ же пріѣздѣ гостя она не находила ничего ужасающаго, ничего сверхъестественнаго, она объясняла его по—своему.

— И чего это маменька боится, говорила она сама съ собою, сидя вечеромъ въ саду на скамейкѣ,—вѣдь онъ братъ ей, кажется рада бы была, вѣдь брата нужно любить, нельзя не любить, грѣшно!.. Какая же бѣда тутъ, человѣкъ погостить пріѣхалъ, повидаться, пожить на волѣ, подышать чистымъ воздухомъ. Она глубоко вздохнула.—Вонъ и черемуха и сирень и свѣжесть какая-то, чего тутъ нѣтъ, какъ и не пріѣхать!... пойдетъ онъ въ лѣсъ, далеко пойдетъ или ночью на кладбище или въ оврагъ, гдѣ ручей течетъ,.. онъ мужчина... счастливый!.. мужчинамъ, говорятъ, все можно, имъ бояться нечего!... Еслибъ у меня былъ братъ, я бы очень его любила, гуляла бы съ нимъ, я бы его научила любить то, что я люблю, онъ бы слушался меня, разсказывалъ бы мнѣ многое, многое, училъ бы меня... Она задумалась.

Всѣхъ больше радовался пріѣзду гостя Петръ Коно-нычъ.

— Погоди, расшевелитъ, расшевелитъ онъ тебя, растреплетъ, по косточкамъ разберетъ! думалъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ на своей жесткой, убитой какъ блинъ постелѣ,—извѣстно столичный человѣкъ, съ нимъ и говорить нужно иначе и обѣдъ готовь другой, деревенщину эту къ чорту, пирогами да вотрушками мараться не станетъ, шалишь!.. вино тоже первый сортъ потребуется, заграничное!.. небось больше легкое пьетъ, въ столицахъ, говорятъ, легкое пьютъ,.. лафиты!» заключилъ онъ, протяжно зѣвая.

— Баринъ, братъ ейный, сказываютъ! говорила на дворѣ краснощекая баба рыжебородому парню.

— Браатъ! флегматически отозвался послѣдній.—Изъ Питера что-ли?

— Изъ Питера, отвѣтила баба.

— А наша что?

— Вѣстимо-тъ что, ругается!.. Палашку оттрепала, такъ оттрепала, страсти!

— Закрутитъ, значитъ! питерскіе крутятъ, питерскій господинъ—графъ, не то что бабу, анарала скрутить воленъ! глубокомысленно рѣшилъ парень.

— Врешь?! недовѣрчиво отозвалась баба.

— Чаво врешь! такой ужъ баринъ, воленъ, сила!.. подтвердилъ парень, почесывая поясницу.

IV.

На слѣдующее утро во всей усадьбѣ происходило необыкновенное движеніе.—Дворня суетилась, бѣгала изъ комнаты въ комнату, убирала, обметала пыль, паутину, чистила, отворяла окна, таскала на дворъ подушки, перины, выколачивала ихъ и снова вносила въ барскія хоромы.—Раскраснѣвшаяся отъ жару и хлопотъ Таня, съ большою связкою ключей въ рукахъ, вынимала то одно, то другое, приказы-

вала, заглядывала и въ кухню, и въ чуланъ съ провизіей, и во вновь отведенный покой, предназначавшійся для пріема гостя.—Торжествующій Петръ Кононычъ, съ выпущенными изъ подъ галстуха большими, туго накрахмаленными воротничками, оканчивавшимися чуть не у самаго носа, чинно расхаживалъ по двору, самодовольно улыбался, останавливался, озирался на всѣ стороны, точно гордился самимъ собой, говорилъ: посмотрите, каковъ я молодецъ, никому не уступлю!—По-временамъ онъ косился на растворенное окно дома, полузанавѣшенное зеленой полинялой сторой или прикладывалъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика, щурилъ глаза и смотрѣлъ вдаль на извивавшійся змѣей узкій проселокъ. Только Елена Ивановна не принимала участія въ общемъ движеніи; опершись на высокую спинку кресла, она сидѣла у окна и казалось досадовала и на хлопотавшую Таню и на расхаживающаго Петра Кононыча и на шмыгавшихъ взадъ и впередъ горничныхъ. Опущенные глаза ея, при всякомъ громкомъ движеніи или возгласѣ, вдругъ подымались и грозно взглядывали, точно сердились, что имъ мѣшаютъ сомкнуться, морщились и закрывались снова. Физіономія ея выражала усталость, какую-то кислую апатію и насильное равнодушіе человѣка приготовившагося къ чему нибудь страшному. Довольно громкій голосъ сдѣлался тихимъ, даже отчасти жалобнымъ; она коротко, отрывисто, неохотно отвѣчала на всѣ вопросы, точно мучилась или хотѣла отъ нихъ скорѣй отдѣлаться. Она сидѣла выпрямившись, безъ всякаго движенія, какъ-будто этимъ наружнымъ покоемъ думала уменьшить внутреннюю тревогу. Татьяна Петровна нѣсколько разъ безпокойно взглядывала на свою благодѣтельницу, старалась разговорить, разсѣять, успокоить ее, но напрасно.

— Не видать-съ что-то, должно быть въ городѣ что нибудь задержало, покупки можетъ.... пора бы, обѣщались на зарѣ выѣхать, небось часъ одинадцатый есть.... я ужъ и верховаго на дорогу послалъ, вонъ и отсюда видать, стоитъ! не смѣло говорилъ Петръ Кононычъ, останавливаясь у открытаго окна, гдѣ сидѣла хозяйка, и указывая пальцемъ въ даль.

— Очень жарко нонче, моченьки нѣтъ, печетъ!... въ комнатѣ-то, матушка, посвободнѣе-чай, подъ сторкой продуваетъ небось, заговаривалъ кумъ.

Елена Ивановна молчала, она продолжала сидѣть неподвижно, опустивъ глаза въ землю, точно не слышала говорившаго.

— А вѣдь давно вы, царица, съ братцемъ разстались, очень давно,—продолжалъ Петръ Кононычъ,—помню я, ребеночкомъ былъ, въ синенькой курточкѣ завсегда ходили, махонькій такой, бѣленькій да худенькій, теперь и не узнать-съ, очень перемѣнились!.. большія надежды подавали!.. Въ Питеръ въ ученье поѣхали, то-то чай слезъ было, слезъ-то!.. Тяжело это съ родными разстаться, тяжело, такъ сказать точно погребаешь заживо, трогательно такъ!.. Онъ вздохнулъ, усмѣхнулся и казалось выжидалъ отвѣта.

Радимцева молчала.

— А точно, матушка, иногда Господь и въ наше грѣховное время чудеса своей милости являетъ, награждаетъ человѣка за его кротость и смиреніе, вотъ хоть бы вашу милость взять... Онъ отвернулся и прищурилъ глаза. Что это?.. никакъ верховой назадъ скачетъ... такъ и есть, скачетъ, скачетъ!. Елена Ивановна слегка вздрогнула, открыла глаза и выжидала повторенія сказаннаго.

— Корова, матушка, просто корова... эка бѣжитъ, дурища, хвостъ задрала и бѣжитъ! продолжалъ кумъ, держа надъ глазами руку.

— Тьфу, ты нелегкая!.. чего ты привязался ко мнѣ?!. произнесла наконецъ хозяйка, совершенно плачевнымъ голосомъ—жужжитъ какъ комаръ подъ ухомъ, отстань!

— Я ничего, матушка, насчетъ чудесъ только, такъ сказать, разсѣять желалъ...

— Отстань! повторила Радимцева и снова опустила глаза.

Петръ Кононычъ отошелъ въ сторону, вмѣшался въ толпу деревенскихъ ребятишекъ и скоро куда-то скрылся.

Во время разговора отца Таня сидѣла на диванѣ; она устала, умаялась, щеки ея разгорѣлись, волоса нѣсколько растрепались.

Въ комнатѣ сдѣлалось совершенно тихо, слышно было какъ пролетитъ муха.

Прошло нѣсколько минутъ. Татьяна Петровна кашлянула, Радимцева открыла глаза.

— Ты, Таня? спросила она.

— Я, маменька.

— Который-то часъ теперь, небось рано еще?

— Одинадцать часовъ, маменька, только-что било.

Тишина возобновилась.

— Знаете, я сегодня такой хорошій сонъ видѣла, начала нѣсколько спустя Таня. Вижу я, будто къ намъ старичекъ пришелъ, издалека, издалека, изъ святыхъ мѣстъ какихъ-то, да такой добрый, почтенный, такъ ласкаетъ насъ, и намъ-то будто такъ отрадно, точно благодать какая нашла, такъ мы рады!..

— Это къ смерти, Таня! проговорила хозяйка.

— Что вы, маменька, къ какой смерти! смерть съ косой, а это и не старикъ, а просто почтенный человѣкъ, добрый, предобрый!

Татьяна Петровна солгала, она во снѣ ничего не видала, а думала выдумкой успокоить свою благодѣтельницу.

— Авось, и не пріѣдетъ еще, дай-то Господи, можетъ, вздоръ все, замѣшательство какое.... А ужъ я тогда твоему отцу спасибо не скажу, ужъ ты извини меня, а не скажу, припомню, все припомню, вишь сочинитель выѣхалъ!. замѣтила послѣдняя.

— Ѣдетъ, ѣдетъ, ѣдетъ! раздался на дворѣ голосъ бѣжавшаго во всю прыть Петра Кононыча. Ѣдетъ, матушка, ѣдетъ, царица, ей Богу ѣдетъ! повторялъ онъ, отряхивая съ себя пыль и поправляя воротнички.

Елена Ивановна перекрестилась, встала, облокотилась на столъ, ноги ея дрожали, губы что-то шептали, она готовилась къ чему-то страшному. Подскочившая Таня взяла ее за руку и съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ безпокойствомъ, смотрѣла въ окно.

Кумъ вытянулся на крыльцѣ и обдергивалъ пестрый жилетъ свой. Около него, откуда ни взялась, какъ изъ земли

выросла, торчала цѣлая куча деревенскихъ ребятишекъ, мужиковъ и бабъ.

Звонъ колокольчика раздавался все ближе и ближе, наконецъ звякнулъ подъ самымъ ухомъ, сердца присутствующихъ ёкнули, каждое по-своему, рука Елены Ивановны судорожно сжала руки Тани и тройка почтовыхъ съ тарантасомъ влетѣла на дворъ и остановилась у подъѣзда.

Петръ Кононычъ подскочилъ чуть не подъ самыя колеса экипажа, но сидѣвшій въ немъ мужчина, въ клеенчатой фуражкѣ, съ сумкою черезъ плечо, успѣлъ предупредить его.

— Здравствуйте!. гдѣ же сестра, гдѣ?.. говорилъ онъ, пожимая руку кума и оглядываясь на стоявшую по бокамъ дворню. Потерявшійся кумъ ничего не отвѣчалъ; одною рукою онъ тащилъ гостя во внутренность дома, другою махалъ мужикамъ и бабамъ, какъ-будто оберегалъ его отъ ихъ нападенія.

— Сестрица, голубушка, родная моя, Елена Иванбвна! говорилъ черезъ минуту пріѣзжій, бросаясь на шею къ хозяйкѣ.

Послѣдняя стояла неподвижно и что-то шептала, глаза ея моргали, по щекамъ текли слезы.

— Боже мой!.. вы ли это?!. невѣстой, оставилъ.. а теперь!.. Онъ отодвинулся и пристально глядѣлъ на хозяйку.

Елена Ивановна оставалась неподвижною, она вперила въ брата мутные глаза свои, какъ-будто вызывала его на борьбу съ собою и вмѣстѣ съ тѣмъ молила о пощадѣ и великодушіи.

— Время, время много!.. наконецъ прошептала она.

Таня стояла поодаль и внимательно, съ нѣкоторымъ страхомъ, разсматривала гостя, точно хотѣла насквозь проникнуть въ его душу, прочитать въ его лицѣ чувства и намѣренія, разгадать доброе и злое.

Петръ Кононычъ перебѣгалъ изъ угла въ уголъ, поправлялъ воротнички и самодовольно улыбался.

Бѣлокурыя, рыжія, черныя, сѣдыя головы дворовыхъ, различныхъ лѣтъ и половъ, робко, поочередно заглядывали въ двери и окна и тотчасъ прятались.

Когда первый пылъ встрѣчи прошелъ, Радимцева нѣс-

колько успокоилась, по крайней мѣрѣ ноги ея перестали трястись, на губахъ мелькнуло что-то въ родѣ улыбки, бѣлая птица и слова Яши стали на второмъ планѣ, она всматривалась въ добрые глаза брата, въ его открытую, прямую, благородную физіономію и какъ-будто сживалась съ нею, какъ-будто утѣшала себя и думала: «Кто его знаетъ, авось и въ самомъ дѣлѣ просто погостить пріѣхалъ, братъ все же, за что ему и губить меня!»

Дѣйствительно, наружность пріѣзжаго отличалась тою невыразимою симпатичностью, которая лучше, сильнѣе всякой красоты, невольно приковываетъ къ себѣ каждаго. Есть лица насильно врѣзывающіяся въ душу, разъ увидѣвши ихъ никогда не забудешь, въ нихъ нѣтъ ничего истинно прекраснаго, ни одной правильной черты, но есть нѣчто живое, неуловимое, теплое, сближающее. Такому человѣку такъ и хочется отдаться, ему вѣришь на слово, къ нему влечетъ что-то, ему съ чувствомъ жмешь руку, съ нимъ во всемъ соглашаешься. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ и новый пріѣзжій Алексѣй Иванычъ Радимцевъ.

— Вотъ, Алексѣй Иванычъ, дочка моя, моего одиночества утѣшеніе, защита моя, говорила хозяйка, указывая на Таню,—лучше родной всякой; живемъ съ ней душа въ душу; малымъ ребенкомъ призрила, мать ей заступила, а вонъ и отецъ ея.. Она кивнула головой на Петра Кононыча.

Гость привѣтливо поклонился и поцѣловалъ руку Татьяны Петровны.

— Мы съ вами родня стало-быть?.. если сестра мать, я дядя, вы позволите? весело произнесъ онъ.

Таня улыбнулась, взглянула на Елену Ивановну и покраснѣла.

Кумъ между тѣмъ выжидалъ очереди, когда Алексѣй Иванычъ подойдетъ къ нему, вытянулся и тщательно вытиралъ правую руку о полу своего сюртука.

— Отецъ-съ, отецъ... здѣшній помѣщикъ, сосѣдъ-съ!.. матери она лишилась съ малолѣтства, вскорости послѣ родовъ скончалась, благодѣтельница Елена Ивановна своимъ покровительствомъ осчастливили... святой жизни-съ, святой, добродѣтель, такая добродѣтель, и батюшка ихній тоже,

царство ему небесное! повторялъ онъ чуть не плача отъ радости и умиленія.

Таня нѣсколько сконфузилась, вѣроятно отъ неумѣстной отцовской рекомендаціи, и на минуту отвернулась.

Хозяйка приказала подавать завтракъ, Петръ Кононычъ засуетился окончательно.

— Да, сестрица, много воды утекло, много! говорилъ гость, усаживаясь въ кресла. Вѣдь я вамъ какъ снѣгъ на голову, испугались?... забыли меня, да какъ и помнить, пропалъ!

— Забыла, точно забыла, какъ не испугаться, потому мы все въ одиночествѣ, живемъ въ смиреніи... вотъ и теперь опомниться не могу, гляжу и сама себѣ не вѣрю, чудеса какія-то, лѣтъ двѣнадцать писемъ не было.

— Не было! отвѣтилъ со вздохомъ Алексѣй Иванычъ. Въ послѣднемъ письмѣ я васъ увѣдомлялъ о своей свадьбѣ, потомъ женился, а потомъ, два года тому назадъ, овдовѣлъ, что дѣлать, опять сиротой остался!

Радимцева перекрестилась, на лицѣ Татьяны Петровны мелькнуло сожалѣніе.

— Одинъ, вѣчно одинъ, во всемъ одинъ! продолжалъ гость,—тяжело, грустно!.. тутъ еще неудовольствія по службѣ, я махнулъ рукой и вышелъ въ отставку... Петербургъ надоѣлъ... дай, думаю, разсѣюсь, можетъ и душѣ и тѣлу легче будетъ, по свѣту порыскаю; узналъ я тутъ объ васъ, узналъ, что вы живы, здоровы, захотѣлось навѣстить, поглядѣть на свою родину; позволите, погощу у васъ, только безъ церемоній, мнѣ кромѣ добраго слова да веселаго лица ничего не нужно, потомъ проѣду въ свою губернію, къ себѣ въ деревню, а тамъ укачу за границу, въ Италію, потеплѣе, да повольнѣе гдѣ!.. видите, я гулять хочу!

Хозяйка сробѣла.

— Какъ же погостить?.. соскучитесь у насъ, у насъ монастырь, глушь, одиночество, вонъ и садъ заглохъ, погулять не гдѣ, робко замѣтила она.

— Соскучусь, такъ и уѣду... вѣдь, что ни говорите, сестрица, мы съ вами чужіе другъ другу, только-что называемся сестрой да братомъ, а другъ друга и въ глаза

не знаемъ, встрѣтиться пріятно, право пріятно, тепло какъ-то, такъ и кажется, что все улыбается тебѣ, роднымъ называешь... Знаете, помню я эту комнату, помню вашъ садъ тѣнистый, его липовую аллею, вотъ здѣсь бывало покойникъ папенька сиживалъ, тамъ его спальня была, въ ней часы съ кукушкой висѣли...

Въ сосѣдней комнатѣ часы съ кукушкой пробили двѣнадцать. Татьяна Петровна и Елена Ивановна улыбнулись: первая всѣмъ существомъ своимъ, такъ какъ улыбается чистая молодость, у второй вытянулись только тонкія губы.

— Неужели тѣ же?!.. и они здороваются! воскликнулъ Алексѣй Иванычъ, схватилъ сухую руку сестры и крѣпко поцѣловалъ ее.

— Тѣ же! отозвалась она, вторично вытягивая губы.

— Сестрица, простите меня, простите! произнесъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ гость, не выпуская руки хозяйки, я потревожилъ, обезпокоилъ васъ, не рады вы мнѣ, чужой я вамъ!.. а только хорошо здѣсь, такъ хорошо, сердце иначе бьется!

— Чѣмъ же не рада... извѣстно родные все же!

— Родные, родные! какъ-то особенно грустно повторилъ Алексѣй Иванычъ.

— Только скучно у насъ, очень скучно, опять же и удивилась, какъ не удивиться, все думается, къ добру ли это, замѣтила Елена Ивановна и взглянула на брата, какъ будто хотѣла отыскать въ его лицѣ разрѣшеніе своего сомнѣнія.

— Къ добру, къ счастію! я никому зла не сдѣлалъ, всѣмъ добра хочу, всѣмъ; когда другіе довольны, я счастливъ! очень весело сказалъ онъ.

— Осмѣлюсь просить водочки! неожиданно произнесъ Петръ Кононычъ, держа обѣими руками подносъ съ графинами. Горькая, подслащенная, травничекъ, бальзамчикъ...

— Не пью! отозвался Алексѣй Иванычъ.

Кумъ посмотрѣлъ на него.

— Водочки-съ?! вторично произнесъ онъ.

— Не пью! повторилъ гость, пожимая плечами.

— Какъ не пьете-съ? какъ же это?! замѣтилъ кумъ совершенно жалобнымъ тономъ, какъ человѣкъ, которому бы

вдругъ сказали, что любимая мечта его вздоръ, пустяки и никогда не сбудется. Лекарственная-съ!

— И лекарственной не пью!

— Винца прикажете?..

— И винца не пью.

— Я наливочки подамъ, очень печально проговорилъ Петръ Кононычъ и повернулся.

— Не пью, ничего не пью! утвердительно повторилъ гость.

Кумъ совершенно растерялся, онъ стоялъ съ подносомъ и вопросительно глядѣлъ на присутствующихъ, какъ-будто жаловался на свою горькую долю.

— Ну, слышишь, не пьютъ, чего стоишь, не изъ церемонiи же... какъ съ ножемъ къ горлу присталъ! замѣтила Радимцева.

— Слышу-съ! отвѣтилъ со вздохомъ кумъ и, повѣся голову, вышелъ изъ комнаты. Въ столовой онъ остановился, сердито брякнулъ подносъ на столъ, выпилъ нѣсколько рюмокъ одну за другою, не переводя духа, отломилъ кусочикъ чернаго хлѣба, обмакнулъ его въ солонку, проглотилъ, отошелъ въ уголъ, сѣлъ на стулъ и подгорюнился.

— Закусить, Алексѣй Иванычъ, позвольте просить, чѣмъ Богъ послалъ, по нашему по деревенскому, не прогнѣвайтесь! говорила Елена Ивановна вставая.

— Маменька, можетъ чаю угодно? тихо спросила Таня.

Гость поклонился.

— Вы такъ добры... если не обезпокою васъ... чаю съ удовольствiемъ выпью, а завтракать не привыкъ.

Таня выбѣжала изъ комнаты. За нею потянулась хозяйка подъ руку съ братомъ.

Въ столовой Алексѣй Иванычъ окончательно одушевилъ все общество, расположилъ его въ свою пользу. Онъ такъ живо, увлекательно разсказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ, такъ просто и коротко передалъ бiографiю своего двѣнадцатилѣтняго отсутствiя, съ такимъ чувствомъ вспоминалъ былое молодости, голосъ его звучалъ такъ прiятно,

такъ гармонически, глаза свѣтились такимъ умомъ, такою добротою, что Елена Ивановна рѣшительно недоумѣвала, не довѣряла сама себѣ, братъ-ли изъ Петербурга передъ ней сидитъ или сама добродѣтель, воплотившаяся въ образъ мужчины. Таня вся разгорѣлась, руки слегка дрожали, она слушала, училась и, казалось, задыхалась отъ удовольствія! Только въ глазахъ Петра Кононыча гость потерялъ прежнюю цѣну: кумъ не слушалъ его разсказовъ, онъ все думалъ о разлетѣвшейся прахомъ мечтѣ своей и прилежно уписывалъ вторую тарелку яичницы.

— Вы можетъ табакъ курите, такъ ничего, курите пожалуй, не терплю я духу-то этого, да для гостя можно, сказала хозяйка.

— Не курю, сестрица.

— Изъ Петербурга, а не курите... нонче и здѣшніе-то всѣ мужчины и тѣ курятъ.

— Я стало-быть не мужчина, замѣтилъ гость улыбаясь, не курю, не пью, въ карты не играю!

— Ужъ и въ карты не играете!

— Не играю!

— Чѣмъ же право и угощать васъ... хоть бы вареничковъ отвѣдали...

— Добрымъ словомъ да роднымъ, теплымъ взглядомъ, вотъ лучшее угощеніе, лучше всякихъ варенниковъ... я давно не испыталъ его! отвѣтилъ Алексѣй Иванычъ и поцѣловалъ руку сестры.

Петръ Кононычъ вздохнулъ и изподлобья посмотрѣлъ на него.

— А у насъ всѣ мужчины, даже изъ духовнаго званія и тѣ въ карты играютъ, потому что скучно, дѣлать нечего, замѣтила Таня.

— Тѣмъ лучше, я составлю исключеніе, прослыву чудакомъ, оригиналомъ, я къ этому привыкъ!.. У меня дѣло найдется, я пріѣхалъ къ вамъ жить: въ Петербургѣ я прозябалъ, сохнулъ, писалъ дѣловыя бумаги, теперь отдыхать, наслаждаться хочу, чувства расправить, жить!.. Вы меня

будете посылать на сѣнокосъ или рубить дрова, таскать воду, жать, землю пахать, что хотите, я на все способенъ! замѣтилъ онъ и засмѣялся.

— Какая же у насъ жизнь, Алексѣй Иванычъ! только-что прозывается такъ, а и нѣтъ ея!.. столичному человѣку здѣсь трудно, двухъ дней не выдержитъ! пытливо произнесла Елена Ивановна и взглянула на брата. Общества никакого, знакомыхъ тоже!..

— Мнѣ не нужно общество, Богъ съ нимъ!.. я къ одиночеству привыкъ.

— Въ Петербургѣ вонъ и собранія и балы разные, маскарады какіе-то, всякія удовольствія есть.

— Я не люблю ихъ!

— Ужъ и не любите?! замѣтила хозяйка и снова поглядѣла на гостя. Какъ же это, вѣдь безъ удовольствія нельзя жить, продолжала она вкрадчиво, извѣстно молодой человѣкъ, и потанцовать захочется и въ театръ пойдти и то и другое, зачѣмъ же лишать себя!

— Я не танцую! отвѣтилъ Алексѣй Иванычъ.

— Не танцуете, такъ другое что найдется, мужчинамъ вѣдь все можно, все простительно, мужчина не то что женщина, худымъ-ли, хорошимъ, все заниматься чѣмъ-нибудь долженъ!

— Я и занимаюсь, читаю много...

— Книжки разныя?

— Да, книжки.

— Романы все больше?

— Отчего-жъ романы? что случится, книгъ много.

Елена Ивановна снова поглядѣла на брата.

— На васъ какой чинъ? спросила она.

— Чинъ?!.. васъ это интересуетъ?!.. мой чинъ не большой, титулярный совѣтникъ!

— Титулярный?! это что-жъ такое?

— Капитанъ арміи! отрывисто, не подымая головы, произнесъ Петръ Кононычъ.

Алексѣй Иванычъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Сказываютъ, въ Петербургѣ провизія дорога, житъ тамъ дорого, начала нѣсколько спустя Елена Ивановна, рыбы совсѣмъ нѣтъ, въ постъ говядину все ѣдятъ.

— И рыба есть, ѣдятъ постное и скоромное, въ Петербургѣ лютеранъ много.

— Стало-быть говядину только для нихъ и держатъ?

— Какъ для нихъ! держатъ для всѣхъ... Боже мой, сестрица, что за странные вопросы о чинахъ, рыбѣ и говядинѣ! Петербургъ мнѣ надоѣлъ, Богъ съ нимъ! лучше разскажите про вашу свѣжую, деревенскую жизнь, вспомните вашу молодость!

— Что молодость! состарѣлась! отвѣтила Елена Ивановна и вздохнула.

Завтракъ кончился. Алексѣй Иванычъ поблагодарилъ хозяйку, раскланялся съ Таней и Петромъ Кононычемъ и отправился отдохнуть въ отведенную ему комнату.

— Вотъ поди ты, узнай человѣка! не скоро узнаешь.. извѣстно, изъ Петербурга ѣдетъ, все думается сорванецъ да вольнодумецъ какой, даромъ-что братъ, кто его знаетъ, вонъ не куритъ, не пьетъ, въ карты не играетъ и почтительный какой, даже совѣстно предъ нимъ, право совѣстно! говорила Радимцева, качая головой.

— Онъ должно быть много знаетъ, все знаетъ, читаетъ все, говоритъ хорошо, хорошо такъ! замѣтила Таня.

— Какъ не знать! умный человѣкъ, такъ и знаетъ! Что̀ мудренаго, другой съ умомъ только вольнодумствуетъ, а другой доброе да хорошее къ нему прививаетъ, попадетъ сѣмя на добрую землю—плодъ выростетъ, на худую—высохнетъ, охъ!.. А тоже, кто его знаетъ, можетъ прикидывается только, дьяволъ всякіе образы на себя принимаетъ, добродѣтелью скажется, чтобъ только соблазнить человѣка!

— Что вы, маменька, какъ можно!

— Все можно, скажется, такъ скажется, кто его знаетъ, въ душу-то не заглянешь! произнесла хозяйка съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Я, матушка, одно скажу, вмѣшался Петръ Кононычъ, если человѣкъ отъ хлѣба-соли отказывается, угощенія не принимаетъ, значитъ у него нечистота тутъ! Онъ ткнулъ пальцемъ въ сердце.

— Ужъ поди ты, нечистота, что водки не пьетъ, такъ и нечистота!

— Водка водкой, вино или водка все одно, отчего-жъ водки и не выпить, все нечистота, вѣрно, царица!

— Охъ, и не слушать бы тебя, все вздоръ говоришь, деликатный человѣкъ, а онъ нечистоту нашелъ,.. вишь глаза-то какъ бродятъ, ужъ и нализаться успѣлъ!... Пойдемъ, Таня, душно здѣсь, въ саду на скамеечкѣ посидимъ,... нечистота!

Она повернулась и вышла.

Татьяна Петровна послѣдовала за нею.

Петръ Кононычъ махнулъ имъ въ слѣдъ рукой, прискакнулъ, щелкнулъ пальцами и выпилъ водки.

— Мошенникъ!.. и рожа не добрая, мошенничья! говорилъ онъ, вишь штуки разсказываетъ, жить пріѣхалъ, въ Петербургѣ не нажился, такъ въ деревнѣ жить вздумалъ, знаемъ мы васъ, ярыга какая нибудь, вотъ и все!.. оплететъ онъ ее, оплететъ, такъ оплететъ, что у!.. нитки не оставитъ!. вотъ тебѣ и наслѣдство, вотъ тебѣ и Таня!.. нѣтъ, погоди, я тебя на свѣжую воду выведу, я даромъ не отдамъ, она дочь моя, обидѣть ее не позволю!.. Выпить съ горя!.. мошенникъ этакой, тьфу! заключилъ онъ, оглянулся, налилъ рюмку и выпилъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Татьяна Петровна по обыкновенію сидѣла въ саду на террасѣ.—Подперевъ обѣими руками голову, она безсознательно смотрѣла въ даль, но ничего въ ней не видала, мысли ея сосредоточились на пріѣзжемъ гостѣ, въ умѣ носился образъ Алексѣя Иваныча, она разбирала, анализировала его.

— Что онъ такое? думала дѣвушка, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ къ намъ, къ чему, что притянуло его сюда?.. сестра... нѣтъ, маменька не знаетъ его, онъ ее тоже; или

просто на родное взглянуть захотѣлось,—вѣдь для человѣка родное дорого, безъ роднаго жить нельзя, вонъ я не помню своей матери, а люблю ее, имя это люблю, и сама не знаю почему, а люблю, такъ ужъ въ сердцѣ устроено, такъ Богъ велѣлъ! Она задумалась.—И какъ это онъ все одинъ былъ, никого близкихъ, ребенкомъ одинъ, трудно!.. потомъ женился, овдовѣлъ,.: ужасно!.. послалъ на него Господь испытаніе, онъ не ропщетъ, терпитъ, покоряется ему!.. Добрый мужчина, а какой добрый, такъ и на лицѣ у него написано, и умный, говоритъ какъ, не слыхала я никого чтобъ такъ говорилъ! Она улыбнулась и вздохнула, и потомъ съ какимъ-то вдохновеніемъ, съ полною увѣренностію продолжала: Нѣтъ, онъ пріѣхалъ не съ злымъ намѣреніемъ, не можетъ онъ зла сдѣлать, намъ нечего бояться, грѣшно бояться, мы должны утѣшать, беречь его, непремѣнно должны, онъ все потерялъ и жалуется, проситъ людей раздѣлить тоску его, осушить его слезы, разогнать ихъ хоть вѣтромъ роднымъ, онъ заглохъ, завялъ, какъ не жалѣть его, жизни проситъ онъ, жизни, жизни!—повторила она и всплеснула руками.

Дѣйствительно, Татьяна Петровна не ошиблась въ этомъ послѣднемъ заключеніи.

Алексѣй Иванычъ былъ человѣкъ съ теплой душой, съ горячимъ, воспріимчивымъ сердцемъ, съ огромнымъ запасомъ самаго чистаго, неподдѣльнаго чувства.—Его можно было назвать сорокалѣтнимъ ребенкомъ, ненавидѣвшимъ все злое, уродливое, желавшимъ видѣть въ жизни одно доброе, прекрасное.—Отправленный въ Петербургъ съ пятнадцатилѣтняго возраста, онъ выросъ вдали отъ всего роднаго, получилъ хорошее образованіе, поступилъ на службу. Но не этого рода дѣятельности жаждала душа юноши; форменныя, сухія бумаги не занимали умъ его, душный воздухъ канцеляріи, скрыпъ перьевъ и вся окружающая обстановка какъ-то болѣзненно дѣйствовала на его нервы, онъ искалъ жизни, жизни истинной, широкой, а здѣсь ея не было и тѣни, здѣсь жизнь ограничивалась тѣсною рамкою, перешагнуть ее считалось преступленіемъ, нарушеніемъ общественнаго порядка.—При другомъ развитіи съ дѣтства, при другомъ воспи-

танiи, а главное при другомъ окружающемъ обществѣ, изъ Радимцева, быть можетъ, вышелъ бы замѣчательный дѣятель, но не на служебномъ поприщѣ, оно было слишкомъ безкровно, слишкомъ умственно, оно не щемило, не волновало его тревожнаго бьющагося сердца.—Къ сожалѣнiю судьба распорядилась иначе, она не передѣлала душу молодаго человѣка, не заглушила въ ней врожденныя начала, не охладила его сердца, но и не дала этимъ началамъ свойственной пищи, она морила ихъ голодомъ и равнодушно выслушивала ихъ вопли и стенанiя.—Сильно тяготился Алексѣй Иванычъ своимъ положенiемъ, служилъ спустя рукава, для одного вида, получалъ всевозможные выговоры и замѣчанiя, совѣсть мучила его, сомолюбiе страдало, онъ видимо стремился къ чему-то, искалъ чего-то и не находилъ, или, лучше сказать, вынужденный обстоятельствами, угрозами и просьбами отца, насмѣшками людей близкихъ, отсутствiемъ всякаго сочувствiя въ окружающемъ, не одаренный отъ природы желѣзною волею, самъ въ себѣ убивалъ это стремленiе, боялся его.—Что дѣлать, если пришлось жить въ томъ обществѣ, гдѣ считается необходимымъ, положимъ, хоть въ глазъ лорнетку вставлять, трудно не послѣдовать общему примѣру, заразишься, потеряешь зрѣнiе, а лорнетку все-таки вставишь.—Другой бы на мѣстѣ Алексѣя Иваныча тотчасъ бы преодолѣлъ себя, принаровился къ обстоятельствамъ, заглушилъ бы бредъ души голосомъ разсчетливаго благоразумiя, но въ томъ-то и бѣда, что Радимцевъ не умѣлъ насиловать свою природу, не могъ подавлять холоднымъ умомъ теплыхъ сердечныхъ побужденiй.—Вся жизнь его была полна глупостей или лучше сказать въ ней было мало умственнаго разсчета, во всемъ преобладало чувство; отъ избытка этого чувства, отъ перевѣса его, онъ какъ-то стремился дѣлать то, чего не дѣлаютъ другiе. Еслибъ внутреннiй голосъ шепнулъ ему, вотъ нищiй, ему ты долженъ отдать все свое состоянiе, самъ остаться ни съ чѣмъ, онъ не задумавшись бы отдалъ.—Онъ хотѣлъ безгранично любить человѣка, безгранично вѣрить ему и любилъ и вѣрилъ даже послѣ полученныхъ уроковъ. Онъ думалъ жить по-своему, отстранивъ отъ себя всю жизненную прозу; онъ былъ соз-

данъ для другаго міра и попалъ ошибкой въ міръ сплетень, жалобъ, уродливыхъ приличій, пустыхъ разсчетовъ, мелкихъ страстей, ничтожной борьбы. Вообще это былъ человѣкъ, про котораго наши почтенныя старушки, наши Фамусовы до сихъ поръ говорятъ: «кто его знаетъ, массонъ иль волтерьянецъ какой-то, заучился, умъ за разумъ зашелъ, все не по немъ, и служба не хороша и всѣ мы никуда не годимся!»

Недовольный самимъ собою, Алексѣй Иванычъ желалъ чѣмъ бы то ни было заглушить это недовольство, наполнить свое сердце, насытить душу, желалъ перенестись въ родной, свойственный ему міръ и остановился на любви. «Любовь, вотъ птица, вотъ жизнь, вотъ потребность ея, вотъ поэзія!» твердилъ онъ въ упоеніи. «Влюбиться, влюбиться на смерть, во что бы то ни стало»! Въ кого?... Ждать указанія сердца быть можетъ придется долго. Нѣтъ, нужно заставить себя любить, и онъ влюбился въ какую-то ничтожную, пустую дѣвчонку, т. е. прикинулся влюбленнымъ, обманулъ самого себя: женился. Первое время онъ былъ счастливъ до-нельзя, счастливъ до самозабвенія, но потомъ вдругъ мнимая, созданная любовь пропала, поэзія семейной жизни исчезла, осталась только тяжелая, скучная ея проза, къ ней примѣшалось раскаяніе. Алексѣй Ивановичъ заохалъ, застоналъ пуще прежняго. Ему хотѣлось уединиться, забыться, сосредоточиться, хотѣлось плакать, а жена заставляла смѣяться, требовала поцѣлуя, упрекала въ холодности, безпечности и т. п. Совѣсть Алексѣя Иваныча коробилась, онъ сознавалъ себя виноватымъ, доброе сердце наполнялось горечью, состраданіемъ, но призракъ любви исчезалъ болѣе и болѣе. Умерла жена.—Радимцевъ вздохнулъ легко, свободно, ему даже показалось, что передъ нимъ открылось новое, обширное поле настоящей жизни. Въ самомъ дѣлѣ онъ еще такъ молодъ, силы его только-что окрѣпли, какъ не жить, пора проснуться, прочь всѣ предразсудки, вонъ изъ глаза лорнетку, жить, жить, дѣятельности, дѣятельности, пищи для ума, для души, для сердца!.. Онъ вышелъ въ отставку, принялся работать: чувства въ немъ кипятъ, болѣзненные, теплые стоны рвутся изъ груди, такіе стоны, отъ которыхъ

свѣтъ бы заплакалъ, одна бѣда, силъ не хватаетъ переложить ихъ на ноты. Что за диво?... Неужели онъ ослабъ? неужели время положило печать свою, неужели этотъ ошибочный, матеріальный міръ пересилилъ міръ духовный? неужели.... Поздно, поздно, грѣшно морочить самого себя, подло обманывать другихъ, выдавать фальшивое за настоящее. И жизнь Алексѣя Иваныча потекла пошлѣе, однообразнѣе, несноснѣе прежняго... Радъ бы онъ искуственно развлечь себя, заглушить боль души въ шумной, разгульной компаніи, радъ бы передать свои вопли, сомнѣнія другу милому, да его нѣтъ, всѣ близкіе окружающіе и слушать его не захотятъ, заняты они не имъ, а своими обычными интересами, не понять имъ его. Близка смерть, нужно спасти себя, нужно напомнить какъ нибудь эту жизнь, разогнать ея апатію, такъ жить нельзя, а умирать не хочется, умирать рано тому, кто не жилъ. Опять любовь! думаетъ Радимцевъ. Да, любовь истинная, безотчетная, любовь не по собственному велѣнію, а по влеченію сердца; гдѣ же найти ее, на комъ сосредоточить, неужели и это поздно?!.. Любовь и природа чистая, дѣвственная, необезображенная, вотъ жизнь! Вонъ изъ Петербурга! въ немъ душно, сыро, туманно, въ немъ люди не по-людски ходятъ, гнутся, ломаются, говорятъ приторно, думаютъ ложно, вонъ! Куда же?... Туда, на югъ, тамъ все теплѣе, все отраднѣе, нужно разогрѣть себя, туда, на родную землю, на колыбель младенчества, въ ея тѣнистый лѣсъ, на кленъ и тополь отцовской могилы, тамъ все говорящее душѣ и сердцу; тамъ природа, быть можетъ тамъ и любовь!..: а потомъ, потомъ—куда глаза глядятъ!—міръ Божій просторенъ, лишь бы жить, жить и жить! Такъ думалъ Алексѣй Иванычъ, такъ рѣшилъ онъ, съ тѣмъ и уѣхалъ.

V.

Прошло нѣсколько дней. Пріѣзжаго гостя почти не было слышно и видно. Съ ранняго утра онъ отправлялся изъ дому, не всегда возвращался къ обѣду, а большею частію вечеромъ, усталый, измученный, но зато довольный и счастливый. Гдѣ пропадалъ онъ, что дѣлалъ? на это отвѣчать довольно легко. Онъ безъ цѣли, безъ мысли, въ слѣдствіе одной душевной потребности, бродилъ по окрестностямъ, по темному лѣсу, по широкому, безконечному полю, по мшистому болоту, по узкому проселку, по холмамъ и оврагамъ, взбирался на вершины деревъ, тонулъ въ высокой ржи, пилъ молоко въ крестьянской лачугѣ, привѣтливо распрашивалъ мужичка о его житьѣ-бытьѣ, соболѣзновалъ его горю, улыбался его радости, гладилъ и цѣловалъ головку деревенскаго мальчика, любовался загорѣлымъ лицемъ и русой косой молодой крестьянки. Онъ жадно вдыхалъ въ себя этотъ свѣжій незнакомый воздухъ, упивался новизною окружающей природы; во всемъ находилъ красоту и величіе, заражался ея жизнію, наслаждался ею, чувствовалъ проявленіе этой жизни въ самомъ-себѣ. Весь организмъ его пере вернулся, сердце забилось ровно, отрадно, совѣсть перестала мучить, душа не рвалась попрежнему, онъ забылъ все прошлое, упивался однимъ настоящимъ; ему казалось, что онъ нашелъ жизнь истинную, жизнь въ полномъ ея значеніи, жизнь человѣческую. «Вотъ жизнь, вотъ высшее ея проявленіе, ея любовь, ея счастіе: природа другъ человѣка, въ ней все, безъ нея нѣтъ ничего!» твердилъ онъ въ упоеніи, лежа въ тѣни подъ деревомъ и прислушиваясь къ чириканью какой-то птички. Въ самомъ дѣлѣ, свѣтлая душа Алексѣя Иваныча не могла не радоваться настоящему своему положенію, онъ вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, стряхнулъ съ себя всю тяготу прежней сферы, очутился лицемъ къ лицу съ тѣмъ чистымъ міромъ, о которомъ прежде мечталъ, который смутно носился въ его воображеніи, къ которому влекло сердце. Немудрено, что онъ палъ ницъ предъ этимъ міромъ, отдался ему весь и душой и тѣломъ. Онъ былъ счастливъ. Только иногда за обѣдомъ, завтракомъ,

ужиномъ, утреннимъ или вечернимъ чаемъ, вообще въ то время, когда Алексѣй Иванычъ находился въ обществѣ сестры и Тани, веселое лицо его вдругъ омрачалось, порой блѣднѣло, какъ-будто какая-то внутренняя физическая боль мучила его.

Елена Ивановна, съ одной стороны, была рада безпрестаннымъ, продолжительнымъ прогулкамъ брата, онѣ развязывали ей руки, избавляли ее отъ излишняго стѣсненія, позволяли удобнѣе сохранять всѣ усвоенныя привычки, бесѣду со странниками и юродивыми, брань съ горничными, послѣобѣденную дремоту подъ чтеніе душеспасительной книги и т. п. Она только недоумѣвала, зачѣмъ братъ ея таскается, что за охота шляться ему съ утра до вечера по мокротѣ и жару, на что онъ смотритъ, чѣмъ любуется; она даже боялась не скрывается-ли въ этихъ прогулкахъ какая нибудь хитрость, не развѣдываетъ-ли онъ о количествѣ и угодьяхъ принадлежащихъ ей земель, не подстрекаетъ-ли мужиковъ на что недоброе, не отыскиваетъ-ли какой нибудь кладъ зарытый дѣдомъ или прадѣдомъ и указанный втихомолку отцемъ сыну. «Весь вѣкъ въ Петербургѣ жилъ», думала она, «кажется все видѣлъ, насмотрѣлся, ну, что тутъ интереснаго, на дрянь глазѣть, глушь да дичь все, и за деньги бы никуда не пошелъ... вѣрно же есть что нибудь; станетъ ли въ самомъ дѣлѣ человѣкъ даромъ мучиться, можетъ ни вѣсть какія сокровища зарыты, вотъ и бродитъ да отыскиваетъ».

О послѣднемъ предположеніи Радимцева сочла нужнымъ прибѣгнуть къ откровенію, то есть, справиться у Яши. Но юродивый наговорилъ такого вздору, что Елена Ивановна думала, думала, наконецъ махнула рукой, сказавши: «что тутъ самъ чортъ ничего не разберетъ!», и обратилась къ Петру Кононычу.

— Что это, батюшка, говорила она, ужъ не землю-ли мою вымѣряетъ онъ, можетъ оттягать хочетъ, заведетъ тяжбу, зачѣмъ бы таскаться ему? тоже къ мужикамъ заходитъ, самъ посуди, что они за компанія ему, можетъ распрашиваетъ да вывѣдываетъ?...»

— Разумѣется, распрашиваетъ и распрашиваетъ и вы-

мѣряетъ! рѣшительно отвѣчалъ кумъ. Оттянетъ, матушка, повѣрьте, оттянетъ!

— Да, вѣдь ты врешь все, замѣчала Радимцева, съ какой стати вымѣрять ему, скорѣе можетъ клада какого ищетъ...

— И клада ищетъ! утверждалъ кумъ, кто его знаетъ, можетъ, матушка, вымѣряетъ, а можетъ и клада ищетъ!

— Да, зачѣмъ же, Петръ Кононычъ, вымѣрять ему, самъ разсуди, земля велика, скоро ли ее вымѣряешь, да и инструмента у него нѣтъ такого.

— Оттягать, царица, хочетъ, просто оттягать, побожиться могу, безпутный человѣкъ и все тутъ, оттого и вымѣряетъ! рѣшилъ кумъ.

Елена Ивановна вдругъ пришла въ рѣшительное негодованіе, горячо вступилась за брата и накинулась всею своею мощію на Петра Кононыча.

— Да какъ ты смѣешь! сердито говорила она, ты помни, что онъ братъ мнѣ, генеральскій сынъ, чѣмъ онъ безпутный, чѣмъ?.. вымѣряетъ, либо нѣтъ, это еще не доказано, тогда безпутнымъ и назови, а ты не смѣй говорить такъ, не смѣй, самъ безпутный, все на свой аршинъ и мѣряетъ!... Я вотъ ужо скажу ему, каверзы да сплетни твои на свѣжую воду выведу, вотъ и будешь знать, какъ человѣка порочить,.. да знаешь-ли ты какой человѣкъ онъ, знаешь ли, что ты его подошвы не стоишь, раздавить тебя можетъ; ну, что, что ты?—прахъ! повторяла она подъ самый носъ кума.

— Прахъ-ли, нѣтъ-ли, все одно, вы, матушка, такъ сказать, моего мнѣнія спрашиваете, я и говорю...

— Какъ же, скажите на милость, твоего мнѣнія, безъ тебя и не понимаютъ ничего! гдѣ у тебя мнѣніе, гдѣ?.. ахъ ты водочникъ! рѣшила Радимцева.

Дѣйствительно, Алексѣй Иванычъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, какъ-то невольно, безъ особеннаго съ своей стороны усилія втирался въ сердце Елены Ивановны. Она сживалась, мирилась съ нимъ какъ-то насильно, безъ сознанія. Каждое утро у ней рождались новыя подозрѣнія насчетъ прогулокъ брата, и каждый вечеръ подозрѣнія эти разсыпались прахомъ и замѣнялись полнымъ довѣріемъ. Да иначе и не могло быть; суевѣріе создавало эти сомнѣнія,

желало видѣть пятна на наблюдаемомъ предметѣ и мысленно набрасывало ихъ, но являлся самъ предметъ, чистый, непорочный и пятна созданныя воображенiемъ исчезали, не шли къ его свѣтлой, сiяющей физiономiи, къ его простой рѣчи. Елена Ивановна даже начинала по-своему любить брата, чувствовать къ нему нѣкоторую симпатiю и сама была не рада, когда вдругъ ей пригрезится что-то такое совсѣмъ скверное. Разъ ночью приснилось ей, что Алексѣй Иванычъ разбойникъ переодѣтый, и она всю ночь спать не могла и успокоилась только, когда утромъ за чаемъ братъ подошелъ къ ея рукѣ, когда она взглянула ему въ глаза и увидѣла, что въ нихъ нѣтъ ничего разбойничьяго.

Зато Татьяна Петровна смотрѣла на гостя ничѣмъ не помраченными, ясными глазами; въ нѣсколько дней, безъ всякихъ взаимныхъ объясненiй, она инстинктивно совершенно поняла и оцѣнила его, она любовалась имъ, внутренно вмѣстѣ съ нимъ радовалась, упивалась его счастiемъ, негодовала при подозрѣнiяхъ. Во время его отсутствiя она мысленно бродила вмѣстѣ съ нимъ, восхищалась его восторгомъ; когда онъ возвращался и говорилъ, передавалъ свои впечатлѣнiя, она, вся раскраснѣвшись, съ такимъ отраднымъ вниманiемъ, такъ жадно слушала его, что казалось вся переносилась въ его душу, жила съ нимъ одною жизнiю. Будь Алексѣй Иванычъ женщиной, Таня бросилась бы къ ней на шею, уцѣпилась бы за нее, объявила бы себя вѣчнымъ ея другомъ, а тутъ какъ быть?!

— Мужчины всѣ грѣшники, съ мужчиной и говорить дѣвушкѣ страшно да неприлично, думала она; мужчина змiй лукавый и мудрый, отъ него дальше да дальше! И дѣйствительно Таня почти ничего не говорила съ Радимцевымъ, взглянетъ онъ на нее, она покраснѣетъ и глаза опуститъ, спроситъ что нибудь, отдѣлается общей фразой, вотъ и все. Она любила его потому, что видѣла въ немъ свое подобiе, свое сердце, свою душу, боялась его потому, что онъ назывался мужчиной: мужчинъ ей съ дѣтства велѣно было бояться, съ этимъ она выросла, съ этимъ сжилась, этому вѣрила безотчетно.

Однажды послѣ обѣда Елена Ивановна по обыкновенію отдыхала, босоногая дѣвочка чтица стояла передъ ней и мухъ отгоняла. Радимцева съ утра не было дома. Таня сидѣла въ саду на травѣ, на колѣняхъ ея лежала цѣлая глыба махроваго шиповника, она перебирала его, но на минуту задумалась, засмотрѣлась на порхавшую бабочку и безсознательно играла оставшимся въ рукѣ цвѣткомъ, задѣвая имъ по смугло-розовой щекѣ своей и полураскрытымъ губамъ. Кругомъ было совершенно тихо, какъ-будто вся природа дремала, только гдѣ-то вдали отрывисто чирикала ласточка, да неугомонный комаръ вился и жужжалъ подъ ухомъ. Вдругъ раздались шаги, затрещали сучья, Таня вздрогнула и обернулась. Передъ нею стоялъ Алексѣй Иванычъ. Она проворно вскочила, шиповникъ съ колѣнъ разлетѣлся, лицо поблѣднѣло, комаръ воспользовавшись замѣшательствомъ впилэя въ високъ ея, она вопросительно, съ нѣкоторымъ страхомъ, смотрѣла на неожиданнаго гостя и не знала что ей дѣлать, бѣжать или оставаться.

— Что съ вами?! я васъ испугалъ кажется, извините, я право не зналъ, что вы здѣсь, увидѣлъ васъ вдругъ, нечаянно, говорилъ Алексѣй Иванычъ, въ свою очередь смущенный испугомъ дѣвушки.

— Я,.. я ничего,.. я думала,.. тамъ маменька отдыхаетъ, я думала посторонній кто, отвѣчала она, стараясь казаться спокойною.

— Посмотрите, вы все разроняли, все я виноватъ, извините меня, твердилъ гость, нагибаясь.

— Алексѣй Иванычъ, ради Бога не трудитесь, Алексѣй Иванычъ, я дѣвушкѣ прикажу, этотъ шиповникъ никуда не годится, очень скоро говорила она, топча цвѣты ногами. Я маменьку разбужу! Она хотѣла идти.

Радимцевъ выпрямился.

— Татьяна Петровна, да что съ вами?! произнесъ онъ, что за смятеніе, поспѣшность, къ чему будить маменьку, развѣ я первый день здѣсь?

Таня покраснѣла.

— Не будить, а можетъ сказать ей,.. вы не безпокой-

тесь, этотъ шиповникъ никуда не годится! твердила она, немилосердно попирая цвѣты ногами.

Алексѣй Иванычъ расхохотался.

Дѣйствительно, взглянувши на Таню, нельзя было не засмѣяться, она испугалась совершенно безотчетно и досадовала сама на себя, думала скрыть свою тревогу и не умѣла.

— Я ничего,.. я думала посторонній, я и сама не знаю, такъ почудилось что-то,.. я простая, деревенская, добавила она плачевнымъ тономъ.

Алексѣй Иванычъ пожалъ плечами и отошелъ въ сторону.

— Вы устали? нѣсколько спустя спросила его Таня, желая перемѣнить разговоръ.

— Усталъ! весело отвѣтилъ Радимцевъ, вышелъ на аллею, опустился на скамью, снялъ фуражку и вытиралъ платкомъ мокрый лобъ свой.

— Много ходили?

— Много!.. не ходилъ, а бѣгалъ; у васъ такъ хорошо, что не набѣгаешься, не налюбуешься всѣмъ! что за мѣста, что за природа, что за воздухъ, прелесть, рай земной!

Таня шла къ дому, но поравнявшись съ Алексѣемъ Иванычемъ, невольно остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— Гдѣ вы сегодня были? очень тихо спросила она и обернулась, какъ-будто боялась, чтобъ ее не услышали.

— Вездѣ былъ,.. былъ на мельницѣ, бродилъ по пустошамъ, любовался озеромъ.

— И въ сосновой рощѣ были?

— Былъ и въ сосновой.

— А подъ дубками?

— И подъ дубками былъ.

— Стало быть и на островку были?

— Былъ.

— Знаете, Алексѣй Иванычъ, здѣсь есть одно мѣсто, версты три отсюда, Марьинъ лугъ называется,.. вы сходите туда, очень хорошо тамъ!

— Да?

— Не знаю, какъ вамъ понравится, а только хорошо, чудно!

— Вѣроятно понравится и мнѣ, мы кажется во вкусахъ сходимся.

— Такъ чудно,—разсказать нельзя! говорила она, постепенно одушевляясь,—не лугъ это, только называется такъ; говорятъ, тамъ одна дѣвушка убилась, Машей звали, такъ по ней и прозвали,.. такой, знаете, оврагъ тамъ есть глубокій, глубокій, такой глубокій, что сверху взглянешь, такъ духъ захватываетъ, страшно станетъ, а невѣдомая сила такъ къ низу и тянетъ тебя... внизу черно совсѣмъ, на днѣ камни большіе, острые, а по камнямъ ручей шумитъ да переливается, точно пѣсню поетъ, точно говоритъ что-то сладкое, заунывное, а по бокамъ деревья какъ сѣтью сплелись, обнялись дружно, дружно, перешептываются да качаются... а межъ деревьевъ трава высокая, въ травѣ цвѣты всякіе, васильки, ландыши, незабудки, кашка махровая, воздухъ свѣжій, душистый; откроешь ротъ, дышешь, дышешь не надышешься, въ груди легко станетъ, на сердцѣ весело, словно заживешь иначе, изъ глазъ слезы закапаютъ, плачешь, а о чемъ и сама не знаешь, и все плакать хочется, все бы плакала, плакала и не ушла, не оторвалась бы оттуда... Она не договорила и вдругъ остановилась, щеки ея горѣли, глаза были влажны, грудь высоко подымалась, она со страхомъ глядѣла на Алексѣя Иваныча, точно каялась въ излишней своей откровенности, точно боялась, что насказала слишкомъ много, выдала тайну души своей, да еще кому, постороннему мужчинѣ, съ которымъ и говорить ей бы не слѣдовало, котораго она должна избѣгать, бояться. Она даже готова была извиниться, воротить слова свои, отказаться отъ нихъ, заставить забыть ихъ.

Алексѣй Иванычъ во все время монолога Тани пристально смотрѣлъ на нее, казалось онъ удивлялся ей, восхищался ея восторгомъ, раздѣлялъ ея увлеченіе, перенесся мысленно въ этотъ дивный Марьинъ лугъ. Когда она кончила, онъ глядѣлъ на нее такими глазами, какъ-будто просилъ продолженія, жалѣлъ о неожиданно-прервавшейся ея гармонической пѣснѣ. Онъ молчалъ.

Таня совершенно сконфузилась. Она стояла какъ осуж-

денная, какъ пойманная въ чемъ нибудь предосудительномъ, опустивъ глаза въ землю.

Прошло нѣсколько секундъ.

— Боже мой, какъ вы хорошо говорите! произнесъ Радимцевъ, не спуская глазъ съ дѣвушки, какъ мило, просто, сколько прелести, какая гибель чувства!

Татьяна Петровна слегка улыбнулась.

— Мѣсто очень хорошее, такъ и сказалось, нечаянно! отвѣтила она оправдательнымъ тономъ. Я думаю чай пить пора, можетъ и маменька проснулась...

— Что чай, поспѣетъ!.. вы прямо съ неба на землю свалились, не грѣшно-ли... знаете, Татьяна Петровна, я счастливъ, что наконецъ узнаю васъ, нахожу въ васъ то, чѣмъ вы мнѣ до сихъ поръ казались, что желалъ найти; я только не понимаю, что̀ смущаетъ, пугаетъ васъ, въ васъ такъ много правды, поэзіи, огня, любви, жизни, зачѣмъ же скрывать это святое достояніе, передъ кѣмъ?

Таня молчала, она стояла попрежнему опустивъ глаза въ землю.

— Кто такъ говоритъ, такъ и чувствуетъ, безъ чувства не заговоришь... Я признаюсь, простите меня, до сихъ поръ восхищался здѣшними мѣстами, теперь восхищаюсь вами, жалѣю, что прежде не зналъ васъ!

Таня молчала.

— Я вижу въ васъ человѣка сродни себѣ, человѣка мнѣ близкаго, который живетъ, радуется и плачетъ одинаково со мною ...зачѣмъ же вы хотите казаться не тѣмъ, что есть, зачѣмъ вы скрываетесь, чего вы боитесь?

— Я не скрываюсь, я ничего не боюсь, отвѣтила она тихо.

— Неправда, Татьяна Петровна, посмотрите, ваша душа высказалась невольно, нечаянно, а вы раскаяваетесь зачѣмъ дали ей волю, она просится жить, а вы хотите умертвить, уничтожить ее!

— Какъ умертвить, Алексѣй Иванычъ, душа безсмертна, ее нельзя умертвить! наивно замѣтила Таня.

— Ну если не умертвить, такъ по крайней мѣрѣ заста-

вить молчать, запретить любить то, что по природѣ она должна любить, пересоздать, передѣлать, исказить ее.

— Ничего я этого не знаю, Алексѣй Иванычъ, только по своей простотѣ да неумѣнью скажешь иной разъ такъ, что и жалѣешь потомъ, все думается не такъ сказала...

— Что отъ сердца, то все такъ, говорите по простотѣ, въ сердцѣ истина, съ жаромъ возразилъ Радимцевъ.

— Не знаю,—это вамъ знать, я этого не знаю, меня не учили этому! съ какимъ-то сожалѣніемъ повторила Таня.

— Напротивъ, васъ учили многому, лучше бы васъ не учили, такъ мнѣ кажется! выразительно замѣтилъ Алексѣй Иванычъ.

— Какъ учили?

— Да, учили, передѣлывали... пожалуй, портили!

Таня вопросительно посмотрѣла на него.

— Не знаю, что вы говорите такое... какое ученье, читать,— учили.

— Учили думать!

— Какъ думать, Алексѣй Иванычъ?!.. Живемъ мы какъ Богъ велѣлъ, кажется и думать не объ чемъ, развѣ въ чемъ согрѣшишь иной разъ, такъ совѣстью мучишься.

— Какъ согрѣшишь?

— Да, согрѣшишь, и не хочешь, а согрѣшишь: человѣкъ слабъ, запутаешься да усумнишься въ чемъ, вотъ и грѣхъ!

Она подняла глаза и встрѣтилась со взглядомъ Радимцева.

— Никакъ маменька проснулась! добавила она какъ бы испугавшись, повернулась и стремглавъ выбѣжала изъ сада. Алексѣй Иванычъ долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ, она давно скрылась, онъ все смотрѣлъ, мысли его сосредоточились на прерванномъ разговорѣ, на раскраснѣвшемся смущенномъ лицѣ дѣвушки, ея опущенныхъ глазахъ да высоко подымавшейся груди. Онъ просидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ глубоко вздохнулъ, лѣниво поднялся со скамейки и медленно, шатаясь, вышелъ изъ сада.

Татьяна Петровна была въ столовой и хлопотала около чая.

— А сестра гдѣ? спросилъ ее Алексѣй Иванычъ.

— Маменька еще не проснулась, отвѣтила она улыбаясь.

— Зачѣмъ-же вы убѣжали, я думалъ васъ зовутъ, торопятъ?

— Такъ, мнѣ послышалось.... Я пойду разбужу ее, пора чай пить. Она вышла.

Таня солгала, она знала, что Елена Ивановна отдыхаетъ и ничего не слыхала, она выбѣжала изъ сада почему, сама не зная.

Весь этотъ вечеръ Алексѣй Иванычъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, онъ шутилъ, смѣялся, чаще обыкновеннаго взглядывалъ на Таню; обращался къ ней то съ однимъ, то съ другимъ вопросомъ, разсказалъ Радимцевой, какъ не–хотя напугалъ ея питомицу, причемъ первая только покачала головой, замѣтивши, что «это отъ нервъ происходитъ, иной разъ испугаешься, а чего и сама не знаешь».

Татьяна Петровна напротивъ находилась въ какомъ-то тревожномъ, лихорадочномъ состояніи; трудно было опредѣлить, смѣяться или плакать она собирается; глаза влажны, а на губахъ мелькаетъ улыбка, засмѣется, а на рѣсницахъ блестятъ слезы; на всѣ вопросы Алексѣя Иваныча она отвѣчала отрывисто, мѣшалась, путалась, какъ-будто боялась ихъ, хотѣла отъ нихъ скорѣе отдѣлаться, досадовала на самоё себя. Когда Радимцевъ взглядывалъ на нее, она краснѣла, отворачивалась, ей было неловко, и она раньше времени ушла въ свою комнату, такъ что и Елена Ивановна спросила: «что ты, Таня, нездорова что–ли?»—Голова болитъ, маменька», отвѣтила она, поклонилась Алексѣю Иванычу и вышла. Все остальное время, противъ обыкновенія, она оставалась въ своей спальнѣ, не пошла въ садъ, даже въ окно не взглянула, а опустила стору, зажгла свѣчку, развернула толстую книгу, въ кожаномъ переплетѣ, и сѣвши за маленькій столикъ, подперла обѣими руками голову. Долго сидѣла она въ такомъ положеніи, устремивъ неподвижный взоръ на пожелтѣвшіе листы книги; потомъ встала и долго, усердно молилась, наконецъ легла спать, но долго не могла заснуть и утромъ проспала восходъ солнечный; не была ни на кладбищѣ,

ни на сѣнокосѣ, ни на скотномъ дворѣ, и едва поспѣла къ самому чаю.

Дня три спустя, Алексѣй Иванычъ по случаю ненастной погоды принужденъ былъ остаться дома. Онъ медленно ходилъ взадъ и впередъ по гостиной, скрестивъ на груди руки и повѣся голову, по-временамъ останавливался, точно прислушивался или выжидалъ чего-то и потомъ принимался ходить снова.

Прошло нѣсколько минутъ. Въ комнату вошла Татьяна Петровна. Радимцевъ поклонился.

— Какая погода, никуда идти нельзя! произнесъ онъ жалуясь.

— Дурная погода! отвѣтила Таня. Въ деревнѣ, въ дурную погоду не хорошо, скучно! добавила она.

— Да, если нечѣмъ замѣнить ее, если жизнь прерывается вмѣстѣ съ погодой, скучно, очень скучно! подтвердилъ Алексѣй Иванычъ.

Таня хотѣла пройти дальше, но Радимцевъ стоялъ у самой двери и заслонялъ ей дорогу, она невольно остановилась, схватилась за кресло и машинально гладила лежавшую на немъ собаку.

Послѣдовало небольшое молчаніе.

— Татьяна Петровна, скажите ради Бога, началъ съ разстановкою Алексѣй Иванычъ, отчего вы не хотите говорить со мною, боитесь, избѣгаете меня? чѣмъ дальше я живу у васъ, тѣмъ болѣе вы дичитесь; что за причина, капризъ-ли, ненависть или просто какое-то нелѣпое приличіе?.. вотъ и теперь, вышли куда-то!.. извините, я вамъ мѣшаю. Онъ отошелъ отъ двери.

Таня не двинулась съ мѣста, она только подняла глаза и тотчасъ-же ихъ опустила.

— Я никуда не шла, тамъ грибы солятъ, посмотрѣть хотѣла.

— Посмотрите, отвѣтилъ Радимцевъ.

— Вы, Алексѣй Иванычъ, все смѣетесь надо мной, я никуда не шла, произнесла она плачевнымъ тономъ.

— Боже меня сохрани! не смѣюсь, а жалѣю васъ Тать-

яна Петровна,.. видите, мнѣ все хочется поговорить съ вами, даже нужно поговорить.

На лицѣ Тани выразилось безпокойство.

— О чемъ говорить со мной? тревожно спросила она.

— О многомъ!.. начиная съ васъ, Татьяна Петровна, собственно съ васъ!.. Сестра у себя?

— Маменька въ спальнѣ, тамъ блаженный у ней.

— Блаженный?!

— Да, старичекъ юродивый..

Алексѣй Иванычъ горько улыбнулся.

— Ужасно! произнесъ онъ самъ съ собою.

Таня вопросительно на него взглянула.

— Ужасно! повторилъ онъ, ужасно за васъ!.. Послушайте, Татьяна Петровна, зачѣмъ вы хотите казаться не тѣмъ, что есть, думаете исказить вашу дивную природу: она надѣлила васъ теплой, прекрасной душой, огромнымъ чувствомъ, свѣтлымъ умомъ, а вы стыдитесь, боитесь всего этого, думаете избавиться какъ отъ какой-то болѣзни?... вѣдь это грѣхъ тяжкій, вы же боитесь грѣха, вы молитесь Богу, а между тѣмъ уничтожаете то, что онъ даровалъ вамъ!

— Какъ уничтожаю? я молюсь Господу, чтобъ онъ послалъ на меня кротость и смиреніе, молюсь, о чемъ всѣ молятся,—молюсь о грѣхахъ своихъ.

Радимцевъ улыбнулся. «Кротость въ любви, Татьяна Петровна, смиреніе въ довольствѣ, въ умѣньи пользоваться тѣми дарами, которыми надѣлило васъ провидѣніе, а ваша душа ко всему только и дышетъ любовью, да высказать-то вамъ этого не хочется... чего же вы просите еще, когда пренебрегаете дарованнымъ, скрываете его? вамъ дано сокровище, а вы зарыли его въ землю и просите, говорите, у меня нѣтъ ничего!» Онъ пристально взглянулъ на нее.

Таня стояла съ опущенными глазами и не знала, что отвѣчать.

— Я не знаю, какъ и понимать васъ, Алексѣй Иванычъ, говорила она оправдательнымъ тономъ, какъ бы прося прощенія; выросла я просто, какъ Богъ велѣлъ, какъ сердце велитъ, такъ и поступаешь!

— Неправда, Татьяна Петровна, въ томъ-то и бѣда, что ваше сердце говоритъ иначе... Простите за вопросъ: что вы вчера дѣлали?

— Вчера ничего не дѣлала, то же, что и каждый день, что-жъ вчера?! добавила она вопросительно, съ нѣкоторымъ испугомъ, какъ бы боясь въ самомъ дѣлѣ не сдѣлала-ли она чего нибудь предосудительнаго, о чемъ и сама не догадывалась.

— У себя въ комнатѣ? продолжалъ Радимцевъ.

— У себя въ комнатѣ, повторила Таня и со страхомъ глядѣла на Алексѣя Иваныча.

— Что вы сказали вашей горничной?... Я знаю и помню: Наташа я много грѣшу, потому что прилѣпляюсь къ земному, жизнь люблю!

Татьяна Петровна совершенно растерялась.

— А что отвѣчала вамъ горничная?—на то, барышня, человѣкъ и живетъ, чтобъ любить все,—а что вы сказали?... Нѣтъ, Наташа, это сердце обманываетъ, оно губитъ человѣка, оно врагъ его! Онъ остановился и взглянулъ на Таню.

Она стояла какъ осужденная, опустивъ глаза въ землю, руки ея тряслись, щеки горѣли яркимъ румянцемъ.

— Видите, я все знаю, продолжалъ Алексѣй Иванычъ: третьяго дня вы читали какую-то книгу, кажется, бесѣду о счастіи въ безбрачіи, а вчера выбрасывали плоды вашего чтенія, даже гордились ими!... Это все мнѣ Яша по своему откровенію сообщилъ, онъ и теперь съ сестрой бесѣдуетъ, а вы жалѣете, что не присутствуете, не слушаете его скверныхъ разсказовъ; сердце-то ваше отворачивается отъ него, а вы говорите: грѣшно это, насильно тянетесь и благоговѣете предъ развратомъ и невѣжествомъ.

Татьяна Петровна вздрогнула.

— Алексѣй Иванычъ, что̀ съ вами, что̀ вы говорите?! произнесла она съ ужасомъ.

— Говорю, что чувствую, не могу не говорить, долженъ говорить!... не пугайтесь, я все знаю, все! продолжалъ Радимцевъ; знаю то, о чемъ вы не догадываетесь, знаю что за нелѣпая женщина сестра моя, знаю ея черствое, одеревѣ-

нѣлое сердце, знаю ея скверное прошлое, темное настоящее, знаю, что она погубила, испортила васъ!

— Меня?... почти вскрикнула Татьяна Петровна, на секунду обернулась и смотрѣла на Алексѣя Иваныча такими глазами, какъ-будто видѣла передъ собою не обыкновеннаго человѣка, а что-то страшное, невѣдомое, неслыханное.

— Да, васъ! продолжалъ онъ, постепенно одушевляясь, васъ, прелестнаго ребенка, она заразила, смѣшала вашу чистую, свѣжую, неповинную кровь съ своимъ чернымъ осадкомъ, не развила, а помрачила вашъ умъ, вашу душу, съ младенческаго возраста она губила, кормила васъ ядомъ; вы не виноваты, вы принимали его за свѣтлую пищу, лакомились имъ, онъ сдѣлался вашею необходимостію, потребностію вашего зачумленнаго организма... Послушайте, Татьяна Петровна, я ненавижу сестру, ненавижу ее какъ человѣка потерявшаго все человѣческое, васъ я люблю, жалѣю, какъ чудеснаго, милаго, но къ несчастію больнаго ребенка!... лечите, спасите себя, иначе подумайте что предстоитъ вамъ!... Я разскажу ваше будущее... Пройдетъ годъ, другой, третій, бьющееся сердце ваше онѣмѣетъ, заглохнетъ отъ недостатка пищи; изъ женщины, изъ этого ангела, вы обратитесь въ сухое, черствое, злое существо безъ души, безъ мысли; вы будете преслѣдовать добро потому, что сдѣлаетесь олицетвореннымъ зломъ; умретъ Елена Ивановна, вы получите наслѣдство, запретесь, окружите себя уродами, дурами, кошками да собаками, потому что люди не пойдутъ къ вамъ, какъ и теперь не ходятъ, они побѣгутъ отъ васъ, какъ отъ язвы, да и вы сами не пойдете къ нимъ, потому что все людское, все прекрасное сдѣлается для васъ чуждымъ, несноснымъ; такъ вы состарѣетесь, потомъ умрете, изсохнете и закроетъ вамъ глаза своими грязными руками какой нибудь Яша; состояніе ваше растащутъ нищіе по кабакамъ да харчевнямъ и оставите вы по себѣ на память проклятіе да презрѣніе! Онъ замолчалъ, на глазахъ его блестѣли слезы.

Татьяна Петровна не могла ничего отвѣчать, въ ушахъ ея что-то гудѣло, мысли мѣшались и путались, она съ ужасомъ смотрѣла на Радимцева, готова была закричать, по-

звать на помощь, да языкъ прилипъ къ гортани, она слушала и недоумѣвала, не могла сообразить, во снѣ или наяву творится съ ней что-то необыкновенное.

— Да, Татьяна Петровна, спасите себя, спасите во что бы то ни стало, продолжалъ Алексѣй Иванычъ; откройте себѣ цѣль въ жизни. Знаете ли вы, какое назначенiе женщины?—Она создана для любви, для счастiя человѣка, она кротость, добродѣтель мужчины! мужчина безъ женщины существо неполное, грубое, мертвое; женщина безъ мужчины существо лишнее, негодное; она гордится и живетъ имъ, мужчина въ свою очередь украшается, дышетъ ею. Они живутъ однимъ общимъ дыханiемъ, они нераздѣльны; только вмѣстѣ взятые, они составляютъ человѣка со всѣмъ его достоянiемъ...Родится человѣкъ—и къ женщинѣ обращаетъ первый взглядъ свой, къ ея груди прилипаетъ, ея имя произноситъ его младенческiй лепетъ... женщина—мать человѣка, а вы, во что же вы хотите обратиться, какую цѣль избрать въ жизни, на что промѣнять свое законное, святое, дивное назначенiе?

По щекамъ Татьяны Петровны текли обильныя слезы.

— Взгляните ва все окружающее! продолжалъ Радимцевъ—солнце грѣетъ землю, луна беретъ свѣтъ отъ солнца и дѣлится имъ съ землей, вода поитъ землю; посмотрите на деревья, какъ сплелись они, какъ клонятся одно къ другому; все связано, все нераздѣльно, все живетъ, все дышетъ общею жизнiю, все помогаетъ другъ другу, все существуетъ внѣ себя, только общее движенiе всего этого мiра называется жизнiю, а вы хотите жить отдѣльно, исключительно, думаете отдѣлиться, создать свой ложный, безобразный мiръ!... Өпомнитесь, одумайтесь, Татьяна Петровна, вглядитесь во все попристальнѣе, спасите себя! пройдетъ время —поздно будетъ, погибнете безвозвратно!

Таня стояла блѣдная, опустивъ руки и голову, она готова была не слушать всего этого, выбѣжать опрометью изъ комнаты, но какая-то невидимая сила останавливала ее.

— Дѣйствуйте такъ, какъ велитъ вамъ сердце, не стыдитесь, не бойтесь, а слушайтесь его голоса, его влеченiя; не бѣгайте меня: я хочу спасти васъ, я другъ вашъ, васъ

окружаютъ враги, я пріѣхалъ не къ сестрѣ, пріѣхалъ къ вамъ, Татьяна Петровна.

— Ко мнѣ?!.. прошептала Таня, сама не помня, что̀ говоритъ, что̀ дѣлаетъ.

— Да, къ вамъ! повторилъ Радимцевъ. Не удивляйтесь! Не бывши здѣсь, я зналъ васъ, страдалъ за васъ, я все слышалъ, все зналъ, зналъ какъ живетъ сестра, какъ подъ формою благодѣянія она отравляетъ и губитъ васъ, я возмущался вашимъ положеніемъ, оно грызло, тревожило, волновало меня, я пріѣхалъ спасти васъ, я надѣлъ на себя маску, я рѣшился сносить терпѣливо весь смрадъ окружающей меня сферы, я отдыхаю отъ него въ вашихъ поляхъ да лѣсахъ; тамъ я живу, здѣсь живу насильно, тревожно, но живу еще болѣе потому, что дѣлаю добро, хочу возвратить природѣ ея достояніе. Вы скажете, какое мнѣ дѣло? спросите, какое я имѣю право учить другихъ, вмѣшиваться въ чужую жизнь?.. Право это лежитъ въ моемъ сердцѣ, оно потребность души моей, я теперь живу, наслаждаюсь имъ; право это общая жизнь, общій воздухъ насъ наполняющій; да и кто думаетъ о правѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи человѣка!.. Другой бы на моемъ мѣстѣ не сдѣлалъ ни шагу, но я всегда дѣлалъ не то, что дѣлаютъ другіе, я жилъ только тогда, когда дышалъ общею жизнію, жизнію всей природы!.. Я не отстану отъ васъ, вынесу нападки, оскорбленія, что хотите! чѣмъ больше вы будете убѣгать меня, тѣмъ сильнѣе я буду васъ преслѣдовать; мы будемъ бороться, бороться за правду, за жизнь!.. Я только тогда оставлю васъ, когда вы протянете мнѣ руку и скажете: во-истинну, я воскресла!.. тогда прощайте, тогда мое дѣло свершится, я буду гордиться, буду счастливъ, что возвратилъ человѣка его цѣли, назначенію!

Во все это время Татьяна Петровна стояла около кресла и крѣпко держалась за него; она походила на блѣдную, безжизненную статую. Шорохъ платья за дверью заставилъ ее очнуться, она быстро вытащила платокъ и утирала имъ влажные глаза свои.

Алексѣй Иванычъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

— Много грибовъ насолили? очень громко спросилъ онъ и улыбнулся.

— Много! шопотомъ, насильно отвѣтила Таня и повалилась въ кресло.

Въ комнату вошла Елена Ивановна.

Физіономія ея выражала нѣкоторое смущеніе, брови сморщились, въ глазахъ свѣтилось безпокойство.

— А я думала вы гулять ушли? сказала она, искоса взглянувъ на брата.

— Что вы, сестрица, развѣ можно?!

— Да, большой дождь, большой!.. вонъ и сѣно убрать не успѣли,.. не убрали еще, Таня?

— Нѣтъ, маменька.

— Вѣдь они, канальи, лѣнятся все, дармоѣдствуютъ! Вотъ поди ты съ ними! какъ бы не убрать до сихъ поръ!

— У васъ гости были? спросилъ Алексѣй Иванычъ.

— Какіе гости!—къ намъ гости не ѣздятъ,—убогонькій старичекъ посидѣть да побесѣдовать зашелъ,—вотъ и гости.

Елена Ивановна сѣла у окна. Въ комнатѣ наступило молчаніе.

— Грибы-то солятся, Таня? спросила она, нѣсколько спустя.

— Солятся, маменька.

Молчаніе возобновилось.

Алексѣй Иванычъ стоялъ отвернувшись и разсѣянно смотрѣлъ въ окно, Таня сидѣла какъ на угольяхъ, она боялась поднять глаза, Елена Ивановна тревожно взлядывала то на нее, то на брата.

Послѣдній скоро вышелъ.

Радимцева глубоко вздохнула, точно избавилась отъ какой-то тяжести и пристально взглянула на Таню.

— Что ты, Танюша, блѣдна точно, здорова-ли? спросила она.

— Здорова, маменька, я такъ,.. душно здѣсь..

— Душно, душно, Таня! со вздохомъ повторила хозяйка. Вонъ Яша-то опять все такое недоброе толкуетъ! спросила я его видѣлъ-ли онъ брата, такъ, то есть испытать хотѣла, а онъ какъ закричитъ благимъ матомъ: укуситъ, укуситъ, зарѣжетъ, кровь высосетъ!.. я такъ и помертвѣла вся и руки опустились... Съ чего бы ему, право, жить до сихъ поръ здѣсь,

зачѣмъ? какъ одурь не возьметъ, кто его знаетъ, какіе помыслы у него!—наружность обманчива, наружность добродѣтелью смотритъ... Скажи что-нибудь, Таня, утѣшь ты меня.

— Я ничего, маменька, что-жъ я!.. насильно вымолвила Татьяна Петровна.

— Можетъ, знаешь что-нибудь. О чемъ вы говорили тутъ?

Таня подняла глаза и со страхомъ взглянула на Елену Ивановну.

— Я ничего не знаю, маменька... про душу говорилъ онъ, про жизнь!

— Про какую жизнь?

— Про жизнь, повторила Таня; не знаю, не понять мнѣ его, добавила она со страхомъ и снова взглянула на хозяйку.

Елена Ивановна задумалась.

— Слушай, Таня, говорила она, нѣсколько спустя,—не о тебѣ говорю, для примѣра только,—ты дѣвушка умная, твердая, богобоязненная, не то, чтобы изъ опасенія какого—все же остерегайся ты его! Таня, какъ дальше, такъ лучше, Господь съ нимъ!.. поговоришь разъ, другой, кажется и ничего; извѣстно, изъ своего дома не бѣгать же, а глядишь и опутаетъ, такъ опутаетъ, страсти! сама не рада!.. Мало-ли чего на свѣтѣ не бываетъ! Ты вонъ только жить начинаешь, по неопытности черное за бѣлое примешь... вонъ ему Яша не нравится, знаю я это, знаю, вонъ человѣкъ-то и прорвался! а поживетъ еще, совсѣмъ себя выкажетъ. Кроется тутъ что-то, кроется! какой ни на есть, мужчина все же!.. Всѣ они изувѣры да отступники. Злость ихъ беретъ, такъ вотъ они добрую душу и совращаютъ, дьяволу продаютъ ее, въ огнь вѣчный да муку кромѣшную готовятъ!

— Маменька, голубушка, что вы говорите такое, чѣмъ же я виновата, за что-же въ муку кромѣшную?! съ ужасомъ произнесла Таня.

— Съ нами крестная сила! спаси, Господи, и избави! такъ къ слову пришлось,—возразила Радимцева. Мало ли какіе примѣры бываютъ!.. Охъ, Яша, Яша!—не быть добру, укуситъ, укуситъ, зарѣжетъ, кровь высосетъ!

Татьяна Петровна вздрогнула.

— Маменька, не пугайте вы меня, Христа ради не пугай-

те, страшно мнѣ!.. душно здѣсь!.. Она вскочила, растворила окно, встала передъ нимъ и глубоко дышала.

— Рада бы не пугать, Таня, да самой все недоброе чуется!

Татьяна Петровна быстро обернулась.

— Вздоръ, все доброе! громко произнесла она взволнованнымъ голосомъ. Что́ бы ни было, я съ вами умру, вмѣстѣ съ вами! жизнію моей отвѣчу за васъ! Ничего не бойтесь, ничего! смотрите, я тверда, я ко всему приготовилась, умру, а не измѣню вамъ! Она бросилась на шею къ Радимцевой и громко заплакала.

VI.

Тяжелое время внутренней душевной борьбы съ самой собою настало для Тани: слова Алексѣя Иваныча сильно шевельнули ея сердце, наполнили умъ чѣмъ-то новымъ, непривычнымъ, дали ему трудную задачу, породили негодованіе, смѣшанное съ сомнѣніемъ. Все то, съ чѣмъ сжилась дѣвушка съ своей колыбели, что привыкла считать своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, чему безусловно вѣрила, повиновалась, отъ чего печалилась или радовалась, все ею усвоенное, всосанное въ кровь и плоть, мысли, дѣла, все было осмѣяно, разбито, повержено въ прахъ однимъ словомъ человѣка ей чуждаго, нежданнаго пришлеца, Богъ знаетъ откуда и зачѣмъ къ ней явившагося. Татьяна Петровна желала бы не вѣрить этому человѣку, пренебречь его словами, принять ихъ за пустую болтовню, бѣжать отъ него, но какой-то внутренній голосъ останавливалъ ее и шепталъ противное, какое-то чутье истины противъ воли отзывалось на вѣщія слова этого человѣка. Смотрите, говорилъ онъ, вы заблуждались, не такъ жили, не такъ думали, черное принимали за бѣлое, смотрите чистыми, ясными глазами—и дѣвушка напрягала свои взоры, попрежнему видѣла бѣлое, но сквозь него какъ-будто проглядывала и чернота, она не до-

вѣряла самой-себѣ, терла глаза, смотрѣла снова, пристально, чернота выдѣлялась яснѣе, она думала и ужасалась, боялась своихъ мыслей: неужели въ самомъ дѣлѣ все бѣлое только казалось бѣлымъ? казалось потому, что на него криво смотрѣли?—а пришелъ человѣкъ, научилъ смотрѣть прямо, просто,—вышло чернѣе чернаго. Что за странное превращеніе! Что за человѣкъ онъ? Какой нибудь чародѣй, кудесникъ, посланникъ злыхъ духовъ, пришлецъ не отъ міра сего! Быть не можетъ!—онъ учитъ такъ просто, естественно, онъ ничего не навязываетъ, онъ говоритъ: дѣйствуйте и живите такъ, какъ укажутъ вамъ сердце и разумъ; онъ учитъ только слушаться внутренняго голоса души своей, онъ не дѣйствуетъ, онъ только скажетъ слово—и западетъ оно глубоко, шевелится, растетъ, покою не даетъ; въ его словѣ правда звучитъ, устами его говоритъ равнодушная, равная для всѣхъ природа.

И Таня слушаетъ это слово; страшитъ, давитъ, мучаетъ оно ее, а все-таки она хватаетъ, ловитъ его; улети оно, она побѣжала бы въ слѣдъ за нимъ, бѣжала бы до тѣхъ поръ, покамѣстъ не растянулась отъ изнеможенія. Бродитъ-ли она одна по саду, забьется-ли вечеромъ къ себѣ въ комнату, вездѣ ее преслѣдуетъ образъ Алексѣя Иваныча, всюду она слышитъ его голосъ и вездѣ ей страшно, во всемъ она видитъ какую-то кару себѣ. Прислушается къ шуму древесныхъ листьевъ и кажется ей шепчутъ они что-то грозное, читаютъ ей смертный приговоръ, сыплютъ проклятія на ея голову; взглянетъ на образъ освѣщенный тусклой лампадой, а образъ глядитъ на нее, да такъ жалко, такъ проникаетъ насквозь душу, такимъ ужасомъ леденитъ ее, что Таня забьется въ подушки и дрожитъ вся; заснетъ,—мерещатся ей нечеловѣчекія лица, слышится дикій хохотъ; проснется, вскрикнетъ, а въ темномъ углу торчатъ два глаза, большіе, огненные; перекрестится она, съ трудомъ руку подниметъ, все боится чего-то, поспѣшно зажжетъ свѣчку, соскочитъ съ постели, бросится на колѣни и молится, долго молится, а все ей страшно; ляжетъ снова и свѣчи не гаситъ, не спитъ, а дремлетъ тревожно. Иногда днемъ стукнетъ кто нибудь, Таня вздрогнетъ, и обомлѣетъ; грянетъ громъ—и говорить нече-

го!—каждый ударъ она мысленно на себя принимаетъ, каждымъ убиваетъ сама себя; взглянетъ на нее хоть малый ребенокъ, она и тѣмъ тревожится, допытывается зачѣмъ смотрятъ на нее; иногда Елена Ивановна начнетъ что нибудь читать или разсказывать,—Таня вдругъ поблѣднѣетъ. Трясется она передъ Яшей, бѣгаетъ отъ него, точно боится что онъ изобличитъ ее, откроетъ въ ней какую нибудь преступную тайну. Во всемъ она видитъ что-то язвительное, какой-то упрекъ совѣсти; все ей кажется, что и люди и звѣри иначе смотрятъ на нее, любимыя ею коровы какъ-будто отворачиваются, не мычатъ, а стонутъ; заблеетъ овца, точно плачетъ да жалуется, загорланитъ пѣтухъ, точно дразнитъ. Не найдетъ Таня нигдѣ мѣста, всюду ей страшно: въ саду, въ полѣ, съ Еленой Ивановной, у себя въ комнатѣ; побѣжитъ она на кладбище, ляжетъ на сырую землю и плачетъ, цѣлуетъ ее, шепчетъ что-то, точно въ могилу просится. Иногда долго о чемъ-то думаетъ, думаетъ и какъ-будто успокоится, развеселится даже, точно оправдаетъ себя, а иногда забьется въ уголъ, сидитъ какъ убитая, слова отъ нея не добьешься, если отвѣтитъ на что, то коротко, насильно. Прежнее обращеніе ея съ Еленой Ивановной измѣнилось, она избѣгала продолжительныхъ съ нею разговоровъ, томилась ея долгимъ присутствіемъ, а иногда, напротивъ, ни съ того, ни съ сего крѣпко обнимала ее, цѣловала ея руки, называла самыми нѣжными именами, точно каялась предъ нею, ласками думала загладить мнимую вину свою, вымолить ей прощеніе. Только въ присутствіи Алексѣя Иваныча, въ бесѣдѣ съ нимъ Таня отдыхала, дышала ровно, спокойно, страхъ ея забывался, она вся обращалась въ слухъ, пропитывалась его мыслями, ловила, глотала ихъ какъ нектаръ, какъ спасительное лекарство; она сама не понимала, почему эти мысли, эти слова, совершенно противоположныя ея жизни, ея убѣжденіямъ, насильно врываются въ душу, приковываютъ къ себѣ невольно, почему забыть ихъ, оторваться отъ нихъ, отдѣлаться—силы нѣтъ.

Послѣ перваго разговора съ Радимцевымъ Татьяна Петровна рѣшительно растерялась; она не могла дать отчета, что̀ съ ней происходитъ, сонъ или дѣйствительность? она услы-

шала такія новыя, небывалыя мысли, что сочла необходимымъ заступиться за самоё себя, заступиться за все ей родное, близкое, смыть незаслуженное оскорбленіе, оправдать свою благодѣтельницу, уличить ложь. Она, со всѣмъ пыломъ благороднаго негодованія, выступила на борьбу противъ возмутителя своего спокойствія, она думала въ свою очередь спасти его отъ заблужденія, смирить, убѣдить, заставить раскаяться, разсѣять ложь истиною, она шла на борьбу съ нимъ какъ на подвигъ, съ полною увѣренностію въ побѣдѣ. На другой же день она потребовала полнаго объясненія загадочныхъ словъ и получила его, но вышла не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ. Она сложила оружіе и отдалась врагу своему на зло самой себѣ, наперекоръ своей волѣ.

Она говорила: Елена Ивановна моя благодѣтельница, моя мать, я ей всѣмъ обязана.

Алексѣй Иванычъ отвѣчалъ: онъ врагъ вашъ, вы ей обязаны однимъ заблужденіемъ,—и уяснялъ свой отвѣтъ положительными доказательствами.

Таня выслушивала съ ужасомъ, содроганіемъ, не вѣрила, не хотѣла, не смѣла вѣрить, но возраженія не находила. Она говорила: я живу какъ человѣкъ долженъ жить.

Онъ отвѣчалъ съ новыми доказательствами: вы не живете, а уродствуете.

Она говорила: я дѣлаю добро.

Онъ отвѣчалъ: неправда, вы дѣлаете зло; въ васъ добро есть, но оно скрыто, задавлено.

Она говорила: смотрите, какъ прекрасно все окружающее.

Онъ отвѣчалъ: вздоръ! вы не такъ смотрите, оно отвратительно. Таня все выслушивала, не соглашалась, боялась соглашаться, но отвѣта не находила.

Грозная картина правды съ каждымъ разомъ уяснялась болѣе и болѣе, на ней являлись новые ужасающіе образы, краски ея день ото дня становились ярче, онѣ все сильнѣе и сильнѣе приковывали взоры дѣвушки и ослѣпляли ихъ, какъ непривычныхъ къ свѣту. Рада бы она смотрѣть, да боится, глазамъ больно, свѣтло черезчуръ. Передъ ней лежало два пути: старый, усвоенный жизнію и всосанными съ дѣтства понятіями.—Какъ оставить его, почему, зачѣмъ? До

сихъ поръ-же она ходила по немъ, не замѣчала ни его кривизны, ни шероховатости.—Новый — неизвѣданный, закрытъ непроницаемой завѣсой; что̀ за ней, свѣтъ или тьма?.. Кому вѣрить? на что положиться? Къ одному влечетъ сердце, разумъ, просится душа, къ другому тянетъ привычка, совѣсть. Одинъ голосъ кричитъ: не бойся, ступай по прямой, широкой дорогѣ: къ добру ведетъ она, на ней жизнь истинная, настоящая. Другой голосъ шепчетъ: ступишь, на первомъ шагѣ провалишься, тамъ мука кромѣшная, огнь вѣчный!. Дѣвушка закрыла глаза, заткнула уши и пошла куда повлечетъ сердце.

Алексѣю Иванычу нечего было упрекать Таню въ излишней, неумѣстной застѣнчивости, въ боязни говорить съ нимъ; теперь, съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе, она сама считала необходимымъ упиваться его бесѣдой, ею одной она разрѣшала свои сомнѣнія, разгоняла свой страхъ, свою тоску.

— Отрадно, хорошо слушать васъ, Алексѣй Иванычъ, какъ-то говорила она. Васъ слушаешь, со всѣмъ соглашаешься, добру, злу-ли вы учите, все равно, хочешь не хочешь, съ вами нельзя не соглашаться!.. а останешься одна, раздумаешься обо всемъ, взглянешь на то, на другое, на маменьку, и страшно станетъ и себя и ее жаль, совѣсть мучитъ, грызетъ, кажется скрылась бы куда нибудь, умерла бы!.. Вѣдь я грѣшница, страшная грѣшница!? добавила она вопросительно, какъ будто сама не вполнѣ довѣряла словамъ своимъ.

Радимцевъ пожалъ плечами.

— Татьяна Петровна, вы вѣрите мнѣ? спросилъ онъ.

— Вѣрю, не могу не вѣрить! отвѣтила она.

— Зачѣмъ-же, что заставляетъ васъ?.. ну, опровергните слова мои, докажите, что я заблуждаюсь!

— Чѣмъ же докажу я, не могу я этого!.. я вѣрю вамъ, почему?—сама не знаю, а вѣрю, стало быть нужно такъ!

— Потому, что ваше сердце вѣритъ!.. Вы-то не хотите, вы боитесь, вы слишкомъ застоялись, васъ страшитъ движеніе, а сердце заставляетъ васъ вѣрить, правда?

— Можетъ быть!—отвѣтила Татьяна Петровна.

— Не можетъ быть а навѣрно! вотъ и теперь, сердце

*

говоритъ одно, а вы другое! старая привычка! не бойтесь, скажите прямо, откровенно, вѣдь правда?

— Правда! повторила Таня какъ-то невольно, какъ ребенокъ, уличенный во лжи, робко сознается, краснѣетъ и глаза потупляетъ.

— А если правда, если даже противъ вашего желанія ваше сердце вѣритъ мнѣ, находитъ что-то хорошее въ словахъ моихъ, стало быть я говорю истину?

— Истину! попрежнему повторила Татьяна Петровна.

— Нѣтъ, позвольте, быть можетъ вы увлечены мною; положимъ, я разбойникъ, преступникъ, хочу совратить васъ и проповѣдую зло, а вы, по увлеченію, зло принимаете за добродѣтель, вы ослѣплены... ну, а вся эта природа, что̀ окружаетъ васъ, весь этотъ міръ, этотъ свѣтъ, котораго вы составляете частицу, которымъ живете, дышите, что̀ говоритъ вамъ?.. Не видите ли вы въ каждомъ проявленіи этой мірской жизни, въ жизни природы, повтореніе словъ моихъ?.. Отвѣчайте, Татьяна Петровна, я васъ возмутилъ, нарушилъ вашу дремоту и долженъ васъ успокоить.

— Вижу, отвѣтила она.

— Ну, а природа можетъ увлекаться, обманывать, разбойничать, можетъ подкрашивать ложь и выдавать ее за истину?

— Нѣтъ!

— Стало быть и я говорю истину?

— Истину! тихо повторила Таня.

— А развѣ тотъ, кто принимаетъ истину, грѣшитъ?... Грѣшитъ человѣкъ противъ Бога и противъ ближняго, противъ Бога грѣшитъ тотъ, кто пренебрегаетъ его благомъ, его созданіемъ, неноситъ въ себѣ его духа, кто жизнь свою обращаетъ въ тяжелое, безполезное бремя, кто думаетъ исказить прекрасное твореніе божіе, пересоздать его, отступается отъ него, боится его чистоты, его свѣта!.. Вы знаете притчу о талантахъ, поймите ее хорошенько, она имѣетъ огромное значеніе, вѣдь слово божіе широко, обширно!.. Грѣшитъ противъ ближняго тотъ, кто дѣлаетъ ему зло, растлѣваетъ его природу, совращаетъ его умъ, сердце, кто наконецъ свое преступленіе, свой грѣхъ думаетъ облегчить, за-

мазать преступленіемъ и грѣхомъ другаго!.. Вы страшитесь не грѣха, въ васъ его нѣтъ, вы больны наслѣдственною болѣзнью; въ васъ только грѣхъ другихъ, ближнихъ; вы слишкомъ привыкли къ нему, слишкомъ сжились съ нимъ и боитесь отрѣшиться отъ него!.. Знаете, Татьяна Петровна, я виноватъ передъ вами только въ томъ, что хотѣлъ спасти васъ и черезчуръ круто взялся за дѣло,.. въ этомъ я раскаяваюсь, объ этомъ жалѣю, быть можетъ васъ спасло бы время, а теперь я боюсь за васъ, вы слишкомъ воспріимчивы, слишкомъ горячи, вамъ нужно успокоиться. Начало сдѣлано, предоставьте остальное времени, назадъ вамъ не вернуться, вы сами пойдете впередъ; кончимте наши обоюдные вопросы, будемте толковать попрежнему объ ягодахъ, вареньяхъ, грибахъ, сѣнокосѣ, пожалуй даже объ Яшѣ, о чемъ хотите, право я иногда смотрю на васъ и готовъ отступить!—ся отъ своихъ словъ: въ васъ столько борьбы, столько тревоги, мнѣ страшно за васъ, вамъ нужно отдохнуть, не все же учиться! добавилъ онъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, я должна учиться, я остановиться не могу, я должна дальше, дальше идти, куда бы ни было, а дальше— твердо отвѣтила Таня.

Алексѣй Иванычъ взглянулъ на нее. Она стояла потупивъ голову, раскраснѣвшись, руки ея слегка дрожали. Онъ свернулъ разговоръ на другой предметъ.

А между тѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ, Елена Ивановна шепталась съ какой-то побродягой старухой.

— Всѣ они, матушка, совратители, всѣ!—такой ужъ законъ ихній, говорила послѣдняя,—всѣ они нашего пола ищутъ, къ нашему полу стремленіе имѣютъ; нашъ полъ злосчастный, потому дьяволъ, извѣстно, все на чистое да непорочное свою власть налагаетъ... Вотъ хошь бы въ городѣ, Колотырниковъ, купецъ, можетъ знать изволите, человѣкъ святѣйшій и непьющій. Дочка у нихъ была, красота неописанная, воспитана тоже въ благочестіи, а совратилась, такъ совратилась,—отъ родителя бѣжать хотѣла, одолѣлъ ее, матушка, лукавый, тоже образъ мужескій принялъ.... Въ монастырь на покаяніе отдали, только тѣмъ и избавили; теперь ничего, пооблегчала

маленько, только разумомъ пооcлабла, какъ помутилась словно, а полюбовнаго ничего нѣтъ!

Елена Ивановна покачала головой.

— Экія страсти какія! произнесла она со вздохомъ, вѣдь вотъ поди ты, на свѣтѣ-то какихъ только соблазновъ нѣтъ! ....Я и сама не знаю что сдѣлалось съ ней, жалость беретъ, и не узнать, словно потерянная какая, такъ въ глаза ему и смотритъ, точно онъ, прости Господи, руководитъ ее.

— Руководитъ, матушка, руководитъ! потому что бѣсъ, точно руководитъ,—съ нами крестная сила! произнесла старуха и перекрестилась.

Радимцева тревожно взглянула на нее.

— Вѣдь братъ онъ мнѣ, Аринушка, кто его знаетъ, кажется человѣкъ въ порядкѣ, добрый и умный такой, воды не замутитъ.

— Прикидывается, матушка, прикидывается, не братъ онъ вамъ, а ворогъ. Дьяволъ всякіе образы на себя принимаетъ: и красоту и безобразіе, всякую форму изобразить можетъ,—рѣшила старуха.

Елена Ивановна вздохнула.

— Страсти ты говоришь, Аринушка, послушаешь тебя, пуще страшно станетъ!.. И когда это сгинетъ онъ?.. Пробовала я и такъ и сякъ, что ни говори—ни что не беретъ, точно не понимаетъ, все живетъ, да живетъ!

— Догубить, матушка, хочетъ, оттого и живетъ! замѣтила старуха.

Радимцева вздрогнула.

— Аринушка, что̀ ты?! произнесла она и пристально на нее взглянула.

— Ничего, матушка, такъ, то есть говорю, къ примѣру, потому теперь онъ ее путаетъ, а запутаетъ, значитъ погубитъ, сила такая! А вы, Алена Ивановна, если вашей милости угодно безпремѣнно выгнать его, прикажите въ его свѣтлицѣ во всѣхъ углахъ ладономъ покурить, чтобъ въ каждомъ углу трижды курили: это оченно помогаетъ, отъ духу-то убѣжитъ сразу, не выдержитъ!

— Неужто убѣжитъ!? какъ-то радостно повторила хозяйка.

— Убѣжитъ, матушка, вѣрно убѣжитъ, нельзя будетъ не убѣжать ему!

— Ужо гулять уйдетъ, прикажу Матрешкѣ; да вотъ и съ Таней поговорить нужно, можетъ такъ только думается худое все,... пробовала я подслушать, что тамъ за разговоръ у нихъ, вѣдь со страху, прости Господи, чего не померещится, думаешь, не любовное ли что! Она плюнула. Такъ нѣтъ, все такое кроткое, да душеспасительное, только говоритъ мудрено какъ-то, даже подивилась я отъ мужчины такія рѣчи слышать!.. А ладономъ все же покурить, хуже не будетъ, уѣдетъ такъ и Господь съ нимъ!

— Хуже не будетъ, доброе не испужается, а злому да нечистому туда и дорога! Господи, оборони и избави! подтвердила старуха и снова перекрестилась.

Въ тотъ же день вечеромъ Татьяна Петровна приказала горничной Наташѣ, той самой, которая просила за жениха своего, лечь у себя въ комнатѣ.

На горизонтѣ собирались тучи, вдали гремѣлъ громъ, сверкала молнія, воздухъ былъ удушливъ. Бѣдная дѣвушка не рѣшилась остаться одна.

— Наташа, голубушка, посмотри, никакъ расходиться стало? говорила она, сидя на своей постелѣ.

Горничная подошла къ окну и отодвинула стору.

— Не то что расходится, а и тучекъ не видать, барышня, вонъ и звѣздочки показались, тишь такая! весело произнесла она.

Татьяна Петровна глубоко вздохнула и перекрестилась.

— Ничего, Наташа, ты все же лягъ здѣсь, замѣтила она.

— Да лягу, барышня, какъ не лечь, лишь бы васъ успокоить... вѣдь вотъ недавно вы и грозы-то стали побаиваться, а то бывало какъ ни греми и горя мало, словно радуетесь еще; говорятъ, барышня, будто громомъ земля очищается, то есть все грѣховное да нечистое истребляется въ ней, правда это? спрашивала горничная, разстилая на полу въ углу какое-то подобіе тюфяка.

Татьяна Петровна повела глазами и ничего не отвѣтила.

Прошло нѣсколько минутъ, она все продолжала сидѣть на своей кровати. Распущенные ея волосы падали на грудь и

плечи, руки лежали на колѣняхъ, взглядъ выражалъ что-то болѣзненное, казалось она отдыхала отъ сильной усталости.

Горничная прошептала молитву, легла и свернулась кренделемъ подъ грязнымъ выбойчатымъ одѣяломъ.

— Наташа, скоро твоя свадьба? спросила Татьяна Петровна, какъ бы очнувшись отъ дремоты.

Горничная вздохнула.

— Не знаю, барышня, какъ справиться успѣемъ, потому тоже хоть малостью, а справиться нужно.

—Ты любишь жениха своего, очень любишь?

— Какъ не любить, извѣстно по-своему любишь тоже, хорошаго человѣка нельзя не любить!

— Разскажи мнѣ, Наташа, какъ ты любишь, что ты чувствуешь, все разскажи, я знать хочу, разскажи пожалуйста!

Горничная задумалась.

— Да какъ-же, барышня, разсказать это, мудрено что-то, этого подика-сь и разсказать нельзя, такая значитъ сила ужъ, потому все тебя словно тянетъ къ нему.

— Тянетъ? вопросительно повторила Таня. То есть все тебѣ хочется съ нимъ быть, продолжала она, говорить съ нимъ долго, долго, глядѣть на него не наглядѣться, передать ему свою душу, сердце, дышать съ нимъ однимъ воздухомъ, убиваться однимъ горемъ, радоваться одною радостію, такъли, Наташа?

— Не знаю какъ сказать, барышня, наше дѣло простое, деревенское, вы говорите по-своему по-господскому.

— А сердце болитъ у тебя?

— Какъ болитъ, барышня?

— Ну да, тоскуетъ по немъ?

— А кто его знаетъ, тоскуетъ-ли, нѣтъ-ли, отчего болѣть ему, иной разъ словно защемитъ только.

— Ну, а когда ты не видишь его, продолжала Таня, не слышишь его голоса, онъ изъ ума у тебя не выходитъ, онъ все-таки въ сердцѣ у тебя, онъ съ тобой, ты не можешь ни на минуту забыть его, онъ умнѣе, краше всѣхъ для тебя, ты шепчешь его имя, говоришь его словами, ты живешь имъ?.. Она остановилась, пристально смотрѣла на горничную и ждала отвѣта.

— Вспоминаешь, барышня, точно вспоминаешь, какъ не вспоминать, вотъ и намедни тоже, пошелъ онъ это въ городъ на фабрику на заработки и сережки мнѣ купить обѣщалъ, такъ все думалось какъ бы не загулялъ, потому хошъ и непьющаго человѣка, а совратить можно, народъ тамъ такой значитъ кабачный!

— А во снѣ, Наташа, видишь его?

— Во снѣ не случалось, почудился разъ да Господь съ нимъ, чудный такой, не ладный!

— Какъ чудной?

— Точно чудной, грозный такой, ровно бить собирался, а за что бить-то!

Татьяна Петровна задумалась.

— Послушай, Наташа, вотъ что ты скажи мнѣ, произнесла она нѣсколько спустя, всѣхъ, всѣхъ дороже онъ тебѣ? дороже отца, матери, сестеръ, братьевъ, дороже жизни, готова ты умереть за него?

Горничная молчала.

— Что-жъ ты молчишь, Наташа, отвѣчай, говори, ничего не бойся.... умереть за него готова ты?

— Да зачѣмъ же помирать, барышня? Господь съ вами, на все воля божья, извѣстно конецъ придетъ, вотъ и помрешь.

На губахъ Тани мелькнула улыбка, физіономія ея выражала что-то торжественное.

— Нѣтъ, Наташа, говорила она, что̀ родные, что̀ друзья, что̀ знакомые, ихъ забываешь?—если любишь кого, забываешь самоё себя; за того, кого любишь, всѣмъ жертвовать нужно, честію, жизнію; что̀ жизнь!.... вѣдь жить безъ любви нельзя, ужъ если любить, такъ любить безъ границъ, безъ предѣловъ, безъ условій, любить до невозможности, до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови, любить такъ, чтобъ страшно было, вотъ какъ должно любить!

Горничная приподняла съ подушки голову и взглянула на госпожу свою.

Она тяжело дышала, щеки ея горѣли, уста были полураскрыты, глаза блуждали и ярко свѣтились, на всемъ лицѣ было написано что-то величественное, радостное, но вдругъ

выраженіе его измѣнилось, Таня вздрогнула, даже какъ-будто поблѣднѣла, губы ея судорожно вытянулись.

Барышня? невольно окликнула ее горничная, съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Ничего, Наташа! грустно отвѣтила она и опустила голову. Знаешь, что̀ я вспомнила,... скажи мнѣ, развѣ ты не боишься любить, не мучитъ тебя совѣсть, не страшно тебѣ, не боишься ты, что Богъ покараетъ тебя, что ты пропадешь, сгинешь, изсохнешь, провалишься сквозь землю, сгоришь огнемъ медленнымъ?

— Что вы, барышня, съ нами крестная сила! страсти какія! произнесла въ недоумѣніи горничная.

— А грѣхъ?! продолжала Таня, а преступленіе!.. не грѣшно любить мать, отца, а кто любитъ посторонняго мужчину, тотъ сатанѣ служитъ, гибель, гибель, страшно, Наташа, грѣхъ смертный!

— Какой же грѣхъ, барышня? по закону въ церкви повѣнчаны, какой же грѣхъ тутъ! стало быть такой ужъ порядокъ заведенъ, на томъ ужъ земля держится; ни человѣкъ, ни птица, ни звѣрь какой безъ пары не живутъ!

Татьяна Петровна глубоко вздохнула.

— Правда!... знаю, все знаю. Я и сама не рада, все мнѣ грѣхомъ кажется, все страшитъ, волнуетъ да мучитъ, покою не даетъ!.. Выходи замужъ, будь счастлива, люби своего мужа, ты должна его любить, вотъ твоя святая обязанность, твоя жизнь!.. выходи, я и благословлю тебя, надѣлю чѣмъ могу, все для тебя сдѣлаю!

Горничная вскочила съ постели, ухватила-было руку госпожи своей, но послѣдняя выдернула ее и поцѣловала Наташу въ губы.

— Люби, люби! горячо повторила она, глаза ея наполнились слезами, она бросилась на кровать и зарыла въ подушки голову.

Наташа совершенно растерялась отъ неожиданной чести, она долго стояла въ недоумѣніи, наконецъ потихоньку легла, но долго заснуть не могла, барскій поцѣлуй жегъ ей губы, слова: «люби, люби,» звенѣли и отдавались въ ушахъ.

На другой день утромъ Елена Ивановна позвала Таню къ себѣ въ спальню.

— Вотъ, голубушка, говорила она, запирая двери и усаживая подлѣ себя дѣвушку, все я съ тобой поговорить хотѣла, да гость-то мѣшаетъ; помѣха онъ намъ, большая помѣха!»

— Что такое, маменька? тревожно спросила Татьяна Петровна и лице ея вдругъ поблѣднѣло.

— Какъ что? мало-ли что? много на душѣ есть, много, да сказать-то случая не было, не выходило все... Таня, голубушка, не хорошо у насъ, не ладно! добавила Елена Ивановна и пристально взглянула на дѣвушку.

— Какъ не ладно?! попрежнему повторила Таня.

— Не ладно, такъ не ладно, что и сказать боюсь, продолжала Радимцева. Богъ тебя знаетъ, убѣгаешь ты нонче меня; не знаю, за что такая немилость вышла, чѣмъ прогнѣвила?—люблю какъ дочь родную, что за напасть такая! я ли не голубила тебя, покинешь ты меня не вынесу, умру съ тоски да печали...

Таня заплакала, схватила руки Радимцевой и крѣпко цѣловала ихъ.

— День за день, все думается къ смерти ближе, а поговорить нужно, продолжала Елена Ивановна, для твоего же счастія нужно!.. есть у тебя на душѣ что-то, Таня, есть, не та ты стала, есть на душѣ, есть! повторяла она, вглядываясь въ лице дѣвушки. Если согрѣшила въ чемъ, разскажи да покайся лучше, очисти совѣсть, безъ грѣха человѣкъ не живетъ, покаешься облегчишь себя, безъ покаянія и прощенія нѣтъ, скрываешься вдвое грѣшишь, отъ Бога не скроешься, не убѣжишь, грѣха не утаишь, онъ самъ себя выкажетъ, изъ земли выростетъ, со дна морскаго выплыветъ! ...Покайся, покайся, спаси себя!

Таня рѣшительно не знала что говорить, что дѣлать, куда смотрѣть; она отворачивалась отъ Елены Ивановны, ея взглядъ и грозныя слова проникали насквозь душу, наполняли ее ужасомъ, грызли и ворочали совѣсть.

— Я заступила тебѣ мѣсто матери, продолжала Радимцева, призрила, вспоила, вскормила, взлелѣяла, выростила

тебя, хотѣла облагодѣтельствовать, а ты, Таня, чѣмъ ты платишь мнѣ, что дѣлаешь, къ чему готовишь себя?.. если совѣсть твоя чиста, если ты не виновата ни въ чемъ, взгляни на меня прямо и я повѣрю тебѣ, вонъ образъ какъ смотритъ!.. Таня, Таня! Она насильно старалась заглянуть въ лице ея.

— Маменька! прошептала Татьяна Петровна и упала головой въ колѣни Радимцевой.

— Я все узнаю, все; отъ меня ничего не скроешь, я твоя мать, я Богу отвѣчу за тебя, за грѣхъ твой, во снѣ увижу!.. что мнѣ Яша вчера сказалъ, что?!..

Таня быстро подняла голову и пристально смотрѣла на Елену Ивановну.

— Что Яша сказалъ?! повторила она съ ужасомъ.

— Правду сказалъ, страшную правду, глаза мнѣ открылъ, медленно говорила хозяйка, обдумывая какъ бы удачнѣе поразить дѣвушку, насильно вывѣдать ея тайну. Онъ вотъ что сказалъ, страшно и повторить, Таня, страшно, лучше бы не родиться тебѣ, онъ сказалъ будто-бы ты....

— Маменька! вскрикнула Татьяна Петровна, зажимая рукою ротъ Радимцевой, не говорите, не говорите, ради Бога не говорите, я сама скажу! Она опустила голову и тяжело дышала.

Елена Ивановна молчала, глаза ея сверкали, она какъ-будто догадывалась что̀ скажетъ Таня и съ нетерпѣніемъ ждала ея отвѣта.

— Я сама скажу, сама.... постойте... самой себя легче казнить!... вы думаете, что я люблю Алексѣя Иваныча, выговорила Татьяна Петровна тихимъ, прерывающимся голосомъ, вы подозрѣваете меня, боитесь за меня, васъ страшитъ грѣхъ?... не бойтесь, бояться нечего, это неправда, этого быть не можетъ, одно пустое воображеніе, мечта, сонъ, вздоръ, пустяки, нелѣпость! произнесла она твердо, но какъ-то насильно, неестественно и подняла голову. Я не могу любить, не должна любить, не смѣю любить, я поклялась, обѣтъ дала!.. гдѣ же тутъ любовь, гдѣ?... въ сердцѣ нѣтъ ея, въ немъ страхъ одинъ, въ умѣ нѣтъ, въ немъ хаосъ, сомнѣніе, нигдѣ ея нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и не будетъ, никогда не будетъ!

твердила она, ощупывая руками грудь и голову. Любовь вѣдь грѣхъ, страшный грѣхъ, преступленіе, за нее огнь вѣчный! Она повалилась на шею къ Радимцевой и громко зарыдала.

— Да мнѣ любить невозможно, гдѣ мнѣ любить! говорила она нѣсколько спустя, останавливаясь на каждомъ словѣ и какъ бы разсуждая сама съ собою; сердце мое къ любви не приготовлено, я слишкомъ слаба, слишкомъ ничтожна, вѣдь для любви нужно отказаться отъ своей воли, забыть, уничтожить самоё себя, а я?... какая же тутъ любовь, гдѣ?.. насмѣшка надъ любовью. Нѣтъ, маменька, не бойтесь, я все та же, я только кажусь другою, да, кажусь только, я исправлюсь, буду тѣмъ, чѣмъ прежде была, буду, успокойтесь, я никого не люблю! добавила она рѣшительно.

Елена Ивановна взглянула на нее.

Въ самомъ дѣлѣ лице Тани казалось совершенно спокойнымъ, глаза смотрѣли прямо, открыто, на губахъ мелькнуло что-то въ родѣ улыбки.

Радимцева вздохнула и покачала головой.

— Богъ тебя вѣдаетъ, Таня, не разберешь тебя, поневолѣ подивишься, согрѣшишь да подумаешь, ты вонъ зачастую съ нимъ сидишь, все какіе-то разговоры у васъ, лукавый-то можетъ пляшетъ передъ тобой да радуется!.. охъ, не мнѣ бы говорить, не тебѣ бы слушатъ, страшно!... Остерегись, Таня, остерегись, одумайся пока не поздно, бѣги отъ яду, дьяволу душу продаешь, бойся кары небесной, бойся проклятія, изсохнешь! сгинешь, пропадешь, въ грѣхѣ сгніешь! Въ лицѣ Елены Ивановны было дѣйствительно что-то страшное, пророческое, глаза ея дико сверкали.

— Если ты обманываешь меня, продолжала она, если... не хочу говорить, ты сама понимаешь,... я отступлюсь отъ тебя, мало этого, прокляну тебя!... тогда вѣшайся къ нему на шею, люби, выходи замужъ, только счастія ни въ чемъ не будетъ, сама на себя руки наложишь!

Татьяна Петровна не выдержала, она упала передъ ней на колѣни.

— Маменька, голубушка, простите меня, говорила она съ

полнымъ отчаяніемъ, я сама не знаю что со мной дѣлается, я преступница противъ воли, какая-то вражеская сила опутала меня, грызетъ она меня, не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью, она все чернитъ, все передѣлываетъ на свой ладъ, насильно въ душу крадется; страшно, страшно мнѣ! я грѣшница, страшная грѣшница! я все забыла, насмѣялась надъ тѣмъ съ чѣмъ выросла, не казните же меня, простите, простите, дайте покаяться, дайте вымолить себѣ прощеніе, я кровью своей смою грѣхъ на себѣ!... Боже, Боже! очисти меня. Она плакала, обнимала колѣни и цѣловала руки Радимцевой.

Глаза послѣдней заморгали.

— Таня, ты замужъ хочешь? можетъ тебѣ предложеніе сдѣлали?.. какъ-то неопредѣленно спросила она.

— Какъ замужъ?!.. что вы говорите?!.. кто сдѣлалъ?!

— Братъ!... что удивительно, погубилъ одну, теперь принялся за другую.

— Я замужъ не должна идти.... я принадлежу вамъ одной, я ваша! твердо отвѣтила Таня.

Елена Ивановна улыбнулась.

— А сонъ? помнишь птицу бѣлую, помнишь какъ ты защищала ее?... птица эта здѣсь, назвалась братомъ и живетъ, ты не гонишь его, ты говоришь съ нимъ, онъ для тебя живетъ здѣсь.

— Маменька! вскрикнула Таня и остановилась. Онъ уѣдетъ! твердо прибавила она.

— Уѣдетъ!? радостно подхватила Радимцева.

— Уѣдетъ!.. завтра-же, навсегда, на вѣки, онъ долженъ уѣхать, клянусь вамъ моею жизнію, клянусь Творцемъ небеснымъ! торжественно произнесла Татьяна Петровна.

Долго еще тянулась бесѣда между двумя женщинами, Елена Ивановна торжествовала, повидимому она снова окончательно овладѣла своей воспитанницей, вернула ее къ спасенію, наполнила ея душу страхомъ и раскаяніемъ. Дѣйствительно въ настоящую минуту Таня каялась непритворно, со всѣмъ жаромъ, отъ всего сердца; теперь она готова была на все, чтобъ только чѣмъ-бы то ни было загладить свое мнимое преступленіе; теперь она даже отъ всей души нена-

видѣла Алексѣя Иваныча, считала его врагомъ своимъ, возмутителемъ своего спокойствія.

За обѣдомъ въ тотъ же день все общество сидѣло очень угрюмо. Елена Ивановна изподлобья взглядывала на брата, Татьяна Петровна не глядѣла ни на кого, она опустила глаза въ тарелку и боялась повернуть голову, Радимцевъ пробовалъ нѣсколько разъ завязать разговоръ, оживить присутствующихъ, касался то одного то, другаго предмета, но получалъ такіе сухіе, насильные отвѣты, что поневолѣ послѣдовалъ общему примѣру и занялся исключительно супомъ, соусомъ, жаркимъ и доморощеннымъ пирожнымъ.

Послѣ обѣда Танѣ предстоялъ трудный, тяжелый подвигъ, она должна была рѣшительно объясниться съ Алексѣемъ Иванычемъ, заставить его уѣхать во что бы то ни стало. Долго она обдумывала какъ и съ чего начать разговоръ, нѣсколько разъ думала приступить къ дѣлу, но языкъ не ворочался, сердце сильно билось.

Елена Ивановна заперлась у себя въ спальнѣ.

— Алексѣй Иванычъ, потрудитесь въ садъ сойти, мнѣ нужно говорить съ вами, произнесла наконецъ Татьяна Петровна дрожащимъ голосомъ и не дожидаясь отвѣта, быстро вышла изъ комнаты.

Радимцевъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ, на минуту задумался, потомъ взялъ фуражку и отправился по назначенію.

Въ саду Таня сидѣла на скамейкѣ, она приготовлялась, собиралась съ силами.

Алексѣй Иванычъ подошелъ къ ней.

— Что съ вами, Татьяна Петровна, вы такъ разстроены, сестра тоже, что все это значитъ? спросилъ онъ.

— Сядьте, Алексѣй Иванычъ, мнѣ нужно говорить съ вами, говорить рѣшительно, серьезно! отвѣтила Таня, не смотря на него.

Радимцевъ опустился на скамью и въ недоумѣніи глядѣлъ на дѣвушку.

Она молчала, старалась казаться спокойною, но высоко подымавшаяся грудь да дрожавшія руки изобличали ее.

— Алексѣй Иванычъ, начала она нѣсколько спустя глу-

химъ, надорваннымъ голосомъ, у меня просьба есть, вы удивитесь можетъ, вы должны ее исполнить... дайте мнѣ слово.

— Какая просьба, Татьяна Петровна?.. говорите, приказывайте, все, что возможно, я всегда готовъ сдѣлать для васъ.

— Алексѣй Иванычъ, ради моего спокойствія, счастія, ради моей жизни, вы должны завтра-же уѣхать отсюда! докончила она очень тихо, какъ бы глотая слова свои, и по щекамъ ея потекли слезы.

— Какъ уѣхать?.. почему долженъ? отвѣтилъ Радимцевъ, не спуская глазъ съ дѣвушки.

— Должны!.. я прошу, умоляю васъ, я даже требую этого! повторила она.

Алексѣй Иванычъ все смотрѣлъ на нее и не зналъ что отвѣтить.

— Татьяна Петровна, началъ онъ нѣсколько спустя, я право не понимаю, что все это значитъ, положимъ я долженъ уѣхать, я самъ знаю, что не могу здѣсь жить, самъ знаю, что нужно когда нибудь уѣхать, знаю что надоѣлъ сестрѣ, не дальше какъ сегодня утромъ я думалъ объ этомъ, но меня удивляетъ, почему вы, нетолько просите, но даже умоляете, требуете, почему я долженъ уѣхать непремѣнно завтра, что за поспѣшность? меня поражаетъ ваше замѣшательство, что съ вами, что сучилось, скажите Бога ради?

— Ничего не случилось, ничего,.. я не могу говорить, мнѣ трудно говорить,.. уѣзжайте,.. завтра я напишу, объясню вамъ,.. видите, я все сдѣлаю, все!.. только уничтожьте мое письмо, сожгите его! добавила она такимъ голосомъ, какъ-будто рѣшалась на что нибудь страшное неслыханное.

— Завтра? переспросилъ Радимцевъ.

— Завтра, завтра и навсегда! повторила Таня.

— Навсегда?!

— На вѣки!

— Татьяна Петровна, что съ вами?!. что я сдѣлалъ, въ чемъ виноватъ?!.. откройтесь, скажите прямо, отъ души, отъ отъ сердца! горячо добавилъ онъ.

— Ни въ чемъ не виноваты, вы ни въ чемъ не виноваты, я знаю, вы хотѣли добро сдѣлать, да, добро!.. не требуйте отъ меня, я не могу говорить, это сверхъ силъ моихъ,

я напишу вамъ, что-жъ еще, это послѣдняя моя жертва! Она закрыла на минуту глаза и тяжело вздохнула, какъ-будто страшная, внутренняя боль мучила, давила ее.

— Алексѣй Иванычъ попрежнему смотрѣлъ на нее въ недоумѣнiи и казалось ждалъ дальнѣйшаго объясненiя или старался разгадать значенiе и причину этой загадочной, непонятной просьбы.

Молчанiе продолжалось нѣсколько минутъ.

— А если я не послушаюсь, не уѣду? спросилъ наконецъ Радимцевъ.

— Не уѣдете — я уѣду!.. лучше не спрашивайте меня, вы не повѣрите мнѣ! отвѣчала она.

— Куда уѣдете?

— Куда?.. умру! произнесла Таня такимъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, что по жиламъ Алексѣя Иваныча невольно пробѣжалъ холодъ.

— Видите, вы должны уѣхать! снова повторила она.

— Послушайте, Татьяна Петровна, неужели по собственному призванiю, по голосу вашего сердца, вы говорите все то, что я слышу, или вы поражены чѣмъ-то, вынуждены, исполняете волю другихъ, дѣйствуете не отъ себя собственно, неужели первое? быть не можетъ!

— Все!.. и первое и послѣднее, рѣшайте сами, думайте какъ хотите, только уѣзжайте, уѣзжайте Христа ради, спасите меня!

— Алексѣй Иванычъ опустилъ голову.

— Вы уѣдете? спросила она.

— Уѣду! не-хотя отвѣтилъ Радимцевъ. Уѣду, если это нужно для вашего спасенiя, для вашей жизни, только въ такомъ случаѣ и уѣду!

— Необходимо! повторила Таня и хотѣла встать, но Алексѣй Иванычъ удержалъ ее.

— Позвольте, Татьяна Петровна, позвольте мнѣ, въ свою очередь, быть можетъ въ послѣднiй разъ, поговорить съ вами, иначе я не могу уѣхать, мнѣ не такъ легко уѣхать!.. Извольте видѣть, Татьяна Петровна, я прiѣхалъ сюда не къ сестрѣ, объ этомъ я не разъ повторялъ вамъ, ея присутствiе только отравляетъ мое здѣшнее счастiе, она возму-

щаетъ меня взглядомъ, словомъ, дѣломъ, возмущаетъ на каждомъ шагу, тѣмъ болѣе, что по наружности я покоряюсь ея уродству, но это видимое равнодушіе къ злу, это притворное смиреніе, эта борьба съ самимъ собою мнѣ стоятъ дорого, какъ все насильное, противуестественное... Сестра погибшая овца, Богъ съ ней!.. Это тѣло безъ души, начавшее гнить, разлагаться, объ ней нечего говорить!.. Я пріѣхалъ сюда расшевелить мои заснувшія чувства, пріѣхалъ къ вамъ или лучше сказать для васъ, не зная васъ; ваше положеніе занимало мой умъ, трогало сердце, быть можетъ это происходило отъ собственнаго моего бездѣлья, отъ этой душевной скуки, отъ необъяснимиго къ чему-то сремленія, отъ недовольства духа, отъ потребности жить чуждою жизнію, все равно, мнѣ казалось, что я долженъ сюда ѣхать, что здѣсь я успокоюсь, что здѣсь, наконецъ, мнѣ предстоитъ совершить подвигъ, долгъ, святую обязанность, что здѣсь я найду какой-то необъяснимый кладъ, дорогой только моему сердцу!.. Почти два мѣсяца я прожилъ здѣсь и въ это время узналъ васъ, я нашелъ въ васъ прекрасную грёзу моего воображенія, любимую мечту мою я увидѣлъ въ дѣйствительности, сонъ моей жизни сбылся, я нашелъ въ васъ одно изъ прекраснѣйшихъ созданій природы, чудный, благоухающій цвѣтокъ, роскошный какъ сама природа, но готовый погибнуть, завянуть отъ недостатка воздуха, отъ сухости почвы. Я принялся за этотъ цвѣтокъ, я не могъ по своей натурѣ равнодушно видѣть его уничтоженіе, я долженъ былъ помочь ему, воскресить его; я сталъ поливать его, разгонять душный воздухъ и вдругъ этотъ цвѣтокъ заблестѣлъ, засіялъ еще ярче, еще красивѣе, еще душистѣе, пустилъ свѣжіе отростки. Я смотрѣлъ на него и гордился, радовался, восторгался имъ, жилъ его жизнію, я говорилъ: рости, рости, украшайся, въ тебѣ моя слава, въ тебѣ мой подвигъ, ты дитя мое, въ тебѣ мой духъ, мое слово, мое дѣло, моя мысль, въ тебѣ я самъ!.. Да, Татьяна Петровна, я говорилъ это, я не могъ говорить иначе!.. И вдругъ это дитя, котораго я не могъ не любить какъ свое созданіе, какъ самого себя, какъ свою жизнь, гонитъ меня, проклинаетъ, снова требуетъ духоты да гнили! — Онъ замолчалъ, на глазахъ его блеснули слезы.

Татьяна Петровна сидѣла отвернувшись и плакала.

— Скажите сами возможно-ли это, естественно-ли, могу-ли я легко, безъ борьбы, бросить этотъ цвѣтокъ, оставить его на произволъ судьбы, на поруганіе?.. вѣдь въ немъ жизнь моя, жизнь!

Таня не отвѣчала.

— Да, я люблю васъ, я не могу васъ не любить, продолжалъ Алексѣй Иванычъ; обстоятельства заставляютъ меня высказать то, о чемъ и говорить нечего, что въ порядкѣ вещей.—Я не зналъ человѣка похожаго на васъ, не встрѣчалъ женщины имѣющей хоть тѣнь вашего подобія, я только искалъ ихъ, бредилъ ими, бѣгалъ людей потому, что они не нравились мнѣ, были слишкомъ матеріальны, сухи, безжизненны, односторонни, а я требовалъ жизни, жизни въ полномъ ея значеніи, я отчаявался за человѣка и въ васъ наконецъ нашелъ его, нашелъ самого себя, свое отраженіе, какъ же мнѣ не любить васъ!—Говорю это не потому, чтобъ разжалобить васъ, вынудить вашу взаимность, продолжалъ онъ нѣсколько минутъ спустя, этого я не хочу; насильная, обманчивая взаимность приторна, несносна, да и зачѣмъ мнѣ взаимность, я счастливъ потому, что нашелъ свой духъ, потому, что торжествую, говорю потому, что этого требуетъ душа, не могу-же я молчать ее заставить!.. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ я бы объявилъ, что люблю васъ, поцѣловалъ бы вашу ручку, сдѣлалъ-бы вамъ предложеніе, вы бы отказали, я бы уѣхалъ и съ горя женился на другой, а теперь я ничего не требую, ничего не предлагаю, не прошу даже позволенія поцѣловать ручку. Я люблю васъ такъ много, такъ свято, такъ безгранично, такъ благоговѣю предъ вами, что всякое предложеніе мнѣ кажется оскорбленіемъ любви, я боюсь за себя, въ состояніи-ли я быть для васъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ-бы быть, быть можетъ для этого мало моей воли, мало духу, я слишкомъ слабъ, слишкомъ не увѣренъ въ себѣ, мнѣ все кажется, что что̀ бы я ни сдѣлалъ, блѣдно, мало, ничтожно, приторно въ сравненіи съ моею любовью, въ сравненіи съ вами!.. И я буду любить васъ всегда, во всемъ, гдѣ бы ни былъ, безъ васъ, съ вами я буду жить вашею жизнію!.

*

Эта любовь не увлеченіе, не горячка, нѣтъ, она выработалась потребностію души, сознаніемъ своего долга, сна есть неотразимое, правильное, законное явленіе природы, эта любовь была во мнѣ всегда, съ юношескаго возраста, быть можетъ съ колыбели, но олицетворилась только теперь.

Таня все молчала. — Блѣдное лице ея покрылось багровыми пятнами, сердце такъ сильно билось, что были слышны его удары.

— Татьяна Петровна, я наконецъ дѣлаю вамъ предложеніе,—прочь всѣ сомнѣнія, прочь недовѣрчивость къ самому себѣ, прочь робость,—я ручаюсь за ваше счастіе!.. До сестры вамъ дѣла нѣтъ, она отступится отъ васъ, лишитъ наслѣдства, проклянетъ быть можетъ,—что за нужда! у меня есть свое; ни вы, ни я не должны марать себя ея достояніемъ, ея проклятіе то же благословеніе!.. Татьяна Петровна, я жду отвѣта, отвѣчайте мнѣ!

Она молчала.

— Татьяна Петровна, я не о своемъ счастіи хлопочу, я прошу руки вашей не для удовлетворенія своего сердца, нѣтъ, я долженъ сдѣлать счастливою васъ, слышите, долженъ, долженъ окончательно спасти васъ, возвратить женщину женщинѣ, ея назначенію, ея природѣ; безъ этого вашего счастія я погибъ, какъ погибъ бы тогда, еслибъ весь прекрасный міръ божій обратился въ комъ грязи!.. отвѣчайте мнѣ!

Татьяна Петровна встала, глаза ея горѣли насильственно строгимъ выраженіемъ.

— Алексѣй Иванычъ, оставьте меня, оставьте! произнесла она дрожащимъ, но повелительнымъ голосомъ, ради того чувства, о которомъ вы сейчасъ сказали, оставьте меня, я не должна слушать васъ!

Радимцевъ смутился и не зналъ что отвѣчать.

— Я одного прошу, одного требую, завтра уѣзжайте отсюда!

— Не могу! рѣшительно отвѣтилъ Алексѣй Иванычъ.

Татьяна Петровна вздрогнула, нѣсколько минутъ смотрѣла на него, онъ сидѣлъ опустивъ голову.

— Алексѣй Иванычъ, если все то, что вы говорили сейчасъ, правда, если вы дорожите мною, если хотите, чтобъ я

сохранила о васъ добрую память, чтобъ я наконецъ вѣрила вамъ, уѣзжайте отсюда, пощадите меня, уѣзжайте Христа ради!

Радимцевъ замоталъ головой и закрылъ лице руками.

— Если... если вы хотите, чтобъ и я любила васъ! добавила она насильно, какимъ-то хриплымъ голосомъ.

Алексѣй Иванычъ вдругъ выпрямился и радостно взглянулъ на Таню, онъ хотѣлъ говорить, но она предупредила его.

— Молчите!.. ни слова больше! произнесла она повелительно. Уѣзжайте!

— Уѣду! какъ ребенокъ, какъ школьникъ за учителемъ, повторилъ Радимцевъ.

Татьяна Петровна встала и быстро выбѣжала изъ сада. Въ комнатахъ ей встрѣтилась Елена Ивановна.

— Что?! спросила она съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ.

— Уѣдетъ! глухимъ голосомъ отвѣтила Таня.

— Завтра?

— Завтра!

Радимцева вздохнула и перекрестилась.

Таня бросилась къ себѣ въ спальню, упала на кровать и громко зарыдала.

VII.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, запершись въ своей комнатѣ, Татьяна Петровна сидѣла облокотившись за маленькимъ столикомъ. Передъ ней лежалъ листъ почтовой бумаги. Тусклая свѣча освѣщала блѣдное, изнеможенное лице ея и падавшіе въ безпорядкѣ на лобъ волосы. Она писала:

« Алексѣй Иванычъ! Я дала вамъ слово объяснить причину моего настоятельнаго требованія вашего отъѣзда и исполняю его. Впрочемъ, и безъ этого обѣщанія, даннаго мною какъ бы насильно, объясненіе съ вами для меня необходимо; въ настоящую минуту оно составляетъ живую потребность души моей, при окружающихъ условіяхъ легче пере-

дать бумагѣ свои чувства, мысли, сомнѣнія, чѣмъ лично высказать ихъ; на послѣднее я бы никогда не рѣшилась. Сегоднишній день для меня ужасенъ, повториться онъ не можетъ... Я столько вытерпѣла, столько выстрадала сегодня, что одна и та же грудь вторично такъ выстрадать не въ состояніи! Теперь, запершись въ своей комнатѣ, я пишу къ вамъ и отдыхаю, потому, что оправдываю свое страданіе, дѣлюсь имъ вмѣстѣ съ вами. Примите его и вѣрьте какъ истинному, неподдѣльному говору сердца: въ настоящемъ моемъ положеніи человѣкъ ни себя, ни другихъ обманывать не можетъ. Прежде всего благодарю васъ, Алексѣй Иванычъ, за тѣ теплыя минуты, которыя мнѣ довелось раздѣлить вмѣстѣ съ вами; плоды ихъ слишкомъ глубоко пали на душу и никогда не изгладятся изъ моей памяти; теперь я сознаю, что только эти минуты были минутами моей жизни, моего счастія!.. и я рада, что узнала жизнь, отвѣдала ея прелесть, рада, что взглянула на свѣтъ, рада даже за свое страданіе, его я не промѣняю на всѣ сокровица въ мірѣ.—Не знаю, что будетъ впереди, вынесу-ли я борьбу съ самой собою, но только къ прежнему мнѣ не вернуться, поздно, это выше силъ моихъ! Да, благодарю васъ, Алексѣй Иванычъ, благодарю много, много! Вы сдѣлали свое дѣло, вы сдѣлали великое дѣло, вы пересоздали человѣка, воротили заблудшаго, показали ему все прекрасное, научили жить, раскрыли его назначеніе, его природу!.. И я вѣрю вамъ, сама сознаю это назначеніе, благоговѣю предъ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно сказать, отвергаю его!.. да, отвергаю навсегда, на вѣки, какъ прекрасное, но невозможное! Что дѣлать! я хочу, я должна въ счастіи, въ сознаніи этого счастія оставаться несчастною! Я хотѣла бы жить, но требую смерти, потому, что все доброе, чистое жизни было-бы моимъ зломъ, моимъ мученіемъ, моею карою. Благодарю васъ за любовь ко мнѣ, я горжусь быть ея предметомъ и рѣшаюсь, въ свою очередь, сказать: и я люблю васъ! Да, люблю, люблю! не могу не любить! въ этомъ я сознаюсь первый и послѣдній разъ, сознаюсь правосудному Богу, самой-себѣ да вамъ, только потому, что не увижу васъ болѣе. Вы спросите къ чему послужитъ эта любовь, чѣмъ знаменуется она?.. моимъ стра-

даніемъ, отвѣчу я, переносить его труднѣе чѣмъ наслаждаться блаженствомъ и счастіемъ. Быть можетъ любовь эта потому и сильна, потому такъ безотчетно прекрасна, что не выражается ничѣмъ наружнымъ, кроется внутри, грѣетъ, жжетъ, давитъ, наполняетъ душу, умъ, сердце! До сихъ поръ ни разу мысль о замужствѣ не приходила мнѣ въ голову; все воспитаніе мое, все окружающее всосанное съ дѣтства отгоняло эту мысль, давило ее, ставило ее если не наравнѣ съ преступленіемъ, то по-крайней-мѣрѣ на ряду съ порокомъ, котораго женщина должна избѣгать, бояться; я смотрѣла на безбрачіе какъ на что–то святое, достойное немногихъ избранныхъ и хотѣла быть этою избранною!.. О любви не смѣла думать, да и не могла думать, я не понимала ее, въ дѣтскомъ моемъ воображеніи она представлялась какимъ-то позоромъ, чѣмъ-то ужаснѣйшимъ! Теперь я прозрѣла; теперь я хочу вѣрить другому, но къ несчастію не должна этому вѣрить, боюсь вѣрить, должна убить въ себѣ эту вѣру если не внутренно, то по-крайней-мѣрѣ наружно. Поймите мое положеніе, Алексѣй Иванычъ, войдите въ него, поставьте себя на моемъ мѣстѣ и вы оправдаете слова мои.

Я бѣдная, ничтожная сирота, нищая дѣвочка, призрѣнная Еленой Ивановной, поднятая ею чуть не на улицѣ; она меня кормила, поила, ростила, учила, все равно какъ–она учила по–своему, какъ находила лучшимъ; она привыкла называть меня дочерью, вѣрить моей благодарности, моей къ ней привязанности; не будь ея, я быть можетъ давно бы умерла отъ холоду и голоду: вы знаете моего отца, знаете слабость его, что было бы со мной?—я ей обязана своею матеріальною жизнію, я люблю ее, какъ же мнѣ не любить, поймите вы это!.. А знаете ли вы, что эта Елена Ивановна если узнаетъ о моей любви къ вамъ, объ этомъ письмѣ, если прочитаетъ мои настоящія мысли, она ужаснется, отвернется, отступится отъ меня, какъ отъ змѣи, гадины, которую она согрѣла на груди своей, выгонитъ отъ себя какъ презрѣнную тварь, какъ послѣднюю рабу свою; мало этого, она проклянетъ меня и, быть можетъ, сама не вынесетъ этого проклятія!.. Подумайте, что тогда будетъ со мною?!.. Алек-

сѣй Иванычъ, легче убить самоё себя, нежели другаго, да еще кого?—роднаго, близкаго, того, кому каждымъ кускомъ обязана; лучше быть несчастной чѣмъ преступницей. Пусть, повторю слова ваши, оказанное благодѣяніе ложно, отзывается зломъ, да вѣдь творилось оно не съ злымъ, а добрымъ намѣреніемъ; пусть кормили меня ядомъ, да вѣдь по ошибкѣ, по заблужденію, потому, что сами привыкли къ нему, считали его за свѣжую, здоровую пищу. Виновата-ли мать, если она вмѣстѣ съ молокомъ своимъ кормитъ ребенка и своимъ грѣхомъ, своимъ порокомъ, питаетъ его своею жизнію, можетъ-ли этотъ ребенокъ поднять на нее руку, уличить ее въ преступленіи? Да еслибы по увлеченію, по слабости силъ я бы не вынесла моихъ страданій, измѣнила бы своей волѣ, то и тогда что̀ меня ожидаетъ, могла-ли бы я быть спокойной, счастливой женой вашей, составить ваше счастіе?—никогда! мученія моей совѣсти отразились бы на дѣтяхъ, мой плачъ, мои стоны надоѣли бы вашему сердцу, загрызли бы вашу совѣсть. Какая я жена! ею я не могу быть, я не могу прилѣпиться къ мужу, отдаться ему вся, забыть все прошлое?—я только родилась женщиной, но недоросла до женщины, не доросла до ея высокаго, дивнаго назначенія. Вотъ почему я такъ настойчиво, подъ страхомъ собственной жизни, требовала вашего отъѣзда, я боялась измѣнить своей волѣ, сдѣлать несчастнымъ васъ, преступницею себя. Я знала, чувствовала, что вы меня любите, угадывала напередъ слова ваши и боялась, что рано или поздно вы ихъ выскажете; мнѣ оставалось одно изъ двухъ: или на вѣки разстаться съ вами, или пренебречь всѣмъ окружающимъ, растоптать его ногами, насмѣяться надъ нимъ; повторяю, я бы скорѣй наложила на себя руки, чѣмъ рѣшилась на послѣднее. Теперь я одна несчастна и только несчастна; если дѣлаю зло, то только самой себѣ; я люблю! оставьте же меня любить по-своему; я страдаю! оставьте мое страданіе, не думайте облегчить его, оставьте мнѣ мое несчастіе, я хочу этого, въ немъ удѣлъ мой. Вы говорите, что любите меня и ничего не требуете, я отвѣчаю, что люблю васъ и также ничего не требую. Я бы желала теперь одного: умереть въ настоящемъ моемъ положеніи, съ моею любовью, съ мо-

ею тайною, это было бы лучшимъ счастіемъ моего несчастія, истиннымъ, вѣрнымъ избавленіемъ отъ страданія. Прощайте-же навсегда, на вѣки, не напоминайте мнѣ о себѣ, не губите меня, рѣшеніе мое твердо, неизмѣнно; вамъ я обязана жизнію нравственною: моей благодѣтельницѣ, моей второй матери жизнію вещественною, одна другой стоитъ, безъ послѣдней нѣтъ первой! Я буду любить васъ во всемъ, всюду, всегда, до послѣдняго издыханія—но безъ вашего личнаго присутствія, оно невозможно, оно преступно!

Таня кончила, перечитала письмо, глаза ея жадно перебѣгали со строчки на строчку, она прерывисто дышала, точно торопилась куда-то или боялась, чтобъ ее не поймали, или ей недоставало воздуха; потомъ дрожащими руками сложила письмо, сунула его въ конвертъ, надписала адресъ, опрокинулась головой на спинку кресла, закрыла глаза и полились градомъ слезы по щекамъ ея. Она не плакала, или по-крайней-мѣрѣ въ этомъ плачѣ не было слышно ни стона, ни всхлипыванья, ни даже малѣйшаго вздоха, однѣ только слезы лились невольно.

Долго она сидѣла въ такомъ положеніи, утренній лучъ солнца давно скользилъ по щекѣ ея, золотилъ разсыпанные въ безпорядкѣ волосы, игриво отсвѣчивался въ выкатившейся слезѣ, она все сидѣла и по-временамъ вздрагивала. Птички запѣли дружнымъ хоромъ, затянулась заунывная пѣсня мужика на пашнѣ, дворня застучала, забѣгала, засуетилась, солнце цѣлымъ свѣтлымъ столпомъ ворвалось въ комнату, она все сидѣла блѣдная, изнеможенная, съ запекшимися губами, все вздрагивала и очнулась только тогда, когда Наташа постучалась къ ней въ комнату.

— Барышня, голубушка, тамъ барину лошадей привели, отъѣзжаютъ, барыня за чаемъ сидятъ, ждутъ васъ! говорила горничная, оглядывая съ ногъ до головы госпожу свою.

— Лошадей! безсознательно повторила Таня и остановилась какъ вкопаная. Наташа, я очень блѣдна? да, очень?.. я ночь не спала, не могла спать... дай воды, я одѣнусь, я растрепана, я сама не знаю... говорила она очень скоро, то приглаживая волосы, то оправляя воротничекъ и платье.

Горничная подала воду. Таня намочила полотенце, прикладывала его къ глазамъ, терла имъ лобъ свой.

— Ничего, Наташа, ничего не замѣтно? спросила она нѣсколько минутъ спустя, остановившись передъ горничной.

— Ничего, барышня! въ недоумѣніи отвѣтила послѣдняя.

Татьяна Петровна вздохнула, схватила письмо, сунула его въ карманъ, подошла къ двери, но вдругъ вернулась.

— Наташа, ты никому про меня не сказывай, ты молчи, молчи Христа ради! произнесла она умоляющимъ голосомъ и вышла.

Въ столовой Елена Ивановна сидѣла за чаемъ, она поджидала Таню и мухъ отгоняла; физіономія ея сіяла радостію, она улыбалась, безпрестанно взглядывала на Алексѣя Иваныча, какъ-будто заговорить съ нимъ хотѣла. Послѣдній стоялъ отвернувшись, у окна, лица его не было видно, онъ задумчиво глядѣлъ на стоявшую у крыльца почтовую тройку, да на собравшихся около нея деревенскихъ ребятишекъ.

Въ комнату вошла Татьяна Петровна, она искоса, мимоходомъ взглянула на Радимцева и почтительно поцѣловала руку хозяйки.

— Алексѣй Иванычъ уѣзжаетъ! произнесла послѣдняя такимъ тономъ, какъ будто сообщала свѣжую новость, о которой сама только-что узнала.

— Уѣзжаетъ!.. неопредѣленно отвѣтила Таня и сѣла къ столу за самоваромъ, такимъ образомъ, что ни Елена Ивановна, ни Радимцевъ не могли видѣть лица ея.

Послѣдній повернулся.

— Да, уѣзжаю, уѣзжаю! проговорилъ онъ въ свою очередь очень поспѣшно, какъ-бы задыхаясь отъ внутренняго волненія и сѣлъ къ столу.

Наступило грозное, зловѣщее молчаніе, походившее на тишь въ природѣ—предвѣстницу бури.

Таня сидѣла понуривъ голову; она рада была, что самоваръ скрываетъ ее, ей было слишкомъ тяжело, она боролась, старалась казаться равнодушною, притворялась, обманывала самоё себя.

Алексѣй Иванычъ изподлобья взглядывалъ на сестру,

досадывалъ на все окружающее; много желчи накопилось въ душѣ его; онъ хотѣлъ говорить, но думалъ и собирался съ силами, или, быть можетъ, удерживалъ ихъ, чтобъ разразиться сильнѣе, нещаднѣе.

Даже на губахъ Елены Ивановны исчезла улыбка, она какъ-то разсѣянно пила свой чай; ей было неловко.

— Куда-жъ, Алексѣй Иванычъ, покатите теперь, далеко, я думаю? вопросительно произнесла она, взглядывая на брата.

— Куда глаза глядятъ, свѣтъ великъ! нехотя отвѣтилъ онъ.

— То-то насладитесь, диковинокъ насмотритесь...

— Я диковинокъ много видѣлъ, такихъ диковинокъ, какихъ не увижу больше,—страшныхъ! злобно замѣтилъ Радимцевъ и глаза его засверкали.

— Тамъ новенькія, тамъ чудеса, отвѣтила хозяйка, не понявъ намека брата. Тамъ ужъ мѣста не нашимъ чета, мудреное все да хорошее.... Читала я книжку, давно ужъ, путешествіе описывается..... Таня, вотрушекъ-то приготовили? неожиданно дабавила она.

— Не знаю, маменька, еле-слышно отвѣтила Татьяна Петровна. Елена Ивановна встала и подошла къ двери.

— Пашка! крикнула она.

Таня между тѣмъ проворно вытащила письмо и бросила къ Алексѣю Иванычу.—Онъ схватилъ его, сунулъ въ карманъ, взглянулъ на дѣвушку какъ–будто и благодарилъ, и жалѣлъ, и упрекалъ ее, и напоминалъ ей о своей любви и прощался съ нею. Она не видала этого взгляда.

Радимцева вернулась, сѣла на свое мѣсто и повела рѣчь о читанномъ ею путешествіи.

— Ну, Алексѣй Иванычъ, благодарю васъ, говорила она четверть часа спустя, сестру не забыли, навѣстили, скуку нашу разогнали, теперь и умирать легче, отраднѣе, все роднаго увидѣла! Она встала.

Алексѣй Иванычъ послѣдовалъ ея примѣру и началъ собираться. За столомъ осталась одна Таня.

— Хорошо роднаго увидѣть! все родной! продолжала Елена Ивановна умилительнымъ тономъ, вотъ и прошедшее

вспомнишь, и то и другое; уѣдете, опять запремся, такая ужъ жизнь наша, привыкли такъ!... охъ, тяжело, съ гостями нагрѣшишь только! Глаза ея заморгали, она вздохнула, облокотилась на ручку кресла и ждала когда братъ подойдетъ прощаться.

Послѣднiй медлилъ; то застегивалъ сюртукъ, то поправлялъ галстухъ, то надѣвалъ перчатки.

Въ дверяхъ торчала цѣлая дворня, собравшаяся смотрѣть на барскiе проводы.

— Елена Ивановна, прикажите людямъ уйти, произнесъ Радимцевъ дрожащимъ голосомъ.

Хозяйка взглянула на него.

— Чего собрались?.. вонъ! грозно крикнула она.

Дворня разбѣжалась.

Алексѣй Иванычъ подошелъ къ сестрѣ и пристально взглянулъ на нее.

Она смѣшалась и, въ свою очередь, поглядѣла на брата. Минута была страшная. Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Радимцевой, она вспомнила вдругъ и сонъ свой и зловѣщiя слова Яши и предсказанiя старухи странницы.

— Что вы?!.. робко спросила она.

— Я ничего... я проститься хочу, проститься такъ, чтобъ вы не забыли меня, моего присутствiя! выразительно произнесъ онъ, бросилъ на столъ фуражку, скрестилъ на груди руки и уставилъ грозный, пронзительный взглядъ на сестру, такой взглядъ, какъ-будто съ ногъ до головы вымѣрялъ ее.

Елена Ивановна затряслась и судорожно схватилась за ручку кресла.

— Что вы?!... снова спросила она.

— Я проститься пришелъ, попрежнему произнесъ Алексѣй Иванычъ.

— Прощайте! насильно вымолвила хозяйка, не зная куда повернуть голову.

Блѣдная, какъ смерть, Таня выдвинулась изъ-за самовара, она крѣпко держалась за сосѣднiй стулъ, всѣ члены ея похолодѣли, замерли, она съ какимъ-то невыразимымъ, безсознательнымъ ужасомъ смотрѣла на происходившее.

Дѣйствительно, Алексѣй Иванычъ былъ страшенъ; онъ поблѣднѣлъ, губы его дрожали, грудь тяжело дышала, въ глазахъ сверкала молнія.

— Я проститься пришелъ! повторилъ онъ чуть не по складамъ,—до такой степени дыханіе прерывало слова его. Я пришелъ объявить вамъ правду, пришелъ сказать, что нѣтъ человѣка, нѣтъ женщины, нѣтъ звѣря отвратительнѣе васъ!... Я много терпѣлъ, много страдалъ, много накопилось желчи въ груди моей, пора излить преступленіе!

Елена Ивановна пожелтѣла и затряслась какъ въ лихорадкѣ.

Въ комнату вошелъ Петръ Кононычъ, съ огромными воротничками подъ носомъ; онъ остановился въ дверяхъ, разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза.

— Что вы изъ себя сдѣлали? грозно продолжалъ Радимцевъ. Какъ воспользовались жизнію? въ какое ничтожество, въ какую грязь обратили вы ее, какимъ зломъ заразили все окружающее? Я все разскажу, все напомню, пора! вашъ часъ пришелъ! пусть всѣ узнаютъ васъ, узнаютъ васъ, узнаютъ вашу черствую, мрачную душу, пусть всѣ отвернутся отъ васъ, какъ отъ грѣха исказившаго божіе ученіе, божій промыслъ, поправшаго его святую волю!.. что вы такое?!.. Сперва вы были пустой, избалованной дѣвчонкой, потомъ вѣтряной, бездушной кокеткой, вѣшались на шею къ мужчинамъ, ловили жениховъ, поймали наконецъ какого-то дурака и мерзавца, который обманулъ, надулъ васъ самымъ пошлымъ образомъ, съотчаянія вы бѣсновались, тиранили все подвластное, готовы были утопиться, броситься, не скажу куда, совѣстно присутствующихъ,—деревенская глушь спасла васъ отъ этого пути.... Тогда вы перемѣнили направленіе, вздумали убивать свою плоть, гнусно обманывать самоё себя, заперлись въ духотѣ и смрадѣ, окружили себя дурами, думали создать свою жизнь на зло природѣ, наперекоръ Богу!.. Остатки добра вы замѣнили злостью, ненавистью къ человѣку, ко всему доброму, истинному, прекрасному!... Вы не могли видѣть любящую дѣвушку потому, что завидовали ей; вы презирали мужчинъ потому, что они стали недоступны для васъ!.. Зависть и злоба одолѣла, душила васъ!... Вы об-

манывали Бога лицемѣріемъ, ханжествомъ, ложной молитвой, приторнымъ суевѣріемъ; въ вашемъ сердцѣ не было ни раскаянія, ни любви, ни покорности волѣ провидѣнія, въ немъ было одно зло, одна борьба противъ добродѣтели... Вы окончательно погубили, развратили себя!

Елена Ивановна слабо вскрикнула, упала въ кресла. Ноги у ней подкосились, она вся дрожала, корчилась, ёжилась, не могла ничего говорить, вытаращила глаза и смотрѣла на Алексѣя Иваныча, какъ на ужасное, сверхъестественное явленіе, пришедшее убить ее.

— Вамъ было мало губить себя, продолжалъ послѣдній, вы хотѣли видѣть въ другихъ, свое подобіе, этимъ вы думали оправдать зло, узаконить его!.. Вы взяли дѣвочку, ребенка, вырвали изъ природы ея созданіе, велѣли ей дышать, думать по-своему и погубили ее!.. Кто убиваетъ ножемъ, тотъ менѣе преступенъ, тотъ уничтожаетъ жизнь человѣка, а вы портите, совращаете, отравляете душу его! Онъ замолчалъ, чтобъ перевести духъ и взглянулъ на Таню.

Она сидѣла попрежнему блѣдная, неподвижная, какъ къ смерти приговоренная.

Петръ Кононычъ не смѣлъ пошевельнуться, онъ вытянулся въ дверяхъ какъ вкопаный и хлопалъ глазами.

— Посмотрите на этотъ цвѣтокъ, что̀ вы изъ него сдѣлали? продолжалъ Алексѣй Иванычъ, задыхающимся отъ волненія голосомъ, что продолжаете дѣлать?!.. вѣдь вы Богу дадите отвѣтъ за него, слышите, Богу, Богу!... Вы скажете, что̀ мнѣ за дѣло, какое я имѣю право распоряжатся чужою жизнію, учить, указывать, я не учу, учить поздно!.. я мстить хочу!.. сама природа вступается за попранныя права свои, за свое поруганіе, не я казню, природа казнитъ васъ, я счастливъ, что она меня избрала своимъ орудіемъ, я имѣю право говорить, я буду говорить, я долженъ говорить!.. Я человѣкъ и вступаюсь за человѣка, за цѣль его жизни, за его назначеніе!.. Я братъ вашъ и презираю васъ, какъ человѣка истребившаго на себѣ все человѣческое, презираю, какъ сестру опозорившую мое имя, вы пятно моей совѣсти!.. Я люблю, люблю вотъ эту несчастную!» Онъ указалъ на Та-

тьяну Петровну. И пришелъ казнить васъ, какъ преступницу поднявшую руку на мою святую любовь!.. Я не пророкъ, не Яша съ откровеніемъ, не полуумная старуха разсказывающая приторныя бредни, я просто человѣкъ, только мой голосъ сильнѣе всѣхъ Яшъ и старухъ шевельнетъ васъ!... Что ожидаетъ васъ?!. проклятіе, одно проклятіе будетъ вашимъ удѣломъ, проклятіе отъ подчиненныхъ, отъ равныхъ, отъ дѣтей, старцевъ, отъ кого хотите, проклятіе и проклятіе!» Онъ замолчалъ, вытеръ рукою мокрый лобъ свой, взглянулъ на сестру, нѣсколько минутъ оставался неподвиженъ и тяжело дышалъ, какъ-будто собирался съ силами, хотѣлъ еще говорить и припоминалъ все ли высказалъ, наконецъ махнулъ рукой, схватилъ фуражку и подошелъ къ Танѣ.

— Прощайте, Татьяна Петровна! произнесъ онъ тихимъ, прерывающимся голосомъ.

Таня ничего не отвѣчала, она сидѣла неподвижно, облокотившись на стѣнку стула, и казалось не чувствовала гдѣ она и что съ ней происходитъ.

Радимцевъ взялъ ея руку, она была холодна.

— Прощайте! повторилъ онъ, простите меня, я не могъ молчать, прощайте, да сохранитъ васъ Богъ!.. берегите себя, еще не все кончено! добавилъ онъ почти шопотомъ, крѣпко поцѣловалъ ея руку и жаркая слеза выкатилась изъ глазъ его.

— Прощайте, Петръ Кононычъ! произнесъ онъ съ чувствомъ, пожимая руку кума и цѣлуя его въ губы. Стойте за дочь, за вашего ангела, спасите ее!

Кумъ остался неподвиженъ, какъ пораженный громовымъ ударомъ.

Алексѣй Иванычъ вышелъ на крыльцо, раскланялся съ дворней, вскочилъ въ телѣгу и почтовый колокольчикъ зазвенѣлъ, брякнулъ подъ самымъ ухомъ Радимцевой. Она очнулась и повела глазами.

Нѣсколько минутъ она не могла ничего говорить, какъ человѣкъ ошеломленный страшнымъ, неожиданнымъ ударомъ, безсознательно смотрѣла на окружающіе предметы, точно припоминала что-то и вдругъ повернулась къ куму.

— Ты былъ здѣсь? спросила она, притворно равнодушнымъ голосомъ.

— Былъ-съ! отвѣтилъ растерявшійся кумъ

Глаза Елены Ивановны засверкали.

— Зачѣмъ ты былъ здѣсь, зачѣмъ?! крикнула она такъ, что Петръ Кононычъ вздрогнулъ,—и ты пришелъ убить меня?.. ну убей, убей!.. всѣ за-одно, всѣ сговорились.... и передъ тобой я виновата, нищимъ, бродягой, шутомъ, скоморохомъ, пьяницей!... виновата передъ тобой, виновата?!.. говори, я покаюсь.... вонъ отсюда, вонъ! снова крикнула она, повалилась на спинку кресла и пронзительно зарыдала.

Петръ Кононычъ сдѣлалъ шагъ назадъ и остановился за дверью.

Татьяна Петровна попрежнему сидѣла неподвижно, только лице ея выражало меньше борьбы, меньше страданія; она столько вынесла, столько разнообразныхъ ощущеній перебывало въ ея сердцѣ, что все предстоящее не могло ужасать ее, оно казалась ничтожнымъ въ сравненіи съ прошедшимъ, было только его отголоскомъ, его слѣдствіемъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

Радимцева все всхлипывала, наконецъ она утерла глаза, встала, шатаясь, какъ съ похмѣлья, подошла къ Танѣ и крѣпко схватила ее за руку.

— Что это значитъ, что значитъ?!.. говори! грозно спрашивала она, тряся руку дѣвушки,—чье это дѣло, чье?.. за что обезславила, опорочила?.. чье дѣло?.. говори!.. казни, грызи!.. я знать хочу!.. кончай!.. я ничего не боюсь, говори! добавила она дико.

— Маменька! прошептала Таня.

— Врешь, не маменька, не лги, не морочь, я врагъ твой, я преступница, я ядомъ вскормила тебя!... ты виновата, ты!... ты сговорилась съ нимъ, ты насказала ему!.. молчишь? молчи, лучше молчи!.. предательница, развратница!

— Маменька! вскрикнула Таня и повалилась въ ноги къ Радимцевой. Маменька, маменька! повторяла она отчаянно, хватаясь за ея платье. Клянусь, я люблю васъ, я ничему не вѣрю, ничего не знаю, я попрежнему люблю васъ!.. я ниче-

го не говорила, я всегда защищала васъ, никого на свѣтѣ я не промѣняю на васъ!

Елена Ивановна хотѣла что-то сказать, но Таня прервала ее.

— Вы моя благодѣтельница, заступница, вы, вы!.. васъ только люблю, я докажу это, васъ, васъ! повторяла она.

— Выходи, Таня, замужъ за него, онъ женится на тебѣ, выходи, я благословлю тебя! вдругъ произнесла Радимцева совершенно спокойнымъ тономъ.

Татьяна Петровна пристально взглянула на нее.

— Какъ благословлю?! спросила она.

— Ну да, онъ любитъ тебя, благословлю какъ мать; будьте счастливы! повторила Елена Ивановна какъ-то насильно.

— Никогда! отвѣтила Таня и горько заплакала.

Радимцева оглядѣлась, заперла наглухо двери и выслала Петра Кононыча.

Неизвѣстно, что происходило дальше между двумя женщинами, только когда часъ спустя Таня вышла изъ столовой, лице ея было спокойнѣе прежняго, физіономія выражала что-то твердое, рѣшительное, какъ у человѣка окончательно къ чему нибудь готоваго, раскаявшагося, облегчившаго свое страданіе, свою вину искреннимъ сознаніемъ. Она вошла къ себѣ въ комноту, тамъ стояла Наташа съ письмомъ въ рукѣ.

— Баринъ вамъ отдать приказали! робко сказала горничная, оглядываясь и не совсѣмъ рѣшительно подавая письмо.

— Какой баринъ?! произнесла Таня, строго нахмуривъ брови.

— Баринъ, Алексѣй Иванычъ, повторила дѣвушка шопотомъ, безпремѣнно наказывали, какъ—говоритъ,—уѣду, такъ барышнѣ и отдай, пусть прочитаютъ, нужное, говорятъ.

— Нужное?! повторила Таня, зачѣмъ ты брала, зачѣмъ, кто позволилъ тебѣ?.. не ко мнѣ оно, поди брось его, сожги, не хочу я читать!. твердо прибавила она.

Горничная стояла въ нерѣшимости и глядѣла на госпожу свою.

— Слышишь, брось?.. я не буду читать! повторила послѣдняя.

— Какъ-же-съ, барышня?.. замѣтила дѣвушка, переминая письмо.

— Ну, оставь, положи на столъ, все равно!.. произнесла наконецъ Татьяна Петровна какимъ-то болѣзненнымъ тономъ.

Наташа исполнила приказанiе и вышла изъ комнаты.

Таня проводила ее, заперла на ключъ двери, подошла къ столу, взяла письмо и опустилась на стулъ.

— Еще жертва, еще!.. когда-же все кончится, все!.. когда даже память исчезнетъ?! произнесла она въ изнеможенiи, послѣдняя жертва! выразительно добавила она, судорожно распечатала письмо и принялась читать.

Глаза ея наполнились слезами, засвѣтились теплымъ, неподдѣльнымъ счастiемъ, она снова любила, говорила, думала съ предметомъ своей страсти, забыла Елену Ивановну, свои обѣщанiя, клятвы, свое полное отреченiе и вдругъ руки ея затряслись, слезы на глазахъ пропали, ужасная внутренняя боль выразилась на лицѣ, она проворно смяла письмо, изъ груди вылетѣлъ мучительный, тяжелый вздохъ.

— Опять! прошептала она съ ужасомъ, опять? никогда, никогда!.. Боже, Боже! что творится со мной, спаси меня! Она всплеснула руками и упала на колѣни передъ образомъ.

Письмо было слѣдующаго содержанiя:

«Милостивая государыня, Татьяна Петровна! Есть въ природѣ какая-то сила невидимо управляющая человѣкомъ, на зло его волѣ, заставляющая его дѣлать то, о чемъ онъ никогда и не думалъ, чего положительно не хотѣлъ, не могъ хотѣть. — Сила эта смѣется надъ человѣческимъ умомъ, сердцемъ, однимъ взмахомъ уничтожаетъ всѣ его разсчеты, дѣла, стремленiя; борьба съ нею трудна, невозможна; изъ этой борьбы человѣкъ рѣдко выходитъ побѣдителемъ. Такая сила постоянно тяготѣетъ надо мною; не говорю про далекое прошлое, Богъ съ нимъ! стоитъ взглянуть на одно ближайшее. — Думалъ-ли я когда-нибудь ѣхать къ сестрѣ, а поѣхалъ, зачѣмъ, почему, что влекло меня, какая потребность?.. наперекоръ моему желанiю эта сила толкнула меня, она не давала мнѣ покоя, ворочалась въ головѣ, безотчетно шептала въ уши: поѣзжай, поѣзжай, ты обязанъ ѣхать!.. Думалъ-ли

я найти здѣсь то, что нашелъ, узнать жизнь, отвѣдать счастія; думалъ-ли я воспользоваться жизнію такъ, какъ воспользовался?.. Увы, мечты, надежды разсыпались въ прахъ, разлетѣлись какъ пузыри мыльные!.. Почему я уѣзжаю отсюда въ то время, когда рѣшительно не хотѣлъ-бы ѣхать, почему не уѣхалъ раньше, не могу уѣхать позже, оставляю васъ такъ странно, такъ внезапно, бросаю начатое мною дѣло на произволъ той-же силы, которая заставила меня начать его?.. А между тѣмъ въ дѣлѣ этомъ, въ его окончаніи моя радость, мое счастіе, вѣнецъ жизни моей; почему, наконецъ, я такъ горячо взялся за это дѣло, а теперь руки у меня опустились?.. не отъ недостатка-же воли,—воля есть, желаніе грудь давитъ; такъ оно сильно, а между тѣмъ что-же я дѣлаю?.. молчу, покоряюсь, чему? самъ не знаю, почему все это?.. Право, есть отъ чего съ ума сойти!.. Отчего все вооружается, все бунтуетъ противъ самыхъ чистыхъ побужденій человѣка?!.. Я возмутилъ, нарушилъ покой вашъ, разбудилъ отъ сна и полюбилъ въ этомъ миломъ пробужденіи, полюбилъ зарю вашей жизни, зачѣмъ, къ чему?.. Чтобъ сказать: я люблю васъ, этого мало, этого меньше чѣмъ мало!.. Правда, прежде я довольствовался этою малостью, не сознавалъ возможности большаго, не думалъ о немъ, но тогда ваша заря грѣла, освѣщала меня; теперь она скрылась, я вспоминаю, но не вижу ее.—Да, Татьяна Петровна, я бы достигъ моей цѣли, назвалъ себя счастливымъ, еслибъ могъ цѣлую жизнь оставаться у васъ такъ, какъ оставался эти два мѣсяца и только!.. Я былъ слишкомъ упоёнъ, настоящее было такъ хорошо, что не хотѣлось ничего лучшаго, не вѣрилось въ возможность лучшаго!.. Чѣмъ болѣе окружающее зло бѣсило, волновало меня, тѣмъ больше я любилъ васъ; безъ этого зла быть можетъ не было бы и любви: оно было необходимо. Я негодовалъ и задыхался отъ счастія, глядя на васъ, привѣтствуя ваше обновленіе. Мало сказать: я люблю васъ, какъ люблю!.. разсказать нельзя, это выше духа моего, выше моей природы!.. Есть вещи, для выраженія которыхъ обыкновенный языкъ недостаточенъ; въ настоящую минуту, клянусь вамъ, я желалъ бы лучше умереть, чѣмъ сѣсть въ телѣгу и скакать по вашему приказанію. Этого

приказанія я не понимаю, боюсь понимать,—такъ оно ужасаетъ меня. Неужели заря потухла, неужели снова прежнія густыя облака покрыли ее, неужели сестра окончательно и на вѣки пересилила правду, овладѣла вашимъ умомъ, душою, сердцемъ?—быть не можетъ! вѣдь рано или поздно восторжествуетъ же истина. Неужели вы искренно испугались меня, неужели въ дѣйствительности, непритворно повѣрили нашептыванью сестры, разумно, съ сознаніемъ покаялись передъ ней, отъ глубины сердца отреклись отъ меня какъ отъ дьявола?—быть не можетъ! потому что слишкомъ страшно, слишкомъ ужасно!—тогда бы я назвалъ себя безсильною, ничтожною тварью, а весь свѣтъ, всю природу покровительницей лжи и насилія!.. Или надъ вами тяготѣетъ та же невидимая сила, что и надо мной, заставляетъ васъ дѣлать чего вы не думаете, не хотите, говоритъ, приказываетъ устами вашими?.. Или вы просто боитесь вдругъ, открыто отказаться отъ стараго, уродливаго платья носимаго вами съ дѣтства? боитесь потому, что платье это завѣщано, передано вамъ взамѣнъ святыни; боитесь оскорбить его коренныхъ владѣльцевъ?.. Или вы поклонились мнѣ за мои уроки, сказали: спасибо тебѣ, ты мнѣ больше не нуженъ, мое сердце широко, умъ свѣжъ, свободенъ; ты азбукѣ научилъ меня, читать я сама съумѣю?.. И только, только, только!.. Не вѣрится, Татьяна Петровна, потому что слишкомъ больно, слишкомъ невыносимо! Нѣтъ, я говорю не отъ сердца, я слишкомъ мраченъ. Настоящее мое положеніе такъ тяжело, такъ болѣзненно, что все мнѣ кажется грустнымъ, унылымъ, обманчивымъ, вооружившимся на мою голову. Прочь сомнѣнія, прочь хитросплетенія ума, его зловѣщіе, оскорбительные расчеты! Гдѣ любовь, тамъ одно сердце, пусть-же и говоритъ оно.—Простите за смѣлость, быть можетъ я ошибаюсь, даже быть можетъ мысль моя покажется вамъ дерзкою, оскорбительною, что дѣлать!—При отсутствіи настоящаго человѣкъ живетъ надеждой на будущее; въ бѣдствіи онъ хочетъ вѣрить возможности счастія, умирая — жить хочетъ, въ полномъ разочарованіи думаетъ очаровать, обмануть самого сябя, такъ и я!.. Я привыкъ вѣрить говору сердца, откликаться на малѣйшій призывъ его; а сердце мое чуетъ что-то хорошее, оно бьется

такъ ровно, такъ полно огня, жизни, оно любитъ и ему кажется, что есть другое сердце бьющееся съ нимъ одинаково, живущее одною съ нимъ жизнію, отвѣчающее ему тою-же любовью; ему кажется, что сердце это въ васъ! — Да, Татьяна Петровна, въ васъ, простите меня, иначе быть не можетъ, такъ должно быть!.. Нельзя человѣку не любить самого-себя, а въ насъ одинъ общій духъ, одна мысль, одна идея, различны только формы, подъ условіями которыхъ развились этотъ духъ, эта идея. — И такъ, вы меня любите; пусть такъ, я хочу этого. Какая дивная гармонія! Вы будете меня любить, вамъ нельзя забыть меня, точно также, какъ мнѣ нельзя забыть васъ: это бы значило забыть то, чѣмъ мы живемъ, дышемъ. — Если мы разлучаемся матеріально, наружно, то изъ этого не слѣдуетъ чтобъ мы могли разлюбить другъ-друга внутренно,—никогда!.. Присутствіе этой любви есть вѣчный, неизмѣнный законъ природы. Чтобъ уничтожить его въ человѣкѣ, нужно сердце вырвать!.. И такъ, разлука не уничтожитъ любви, она только измѣнитъ выраженіе ея; вмѣсто тихаго, безмятежнаго счастія, наполнитъ душу горечью, страданіемъ, вѣчною, безъисходною мукою.—Зачѣмъ же, Татьяна Петровна, вы просите этого страданія, насильно привязываетесь къ нему? Вы любите воздухъ, онъ составляетъ вашу потребность; вы знаете, что безъ него будете томиться, мучиться; быть можетъ не перенесете этихъ мученій, и требуете, чтобъ васъ лишили его, заперли въ духоту, къ чему?.. Неужели только благодарность къ сестрѣ, боязнь навлечь на себя ея негодованіе, заставляютъ васъ посягать на самоубійство, злоупотреблять своею жизнію, этимъ святымъ достояніемъ?!.. Опомнитесь! Вы дѣлаете страшное преступленіе. За кусокъ хлѣба вы думаете обезобразить человѣка, перекроить вѣнецъ божьяго творенія; вы хотите наперекоръ уму, сердцу, убить, уничтожить самоё себя!.. Вспомните, что ваше уничтоженіе будетъ уничтоженіемъ и другаго. — Сестра не хочетъ видѣть васъ замужемъ; она съ тѣмъ ростила васъ, съ тѣмъ кормила хлѣбомъ, чтобъ вы наслѣдовали ея убѣжденія; ей не хотѣлось умирать, не оставивъ плодовъ по себѣ; нельзя было жить, не привязавшись къ чему нибудь; она уродствовала, но и въ

этомъ уродствѣ видна женщина, видны ея назначенiе, ея общая жизнь,—и она не измѣнила своей природѣ, и въ ней есть потребность любви, потребность раздвоенiя, только она отвернулась отъ добра и полюбила зло. — Вы дѣйствовали безъ сознанiя, какъ ребенокъ; теперь вы созрѣли, сознанiе пробудилось въ васъ, а вы хотите куда-то спрятать его, зарыть въ землю, замазать, заштукатурить естественный цвѣтъ молодости!.. Не могу я слышать этого, не могу сносить вашего насильнаго, притворнаго безобразiя, потому, что люблю истину, люблю природу, а слѣдовательно и васъ! По вашему приказанiю я уѣзжаю отсюда, но, противъ вашего желанiя, не навсегда, не на вѣки. Да, Татьяна Петровна, въ послѣднемъ случаѣ позвольте мнѣ не послушаться васъ, послушаться васъ я не могу, это бы значило добровольно поднять на васъ руку, вырвать свое сердце. На будущую весну я снова буду здѣсь; я не явлюсь къ сестрѣ, вы узнаете почему; не нарушу ея покоя, онъ и безъ того слишкомъ возмущаетъ меня, но васъ увижу, увижу непремѣнно, во что бы то ни стало!.. Зачѣмъ?... Въ эти мѣсяцы, въ мое отсутствiе и вы сознаете необходимость видѣть меня, но только не съ тѣмъ, чтобъ разлучиться снова: въ это время вы увѣритесь въ томъ, чему до сихъ поръ вы еще вѣрить боитесь; это время рѣшитъ все, оно окончательно вылечитъ васъ. Такъ мнѣ кажется, такъ должно быть!... Безъ этой надежды, безъ этой увѣренности въ лучшемъ, правдивомъ будущемъ, клянусь, я не оставилъ бы васъ! Прощайте, Татьяна Петровна. Куда я ѣду, гдѣ буду, не знаю, знаю одно, что всегда и вездѣ буду съ вами. Прощайте! Берегите себя для любви, для счастiя; осчастливьте меня вашимъ окончательнымъ, полнымъ исцѣленiемъ.

VIII.

Прошелъ мѣсяцъ. Таня поклялась Еленѣ Ивановнѣ воротиться на прежнiй путь, забыть минутное, невольное за-

блужденіе, очистить себя отъ грѣха и преступленія, смыть дьявольское навожденіе. Она каялась такъ непритворно, такъ искренно плакала, что казалось сама вѣрила и грѣху своему, сама приписывала ему что-то ужасное, и необходимости этой клятвы и возможности ея исполненія.

Съ чего же начать, какъ заставить молчать сердце, запретить ему биться, какимъ средствомъ убить память, забыть незабвенное, какъ выключить изъ всей своей жизни эти несчастные два мѣсяца, какъ заснуть такъ, чтобъ проснуться съ очищенною совѣстью, то есть, съ полнымъ уничтоженіемъ всего случившагося? Таня недолго думала, Елена Ивановна и тутъ помогла ей, выручила изъ бѣды. По совѣту, или, вѣрнѣе, приказанію благодѣтельницы, бѣдная дѣвушка, въ наказаніе самой себѣ, рѣшительно отреклась отъ жизни, уничтожила свои привычки, свои незатѣйливыя, необходимыя удовольствія. Она заперлась въ душной комнатѣ; утреннія и вечернія прогулки ея кончились, не по времени года, а по какой-то обязанности искупленія отъ мнимаго грѣха, возможнаго только при совершенномъ прекращеніи всего жизненнаго. Прежняя любовь къ природѣ замѣнилась насильнымъ, тупымъ къ ней равнодушіемъ; она боялась видѣть людей, говорить съ ними, чтобъ эти люди не шевельнули ея сердца, убивала свою плоть, отказывала себѣ въ пищѣ, вошла въ тѣсныя, дружественныя отношенія со всевозможными побродягами, странниками и странницами. Она наложила на себя эпитимію и этимъ матеріальнымъ убійствомъ думала убить себя нравственно, то есть, заглушить свои чувства, сдѣлаться прежней Таней, этимъ ребенкомъ, сроду невидавшимъ истинной жизни; она выучилась ходить и хотѣла снова ползать на четверенькахъ; она знала, что ходить лучше, удобнѣе и думала забыть это удобство, уничтожить его. Ей казалось, что она сдѣлала для любви все, что этимъ всѣмъ навсегда разочлась съ нею; она совершила невозможное, сдѣлала то, о чемъ и помышлять боялась, высказалась, написала письмо къ Алексѣю Иванычу для того, чтобъ уяснить самой себѣ свою любовь, свое мнимое преступленіе, сильнѣе выразить его, а слѣдовательно и сильнѣе, искреннѣе покаяться. Были минуты, въ которыя она даже горди-

лась этою любовью, видѣла въ ней какое-то испытаніе, посланіе судьбы, послужившее къ ея очищенію. Она мысленно утѣшала сама себя, говорила: «безъ грѣха нѣтъ покаянія, ужасенъ грѣхъ—сладко прощеніе, разрѣшеніе отъ него». Теперь она взвѣшивала каждое свое слово, оглядывалась при каждомъ шагѣ, обдумывала малѣйшее дѣло, каждый день отдавала отчетъ самой себѣ и радовалась, засыпала спокойно, если въ этомъ отчетѣ не было ничего противнаго принятой ею роли. Она притворялась не изъ желанія обмануть другихъ, казаться не тѣмъ, что есть, она притворялась передъ самой собою, обманывала самоё себя, хотѣла казаться самой себѣ какимъ-то страннымъ, темнымъ существомъ безъ воли и сердца. Она насильно старалась разубѣдить себя въ томъ, въ чемъ убѣдилась невольно, думала воротить себя, разомъ остановить свое стремленіе, перехитрить сердце, заглушить умъ, и употребляла для этого всевозможныя средства. Засыпала не иначе какъ съ книгой, разумѣется взятой изъ библіотеки Радимцевой; если и не хотѣлось ей читать, она себя принуждала; утромъ, послѣ молитвы, тотчасъ отправлялась къ Еленѣ Ивановнѣ, цѣлый день не отходила отъ нея, навязывалась на самые нелѣпые разговоры, радовалась когда приходилъ Яша или какая нибудь старуха юродивая, съ благоговѣніемъ выслушивала ихъ болтовню, и прочее. Всѣ эти дѣйствія были страшнымъ насиліемъ, добровольно принятымъ наказаніемъ; только Таня не хотѣла сознаться въ немъ; она боялась, чтобъ это сознаніе не пришло ей въ голову и всячески отдаляла его. Въ письмѣ къ Алексѣю Иванычу она думала и говорила иначе, тогда она дѣйствовала прямо, отъ чистаго сердца; мысли ея и теперь не измѣнились, только она разгоняла, давила ихъ добровольно наложеннымъ на себя гнётомъ. Легко-ли было для Тани такое отреченіе и какъ она успѣла въ немъ, увидимъ впослѣдствіи.

Елена Ивановна съ своей стороны не могла нарадоваться, глядя на свою воспитанницу; она все забыла, все простила, передъ ней стояла Таня лучшая чѣмъ прежде, обновленная, Таня требующая ея поученій, восторгающаяся ея восторгомъ, думающая одинаково съ нею, Таня отрекшаяся

отъ свѣта, повидимому перещеголявшая уродствомъ свою наставницу. Объ Алексѣѣ Иванычѣ Радимцева и вспоминать не хотѣла, какъ о чемъ-то дурномъ, неприличномъ, грѣховномъ.

«Экая благодать въ тебѣ», говорила она, съ умиленіемъ глядя на Татьяну Петровну, «есть погордиться чѣмъ, есть! Теперь и мнѣ въ пору учиться у тебя, словно не отъ себя говоришь. Господи, Господи! вотъ до какой благодати кротость да смиреніе доводятъ!»

Зато Петръ Кононычъ думалъ иначе: эта благодать, эта излишняя кротость и смиреніе казались ему чѣмъ-то зловѣщимъ. Послѣ отъѣзда Алексѣя Иваныча онъ взглянулъ на дочь такими глазами, какъ не смотрѣлъ давно, быть можетъ съ самаго ея рожденія. Прощаніе Радимцева съ сестрой, его слова выразительно брошенныя: «стойте за дочь вашу, спасите ее», сильно запали въ сердце старика. Онъ безпокойно всматривался въ Таню, качалъ головой, недоумѣвалъ, терялся, чувствовалъ, угадывалъ что-то недоброе, сознавалъ, что нужно дѣйствительно спасать, а какъ и отъ чего, не зналъ. Въ послѣднее время онъ даже измѣнилъ свой образъ жизни: пересталъ пить, таскаться по разнообразнымъ знакомымъ, играть шутовскую роль; какая-то тяжелая дума овладѣла всѣмъ существомъ его. Не разъ кумъ думалъ объясниться, поговорить съ Еленой Ивановной, заявить свои права, потребовать у ней отчета, но каждый разъ рѣшимость его пропадала; да и о чемъ говорить, какой отчетъ, какія права? — онъ давно отступился отъ нихъ.

«Баба шальная, характерная», разсуждалъ онъ самъ съ собою, «дастъ она разговоръ мнѣ!—послѣдняго лишитъ, вотъ и шабашъ, тогда и таскайся, свисти да въ кулакъ слезы выжимай.... вонъ и братъ родной какъ отчестилъ ее, стало быть стоитъ того, понапрасну человѣка ругать не станетъ, правый человѣкъ за себя вступится, свой голосъ подастъ!... и что это съ Таней, неладное что-то, вижу неладное, не по себѣ она; что бы, кажется?—одѣта, накормлена! вотъ и плохой отецъ, а лучше чужаго, отецъ родной все чуетъ, все!... привелось милостыней жить, за нее и расплачивайся, серд-

цемъ отдувайся!... Спаси дочь!... знаю, что спаси, языкомъ-то трещать легко, а какъ я спасу ее, отъ какой гибели?... коли ты умный да добрый человѣкъ, такъ и объясни, научи дурака стараго, такъ молъ и такъ, а то чортъ разберетъ тутъ, потому дуракъ, умъ пропилъ, дуракъ и есть!»

А между тѣмъ Таня съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе насильствовала надъ собою, дѣйствовала наперекоръ природѣ, уму, сердцу, волѣ. Если сегодня какъ-нибудь нечаянно мелькнулъ въ ея головѣ образъ Алексѣя Иваныча, то на завтра этотъ образъ искупался новыми жертвами, выбивался изъ памяти новыми неестественными ограниченіями. Иногда Таня по цѣлымъ днямъ, въ наказаніе самой себѣ, ничего не пила, не ѣла, отказывала себѣ въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ, мучила, изнуряла себя до такой степени, что даже Елена Ивановна находила такія дѣйствія ужъ черезчуръ строгими.

«Полно тебѣ, Таня», говорила она, «успокойся, вѣдь и въ монастыряхъ не живутъ такъ; и тамъ, подика-сь, отраду да удовольствіе себѣ доставляютъ... Знаю, что доброе дѣло дѣлаешь! кто говоритъ! даже умиляешься на тебя глядя; отговаривать тоже грѣхъ, а только человѣкъ слабъ, можетъ и не подъ силу ему!... Боюсь я за тебя, Таня, побереги ты себя! Вонъ, исхудала какъ, лица нѣтъ. Въ деревнюшкѣ тутъ старичекъ живетъ, сказываютъ, пособляетъ въ болѣзняхъ, силу такую имѣетъ, заговариваетъ что-ли, обратиться-бы къ нему, Таня?»

— Я, маменька, здорова, совсѣмъ здорова, отвѣтила Татьяна Петровна, не отчего лечиться мнѣ, я лечиться не хочу, не буду лечиться, да будетъ святая божія воля! выразительно добавила она.

Дѣйствительно, Таня въ послѣднее время такъ перемѣнилась и похудѣла, что ее положительно нельзя было узнать. Свѣжій, розовый цвѣтъ лица замѣнился прозрачно-желтымъ, щеки впали; на нихъ по-временамъ началъ показываться какой-то лихорадочный, неестественный румянецъ, глаза осунулись, сдѣлались больше, все лице какъ—будто вытянулось, кости на рукахъ обозначились яснѣе, сухой, звонкій кашель вырывался изъ груди ея. Несмотря на такое измѣ-

неніе, Таня не подурнѣла; напротивъ, физіономія ея сдѣлалась еще привлекательнѣе, еще симпатичнѣе; въ ней было что-то невыразимо жалостное. Страданіе ея не обдавало душу холодомъ, оно звучалб тихо, кротко, какъ пѣснь заунывная; оно было необходимо и прекрасно, какъ заря потухающая; оно манило къ себѣ; глядя на него, жить не хотѣлось. Она таяла, испарялась, отдѣлялась отъ земли, улетала въ лучшій, но невѣдомый міръ.

А между тѣмъ время тянулось своимъ чередомъ. Прошла осень, наступила зима. Поля и луга покрылись снѣгомъ, стали одною необозримою гладью, деревья обнажились и побѣлѣли, на дворѣ заскрыпѣли полозья, дворня перестала бѣгать босикомъ, день только дразнилъ свѣтомъ, сдѣлался мрачнымъ, короткимъ, въ крестьянскихъ лачугахъ затрещала лучина, Елена Ивановна надѣла ватный шугай, окна въ ея домѣ законопатились, двери затворялись плотнѣе... Не пахнетъ вѣтерокъ съ свѣжимъ запахомъ сѣна, ничего не слышно въ воздухѣ, морозъ трескучій сковалъ его, исчезла жизнь въ природѣ, она уснула, уснула временно, затѣмъ, чтобъ обрадовать человѣка своимъ обновленіемъ, собраться съ новыми силами, засіять еще ярче, еще величественнѣе,.. а Таня?—Таня все таяла.

Петръ Кононычъ послѣ долгихъ сборовъ рѣшился наконецъ поговорить съ Еленой Ивановной. Началъ онъ очень издалека, чуть-ли не съ своего младенчества, замѣтилъ неизвѣстно почему, что очень способнымъ мальчишкой былъ, что разъ даже пострадалъ за эту способность,—вырѣзалъ глаза изъ портрета бабушки и былъ жестоко высѣченъ; но вдругъ краснорѣчіе его истощилось, онъ растерялся, насказалъ совершеннаго вздору и кончилъ тѣмъ, что себя же потеряннымъ человѣкомъ назвалъ. Заикнулся-было кумъ и про то, что Таня больна, что ей нужно изъ города доктора выписать, но получилъ порядочный нагоняй и чуть-чуть не попросилъ прощенья.

— Эка сочинилъ! говорила ему Елена Ивановна, мало видно за бабушку сѣкли тебя! не много ума было, а на старости и остатки растресъ,.. доктора!.. Она блаженствуетъ, а онъ доктора! микстурами ихними лечить вздумалъ! блага не

понимаешь! Гдѣ бы радоваться, что дочь умиляется, благодатью пропитывается, молитъ за тебя, стараго грѣховодника, а онъ доктора!.. Пущу я къ себѣ этого Нѣмца въ домъ! Вишь, выдумалъ, не таковская, разъ обезобразилась, другой не проведешь!.. сидѣлъ бы лучше въ своей клѣтушкѣ: благо—топятъ изъ милости! не въ свое дѣло суешься!

— Какъ-же, матушка, отецъ все же!..

— Отецъ! подхватила Радимцева. Вишь, назвалъ себя отцомъ да и хвалится! Эка, отецъ въ самомъ дѣлѣ! отъ чужаго куска крошками дочь покормитъ, такъ и отецъ!.. лучше молчалъ-бы, стыда нѣтъ!

Кумъ отвернулся и утеръ кулакомъ слезы. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Однажды, послѣ обѣда, Елена Ивановна отправилась по обыкновенію отдохнуть, въ столовой остались Петръ Коноцычъ съ дочерью. Долго продолжалось молчаніе. Татьяна Петровна сидѣла на диванѣ, облокотившись на подушку; она казалась усталою, закрыла глаза и тяжело дышала, запекшіяся полураскрытыя губы ея улыбались. Петръ Каноцычъ помѣстился напротивъ, на кончикѣ стула; онъ безпрестанно ворочался, ворчалъ что-то подъ носъ, открывалъ ротъ и закрывалъ снова, изподлобья взглядывалъ на дочь, каталъ хлѣбные шарики и кормилъ ими помѣщавшуюся у ногъ его собаку. Прошло еще нѣсколько минутъ. Молчаніе не прерывалось.

— Танюша, спишь? не смѣло спросилъ наконецъ кумъ.

Таня открыла глаза и уставила ихъ на отца.

— Нѣтъ,.. я такъ! отвѣтила она, какъ-будто очнувшись.

— Морозъ сегодня, замѣтилъ кумъ.

Татьяна Петровна ничего не отвѣтила.

Молчаніе возобновилось.

Петръ Кононычъ взглянулъ на дочь и тотчасъ опустилъ глаза, какъ-будто испугался ея взгляда.

— Грустишь, Танюша? неопредѣленно произнесъ онъ.

— Какъ грустишь? повторила Таня.

Петръ Кононычъ смѣшался.

— Такъ!.. скучно то есть, съ человѣкомъ бываетъ, все бываетъ...

— Нѣтъ!.. отчего грустить мнѣ?

— Больна, можетъ? замѣтилъ кумъ и смѣлѣе прежняго взглянулъ на дочь.

— Я здорова! твердо отвѣтила Таня, какъ-бы испугавшись отцовскаго замѣчанія. Съ чего это толкуютъ всѣ, продолжала она слабымъ голосомъ, обижаютъ только! такіе-ли больные бываютъ! отчего болѣть мнѣ? съ лица измѣнилась,— эка бѣда какая! вотъ придетъ весна, поправлюсь!

— Полтора мѣсяца осталось, замѣтилъ кумъ.

— Долго еще! очень слабо отвѣтила Таня и опустила глаза; улыбка на устахъ ея исчезла и замѣнилась какою-то горечью.

Молчаніе возобновилось.

— Вотъ, Таня, снова началъ кумъ, тревожно перебирая пальцами, все я поговорить хочу; поговорить нужно, потому родственныя чувства такія; знаешь, и то и другое и ничего, то есть, говорить не можешь, а только ты сама разсуди, я все же отецъ тебѣ...

Таня открыла глаза.

— Что съ вами, папенька? спросила она, съ грустію всматриваясь въ лице отца.

— Ничего, Танюша, я ничего,.. только сказать хотѣлъ, попросить то есть, жаль мнѣ тебя, потому отецъ все же!..

— Какъ жаль?!.. чего жалѣть меня? я всѣмъ довольна, мнѣ хорошо, я счастлива! произнесла Татьяна Петровна болѣзненнымъ тономъ.

— Жаль, ты не по себѣ, Танюша!

— Какъ не по себѣ?

— Жаль! громче прежняго повторилъ Петръ Кононычъ и на глазахъ его блеснули слезы.

Татьяна Петровна вопросительно смотрѣла на него.

Прошло нѣсколько секундъ, кумъ подсѣлъ ближе къ дочери.

— Вотъ, Танюша, голубушка, говорилъ онъ почти шопотомъ, безпрестанно оглядываясь въ ту сторону, гдѣ была спальня Елены Ивановны, конечно ничего я не знаю, су-

дить не могу, прости ты меня, я только такъ, къ слову то есть,.. баринъ этотъ, братъ...

Татьяна Петровна вздрогнула, на щекахъ ея выступилъ яркій румянецъ.

— Не говорите, не говорите! произнесла она поспѣшно и закашлялась.

Петръ Кононычъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Я ничего, Танюша, я сторона, повторяю только,.. онъ сказалъ, схватилъ это меня за руку, крѣпко сжалъ».. стойте за дочь вашу, спасите ее»!.. вотъ-что сказалъ...

Татьяна Петровна съ ужасомъ глядѣла на отца; казалось, она совершенно обезсилѣла; руки у ней опустились, холодный потъ выступилъ на лицѣ.

— Танюша, не выдай ты меня Христа ради, не погуби, вѣдь можетъ и вправду такое слово сказалъ онъ, продолжалъ Петръ Кононычъ. Все изъ-за тебя, Танюша, и сестру то есть, изъ-за тебя все!.. можетъ и добрый человѣкъ онъ, достойный, не знаю я его, тебѣ лучше знать... По виду только... прощался, такъ плакалъ даже, руку поцѣловалъ у тебя, чувство его такое!..

Таня молчала.

— Ничего я не знаю, ничего, я человѣкъ бѣдный, потерянный,.. ты бы вотъ отцу-то передала, отецъ родной доброму научитъ, все покроетъ, все!.. чужимъ кускомъ тоже не весело жить, Богъ съ нимъ съ добромъ этимъ!.. спаси, говоритъ, а какъ я спасу, почемъ я знаю, научи ты меня!

Таня судорожно схватила отца за руку, глаза ея блестѣли, грудь высоко подымалась, она часто, прерывисто дышала, силилась выговорить что-то да силъ не хватало.

— Я спасена! произнесла она наконецъ какъ-то отрывисто, удушливо, точно много труда стоило ей произнести это слово, повалилась на подушку и залилась слезами.

Кумъ совершенно растерялся, онъ цѣловалъ руки дочери, плакалъ, просилъ прощенія, прислушивался, оглядывался.

— Таня, Танюша, голубушка, царица моя, твердилъ онъ, не губи ты себя,.. успокойся,.. прости дураку старому, обезумѣлъ, видитъ Богъ обезумѣлъ!.. живи какъ хочешь,.. птичка ты моя райская!.. Таня! Таня!

Татьяна Петровна ничего не могла говорить, смертная блѣдность покрывала лице ее.

Послѣ этого разговора съ дочерью, Петръ Кононычъ положительно не зналъ что думать, что дѣлать, у него, какъ говорится, опустились руки и ноги, онъ видѣлъ, что Таня мучится, угасаетъ, слабѣетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе и между тѣмъ съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на нее, онъ скорбѣлъ о ней молча, скорбѣлъ и не двигался съ мѣста. Да что могъ сдѣлать этотъ слабый, ничтожный, нищій старикъ, не имѣвшій ни кола ни двора? Онъ и любить-то дочь могъ только скрытно, потихоньку, тайкомъ отъ Елены Ивановны, не смѣлъ высказать своей любви, благодарилъ Бога и считалъ себя счастливымъ за то только, что эта дочь милостива къ нему. Гдѣ же ему учить, какъ давать совѣты, вооружаться противъ насилія, ему, обязанному кускомъ хлѣба! Что дѣлать, бѣднякъ, твоя рѣчь впереди, молчи до поры до времени, придетъ пора, когда кровь заговоритъ въ тебѣ!

Таня, съ своей стороны, боялась чтобъ Петръ Кононычъ при случаѣ снова не вздумалъ заговорить съ ней. Она вѣрила отцу, догадывалась что онъ что-то почуялъ, быть можетъ, даже угадалъ причину ея болѣзни, внутренно соглашалась съ нимъ, рада была слушать его, высказаться, раздѣлить нѣмое горе свое и насильно избѣгала этой радости. Она чувствовала, что рано или поздно простыя, теплыя слова старика могутъ поколебать ея сердце, напомнить то, что она должна забыть, что забыть обязалась, поклялась, на что наложила тяжелый спудъ, за что страдала, чѣмъ болѣла и мучилась. И теперь, продолжи Петръ Кононычъ рѣчь свою, говори онъ дальше, смѣлѣе, убѣдительнѣе, настойчивѣе, Богъ знаетъ что бы сдѣлалось съ Таней, твердость видимо измѣняла ей, задавленныя чувства рвались наружу; послѣ этихъ словъ она не знала куда дѣться, образъ Алексѣя Иваныча насильно стоялъ передъ нею, мерещился во всемъ, смѣялся надъ ея слабостью, говорилъ: не мучь, не обманывай себя, ты любишь меня! Она избѣгала встрѣчи съ отцомъ, боялась смотрѣть на него, цѣлый вечеръ просидѣла въ спальнѣ съ Еленой Ивановной, не на шутку испугалась, когда послѣд-

няя хотѣла послать за кумомъ, а на другой день упросила благодѣтельницу ѣхать куда-то въ монастырь на богомолье.

А между тѣмъ эта борьба съ самой собою, борьба съ природой, съ естественными влеченіями сердца, это самоуничтоженіе, дорого стоили бѣдной дѣвушкѣ, боль нравственная быстро развивала боль физическую, ростила, кормила ее, кашель усиливался, всѣ симптомы страшной разрушающей болѣзни съ каждымъ днемъ увеличивались. Таня все скрывала, силилась казаться здоровою, притворно улыбалась, отвергала лекарства, обманывала уже не самоё себя, а другихъ, отца да благодѣтельницу Елену Ивановну. Она знала причину своей болѣзни, предвидѣла исходъ ея и смотрѣла на него какъ на необходимость, какъ на лучшій конецъ своего тягостнаго положенія. Она устала бороться, чувствовала, что еще день, два, и борьба эта кончится, переполненное сердце вырвется наружу, заговоритъ, выскажется,—зачѣмъ?—для упрековъ, проклятій!.. Правда, эти упреки не вѣчны, не долго придется ей слушать ихъ!.. А Елена Ивановна?.. нѣтъ, она не должна знать, зачѣмъ отравлять дни ея, терзать совѣсть, платить зломъ за добро!.. А отецъ?... онъ лишится куска хлѣба, мщеніе за дочь падетъ на его сѣдую голову!.. Лучше же умереть, смертію заставить молчать сердце, зарыть свою тайну съ собою въ могилу, успокоить и другихъ и самоё себя, оставить по себѣ не упрекъ, а сожалѣніе, никого не обвинить, никого не назвать убійцей, умеретъ скорѣй!.. Близка весна, а весной новая борьба, новыя усилія!.. Нѣтъ, смерть лучше, смерть одинъ конецъ!

Дѣйствительно, Татьяна Петровна какъ-бы готовилась къ смерти, какъ-бы сознавала, что дни ея сочтены, что въ эти дни ей нужно многое сдѣлать, сосредоточить цѣлую жизнь; въ послѣднее время она уже не разгоняла своихъ мыслей, не боялась ихъ, не давила свои чувства, она отдыхала отъ совершеннаго насилія, дала волю своему сердцу, отдалась ему вся, радовалась его говору; она знала, что не долго наслаждаться ей тою волею, не долго упиваться этимъ гармоническимъ говоромъ. Запершись въ своей комнатѣ, она вынимала письмо Алексѣя Иваныча, перечитывала, цѣловала

его, плакала надъ нимъ, только слезы эти лились не съ горя, не съ отчаянія; онѣ лились отъ полноты чувства, эти слезы были кроткимъ, тихимъ прощаніемъ съ возможностью счастія. Она торопилась жить, хотѣла извѣдать жизнь какъ можно глубже, насладиться ею какъ можно болѣе. Она даже повеселѣла, казалась свѣжѣе, здоровѣе, кашель уменьшился, дыханіе сдѣлалось ровнѣе, спокойнѣе, глаза засвѣтились ярче, жизненнѣе. Она перестала избѣгать отца, ласкалась къ нему такъ, какъ никогда не ласкалась, точно прощалась съ нимъ.

Бѣдный Петръ Кононычъ былъ совершенно счастливъ.

— Господи, да какъ мнѣ и благодарить тебя! говорилъ онъ, обцаловывая руки дочери, спасибо, спасибо тебѣ, Таня, ангелъ ты божій, никогда ты меня не любила такъ... вотъ и поправилась, ей Богу поправилась, а весной Богъ дастъ и совсѣмъ поздоровѣешь, молочкомъ отпоимъ, весной все оживаетъ, запоютъ птички, зацвѣтутъ деревья, хорошо весной, Танюша, поправишься!

— Хорошо весной! на-распѣвъ повторила Таня! знаете-ли, что весной будетъ, скоро, скоро будетъ?! проивнесла она съ восторгомъ.

Кумъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Весной мое счастье!.. весной я умру!

Кумъ вздрогнулъ.

— Что ты, что ты, Таня, Господь съ тобой, что говоришь ты... спаси и помилуй!.. Таня, Танюша! говорилъ онъ со слезами, сжимая руки дочери.

— Вамъ жаль меня будетъ? грустнымъ, утвердительнымъ тономъ произнесла она.

— Танюша, да не мучь ты меня, не ворочай сердца! почти крикнулъ кумъ.

Татьяна Петровна взглянула на отца и улыбнулась.

— Нѣтъ, я такъ... сама не знаю, что въ голову пришло... я здорова, право здорова, мнѣ хорошо, легко такъ... мнѣ нужно жить, нужно!.. весной вотъ что будетъ: онъ пріѣдетъ! добавила она выразительно.

— Кто онъ, Таня?

— Онъ! повторила Татьяна Петровна и въ глазахъ ея

сверкнула такая радость, такое счастіе, что Петръ Кононычъ засмѣялся отъ восторга, какъ малый ребенокъ, чему? самъ не зная. Онъ! продолжала Таня на-распѣвъ, ласкаясь къ отцу, онъ, Алексѣй Иванычъ!.. я ничего вамъ не говорила, я ждала все, теперь скажу, теперь нужно сказать!.. я люблю его, очень люблю, и онъ меня любитъ, я замужъ за него выйду! добавила она очень грустно.

Петръ Кононычъ всплеснулъ руками.

— Матушка, Танюшечка!.. ну вотъ поди ты! почти крикнулъ онъ, а я–то дуракъ старый, эка башка деревянная, вѣдь чувствовалъ, ей-Богу чувствовалъ, такъ и толкаетъ, такъ и толкаетъ, вижу что-то такое, а растолковать не могу, потому не знаешь, хочу сказать и боюсь.... экое счастье, экое счастье!.. вѣдь онъ богатый человѣкъ, Таня, человѣкъ хорошій, непьющій, въ ротъ не беретъ!.. барыней будешь, вонъ она дочка-то наша!.. Онъ захохоталъ.

— Добрый онъ человѣкъ! продолжала Таня какъ-бы сама съ собою, не обращая вниманія на восторгъ отца; всему научилъ меня, всему! съ нимъ я жизнь узнала... маменьку упросить можно, она проститъ ему, согласится, благословитъ!

— Да ну ее съ маменькой, я благословлю, врагъ она тебѣ! шепнулъ кумъ.

Таня вздрогнула и строго взглянула на отца.

— Бога побойтесь, стыдно, грѣшно говорить такъ, произнесла она съ упрекомъ, чуть не плача, она моя благодѣтельница; кто ее обижаетъ, тотъ тиранитъ меня, она все для меня, я для нея всѣмъ, всѣмъ пожертвую, свою жизнь отдамъ, я поклялась ей! добавила она выразительно и вдругъ руки ея затряслись, изъ глазъ полились слезы, она ослабѣла, упала въ кресла и тяжело дышала.

Кумъ бросился помогать дочери.

Нѣсколько дней спустя Таня благословила къ вѣнцу горничную Наташу. Она такъ хлопотала объ этой свадьбѣ, такъ сочувствовала ей, съ такимъ увлеченіемъ занималась ею, такъ неподдѣльно радовалась, точно выдавала замужъ своего лучшаго друга, точно утѣшала себя, замѣняла счастіемъ

Наташи свое собственное счастіе, казалось она переселилась въ нее, отдавала ей свою жизнь, свою душу.

Много труда стоило Танѣ упросить Елену Ивановну, увѣрявшую, что неприлично дѣвушкѣ вмѣшиваться въ такое нечистое дѣло, тѣмъ болѣе холопское; но наконецъ, послѣ долгихъ неотступныхъ просьбъ и усилій, Радимцева махнула рукой и согласилась, сказавши, что позволяетъ потому только, что Таня не такъ здорова, отказываетъ себѣ во всемъ, такъ пусть потѣшится, позабавится чѣмъ нибудь. И не только одной этой заботой ограничились хлопоты Татьяны Петровны, нѣтъ, она сама одѣла невѣсту къ вѣнцу, долго любовалась ею, надѣлила всѣмъ чѣмъ возможно, подарила много бѣлья, отдала лучшія свои платья, такъ-что горничная растерялась, расплакалась и не знала брать иль не брать и какъ благодарить свою госпожу.

Трогательно было видѣть, какъ Татьяна Петровна, съ образомъ въ рукѣ, со слезами на глазахъ, блѣдная, слабымъ, но внятнымъ голосомъ, говорила напутственную рѣчь невѣстѣ, стоявшей передъ ней на колѣняхъ. Эта рѣчь не была похожа на рѣчь неопытной дѣвушки, на говоръ разбитаго сердца, на совѣтъ подруги, на наставленіе барыни, нѣтъ, здѣсь говорила вдохновенная женщина, она исповѣдывала свою жизнь, открывала свои заповѣдныя тайны другой женщинѣ, дѣлилась съ нею, передавала за-живо свое достояніе, возможность своего счастія, въ полной увѣренности, что ей самой не придется имъ воспользоваться, она добровольно слагала съ себя жизнь, разсчитывалась съ нею, отдавала ее другой, себѣ подобной, какъ залогъ любви, какъ основу земнаго блаженства

Горничная заливалась слезами.

— Прощай! будь счастлива! сказала Татьяна Петровна въ заключеніе, Богъ да благословитъ тебя!.. передаю я тебѣ, Наташа, свое счастіе, завѣщаю жизнь свою! Она обняла невѣсту и долго, долго цѣловала ее.

Только глухія, сдержанныя рыданія нарушали тишину этой сцены.

IX.

Началась весна, побѣжали ручьи съ горъ, обнажилась и почернѣла земля, отогрѣвалась жгучимъ весеннимъ солнцемъ, испускала густые пары, пробивалась и зеленѣла на ней травка, птички перерѣзывали воздухъ, чирикали и пѣли; деревенскіе ребятишки, обрадовавшись теплу, бѣгали по лужамъ; легкій вѣтерокъ разгонялъ сырость, оживала, просыпалась природа и, казалось, можно было прислушаться къ ея пробужденію, къ ея дѣтскому, обыкновенному говору. Окна въ домѣ Радимцевой растворились, въ нихъ врывалось солнце, прорѣзывалось сквозь зеленыя сторы, играло на полу и стѣнахъ. Елена Ивановна скинула ватный шугай и замѣнила его шерстяною кофточкой, дворня сняла сапоги, лапти и прочую доморощеную обувь, гуси и утки переселились на жительство въ огромную, стоячую лужу; жизнь запестрѣла на всемъ, закопошилась всюду, все оживало... Ожила и Таня!.. Повеселѣла, дышала ровнѣе, свободнѣе; казалось, какая-то тяжесть свалилась съ нея, что-то теплое, отрадное наполнило душу; даже заговорила она громче, смѣлѣе, твердая увѣренность выразилась на исхудаломъ лицѣ; только ея оживленіе не походило на оживленіе природы, оно было насильно, неестественно, непродолжительно; не распускаться, не блестѣть готовилась она: въ этомъ оживленіи было что-то зловѣщее.

Ожилъ и Петръ Кононычъ. Послѣ разговора съ дочерью, послѣ извѣстія объ Алексѣѣ Иванычѣ, о его намѣреніяхъ, онъ сталъ другимъ человѣкомъ, засіялъ, возгордился, вознесся. Воображеніе его наполнилось самыми розовыми мечтами, онъ отложилъ настоящее и зажилъ блестящимъ будущимъ. Онъ видѣлъ дочь замужемъ, видѣлъ ее счастливой, независимой, богатой барыней, разъѣзжающей въ каретѣ, принимающей генераловъ, видѣлъ ея трехъ–аршиннаго лакея, въ фантастической ливреѣ, вытянутаго на запяткахъ, себя франтовски одѣтаго въ сюртукѣ бронзоваго цвѣта, съ тонкими, бѣлыми воротничками, съ тросточкой въ рукахъ,

расхаживающаго по Невскому проспекту; онъ думалъ даже какъ и кому продать свои души: мужика съ двумя бабами, на что употребить вырученныя за нихъ деньги, кого и какъ позвать на свадьбу, гдѣ вѣнчать, какихъ пѣвчихъ выписать, городскихъ или помѣщичьихъ; ему ужъ слышался громкій возгласъ дьячка: «а жена да убоится своего мужа!» Онъ воображалъ какъ удивятся сосѣди, какъ будутъ пожимать ему руки, какъ станутъ величать: «вы почтеннѣйшій, достойнѣйшій Петръ Кононычъ!» какъ вытаращатъ глаза жена и дочь становаго пристава, какъ угоститъ его исправникъ, какъ, наконецъ, раскутится онъ самъ, какъ грузно выпьетъ на радости за здоровье дочери. Но лучшею, задушевною мечтою Петра Кононыча, его полнымъ, совершеннымъ восторгомъ, была мысль объ Еленѣ Ивановнѣ.. Въ душѣ онъ ненавидѣлъ Радимцеву, боялся ея, какъ человѣка, которому всѣмъ обязанъ, который поитъ, кормитъ да только черезчуръ солоно, цѣною слезъ и горечи, и вдругъ обязанность эта исчезнетъ, онъ самъ баринъ, своимъ возвышеніемъ онъ отомститъ за свое поруганіе, поблагодаритъ за хлѣбъ-соль и завистью обольетъ ея сердце. Какъ не радоваться, какъ не восторгаться! Не мудрено даже, что разъ при такой мысли кумъ прискакнулъ на своей постелѣ такъ, что изъ нея доски вылетѣли. Правда, онъ былъ увѣренъ, что Елена Ивановна не согласится на бракъ Тани, что сама Таня быть можетъ будетъ упрямиться, не захочетъ нарушить волю своей благодѣтельницы, что эта благодѣтельница пожалуй и наслѣдства лишитъ, но всѣ эти препятствія казались куму ничтожными, безсильными, чтобъ разрушить его счастіе. Таню можно уговорить, лишь бы женихъ пріѣхалъ, а наслѣдство, чортъ съ нимъ, и безъ него хватитъ. Петръ Кононычъ даже не задумался-бы огласить всѣмъ сосѣдямъ о будущемъ величіи дочери; онъ молчалъ, съ трудомъ пересиливалъ себя только потому, что Таня запретила ему говорить, убѣдила его въ необходимости тайны, включила ее въ число условій со стороны Алексѣя Иваныча. Только въ обращеніи съ Еленой Ивановной проглядывала у кума своего рода гордость, онъ сдѣлался какъ-то смѣлѣе, говорилъ увѣреннѣе, меньше путался, а разъ даже такъ

отвѣтилъ на какое-то замѣчаніе Радимцевой, что она глаза вытаращила.

— Что ты, батюшка, рехнулся! бѣлены что-ли объѣлся? говорила она, съ трудомъ удерживаясь отъ гнѣва, съ кѣмъ говоришь? равная что-ли досталась? добро забылъ, я разомъ напомню... зачѣмъ въ монастырь не идешь, чужому хлѣбу обрадовался, благо кормятъ, утроба ненасытная!.. смотри, пора и честь знать!

— Пора, матушка, точно пора!.. зачѣмъ же въ монастырь, можетъ и такъ проживемъ, въ мірѣ! многозначительно замѣтилъ кумъ.

Елена Ивановна плюнула и ничего не отвѣтила.

Таня, между тѣмъ, день ото дня становилась предупредительнѣе, нѣжнѣе, ласковѣе къ отцу своему; казалось, этими ласками она хотѣла выкупить свое прежнее отъ него отчужденіе. Теперь она взглянула на него какъ на отца, почувствовала, что въ ней течетъ кровь его; она говорила Петру Кононычу о своей любви, о своемъ счастіи, объ Алексѣѣ Иванычѣ, показывала и перечитывала письмо его, она ничего не скрывала, жадно дѣлилась съ отцомъ своими чувствами, точно обрадовалась, что есть наконецъ съ кѣмъ раздѣлить ихъ, есть возможность высказаться, облегчить, оправдать самоё себя, заразить своимъ счастіемъ другаго, ей близкаго. Она радовалась, что нашла сердце, которое ей сочувствуетъ, раздѣляетъ ея счастіе, бьется, живетъ одною общею съ нею мыслью. Она обнимала отца и задыхаясь говорила:

— Господи, что за человѣкъ онъ!.. нѣтъ лучше, нѣтъ краше его!.. разсказать нельзя, не понять вамъ его! . Онъ дышетъ добромъ, счастіемъ! безъ него міръ теменъ, сыръ, глухъ какъ могила,!

Бѣдный старикъ не зналъ, что дѣлать, что отвѣчать отъ радости, онъ плакалъ и смѣялся, гладилъ волосы дочери, глядѣлъ въ глаза ея, цѣловалъ ихъ и не замѣчалъ, что эти глаза горѣли слишкомъ сильно, что голосъ ея звучалъ болѣзненно, что она только бредила возможностью жизни и счастія.

А природа все оживала. Весна засіяла въ полномъ блес-

кѣ, солнце ярко горѣло на голубомъ небѣ, земля оцвѣтилась узорчатымъ ковромъ, деревья запестрѣли свѣжею, прозрачною зеленью, появились васильки да ландыши, въ воздухѣ запахло тысячами растеній, заплавали мотыльки и бабочки, затрещали невидимыя насѣкомыя, проснулся весь божій міръ, откликнулась и проснулась деревня. Затянулъ мужичокъ пѣсню звонкую, огласилъ ею темный боръ, растянулъ вдоль пыльной дороги, разослалъ по широкой пашнѣ, пустилъ по вѣтру словно вздохъ отъ сердца. Закопошились въ огородахъ женскія руки, озолотились солнцемъ косы русыя; прибрелъ дѣдушка посидѣть на завалинкѣ, полюбоваться благодатью божіей, старыя кости расправить; серебрится волосъ на головѣ его, вокругъ снуютъ ребята малые, смотритъ на нихъ дѣдушка и улыбается. А въ ясный вечеръ, подъ навѣсомъ на улицѣ, затрещала балалайка, дневной трудъ конченъ, тутъ парень, тамъ дѣвица, слова, взгляды мѣняются, гдѣ улыбка, гдѣ громкій смѣхъ, гдѣ тихій вздохъ, и всѣмъ хорошо, всѣмъ весело! кручины не вѣдаютъ иль забыли ее!....

А Таня?.. и Танѣ хорошо, весело!. Сидитъ она въ своей комнатѣ у растворённаго окна, съ письмомъ въ рукѣ, и улыбается, ждетъ не дождется друга милаго: зазвенитъ колокольчикъ, она сама не своя, сердце забьется, запрыгаетъ такъ, что духъ захватываетъ, помертвѣетъ, похолодѣетъ вся не отъ страху, а такъ, отчего, сама не знаетъ. Бояться ей нечего, не обманетъ же ее Алексѣй Иванычъ, пріѣдетъ, не сегодня, такъ завтра, чуетъ она близость его; не боится она и Елены Ивановны: что ей! ей все равно, пусть узнаетъ! Таня и сама разсказать готова; она молчитъ не изъ боязни навлечь на себя негодованіе благодѣтельницы,—не до него ей теперь, она молчитъ потому, что боится оскорбить предметъ своей чистой любви, своего благоговѣнія, услышать худое слово о немъ; она знаетъ, что не вынесетъ этого слова, что на смерть оно кольнетъ ее.

Притомъ же и сама Елена Ивановна не требуетъ никакихъ объясненій, она совершенно довольна Таней, видитъ въ ней какое-то просвѣтлѣніе, она ничего не подозрѣваетъ, не слышитъ чѣмъ бьется ея сердце, она слишкомъ черства для того, чтобъ разгадать состояніе души дѣвушки, она бы

и не повѣрила въ возможность его: по ея понятіямъ любовь шалость, бредъ, прихоть, дьявольское навожденіе, отъ котораго легко можно избавиться, стоитъ только заставить себя, пожалуй прошептать: аминь, разсыпься!. Прежде она быть можетъ и боялась этой любви, какъ чего-то сквернаго, нечистаго, искала, подозрѣвала ее, но теперь дѣло другое, теперь Таня очистилась, покаялась, если и былъ грѣхъ, она смыла его, она совершенствуется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, она блаженствуетъ! какая же тутъ любовь?не можетъ она оскверниться ею!... Любить значитъ выйти замужъ, а Таня занята другимъ, не замужствомъ, мысль о немъ не омрачитъ ея свѣтлыхъ мыслей.... Алексѣй Иванычъ уѣхалъ, онъ никогда не вернется, онъ явился только какимъ-то мимолетнымъ наказаніемъ, о которомъ Елена Ивановна и вспоминать боялась, отъ чего крестилась и отплевывалась. Она видѣла, что Таня больна, но болѣзнь эта казалась ей неопасною, она приписывала ее простудѣ, предлагала полечиться разными домашними средствами или послать за старичкомъ, что̀ болѣзни заговариваетъ. Въ послѣднее время Радимцева очень тревожилась какимъ-то вновь видѣннымъ сномъ, не относящимся впрочемъ до Тани. Ей приснилось что-то совершенно необычайное, громадно-нелѣпое, такое, чего она рѣшительно объяснить не могла. Попробовала поговорить съ Яшей, тотъ заболталъ совершенный вздоръ, обратилась къ старухѣ Аринушкѣ, та войну предрекла, хотя до войны Еленѣ Ивановнѣ не было никакого дѣла, посовѣтовалась съ бабой скотницей, славившейся отгадываньемъ сновъ, та о коровахъ заговорила. Исключая этого зловѣщаго сна, невольно засѣвшаго въ голову Радимцевой, во всемъ остальномъ она была совершенно спокойна.

Нѣсколько дней спустя, какъ-то утромъ, едва Таня успѣла подняться съ постели и одѣться, къ ней въ комнату вбѣжалъ Петръ Кононычъ. Онъ весь запыхался, едва могъ говорить, руки его дрожали, лице сіяло необыкновенною радостью.

— Пріѣхалъ!.. Алексѣй Иванычъ пріѣхалъ! произнесъ онъ поспѣшно, задыхаясь, и опустился на стулъ.

Таня вздрогнула, смертная блѣдность покрыла лице ея,

на губахъ мелькнула улыбка, глаза наполнились слезами, она крѣпко, обѣими руками схватилась за спинку кровати, хотѣла что-то сказать, но не могла и тяжело дышала.

Петръ Кононычъ радостно глядѣлъ на дочь.

— Пріѣхалъ!. ей Богу пріѣхалъ, письмо пишетъ.. учтивое такое... ко мнѣ пишетъ... сообщите, говоритъ, дочери сообщите... передайте... сюда будетъ!. говорилъ онъ, вытаскивая изъ кармана конвертъ и вытирая выступившія на глазахъ слезы.

— Пріѣхалъ! протяжно прошептала наконецъ Таня и вдругъ глаза ея заблестѣли, щеки зардѣлись яркимъ румянцемъ, грудь высоко подымалась, какая-то неестественная чрезмѣрная живость выразилась во всей ея физіономіи. Она проворно выхватила изъ рукъ отца письмо, хотѣла читать его, но тотчасъ-же отдала обратно.

— Читайте... говорите... гдѣ онъ?.. я ничего не вижу, не могу... читайте! говорила она задыхающимся голосомъ, откидывая назадъ волосы и вытирая рукою лобъ свой.

Кумъ съ трудомъ развернулъ письмо—до—такой степени тряслись его руки, и торопливо, запинаясь на каждомъ словѣ, прочелъ слѣдующее:

— Милостивый государь, Петръ Кононычъ! Надѣюсь... надѣюсь, что вы мнѣ не откажете въ позволеніи быть у васъ... у васъ сегоднишній день... я... я остановился въ ближайшей деревнѣ и по... по полученіи отвѣта отъ васъ явлюсь немедленно. Кумъ на минуту остановился. Отвѣчалъ, отвѣчалъ, за счастіе молъ почту, чуть посланнаго мужика не разцѣловалъ! «произнесъ онъ скороговоркой, заглушая одни слова другими и продолжалъ читать: явлюсь немедленно; устройте такъ, чтобъ я могъ видѣть у васъ Татьяну Петровну:... Татьяну Петровну, это необходимо. Ради Бога.... ради Бога не говорите ничего сестрѣ, иначе все пропало. Вѣрьте, я хлопочу для счастія вашей дочери, я долженъ спасти ее, долженъ объясниться съ ней и съ вами. Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть, Алексѣй Радимцевъ. На словахъ «глубокомъ уваженіи», кумъ сдѣлалъ особое удареніе.

Онъ плакалъ и цѣловалъ письмо.

— Благодѣтель, ей Богу благодѣтель... Ангелъ во плоти... эка радость!.. Таня! Танюшечка! говорилъ онъ, бросаясь къ дочери.

— Пріѣхалъ!. пріѣхалъ! повторяла она тихо, какъ бы сама съ собою, въ совершенномъ восторгѣ, и повисла на шею къ отцу.

Снова умолкли, ихъ замѣнили на нѣсколько минутъ звонкіе поцѣлуи, невольно вырывавшееся рыданіе радости да отрывочный, безсловесный шопотъ взаимнаго счастья.

— Ты, Таня, ко мнѣ придешь, ко мнѣ... поскорѣй приходи... я пойду уберусь тамъ.... Не вѣрится счастію, не вѣрится!.. лежу сегодня да думаю, вдругъ письмо, отъ кого? спрашиваю,—такъ я словно дуракъ какой захохоталъ съ радости.... распечатать не могу, руки ходуномъ ходятъ, читать не могу, глаза бѣгаютъ, эхъ!.... Приходи, Таня! добавилъ кумъ вытирая слезы.

— Приду! отвѣтила Татьяна Петровна такимъ глухимъ, внутреннимъ голосомъ, что Петръ Кононычъ какъ-то вопросительно взглянулъ на нее.

— Ты здорова? спросилъ онъ.

— Здорова! прошептала Таня, вонъ какъ горю вся... душно здѣсь!

— Это съ радости!.. такъ приходи... экое счастье привалило! повторилъ кумъ, засмѣялся, махнулъ рукой и подошелъ къ двери. Чтобъ она не знала! шепнулъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Татьяна Петровна подошла къ окну, нѣсколько минутъ она стояла неподвижно, положивъ руку на грудь; внутренняя физическая боль мучила ее, лице выражало сильное страданіе, она торопливо, съ какою-то непомѣрною жадностью, вдыхала въ себя свѣжій утренній воздухъ, потомъ въ изнеможеніи опустилась на стулъ, долго сидѣла, казалось уснула, наконецъ, собравшись съ силами, встала, боль утихла, на лицѣ мелькнула грустная, неопредѣленная улыбка, она позвала Наташу, велѣла подать себѣ бѣлое кисейное платье, одѣлась кое-какъ съ помощію горничной, расчесала волосы, накинула на голову бѣлый платокъ.

Во все это время она казалась довольно крѣпкою, смот-

рѣлась въ зеркало, расправляла складки на платьѣ, наряжалась кокетливо, какъ никогда не рядилась, только вдругъ руки ея невольно опускались, она выжидала нѣсколько минутъ и поднимала ихъ снова.

— Хорошо такъ? спросила она, остановившись передъ Наташей и опираясь на спинку кресла.

— Хорошо-съ, барышня, отвѣтила послѣдняя и взглянула на госпожу свою.

Дѣйствительно, Таня въ настоящую минуту была особенно хороша, но хороша страшно!—она походила на призракъ; въ ней было что-то неземное, могильное, обдающее холодомъ; бѣлое кисейное платье отзывалось саваномъ, вся физіономія казалось измѣнилась, потеряла свою жизненность онѣмѣла; она не выражала ни отчаянія, ни сожалѣнія, ни грусти, ни радости; большіе черные глаза были влажны, смотрѣли какъ-то безучастно, точно не смотрѣли; а только были открыты, на щекахъ горѣлъ яркій румянецъ, но какой-то необыкновенный, малиново-розовый; полураскрытыя уста тихо дышали, блѣдно-желтое лице было прозрачно, точно изъ воску вылѣплено.

Она простояла еще нѣсколько минутъ совершенно неподвижно, потомъ сдѣлала два шага и взяла горничную за руку.

— Прощай, Наташа! сказала она протяжно, тихо, неопредѣленно, сжимая ея руку. Прощай!.. проснется маменька, скажи ей, что я въ церковь пошла... а потомъ къ отцу зайду..

— Барышня, у васъ руки холодныя! замѣтила горничная съ испугомъ.

— Озябла! равнодушно отвѣтила Таня и тихо вышла изъ комнаты.

Наташа хотѣла-было послѣдовать за нею, но Татьяна Петровна остановила ее.

Флигелекъ, гдѣ жилъ Петръ Кононычъ, находился на полянѣ, на другомъ концѣ сада, между большой березовой рощицей и проселкомъ. Окнами онъ смотрѣлъ въ синюю, туманную даль, преграждавшуюся лѣсомъ, тыломъ выходилъ въ рощу. Наружность его походила на что-то среднее между простой крестьянской избой и хлѣбнымъ амбаромъ; съ одной стороны къ нему примыкалъ огородъ, на которомъ кромѣ пере-

рытыхъ грядъ, сломанаго пугала да собачьей конуры, ничего не было, съ другой,—торчалъ черный, развалившійся сарай. Чтобъ попасть въ это жилище со стороны дома Радимцевой, нужно было пройти или черезъ весь садъ, или обойти его полемъ по тропинкѣ.

Таня предпочла первое.

Она вышла на террасу, тихо, держась за перила, спустилась съ лѣтницы, ступила на площадку и остановилась, оглянулась кругомъ, какъ бы ища чего-то; казалось, ноги ея подкашивались и еле-держали туловище; она съ трудомъ стояла, невольно клонилась къ землѣ и тяжело дышала, точно ловила и глотала воздухъ. Спустя нѣсколько минутъ она отошла въ сторону и прислонилась рукою къ дереву, казалось она боролась со смертію, насильно хотѣла прожить лишній часъ, лишнюю минуту на свѣтѣ, дотащиться, доползти до того мѣста, гдѣ скрывалось ея счастіе. Она побрела снова, безпрестанно запинаясь, повременамъ останавливаясь, хватаясь за сучья и деревья. Ноги ея отяжелѣли, она насильно волочила и передвигала ихъ.

Вотъ уже половина сада пройдена, вотъ конецъ аллеи, за нею рощица, а тамъ нѣсколько шаговъ только... близко, близко!... И Таня, казалось, почувствовала эту близость, долго стояла она на роковой половинѣ, долго отдыхала, долго запасалась воздухомъ, собирала остатокъ силъ, потомъ взглянула впередъ и пошла бодрѣе прежняго. Платокъ съ головы ея свалился, крупныя капли пота текли по лицу, волосы распустились, она вся горѣла, ей было невыносимо душно, жарко, горячо, дыханіе задерживалось, но лице попрежнему было блѣдно, безжизненно, красныя пятна на щекахъ обозначились еще рѣзче, точно кровь запеклась въ нихъ. Она прошла садъ и вступила въ рощу. Вотъ и домъ, вонъ за огородомъ шевелится что-то, мохнатая собака съ громкимъ лаемъ кинулась на нее, но увидѣвъ знакомое лице, заласкалась, завизжала и побѣжала впередъ.

Прошла еще минута и Алексѣй Иванычъ съ кумомъ стояли передъ Таней.

Невозможно нарисовать эту сцену, нѣтъ силы, нѣтъ словъ передать ее. Всякое описаніе будетъ слабымъ, вялымъ, без-

жизненнымъ, предъ этимъ нѣмымъ говоромъ потрясенной души, вылетавшей изъ болѣзненнаго тѣла.

Таня стояла неподвижно, выпрямившись, прислонившись спиною къ дереву, руки ея вытянулись, она глядѣла на отца и Радимцева и казалось не видѣла, не узнавала ихъ; трудно было сказать плакало, или улыбалось лице ея, страдало или радовалось; что-то святое, торжественное отсвѣчивалось въ ея физіономіи, она какъ–будто хотѣла говорить, да не могла или словъ у ней не хватало или забыла языкъ человѣческій. Казалось, она не сама пришла сюда, а какая-то невидимая сила притянула ее. Она хотѣла бы броситься на шею къ отцу, къ Алексѣю Иванычу, и оставалась неподвижною, всѣ члены ея онѣмѣли, на ногахъ будто повисли тяжелыя гири, точно она въ землю вросла; она все сознавала, чувствовала много, много, чувствовала черезъ силу, да не могла выразить этихъ чувствъ ни словомъ, ни даже малѣйшимъ движеніемъ, холодъ охватывалъ, леденилъ ея тѣло, она стояла и кажется, малѣйшій вѣтерокъ могъ свалить ее.

Алексѣй Иванычъ поблѣднѣлъ и съ какимъ-то вопросительнымъ ужасомъ смотрѣлъ на Таню; руки его тряслись, деревья кружились и прыгали въ глазахъ его, въ ушахъ звенѣло, кровь въ жилахъ остановилась, сердце замерло и перестало биться; онъ не зналъ гдѣ онъ, что съ нимъ; боялся знать, не смѣлъ выговорить то, что было слишкомъ страшно, что мелькнуло въ умѣ его и остановилось, засѣло въ немъ. Казалось, онъ молча спрашивалъ Таню, требовалъ у ней отчета, вызывалъ заговорить, произнести хоть одно слово, оправдать себя, разсѣять его жестокую, невыносимую мысль. Любовь, ужасъ, полное, безъисходное горе выражалось на лицѣ его.

Петръ Кононычъ стоялъ въ двухъ шагахъ сзади; онъ притихъ, какъ будто замеръ, поворачивалъ голову, съ безпокойствомъ смотрѣлъ то на Таню, то на Алексѣя Иванычa, ему сдѣлалось страшно, почему, онъ самъ не зналъ.

— Татьяна Петровна! какъ-то черезъ силу выговорилъ наконецъ Алексѣй Иванычъ и подвинулся ближе къ Танѣ.

— Татьяна Петровна! повторилъ онъ громче, судорожнымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ и взялъ ее за руки.

Онѣ были совершенно холодны.

Изъ груди Алексѣя Иваныча вырвался такой мучительный, тяжелый вздохъ, точно въ ней порвалось что-то.

Онъ бросился цѣловать руки Тани.

— Прощай! произнесла она наконецъ шопотомъ, какъ-то отъ сердца и повалилась на шею къ Радимцеву.

— Прощай! снова повторила она, крѣпко, съ неимовѣрною силою, вцѣпилась въ плечи Алексѣя Иваныча, приподняла голову и мутными, неподвижными глазами глядѣла ему въ лице.

Петръ Кононычъ стоялъ возлѣ. Обыкновенно прилизанные волосы на головѣ его растрепались и торчали, маленькіе глаза раскрылись, сдѣлались большими, онъ трясся всѣмъ туловищемъ, какъ въ лихорадкѣ.

Вдругъ Таня обернулась къ нему, опустила одну руку и обвила ею шею отца.

— Прощай!.. папенька... еле-слышно проговорила она и такъ сильно вздрогнула, такъ крѣпко вцѣпилась въ отца и Алексѣя Иваныча, такъ повисла на нихъ всею своею тяжестію, такъ пристально смотрѣла имъ въ лица, такъ страшно, прерывисто дышала на нихъ, точно искала въ нихъ своего спасенія, точно боялась, что ее отымутъ у нихъ, хотѣла передать имъ свою жизнь, душу, разсказать сердце.

— Молитесь за меня!.. живите! глухо, отрывисто прошептала она, хорошо мнѣ,.. свѣтло,.. что это!.. Господи!.. ахъ, какъ хорошо!.. вотъ жизнь,.. радость,.. какъ я люблю сильно!.. Прощай!.. Прощай!.. повторила она совершенно глухо, голова ея упала къ нимъ на плечи и звукъ легкаго поцѣлуя раздался и умеръ въ воздухѣ.

Петръ Кононычъ и Радимцевъ стояли въ полномъ оцѣпенѣніе; они не смѣли, не могли пошевельнуться, не въ силахъ были ни говорить, ни рыдать; внутренній холодъ сковалъ ихъ чувства, они одеревенѣли, ничего не сознавали, что съ ними дѣлается, что творится передъ ихъ глазами.

Кругомъ царствовала тишина невозмутимая; казалось, вся природа притаила дыханіе, точно хотѣла подслушать послѣдній вздохъ чистаго человѣческаго сердца; толь-

ко отрывочный, глухой шепотъ Тани скользилъ по воздуху, наконецъ и онъ замолкъ, все стихло!.. Голова умирающей долго еще ворочалась, перекатывалась съ плеча Радимцева на плечо отца, вотъ и она остановилась, припала къ шеѣ Алексѣя Иваныча—все замерло, притаилось, все онѣмѣло: листъ не дрогнетъ, трава не шевельнется... И вдругъ, точно легкій вѣтерокъ прорѣзалъ воздухъ, встрепенулась съ дерева птичка, вспорхнула, громко запѣла и взвилась къ синему небу!...

Радимцевъ и Кутинъ вздрогнули, но не очнулись.

Алексѣй Иванычъ какъ-то машинально отнялъ руку Тани, приподнялъ ея голову, взглянулъ ей въ глаза—они были открыты.

Петръ Кононычъ сдѣлалъ то же самое, онъ безсознательно, какъ-то тупо глядѣлъ на своего товарища и казалось подражалъ ему, ждалъ, что̀ онъ скажетъ.

Оба они положили Таню на траву подъ деревомъ.

Алексѣй Иванычъ упалъ передъ ней на колѣни.

Петръ Кононычъ послѣдовалъ его примѣру.

Радимцевъ взялъ ея руку, щупалъ ея сердце, голову, прислушивался къ ея дыханію.

Кутинъ оставался неподвиженъ и весь трясся. Багровое лице его вытянулось и посинѣло.

— Умерла! прошепталъ наконецъ первый. Умерла! повторилъ онъ, всплеснулъ руками и схватилъ себя за голову.

Умерла! пронзительно, страшно крикнулъ Петръ Кононычъ, повалился въ ноги дочери и зарыдалъ какъ сумасшедшій.

Алексѣй Иванычъ все стоялъ на колѣняхъ; онъ повѣсилъ голову и съ какимъ-то безсильнымъ, сухимъ отчаяніемъ всматривался въ трупъ Тани, въ ея открытые, безжизненные глаза. Его горести не было выраженія, всѣ члены онѣмѣли отъ ужаса и отчаянія, всѣ чувства разомъ охватили и сжали душу его, передъ нимъ все умерло, все исчезло, все рушилось, онъ молчалъ и глядѣлъ какъ убитый.

Прошло нѣсколько минутъ, онъ все молчалъ. Петръ Кононычъ все рыдалъ. — Наконецъ послѣдній поднялъ голову,

взглянулъ на перваго, вскочилъ, и вдругъ эти два человѣка, разныхъ лѣтъ, разныхъ убѣжденій, понятій, характеровъ, люди до-сихъ-поръ другъ-друга непонимавшіе, чуждые другъ-другу, проникнутые однимъ общимъ чувствомъ, затронутые общимъ отчаяніемъ, общимъ страхомъ, сплелись, обнялись крѣпче друзей закадычныхъ, точно другъ-друга утѣшить хотѣли, точно передавали другъ-другу свой взаимный ужасъ, свое взаимное, безъисходное горе!.. Пронзительный, крикъ, такой крикъ отъ котораго, кажется, природа застонала-бы, дружно вылетѣлъ изъ устъ ихъ, слился въ одинъ протяжный, жалобный стонъ, перекатился эхомъ по рощѣ, замеръ и смѣнился глухимъ рыданіемъ.

Елена Ивановна между тѣмъ допивала третью чашку чая, макала ложкой въ медовый сотъ, тревожно вспоминала про вновь-видѣнный нынѣшнею ночью сонъ и не могла придумать, почему Таня, ничего не сказавши ей, въ церковь пошла, а оттуда и къ отцу зайти обѣщалась. Нѣсколько минутъ еще просидѣла она, потомъ встала, приказала самоваръ подогрѣвать, потому что барышня чаю не кушала; накинула на себя какое-то подобіе бурнуса, вышла на террасу, спустилась въ садъ и медленными шагами отправилась къ дому Петра Кононыча. На половинѣ дороги она остановилась, безпокойно осмотрѣлась вокругъ, ей послышалось точно плачетъ кто-то, она пошла скорѣе, звуки становились яснѣе, Радимцева чуть не бѣжала. Запыхавшись, она достигла до рощи, сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и врдугъ остановилась какъ вкопаная: глаза ея встрѣтились съ Алексѣемъ Иванычемъ, она увидѣла лежащую на травѣ Таню, а передъ ней на колѣняхъ Петра Кононыча.

Трудно сказать, какая мысль мелькнула въ головѣ ея?— вообразила-ли она, что Таня больна, умерла, убита, Богъ знаетъ! Лице ея поблѣднѣло, страшная злоба исказила его, губы затряслись; вытаращивъ глаза, она смотрѣла на брата; казалось, готова была броситься къ нему, растерзать его, да силъ не хватало, ноги ея подкосились; она вся дрожала.

Алексѣй Иванычъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на сестру: до сихъ поръ блѣдное лице его посинѣло, судорожно вытянулось, глаза налялись кровью, онъ сдѣлался страшенъ. Не-

извѣстно, чѣмъ бы разыгралась эта безмолвная сцена, въ которой каждое изъ дѣйствующихъ лицъ увидѣло своего убійцу.

Петръ Кононычъ окончилъ ее.

Онъ быстро подбѣжалъ къ Еленѣ Ивановнѣ, вцѣпился въ ея руку, притащилъ къ трупу Тани: откуда и силы взялись у старика!

— Что это?!. что это?!. говорилъ онъ шопотомъ, въ полномъ изступленіи, заглушая одни слова другими, съ какою-то злобною радостію всматриваясь въ глаза Радимцевой и судорожно сжимая ея руку. Умерла!.. видишь—умерла!.. покончила!—протяжно повторилъ онъ. Аа!.. благодѣтельница, мать вторая... такъ, такъ,.. ядомъ выкормила, отравила!.. пьяница я!.. пьяница!.. шутъ!.. нищій!.. нѣтъ, я твоя кара,.. твой громъ небесный,.. мука твоей совѣсти!.. я загрызу, загрызу тебя!.. я отецъ, отецъ!.. кровь заговорила!.. зачѣмъ вырвала мое сердце, зачѣмъ?!.. обманула!.. что ты сдѣлала?!. что съ Таней сдѣлала, что-о?!.. блѣднѣешь!.. страшно!.. аа!.. а отцу, отцу каково! отцу!.. страшно, страшно!.. вонъ хлѣбъ твой, вонъ онъ!.. лежитъ, вытянулся, на тебя смотритъ... любуйся!.. я заплатилъ тебѣ!.. прочь про... Онъ не договорилъ, отдернулъ ея руку, упалъ на трупъ дочери и зарыдалъ снова.

Радимцева позеленѣла, зашаталась и облокотилась о дерево.

Алексѣй Иванычъ закрывалъ глаза Тани.

А. ВИТКОВСКІЙ.

10 мая 1861 г.

146

Изъ Гейне.

Какъ бьетъ во мнѣ юность горячимъ ключемъ,
И, страстнаго полный огня,
Я въ бурный потокъ ея кинуться радъ —
Клевещете вы на меня.

—

Вы дерзкимъ лжецомъ называли меня,
Когда я вамъ правду сказалъ,
Когда я отважно вамъ смѣлыхъ плодовъ
Со древа познанья сорвалъ.

—

Смѣялся, шутилъ я порой, вы одно
Во мнѣ легкомыслье нашли:
Совсѣмъ-бы затерли вы имя мое,
Когдабъ это сдѣлать могли.

—

Записано въ пламенно-ясныхъ чертахъ
Ужъ въ книгѣ безсмертья оно —
И выскоблить, вытравить ядомъ его
Теперь ужъ для васъ мудрено.

—

Нѣтъ! будетъ сіять оно вѣчно, пока
Вращается шаръ нашъ земной,
Пока лишь указывать будетъ компасъ
На сѣверъ магнитной иглой.

—

Себѣ я своею рукою воздвигъ
Незыблемый памятникъ тотъ,
Котораго ввѣкъ никакой Геростратъ,
Всей злобой горя, не сожжетъ.

В. ВОДОВОЗОВЪ.

МЫСЛИ ФРАНЦУЗА О ХАРАКТЕРѢ И ПОЛИТИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ ГЕРМАНСКОЙ НАРОДНОСТИ.

(*Окончаніе.*)

Въ первой моей статьѣ я очертилъ историческій и политическій складъ Германіи; теперь же, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, я намѣренъ представить главныя черты германской народности, не выходя изъ круга тѣхъ общеизвѣстныхъ истинъ, которыя доступны современной наукѣ.

Лессингъ, Гете, Шиллеръ и безчисленныя фаланги ихъ послѣдователей горько жаловались на болѣзнь Германіи, на тотъ внутренній разъѣдающій ракъ, который пожираетъ ея силы; но немногіе изъ нихъ догадывались, что эта болѣзнь скрывается не въ отсутствіи національнаго единства, не въ недостаткѣ умственнаго и соціальнаго развитія, а въ ея прошедшемъ, въ ея феодализмѣ. Феодализмъ составляетъ ея несчастіе; онъ доселѣ населяетъ ее средневѣковыми призраками, отъ которыхъ она не имѣетъ достаточной силы души отдѣлаться. Преданіе среднихъ вѣковъ покрываетъ Германію замками, бойницами, монастырями, старыми трибуналами и обычаями, которыми она наслаждается съ истинно-романтической безпечностью и тупой апатіей. Она

боится дневнаго свѣта и продолжаетъ жить среди тѣней и привидѣній.

Съ епископа не смѣютъ снять черной мантіи, подъ которою скрывалось такъ много гадостей; любуются перомъ, развѣвающимся на рыцарскомъ шлемѣ; благородныя, богатыя протестантскія барышни украшаютъ себѣ грудь золотыми крестами въ память прежнихъ монахинь; мясники, столяры, студенты дорожатъ своими галунами и маскарадами; Вестфальскій дворянинъ съ почтительнымъ волненіемъ разскажетъ вамъ прославленныя Вольтеромъ несчастія благородной и знатной госпожи, баронессы Кунигунды фонъ Тундердентренкъ, которой гербъ былъ раздѣленъ на 32 части. Молодыя дѣвушки восхищаются Ундиною и приходятъ въ сантиментальный восторгъ, говоря о великихъ паладинахъ, о ихъ длинныхъ копьяхъ, длинныхъ перьяхъ, длинныхъ шпорахъ и длинныхъ мечахъ, колотившихся объ длинныя ноги. Братья ихъ любятъ вспоминать о рыцаряхъ и дамахъ, о молодыхъ оруженосцахъ и пажахъ, о бѣлыхъ коняхъ, о фіолетовыхъ кардиналахъ, о великихъ судьяхъ тайнаго трибунала (S-te Vehme). Сладкій трепетъ поэзіи пробѣгаетъ по жиламъ студента, когда онъ думаетъ о подземныхъ темницахъ (in pace), въ которыхъ заживо хоронятъ очаровательныхъ монахинь, о колесахъ и застѣнкахъ, въ которыхъ замаскированные люди разрываютъ клещами члены героевъ мысли.

Это красиво, какъ произведеніе Роберта Флери! А красная висѣлица, крики вороновъ въ костникѣ, лоскутья человѣческаго тѣла, безобразные кровавые куски, рисующіеся на черномъ фонѣ неба! Удивительно живописно!

Я вамъ говорю правду: поскоблите Нѣмца, вы увидите въ немъ средневѣковаго ландскнехта!

Хорошо, какъ бы дѣло ограничивалось романтическою фантазіею! Но важно то, что больной наслаждается своею болѣзнью и упивается міазмами своихъ гнилыхъ ранъ. Нѣмцы, какъ чувствительныя барышни, обожаютъ средніе вѣка. Пруссія — умный ребенокъ Германіи, но Австрія — балованный ребенокъ. Австріи, наслѣдницѣ священной имперіи, т. е. Габсбургскому дому, Германія все прощаетъ, не-

благодарность и преступленія; мало того, она прощаетъ имъ стыдъ пораженія. Вотъ почему, несмотря на Цюрихскій трактатъ, австрійскій императоръ продолжаетъ называть себя королемъ Ломбардіи и удерживаетъ за собою знаменитую желѣзную корону, одну ихъ семи коронъ принадлежавшихъ Фридриху Барбароссѣ, который кромѣ того, посилъ короны римскую, германскую, бургундскую, сицилійскую, сардинскую и іерусалимскую; вотъ почему Венеція не должна принадлежать Венеціянцамъ.

Италія даже своимъ врагамъ кажется священною землею, конечною цѣлью честолюбивыхъ мечтаній и сходострастныхъ грёзъ. Въ Италію идутъ всѣ императоры, чтобы на гробницахъ Нерона и Геліогабала найдти тотъ талисманъ, который придаетъ таинственную силу ихъ коронѣ; они чувствуютъ потребность пройдти подъ сводами Колизея и принять на свое чело тѣнь 2000-лѣтняго деспотизма.

Впрочемъ, было бы неосновательно видѣть простую романтическую фантазію въ томъ безразсудномъ упорствѣ, съ которымъ Германія хватается за трупъ феодализма, стараясь набальзамировать его но возможности, и между тѣмъ не желая вдохнуть въ него новую жизнь. Въ этомъ стремленіи таится глубокой инстинктъ, законъ исторической физіологіи. —

Франціи и Англіи пріѣлась феодальная система; съ нихъ было довольно Генриха VIII и Людовика XIV. У Германіи, напротивъ того, ни разу не было императора такой священной имперіи, которая не страдала бы какимъ нибудь политическимъ недостаткомъ; поэтому, Германія не можетъ отказаться отъ мечты, въ которой ее не разочаровалабы дѣйствительность; она страдаетъ отъ неудовлетворенной любви; ея страданія напоминаютъ мученія несчастной бабочки, которую жестокій натуралистъ накололъ на пробку булавкою. Еслибы эта бабочка летала на свободѣ, она всего прожила бы дня два или три, но пронзенное раскаленною проволокою, несчастное насѣкомое будетъ биться въ продолженіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ, такъ что конвульсіи агоніи будутъ, повидимому, поддерживать его существованіе неизмѣримо долго. Бабочка не исполнила еще своею назначенія

*

въ актѣ любви; она не произвела на свѣтъ новыхъ гусеницъ, не заплатила своего долга природѣ, и, не рѣшаясь простить ей этого долга, природа запрещаетъ ей умирать, между тѣмъ какъ человѣкъ запрещаетъ ей жить. Но средневѣковый феодализмъ не похожъ на легкую, изящную бабочку; онъ напоминаетъ скорѣе прожорливую акулу, которую наконецъ зацѣпилъ багромъ геній новыхъ временъ. Чудовище бьется на палубѣ корабля; въ челюстяхъ его торчитъ желѣзный крюкъ, а между тѣмъ оно поражаетъ могучимъ хвостомъ все, что его окружаетъ; оно не рѣшается околѣть, не наѣвшись до-сыта; аппетитъ его былъ еще очень силенъ.

Гогенштауфены не могли довести до конца знаменитое устройство феодальной имперіи; теперь Германія, по прошествіи шести сотъ лѣтъ, хочетъ снова приняться за это дѣло и благополучно окончить его вмѣстѣ съ кёльнскимъ соборомъ!

Всякій помнитъ вѣроятно народную легенду, замѣняющую для Германіи кельтское сказаніе объ Артурѣ и Мерлинѣ. Императоръ Фридрихъ Барбаросса не умеръ, какъ говорятъ историки; онъ удалился въ пещеру, скрылся въ Кифгейзерѣ, горѣ Тюрингіи, которой одинокая вершина возвышается надъ золотою равниною. Отягченная годами, заботами и несчастіями, голова старика склонилась на грудь его; онъ облокотился на мраморный столъ и бѣлая борода его проросла сквозь мраморъ и спустилась на его ноги. Рядомъ съ нимъ воткнутъ въ скалу его тяжелый мечъ; вокругъ него стоятъ его добрые рыцари, герцоги и полководцы. Всѣ спятъ и проснутся отъ заколдованнаго сна только тогда, когда черные вороны перестанутъ кружиться вокругъ вершины горы.

Германія хотѣла уйдти въ пещеру вслѣдъ за призракомъ-императоромъ; она вмѣстѣ съ нимъ заснула тяжелымъ сномъ; она не спитъ и не бодрствуетъ. Въ 1815 году и въ 1848 ей послышались крики будущаго; она встала съ тревожною поспѣшностью, обратилась къ своему императору, къ баронамъ, къ рыцарямъ, теребила ихъ за платье, за плечи, за бороду, но все было напрасно. Встревоженные въ своемъ тяжеломъ снѣ, разные бургграфы, разные грубые

юнкеры грубо толкнули ее въ грудь; затѣмъ, двери Кифгейзера закрылись и теперь тамъ попрежнему темно и безмолвно. Феодализмъ мѣшаетъ Германіи выработать себѣ національное устройство, а политическая неурядица постоянно воспроизводитъ феодализмъ. Болѣзнь порождаетъ слабость, а слабость мѣшаетъ исцѣленію. Роковой, заколдованный кругъ! Чтобы помочь бѣдѣ, надо чтобы каждый выработалъ себѣ личность; сумма личностей породитъ сильную національность, которая въ свою очередь будетъ формировать прекрасныя личности.'

Феодализмъ самъ по себѣ былъ видоизмѣненіемъ несправедливости; то было царство грабежа и убійства; въ это время обираніе купцовъ на большой дорогѣ считалось источникомъ доходовъ. Для благородныхъ рыцарей убить бѣднаго Вальденса, вмѣняя ему въ преступленіе евангелическія чувства, значило въ то время обнаружить высокую религіозность. Держаться за это ужасное прошедшее, когда отворяются настежъ двери будущаго — это уже не ошибка, а преступленіе и подлость. —

Такъ какъ феодализмъ разъѣдаетъ живыя силы Германіи, то пусть эта великая нація разрушитъ связь съ гибельнымъ прошедшимъ, пусть создастъ себѣ новый идеалъ. Пусть она рѣшительно отречется отъ подлыхъ *Краутъюнкеровъ* (Krautjunker) — порожденныхъ рыцарями–разбойниками (Raubritter) среднихъ вѣковъ, и подобныхъ червямъ, расплодившимся на гніющемъ трупѣ. Пусть Германія предастъ забвенію и молчанію цѣлую испорченную литературу, отравляющую общественную нравственность. Пусть ея молодежъ изучаетъ тщательнѣе Шиллера и Гёте; можетъ быть ихъ первыя произведенія отличаются слишкомъ наивно–германскимъ колоритомъ; зато зрѣлыя ихъ творенія выходятъ за предѣлы національности и ихъ славою украшается не одна Германія, а все человѣчество. Гёте отличается бо̀льшею полнотою, обширностью и разнообразіемъ содержанія, научною глубиною; зато Шиллеръ симпатичнѣе; онъ умѣлъ связать глубину идеи съ ясностью рѣчи и гармоніею выраженія; онъ придалъ чувствамъ новаго человѣка изящную,

величественную и въ то же время легкую форму, напоминающую собою походку божественной Діаны Габійской.

Въ философіи, пусть Германія выводитъ слѣдствія изъ положеній, высказанныхъ въ критикѣ чистаго ума; въ теологіи, пусть учится понимать заключенія, которыя выразилъ такъ ясно современный анализъ этой науки; въ политикѣ, пусть беретъ примѣръ съ старшей сестры своей—Италіи.

Папство обѣщало Италіи владычество надъ міромъ, требуя отъ нея, взамѣнъ ея гражданской свободы, ея національной независимости, ея нравственности, ея умственной самостоятельности, ея матеріальнаго благосостоянія, словомъ, всей ея жизни. Впродолженіе 15 вѣковъ ее убаюкивали этими обманчивыми пѣснями, но наконецъ она поняла, что несмотря на свое господство надъ католическимъ міромъ, она похожа на городъ Римъ, возвышающійся среди опустошенной равнины, населенной несчастными людьми, поблѣднѣвшими отъ голода и пожелтѣвшими отъ лихорадки, и переполненный монахами, нищими и клопами. Наконецъ, обманувшись еще на минуту либеральными стремленіями Пія IX, Италія нашла въ себѣ силу разрушить связь съ своимъ историческимъ прошедшимъ, и всѣ ея мыслители и патріоты, Мадзини, Кавуръ, Гарибальди знаютъ, что величайшій врагъ Италіи не Австрія, угрожающая ей извнѣ, а напротивъ тотъ, кто сидитъ въ самомъ сердцѣ Рима, именно папа, окруженный конклавомъ кардиналовъ.

Достанетъ ли у Германіи силы выполнить свою задачу? Мы этого желаемъ отъ души, потому что иначе для нея нѣтъ спасенія.

Надо сказать правду, дѣло Германіи на первый взглядъ можетъ показаться болѣе легкимъ, но Италія всегда пользовалась такимъ устройствомъ, которое всегда будетъ въ состояніи спасти ее отъ анархіи, и потому даетъ ей средства безнаказанно переживать многочисленныя революціи и политическіе перевороты. Мы говоримъ о муниципальной организаціи, драгоцѣнномъ наслѣдствѣ города Рима; при помощи этой организаціи всѣ составныя части государства проникаются жизнью и самодѣятельностью. Административная групировка общинъ можетъ измѣняться вмѣстѣ съ

правительственными переворотами, но все–таки страна всегда будетъ представлять собою федерацію городовъ и деревень. Напротивъ того въ германскихъ государствахъ политическое устройство основано на искуственныхъ узахъ бюрократіи, которая съ одинаковымъ усердіемъ служитъ чужеземному и національному господству; нѣмецкія общины соединяются между собою какъ бусы, нанизанныя на нитку; итальянскія общины—какъ виноградныя ягоды, не оторванныя отъ кисти.

По странной идеѣ, Германія хотѣла вылечить лихорадку падучею болѣзнью, слѣдствія феодализма—феодальными учрежденіями. Она думала, что для увеличенія народной свободы довольно будетъ стѣснить могущество великихъ феодаловъ и расширить права императора. Эта теорія, довольно основательная въ прошедшемъ, теорія, которую принялъ Дантъ противъ папы, не можетъ имѣть никакого смысла черезъ полвѣка послѣ французской революціи. Среди волненій 1848 года, великая Германія родила безобразную мечту; она захотѣла создать германскаго императора рядомъ съ парламентомъ, покрыть Фридриха Вильгельма мантіей Максиміліана. Позднѣе, партія *Готаэровъ* (Gothaer) воспользовалась тѣмъ, что политическая реакція 1849 — 1855 года смяла всѣхъ представителей болѣе передовыхъ мнѣній, и провозгласила *гегемонію* Пруссіи единственнымъ лекарствомъ противъ всѣхъ страданій отечества.

Готаэры и *гегемонія*— что это значитъ?

Греческое слово *гегемонія*, приложенное къ прусскимъ дѣламъ, можетъ показаться очень замысловатымъ отвѣтомъ на простой вопросъ: какъ произвести единство Германіи? Это слово значитъ, что нужно удержать въ силѣ плачевное **statu quo**, но что нужно постараться придать ему правильное устройство и ослабить его дѣйствія, вручивъ Пруссіи предводительство надъ военными силами Союза и предсѣдательство на сеймѣ: въ общей сложности, все дѣло въ томъ, чтобы ослабить Габсбурга въ пользу Гогенцоллерна.

Планъ конечно глубокомысленъ и величественъ по своей идеѣ. Задумавшие его господа видятъ въ немъ скрытое значеніе, непонятное для непосвященныхъ. Пора теперь

объяснить таинственное слово *Готаэры.* Ихъ сгруппировали подъ именемъ того города, изъ котораго вышли ихъ главные предводители; это, очевидно, произошло оттого, что имъ невозможно было приписать какого нибудь ясно опредѣленнаго принципа, какихъ нибудь оригинальныхъ идей. Эти готаэры—нелѣпые люди, упорствующіе въ либерализмѣ въ отношеніи къ реакціонернымъ правительствамъ, и упорствующіе въ реакціи въ отношеніи къ либеральнымъ стремленіямъ народа; ихъ смутный идеалъ воплощается въ какомъ-то чудовищномъ образѣ мѣщанскаго феодализма. Эти псевдо-либералы скромно называютъ себя экономистами и государственными людьми; они привѣтствуютъ другъ друга именемъ дипломатовъ высшей школы. Какъ благородные соперники депутатовъ-консерваторовъ Людовика Филиппа, и гражданъ (bourgeois) Каваньяка, они, въ простотѣ души и въ полномъ невѣдѣніи уничтожили свои парламентскія учрежденія своею ученою тактикою и глубокомысленными соображеніями. Въ настоящее время умные эти господа отъ души желаютъ во второй разъ опрокинуть государственную колесницу въ какую-нибудь трущобу, еще неизвѣстную обыкновеннымъ смертнымъ. Ихъ безпрерывная дѣятельность не ослабѣваетъ отъ незначительности результатовъ. По нѣскольку разъ въ годъ они обсуживаютъ программы совершенно безполезныя, но наполненныя претензіями. Рѣшенія постановляются съ нѣкоторымъ волненіемъ на конференціяхъ во Франкфуртѣ, въ Вюрцбургѣ и въ Гизенахѣ, подъ покровительствомъ Пруссіи, Саксенъ-Кобурга и Англіи.

De facto гегемонія Пруссіи уже существовала. Пользуясь тою завистью, которую Пруссія возбуждала въ мелкихъ германскихъ князькахъ, Австрія успѣла изолировать ее на франкфуртскомъ сеймѣ.

Но какая польза въ этой гегемоніи, несоотвѣтствующей никакому принципу и неразрѣшающей никакого затрудненія? Замѣнить преобладаніе Австріи преобладаніемъ Пруссіи? Къ чему? Что за передвиженія? Царствующій государь и управляющіе министры держатся чисто консервативной политики, а наслѣдные принцы и будущіе министры стоятъ въ рядахъ либеральной партіи: это давно-извѣстная исти-

на. Чтожъ за выгода сдѣлать Пруссію болѣе реакціонерною, чѣмъ она теперь, и слышать со стороны Австріи либеральныя прокламаціи, которыя не будутъ имѣть прочныхъ послѣдствій. Можетъ и то случиться, что, по насмѣшкѣ судьбы, Австрія послѣдуетъ примѣру Франциска II неаполитанскаго, выкинетъ флагъ реформъ и будетъ дѣлать своимъ народамъ уступку за уступкой, только съ тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ опаздывала на полгода.

Нѣкоторые Готаэры, слишкомъ смѣлые и почти оторвавшіеся отъ умѣренной части своей партіи, держатъ слѣдующія рѣчи:

«Пруссія была сначала незначительнымъ маркизатомъ. Она сдѣлалась первоклассною державою вслѣдствіе счастливыхъ подвиговъ Фридриха, завоевавшаго австрійскую провинцію, и присоединившаго къ своимъ владѣніямъ часть Польши. Піемонтъ или Итальянская Пруссія смѣло пошелъ по слѣдамъ своей старшей сестры, присоединилъ къ себѣ Ломбардію, Парму, Модену, Тоскану, Романью, Умбрію, королевство Обѣихъ Сицилій, и требуетъ себѣ Рима и Венеціи. Зачѣмъ же Пруссіи отставать, когда она первая показала дорогу? Вѣдь дѣла Фридриха, захватывавшаго вооруженною рукою провинціи, недумавшія объ немъ, были гораздо труднѣе дѣла Виктора Эммануила, котораго громко призывали народы Италіи. Кто помѣшаетъ Пруссіи начать сначала игру, которая такъ хорошо удалась ей? кто помѣшаетъ ей превратить Австрію въ простую провинцію и присоединить къ себѣ Германію по частямъ, съѣсть артишокъ листокъ за листкомъ?»

На эту смѣлую рѣчь Пруссія ничего не отвѣчаетъ и полагаетъ, что обнаруживаетъ глубокую государственную мудрость, пропуская ее мимо ушей.

Какъ бы то ни было, надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть того, какъ отзываются въ Германіи итальянскія событія. Нація съ тревожнымъ вниманіемъ прислушивалась къ пушечнымъ выстрѣламъ, раздававшимся за Альпійскою стѣною.

Рано или поздно, народъ приметъ какое нибудь намѣреніе, котораго грубая простота вызоветъ улыбку сожалѣнія

у глубокомысленныхъ господъ Готаэровъ, искусныхъ нъ сложныхъ комбинацiяхъ высокой школы.

Да, Германiя рѣшительно пробуждается. Мы съ радостью замѣчаемъ, что у нея проходитъ обаятельный хмѣль ея романтизма; есть надежда, что она скоро совершенно протрезвится и примется за великое, приближающееся дѣло. Однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ можетъ служить книга «Demokratische Studien», проникнутая рѣдкимъ здравымъ смысломъ и совершенно мужественною твердостью. Послѣднее рѣшенiе прусскаго парламента касательно итальянскихъ дѣлъ можетъ также служить знакомъ времени.

Въ народѣ шевелится неясное чувство необходимости новаго порядка; ученые также сознаютъ эту потребность. Философы съ энергiею нападаютъ на чисто-отвлеченную метафизику и разбиваютъ на-голову нѣмецкiй трансцендентализмъ; они громко требуютъ нравственной физiологiи, которая не была бы изученiемъ трупа, доктрины, которая дала бы человѣку возможность и свободу дѣйствовать.— Теологи, идя съ ними рядомъ, стремились къ той же цѣли. Они истратили неимовѣрное количество умственнаго труда на то, чтобы на неопровержимыхъ основанiяхъ построить свои религiозныя системы и въ особенности протестантское исповѣданiе. Послѣ неслыханныхъ усилiй, они убѣдились въ томъ, что ихъ ортодоксiя совершенно несовмѣстима съ наукою, слѣд. и съ истиною, и что имъ остается только разрушить ее до основанiя. Отъ протестантизма они повернули къ христiанской теорiи съ героическимъ самоотверженiемъ. Тысячи изъ нихъ совершили чудеса учености, трудолюбiя и даже генiальности, и этимъ чудесамъ суждено остаться почти совершенно неизвѣстными. Дѣло ихъ почти совсѣмъ кончено; уже предчувствуются послѣднiя заключенiя; многiе специалисты украшаютъ, полируютъ, обтачиваютъ и разрисовываютъ почти оконченное зданiе, а между тѣмъ другiе люди, болѣе дѣятельные, уже работаютъ въ подземельяхъ фундамента и устраиваютъ мины, которыя должны будутъ взорвать на воздухъ все зданiе. Конечно, искренность убѣжденiя, усидчивость труда, добросовѣстность и сила воли, ко-

торыя въ продолженіи 400 лѣтъ тратила Германія на одну теологію, невѣроятны, и какова бы ни была пустота результатовъ, однако эта громадная масса трудовъ, совершенныхъ для познанія чистой истины, дѣлаютъ человѣчеству величайшую честь. Другъ за другомъ слѣдовали поколѣнія ученыхъ и вѣрующихъ, мыслителей и піитистовъ, на приступъ шли отряды за отрядами; когда одно укрѣпленіе было взято, принимались за другое. Впередъ, постоянно впередъ! Послѣ Землера и Эрнести явились толпою Лахманъ, Тишендорфъ, Гезеній, Де Витте, Гитцигъ, Эвальдъ; потомъ Давидъ Штраусъ выступилъ подобно Діомеду; за нимъ послѣдовалъ Аяксъ, ужасный Бауръ тюбингейскій, съ своими могучими товарищами, Швеглеромъ и Гильгенфельдомъ. И все это движеніе, начавшееся съ Лютера, сжегшаго буллы папы, привело прямымъ путемъ къ Фейербаху, ужасающему современныхъ христіанъ, подобно тому, какъ Вольтеръ пугалъ христіанъ прошлаго столѣтія.

Въ жаркихъ странахъ цѣлыя арміи рабочихъ муравьевъ, или легіоны термитовъ нападаютъ иногда на деревянное строеніе; они разъѣдаютъ бревна, распиливаютъ балки, перетачиваютъ ихъ своими микроскопическими орудіями, сжигаютъ или разлагаютъ ихъ своими кислотами. Все зданіе по частичкамъ переносится въ милліоны маленькихъ желудковъ, которые переработываютъ его своими органическими соками, перевариваютъ его, уподобляютъ его самимъ себѣ и наконецъ выдѣляютъ его изъ себя въ видѣ тонкой пыли, или же въ видѣ сахара, уксуса, муравьиной кислоты. Такъ-то германскіе теологи переработали свою религію.

То дѣло, которое они совершаютъ противъ религіи, совершается точно также противъ трансцендентальной философіи, которую они долго считали величайшею своею славою.

Фохтъ, Молешотъ и другіе философы Германіи, прямо ударились въ матеріализмъ. Это названіе, которое мы принуждены употребить здѣсь, такъ какъ его приняли своимъ боевымъ кликомъ сами мыслители, не должно пугать читателей. Этотъ матеріализмъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ грубымъ поклоненіемъ матеріальнымъ

инстинктамъ, въ которое старались погрузить французскую націю послѣ 1851 года, заманивая ее финансовыми предпріятіями (credits mobiliers), банками и кассами, лотереями и играми на биржѣ. Только и слышались слова: hausse, prime, baisse, report et dèport. Къ счастію, это движеніе ослабѣваетъ и останавливается. Всѣ валялись въ грязи, но когда уже начали задыхаться, со всѣхъ сторонъ послышались крики: «Довольно, довольно»!

Помянутые мыслители не нашли еще болѣе рѣзкаго выраженія, чтобы показать свою оппозицію въ отношеніи къ тѣмъ людямъ, которые вносятъ сантиментальный элементъ въ историческія изслѣдованія, или, говоря о политической экономіи, прибѣгаютъ къ мистицизму. Они приняли имя матеріалистовъ, потому что многіе этимъ именемъ надѣялись замарать славныя личности Вольтера, Кондорсе и энциклопедистовъ; они назвали себя матеріалистами потому, что хотѣли обозначить свою связь съ тѣмъ умственнымъ направленіемъ, которое породило французскую революцію.

Такова послѣдняя, новѣйшая фраза германской науки и философіи, но одного этого еще недостаточно. Опредѣлить въ теоріи, что Германія должна имѣть такія-то границы, дойти до убѣжденія, что смерть Австріи и даже Пруссіи будетъ возрожденіемъ Германіи, этого еще недостаточно. Уничтожить разные феодальные законы и обычаи — и этого мало; эти обычаи являются выраженіемъ и слѣдствіемъ зла, но не самымъ зломъ. Когда дѣло идетъ о націяхъ, а не объ отдѣльныхъ личностяхъ, то рѣдко случается, чтобы ложная мѣра была слѣдствіемъ простой умственной ошибки, а не нравственнаго проступка; ложное положеніе почти всегда бываетъ слѣдствіемъ дурнаго поведенія. Дружески положимъ руку на сердце Германіи и скажемъ ей безъ горечи: «Тебя терзаетъ и губитъ одна болѣзнь: несправедливость!» — Нѣмцы не пользуются всѣмъ своимъ достояніемъ потому, что они завладѣли чужими полями; у Нѣмцевъ нѣтъ національности, потому что они посягаютъ на чужія національности; Нѣмцы не свободны, потому что у нихъ есть рабы.

Италія, Богемія, Моравія, Венгрія отняли у Германіи

Швейцарію, Фландрію, Нидерланды, Эльзасъ, Лотарингію, Бургундію и Франшъ-Конте. Онѣ не давали и не дадутъ Германіи ни одного столѣтія спокойствія; цѣпь, сковывающая ихъ ноги, прикрѣплена къ рукамъ ихъ повелительницы и каждое ихъ движеніе волнуетъ, утомляетъ и безпокоитъ ее; вотъ почему Германія находится въ такомъ же рабствѣ, въ какомъ томятся ея невольницы.

Эльзасцы и Лотарингцы не хотятъ знать Германіи; неужели же она можетъ призвать противъ нихъ священныя права иноплеменничества и единства языка? Когда зайдетъ рѣчь о Венгріи и Италіи, которыя также не хотятъ ее знать, тогда Германіи придется отрицать эти священныя права въ пользу историческаго права гг. Сталь и компаніи, придется говорить: сегодня, это моя законная собственность, потому что я похитилъ ее вчера. Германіи пришлось бы высылать въ одно время нѣсколько армій на сѣверъ, на востокъ, на югъ и на юго-востокъ; одна изъ этихъ армій будетъ защищать противъ Датчанъ принципъ національности; остальныя будутъ давить этотъ принципъ у Итальянцевъ, и Венгерцевъ.

Но это еще не все. Исторія имѣетъ дѣло съ одними свободными людьми. Она осуждаетъ на смерть порабощенные народы. Если Германія не отпуститъ на волю своихъ иноземныхъ рабовъ, она останется въ постоянномъ гражданскомъ рабствѣ. А если она останется въ рабствѣ, то сгніетъ изнутри и будетъ раздавлена ударомъ извнѣ. Ни исторія, ни логика никогда не прощаютъ!

Объ этомъ стоитъ подумать.

Озлобленіе порабощенныхъ и угнетенныхъ національностей противъ Германіи очень сильно; эти національности не простятъ ея слабости, потому что вынесли на себѣ ея несправедливыя притязанія. Еслибы сегодня онѣ убѣдились въ физической слабости Германіи, онѣ бы скоро съ нею расправились. Пусть Германія объ этомъ серьезно подумаетъ: считаетъ ли она себя настолько сильною, чтобы продолжать попрежнему свои несправедливости?

Конечно, въ былое время она была такъ сильна, что ох-

ватила весь древній міръ и германизировала всю Европу, но что же изъ этого вышло?

Готъ превратился въ Испанца, и не оставилъ по себѣ никакого слѣда, подобно ледяной глыбѣ, принесенной морскимъ теченіемъ и растаявшей въ южныхъ водахъ. Франкъ исчезъ въ Галлѣ, подобно тому, какъ уголь исчезаетъ въ желѣзѣ, превративъ его въ сталь. Въ Великобританіи, рыхлая масса Кельтовъ и Англо-Саксовъ превратилась въ теченіи времени, при содѣйствіи горсти Норманновъ, въ кристаллическое вещество, составляющее англійскую національность.

Германія наводнила своими поселеніями и военными отрядами всю Европу, часть Африки и Америки; но чужая раса снова поглощена туземнымъ населеніемъ. Насиліемъ или брачными союзами Нѣмцы вошли во всѣ историческія семейства; но въ ихъ дѣтяхъ не выразились ихъ черты, а проявились физіономіи дѣдовъ, или же совершенно новые типы. Кто ненавидитъ Нѣмцевъ сильнѣе, чѣмъ жители Милана, потомки тѣхъ Лонгобардовъ, которые завоевали Ломбардію? Во Франціи въ 1814 и 1815 году именно Эльзасцы и Лотарингцы всего упорнѣе сопротивлялись вторженію Нѣмцевъ. Понятно, что имя Нѣмца считается оскорбленіемъ у Итальянцевъ, проклинающихъ грубыхъ *Tedeschi*, и жестокосердаго Австрійца; понятно, что Чехи и Русины ненавидятъ Нѣмцевъ. Но отчего же имя Нѣмца считается браннымъ словомъ у Голландцевъ, у племени германской расы?

Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что на мысѣ Доброй Надежды онъ познакомился съ добрымъ Гессенцемъ, поселившимся въ колоніи лѣтъ десять тому назадъ. У эмигранта была дочь, дѣвушка лѣтъ 18-ти; путешественникъ спросилъ у нея, жалѣетъ ли она свою родину; дѣвушка покраснѣла отъ негодованія: «Я, милостивый государь, Англичанка», отвѣчала она.

Еслибы нѣмецкія эмиграціи не разсѣявались въ разныя стороны, то онѣ основали бы цѣлыя государства; основываясь на этомъ фактѣ, правительство Соединенныхъ Штатовъ пыталось собрать въ одномъ пунктѣ тѣ тысячи нѣмецкихъ переселенцевъ, которые ежегодно выѣзжаютъ изъ портовъ Гавра, Бремена и Гамбурга. Но, по той или другой причи-

нѣ, эти попытки совершенно не удались; предоставленные самимъ–себѣ, колонисты не имѣли достаточной инициативы, предавались ссорамъ и пьянству. Во всякомъ случаѣ дѣти двухъ милліоновъ Нѣмцевъ, поселившихся въ Соединенныхъ Штатахъ, забыли свой родной языкъ. Неудачи нѣмецкихъ колонистовъ, посланныхъ въ Бразилію, были еще плачевнѣе. Ихъ возили изъ плантаціи въ плантацію и наконецъ продали ихъ въ рабство; несчастные Нѣмцы подъ-конецъ помирились съ своею судьбою, но никакъ не могли ее постигнуть: **Mein Gott, vie geschicht das?** (Господи, какъ это случилось?)

Какую противоположность представляютъ живучія колоніи Англичанъ и Испанцевъ, захватывающихъ землю какъ клубничникъ или ёжа? Какая разница съ французскою колоніею въ Канадѣ! Эта колонія представляетъ удивительный примѣръ быстраго возрастанія. Когда Канада была уступлена Англіи, населеніе ея состояло большею частію изъ бѣдныхъ крестьянъ, изъ негодяевъ и нищихъ, изъ ссыльныхъ и изъ публичныхъ женщинъ, насильно захваченныхъ полиціею и отправленныхъ за море; всего было въ 1763 г. до 63,000 человѣкъ; теперь, безъ новыхъ поселеній, это число возрасло до 900,000, т. е. увеличилось почти въ 15 разъ; въ этомъ народѣ обычаи, языкъ и національныя преданія сохранились въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ метрополіи.

Изъ этого можно заключить, что германская раса разлагается легче другихъ, что она уподобляется окружающимъ ее постороннимъ элементамъ и сама уподобляетъ ихъ себѣ; это химическая щелочь, поглащающая кислоты до насыщенія и измѣняющая свою природу подъ ихъ вліяніемъ.

Германцы—народъ, находящійся въ состояніи зародыша, возникновенія; люди, сильно любящіе эту народность, не знаютъ, радоваться ли имъ его могучей юности, или отчаяваться надъ тѣмъ, что онъ остался взрослымъ ребенкомъ послѣ столькикъ вѣковъ и столькихъ историческихъ уроковъ. Его враги полагаютъ, напротивъ того, что эта раса представляетъ студенистую груду, безъ костей и безъ мускуловъ, груду лишенную точекъ опоры и средства сопротивленія, тѣло,

подобное моллюску. Они утверждаютъ, что, составивъ основанiе всѣхъ новѣйшихъ нацiй, Германцы сами не способны выработать себѣ организацiю. Германцы, по ихъ мнѣнiю, первобытная матерiя, образовательная слизь, необходимый элементъ будущей цивилизацiи; но сами по себѣ они не что иное, какъ безцвѣтная и безвкусная бѣлковина. Германцы, утверждаютъ они, это воплощенiе того фантастическаго существа, которое выдумала ихъ трансцендентальная теологiя.

Не происходитъ ли это несовершенство изъ того факта, которымъ такъ гордятся Тевтоманы, именно оттого, что нѣмецкая раса сравнительно болѣе первобытна и менѣе смѣшана, чѣмъ остальные народы Европы? Можетъ быть, это обстоятельство не преимущество, а недостатокъ, потому что смѣшенiя совершенно необходимы какъ въ физикѣ, такъ и въ этнологiи. Извѣстно, что тѣла, вступившiя въ химическiя соединенiя, кремнистыя и углеродистыя формацiи, гораздо тверже простыхъ тѣлъ, кислорода, водорода, азота и пр., которые стремятся потерять свою элементарную индивидуальность, чтобы путемъ различныхъ видоизмѣненiй прiобрѣсти новыя формы и свойства. Это замѣчанiе относится и къ славянской расѣ, которая также хвалится своею первобытностью и которая еще меньше германской расы можетъ гордиться крѣпостью и правильностью политической и нравственной организацiи.

Еслибы слабость Германiи обнаружилась очевидно, сказали мы, то съ нею скоро управились бы сосѣди. Она уже сжата между великимъ галло-латинскимъ мiромъ и громаднымъ мiромъ славянскимъ. Германiя, именно Австрiя и латинская раса, въ настоящую минуту сводятъ счеты и мы отъ всей души желаемъ, чтобы очищенiе счетовъ остановилось на освобожденiи Италiи отъ Альпъ до Адрiатики, и чтобы Латиняне не надѣлали несправедливостей, добиваясь этой несчастной рейнской границы. Но особенно трудно расквитаться съ славянскою расою; ея счеты длинны и запутаны; они начинаются съ подвиговъ прусскихъ рыцарей. Еслибы всѣ завоеванiя были сдѣланы силою оружiя, тогда вопросъ былъ бы болѣе рѣзокъ, но менѣе сложенъ; противъ мирныхъ

завоеванiй протестовать особенно трудно. Теперь, когда вендскiй элементъ занимаетъ такую значительную часть германскаго тѣла, теперь нельзя и требовать точнаго расчета по государствамъ и по провинцiямъ; надо сочесть дѣло рѣшенымъ и водворить взаимно-дружескiя отношенiя, вмѣсто того, чтобы упорно предъявлять права, затемненныя длиннымъ рядомъ вѣковъ и сложныхъ историческихъ событiй.

Но, повторяемъ, чтобы Германiя была въ состоянiи обратиться со временемъ къ справедливости своихъ сосѣдей, необходимо ей самой теперь же подать хорошiй примѣръ. Несчастныя историческiя обстоятельства побудили ее употребить во зло свое военное и умственное превосходство надъ Славянами; точно также она употребила во зло довѣрчивость Венгерцевъ и отняла у нихъ независимость.

Правда, что на другой день послѣ уступки имъ, не было бы Австрiи, потому что Венгерцы, Славяне и Итальянцы раздѣлили бы между собою ея обломки; точно также не было бы ни Пруссiи, ни Баварiи, ни Виртемберга, ни Вальдекъ-Липпе, но зато возникла бы нацiя сильная и прочно связанная внутри себя, вторая въ Европѣ по величинѣ и первая по образованiю и умственному развитiю своихъ жителей. Послѣ этого не было бы споровъ за рейнскую границу, за Люксембургъ и-за Датскiя герцогства. Объ этомъ не было бы рѣчи, когда Рейнъ сдѣлался бы нѣмецкою рѣкою отъ снѣговъ С. Готарда до песковъ устья, и когда Голландiя, намывная земля Рейна, соединилась бы съ Германiею. Датскiя герцогства, Зеландiя, Ютландiя, Швецiя, Норвегiя, словомъ, вся Скандинавiя душою и тѣломъ слились бы съ великою сестрою своею Германiею. Подобно латинской конфедерацiи, владѣющей Средиземнымъ моремъ, это могучее государство владѣло бы на сѣверѣ моремъ Балтiйскимъ; оно смотрѣло бы смѣло на Англiю и на Америку, и на берегу Остенде и Роттердама дышало бы тѣмъ роскошнымъ вѣянiемъ жизни, которое проходитъ по Атлантическому океану.

Давно уже, по единству крови, языку и образу мыслей, эта обширная страна должна была составить одно цѣлое;

чтобы раздробить ее, Германія принуждена была бороться съ судьбою, гоняться за нелѣпымъ идеаломъ, и вопреки праву и здравому смыслу стремиться къ преобладанію на югѣ, между тѣмъ какъ ей суждено быть сѣверною державою.

Славянская и германская федерація должны уравновѣситься федераціею латинскою. Греція вѣроятно сдѣлалась бы 3-ею морскою державою и могла бы заявить права на положеніе великой націи. Англія тѣснѣе соединилась бы съ Сѣверною Америкою; Венгрія.... но я не смѣю продолжать рядъ моихъ ипотезъ. Во всякомъ случаѣ, карта Европы значительно упростится, и тогда можно будетъ наконецъ подумать объ уничтоженіи постоянныхъ войскъ и объ учрежденіи высшаго политическаго совѣта и международнаго судилища. Необходимо, чтобы со временемъ уничтожились противуположности между различными государствами, подобно тому, какъ исчезли противуположности между провинціями; въ концѣ концовъ останутся только различія и противуположности между материками.

Если всѣ народы одного семейства соединятся въ одномъ племени, то, можетъ быть, въ отдаленномъ будущемъ, всѣ племена соединятся въ одну расу, и этотъ союзъ будетъ скрѣпленъ германскою кровью. Такъ Германія разлилась надъ древнимъ міромъ, и взамѣнъ этого новый міръ сольется въ лонѣ Германіи. Дѣйствительно Германія, мнѣ кажется, слишкомъ безлична и сантиментальна, чтобы остаться навсегда индивидуальною націею; въ ней слишкомъ много космополитизма, чтобы она могла остаться сосредоточенною въ одномъ географическомъ бассейнѣ. Сама по себѣ, она представляетъ множество націй, микрокосмъ человѣчества, *Germania-Mater*, какъ величаютъ ее пѣсни. Пройдя черезъ германскую національность, стоящую по срединѣ, Славяне и Латиняне, крайнія оконечности европейскаго востока и запада, могутъ между собою сблизиться безъ отвращенія.

Говоря въ теоріи, Англо-Германецъ индивидуалистъ по природѣ, Французъ соціалистъ. Всѣ теоріи выходятъ изъ индивидуальной идеи, отрицающей собирательность, или

изъ собирательной идеи, стремящейся поглотить личность. Англичанинъ, неспособный къ философскому мышленію, понимаетъ только свой принципъ индивидуальности и проводитъ его съ удивительною послѣдовательностью. Нѣмецъ хорошо понимаетъ противоположность обѣихъ системъ, и, не умѣя разрѣшить противорѣчія, съ горя бросается въ семейную жизнь; онъ настолько космополитъ, что не протестуетъ противъ болѣе или менѣе эгоистической исключительности Англіи; онъ настолько индивидуалистъ, что чувствуетъ себя стѣсненнымъ во французскомъ понятіи о государствѣ. Съ другой стороны, онъ чувствуетъ, что цѣль человѣка—свобода, и что человѣкъ существовалъ прежде гражданина; чтобы его личность не была поглощена общиною, онъ обращается къ преданіямъ своей родины, къ воспоминаніямъ о своихъ предкахъ, которые жили на свободѣ передъ лицомъ природы, Бога и императора священной имперіи. Напротивъ того, Французъ, подобно Англичанину, неспособенъ къ высшей философіи; онъ не можетъ вмѣстить въ себѣ ни одну изъ крайнихъ идей, и потому останавливается на посредствующей идеѣ государства, которое старается держать средину между личностью и общиною, но постоянно склоняется на сторону общины, такъ что гражданинъ всегда зависитъ отъ благоусмотрѣнія исполнительной власти, и, подъ предлогомъ общественной пользы, рискуетъ лишиться своего состоянія, своей свободы и даже жизни.

Но для осуществленія этого единства необходимо, чтобы нравственные организмы народовъ глубоко прониклись чисто германскими качествами, философскою глубиною мысли, поэтическою возвышенностью чувства, пантеистическою нѣжностью, обобщающимъ синкретизмомъ, и наконецъ всестороннею силою сочувствія. Англичанинъ и Французъ похожи на флейту, звучащую только по волѣ музыканта, между тѣмъ какъ сердце Германца, подобно струнному инструменту, откликается на всякій внѣшній шумъ, на всякое внѣшнее движеніе. Но не всегда же будетъ раздаваться въ Германіи эта грустная жалоба: «Французы ни кого не понимаютъ, но ихъ понимаютъ всѣ; мы всѣхъ понимаемъ, но насъ до сихъ поръ не понялъ никто!»

Здѣсь я ожидаю возраженія: «сліяніе расъ, федераціи національностей, созданіе новаго человѣчества,—все это мечты и бредни.»

Мечты и бредни,—другъ-читатель. Какъ вы думаете?

Э. РЕКЛЮ.

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ.

Много толковъ и разсужденій возникло въ послѣднее время, по случаю освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, о томъ, способенъ ли нашъ русскій человѣкъ, нашъ русскій мужичекъ, къ развитію умственному, къ усовершенствованію нравственному. Вопросъ этотъ на первомъ планѣ нашей будущности—и заставляетъ взглянуть въ исторію нашего народа. Въ ней мы можемъ найти залоги отрадные, обѣщающіе многое.... Вспомнимъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ:

Въ то время, когда просвѣщеніе во всѣхъ классахъ нашего народа стояло на самой низкой степени, когда грамотность распространена была только между духовными и раскольниками, когда и науки еще не были извѣстны русскому человѣку, когда мы жили одинокою жизнію безъ сообщенія съ западомъ, у насъ явился *изъ крестьянъ* человѣкъ по имени *Иванъ Посошковъ,* который занялся нетолько своими отдѣльными крестьянскими интересами, но общими государственными, обще-человѣческими, и оставилъ свое имя исторіи въ рукописномъ сочиненіи *о скудости и богатствѣ.* Въ 1842 г. Московское общество исторіи и древностей россійскихъ издало сочиненіе Посошкова и г. Пого-

динъ, доставившій обществу матеріалы, въ предисловіи изложилъ свѣдѣнія о жизни Посошкова, основанныя на данныхъ, заключающихся въ самомъ сочиненіи.

Намъ посчастливилось въ полусогнившихъ документахъ архивныхъ найти еще нѣкоторыя подробности о жизни Посошкова, и мы передадимъ ихъ читателямъ, не считая излишнимъ для связи разсказа повторить и прежнее, что̀ было извѣстно объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ былъ крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго; когда родился неизвѣстно. (*) Въ 206 году (1698 г.) онъ жилъ съ братомъ Романомъ и съ матерьею своею вдовою Улитою Михайловою въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на бѣлой землѣ за Яузою, въ приходѣ у церкви Николая Чудотворца въ Котельникахъ. Вотъ документъ, сохранившійся въ государственномъ архивѣ, свидѣтельствующій объ этомъ:

«Сего Сентебря 3 дня (206 г.) били челомъ Села Покровскаго оброчный крестьянинъ Ивашко Посошковъ: въ прошлыхъ де годехъ поступились мать ихъ вдова Улита Михайлова дочь и братъ его родной Ромашко и онъ Ивашко за долгъ, мать ихъ отцовскимъ, а они Ивашко и Ромашко дѣдовскимъ дворомъ на бѣлой землѣ за Яузою въ приходѣ у церкви Николая Чудотворца въ Котельникахъ, Сытнаго двора стряпчему Савину Ивливу сыну Чулкову и онъ де Савинъ по той ихъ поступкѣ тотъ ихъ дворъ за собою справилъ и выпись на тотъ дворъ изъ Земскаго приказа взялъ, и въ прошломъ де въ 200 году они съ матерью своею за тотъ дворъ прежніе свои долговые деньги ему Савину заплатили и онъ Савинъ на тотъ дворъ далъ имъ свою выпись, почему ему было владѣть а на поступную прежнюю ихъ далъ данную и тотъ дворъ ихъ противъ его выписки и данной за ними не правленъ.. а онъ Савинъ нынѣ на Москвѣ и великій Государь пожаловалъ бы его велѣлъ Савина Чулкова въ Земскомъ приказѣ допросить: прежній ихъ дворъ у

(*) Г. Погодинъ предполагаетъ около 1670 г. и никакъ не послѣ, а можетъ быть и ранѣе. См. сочиненія Ивана Посошкова, Изд. Московск. Обществ. ист. и древ. Росс. Москва. 1842 г.

нихъ взялъ ли и прежнимъ ихъ дворомъ назадъ поступилъ ли и по допросу его велѣлъ бы тотъ прежній дворъ ихъ за ними справить и дать имъ на тотъ дворъ выпись, почему имъ тѣмъ дворомъ впредь владѣть.»

Въ 1700 г. Посошковъ является уже на томъ поприщѣ, на которомъ онъ оставилъ почтенное и заслуживающее уваженія имя для потомства. Онъ подалъ проэктъ финансовый о денежномъ дѣлѣ. (Стр. 282. его сочин. изд. Общ. Московскимъ исторіи и древност. Росс. въ 1842). Въ этомъ же году Посошковъ представлялся въ Преображенскомъ селѣ Петру Великому и получилъ заказъ сдѣлать рогатки огнестрѣльныя въ три ряда (тамъ же стр. 268).

Въ 1701 г. Посошковъ написалъ предложеніе боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину о ратномъ поведеніи.

Въ 1703 г., а можетъ быть и немного позднѣе, онъ подалъ донесеніе блюстителю патріаршаго престола митрополиту рязанскому Стефану Яворскому о духовныхъ дѣлахъ.

Посошковъ сдѣлался извѣстнымъ лично Петру I и нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ того времени: князю Борису Алексѣевичу Голицыну, князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, Льву Кириловичу Нарышкину, Василью Корчмину, князю Юрію Хилкову, боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину. Вѣроятно личное знакомство съ Петромъ и съ этими лицами, а также врожденная въ Посошковѣ любовь къ просвѣщенію были причиною и дали ему возможность отправить, по приказанію царя, сына своего въ 1708 г. за границу, для обученія. (тамъ же стр. 293).

Посошковъ былъ человѣкъ предпріимчивый, изобрѣтательный. Онъ писалъ проэкты, и подавалъ правительству различныя предложенія; во время воины нуждались въ порохѣ: Посошковъ нашелъ гдѣ-то сѣру и поспѣшилъ сообщить князю Борису Алексѣевичу Голицыну о своемъ открытіи. Князь обѣщалъ наградить его за эту важную услугу, такъ, *чтобъ ни дѣтямъ его или внучатамъ прожить не довелось* — и все это кончилось 50 р. награжденія. Это чрезвычайно обидѣло Посошкова. (Стр. 153).

*

Въ 1718 г. онъ написалъ доношеніе Его Императорскому Величеству о новоначинающихся деньгахъ (*).

Въ 1719 г. онъ подалъ просьбу князю Дмитрію Михайловичу Голицыну о позволеніи построить винокуренный заводъ и взять водку на подрядъ, но получилъ отказъ и былъ даже посаженъ въ тюрьму. (Стр. 48).

«И у меня вымысловъ пять–шесть было нажиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали; и всѣ мои вымыслы, говоритъ Посошковъ (стр. 142), пропали низачто.»

Въ 1721 г. въ Новгородѣ хозяинъ квартиры, въ которой жилъ Посошковъ «приличился въ свидѣтельствѣ»—и за это капитанъ Невельской опечаталъ - было все его имѣніе, выгналъ съ квартиры и «грозился выбросить всѣ животы (движимое имущество) на улицу, а жену (Посошкова), которая поупрямилась-было оставить домъ, грозился выволочь за косу.» «Жена моя, говоритъ Посошковъ» убоявся увѣчья и такого великого безчества, по чужимъ дворамъ больше двухъ недѣль скиталась. «Воевода князь Юрій Яковлевичь Хилковъ едва упросилъ капитана снять печать и свести караулъ. (Стр. XIV).

«Въ этомъ же году полковникъ Дмитрій Ларіоновъ сынъ Порѣцкой, будучи въ Новгородѣ въ канцеляріи провинціальнаго суда, бранилъ меня, «говоритъ Посошковъ,» скверною бранью и называлъ воромъ и похвалялся посадить меня на шпагу. И за что посадить хотѣлъ, вины своея не малыя не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагою похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, токмо былъ тутъ нотаріусъ, Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова онъ нотаріусъ и приказные подъячіе и дворяне многіе слышали, и я на утро принесъ судьямъ челобитную, чтобъ въ брани и въ похвальныхъ словахъ его полковника допросить и онъ Порецкой въ допросъ не пошелъ: «я де судимъ въ военной коллегіи, а у насъ де въ Новгородѣ отвѣчать не буду.» (Стр. 35).

(*) Сочиненіе это не дошло до насъ.

Дѣятельностію, трудолюбіемъ, съ приложеніемъ къ тому разнородныхъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ имъ практически въ жизни, но безъ всякой научности, Посошковъ постепенно увеличивалъ свое состояніе. Сверхъ того онъ получалъ отъ правительства жалованье по должности новгородскаго водочнаго мастера. (См. приложеніе. Просьба въ мануфактуръ-коллегію.) Изъ *Отеческаго завѣщательнаго поученія*, написаннаго (по предположенію г. Погодина) въ десятыхъ годахъ XVIII столѣтія, видно, что онъ имѣлъ уже довольно денегъ, ибо назначалъ сыну по 100 ефимковъ въ мѣсяцъ на житье за границей, что составляло въ годъ около тысячи рублей тогдашнихъ.

Въ наставленіи сыну проявляется самъ Посошковъ, накоплявшій деньги бережливостію и аккуратностію (стр. 301).

«Въ денежной раздачѣ поступай такъ посредственно, чтобъ не была чрезмѣрная и непотребная издержка, дабы въ случаѣ замѣшканія отъ меня, или какимъ препинаніемъ до тебя не дойдутъ деньги, не постиглабъ тебя, будучи въ чужихъ дальнихъ странахъ, кая денежная нужда. А хотя изобильство денежное у тебя явится, держи расходъ свой такимъ поведеніемъ, дабы не въ жестокую скупость тебѣ склониться; но аще можно, и съ людьми на мѣсяцъ въ одномъ мѣстѣ живучи, тебѣ пробыть по 100 ефимковъ или гульденъ по 150 голландскимъ; и тѣмъ бы по нынѣшнимъ дорогимъ векселямъ мнѣ было сносно и благопріемно, для того что сто ефимковъ нашими рускими деньгами 90 рублевъ итого въ годъ будетъ больше 1000 руб.»

Объяснивъ, какъ сынъ долженъ распредѣлить расходъ на пищу, на одежду, шляпы, перуки (парики), чулки, башмаки, рукавицы, бѣлье, «на іюнныя различныя при рекреаціи честныя забавы»—Посошковъ присовокупляетъ:

«Сей же предѣлъ азъ полагаю не ради обрѣзаннаго твоего расходу, когда научишися посреди изобильства имѣть правила честнаго удержанія, еже тебѣ будучи господиномъ, дома научитися како въ семъ поступати. Да приходъ твой всегда больше расходу съ остаткомъ, безъ трудныхъ и без-

честныхъ долговъ, какъ многимъ случается, будетъ сравненъ; аще же и прилучится приходу въ высшее состоянie, и честно и всѣмъ удивительно простерешься. Паче же внемли, аще ти можно, отъ преизлишняго расходу твоего и ненужнаго сберечись: тогда ти подастся способъ нѣчто убогимъ подати; тогда просвѣтится свѣтъ твой и дивенъ будеши иноземцамъ, и великую милость Господню къ себѣ привлечеши, еже тя не точiю во временномъ житiи но въ грядущей вѣчности неизреченнымъ воздаянiемъ нескончаемыхъ благъ сряцетъ.»

Съ подобными правилами бережливости, безъ скупости, Посошковъ мало по малу накоплялъ деньги и съ 1716 года началъ прiобрѣтать недвижимыя имущества. Въ 1716 г. онъ купилъ у подъячихъ князя Меньшикова Ивана и Семена Ждановыхъ домъ въ Петербургѣ на Санктпетербургскомъ острову въ Малой Никольской улицѣ въ приходѣ церкви Успенiя Пресвятыя Богородицы за 400 р. Потомъ два дома въ Новгородѣ: на Ильинской улицѣ, въ приходѣ всемилостивѣйшаго Спаса; въ 1719 г. купилъ въ Кашинскомъ уѣздѣ сельцо Марьино; потомъ деревеньку Закарасенье въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Бѣжецкой пятинѣ, въ Устрицкомъ погостѣ, потомъ и другую Матвѣево въ томъ же погостѣ. Зная хорошо винокуренное дѣло, въ 1720 г. прикупивъ въ послѣдней деревенькѣ у сосѣдей нѣсколько пустошей, Посошковъ заоброчилъ церковную землю и построилъ на ней винные заводы. Они стоили ему болѣе 1000 р. Сверхъ винокуреннаго дѣла, Посошковъ, какъ видно изъ купчей на сельцо Марьино, зналъ еще фантальное производство (*). Названiе фантальныхъ дѣлъ мастера, вмѣстѣ съ водошнымъ повторяется и въ другихъ купчихъ 1721, 1723, 1724 и 1725 годовъ.

Занимаясь собственными дѣлами, устроивая свое благосостоянiе, Посошковъ, какъ мы видѣли, сочинялъ безпре-

(*) Вотъ какъ сказано въ сохранившейся купчей: 1719 г. Октября въ 16-й день. Дьякъ Иванъ Степановъ, сынъ Степановъ, продалъ я Иванъ Санктпетербургской губернiи, новгородскаго водошнаго строенiя фантальнаго дѣла мастеру Ивану Тихонову, сыну Посошкову и проч.

станно для правительства различные проекты. Тѣ, которые были поданы имъ Голицыну, Макарову—о подрядѣ водки, о найденной сѣрѣ, имѣли основанiе и связь съ его собственными выгодами. Но и послѣ 1703 г. (по предположенiю г. Погодина) Посошковъ уже пишетъ къ Стефану Яворскому, блюстителю патрiаршаго престола, доношенiе о духовныхъ дѣламъ: о положенiи духовенства того времени — о вопросѣ государственномъ. Тутъ уже не собственный интересъ руководилъ Посошкова, а любовь къ народу, стремленiе врожденное къ усовершенствованiямъ, къ преобразованiямъ на пользу общественную. «Великiй Архипастырю восточные христовы церкви и нашъ великiй свѣтильниче всероссiйскiй! Благоволи сiе писанiе прiяти и изъявленную въ немъ нужную нужду *народную* разсмотрити.»

Яркими и рѣзкими чертами рисуетъ передъ Стефаномъ Посошковъ невѣжество, въ которомъ погруженъ былъ русскiй человѣкъ того времени. «О семъ ты государь извѣстно вѣси, что мы люди малоученые, а отъ настоятелей нашихъ ни о какомъ исправленiи духовномъ ученія на духовности не бываетъ, потому, что и самъ онъ ничего не разумѣетъ, да и разумѣть ему не по чему; и самъ онъ отъ отца своего духовнаго тому не наученъ есть, а въ книгахъ нашихъ славенскихъ многихъ нашихъ христiанскихъ нуждъ не напечатано, а всеконечно знать имъ не по чему. Толь мы просты, что не токмо бъ кто ученой иновѣрецъ, но хотя бъ самой послѣдней земледѣлецъ иновѣрной о чесомъ вопросилъ насъ Москвичъ, то не знаемъ какъ имъ отповѣдей дать; и не до того ста, но аще и отъ бесурманъ кто вопроситъ насъ, то и имъ отвѣту дать не умѣемъ, а что и станемъ говорить, лише самимъ себѣ намъ на стыдъ и всему православiю на поруганiе; и за то имя наше христiанское вельми въ иновѣрныхъ хулится. А наипаче мы, Россiане, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своея какова она есть, ни благочинія духовнаго, *ниже естественнаго добронравiя, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ жить, не разумѣемъ же, но живемъ чуть чуть не подобны безсловеснымъ.*»

Любопытно также описанiе Посошковымъ, какъ народъ воспитывалъ съ рожденія дѣтей своихъ. «Ей, государь! вамъ

не почесому знать, какое въ народѣ нашемъ обыклое и застарѣлое безумство содѣвается. Я аще и не бывалъ въ иныхъ окрестныхъ государствахъ, обаче не чаю нигдѣ таковому безумству обрѣстися. Не скаредное ль сіе есть дѣло, яко еще младенецъ не научится какъ и хлѣба назвать, или чего иного нарещи или попросить до чего ему нужда какая есть, а родитиліе въ началѣ научаютъ его сквернословить и грѣхотворить? Чемъ было въ началѣ младенца учить какъ Бога назвать и указывать на небо съ рѣченіемъ, что тамъ Богъ. И такъ младенецъ бы отъ самыхъ пеленъ научился Бога знать; а родителіе вмѣсто такого ученія отецъ учитъ матерь бранить сицѣ: мама кака, мама бля, бля; а мать учитъ отца бранить подобнѣ: тятя бля, бля; и какъ младенецъ станетъ блякать, то отецъ и мать тому радуются и понуждаютъ младенца, дабы онъ непрестанно ихъ и постороннихъ людей блякалъ. Къ сему же злу и еще злу поущаютъ младенца: отецъ учитъ матку по щекамъ бить, а мать такожде учитъ отца бить, а иные и такіе отцы есть, что и сами себя поущаютъ бить и за бороды драть; и егда младенецъ за бороду приметея и тому отецъ вельми радуется. А когда мало не возмужаетъ младенецъ и говорить станетъ яснѣе, то уже учатъ его и совершенному сквернословію и всякому неистовству. И есть ли кто зря младенца неистовящаго речетъ отцу или матери, чтобъ его отъ таковаго безчинія унимали, и они отрицаютъ, что-де на него смотрѣть, онъ-де еще малъ, а егда возмужаетъ, и самъ-де онъ того творить не станетъ: что-де его учить, онъ-де ничего не смыслитъ.»

Объяснивъ передъ Стефаномъ, что народъ погибаетъ отъ невѣжества и безнравственности, Посошковъ предлагаетъ ему мѣры къ исправленію этого: обученіе, образованіе духовенства и сочиненіе руководствъ для исповѣдниковъ.

Но не одно духовенство и религіозное образованіе народа занимало необыкновенно-сложившійся умъ Посошкова. Имѣя случай близко видѣть всѣ части администраціи, Посошковъ принялся за огромный трудъ, въ которомъ критически, иногда съ современнымъ взглядомъ на вещи, иногда съ идеями, которыя еще не попадали въ головы его современниковъ, прослѣдилъ и военное и гражданское управленіе Рос-

сіи. Этотъ трудъ книга: *О скудости и богатствѣ.* Онъ её писалъ три года «утаенно отъ зрѣнія людскаго» и кончилъ ее въ 1724 году (стр. 259).

Вотъ сохранившаяся, полусгнившая, черновая просьба Петру, при которой онъ представилъ или намѣренъ былъ представить свое сочиненіе.

«Въ россійскомъ народѣ, присмотрѣхъ отчасти, яко во владущихъ судіяхъ, тако и въ подвластныхъ, многое множество содѣвающіяся неправды и всякихъ неисправностей. Того ради и возжелахъ предъ очи твоего императорскаго величества, о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ дѣлехъ предложити, по мнѣнію своему изъявленіе. И на оныя неправды и неисправности, елико ми Богъ даровалъ, мнѣнія своего изложеніе ко исправности тѣхъ неправостей и неисправностей трикратное трекратіе предлагаю, а имянно: первое трекратіе: о неисправѣ и поправѣ духовенства, воинства и правосудія. Второе трекратіе: о неисправѣ и поправѣ купечества, художествъ и разбойниковъ съ бѣглецами. Третье трекратіе: о неисправѣ и поправѣ, яко во крестьянѣхъ, тако и во владѣніи земли безобидномъ и о собраніи царскаго интереса много гобзовитаго.

И на тое třечисліе написахъ трелѣтнимъ своимъ трудомъ книжицу, и нарѣкохъ ю: «книга скудости и богатства», понеже имѣетъ о себѣ изъясненіе, отъ чего содѣвается напрасная скудость и отъ чего умножитися можетъ изобильное богатство, и при томъ предложихъ мнѣніемъ своимъ какъ бы истребити изъ народа неправду и неисправности и какъ бы насадити прямую правду, и во всякихъ дѣлѣхъ исправленіе и какъ бы водрузить любовь и безпечное житіе народное.

И тако мнѣніе мое о помянутыхъ дѣлѣхъ лежитъ. Аще Богъ милостиво призритъ на не: и ваше императорское величество по настоящему царскаго правленія благоволите вступить въ ня, то я безъ всякаго сумнѣнія могу рещи: еже на кійждой годъ при нынѣшнихъ зборѣхъ, на малой примѣръ лишнія казны, въ царскія сокровища, милліона по три приходить будетъ... (Здѣсь бумага такъ прогнила, что отрывочныя, уцѣлѣвшія слова не представляютъ никакого смысла). Прошеніе же мое величеству твоему предлагаю.

Ежебъ желаніе мое въ дѣло произвелось, иного жъ ничесого не требую токмо да не явится мое имя ненавистливымъ и завистливымъ людямъ: паче же ябедникамъ и обидникамъ и любителямъ неправды. Понеже непохлѣбуя имъ писахъ, а аще увѣдятъ о моей мизирности: то не попустятъ меня на свѣтѣ не малаго времяни жити, но прекратятъ животъ мой. Обаче буди въ томъ воля Бога моего и воля твоего императорскаго величества. Яко ти Богъ Всевидящи око во сердцѣ положитъ: и Духъ Святый наставитъ тя, такъ и да будетъ. Вѣдаетъ про то Богъ, что не себя ради потрудихся въ немъ: но токмо отъ вложенія въ мя отъ Бога ревности потрудихся.

Доноситъ о семъ величества вашего всенижайшій рабъ Иванъ Посошковъ, пиша своеручно.»

Справедливо опасался Посошковъ, что его книга привлечетъ ему много враговъ. Вездѣ въ Россіи было самоуправство, взяточничество, казнокрадство, беззаконія, насилія. Петръ боролся съ этими язвами — и Посошковъ начинаетъ такъ свое сочиненіе, которое не могло тогда понравиться многимъ и приближеннымъ Петру, начиная съ Меньшикова:

«Не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много; ниже то царственное богатство, еже синклитъ царскаго величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ; но то самое царственное богатство, ежелибъ весь народъ, по мѣрностямъ своимъ, богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ. Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ пещися о невещественномъ богатствѣ т. е. о истинной правдѣ — понеже безъ насажденія правды и безъ истребленія обидниковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися невозможно».

Затѣмъ Посошковъ разсказываетъ Петру о духовенствѣ, о воинскихъ дѣлахъ, о правосудіи, о купечествѣ, о художествѣ, о разбойникахъ, о крестьянствѣ, о дворянахъ, крестьянахъ, о земляныхъ дѣлахъ, о царскомъ интересѣ. Каждому изъ этихъ предметовъ посвящена особая глава, въ каждой

излагаетъ современное состоянiе и предположенiя къ исправленiю недостатковъ и злоупотребленiй.

Выпишемъ нѣсколько любопытныхъ мѣстъ:

Гл. 1 о духовенствѣ.

«Отъ пресвитерскаго небреженiя уже много нашего народа въ погибельныя ереси уклонились; большая бо часть склонилась въ погибельный путь, въ древнемъ же благочестiи уже малая часть остается; ибо и въ великомъ Новгородѣ едва и сотая часть обрящется ли древняго благочестiя держащими. (Стр. 9).

«А вся сiя гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ Лютерскiя или Римскiя ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить, и отъ пропасти адскiя како имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумѣютъ, или не смѣютъ, или на пенязи склоняются и небрегутъ о семъ.

Видѣлъ въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кириловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданiя отвѣту здраваго дать не умѣлъ; что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христiянскiя, на чемъ основана не вѣдаетъ (стр. 10).

Печатнаго двора справщики отъ многаго питья и отъ роскошнаго житiя утыли и нехощутъ яснаго изъявленiя о всякомъ церковномъ служенiи напечатать, чтобы всякой могъ разумѣти, какъ что отправляти». (Стр. 13).

«Прежнее архирейское слушанiе ставленичье вельми мнѣ не понравилось; понеже архiерейскiе служителiе у новоставленниковъ прiемлютъ дары и принявъ дары дадутъ ему затвердить по Псалтири нѣкоторыя псалмы и заложа дадутъ при Архiереѣ тому ставленнику прочести. Архiерей, видя твердо и разумно читающа Псалтирь, возмнитъ якобы и во всякомъ чтенiи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство». (Стр. 18—19).

«Въ Новгородѣ видалъ я прошлаго 720 года новоставленника такова въ дiаконствѣ на литоргiи, не могъ единыя страницы во Евангелiи прочести, еже бы разовъ пяти—шести непомѣшатися». (Стр. 19).

«У насъ въ Россiи сельскiе попы питаются своею рабо-

тою и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ». (Стр 24).

«А нынѣшняя паства вельми, вельми неисправна, и сего вельми опасно есть, чтобъ Богъ невзыскалъ на главныхъ пастыряхъ». (Стр. 29.)

«А нерадѣть о томъ великомъ и страшномъ дѣлѣ вельми яко царю, тако и архіереомъ опасно» есть... (Стр. 29).

Гл. II о Воинскихъ дѣлахъ.

«Есть слухъ, что инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ денежнаго жалованья не приходитъ на мѣсяцъ, а о таковой ихъ скудости, чаю, что никто великому государю не донесетъ, но чаю доносятъ будто бы вси сыты и всѣмъ довольны. Годовъ тому съ шесть или съ семь назадъ на Вышнемъ волочкѣ новоизбранному солдату за вычетомъ досталось двѣ гривны и онъ принявъ деньги, вынялъ ножъ, да брюхо у себя и порѣзалъ. (32) И при квартирахъ солдаты и другуны такъ несмирно стоятъ и обиды страшныя чинятъ, что и изчислить ихъ невозможно.... И того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а въ обидахъ ихъ суда никакъ сыскать не гдѣ: военный судъ аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его; понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ доступитъ къ нему, но и военный не на равнаго себѣ не скоро судъ сыщетъ». (33—34).

«Я сего не могу знать, что то за повычай древній солдатской, что только одно ладятъ, чтобы всѣмъ вдругъ выстрѣлить будто изъ одной пищали: и такая стрѣльба угодна при потѣхѣ или при банкетѣ веселостномъ, а при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится; тамъ не игрушку надобно дѣлать, а самое дѣло, чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать». (37).

«И ради общежительства любовнаго аще великой Государь нашъ монархъ повелитъ судъ устроитъ единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожъ и офицеру, ни чимъ же отмѣненъ, и полковнику и генералу,—и чтобъ и судъ учинить близостной, чтобъ всякому и низкочинному человѣку

легко бы его доступать,—то по таковому уставу не то что офицеровъ, солдатъ изобижать, но и земледѣльцевъ не будутъ обидить». (42).

«Сей же судъ мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдата же милости просить, а на офицера у офицера жъ. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюнетъ». (43).

Гл. III. О правосудіи.

«Всякой день судьѣ годствуетъ колодниковъ пересматривать, чтобы не былъ кто напрасно посаженъ. Издревлѣ много того было, что и кого подьячій посадитъ, безъ судѣйскаго вѣдома, а иного и приставъ посадитъ, а безъ вины просидитъ много времени». (47).

«Но что бодряѣ и разумнѣе господина князя Дмитрія Михайловича Голицына! въ прошломъ 1719 году подалъ я ему челобитную, чтобъ мнѣ заводъ построить винокурной и водку взять на подрядъ и не вѣдомо чего ради велѣлъ меня за караулъ посадить; и я сидѣлъ цѣлую недѣлю и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за что сижу не знаю. Въ самое заговѣнье Госпожинское велѣлъ я уряднику доложить о себѣ; и онъ князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: давноль де онъ подъ карауломъ сидитъ? урядникъ сказалъ: уже де цѣлую недѣлю сидитъ; и тотъ часъ и велѣлъ меня выпустить. И я кажется, и не послѣдній человѣкъ, и онъ князь Дмитрій Михайловичъ меня знаетъ, а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Кольми же паче коего мизернаго посадятъ, да и забудутъ. Итако многое множество безвинно сидятъ и помираютъ безвременно! А по мѣлкимъ городамъ многіе и дворяне приводятъ людей своихъ и крестьянъ и отдаютъ подъ караулъ». (48—49).

«Я истинно удивляюсь, что то у судей за нравъ, что въ тюрьму посадя, держатъ лѣтъ по пяти - шести и больше? (49).

«А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды ни слѣда нѣтъ: всѣхъ свидѣтелей пишутъ за очно; а и попы и дьяконы не видятъ тѣхъ людей, на коихъ кто послался, и на словахъ не слыша, да руки къ обыскамъ прикладываютъ».

«Мнѣся мнится: паче всякаго дѣла надлежитъ старатися о правомъ судѣ, и аще правосудіе у насъ установится, то всѣ люди будутъ боятися неправды: всему добру основаніе—нелицепріятный судъ (74).

Изложивъ необходимость изданія новаго уложенія или новосочиненныхъ пунктовъ, Посошковъ прибавляетъ:

«И написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи, какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ и самимъ земледѣльцамъ, обиды бы и угнетенія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было».

«И написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ, предложить его императорскому величеству, да разсмотритъ его умная острота, И кіи статьи его величеству угодны, то тѣ такъ да и будутъ; а кіи непотребны, тыи да извергнутся, или исправить по пристоинству надлежащему. И сіе мое рѣченіе многіе вознепщуютъ, якобы азъ его императорскаго величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю; азъ не снижаю его величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякій человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противное.» (76)

«Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобъ оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овомужъ менѣе.» (77).

«А судьямъ и всѣмъ приказнымъ людямъ государево жалованье денежное и хлѣбное надлежитъ отставить, чтобы въ томъ жалованьѣ казна великаго государя не тратилась!..

«Мнѣ мнится: лучше учинить пропитанія ради главнымъ судьямъ и присяжнымъ людямъ учинить окладъ съ дѣлъ,

почему съ какого дѣла брать за работу; и уложить именно почему брать съ рубля на виноватомъ, и почему съ рубля имѣть съ праваго, и почему съ рубля въ пріемѣ денегъ въ казну, и почему съ раздачи жалованной и почему съ купецкихъ и подрядныхъ дѣлъ и почему съ каковыя выписки или съ указу какого, иль съ грамоты иль съ памяти. (81—82)».

«И писать бы не токмо крѣпостныя, но и приказныя всякія письма, писали бы строкъ по пятидесяти и больше на страницѣ. Сіе вельми дивно, что во всемъ свѣтѣ пишутъ мѣлкимъ письмомъ, а на насъ всѣ окрестныя государства бумаги напасти́ не могутъ.» (84).

«А аще ради установленія правды правителей судебныхъ и много падетъ, быть уже такъ. А безъ урону, я не чаю, установиться правдѣ, а прямо рещи—и невозможно правому суду установиться, аще сто другое судей не падетъ: понеже у насъ въ Руси неправда вельми застарѣла.» (86)

«А у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная, и какія указы его императорскаго величества ни состоятся, все ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ.»

И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и все совершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы добрыя намъ не нажить; понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправаго суда и нездраваго разсужденія и отъ неразсмотрительнаго правленія и разбоевъ.» (87).

«Многое множество дворянъ вѣки свои проживаютъ (безъ службы); въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золотарева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы. Въ Крымскомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобъ нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Темерязева и далъ ему свою лошадь да человѣка своего; то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ и по деревнямъ шестерикомъ разъѣзжалъ и сосѣдей своихъ разорялъ.» (91)

«Видимъ мы вси, какъ великой нашъ монархъ трудитъ себя,

да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то какое дѣло его споро будетъ? И аще кого онъ жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готово.» (95).

Глава VII. о крестьянствѣ.

«Крестьянское житіе скудостно ни отъ чего иного, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія и отъ небреженія ихъ. (171).

«Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго человѣка ни единаго у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или безъ указу да скажетъ что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому, что они всѣ слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ.» (175).

«И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ видится, не худобъ крестьянъ и поневолить, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты и науча грамотѣ и учили бы ихъ писать.» (175).

«Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель всероссійской самодержецъ, а они владѣютъ временно.»

И того ради мнится мнѣ: лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указное, почему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имѣть и поколику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобъ имъ способно было государеву подать и помѣщику заплатить и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смотрѣть, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали и въ нищету бы ихъ не приводили.» (184).

Для исторіи народнаго быта и современнаго положенія администраціи и судопроизводства сочиненіе Посошкова дра-

гоцѣнно и составляетъ матеріалъ обширный и, судя по автору, самый вѣрный и положительный.

Неутѣшительно и для насъ черезъ 160 лѣтъ читать картину нашего государственнаго и общественнаго состоянія, нарисованную Посошковымъ въ его книгѣ Скудости и богатства — но какъ она должна была быть непріятна всѣмъ въ его время, это чувствовалъ онъ самъ, прося Петра при представленіи своего сочиненія, чтобъ онъ не объявлялъ его имя.

Посошковъ предчувствовалъ справедливо, онъ зналъ хорошо современное общество и въ доказательство вотъ уцѣлѣвшая полусогнившая бумага:

1725 г. Августа въ 26 день въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ взятъ подъ караулъ водочного дѣла мастеръ Иванъ Посошковъ, а сынъ его малолѣтній Николай въ домѣ его Ивановомъ подъ карауломъ, и письма изъ того дому взяты въ помянутую канцелярію и разбираны; при взятьѣ писемъ были канцеляристъ Семенъ Шурловъ, лейбъ гвардіи Преображенскаго полка караульный первой роты капралъ Яковъ Яновскій, солдатъ 4 человѣка.

Бумага подписана собственною рукою извѣстнаго господина Андрея Ивановича Ушакова.

За что былъ арестованъ несчастный Посошковъ—въ дѣлахъ нѣтъ никакого указанія. Одно обстоятельство впрочемъ приводитъ къ подозрѣнію, что онъ былъ арестованъ за его сочиненіе. Черезъ три дня послѣ его ареста, именно 29 августа 1725, одного подъячаго, замѣшаннаго въ дѣлѣ новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, допрашивали въ тайной канцеляріи: имѣетъ ли онъ у себя бывшаго новгородскаго архіерея Ѳеодосія какія книги, *въ томъ числѣ книгу изданія Ивана Посошкова зовомую скудость съ богатствомъ?* Подобные вопросы въ тайной канцеляріи, сколько по соображенію съ другими дѣлами судить можно, дѣлались только въ такомъ случаѣ, если какое нибудь сочиненіе подвергалось преслѣдованію канцеляріи. Шишкинъ отвѣчалъ: Ѳеодосіевыхъ книгъ у него Шишкина, въ томъ числѣ и помянутой книги *скудости съ богатствомъ* никогда не было и нынѣ нѣтъ.» Тѣмъ и

покончили. Шишкина отпустили изъ-подъ ареста, а Посошковъ все сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1725 г. къ тюремному заключенію присоединилось для Посошкова еще новое горе.

Зять его полковникъ кіевскаго гарнизона, по фамиліи Роде, подалъ императрицѣ Екатеринѣ жалобу на Посошкова, что онъ обѣщалъ выдать дочери своей Пелагеѣ, при замужствѣ ея, въ награжденіе 1000 р. деньгами, да деревню, да приданаго на 300 р. Но за то, *что мужъ не россійской націи и приказныхъ дѣлъ не знаетъ,* Посошковъ будто бы не исполнилъ обѣщанія.

11-го октября подалъ Роде прошеніе и въ тотъ же день Посошкова привели изъ тюрьмы скованнаго, къ допросу въ тайную канцелярію.

Посошковъ, началъ съ того, что разсказалъ обстоятельно когда пріобрѣлъ онъ дома и деревни покупкою и отъ кого именно. Потомъ объяснилъ Андрею Ивановичу Ушакову, присутствовавшему въ тайной канцеляріи, что дочь его Пелагея была сперва замужемъ за подполковникомъ воронежскаго гарнизона Барыковымъ и что онъ ей отдалъ въ приданое все сполна что обѣщалъ. Барыковъ умеръ въ 1723 году и послѣ того онъ ни 1000 р., ни деревень, ничего прочаго дочери не обѣщался давать; а дочь его за полковника Роде вышла замужъ въ апрѣлѣ 1725 г. *безъ его вѣдома* и полковнику Роде давать ничего не обѣщался.» Его отвели опять въ крѣпость, а между тѣмъ 16 ноября изъ тайной канцеляріи сообщили вотчинной коллегіи, чтобы недвижимаго имѣнія Ивана Посошкова по купчимъ и по закладнымъ отъ его Иванова имени и отъ прочихъ его фамиліи впредь ни закѣмъ не записывать, также и купчихъ и закладныхъ на оныя имѣнія у крѣпостныхъ дѣлъ не писать, понеже онъ Посошковъ явился *въ важной кремінальной винѣ*.

9-го января 1726 просьбу Роде, съ подробными справками о всѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, доложили Екатеринѣ и она указала: то недвижимое имѣніе, кромѣ дворовъ петербургскаго и новгородскаго, отдать дочери Посошкова женѣ полковника Роде Пелагеѣ, въ награжденье.»

Не долго послѣ этого томился въ Петропавловской крѣ-

пости сочинитель Скудости и богатства. 1-го февраля 1726 года, пополудни въ девятомъ часу, онъ умеръ и погребенъ по распоряженію тайной канцеляріи, у церкви Самсона Страннопріимца (*).

Г. ЕСИПОВЪ.

8 іюля 1861.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ СОХРАНИВШІЯСЯ БУМАГИ ПОСОШКОВА.

Въ государственную мануфактуръ коллегію

допошеніе

Санктпетербургскаго и Новгородскаго жителя водочнаго мастера Ивана Посошкова, а о чемъ тому слѣдуютъ нижеписанные пункты:

1.

По указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества и Ея Величества всепресвѣтлѣйшей и державнѣйшей вели-

---

(*) *Примѣчаніе.* Въ дѣлахъ Государственнаго Архива сохранились нѣкоторыя собственноручныя бумаги Посошкова. Онѣ большею частію полусгнившія, но могутъ служить еще любопытнымъ матеріаломъ. Считаемъ долгомъ присовокупить что при сличеніи подлинныхъ бумагъ, съ fac simile, приложеннымъ къ изданію Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, оказывается, что № 3 дѣйствительно писанъ рукою Посошкова.

кой Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской Екатерины Алексѣевны, въ Россійской Имперіи всякаго рода народа и чина людямъ по ихъ желанію дано позволеніе строить заводы, кто гдѣ похочетъ и производить разные мануфактуры и фабрики, а кто въ оные вступили и такимъ компанейщикамъ нѣсколькимъ человѣкамъ пожалованы милостивѣйшіе привиллегіи за подписаніемъ собственныя Его Императорскаго Величества руки; къ тому же онымъ компанейщикамъ на вспоможеніе и размноженіе тѣхъ заводовъ, для перваго случая удовольствованы нововыѣзжими изъ другихъ государствъ мастеровыми и обучеными россійскими людьми съ казенныхъ мануфактуръ и фабрикъ. Такожъ денежною суммою и матеріалами и инструментами казенными награждены и отъ служебъ и солдатскихъ постоевъ уволены и судомъ и расправою вѣдомы они и отъ всякихъ налогъ и обидъ защищеніе имѣютъ въ государственной мануфактуръ коллегіи; да онымъ же фабричнымъ компанщикамъ съ тѣхъ новозаведенныхъ заводовъ въ продажѣ ихъ сдѣланныхъ товаровъ и въ покупкѣ къ тому пристойныхъ матеріаловъ и инструментовъ на нѣсколько лѣтъ указомъ опредѣлено безпошлинно, да сверхъ того за такое ихъ искусство и охоту въ разныхъ мѣстахъ готовые казенные заводы со всѣми и вотчины и деревни такожъ въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ и въ другихъ городахъ дворы съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ ихъ и на разныхъ рѣкахъ пожалованы и потомкамъ ихъ вѣчно...

2.

А я нижайшій опредѣленъ указомъ въ великомъ Новгородѣ водочнымъ мастеромъ изъ жалованья..... никакихъ у себя не имѣю, а нынѣ желаю завести въ Нов...ную и полотняную фабрику и производить оныя въ Новѣ городѣ своимъ коштомъ полотняныхъ пять становъ.... .... и буду дѣлать каламенки травчатые............ и стофы шерстяные и камлоты и стамеды и прочія шерстяныя дѣла, какіе могутъ изъ шерсти строитися также и пополамъ съ шолкомъ мѣшанныя, а полотна широкіе, гладкіе и узорчатые и пестреди и тыки (?) скатерти и салфетки такимъ манеромъ каковымъ нынѣ производятся при С. Петербургѣ, на Екатерингофской мануфактурѣ ежели о томъ указомъ позволеніе дано будетъ не требуя изъ казны на вспоможеніе денежной суммы, токмо для перваго установленія, донеже сдѣланы будутъ свои станы и инструменты чтобъ дати.............. мануфактуры одинъ станъ травчатой, да одинъ станъ гладкой и для крученья гарусовъ одну мѣльницу со всѣми инструментами чтобъ можно на тѣхъ станахъ ткать противъ нѣмецкихъ безъ запинки.

3.

И на строеніе того завóду въ Новгородскомъ уѣздѣ сосновой и еловой лѣсъ хоромной повелѣно бы рубити безпошлинно; такожде и на инструменты угодной лѣсъ дубовой и кленовой повелѣно бы рубить безопасно; какъ бы возможно было тѣ станы и всѣ инструменты въ совершенное управленіе привести.

4.

А для того заводу и обученія собственныхъ моихъ людей и крестьянскихъ дѣтей и ради размноженія оныхъ фабрикъ повелѣно-бъ было на первый случай изъ русскихъ мастеровыхъ людей съ Екатерингофской мануфактуры обоихъ мастерствъ по одному человѣку, которые къ такому художеству гораздо заобычайны, отдать мнѣ на нѣсколько лѣтъ, а именно: коломикова дѣла мастера Бориса Шаплескина съ которымъ и договоръ возымѣлъ я...

А изъ полотняной ткача буду безъ волокита. и за труды ихъ по договору платить.

5.

Дворъ въ Новѣ городѣ имѣю на торговой сторонѣ съ деревяннымъ строеніемъ не весьма пространенъ и такова заводъ построить мнѣ на немъ невозможно; и на той же торговой сторонѣ есть дворъ, на которомъ прежде сего было седѣльные мастеры дѣлали дра....... сѣдла, а нынѣ того сѣдельнаго дѣла казнѣ нѣтъ....... лѣтъ съ пять и больше сѣдельнаго дѣла на немъ стоитъ порожжей и никому ан....... отданъ. А къ произведенію такихъ фабрикъ весьма пристоенъ, а другимъ....... для фабричнаго исправленія въ Москвѣ домы даваны.

6.

А ежели государственная мануфактуръ коллегія повелитъ такія фабрики производить мнѣ по сему моему объявленію и желанію и вышепомянутой дворъ по оцѣнкѣ отдастця мнѣ въ вѣчное владѣніе, и я желаю съ охотою моею безъ всякаго подлога оную размножить по возможности моей и въ покуплѣ и въ продажѣ пристойныхъ матеріаловъ и инструментовъ и сдѣланныхъ моихъ товаровъ безпошлиннаго увольненія прошу на десять лѣтъ, тако-жъ какъ въ Санктъ-Петербургѣ, такъ и въ Новѣ городѣ для заведенія оныхъ фабрикъ на собственныхъ моихъ дворѣхъ, противъ другихъ, такихъ же компанейщиковъ постою ставить невелѣть, и о вышеписанномъ о всемъ указомъ опредѣлить и куда надлежитъ послать промеморій, а мнѣ дать милостивую привялегію.

Писано собственноручно Посошковымъ.

Въ главную полицiймейстерскую канцелярiю,

доноситъ Санктъ-Петербургской и Новгородской житель водочной мастеръ Иванъ Посошковъ, а о чемъ слѣдуютъ пункты:

1.

Имѣю я дворъ свой на Санктъ-Петербургскомъ острову ниже кронъ верха въ улицѣ отъ мытнаго двора, и въ нынѣшнемъ Iюнѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числѣхъ прибылъ сюда съ женою своею и съ сыномъ, и и при насъ крѣпостный нашъ людъ, мужеска и женска полу, въ томъ числѣ человѣкъ мой Семенъ Кисловъ двадцати трехъ лѣтъ, росту средняго, въ лицѣ худощавъ, волосомъ бѣлорусъ, на немъ платье кафтанъ сѣрой россiйскаго деревенскаго цвѣта камзолъ и штаны..... лазореваго .... да сестра онаго дѣтины............ дѣвка Ан....... лова.....

Въ бытiе мое Санктъ Питербургское занялъ у меня займомъ Артемей Ивановичъ 50 руб. и я далъ ихъ безъ письма, да за привозной изъ Новагорода запасъ за соленое мясо и за бѣлую капусту и за масло коровье и за медъ и за огурцы и за свѣчи сальныя въ два года накопилось 68 руб. да на поѣздѣ оставилъ я двупудовой якорь и съ подоломъ далъ 2 р. 25 алт. 4 ден., да оставилъ я у ней же въ кладовомъ анбарѣ для сбереженья перцовый .... данъ 14 р. 16 алт. 4 д. да у милости же вашей остался мѣдный котелъ вѣсомъ пудъ шесть фунтовъ цѣна 11 руб. съ полтиною, мѣдный кувшинъ вѣсомъ 8 фунтовъ цѣна 3 р. 2 гривны, хмѣлю кипа цѣна 30 руб. и того 190 руб. 31 алт. 4 деньги; да въ домѣ моемъ было оставлено кубикъ двуведерный съ трубницею да мѣдѣникъ вѣсу въ нихъ больше полпуда было, да четыре ...... двѣ вѣдерныя, другiя двѣ полувѣдерныя цѣна 2 руб. да у жены моей Анна Ивановна взяла нѣмецкихъ кружевъ бѣлыхъ по цѣнѣ на 65 руб. да милость твоя обѣщался кормовыя мои деньги выходить и я обѣщалъ тебѣ за тотъ твой трудъ сто рублевъ, и Анна Ивановна въ тотъ платежъ взяла алмазный крестъ сквозной, сталъ онъ на Москвѣ 80 р., а дѣла того не изволилъ милость твоя и начала учинить которую я до твоего ходатайства выписку сдѣлалъ, та и теперь въ лицахъ и отъ жены моей зашло за вашу милость 145 р. и обоего будетъ 335 р. 31 алт. 4 д. уплачено .....50 руб. и за тѣмъ 386 р. да прислала жена моя безъ милости твоей и безъ меня къ Аннѣ Ивановнѣ бѣлыхъ кружевъ нѣмецкихъ, да серегъ серебряныхъ по цѣнѣ на 75 р. на 20 алт. а именно, что чему цѣна у всякаго кружева и у серегъ привязаны ярлычки, а привезъ тѣ кружева и серги князя Юрья Яковлевича Хилкова человѣкъ,... .... да я оставилъ у ней же Анны Ивановны нитяныхъ же кружевъ по цѣнѣ на 18 р.

да ..... стовъ и запанакъ новоманерныхъ а именно: 2 креста съ лазоревымъ каменемъ, да крестъ съ зеленымъ каменемъ, да двѣ петлицы, а цѣна крестамъ и петлицамъ по два рубли и того 10 р., двои серьги золотыя цѣна по 3 р. съ полтиною серьги и того 7 руб. (255 р. 20 алт.).

..... (419 р. 20 алт.) въ уплату принялъ я у милости твоей алмазныхъ и съ коронъ четыре......безъ четверти, цѣною за пятдесятъ рублевъ, да перевелъ было пятдесятъ рублевъ на нечаевыхъ взять, а письма ихъ у конищева не взялъ и намъ не далъ, и они сказали: деньги-де за нами такіе есть, только-де безъ письма платить не будемъ.

И за уплатою надлежитъ донять 360 р. 20 алт. кромѣ прежнихъ 25 рублей.

Безнадежность.

Вокругъ меня и зелень и прохлада.
Подъ эту сѣнь лепечущаго сада
Сокрою я усталую главу.
Но я души своей на оторву
Отъ прошлаго, что̀ мнѣ такъ дорого и мило
И что мнѣ такъ жестоко измѣнило̀.
То пѣсня старая... и вѣдь не я одна,
Съ душей растерзанной, печальна и блѣдна!
Влачу безцвѣтныхъ дней томительныя цѣпи.
Не жду, не радуюсь, не всматриваюсь въ даль,
И даже не хочу забыть свою печаль,
Глубокую, безмолвную какъ степи.
Бывало сердца слухъ такъ чутко сторожилъ
Природы каждый звукъ — ему какъ будто вторя,
Пока еще душа моя не знала горя,
И умъ мой грезами весны безпечной жилъ.
Теперь не то... хотя какъ прежде надо мною
Деревья свѣжія привѣтливо шумятъ,
И въ рощахъ соловьи заманчиво свистятъ,
Въ вечерній поздній часъ и съ утренней зарею,
Средь тягостныхъ заботъ, средь жизненныхъ сустъ,
Мнѣ слушать пѣсень ихъ, свободы нѣтъ ужъ болѣ.
Нѣтъ время помечтать о лучшей, свѣтлой долѣ,
Да и о чемъ мечтать, когда надежды нѣтъ!

ИР. ВОЛКОВА.

АПОЛЛОНІЙ ТІАНСКІЙ.

АГОНІЯ ДРЕВНЯГО РИМСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОМЪ, НРАВСТВЕННОМЪ И РЕЛИГІОЗНОМЪ СОСТОЯНІИ.

II.

Въ первой моей статьѣ я представилъ очеркъ политическаго или внѣшняго состоянія римскаго общества; въ настоящей—предметомъ моего обзора будетъ внутреннее или религіозно-нравственное положеніе Рима.

Положительный, практическій умъ, преобладающій надъ творческою фантазіею, отличаетъ Римлянина отъ Грека. Въ религіи, гдѣ впервые проявляется народное міросозерцаніе, гдѣ каждый образъ выражаетъ собою или народный смыслъ или историческое воспоминаніе, не могла не выразиться эта особенность римскаго характера. Римская миѳологія или вѣрнѣе теологія, какъ называетъ ее Нибуръ [1]), составившаяся изъ этрурскихъ, пеласгическихъ и сабинскихъ элементовъ, бѣдна вымыслами и образами, серьезна и представляетъ почти въ первобытной наготѣ народныя философемы, составляющія ея основаніе. О ней мало говорятъ древніе писатели. Тотъ фактъ, что римская теологія была почти вытѣснена греческими миѳами и въ общественномъ сознаніи и въ глазахъ писа-

[1]) Niebuhr. Vorträge über Röm. Alt. S. 432.

телей заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ доказываетъ, что отвлеченная и серьезная догматика отечественной религіи уступила мѣсто живой фантазіи чужаго племени, и что римскій народъ, не находя въ себѣ самомъ творческой силы, чтобы воплотить созданія своей мысли, охотно заимствовалъ образы уже готовые, не заботясь о томъ, что эти образы не всегда соотвѣтствуютъ идеѣ, и не предвидя того, что неудачное олицетвореніе отвлеченной идеи могло унизить то философское содержаніе, которое лежитъ въ основѣ религіи. Первобытная римская теологія основана на олицетвореніи тѣхъ силъ природы, которыя поразили воображеніе народа и представились ему наиболѣе самостоятельными и могущественными. Олицетвореніе это не было такъ полно и рельефно, какъ въ греческой миѳологіи. Антропоморфизма почти не было, и только слабые его начатки замѣтны въ именахъ воплощенныхъ стихій. Свѣтъ обожался подъ именами *Janus* и *Jana*, плодотворная сила земли называлась *Saturnus* и *Ops*, самая масса земли *Tellumo* и *Tellus*. Такимъ образомъ каждая стихія распадалась въ понятіяхъ народа на мужескій и женскій принципъ, на оплодотворяющую и воспринимающую силу. Но изъ существующихъ матеріаловъ нельзя заключить, чтобы эти пары божествъ находились въ супружескихъ отношеніяхъ; о генеалогіи ихъ не говорится нигдѣ; начало и конецъ божества признается неизвѣстнымъ и непостижимымъ. Словомъ, силы природы признаются нравственно свободными существами, но на понятіи существа и останавливается творчество народа; оно не ограничиваетъ этого понятія личными особенностями, не стѣсняетъ его опредѣленными качествами и такимъ образомъ не впадаетъ въ антропоморфизмъ. Кромѣ этихъ главныхъ божествъ, олицетворяющихъ великія силы природы, есть безконечное число мелкихъ божествъ, въ которыхъ воплощаются всѣ фазы развитія животнаго и растительнаго царства, Нѣсколько десятковъ божествъ покровительствуютъ развитію пшеничнаго зерна и возрастанію колоса. Міроправленіе, по понятію Римлянъ, состоитъ подъ вѣдѣніемъ трехъ силъ. Выше всего стоятъ общіе законы природы, по которымъ бытіе развивается изъ понятія, и по которымъ все существующее произошло изъ творческой мысли кокого-то, совершенно неопредѣленнаго, высшаго существа. Внутри круга, очерченнаго законами природы, дѣйствуетъ на отдѣльные роды существъ и на единичныя личности *fatum* (судьба, рокъ). Fatum имѣетъ еще нѣкоторые законы и какъ бы составляетъ дополненіе и распространеніе основныхъ и общихъ

законовъ природы. Внутри законовъ *fatum'а* дѣйствуетъ *fortuna* — случай. По законамъ природы, замѣчаетъ Сервій [1]), человѣкъ можетъ жить 120 лѣтъ; причемъ природа назначаетъ только крайній предѣлъ—*maximum*. Fatum ограничилъ законъ природы, такъ что большинство людей живутъ не болѣе 90 лѣтъ. Fortuna — случай можетъ пресѣчь жизнь человѣка во всякую данную минуту, не нарушая законовъ природы, ни рѣшенія судьбы. На этомъ міросозерцаніи основано поклоненіе фортунѣ, продолжавшееся въ обширныхъ размѣрахъ при Цицеронѣ и во времена имперіи [2]). Природу и судьбу нельзя было измѣнить, но можно было надѣяться умилостивить богиню случая. Это міросозерцаніе оставляло мѣсто промыслу, и въ то же время оберегалось отъ фатализма; оно основано на томъ простомъ и здравомъ разсужденіи, что я, какъ человѣкъ, подчиненъ извѣстнымъ физическимъ законамъ; я же, какъ опредѣленная личность, въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ и къ неодушевленнымъ предметамъ, стою внѣ всякаго заранѣе обдуманнаго плана. Если я закалываюсь кинжаломъ, то тотъ фактъ, что я умираю отъ раны, представляетъ собою осуществленіе закона природы, а тотъ фактъ, что я нанесъ себѣ рану, есть проявленіе моей свободной воли, до котораго нѣтъ дѣла ни природѣ, ни судьбѣ [3]). Эта простая, строгая и серьезная религія не могла удовлетворять потребностямъ народа. Внутренняго смысла ея онъ не понималъ, точно также какъ не понимаетъ напр. внутреннихъ законовъ, по которымъ сложился языкъ, а внѣшняя сторона была слишкомъ проста и суха, требовала напряженія ума и не говорила воображенію. При первомъ столкновеніи съ произведеніями иноземной фантазіи, народъ увлекся ими и перенесъ къ себѣ то, что для него было особенно привлекательно, т. е. пышные обряды, религіозныя игры и поэзію; но патріотизмъ и консервативный духъ народа не позволили прямо замѣстить отечественное божество пришлымъ; нужно было соединить одно съ другимъ; безличныя существа, населявшія римскій невидимый міръ, какъ нельзя больше были способны соединиться съ какими бы то ни было личностями космическихъ божествъ, происшедшихъ изъ олицетворенія природы; и вотъ разныя древне-сабинскія, этрурскія и пеласгическія имена слились съ пред-

---

[1]) Niebuhr S. 438. [2]) *Ovidius.* Fasta IV v. 146, 364. 729. —VI. v. 773.
[3]) *Filon.* Etat moral et religieux de la société romaine (Mém. de l'Inst. de Fr., Sc. mor. et polit. Sav. Etr. T. I, p. 775).

ставленіями олимпійцевъ, личностей совершенно очерченныхъ, имѣвшихъ полную человѣческую индивидуальность и получившихъ, благодаря поэтамъ и художникамъ, внѣшнюю исторію, генеалогію и физіономію. Юпитеръ—Зевесъ, Юнона-Гера, Минерва-Аѳина, Церера—Димитра, Либеръ—Вакхъ, Либера-Персефона, Діана-Артемида, и т. д. населили собою римскій олимпъ, царемъ котораго явилась величественная фигура Юпитера капитолійскаго. Еще при Тарквиніѣ Прискѣ существовали антропоморфическія изображенія боговъ, сивиллины книги предписывали приносить жертвы греческимъ богамъ и поклоняться Аполлону; дельфійскій оракулъ, съ которымъ совѣтовались и правительство и частныя лица, указывалъ тоже на греческій культъ. Этотъ культъ былъ богатъ, веселъ и изященъ; онъ нравился народу и древне—италійскіе обряды мало по малу выходили изъ употребленія или измѣняли свой первобытно—простой и серьезно—нравственный характеръ. Такъ въ древней религіи не было кровавыхъ жертоприношеній; вѣроятно изъ древнѣйшаго періода сохранились возліянія и приношенія, совершавшіяся въ честь домашнято бога (lar) и генія мѣста (genius loci); имъ приносились цвѣты и дѣлались возліянія виномъ и молокомъ. Но греческій культъ скоро проникъ въ Италію, явились *simulacra* идолы боговъ и на алтаряхъ ихъ полилась кровь жертвенныхъ животныхъ; явился даже обрядъ *lectisternia*, котораго грубая чувственность стоитъ въ яркомъ противорѣчіи съ спиритуализмомъ древней теологіи. Въ важныхъ случаяхъ, при опасности государства или послѣ счастливаго событія, когда нужно было умилостивить или поблагодарить боговъ, устроивался роскошный обѣдъ, на столъ ставилось золото и серебро, составлявшее собственность храмовъ, а на ложа возлѣ стола располагались статуи тѣхъ боговъ, для которыхъ устроенъ былъ пиръ. Объ устройствѣ такихъ говоритъ Тацитъ. Послѣ большаго пожара въ Римѣ, Неронъ счелъ нужнымъ умилостивлять боговъ; обратились къ сивиллинымъ книгамъ, стали молиться Вулкану, Церерѣ и Прозерпинѣ; римскія матроны отправились на берегъ моря и морскою водою оросили храмъ и статую Юноны; наконецъ тѣ же матроны устроили ночныя бдѣнія. Когда все это не помогло, то для окончательнаго успокоенія встревоженныхъ умовъ Неронъ казнилъ самыми разнообразными казнями множество христіанъ, которые уже въ то время возбуждали недовѣріе и ненависть Римлянъ. (Ann. Lib. XV. с. 44).

Игры состояли въ ристаніи на колесницахъ и въ кулачныхъ бо-

яхъ; въ этихъ играхъ принимали участіе только рабы и вольноотпущенные, а природные Римляне считали унизительнымъ сходить на арену. Это обстоятельство, мнѣ кажется, объясняется иностраннымъ происхожденіемъ этихъ религіозныхъ обрядовъ и увеселеній. Игры (ludi) не имѣютъ ничего общаго съ гладіаторскими зрѣлищами. Онѣ были веселаго характера и оканчивались безъ кровопролитія; всѣ онѣ состояли въ сценическихъ представленіяхъ и въ ристаніи на колесницахъ; отъ нихъ строго отличаются гладіаторскія представленія, называвшіяся *spectacula* и неимѣвшія религіознаго значенія. При этомъ наплывѣ греческихъ представленій и обрядовъ изъ чисто-римскаго культа осталась только іерархія, которая своимъ устройствомъ доказываетъ, что въ Римѣ вліяніе религіи на государственныя дѣла было несравненно сильнѣе нежели въ Греціи. Греческіе жрецы были почти исключительно служителями при жертвоприношеніяхъ; въ Римѣ существовали цѣлыя коллегіи жрецовъ, имѣвшихъ законодательную власть и политическое значеніе (*).

(*) Первая изъ этихъ коллегій были понтифексы, во главѣ которыхъ стоялъ pontifex maximus, предавшій впослѣдствіи свой титулъ папѣ. Они были судьями духовныхъ дѣлъ, законодателями касательно церемоній и обрядовъ, правъ и обязанностей жрецовъ; они судили нарушителей, имѣли jus quaestionis и могли даже осуждать на смерть. Они завѣдывали календаремъ, установляли подвижные праздники и рѣшали вопросъ, какіе дни счастливые (fasti) и несчастные (nefasti). Со временъ Августа, званіе pontifices maximi сдѣлалось неотъемлемою принадлежностью императора, и до временъ Θеодосія даже христіанскіе императоры отправляли эту должность. Понтифексы сами не приносили жертвоприношеній и только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ императоръ освящаетъ жертвенное животное, которое потомъ ударяетъ молотомъ *popa*, а зарѣзываютъ рабы. Pontifex maximus былъ всегда одинъ; число другихъ понтифексовъ измѣнялось, постоянно увеличиваясь. Сначала было два, потомъ четыре, потомъ, при усиленіи плебеевъ четыре изъ патриціевъ и четыре изъ плебеевъ, и наконецъ послѣ Суллы, пятнадцать. Съ увеличеніемъ числа падало значеніе должности, которая въ періодъ имперіи сдѣлалась чисто номинальною.

Вторая греческая коллегія—авгуры играла въ Римѣ ту роль, которую въ Греціи занимали оракулы; они на основаніи своихъ книгъ, заключавшихъ въ себѣ записанное откровеніе (libri augurales), обсуживали явленія природы и гадали о будущемъ по полету и крику птицъ, по молніи и по другимъ воздушнымъ явленіямъ. Они отличались отъ аруспиціевъ (aruspex), имѣвшихъ этрурское происхожденіе, тѣмъ, что послѣдніе пророчествовали по вдохновенію, а авгуры только подводили то, что видѣли въ природѣ, подъ статьи и изреченія своихъ книгъ. Авгуры стояли несравненно выше аруспиціевъ въ общественномъ мнѣніи и являлись вслѣдъ за понтифексами во всѣхъ процессіяхъ и на религіозныхъ играхъ (Tac. Ann. III. 64.)

Посмотримъ, что можно вывести изъ этого изображенія римской іерархіи и римскаго культа. Во 1-хъ, мы видимъ, какъ легко римская первобытная теологія и религіозные обряды уступили мѣсто греческимъ миѳамъ и обрядамъ. Это указываетъ на религіозную терпимость, гра-

---

Третью коллегію составляли хранители сивиллиныхъ книгъ, называвшіеся по числу своему сначала дуумвирами, потомъ децемвирами и наконецъ квиндецимвирами. Въ важныхъ случаяхъ, эти духовные чиновники по порученію сената раскрывали сивиллины книги, и по прочтеніи извѣстнаго мѣста, объявляли, что должно дѣлать, какими религіозными церемоніями можно умилостивить божество. Во время Тиверія, они вмѣстѣ съ понтифексами и авгурами давали народу великія игры. При Домиціанѣ самъ Тацитъ былъ квиндецимвиромъ и упоминая объ этомъ говоритъ, что дѣлаетъ это не изъ тщеславія [1]); изъ этого можно заключить, что въ началѣ втораго вѣка имперіи эта должность была еще въ почетѣ; это мнѣніе еще болѣе подтверждается тѣмъ, что квиндецимвиромъ былъ при Неронѣ Тразеа Петъ, [2]) знаменитый сенаторъ и государственный человѣкъ.

Четвертая коллегія—феціалы (fetiales) при царяхъ и въ первое время республики имѣли значительное вліяніе; они разбирали международныя отношенія, вели во имя боговъ переговоры и не получивши удовлетвореніе отъ племени, оскорбившаго Римлянъ, объявляли сенату—populum hunc injustum esse—и бросали копье чрезъ границу, послѣ чего и начиналась обыкновенно война. Въ эпоху войны съ Пирромъ эпирскимъ они являются въ послѣдній разъ международными судьями. При практическомъ направленіи римскаго ума, теократическій принципъ не могъ удержаться и феціалы потеряли политическое значеніе. Въ эпоху Тиверія они упоминаются, но рѣже другихъ коллегій, и притомъ съ второстепеннымъ почетомъ, такъ что Тиверій, опираясь на прежніе документы, отказалъ имъ въ предсѣдательствѣ на великихъ играхъ, на ряду съ понтифексами, авгурами и квиндецимвирами [3]). Кромѣ этихъ коллегій существовали еще жрецы, которыхъ исключительною обязанностью было отправлять богослуженіе и приноситъ жертвы. Во главѣ этихъ жрецовъ стоитъ rex sacrificulus, занявшій въ богослужебной іерархіи мѣсто царя послѣ изгнанія Тарквинія и имѣвшій чисто обрядную должность безъ всякаго вліянія. За нимъ слѣдуютъ фламины и весталки, служительницы Весты, богини огня. Это были дѣвы, выбираемыя изъ патриційскихъ семействъ, обязанныя хранить дѣвство, поддерживать священный огонь на жертвенникѣ Весты и совершать много другихъ мелкихъ обрядовъ богослуженія; въ весталки назначались обыкновенно дѣвочки 6 — 10 лѣтъ; 10 лѣтъ онѣ учились, десять лѣтъ отправляли служеніе и 10 лѣтъ учили другихъ. Всего было шесть весталокъ и старшая изъ нихъ была непосредственно подчинена главному понтифексу, который за нерадѣніе могъ ихъ подвергать тѣлесному наказанію, а за нарушеніе дѣвственности осуждалъ ихъ на голодную смерть въ подземномъ сводѣ подъ porta collina.—Въ періодъ имперіи, правительство старалось всѣми силами поддержать уваженіе къ весталкамъ. Когда при Августѣ, вельможи старались избавить своихъ дочерей отъ служе-

---

[1]) Ann. XI. 11. [2]) Ann. XVI. 22. [3]) Ann. III. 64.

ничащую съ индифферентизмомъ, и, что очень замѣчательно, эту терпимость раздѣляютъ съ народомъ и жрецы. Нигдѣ не видно признаковъ сильной борьбы; религія охотно подчиняется иностранному вліянію и народъ съ радостью принимаетъ новый, болѣе яркій и чувственный культъ. Послѣ этого факта, совершившагося еще при царяхъ, намъ не должно казаться страннымъ то радушіе, съ которымъ Римляне (которыхъ умственный горизонтъ расширялся вмѣстѣ съ территоріальными владѣніями) принимали иностранныхъ боговъ въ свой вѣчный городъ. Для объясненія этого радушія, должно еще припомнить, что Римляне большую часть восточныхъ божествъ получили уже тогда, когда эти божества испытали на себѣ греческое вліяніе, частью тѣмъ, что они перенесены въ малоазійскую или европейскую Грецію, частью тѣмъ, что греческій элементъ проникъ въ Азію по слѣдамъ Александра Македонскаго и его преемниковъ. Римляне получили эти божества почти изъ рукъ Грековъ, которыхъ они считали своими единовѣрцами; сами же Римляне были плохіе догматики, и потому, безъ критики и безъ недовѣрія брали къ себѣ то, что встрѣчали по дорогѣ. Вліяніе Грековъ можно безспорно считать первымъ доказательствомъ терпимости Римлянъ и переходною порою, облегчившею Риму принятіе другихъ божествъ.

нія, Августъ сказалъ, что онъ самъ предложилъ бы въ весталки одну изъ своихъ внучекъ, еслибъ позволяли ихъ лѣта [1]). Онъ отвелъ весталкамъ мѣсто въ театрѣ отдѣльно отъ прочихъ, противъ преторскаго трибунала, [2]) а Тиверій постановилъ, чтобы *Augusta* (императрица), бывая въ театрѣ, садилась между весталками [3]). Завѣщаніе Августа было внесено въ сенатъ весталками [4]). Въ завѣщаніи Тиверія была статья въ пользу весталокъ, которымъ онъ оставилъ значительную денежную сумму [5]). Домиціанъ, желая возстановить упадшую нравственность весталокъ, употребилъ крутыя мѣры, свойственныя его характеру. Когда virgo maxima, Корнелія, была уличена въ нарушеніи обѣта, онъ велѣлъ ее закопать живую въ землю, а соблазнителей ея засѣчь до-смерти розгами въ народномъ собраніи [6]). Послѣдующій ходъ событій доказалъ, насколько было возможно оживить внѣшними мѣрами поощренія и наказанія обветшавшій и умирающій принципъ.—Остается еще упомянуть изъ римской іерархіи Саліевъ и Арвальскихъ братьевъ (fratres Arvales), Первые были жрецы Марса, вторые составляли коллегію изъ 12 человѣкъ и занимались процессіями и жертвоприношеніями. Оба разряда жрецовъ существовали долго, но не имѣли никакого значенія. Вліяніе ихъ на массу народа было также ничтожно, какъ ихъ занятія.

---

[1]) Suet. Aug. 31. [2]) Suet. Aug. 44. [3]) Tac. Ann. IV., 16. [4]) T. Ann. I. 8. —Suet. Aug. 101. [5]) Suet. Tib. 76. [6]) Suet. Domit. 8.

Во 2-хъ, замѣчательно въ римской іерархіи отсутствіе кастическаго духа; понтифексы, авгуры, фламины, квиндецимвиры, феціалы избирались изъ патриціевъ и плебеевъ и каждый избранный оставался вѣренъ своимъ личнымъ интересамъ, интересамъ своего рода и сословія. Члены римской іерархіи не имѣли особой политики, сопряженной съ духовною должностью. Они не старались расширить предѣлы вліянія своего духовнаго званія; они, по мѣрѣ честолюбія каждаго, заботились о личномъ своемъ возвышеніи и считали занимаемую ими государственную или іерархическую должность только болѣе или менѣе удобною переходною степенью. Кто скажетъ, напр., что въ личностяхъ Метелла нумидійскаго или Юлія Цезаря были замѣтны слѣды жреческой политики, а между тѣмъ и тотъ и другой были pontifices maximi? Должность главнаго понтифекса была пожизненная, стало-быть человѣкъ могъ, какъ то дѣлали папы, поставить себѣ задачею возможное возвышеніе своего сана, и между тѣмъ что же мы видимъ? Если понтификатъ достается замѣчательной личности, онъ почти теряется въ числѣ другихъ ея должностей и составляетъ что-то въ родѣ почетнаго титула. Если онъ достается личности посредственной, напр. тріумвиру Лепиду, то онъ не выводитъ этой личности изъ ея посредственности. Ни одинъ pontifex maximus не былъ знаменитъ какъ pontifex maximus. Почему? Потому, вѣроятно, что положительный и практическій умъ Римлянина не допускалъ ничего теократическаго. Появленіе Магомета въ римскомъ мірѣ было бы совершенно невозможно; въ Римѣ религія поддерживала государство, но никогда не являлась могучимъ двигателемъ его, не производила войнъ, и не была причиною политическихъ переворотовъ.

Городъ народа фанатическаго не могъ бы сдѣлаться Пантеономъ всѣхъ религій; Риму было суждено быть тѣмъ безразличнымъ полемъ, тѣмъ terrain neutre, на которомъ всѣ вѣрованія язычества перемѣшались, потеряли свою физіономію и вмѣстѣ съ тѣмъ лишились той силы, того вліянія надъ умами, которое доставляла имъ опредѣленная историческая почва и суровая, исключительная замкнутость. Для этой задачи, которую, по словамъ Риттера, выполнила древняя философія временъ имперіи, нужно было мѣсто, и этимъ мѣстомъ сдѣлался Римъ, потому что таковъ былъ характеръ его народа. Эти черты характера, развившіяся вполнѣ въ эпоху всемірнаго господства, лежали въ зародышѣ еще до того времени, когда на берегу Тибра возникло первоначальное бѣдное поселеніе трибы Romnes. Эти заро-

дыши видны и въ теологіи, и въ построеніи іерархіи и въ той легкости, съ какой проникли въ Италію творенія греческаго духа, Олимпійцы, статуи, и ихъ роскошное богослуженіе. Законъ, приводимый Цицерономъ въ сочиненіи его de legibus Z. II, c. 8: («Да не имѣетъ никто отдѣльныхъ или новыхъ боговъ; да не обожаютъ частнымъ образомъ пришлыхъ боговъ не признанныхъ публично») не противорѣчитъ высказанному мною мнѣнію; онъ доказываетъ только, что римское правительство имѣло консервативный характеръ, и понимало политическую важность религіознаго единства. Чтобы видѣть яснѣе, до какой степени простиралась религіозная терпимость Римлянъ, я перейду въ эпоху паденія республики и основанія имперіи.

II.

Основатели римской изящной словесности, Ливій Андроникъ, Невій и Энній, плѣненные образцами греческаго искуства, перенесли въ римскій міръ и популяризировали въ немъ греческіе миѳы и героическій эпосъ. Вмѣстѣ съ греческими вѣрованіями проникло въ римскій міръ и критическое отношеніе Грековъ къ миѳу и къ преданію. Энній перевелъ на латинскій языкъ сочиненія Эвхемера, доказывавшаго, что всѣ боги язычества были людьми, и что ихъ обоготворила благодарная, но слишкомъ страстная преданность простодушныхъ современниковъ. Энній былъ любимый поэтъ; все, что выходило изъ-подъ его пера, имѣло успѣхъ; стало-быть, онъ зналъ своихъ современниковъ и не боялся уронить себя въ ихъ глазахъ сочувствіемъ къ смѣлымъ по тогдашнему времени идеямъ греческаго критика. Отъ своего лица онъ говорилъ: «Что есть порода небесныхъ боговъ, это я сказалъ и всегда буду повторять; но я думаю, что о жизни людей они ни мало не заботятся». Публика апплодировала, когла эти слова произносились со сцены [1]). Еслибы въ то время были крѣпки вѣрованія, то народъ почувствовалъ бы себя оскорбленнымъ этими словами, и они возбудили бы гоненіе. Еслибы поворотъ къ скептицизму былъ уже совершенъ, Энній не сталъ бы высказывать своей идеи серьезно, какъ

---

[1]) Cic. De div. II 50.

новое и важное убѣжденіе, а публика осталась бы равнодушна къ тому, что уже перестало быть для нея новостью. Мнѣ кажется, что слова Эннія и встрѣтившее ихъ сочувствіе доказываютъ, что въ римскомъ обществѣ господствовало въ то время броженіе; религіозныя вѣрованія боролись съ развивавшеюся критикою и слабѣли, но еще отстаивали свое существованіе. Не даромъ говорилъ дѣдъ Цицерона, человѣкъ стараго закала, патріотъ и приверженецъ старинной религіи: «у Римлянина испорченность возрастаетъ отъ знакомства съ греческими писателями» [1]. Патріоты понимали, откуда грозитъ опасность и не ошибались въ своихъ опасеніяхъ.

Ослабленіе туземной религіи, частью замѣненіемъ италійскихъ представленій греческими, частью разрушительнымъ вліяніемъ греческой критики, породило два явленія, которыхъ развитіе идетъ параллельно, несмотря на наружное различіе внѣшнихъ признаковъ. Ослабленіе авторитета, на который мы привыкли опираться, можетъ повести къ двумъ послѣдствіямъ: или мы возведемъ нашъ опытъ въ общее правило и потеряемъ довѣріе къ авторитету вообще, или, если въ насъ сильна потребность къ чему нибудь прислониться, мы будемъ искать внѣ себя новой опоры, рискуя снова разочароваться и не рѣшаясь дать полную волю анализу ума. Вотъ что произошло въ древнемъ мірѣ, при ослабленіи народной религіи: кто могъ вынести тяжелыя послѣдствія скептицизма, тотъ отвергалъ все, что не могло быть осязательно доказано; кто былъ не въ силахъ выдержать эту борьбу, тотъ старался замѣнить искренность и глубину убѣжденія количествомъ обожаемыхъ предметовъ и соблюдаемыхъ формъ. Невѣріе и суевѣріе развивались одновременно; въ то время, когда философы дошли до полнаго раціонализма, народъ дошелъ до совершеннаго фетишизма; нужно было много внѣшнихъ обрядовъ, молитвъ, жертвоприношеній и идоловъ, чтобы заглушить въ испуганной душѣ неразвитой личности страшное сознаніе закрадывавшагося сомнѣнія. Толпа страшилась походить на атеистовъ-философовъ, и чѣмъ злѣе смѣялся Эпикуреецъ Лукіанъ, тѣмъ большія массы людей стекались на поклоненіе къ пророку язычества, Александру Авонотихиту. Толпа и мыслители озлобляли другъ-друга, и не могли ни на чемъ сойтись; тѣ и другіе находились въ трагическомъ положеніи; вѣрующіе бросались изъ стороны въ сторону, выбивались изъ силъ и ни-

[1] Cic. De orat 6.

гдѣ не находили себѣ удовлетворенія. Философы–скептики стояли одиноко, громко выражали свое презрѣніе къ суевѣрной массѣ и жили однимъ отрицаніемъ, не видя ничего за предѣлами гроба и не находя возможности приложить свои силы къ плодотворной дѣятельности. Подъ ними не было почвы; сочувствіе толпы было не съ ними; а въ такой жизни ожесточенной борьбы и ѣдкаго смѣха трудно найти себѣ отраду. Были, конечно, и переходные типы, старавшіеся держать середину и часто соединявшіе въ себѣ только ошибки обѣихъ крайностей. Были мыслители–мистики и полумистики, подобные Плутарху, Апулею и Максиму Тирскому; были и въ толпѣ личности, отвергавшія всякое вѣрованіе для житейскаго комфорта и для спокойнаго наслажденія минутою; это были люди безъ убѣжденія, свиньи изъ стада Эпикура, намѣренно забивавшіе въ себѣ всякую мысль и жившіе только для сластолюбія. Это былъ худшій и самый неискренній типъ, а между тѣмъ онъ составлялъ огромное большинство. Были ловкіе шарлатаны, невѣрившіе ни во что и старавшіеся пользоваться довѣрчивымъ суевѣріемъ народа. Были наконецъ восторженные мечтатели, поэты–мыслители, вѣрившіе въ сверхчувственный міръ, въ свою личность, въ силы окружающихъ людей и въ возможность обновленія. Всѣ эти разнородные типы составляли непрерывную цѣпь градацій, лѣстницу, которой крайнія ступени занимали съ одной стороны мыслители раціоналисты, съ другой суевѣрная масса народа. Въ этой массѣ было много жизненныхъ силъ. Въ послѣдніе вѣка язычества эти силы выражались именно въ искренности суевѣрія, въ желаніи отдаться какой–нибудь высшей силѣ слѣпо и беззавѣтно. Отъ этого энтузіазма страдаетъ порою личность самого энтузіаста; но чувство это, несмотря на тѣ крайности, къ которымъ оно порою приводитъ, необходимо для исторіи, какъ двигатель. Обозначивъ такимъ образомъ то обстоятельство, что невѣріе и суевѣріе росли и развивались параллельно, я дамъ себѣ право для большей ясности прослѣдить отдѣльно развитіе того и другаго, т. е. постараюсь представить сначала міросозерцаніе народной массы, а потомъ перейду къ характеристикѣ философіи. Поэты занимаютъ средину между мыслителями и массою; они популяризировали идеи философовъ и упрощали ихъ; выигрывая въ удобопонятности, эти идеи часто терялись въ глубинѣ и искажались подъ вліяніемъ поэтической обработки.

III.

Матеріалы для характеристики народныхъ вѣрованій я буду брать изъ отзывовъ писателей о массѣ, изъ историческихъ извѣстій о жизни общества и отдѣльныхъ личностей, наконецъ изъ тѣхъ мнѣній и разсужденій писателей и мыслителей, въ которыхъ говоритъ эпоха и народность, а не самостоятельная критизирующая личность. Важнымъ пособіемъ будутъ также извѣстія географовъ и путешественниковъ, подобныхъ Страбону и Павзанію, о существовавшихъ въ ихъ время храмахъ и культахъ, о большемъ или меньшемъ процвѣтаніи оракуловъ, объ изображеніяхъ боговъ и о соединенныхъ съ ними вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Все это такія указанія, по которымъ можно до нѣкоторой степени составить себѣ понятіе объ умственномъ уровнѣ массы. Вслѣдъ за греческими божествами потянулись постепенно въ Римъ и въ Италію божества другихъ народовъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ Римлянами и подчинявшихся ихъ господству. Чтобы судить о силѣ и свойствѣ оказаннаго ими вліянія, чтобы представить себѣ то, какъ они должны были дѣйствовать другъ–на–друга при столкновеніяхъ между собою, — необходимо разсмотрѣть сущность каждаго изъ главныхъ культовъ, прихлынувшихъ къ Риму вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ. Начнемъ съ Египта.

Египтяне отличаются отъ Грековъ и Римлянъ присутствіемъ пылкаго и стройнаго религіознаго чувства. Теряясь въ самой отдаленной древности своимъ началомъ, религія Египтянъ сохранилась до окончательнаго паденія язычества почти въ полной чистотѣ принципа; въ ней до самаго конца ея сохранилось такъ много жизненной силы, что она подѣйствовала на Римъ своею пропагандою, и что фанатизмъ народа часто бралъ верхъ надъ осторожностью и даже надъ страхомъ римскаго имени. Во время Плутарха произошла кровопролитная религіозная война между двумя египетскими городами, обожавшими двухъ различныхъ животныхъ [1]). Подобную же войну, отличавшуюся особенною жестокостью и происшедшую между двумя другими городами, описы-

---

[1]) Plut. De Iside c. 72.

ваетъ Ювеналъ [1]). Если сблизить эти два факта съ тою ролью, которую играла Өиваида въ исторіи первыхъ христіанскихъ отшельниковъ, природныхъ Египтянъ, то будетъ понятно, что не сущность египетской религіи обусловливала собою это пламенное религіозное чувство, а самый характеръ народа, проникнутый мрачною и сдержанною страстностью. Стремленіе къ безконечному, къ мистически-неопредѣленному положило свою печать на египетскую теологію. Тамъ, гдѣ Грекъ творитъ образы, тамъ Египтянинъ придумываетъ символы; чѣмъ свѣтлѣе, опредѣленнѣе и ярче образъ божества, тѣмъ болѣе онъ удовлетворяетъ Греку; чѣмъ туманнѣе, загадочнѣе и рѣзче символъ, тѣмъ болѣе онъ возбуждаетъ благоговѣніе Египтянина. Оттого происходитъ пластичный антропоморфизмъ Грека и уродливый зооморфизмъ Египтянина. Первый привлекалъ къ себѣ каждаго, въ комъ было эстетическое чувство, ласкалъ взоры, смягчалъ душу, но не распалялъ воображенія и не вдохновлялъ вѣрующаго дикою энергіею фанатизма. Второй отталкивалъ отъ себя иностранцевъ, вселялъ въ нихъ ужасъ и отвращеніе или возбуждалъ ихъ смѣхъ; но часто фантастическая обстановка, таинственность, заставлявшая искать за символомъ какого-то высшаго смысла, какого-то божественнаго откровенія, строгость культа, самая странность и рѣзкость обрядовъ, все это вмѣстѣ поражало нервы новоприбывшаго, сбивало его неустановившуюся критику и превращало насмѣшливаго скептика сначала въ изумленнаго и пассивнаго адепта, а потомъ въ ревностнаго прозелита и пылкаго фанатика [2]).

Система египетскихъ боговъ чрезвычайно сбивчива; имена ихъ сливаются между собою, аттрибуты мѣшаются, генеалогіи путаются; одно и то-же лицо является мужемъ и женою, отцомъ и сыномъ, производитъ самого себя на свѣтъ и совокупляется съ своимъ произведеніемъ. Причины этой запутанности лежатъ отчасти въ символистикѣ, отчасти въ исторіи множества отдѣльныхъ, мѣстныхъ культовъ, изъ соединенія которыхъ вышла общенародная египетская религія. Разбирать всю эту систему боговъ незачѣмъ. Важенъ общій колоритъ и кромѣ того три личности: Изида, Озирисъ и Сераписъ, которыхъ культъ былъ особенно силенъ въ Римѣ. Судьба Изиды замѣчательна тѣмъ, что рисуетъ собою отношенія египетскаго мышленія къ греческому. Египтяне воплотили въ Изидѣ женственную, пассивную мате-

---

[1]) Juv. Sat. XV. [2]) Phil. V. Ap. VI. 19.

рію (ὕλη) и противопоставили ее активному, оплодотворяющему, мужскому принципу, Озирису. Личность Изиды не опредѣлена больше ничѣмъ. Египтяне не дали ей никакого частнаго значенія; но, стремясь къ символу, стараясь выразить идею внѣшнимъ знакомъ, придали ся изображенію нѣсколько аттрибутовъ, которыхъ значеніе такъ темно и толкованіе такъ произвольно, что непосвященный въ ихъ тайны не могъ добраться до ихъ смысла. Греки не могли понять безцвѣтную общность Изиды: стремясь къ индивидуальной опредѣленности, они стали отожествлять Изиду съ тѣми изъ своихъ богинь, на которыхъ она, по ихъ мнѣнію, походила. Матеріалы для сравненія они брали въ аттрибутахъ, во внѣшнихъ подробностяхъ миѳа, въ наружныхъ частностяхъ обряда. Вышло то, что Изида стала соотвѣтствовать Аѳинѣ, Димитрѣ, Персефонѣ, Теѳисѣ Селенѣ [1] (σελήνη), между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она не соотвѣтствовала ни одной изъ этихъ личностей, но можетъ быть заключала ихъ въ себѣ, какъ общее и широкое понятіе. Во всей египетской теологіи былъ только одинъ миѳъ, Озирисъ и Изида, да и тотъ носитъ на себѣ печать греческаго вліянія [2]). Событія этого миѳа вращаются вокругъ умерщвленія Озириса Тифономъ, и въ этихъ событіяхъ, а равно и въ мистеріяхъ, посвященныхъ ихъ воспоминанію, играетъ важную роль половый органъ Озириса. Космическая философема, скрывавшаяся за этимъ рѣзкимъ символомъ, не была понятна ни иностранцамъ, ни египетскому народу, такъ что прочное вліяніе удержали только скандалезные обряды, сопровождавшіе собою совершеніе мистерій.

Сераписъ, по мановенію котораго Веспасіанъ исцѣлилъ въ Египтѣ слѣпаго [3]), появился въ ряду египетскихъ боговъ въ эпоху греческаго вліянія, въ первые годы господства Лагидовъ. Въ немъ слились со стороны Египтянъ Аписъ, Озирисъ и Ра, а со стороны Грековъ Діонисъ, Зевсъ и Аидъ. Этому сліянію содѣйствовало то обстоятельство, что Птоломей Сотеръ, ссылаясь на видѣнный имъ сонъ, приказалъ привезти въ Александрію колоссальную статую Синопскаго Зевса. Египетскіе жрецы поняли вѣроятно намѣреніе государя и тотчасъ узнали въ привезенной статуѣ изображеніе египетскаго бога Сераписа, которому по ихъ словамъ поклонялся еще Рамзесъ великій. Пользуясь покровительствомъ властей, обновленный Сераписъ широко

---

[1]) Plut. De Is. et Os. c. 9, 27, 34, 52. [2]) *Döllinger.* Heidenthum und Judenthum S. 414. [3]) Tac. Hist. IV. 81.—Suet. Vespas. 7.

раскинулъ по Египту свои святилища и почти совершенно вытѣснилъ Озириса даже изъ Мемфиса [1]).

Въ египетскомъ культѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія апоѳеозы государей; они начались за 1500 лѣтъ до Р. Х., вѣроятно даже раньше и потомъ были возстановлены въ полной силѣ Птоломеями. Обоготвореніе превратилось въ одинъ изъ необходимыхъ обрядовъ, сопровождавшихъ собою воцареніе новаго государя. Какъ только новый Птоломей вступалъ на престолъ, такъ его статуя ставилась въ храмъ; ей приносили жертвы, ее носили на всѣхъ процессіяхъ и обожали нетолько въ публичныхъ храмахъ, но даже въ частныхъ домахъ и фамильныхъ часовняхъ. Если сопоставить съ этимъ фактомъ апоѳеозы Лизандра [2]), Филиппа, Александра Македонскаго [3]) и Димитрія Поліоркета [4]) въ Греціи, то не трудно будетъ замѣтить, что въ обоготвореніи римскихъ императоровъ не было ничего необыкновеннаго; они отличались отъ своихъ предшественниковъ обширностью поля дѣйствій; ихъ боготворилъ весь образованный міръ, а прежнихъ героевъ—какой нибудь отдѣльный городъ, или, самое большее, одна страна. Апоѳеоза не была съ ихъ стороны дикимъ проявленіемъ произвола; чаще всего они, позволяя обоготворять себя, исполняли только убѣдительную просьбу цѣлыхъ городовъ и сословій [5]). Жреческая каста въ Египтѣ замѣчательна своею замкнутостью и строгимъ іерархическимъ порядкомъ. Греческіе писатели [6]) насчитываютъ шесть категорій жрецовъ и каждая изъ нихъ имѣла строго-разграниченныя права и обязанности, большею частью чисто-формальныя. Обыкновенный образъ жизни этихъ жрецовъ былъ соединенъ со множествомъ мелочныхъ и обременительныхъ ограниченій и предписаній, которыя надо было исполнять во всей точности. Они стригли себѣ брови и волосы на всемъ тѣлѣ, не носили шерстяной одежды, не ѣли свинаго мяса, бобовъ, пшеничнаго и ячменнаго хлѣба и рыбы, должны были часто поститься и совершать четыре раза въ сутки омовеніе. Имъ было запрещено многоженство, дозволенное остальнымъ Египтянамъ. Большей части этихъ учрежденій отъ души сочувствуетъ Плутархъ [7]), и съ нѣкоторыми изъ нихъ, именно съ тѣми, въ основаніи которыхъ лежитъ нравственная идея, сообразовался Аполлоній Тіанскій.

---

[1]) Döllinger. S. 434. [2]) Plutarch. Lys. 18. [3]) Demosthenes. Epist. III. 29. [4]) Plut. Demetr. 23.—26. [5]) Tac. Ann. IV. 55. 56. [6]) Porphirius. Abst. ab esu carn. IV. 6. [7]) De Is. et Os. 4.

Египтяне вѣрили въ загробную жизнь. Добрые люди, по ихъ понятіямъ, жили вмѣстѣ съ богами и часто посѣщали свою гробницу и входили въ набальзамированное свое тѣло. Злые терпѣли казни, и души ихъ вселялись въ тѣла нечистыхъ животныхъ. Душа, по мнѣнію Египтянъ, была тонкая матерія, недоступная нашимъ чувствамъ и принужденная послѣ смерти тѣла очищаться отъ соприкосновенія съ нимъ и вообще съ грубымъ матеріальнымъ міромъ. Это представленіе матеріи, какъ нечистаго и злаго принципа, составляетъ основаніе древняго аскетизма, развившагося сначала въ Индіи и въ Египтѣ и потомъ сообщившагося Риму и Греціи черезъ Филона Александрійскаго и отчасти черезъ Аполлонія Тіанскаго.

Вотъ характеристика египетскихъ вѣрованій. Эти вѣрованія, сопровождаемыя многочисленными обрядами и мистеріями, сохранились въ полной неприкосновенности въ то время, когда Египетъ сдѣлался римскою провинціею. Египетъ въ это время уже вынесъ на себѣ, кромѣ давнишняго, 500-лѣтняго ига Гиксовъ, два господства, персидское и греческое, и ни огнепоклонничество, ни антропоморфизмъ не проникли въ его замкнутую религію. А между тѣмъ у Грековъ были свои храмы въ самомъ Египтѣ: въ Саисѣ стоялъ храмъ Аѳины, въ Тентирѣ храмъ Афродиты, въ Гермутисѣ храмы Зевса и Аполлона [1]).

Есть историческіе признаки, по которымъ можно навѣрное сказать, что во времена Тацита поклоненіе Изидѣ было распространено въ Римѣ. На это указываетъ, между прочими, и Светоній, который разсказываетъ слѣдующее объ императорѣ Отонѣ [2]): Отонъ былъ небольшаго роста, съ некрасивыми, кривыми ногами, но притомъ опрятенъ, почти какъ женщина; онъ ощипывалъ себѣ волосы на всемъ тѣлѣ; такъ какъ у него были очень рѣдки волосы, онъ носилъ на головѣ накладку, которая была такъ хорошо придѣлана, что никто не могъ этого различить; ежедневно онъ брилъ себѣ все лицо и прикладывалъ къ нему мокрый хлѣбъ; онъ началъ дѣлать это при появленіи перваго юношескаго пуха, такъ что никогда не носилъ бороды. Часто онъ отправлялъ богослуженіе Изидѣ въ льняной жреческой одеждѣ. — Частыя омовенія, на которыя указываетъ чистоплотность Отона, ощипываніе волосъ на тѣлѣ, бритье бороды и льняная одежда — всѣ эти подробности прямо указываютъ въ немъ ревностнаго служителя Изиды. Противорѣчитъ этому па-

---

[1]) Strabo L. XVII. [2]) Otho 12.

рикъ, который онъ носилъ на головѣ, но въ этомъ уклоненіи можно, мнѣ кажется, видѣть уступку, сдѣланную внѣшнему благообразію; такая уступка была почти необходима со стороны придворнаго, сдѣлавшагося подъ конецъ жизни императоромъ. Важно при этомъ замѣтить, что самъ Отонъ не былъ въ Африкѣ, и почти всю свою жизнь провелъ въ Италіи и въ Лузитаніи, куда отправилъ его Неронъ, чтобы владѣть женою его Поппеею Сабиною. Отецъ Отона былъ проконсуломъ въ Африкѣ; стало быть, Отонъ познакомился съ культомъ Изиды или непосредственно въ самомъ Римѣ, или черезъ своего отца, бывшаго въ сосѣдствѣ съ Египтомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ это доказываетъ силу и распространенность культа Изиды. Въ жизнеописаніи Домиціана Светоній разсказываетъ слѣдующее [1]). »Во время Вителліевской войны онъ скрылся въ Капитоліи съ дядею Сабиномъ и съ частью войска, но когда ворвались враги и загорѣлся храмъ, онъ провелъ ночь, скрывшись за оградою; на утро, онъ, переодѣтый въ жреца Изиды, вмѣшался въ толпу людей, приносившихъ суевѣрныя жертвы и переправившись черезъ Тибръ, къ матери своего товарища, съ однимъ спутникомъ, скрылся такъ хорошо, что его не могли найти сыщики, слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ.» — Тотъ фактъ, что въ Римѣ можно было скрыться въ костюмѣ жреца Изиды, доказываетъ наглядно, что жрецовъ этихъ было очень много, и что появленіе на улицѣ ихъ оригинальнаго наряда уже никому не бросалось въ глаза. Въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. правительство три раза обращало свое вниманіе на культъ Изиды и Сераписа. Въ 52 г. до Р. Х. по указу сената всѣ храмы Изиды и Сераписа были разрушены, но пришлось сдѣлать уступку общественному мнѣнію, покровителствовавшему этому культу и поклоненіе было разрѣшено, но только внѣ городской черты [2]). Въ 46 году, аруспиціи приказали снова разрушить храмы Изиды и Сераписа, стало быть въ теченіи шести лѣтъ культъ снова усилился до такой степени, что снова возбудилъ опасеніе въ приверженцахъ туземной святыни [3]). Въ 42 году правительство уступило наконецъ требованію массы и опредѣлило построить храмъ Изидѣ и Серапису. При Тиверіѣ указъ сената выгналъ изъ Италіи египетскій и іудейскій культъ [4]), но это была одна изъ многихъ безплодныхъ попытокъ воз-

[1]) Domit. 1. (Dom.) [2]) Dio Cass. L. XL. [3]) Dio Cass. L. XLII. [4]) Tac. Ann. II, 85.

становить чистоту государственной религіи. Толпу народа привлекали въ храмъ Изиды во 1-ыхъ молва о чудотворныхъ изцѣленіяхъ, совершавшихся въ ея храмѣ, во 2-ыхъ, странность фантастическихъ обрядовъ, дававшихъ богатую пищу суевѣрію. Космическаго значенія Изиды, какъ олицетворенной матеріи, народъ не понималъ, и ему до него не было дѣла. Онъ называлъ ее *Изидою исцѣляющею* (Isis salutaris), приписывалъ ей изобрѣтеніе лекарствъ и вѣровалъ въ то, что она является больнымъ во снѣ и подаетъ имъ спасительные совѣты[1]). Греческіе и римскіе догматики видѣли въ ней личности почти всѣхъ своихъ богинь и потому также высоко ставили ея значеніе. Развившаяся въ первые два вѣка христіанской эры потребность сливать между собой личности божествъ нашла себѣ обширное поприще въ туманныхъ и неопредѣленныхъ фигурахъ египетскихъ боговъ. Сераписъ сосредоточилъ въ себѣ Зевса, Аполлона и Аида. Представленіе о немъ подходитъ близко къ монотеистическому возрѣнію. Онъ, по словамъ Аристида[2]), повелѣваетъ вѣтрами, измѣняетъ вкусъ морской воды, воскрешаетъ мертвыхъ, показываетъ людямъ солнечный свѣтъ, заботится о человѣчествѣ и, управляя всею его жизнью, раздаетъ людямъ мудрость, богатства и всѣ мірскія блага. Народъ не заботился объ обширности власти Сераписа и также чтилъ его преимущественно за исцѣленія. Жрецы пользовались своими медицинскими свѣдѣніями и лечили приходящихъ, объявляя имъ, что богъ открываетъ имъ врачебныя средства. Суевѣріе тогдашнихъ Римлянъ было очень сильно; они довѣрялись слѣпо волѣ боговъ, которыхъ выбирали себѣ въ покровители и, не разсуждая и не задумываясь, слѣдовали наставленіямъ жрецовъ, черезъ которыхъ они узнавали эту волю. Римская матрона Паулина, замѣчательная своею красотою и горячо любившая своего мужа, при Тиверіѣ сдѣлалась жертвою своей довѣрчивости. Римскій всадникъ Децій Мундъ былъ влюбленъ въ нее и напрасно добивался обладанія ею. Онъ узналъ, что Паулина ревностно поклоняется Изидѣ и очень уважаетъ ея жрецовъ. При помощи рабыни эти жрецы были подкуплены и объявили Паулинѣ, что богъ Анубисъ назначилъ ей свиданіе въ храмѣ Изиды. Паулина явилась въ назначенный часъ и Децій Мундъ, занявши мѣсто Анубиса, достигъ своей цѣли. Дѣло тѣмъ бы и кончилось, потому что матрона не подозрѣвала обмана, но Децій Мундъ счелъ нужнымъ по-

---

[1]) Döllinger S, 624. [2]) Aristid. Or. in Serap.

хвастаться своею побѣдою самой Паулинѣ. Оскорбленная, какъ женщина, обманутая въ своей простодушной вѣрѣ, Паулина въ пылу негодованія разсказала мужу всю интригу. Мужъ пожаловался императору, и Тиверій выгналъ Мунда изъ Рима, распялъ жрецовъ и разорилъ храмъ Изиды. Это романическое приключеніе очень характеристично. Все поведеніе Паулины выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ благородство ея характера. Измѣнивъ невольно своему мужу, она прямо открываетъ ему истину, и благородное негодованіе побѣждаетъ въ ней ложный стыдъ. Если въ такой женщинѣ чувство собственнаго достоинства и любви къ мужу было побѣждено совѣтомъ жреца и приказаніемъ бога Анубиса, то, стало-быть, вѣра была очень сильна. Когда лучшіе люди своего времени душатъ въ себѣ нравственное чувство во имя буквы жреческаго приговора, то, мнѣ кажется, это значитъ, что суевѣріе дошло до тѣхъ предѣловъ, какихъ оно достигало въ средневѣковыхъ убійцахъ и въ адептахъ первыхъ Іезуитовъ. Безнравственное вліяніе культа Изиды сознавали даже поэты, вовсе неотличающіеся строгимъ пуризмомъ. «Изида сама любовница Зевса, говоритъ Овидій, и дѣлаетъ другихъ любовницами [1])».

IV.

Кромѣ египетскаго культа, въ Римѣ было сильно служеніе фригійскому божеству, Цибелѣ, извѣстной подъ именемъ идейской матери боговъ. Догматическая часть этихъ малоазійскихъ религій мало извѣстна. Мы знаемъ изъ греческихъ писателей о дикомъ, изступленномъ служеніи, въ которомъ жрецы рѣзали себя ножами и собственноручно оскопляли себя, послѣ чего носили въ процессіи кровавый отрѣзанный членъ. — Хотя трудно предположить заимствованіе этого обряда изъ фаллическихъ мистерій Озириса, однако правдоподобно, что въ томъ и въ другомъ случаѣ половой органъ является символомъ мужескаго оплодотворяющаго принципа. Всѣ языческія религіи вышли изъ олицетворенія силъ природы, а воззрѣнія первобытнаго человѣка на природу должны были у различныхъ племенъ представлять между собою сильное сходство. Мѣстныя климатическія условія имѣли вліяніе не столько на философскую, сколько на поэти-

[1]) Ars am. I, 77.

ческую часть религіи; догматъ о вѣчности матеріи и объ отсутствіи творца вселенной проходитъ почти черезъ всѣ религіи индоевропейскихъ народовъ, и между тѣмъ насъ поражаетъ разнообразіе этихъ религій, потому что фантазія каждаго народа облекла по-своему общій, отвлеченный догматъ. Страстный и подвижный характеръ азіатскихъ народовъ породилъ тѣ эксцентричности и дикое изступленіе, до котораго, при всемъ сходствѣ догмата, никогда не могъ бы дойти мрачный и сосредоточенный въ себѣ Египтянинъ. Ѳтличительный характеръ малоазійскаго богослуженія заключается или въ страстномъ умерщвленіи плоти, или въ такомъ же страстномъ и необузданномъ боготвореніи чувственности. Вѣроятно, то и другое происходитъ отъ различно-воспринятаго олицетворенія и обожанія стихійнаго міра. Миѳъ, лежащій въ основаніи этихъ культовъ, распространился посредствомъ мистерій по всѣмъ островамъ архипелага, проникъ въ Грецію и во Ѳракію, подчиняясь разнымъ видоизмѣненіямъ, зависящимъ отъ характера воспринимавшихъ его племенъ. Греческія вакханаліи, въ которыхъ давалось мѣсто самому бѣшеному разгулу, никогда не доводили участвовавшихъ до тѣхъ безобразныхъ порывовъ религіознаго бѣшенства, до которыхъ доходили малоазійскіе *галлы* или оскопленные жрецы великой Фригійской богини, а между тѣмъ вакханаліи и все поклоненіе Діониса тѣсно связаны съ Фригійскимъ богослуженіемъ и представляютъ несомнѣнные слѣды восточнаго происхожденія[1]). — Главныя черты этого восточнаго миѳа заключаются въ томъ, что рядомъ съ великою богинею, матерью всего сущаго, стоитъ богъ, связанный съ нею какъ любовникъ, супругъ или сынъ, и подверженный страданію и смерти, за которыми слѣдуетъ радостное оживленіе. Къ этому миѳу подало вѣроятно поводъ наблюденіе надъ явленіями природы, въ которыхъ смерть и жизнь постоянно смѣняютъ другъ друга и даже выходятъ другъ изъ друга. Имена этихъ двухъ божествъ измѣняются въ различныхъ мѣстностяхъ. Два наиболѣе распространенныя видоизмѣненія этого культа составляютъ 1) обожаніе Кибелы (матери боговъ) и Атиса, 2) поклоненіе Астартѣ (Азіатской Афродитѣ) и Адонису. Въ первомъ преобладаетъ элементъ дикой грусти о смерти Атиса, во второмъ элементъ изступленной радости по случаю оживленія Адониса. На этомъ основаніи въ первомъ богослуженіи господствуетъ мрачный и кровавый характеръ, выражающійся въ на-

---

[1]) Döllinger. S. 81.

сильственномъ умерщвленіи плоти, во второмъ проявляется, напротивъ того, дикій разгулъ чувственности, къ которому былъ такъ способенъ огненный темпераментъ Азіатцевъ. Замѣчательно, что эти два разнородные по внѣшнимъ проявленіямъ культа сознавали свое исконное родство. Есть одна древняя духовная пѣсня, которую приводитъ Ипполитъ[1]) сближающая Атиса съ ассирійскимъ Адонисомъ, съ Озирисомъ Египтянъ и съ греческимъ Діонисомъ-Загревсомъ. Культъ Астарты былъ распространенъ въ финикійскомъ поморьѣ; то же обожаніе женскаго производительнаго начала подъ именемъ Милитты господствовало въ Вавилоніи. Богослуженіе той и другой богини отличалось любострастнымъ характеромъ. Въ храмахъ Астарты и Милитты и въ прилежащихъ къ нимъ рощахъ сидѣли туземныя женщины, пришедшія исполнить религіозный обрядъ, т. е. отдаться кому нибудь изъ иностранцевъ, посѣщающихъ богослуженіе богини[2]). Многія дѣвушки и женщины посвящали себя служенію Астарты, дѣлались жрицами, и въ этомъ званіи почти ежедневно отдавались посѣтителямъ. По старинному обычаго, дѣвушки, выходя замужъ, должны были одинъ разъ принести себя въ жертву богинѣ; впослѣдствіи, взамѣнъ этого обычая, онѣ должны были въ честь богини обрѣзывать волосы и отдавать ихъ въ храмъ [3]). Измѣненные и смягченные эллепизмомъ, эти дикіе обряды въ европейской Греціи породили вакханаліи, въ которыхъ, какъ я уже замѣтилъ выше, не было ни фанатическаго умерщвленія мужескаго плодородія, ни систематически-устроеннаго разврата. Эти греческія празднества отличались только веселымъ разгуломъ; если этотъ разгулъ подавалъ часто поводъ къ разврату, къ дракамъ и даже къ убійствамъ, то это было естественнымъ слѣдствіемъ пьянства и не ставилось въ особенную заслугу участвовавшимъ [4]). Вакханаліи перешли въ Италію въ 186 г. до Р. Хр. и вскорѣ приняли тамъ мрачный, таинственный и преступный характеръ. Развратъ, человѣческія жертвы и приготовленіе ядовъ составляли занятія посвященныхъ; собранія ихъ происходили по ночамъ; въ нихъ участвовало до 7000 человѣкъ, слѣдовательно они пе могли укрыться отъ правительства и скоро возбудили его опасенія. Здѣсь, какъ и въ большей части случаевъ, сенатъ заботился преимущественно не о чистотѣ вѣрованій, а

---

[1]) Adv. haer. 118. [2]) Herodot. I. 181. [3]) Lucian. De Dea Syr. 6. [4]) Döllinger. S. 136.

о нравственности народа, и вакханаліи были запрещены, но уже зло успѣло пустить такіе глубокіе корни, что въ одинъ изъ послѣдующихъ годовъ преторъ осудилъ на казнь болѣе 3000 человѣкъ, уличенныхъ въ отравленіи и въ приготовленіи яда[1]). — Поклоненіе матери боговъ началось еще до имперіи, во время второй пунической войны, когда Римляне по приказанію дельфійскаго оракула перевезли богиню изъ Пессинунта въ Римъ. При переправѣ богини черезъ Тибръ произошло чудо, о которомъ упоминаетъ Светоній и которое вѣроятно сразу хорошо отрекомендовало богиню новымъ ея почитателямъ. Корабль, на которомъ везли святыню, сѣлъ на мель въ Тибрѣ и вся процессія остановилась. Къ берегу подошла тогда римская дама Клавдія, принадлежавшая къ тому роду, изъ котораго потомъ произошелъ Тиверій, и громко произнесла молитву, прося богиню слѣдовать за нею, если она всегда сохраняла женскую стыдливость[2]). Корабль пришелъ въ движеніе, богиню приняли съ восторгомъ, и въ честь ея были установлены особыя игры, Megalesia, начинавшіяся 4-го апрѣля и продолжавшіяся семь дней[3]). На этихъ играхъ представляли весь миѳъ Цибелы и Атиса; оскопленіе Атиса, его смерть и возвращеніе къ жизни составляли главный интересъ дѣйствія. По улицамъ города ходили оскопленные *галлы*, неся передъ собою окровавленный ножъ и собирая подаяніе; къ нимъ процессіи присоединялись даже, по свидѣтельству Лукана[4]), квиндецимвиры, хранители сивиллиныхъ книгъ. Нѣтъ данныхъ, позволяющихъ заключить, чтобъ примѣръ самооскопленія находилъ въ природныхъ Римлянахъ усердныхъ подражателей; кажется, *галлы* постоянно были природные Малоазійцы, иначе писатели, обращавшіе свое вниманіе на иностранные культы, не преминули бы отмѣтить этой черты ихъ вліянія. Но они говорятъ только о развратѣ, совершавшемся въ храмахъ Цибелы, и допускавшемся въ угодность богинѣ[5]), и о грубомъ шарлатанствѣ *галловъ*, неумѣвшихъ даже прилично драпировать свое умственное и нравственное ничтожество. Осмѣивая въ своей VI сатирѣ суевѣріе знатныхъ Римлянокъ, Ювеналъ упоминаетъ и о галлахъ: «Вотъ, говоритъ онъ, входитъ къ ней толпа оскопленныхъ жрецовъ фригійской матери боговъ и предводитель ихъ громогласно возвѣщаетъ грозное приближеніе

[1]) Tit. Liv. XXXIX. [2]) Sueton. Tiber. 2. [3]) Niebuhr. Röm. Alterth. S. 469. [4]) Pharsal. I. 600. [5]) Döllinger. S. 644.

суроваго сентября, приводящаго за собою болѣзни. Чтобы оградить себя отъ зла, нужно очиститься, пожертвовавши сто яицъ; сверхъ того нужно отдать ему столько платья, чтобы на цѣлый годъ могли быть отвращены всѣ бѣдствія» [1]).

V.

Посмотримъ теперь на греческій міръ, на происхожденіе и идею олимпійскихъ боговъ, и на особенности эллинизма въ сравненіи съ элементами римскимъ, египетскимъ и азіатскимъ. Олимпійскіе боги не были и не могли быть первобытными богами; ихъ существованіе обусловливается такою высокою степенью эстетическаго развитія, какая не дается сразу даже самому даровитому народу. Эти боги, созданные изъ разнородныхъ элементовъ творческою силою народной поэзіи, наполнили собою міросозерцаніе Грека, воплотили въ себѣ всю идею древности, но не вытѣснили въ богослуженіи тѣхъ первобытныхъ боговъ и богинь, которыя были связаны съ извѣстными мѣстностями и народностями и которые послужили матеріаломъ для образованія идеальныхъ, общегреческихъ миѳическихъ существъ. Варронъ принимаетъ три рода теологіи: теологію поэтическую,—философскую—и гражданскую. Дѣйствительно, мѣстныя греческія преданія и весь характеръ мѣстныхъ богослуженій рисуютъ намъ не тѣхъ боговъ, какихъ мы знаемъ по Гомеру, Гезіоду и трагикамъ; жрецы и поэты, расходящіеся между собою въ воззрѣніи на Олимпъ, расходятся еще рѣзче съ философами, отъискивающими физическое или историческое основаніе и значеніе миѳа, и нежелающими закрывать отвлеченную истину ни преданіями сѣдой древности, ни блестящими созданіями творческой фантазіи.

Вслѣдствіе разнородныхъ историческихъ переворотовъ, вслѣдствіе смѣшенія культовъ и броженія народностей, образовался на малоазійскомъ поморьѣ и на прилежащихъ роскошныхъ островахъ народный историческій и религіозный эпосъ, какого не создавала ни одна народность, ни одна цивилизація. Что этотъ эпосъ возникалъ по кускамъ, вѣроятно въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, это можно было бы себѣ представить *a priori*, еслибы даже различныя пѣсни Иліады и Одиссеи не носили на себѣ слѣдовъ различнаго языка. Для

---

[1]) Juv. Sat. VI—511—521.

моей цѣли важно замѣтить, что гомеровскій эпосъ представляетъ, какъ мнѣ кажется, первую и единственную въ своемъ родѣ попытку обоготворить не природу, а человѣка.

Полный антропоморфизмъ Гомера, единственный въ своемъ родѣ, тѣсно связанъ съ его вполнѣ эпическимъ характеромъ. *Только* разсказывая, не коментируя самого себя, не анализируя теченія собственныхъ мыслей, народный поэтъ не могъ отдѣлить идею отъ образа и заставить своего слушателя видѣть за его словами какой-то скрытый и высшій смыслъ; словомъ, онъ не могъ перейдти изъ области чистой поэзіи въ область символистики, которая достигла своего апогея въ египетской теологіи и отъ которой не вполнѣ свободна даже поэзія Гезіода. Гомеръ имѣетъ дѣло съ лицами, съ опредѣленными фигурами; онъ знаетъ личный характеръ Зевса, Посейдона, Аѳины, Аполлона и рисуетъ этотъ характеръ, нисколько не приводя его въ зависимость отъ космическаго значенія каждаго изъ этихъ божествъ. Стихійная природа существуетъ сама по себѣ и, можетъ быть, (хотя нигдѣ у Гомера ясно не выражена эта мысль) ея силы и законы, которыхъ вліянію такъ безотчетно поддается воображеніе дикаря, дали поводъ къ созданію безличной личности, судьбы, стоящей выше Зевса и боговъ, но непревратившейся еще у Гомера въ ту непреклонную и жестокую *необходимость*, которая у трагиковъ тиранически опредѣляетъ каждый шагъ и поступокъ человѣка, и которой Геродотъ также безапелляціонно подчиняетъ личности безсмертныхъ [1]). Отношеніе боговъ къ отдѣльнымъ стихіямъ природы состоитъ въ томъ, что эти стихіи имъ подчинены въ извѣстныхъ предѣлахъ; они ими управляютъ, но никогда и не пытаются измѣнить ихъ природу. Надъ бездушною стихіею стоитъ обыкновенно громадная по своему размѣру человѣческая фигура, у которой въ рукахъ достаточно силы, чтобы дѣйствовать моремъ, вѣтромъ или облаками такъ, какъ обыкновенный человѣкъ сталъ бы дѣйствовать палкой, копьемъ или вообще оружіемъ, т. е. въ пользу любимой личности и въ ущербъ врагу или обидчику. Эта мысль находитъ себѣ достаточное подтвержденіе въ разсказѣ объ Аяксѣ и Посейдонѣ. Воля этихъ громадныхъ личностей, ихъ наклонности и характеръ нисколько не связаны свойствами тѣхъ стихій, которыми они управляютъ. Перемѣны временъ года не имѣютъ ни-

---

[1]) Herod. I, 91.

какого вліянія на физіономію гомеровскаго міра боговъ. Они любятъ и ненавидятъ, враждуютъ и прощаютъ, ссорятся и мирятся какъ люди, и нельзя даже сказать, чтобы ихъ чувства и страсти были сильнѣе чувствъ и страстей тѣхъ смертныхъ эпическихъ личностей, которыя выведены вмѣстѣ съ ними. Богъ въ порывѣ гнѣва страшнѣе человѣка потому же самому, почему силачъ въ подобную минуту страшнѣе раздосадованнаго ребенка. Онъ можетъ раздавить дерзкаго врага, не потому что въ немъ выше возмущенное чувство, а потому, что руки больше и крѣпче. Когда Діомедъ ранитъ Ареса, тотъ падаетъ и закрываетъ собою нѣсколько десятинъ, кричитъ такъ, какъ 10,000 воиновъ, [1]) и между тѣмъ впослѣдствіи не мститъ Діомеду, и съ излеченіемъ раны забываетъ о нанесенной ему обидѣ. Если Посейдонъ мстительнѣе Ареса, что̀ онъ доказываетъ своими поступками въ отношеніи къ Аяксу и къ Одиссею, то это черта характера, а не родовое свойство бога. Можно сказать вообще, что въ олимпійцахъ увеличенъ только масштабъ тѣла; духъ остается нетолько съ тѣми же несовершенствами какъ у обыкновеннаго человѣка, но даже его отдѣльныя свойства и способности берутся въ томъ же размѣрѣ. Боги нетолько способны на жестокость, на кровавое насиліе, на вспышку дикой страсти, но даже на мелкую гадость и на разсчитанное мошенничество. Зевсъ, чтобы втянуть Грековъ въ бѣду, посылаетъ Агамемнону ложное знаменіе и убѣждаетъ его вступить въ сраженіе, обѣщая побѣду [2]). Паллада Аоина поступаетъ еще безчестнѣе, и ей въ этомъ поступкѣ вполнѣ сочувствуетъ Гера. Богиня мудрости совѣтуетъ Ликійцу Пандару нарушить перемиріе, заключенное съ Греками и вопреки данной клятвѣ пустить стрѣлу въ Менелая. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы повредить Троянамъ; Гера и Паллада придумываютъ планъ этой интриги, а Зевсъ, хранитель клятвы, къ которому потомъ обращается Агамемнонъ, прося защиты и наказанія клятвопреступниковъ, [3]) даетъ свое согласіе послѣ нѣкотораго раздумья. Раздумье возбуждается въ немъ не отвращеніемъ къ низкому поступку, а расположеніемъ къ Троянамъ, которыхъ онъ однако, какъ хорошій семьянинъ, приноситъ въ жертву прихоти супруги [4]). Когда Главкъ мѣняется оружіемъ съ Діомидомъ, Зевсъ обманываетъ Главка, такъ что тотъ за мѣдное вооруженіе отдаетъ богатое, золотое [5]). И эти же самые боги являются въ такомъ ве-

[1]) IL. V. 855—863. [2]) IL. II. 1-40. [3]) Il. IV. 165—169 [4]) IL. IV. 50—73. [5]) IL. VI. 234-236.

личіи силы, въ такой полнотѣ пластичной красоты, что вдохновленный Гомеромъ, Фидій создалъ свою великую статую Зевса олимпійскаго. И тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Дѣло въ томъ, что Грекъ боготворилъ существующій порядокъ вещей, и въ существующемъ порядкѣ вещей то, что казалось ему всего изящнѣе, человѣка. Но понятіе *человѣкъ*, изящный образъ его не складывался изъ разныхъ великихъ качествъ и совершенствъ; онъ создавался изъ тѣхъ матеріаловъ, какіе были въ наличности, и потому всегда былъ полнымъ, вѣрнымъ и живымъ отраженіемъ эпохи. Если мыслитель, подобный Аристотелю, дѣлалъ своего идеальнаго гражданина на чисто-греческій образецъ, то тѣмъ болѣе Гомеръ, въ которомъ воплощается отсутствіе рефлексіи, долженъ представить и подъ Троей, и на Олимпѣ только такія личности, какія выработывалъ героически-патріархальный бытъ. Боготворя дѣйствительность, не выходя за ея предѣлы, гомеровскій эпосъ не дѣлаетъ никакого выбора между дурными и хорошими сторонами дѣйствительности; все, что есть, и все, какъ есть, переносится на небо и на Олимпъ, облекается въ тѣла, цвѣтущія силою, здоровьемъ и вѣчно юною красотою, и живетъ припѣваючи, не задавая себѣ никакахъ нравственныхъ задачъ, не отрѣшаясь отъ мелкихъ волненій, и внося всюду живость страсти, энергію и полноту жизненной силы, свойственную молодому человѣку и молодому народу. Это любовное, страстное, и спокойное въ своей страстности, сліяніе съ неодушевленною и одушевленною природою, эта любовь къ жизни и охота пожить и насладиться проникаетъ собою міросозерцаніе гомеровскаго Грека. Смерть есть страшное зло въ глазахъ Эллина; за могилой онъ признаетъ какое-то существованіе, но оно ему противно; ему нужно тѣло, веселый пиръ, полныя чаши вина, красивую женщину, пѣсни ученаго пѣвца, а порою шумъ и тревога лагерной жизни, отвага битвы, побѣдные клики храбрыхъ товарищей и богатая добыча; безъ этого нѣтъ жизни, а безъ жизни нѣтъ ему и блаженства. Въ XI-ой книгѣ Одиссеи тѣнь Ахилла жалуется Одиссею на неудовлетворительность загробнаго существованія: «лучше, говоритъ онъ, быть здѣсь на землѣ работникомъ у послѣдняго бѣдняка, нежели тамъ—царемъ надъ всѣми тѣнями.» На насъ обаятельно дѣйствуетъ Гомеръ не глубиною, не вѣрностью міросозерцанія, а удивительною свѣжестью и искренностью. Насъ радуетъ въ юномъ народѣ эта кипучая полнота жизни, эта роскошь силы, какъ

радуетъ въ здоровомъ ребенкѣ веселость и рѣзвость. Стоитъ сравнить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Иліады съ тѣмъ, которое производитъ Энеида, чтобы убѣдиться въ безконечномъ различіи, заключающемся между природою и самымъ искуснымъ подражаніемъ.

Насъ возмущаетъ то, что Эней обманулъ Дидону и что Виргилій его защищаетъ и оправдываетъ, потому что мы видимъ въ поэтѣ развитаго и образованнаго человѣка и требуемъ отъ него большей сознательности, строгости и чистоты убѣжденій. У Гомера на каждомъ шагу плутуютъ и боги и люди, и ни одинъ благоразумный человѣкъ не будетъ на нихъ за то въ претензіи. Они дѣлаютъ это такъ простодушно, съ такимъ наивнымъ и твердымъ убѣжденіемъ въ собственной правотѣ, что ихъ поступки нельзя находить безнравственными. Афродита разрушаетъ семейное счастье Менелая, сводитъ между собою любовниковъ, въ чемъ упрекаетъ ее сама Елена [1]), и между тѣмъ вездѣ сохраняетъ во всемъ эпосѣ всю женственную прелесть слабаго, прекраснаго, нѣжнаго и любящаго существа. — При своемъ свѣтломъ любовномъ взглядѣ на жизнь, Грекъ не могъ себѣ составить отдѣльнаго понятія о злѣ; у него нѣтъ существа, соотвѣтствующаго египетскому Тифону, персидскому Ариману или еврейскому Сатанѣ. Не видя нигдѣ въ природѣ абсолютнаго зла, Грекъ не создалъ себѣ этого понятія и въ отвлеченности. Этому содѣйствовало, можетъ быть, и географическое положеніе Греціи; не было ни мороза, ни губительнаго зноя; ни безбрежное море, ни обширная, песчаная пустыня не могли представить живому воображенію человѣка, живущаго одною жизнью съ природою, воплощенія враждебнаго начала смерти и разрушенія. Эта же причина содѣйствовала, можетъ быть, освобожденію Грека отъ обожанія природы. Понятно страстное благоговѣніе Скандинава передъ Бальдуромъ; онъ видитъ въ немъ солнце, а солнце грѣетъ его, свѣтитъ въ его темную хижину, вызываетъ растительность изъ почвы и сгоняетъ съ нея снѣжные сугробы. Все это почти въ-диковину жителю далекаго сѣвера; онъ дорожитъ какъ днями своего короткаго лѣта, такъ и тою видимою причиною, отъ которой происходятъ свѣтъ и теплота, жизнь и растительность. На томъ же самомъ побужденіи основано поклоненіе Египтянъ рѣкѣ Нилу, которую ставили наравнѣ съ *Ра* [2]), и которому приносили жертвы до временъ Өеодосія [3]). Ничего подобнаго не

---

[1]) Il. III. 399—412. [2]) Döllinger. S. 418. [3]) Tzchirner. S. 71.

могло быть въ Греціи. Теплоты и сырости было довольно, земля была плодородна, растительность свѣжа и сильна; всѣ силы природы дѣйствовали умѣренно и гармонично, такъ что ни одна изъ нихъ не являлась исключительнымъ благодѣтелемъ страны; притомъ, для того, чтобы воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ и плодородіемъ почвы, человѣку необходимо было трудиться; собственный трудъ являлся для него такимъ образомъ главнымъ двигателемъ и послѣднею причиною благосостоянія, такъ что внѣшняя природа была только обстановкою, полемъ дѣйствія, а героемъ выступала человѣческая личность. Она преодолѣвала препятствія, увеличивала удобства жизни, истребляла все вредное, чудовищное и неизящное. Геркулесъ, Тезей, Кадмъ, Язонъ, Кекропсъ являются такими личностями въ греческомъ миѳическомъ эпосѣ. Силы природы, съ которыми они борятся, большею частью слѣпы и только безсознательно, по своей инерціи, составляютъ имъ препятствія. За и противъ этихъ героевъ дѣйствуютъ боги по чисто-личнымъ и человѣческимъ, а не стихійнымъ побужденіямъ. Отъ этихъ боговъ происходило и добро и зло, какъ оно можетъ произойти и отъ любаго человѣка. Происхожденіе какой нибудь язвы, наводненія, голода или войны никогда не считалось проявленіемъ злаго начала, или мрачной стороны какого-нибудь бога; это объяснялось гораздо проще. Аполлонъ разсердился на Грековъ за то, что они не отдали Хризеиду по просьбѣ ея отца, Хризеса, жреца Аполлона. Аполлонъ сильный богъ и у него въ колчанѣ множество стрѣлъ, навѣрное попадающихъ въ цѣль; онъ подходитъ къ греческому лагерю, и начинаетъ стрѣлять; при каждомъ выстрѣлѣ умираетъ человѣкъ, и это продолжается девять дней; на десятый его умилостивляютъ и повальная болѣзнь прекращается [1]. Обыкновенный человѣкъ въ гнѣвномъ настроеніи могъ бы застрѣлить одного или двухъ,—Аполлонъ застрѣливаетъ сотни людей; вотъ и вся разница, состоящая опять-таки только во внѣшнемъ масштабѣ. Аполлонъ не превращается черезъ это въ глазахъ Грековъ въ генія зла; сдѣланное имъ зло приписывается его настроенію и проходитъ вмѣстѣ съ нимъ. Смѣну добрыхъ и злыхъ движеній въ душѣ человѣка Грекъ считаетъ нетолько естественнымъ, но и нормальнымъ явленіемъ. Это доказывается тѣмъ, что онъ переноситъ эту смѣну на свой Олимпъ. Итакъ, антропоморфизмъ, обоготвореніе дѣйствительности и

---

[1] Il. 1.

отсутствіе абсолютныхъ началъ добра и зла составляютъ главныя, тѣсно-связанныя между собою черты греческаго міросозерцанія въ гомеровскомъ эпосѣ. Эти черты имѣли огромное вліяніе на всю греческую жизнь. Боготворя дѣйствительность, Грекъ оправдывалъ всякое уклоненіе отъ разумности, всякую безнравственность, если только она вошла въ обычай и принята въ обществѣ. При такомъ взглядѣ на вещи голый развратъ и грязное преступленіе превращаются въ естественныя проявленія человѣческой личности и получаютъ свое узаконеніе и освященіе путемъ религіи. Они существуютъ, стало быть они имѣютъ право существовать—и вотъ являются Афродита, покровительница блудницъ и Гермесъ, покровитель обманщиковъ и воровъ. — То, что въ молодомъ народѣ обличало только свѣтлый и веселый взглядъ на жизнь, то въ народѣ уже развившемся превратилось въ нравственную терпимость, граничащею съ полною безнравственностью. Грекъ героической эпохи могъ поклоняться богу, въ которомъ онъ видѣлъ отраженіе своихъ свойствъ и влеченій; Грекъ временъ Перикла долженъ былъ или ничему не поклоняться, или поклоняться идеалу болѣе высокому, чтобы въ томъ и въ другомъ случаѣ относиться критически къ себѣ и къ своимъ психическимъ отправленіямъ. По двумъ указаннымъ путямъ пошли только философы; одни отвергли всякое вѣрованіе, другіе очистили для себя существующую религію; народъ смотрѣлъ довольно непріязненно на тѣхъ и на другихъ, поклонялся прежнимъ идоламъ и видѣлъ въ богахъ то, что видѣлъ въ нихъ Гомеръ. Всѣ философы древности возстаютъ противъ вліянія поэтовъ на народную нравственность. Ксенофанъ говоритъ: «Гомеръ и Гезіодъ приложили къ богамъ все, что дурно и позорно въ человѣкѣ, воровство, прелюбодѣяніе и взаимные обманы [1].» Гераклитъ эфесскій говоритъ, что Гомера слѣдовало бы выгнать изъ Олимпійскихъ игръ и надавать ему пощечинъ [2]. «Преимущественно, пишетъ Платонъ во II-й книгѣ своей республики, заслуживаетъ порицаніе великая ложь Гомера и Гезіода, потому что всего хуже лжетъ конечно тотъ, кто въ своемъ изложеніи представляетъ превратно природу боговъ и героевъ. Онъ можетъ быть сравненъ съ живописцемъ, который, желая срисовать предметъ, произвелъ нѣчто, вовсе непохожее». Къ этимъ цитатамъ можно было бы прибавить еще много другихъ, и уже самое число ихъ и рѣзкость на-

---

[1]) *Sext. Emp.*—Adv. Mathem. X. [2]) *Diog. Laërt.* IX. § 1.

падковъ показываетъ, какъ сильно было вліяніе поэтовъ. Діонисій галикарнасскій коротко и ясно характеризуетъ положеніе массы въ отношеніи къ религіи: «Я, правда, знаю, говоритъ онъ, что многіе извиняютъ греческіе безнравственные миѳы, напоминая о ихъ аллегорическомъ значеніи; я это знаю хорошо, но тѣмъ не менѣе обращаюсь съ ними осторожно и предпочитаю римскую теологію; по моему мнѣнію, хорошаго въ греческихъ миѳахъ мало и они приносятъ пользу не многимъ изслѣдовавшимъ то, зачѣмъ они были придуманы. Не многіе сдѣлались участниками этой мудрости. Напротивъ, многочисленная толпа, незнакомая съ философіею, принимаетъ эти разсказы въ худшемъ смыслѣ и тогда происходитъ одно изъ двухъ: или они начинаютъ презирать боговъ, унижающихся до самыхъ отвратительныхъ поступковъ, или они сами не воздерживаются отъ грязныхъ и позорныхъ пороковъ, видя, что тоже самое дѣлаютъ и боги [1])». Но, кажется, происходило преимущественно второе, потому что масса всегда съ удовольствіемъ прислоняется къ осязательному авторитету, особенно если этотъ авторитетъ не налагаетъ тяжелыхъ ограниченій и не противорѣчитъ господствующимъ вкусамъ и наклонностямъ. Безнравственность Грековъ засвидѣтельствована всѣми писателями древности и проглядываетъ въ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ греческихъ мыслителяхъ. Суевѣріе ихъ выразилось во множествѣ оракуловъ и мистерій, въ усердномъ поклоненіи иностраннымъ богамъ и наконецъ въ построеніи алтарей неизвѣстнымъ богамъ въ Олимпіи и въ Аѳинахъ [2]). И безнравственность и суевѣріе находили себѣ удовлетвореніе и поощреніе въ созданіи Гезіода и въ гомеровскомъ эпосѣ; очень естестественно, что поэты при такихъ условіяхъ до самаго паденія язычества удержали свое господство надъ умами и свое религіозное значеніе. Со временъ Александра Македонскаго начинается сближеніе Греціи съ Востокомъ; еще до Александра проникли въ Грецію, черезъ острова восточные, малоазійскіе культы; поклоненіе матери боговъ и Діонису представляютъ несомнѣнные слѣды азіатскаго происхожденія; но это были частныя заимствованія и они не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на образъ мыслей народа и на всѣ его вѣрованія. Послѣ разрушенія персидской монархіи, когда на ея развалинахъ возникли греческія государства преемниковъ Александра, эллинизмъ, выражавшійся въ языкѣ, въ литературѣ, въ философіи и въ

---

[1]) Antiqu. Rom. II, 69. [2]) Döllinger. S. 96.

религіозныхъ вѣрованіяхъ, проникъ въ Азію и въ Египетъ и основалъ центры своего господства въ Александріи, въ Антіохіи и въ Селевкіи. Политическіе виды Лагидовъ и Селевкидовъ побуждали ихъ сливатъ греческую народность съ египетскою и сирійскою; религія и языкъ конечно прежде всего обратили на себя ихъ вниманіе; извѣстно, какими мѣрами Антіохъ Епифанъ старался эллинизировать Іудеевъ; другіе государи принимались за дѣло осторожнѣе и попытки ихъ были успѣшнѣе.

Въ Антіохіи, въ Селевкіи, въ Дамаскѣ, въ Лаодикіи и вообще въ большихъ городахъ господствовалъ греческій языкъ; въ Александріи, несмотря на мрачную исключительность Египтянъ, греческая наука развернулась въ небывалыхъ до того времени размѣрахъ. Въ XVI книгѣ своей географіи, говоря о Сиріи, Страбонъ упоминаетъ о многихъ храмахъ, посвященныхъ греческимъ богамъ; даже въ Египтѣ существовали такіе храмы [1]) и образовался полугреческій богъ Сераписъ. Оказывая такое могущественное вліяніе на Востокъ, Греція въ свою очередь испытывала на себѣ обратное вліяніе Востока. Служеніе Діониса усиливалось, стремленіе къ мистеріямъ возрастало вмѣстѣ съ возрастающею наклонностью къ таинственности, которой было такъ мало мѣста въ опредѣленной и ясной гомеровской теологіи, и которая была такъ противна первобытному греческому духу, выразившемуся въ гомеровскомъ эпосѣ. Явилось сближеніе Діониса съ Озиросомъ, съ Атисомъ и Адонисомъ, потому что вообще это время (послѣ Александра Македонскаго) отличалось стремленіемъ сливать личности боговъ и находить въ нихъ сходство и тожество. Культъ Афродиты принялъ совершенно азіатскій характеръ служенія Астарты или Милитты; явилось поклоненіе Серапису и Изидѣ. На сочиненіяхъ Плутарха, жреца Аполлона, видно, до какой степени въ первомъ вѣкѣ по Р. X. было сильно вліяніе египетской религіи на Грековъ; пробудилось стремленіе къ аскетизму, выразившееся въ сочувствіи жрецамъ Изиды. Аполлоній Тіанскій путешествовалъ по Востоку съ цѣлью найти истинную мудрость и нашелъ ее у Индѣйцевъ, гдѣ особенно понравилось ему возвышеніе мудреца надъ всѣмъ земнымъ и преходящимъ. Вліяніе Востока на греческій духъ можно, мнѣ кажется, опредѣлить слѣдующимъ образомъ: Востокъ внесъ въ Грецію крайнюю чувственность и вмѣстѣ съ тѣмъ, вызванную этою чувственностью

[1]) Strabo L. XVI.

реакцію — аскетизмъ. Крайняя чувственность проявилась въ непомѣрномъ развитіи вакханалій [1]) и служенія Афродиты; аскетизмъ выразился въ пробужденіи пиѳагореизма въ личности Аполлонія Тіанскаго, и въ стремленіи Плутарха возбудить сочувствіе греческаго міра къ жрецамъ Изиды и къ ихъ образу жизни. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, чувственность дѣйствовала въ массахъ, а аскетизмъ составлялъ достояніе не многихъ.

VI.

Взглянемъ теперь на положеніе греческихъ жрецовъ. Общественное мнѣніе не требовало отъ нихъ ни особенныхъ умственныхъ способностей, ни особаго спеціальнаго изученія религіозныхъ догматовъ. Плутархъ говоритъ, что надо учиться религіи у поэтовъ, у законодателей и философовъ [2]); жрецовъ онъ здѣсь не называетъ и слѣд. не считаетъ ихъ способными научить желающаго религіозному догмату. Жрецы были только священнослужителями, отправлявшими богослуженіе и приносившими жертвы; эстетическое чувство греческаго народа и духъ самой религіи, основанной на поклоненіи красотѣ, требовали отъ жреца тѣлесныхъ качествъ. Ни уродливо сложенные или некрасивые люди, ни иностранцы, ни бѣдняки не могли сдѣлаться жрецами; послѣдніе потому, что съ этою должностью, для поддержанія внѣшняго благолѣпія, были сопряжены значительныя издержки. Нѣкоторыя должности жрецовъ были наслѣдственны въ извѣстныхъ семействахъ; эти наслѣдственныя должности существовали большею частью въ старыхъ городахъ и очень рѣдко встрѣчаются въ колоніяхъ. Только при служеніи немногихъ божествъ требовалось со стороны жреца или жрицы безбрачіе; гдѣ это было нужно, тамъ большею частью служили мальчики и дѣвочки, оставлявшіе свою должность при наступленіи совершеннолѣтія. Видно, что характеру Грека вообще было несвойственно насиловать человѣческую природу; онъ хотѣлъ гармоническаго наслажденія жизнью и не любилъ отнимать способности наслаждаться у тѣхъ, кого онъ считалъ себѣ равными. Только жрецы Геи въ Ахаіѣ, жрицы ѳеспійскаго Геркулеса и Афродиты, іерофантъ

---

[1]) Döllinger. S. 314. [2]) Plut. Amator. IX 59.

Элевзинскихъ таинствъ и жрецы Аѳины и Артемиды Гимніи въ Аркадіи должны были въ теченіи всей своей жизни хранить дѣвственность. Сильнѣе и вліятельнѣе жрецовъ были прорицатели, возвѣщавшіе волю божества по полету птицъ, по разнымъ физическимъ явленіямъ и внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Они были одарены значительнымъ вліяніемъ уже въ героическую эпоху. Гомеръ упоминаетъ греческаго прорицателя Колханта и троянскаго, сына Пріама, Элена; и тотъ и другой пользуются всеобщимъ уваженіемъ; съ ними совѣтуются цари и полководцы и предвѣщанія считаются божественнымъ даромъ. Впослѣдствіи гаданіе составило особую науку и прорицатели получили постоянное и прочное вліяніе на политическія распоряженія; при демократическомъ устройствѣ большей части греческихъ республикъ право рѣшенія было въ рукахъ народной массы, которая конечно никогда не рѣшалась идти наперекоръ волѣ божества и потому большею частью повиновалась гадателямъ. Ихъ приговоромъ были связаны въ подобномъ государствѣ и полководцы [1]) и правители [2]). Это конечно подавало поводъ къ интригамъ, и Алкивіадъ, желая убѣдить Аѳинянъ послать экспедицію въ Сицилію, очень успѣшно подкупилъ гадателей [3]). Греческіе оракулы во время своего процвѣтанія, пользовались безграничною довѣренностью народа и оказывали самое обширное вліяніе на общественныя и частныя дѣла. Правительства разныхъ городовъ спрашивали ихъ совѣта при началѣ войны, при заключеніи мира и при высылкѣ колоніи; народъ обращался къ нимъ въ эпохи тяжелыхъ испытаній; моровая язва, голодъ, частые пожары или наводненія усиливали религіозное чувство и побуждали встревоженные умы просить совѣта, какъ умилостивить разгнѣванныхъ боговъ. Частныя лица посылали въ Дельфы подарки и совѣтовались съ оракуломъ при началѣ важныхъ предпріятій, въ случаѣ опасной болѣзни, словомъ, тогда, когда человѣкъ сомнѣвается въ собственныхъ силахъ и ищетъ помощи и совѣта внѣ себя и выше себя. Поэты пѣли, что Аполлонъ посланъ Зевсомъ въ Дельфы, чтобы возвѣщать Эллинамъ правду и законъ [4]). Платонъ въ сочиненіи о законахъ требуетъ, чтобы всѣ богослужебныя учрежденія опредѣлялись дельфійскимъ оракуломъ [5]). Дельфійскіе жрецы умѣли конечно пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и въ теченіе цѣ-

---

[1]) Thucydides. VII. 50. [2]) Thuc. V. 54. Herod. IX. 38. [3]) Plutarch. Nic. 13. [4]) Alcaei. fragm. 17. [5]) Plato. Leg. 6.

лыхъ столѣтій оракулы давали отвѣты такъ осторожно и двусмысленно, что авторитетъ ихъ не падалъ; въ случаѣ неисполненія оракула, оставалось всегда возможностью истолковать событіе такъ, что буква изреченія Пиѳіи оказывалась осуществленною. Македонское господство значительно понизило вліяніе оракуловъ. Во-первыхъ, всѣ оракулы, не исключая и дельфійскаго, слишкомъ явно выражали свое желаніе угодить властелину и свою готовность сообразоваться съ его волею. Когда Александръ изъявилъ притязаніе на божескій санъ, оракулы присудили божескія почести даже другу его Эфестіону [1]). Эта подлая лесть не могла дать Грекамъ, въ которыхъ уже сильно были пробуждены критическія стремленія, высокаго понятія о могуществѣ Аполлона и о честности его толкователей. Во-вторыхъ, право рѣшенія въ важныхъ дѣлахъ перешло въ руки одного лица, и это лицо конечно не могло быть такъ суевѣрно, какъ масса народа. Чисто политическія соображенія стали перевѣшивать своими осязательными доводами темныя и непонятныя изреченія Пиѳіи. Потерянное однажды политическое значеніе оракуловъ не могло больше быть возстановлено. Этому мѣшали и историческія обстоятельства и измѣненія во внутреннемъ образѣ мыслей народа. Римскій сенатъ еще меньше македонскихъ царей былъ расположенъ управляться въ своихъ дѣйствіяхъ приказаніями Пиѳіи. Такъ же дѣйствовали и римскіе императоры. Къ дельфійскому оракулу обращались только частныя лица съ вопросами, касавшимися ихъ личныхъ и домашнихъ интересовъ, и уже въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. вѣрующій Плутархъ оплакиваетъ паденіе оракуловъ и старается объяснить ихъ упадокъ не компрометируя достоинства божества. [2]) Въ послѣднія времена римской республики и при первыхъ императорахъ большая часть греческихъ и малоазійскихъ оракуловъ замолкла; въ Віотіи оставался при Плутархѣ только оракулъ Трофонія, къ которому сходилъ въ пещеру Аполлоній Тіанскій [3]). Дельфійскій оракулъ содержалъ уже не трехъ пиѳій, а одну [4]); знаменитый оракулъ Аммона въ Ливіи замолчалъ. Въ остававшихся оракулахъ ощущался недостатокъ посѣтителей. Число насмѣшливыхъ скептиковъ возрастало, и Плутархъ счелъ нужнымъ посвятить отдѣльное разсужденіе на разрѣшеніе предлагаемаго ими вопроса: отчего Пиѳія утратила поэтическій даръ и говоритъ свои пророчества

---

1) Plutarch Alex. 27. Diodor. XVII. 115. 2) De def. orac. 3) Phil. Y. Ap. VIII. 19. 4) Döllinger S. 649.

не въ стихахъ, а въ прозѣ. Если писатель, подобный Плутарху, т. е. человѣкъ вѣрующій и заботящійся не столько объ отвлеченной истинѣ и логической послѣдовательности, сколько о религіозномъ настроеніи и нравственности народныхъ массъ, рѣшается затрогивать вопросы догматическіе и отстаивать существованіе святыни, то это, мнѣ кажется, служитъ признакомъ того, что сомнѣнія нетолько высказываются мыслителями, но проникаютъ и въ народное сознаніе.

Но оракулы въ 1-мъ вѣкѣ, до и послѣ Р. Хр., снова оживаютъ; возникаютъ новые культы, воздвигаются новые храмы и оракулы, напр. въ честь Антиноя [1]) въ Египтѣ, и поклоненіе этимъ божествамъ продолжается до окончательнаго паденія язычества. Это движеніе къ мистицизму порождаетъ немедленно оппозицію въ рядахъ мыслителей. Эномай Гадарскій выводитъ наружу обманы оракуловъ, ихъ двусмысленность и неясность, отвергаетъ ихъ возможность и представляетъ историческія доказательства ихъ вреднаго вліянія на общественную жизнь и на международныя отношенія. Его сочиненіе: *φορα γοητων*—уловки шарлатановъ, сохранившееся въ фрагментахъ у Евсевія (Praeparatio Evangelica), написано легко, остроумно и популярно; это доказываетъ, что онъ хотѣлъ дѣйствовать на народъ и что стало-быть существовала потребность противодѣйствовать мистицизму. Эта потребность еще ярче выразилась въ сочиненіяхъ знаменитаго современника и біографа Александра Авонотихита, Лукіана самосатскаго. Впрочемъ характеристика его вліянія и сочиненій не входитъ уже въ рамку моей темы; ограничиваюсь этимъ указаніемъ на новое усиленіе религіозности въ массахъ; фактъ этотъ для меня важенъ потому, что однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ этого піетистическаго движенія былъ Аполлоній Тіанскій; въ его время народъ былъ большею частью равнодушенъ къ религіи, такъ что ему нужно было ученіемъ и чудесами оживлять умиравшую вѣру. Филостратъ много разъ упоминаетъ о томъ, что онъ возстановлялъ богослуженіе въ опустѣвшихъ храмахъ, и возбуждалъ въ своихъ многочисленныхъ слушателяхъ уваженіе къ богамъ, которыхъ изображенія находились въ меньшемъ почетѣ, чѣмъ статуи обоготворенныхъ римскихъ императоровъ. [2]) О греческихъ жертвоприношеніяхъ можно упомянуть коротко. Этотъ актъ составлялъ главное средоточіе богослужебныхъ обрядовъ, но какъ и бого-

---

1) Dio Cass. LXIX, 10 Spartian. Hadr. 14. Plin. Hist. Nat. Pausan. 8, 9, 4.
2) Phil. V. Apoll. I. 15.

*

служеніе вообще, онъ не могъ имѣть значительнаго вліянія на умы и только большая или меньшая торжественность обрядовъ можетъ до нѣкоторой степени служить мѣркою религіознаго настроенія массы. Человѣческія жертвы въ древнѣйшее время греческаго культа были явленіемъ обыкновеннымъ, что доказывается тѣмъ, что даже въ позднѣйшее время въ очень важныхъ случаяхъ приносили въ жертву человѣка. [1]) Въ цвѣтущій періодъ элленизма, начиная съ гомеровскихъ временъ, человѣческія жертвы совершенно вытѣсняются жертвоприношеніемъ животныхъ, соединенными съ пиршествомъ и имѣющими совершенно веселый характеръ. Умерщвленіе человѣка на жертвенникѣ встрѣчается или въ видѣ исключительнаго случая, или какъ древній обрядъ, уцѣлѣвшій въ немногихъ старинныхъ городахъ и составляющій рѣзкое противорѣчіе съ общимъ колоритомъ веселаго и свѣтлаго богопочитанія. Бичеваніе мальчиковъ въ Спартѣ въ честь Артемиды Ортіи и бичеваніе женщинъ въ Алеѣ въ честь Діониса можетъ быть разсматриваемо какъ обычай, замѣнившій собою человѣческія жертвы. Значеніе этого обряда сознавали сами древніе; это видно изъ разговора Аполлонія Тіанскаго съ Ѳеспезіономъ [2]). Жертвоприношенія по цѣнѣ своей бывали очень различны; богачи и города зарѣзывали иногда цѣлыя сотни воловъ или барановъ, а бѣдняки часто приносили только пироги или плоды. Очень естественно, что въ понятіяхъ народа значительныя жертвы составляли нѣкоторымъ образомъ одолженіе, оказанное богу, за которое можно было расчитывать также съ его стороны на особую услугу; вторая сатира Персея направлена противъ этого языческаго фарисейства, и энергія его нападковъ свидѣтельствуетъ о силѣ и обширномъ вліяніи этихъ понятій на нравственность. Евангельскія притчи о мытарѣ и фарисеѣ и о двухъ лептахъ бѣдной вдовицы доказываютъ, что и въ іудейскомъ обществѣ нужно было искоренять подобныя убѣжденія. Изображенія боговъ измѣнялись по мѣрѣ того, какъ увеличивалось эстетическое чувство и развивалась техническая ловкость въ обработкѣ сыраго матеріала. За архаистическимъ или іератическимъ періодомъ [3]), въ которомъ боги изображались или въ видѣ неотесанныхъ камней и деревянныхъ столбовъ [4]), или, позднѣе, въ человѣческомъ образѣ, но съ нераздѣленными ногами и грубо высѣченными чертами лица, за этимъ періодомъ слѣдуетъ эмансипація

---

[1]) Döllinger S. 205. [2]) Vit. Ap. VI. 20. [3]) Гіератика въ древне-греческомъ искусствѣ Благовѣщенскаго. (Пропилеи, т, I). [4]) Döllinger, S. 58.

искуства и торжество его при Фидіѣ и Праксителѣ, совпадающее съ цвѣтущею эпохою всей политической и умственной жизни Эллады. Еще при Аполлоніѣ Тіанскомъ слава статуй Зевса Олимпійскаго, Аѳины, Афродиты Книдской и Геры Аргивской была распространена по всему образованному міру [1]). Опираясь на эти безсмертныя творенія греческаго духа, Аполлоній говоритъ египетскому мудрецу: «ихъ создала фантазія; она мудрѣе подражанія; подражаніе изображаетъ то, что видитъ, а фантазія то, чего не видитъ; это невидимое предполагается по сравненію съ видимымъ; подражаніе можетъ быть остановлено смущеніемъ, но ни что не остановитъ фантазію; смѣло приступаетъ она къ предмету своего творчества. Хочешь творить образъ Зевса?—Представь его себѣ въ высотѣ небесъ, среди звѣздъ и вѣчнаго теченія времени, такъ, какъ его представилъ себѣ Фидій. Творишь ли ты Аѳину — вообрази себѣ полное вооруженіе, олицетвори мудрость, окружи ее всѣми аттрибутами искуствъ и представь себѣ тотъ мигъ, когда она выскакиваетъ изъ самого Зевса». Весь антропоморфизмъ Грека и все его живое и пламенное эстетическое чувство рельефно выразились въ этихъ словахъ, кому бы они ни принадлежали, Аполлонію или самому Филострату. Великолѣпные идолы работы Фидія и Праксителя должны были дѣйствовать на массу народа, одареннаго сильнымъ, но безсознательнымъ чувствомъ изящнаго, — тѣмъ сильнѣе, что народъ вѣрилъ въ божественность самыхъ статуй. Онъ вѣрилъ, что при освященіи готовой статуи священнодѣйствіемъ въ бездушный камень или металлъ вселяется частица самаго божества и идолъ превращается въ бога. «Когда возникаетъ богъ? спрашиваетъ Минуцій Феликсъ, христіанскій апологетъ; вотъ онъ вылитъ, его обработываютъ, обрѣзываютъ — онъ еще не богъ; его спаиваютъ, собираютъ, ставятъ на пьедесталъ—и все еще онъ не богъ; но вотъ его украшаютъ, освящаютъ, ему приносятъ молитву и онъ дѣлается наконецъ богомъ, когда того хочетъ человѣкъ, когда человѣкъ возводитъ его на эту степень» [2]). Упомяну еще о томъ, что греческая религія требовала при совершеніи жертвоприношенія физической чистоты отъ участвующихъ; эта чистота достигалась омовеніями, которыя, по понятіямъ народа, очищали даже въ нравственномъ отношеніи отъ тяжелыхъ и кровавыхъ преступленій. Впослѣдствіи, когда увеличилась потребность замѣнять торжественностью обряда слабѣющее религіозное

---

[1]) Ap. VI. 19. [2]) Octavius. 23.

чувство, омовенія водою показались слишкомъ просты и недѣйствительны. Явился обычай омывать руки въ крови жертвенныхъ животныхъ, а во второмъ вѣкѣ по Р. X. изъ этого обычая развился торжественный обрядъ *taurobolium* и *criobolium*, въ которомъ желающій получить всепрощеніе и святость становился подъ досчатый помостъ и съ ногъ до головы обдавался кровью вола, зарѣзываемаго въ честь Цибелы. Заботливость о чистотѣ жрецовъ была особенно сильно развита у Египтянъ; оттого обязательныя омовенія. Этому обычаю подражалъ Пиѳагоръ, поставившій, отчасти по гигіеническимъ, отчасти по религіознымъ соображеніямъ, ежедневныя холодныя купанья въ обязанность своимъ ученикамъ. Аполлоній Тіанскій считалъ эти омовенія очень полезными, а Плутархъ придавалъ имъ даже важное символическое значеніе.

Кромѣ общеизвѣстной греческой религіи существовала еще съ самыхъ древнихъ временъ религія мистерій, въ которой вѣрующіе, посвященные извѣстными обрядами, присутствовали при драматическомъ представленіи различныхъ миѳовъ и религіозныхъ преданій. При этомъ не было опредѣленнаго догматическаго ученія; посвящаемый не узнавалъ никакихъ новыхъ религіозныхъ положеній; ему предоставлялось смотрѣть, слушать и выводить заключеніе, сообразное съ его образомъ мыслей, съ степенью его природной впечатлительности и умственнаго развитія. Плутархъ говоритъ, что въ мистеріяхъ не убѣждаютъ доводами, не сообщаютъ ничего такого, что могло бы склонить духъ къ вѣрѣ [1]); должно только, руководствуясь философскимъ соображеніемъ, обдумывать съ благоговѣніемъ то, что тамъ дѣлается и говорится [2]). Отличаясь отъ общенародной религіи своею таинственностью, культъ мистерій отличался и личностями боговъ и ихъ характеромъ. Знаменитѣйшіе боги гомеровскаго цикла Зевсъ, Аполлонъ, Гера, Аѳина, Посидонъ совершенно не участвуютъ въ мистеріяхъ. Важнѣйшими дѣйствующими лицами мистерій являются Діонисъ, Персефона и Димитра, неимѣющіе почти никакого значенія въ гомеровской теологіи. Причины этого явленія можно видѣть отчасти въ иностранномъ происхожденіи мистерій, внесенныхъ въ собственную Грецію изъ Ѳракіи и съ Востока, отчасти въ томъ, что для мистерій нужны были личности подземныхъ боговъ съ неопредѣленною и загадочною физіономіею. Внесеніе мистерій въ Грецію приписывается

[1]) Plut. de def. oracul. c. 22. [2]) Plut. de Iside c. 68.

миѳической личности Орфея [1]), котораго трагическая кончина указываетъ на борьбу оргіастическаго культа съ мистическимъ [2]). Центромъ мистерій является тотъ самый миѳъ, о которомъ я говорилъ при описаніи фригійскаго культа. Этотъ миѳъ, имѣвшій несомнѣнно свое основаніе въ поклоненіи природѣ, рано распространился по восточнымъ берегамъ Средиземнаго моря и, произведя сильное впечатлѣніе на фантазію народа какъ своею внѣшнею яркостью, такъ и глубиною основной мысли, сохранилъ полную жизненность до послѣднихъ временъ язычества. Эта жизненность выразилась именно въ томъ, что онъ съ необыкновенною гибкостью примѣнился къ особенностямъ воспринявшихъ его народностей, у каждаго племени принялъ особый колоритъ, сохраняя притомъ основную идею. У Грековъ этотъ умирающій богъ называется Діонисомъ Загревсомъ; его убиваютъ титаны по приказанію Геры, законной супруги Зевса. Зевсъ—незаконный отецъ убитаго ребенка Діониса, убиваетъ титановъ и изъ сохранившагося сердца своего сына создаетъ новаго Діониса [3]). Важно въ этомъ миѳѣ то обстоятельство, что Діониса разрываютъ и съѣдаютъ титаны. Пораженные молніею Зевса, титаны превращаются въ пепелъ и изъ этого пепла рождаются потомъ люди, въ которыхъ злая природа титановъ соединена такимъ образомъ съ доброю природою съѣденнаго Діониса [4]). Разрываніе бога и переходъ его частицъ въ другія тѣла указываетъ на пантеистическое воззрѣніе, выраженное въ миѳическомъ образѣ. Такъ по крайней мѣрѣ толковали этотъ миѳъ позднѣйшіе мистики. «Измѣненіе бога въ вѣтры, воду, землю и звѣзды, въ роды растеній и животныхъ, говоритъ Плутархъ, переходъ бога въ міроzданіе изображается наглядно какъ разрываніе и раздробленіе, и тогда божество называется Діонисомъ Загревсомъ; гибель, уничтоженіе, смерть и возрожденіе облекаются въ басни и разсказы, соотвѣтствующіе названнымъ измѣненіямъ» [5]). Въ приведенной главѣ Плутархъ противополагаетъ пантеистическому обожанію Діониса чисто деистическое обожаніе Аполлона. Миѳъ о происхожденіи людей изъ пепла титановъ и частицъ Діониса доказываетъ, что мистики признавали въ человѣкѣ присутствіе двухъ противоположныхъ и взаимно-враждебныхъ элементовъ. На это дуалистическое воззрѣніе, чуждое гомеровскому міросо-

[1]) Diodor. V, 64. Pausan. III, 20, 5, [2]) Döllinger, S. 122. [3]) Diodor. I, 17—20. Diodor. III, 63. [4]) Clemens Alex. Protrept. p. 11. [5]) Plutarch. De *ei* apud Delphos, 9.

зерцанію, опирались Платонъ и новоплатоники, говорившіе, что душа живетъ въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ или въ могилѣ [1]). Мистерій было много; онѣ праздновались на Самоѳракіи, на Лемносѣ, въ Ѳивахъ, въ Лернѣ, что̀ въ Арголидѣ, въ Коринѳѣ, въ Эгинѣ, въ Фріѣ, что̀ въ Аттикѣ, и наконецъ самыя знаменитыя элевзинскія въ Аѳинахъ и въ Элевзисѣ. Всѣ онѣ были разрѣшены мѣстнымъ правительствомъ, считались государственною святынею и навлекали на нарушителя уголовныя наказанія. Первоначально къ элевзинскимъ таинствамъ допускались только аѳинскіе граждане; изъ другихъ Грековъ вообще, насколько извѣстно, посвящались не многіе. Изъ греческихъ, но не аѳинскихъ историческихъ личностей извѣстны какъ участники элевзинскихъ таинствъ, Пиѳагоръ, Филиппъ Македонскій, Дмитрій Поліоркетъ, сынъ его Филиппъ, Аполлоній Тіанскій и Плутархъ [2]). Варварамъ былъ запертъ входъ въ телестеріонъ, т. е. въ то зданіе, гдѣ совершалась сокровеннѣйшая часть таинства, но при усиленіи Римлянъ, греческіе іерофанты поневолѣ должны были сдѣлать исключеніе въ пользу ихъ. Сулла, Варронъ, Крассъ, Октавіанъ и Юліанъ Апостатъ извѣстны какъ участники элевзинской святыни [3]). Многіе писатели древности говорятъ о мистеріяхъ и сужденія ихъ очень различны. Офиціальные ораторы, напр. Исократъ [4]) превозносятъ мистеріи, какъ государственное учрежденіе. Благочестивые поэты, подобные Пиндару [5]) и Софоклу [6]), воспѣваютъ блаженную участь посвященныхъ въ загробной жизни. Мистики, подобные Аполлонію Тіанскому [7]) и Плутарху, принимали въ нихъ участіе и на нихъ производили особенное впечатлѣніе обѣщанія и преобразованія загробнаго блаженства [8]). Философы напротивъ того относились къ мистеріямъ холодно и даже недоброжелательно. Сократъ не говоритъ о нихъ ни слова, такъ что есть причины предполагать, что онъ или не былъ посвященъ въ элевзинскія таинства, или же молчалъ объ нихъ, чтобы не сказать ничего дурнаго. Платонъ указываетъ на вредную сторону мистерій, въ которыхъ человѣкъ ищетъ себѣ спасенія во внѣшнемъ обрядѣ, а не въ собственной нравственной силѣ [9]). Выводимые въ мистеріяхъ миѳы Платонъ считаетъ безнравственными и соблазнительными для народа [10]).

---

[1]) Plato. Cratyl. I. 400. Plato. Phaedon. p. 62. [2]) Döllinger. S. 173. [3]) Döllinger. S. 173. [4]) Isocrates. Panegyr. VI, 59. [5]) Pindar, poetae lyrici ed. Bergk. p. 253. [6]) Sophocl. fragm. ap. Plutarch. de aud. poet. [7]) Philostr. V. Ap. IV, 18. [8]) Plut. Consol. ad uxor. [9]) Plato. De republ. II, 8. [10]) De rep. II. 17.

Блаженство, которое обѣщается адептамъ, Платонъ считаетъ очень сомнительнымъ и говоритъ, что ихъ привлекаетъ къ мистеріямъ надежда на вѣчное опьяненіе въ загробной жизни [1]). Циники не считали даже нужнымъ скрывать свое презрѣніе къ мистеріямъ. Когда Діогена убѣждали принять участіе въ элевзинскихъ таинствахъ, говоря ему о загробномъ блаженствѣ, онъ просто отвѣчалъ: смѣшно предполагать, что Эпаминондъ и Агезилай (какъ непосвященные) на томъ свѣтѣ лежатъ въ грязи, а извѣстный воръ Петакіонъ (какъ посвященный) наслаждается блаженствомъ [2]). Когда одинъ изъ мистиковъ, преподававшихъ особую систему таинствъ по орфическимъ книгамъ, разсказалъ Антисѳену о радостяхъ, ожидающихъ посвященныхъ за предѣлами гроба, Антисѳенъ смутилъ его неожиданнымъ вопросомъ: чтожъ ты не умираешь? [3]) Демонаксъ заслужилъ репутацію безбожника и аѳинскій народъ потребовалъ его на судъ. Его спросили, отчего онъ не хочетъ быть посвященнымъ въ мистеріи. — Оттого, отвѣчалъ Демонаксъ, что я ихъ разглашу во всякомъ случаѣ: если онѣ хороши, то я хочу, чтобы всѣ могли ими пользоваться; если онѣ дурны, я хочу предостеречь отъ нихъ другихъ, незнающихъ. Мыслящіе Римляне, подобные Цицерону [4]), Варрону [5]) и стоику временъ Нерона, Аппію Корнуту [6]), относились къ мистеріямъ съ хладнокровною критикою и смотрѣли на нихъ какъ на воспоминаніе о поклоненіи природѣ и о перенесеніи въ міръ боговъ обоготворенныхъ людей. Христіанскіе писатели съ особенною ироніей отзываются о внѣшнихъ обрядахъ мистерій, оскорблявшихъ нравственность и благопристойность.

Спрашивается, что составляло прелесть мистерій и что было причиною ихъ популярности? Скандалезный характеръ ихъ обрядовъ не могъ быть значительною приманкою для древняго Грека, потому что его съ колыбели окружали фаллическія изображенія, сладострастныя картины и вольныя пѣсни, стало быть это не могло быть ему въ—диковину и не привлекло бы къ мистеріямъ цѣлыя населенія. Для вѣрующихъ мистеріи имѣли высшій духовный интересъ; печать тайны, лежавшая на мистеріяхъ, великолѣпныя и загадочныя обѣщанія людей посвященныхъ возбуждали любопытство профановъ, настроивали ихъ воображеніе такъ, что въ нихъ рождалось живое желаніе сдѣлаться участниками этихъ мистерій. Потомъ, когда ихъ посвящали, все въ пред-

---

[1]) Phaedr. p. 248. [2]) Plut. de aud. poet. VI. 76. Reisk. [3]) Döllinger. S. 139. [4]) Cic. de nat. Deor. III. 21. 22. Tuscul. quaest. I, 13, [5]) Varro ap. Aug. Civ. Dei VII. 20. [6]) Cornut. Nat. Deor. c. 28.

ставленіи мистерій было расчитано на произведеніе возможно большаго эффекта. Элевзинскія мистеріи вызывались дать отвѣтъ на тѣ глубокіе вопросы, которые постоянно волнуютъ человѣка и человѣчество; посвящаемый вступалъ въ зданіе мистерій съ живѣйшимъ желаніемъ узнать что–нибудь о вѣчности, о загробной жизни, и передъ его глазами развертывались въ расчитанномъ порядкѣ великолѣпныя декораціи и фантастическія сцены, въ которыхъ онъ силился найти высокій смыслъ, и дѣйствительно находилъ его при своемъ насильственно напряженномъ состояніи. Короткое описаніе Плутарха [1]) передаетъ не столько внѣшнія дѣйствія мистерій, сколько внутреннюю смѣну ощущеній, переживаемыхъ зрителемъ, присутствующимъ при послѣдней части элевзинскихъ таинствъ; но въ словахъ набожнаго мыслителя можно уловить колоритъ того вліянія, которое эти сцены должны были оказывать на присутствовавшихъ. «Сначала блуждаютъ по разнымъ закоулкамъ, переносятъ труды и утомленія, напрасно тоскливо ищутъ чего-то въ темномъ; потомъ, передъ самымъ окончаніемъ, являются всѣ ужасы, трепетъ и содроганье, выступаетъ холодный потъ, замираетъ сердце. Вдругъ загорается удивительный свѣтъ; мы вступаемъ въ привѣтливую мѣстность, на роскошные луга; мы слышимъ голоса, видимъ пляски; раздаются торжественные звуки священныхъ словъ и показываются священныя видѣнія». Эффекты свѣта и тѣни, невидимые голоса, торжественное настроеніе собственной души, чаяніе разныхъ высшихъ обѣтованій, все это должно было сильно потрясать впечатлительныя нервы южнаго человѣка; многое небывалое могло ему казаться случившимся, много простыхъ и случайныхъ событій могли принимать въ его глазахъ колоссальные размѣры и фантастическій колоритъ; много такихъ явленій, которыя онъ легко объяснилъ бы себѣ въ спокойномъ состояніи духа, могли въ мистеріяхъ казаться ему чудеснымъ дѣйствіемъ сверхъестественной силы. Мистеріи живымъ языкомъ символовъ и мимики говорили ему такія вещи, которымъ пріятно повѣрить. При совершеніи мистерій присутствовали только посвященные, и всѣмъ посвященнымъ сулили вѣчную жизнь и вѣчное блаженство; можно заключить изъ словъ Плутарха, что предъ внушеніемъ этого блаженства являлись свѣтлыя небесныя видѣнія, слышались звуки скрытой музыки, по сценѣ разливалось мягкое освѣщеніе и все это вмѣстѣ, послѣ предшествовав-

---

[1]) De anima. fragm. 6, 2.

шихъ испытаній, послѣ перенесеннаго утомленія, послѣ страшныхъ и мрачныхъ зрѣлищъ, дожно было нѣжить чувства, успокоивать душу и оставлять неизгладимое впечатлѣніе такого довольства. Ощущеніе, производимое мистеріями, было пріятно. Въ награду за это ощущеніе предлагалось вѣчное блаженство. Было бы странно, еслибы при такихъ условіяхъ толпа народа, неимѣющая внѣ мистерій никакихъ средствъ заглянуть въ будущую судьбу свою, не ухватилась бы съ жаднымъ любопытствомъ за эти мистеріи. Дѣйствительно, мистеріи держались очень долго и пали только тогда, когда уже совершенно истощились жизненныя силы язычества.

VII.

Я очертилъ физіономію язычества въ Египтѣ, въ передней Азіи и въ Европѣ. Надо себѣ теперь представить, что всѣ эти элементы слились вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ въ Италіи и, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, наводнили Римъ. Если припомнить ту существенную черту языческаго міросозерцанія, что не тотъ только богъ, кого уважаетъ мой народъ, а и тотъ, которому поклоняются сосѣди и тотъ, о которомъ доходятъ какіе-то неопредѣленные слухи, и тотъ, котораго я даже не знаю по имени, то можно себѣ вообразить, что вѣрующіе Римляне временъ паденія республики и начала имперіи должны были находиться въ постоянной тревогѣ. Аѳинская республика построила алтарь неизвѣстнымъ или незнакомымъ богамъ для того, чтобы избавить себя разъ навсегда отъ опасности прогнѣвать непочтеніемъ кого-нибудь изъ безсмертныхъ. Такою формальною мѣрою могло оградить себя государство, но частный человѣкъ не могъ на ней успокоиться. Ему нужно было знать, что его молитвы точно доходятъ по своему назначенію, и что тотъ богъ, которому онъ молится, точно хочетъ и можетъ помочь ему.

Какому бы богу онъ ни поклонялся, онъ никогда не могъ быть увѣренъ въ томъ, что нѣтъ какого-нибудь другаго, болѣе могущественнаго, который могъ бы скорѣе и вѣрнѣе даровать просимыя блага. Онъ могъ думать, что нечаянно забылъ принести жертву сильному божеству, или, принося эту жертву, опустилъ какую-нибудь важную формальность. Такъ-какъ молитва не была удовлетвореніемъ вну-

тренней потребности души, то цѣль ея заключалась не въ ней самой: Грекъ и Римлянинъ всегда молился о чемъ нибудь, т. е. обращался къ божеству съ извѣстною просьбою и потому употреблялъ всѣ усилія на то, чтобы такъ или иначе заставить божество выслушать и исполнить эту просьбу. Греческія и римскія молитвы были составлены по извѣстной формѣ и этой формѣ предписывалась сила управлять волею боговъ; молитва принимала характеръ магическаго заклинанія и все вниманіе молящагося сосредоточивалось на точномъ соблюденіи внѣшности и формы. Въ отношеніяхъ между богами и человѣкомъ не было ни малѣйшей искренности. Вѣрующій видѣлъ въ своемъ богѣ не идеалъ нравственнаго совершенства, а существо, одаренное значительною силою, и способное, смотря по своему желанію, обратить эту силу въ его пользу или въ ущербъ ему. Богъ, по понятіямъ вѣрующаго, видѣлъ въ своемъ обожателѣ только болѣе или менѣе усерднаго и аккуратнаго исполнителя угодныхъ ему формальностей. Бога одинаково возмущалъ убійца, подходящій къ его святилищу, и человѣкъ, приступающій къ священнодѣйствію съ неумытыми руками. И тотъ и другой были ему угодны и могли надѣяться на исполненіе прошеній, если они предварительно подвергали себя установленному очистительному обряду. Кто могъ приносить богатыя жертвы, тотъ приносилъ сколько могъ, и расчитывалъ въ умѣ на дѣйствительность своихъ многочисленныхъ и роскошныхъ приношеній. Кто не имѣлъ значительнаго состоянія, тотъ приносилъ бѣдные дары, но непремѣнно приносилъ что-нибудь. Если нельзя было жертвоприношеніемъ обратить на себя благосклонное вниманіе божества, надо было по крайней мѣрѣ вмѣшаться въ толпу его обожателей и принести жертву изъ чувства самосохраненія, чтобы не случилось бѣды. О служеніи богу духомъ, о сближеніи съ божествомъ безукоризненностью поступковъ, о поклоненіи ему въ жизни языческая древность не имѣла кажется понятія. О такомъ поклоненіи часто говорятъ философы; за его отсутствіе сатирики горько жалуются на своихъ современниковъ; но самое частое повтореніе этихъ совѣтовъ и жалобъ доказываетъ ихъ полную безуспѣшность. По понятіямъ массы, божество не заботится о чистотѣ нравственности и выпускаетъ изъ виду своихъ обожателей, какъ скоро они переступаютъ за порогъ храма и входятъ въ кругъ своей вседневной жизни и обычныхъ заботъ и интересовъ. Въ отношеніяхъ между языческимъ божествомъ и человѣкомъ нѣтъ ни взаимной любви, ни довѣрія. Боги способны завидовать счастью человѣка и умышлен-

но мѣшать развитію его благосостоянія. Они способны для своихъ личныхъ видовъ, или даже просто для забавы, вводить людей въ заблужденіе и отуманивать ихъ умъ ложными представленіями. Понятіе богъ (θεος) часто переливается въ понятіе (δαιμων) демонъ и нерѣдко последнее слово принимается въ смыслѣ недоброжелательнаго духа, почти въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно перешло въ новѣйшіе европейскіе языки. Гнѣвъ бога ведетъ за собою всякаго рода несчастія; а нѣтъ ничего легче, какъ прогнѣвить божество. Достаточно забыть одно узаконенное жертвоприношеніе, одну частность обряда, одинъ любимый богомъ титулъ или эпитетъ—и богъ не доволенъ,—на смертнаго обрушиваются непріятности и неудачи; смертный долженъ припомнить, что онъ сдѣлалъ незаконно; не припомнивши, онъ на-удачу умилостивляетъ всѣхъ боговъ, удвоиваетъ дары и жертвы, посылаетъ запросы къ оракулу, совѣтуется домашнимъ образомъ съ гадателями, получаетъ двусмысленные отвѣты, хлопочетъ, выбивается изъ силъ и все-таки не можетъ успокоить себя тѣмъ сознаніемъ, что боги ему простили. Плутархъ въ сочиненіи своемъ «о суевѣріи» разсматриваетъ вредное вліяніе его и прямо считаетъ его хуже невѣрія. При мистическомъ направленіи Плутарха, это сужденіе доказываетъ, что въ его время суевѣріе проявлялось въ самой возмутительной формѣ. Язычникъ временъ имперіи ходилъ въ совершенныхъ потемкахъ; онъ былъ скептикъ и потому учрежденія язычества падали одно за другимъ; но чтобы быть вполнѣ скептикомъ, надо много природной силы и много образованности; вполнѣ скептиками дѣлались не многіе; большая часть и не вѣрила, и сомнѣвалась, и боялась сомнѣваться; они нигдѣ не видѣли полной истины, на которую вполнѣ можно было бы опереться, и между тѣмъ ни одного нелѣпаго обряда не рѣшались откинуть какъ заблужденіе. Они были слишкомъ трусливы, чтобы дать полную волю критикѣ и поступать такъ, какъ совѣтовалъ здравый смыслъ; боясь невѣрія, они дѣлали такіе подвиги, на которые, можетъ быть, не рѣшился бы и фанатикъ; между тѣмъ критика брала свое и отравляла имъ искуственныя вѣрованія; сомнѣніе само собою закрадывалось повсюду; принося жертву, проситель не зналъ, обращается ли онъ куда слѣдуетъ. Внутреннее безпокойство побуждало его искать новыхъ обрядовъ, новаго бога: не будетъ ли лучше въ другомъ храмѣ, не успокоятся ли тамъ сомнѣнія, не явится ли тамъ твердое, свѣтлое и любовное упованіе? Реформа чувствовалась въ воздухѣ эпохи. Всякая новизна принималась съ восторгомъ, возбуждала напряженныя ожи-

данія и вслѣдъ затѣмъ обманывала ихъ, а сама становилась въ ряды старыхъ учрежденій, которыя всѣ уважали и хранили, но на которыя никто не возлагалъ страстной и трепетной надежды. Со времени обоготворенія Цезаря до апоѳеозы Діоклитіана римскіе императоры подарили языческому міру 53 новыя божества [1]. Эти божества принимались съ такимъ сочувствіемъ, что трудно видѣть въ этомъ одно проявленіе раболѣпства. Льстить можетъ дворъ, столица, но не цѣлая имперія. При Тиверіи одинадцать городовъ Азіи спорили о чести поставить у себя его статуи и построить ему храмъ [2]. Это еще можно пожалуй принять за проявленіе холопства со стороны посланниковъ и уполномоченныхъ этихъ городовъ; но мы же знаемъ, что съ поддержаніемъ богослуженія обоготвореннымъ императорамъ соединялись значительныя издержки, падавшія на городъ; и между тѣмъ храмы не пустѣли, народъ приносилъ въ нихъ жертвы и статуи цезарей были священнѣе изображеній другихъ боговъ [3]. Все это происходило не въ Римѣ, не на глазахъ у императора, а въ Азіи, гдѣ трудно было цѣлому городскому населенію ждать себѣ награды отъ властелина; стало-быть усердіе было дѣйствительное; очень можетъ быть, что разнородныя племена, въ первый разъ соединенныя подъ однимъ господствомъ, были поражены громадностью императорскаго могущества, и, при суевѣрномъ, напряженномъ настроеніи вѣка, ждали дѣйствительно какихъ-то высшихъ божественныхъ милостей отъ живой человѣческой личности; вѣдь эта человѣческая личность своимъ дѣйствительнымъ могуществомъ превосходила самыя смѣлыя метафоры, которыми религіозно-настроенные поэты старались охарактеризовать божественное величіе. Если масса была расположена видѣть счастіе сверхъестественной силы въ каждомъ счастливомъ излеченіи бѣсноватаго [4], въ каждомъ фокусѣ Александра Авонотихита [5], то было и естественно и разумно видѣть воплощеніе божества въ личности такого человѣка, который одинъ стоялъ надъ всѣми, не видя себѣ равнаго во всемъ мірѣ живыхъ и разумныхъ существъ. Извѣстно, что Діоклитіанъ первый высказалъ мысль о божественномъ происхожденіи императорской власти [6], но, чтобы высказать эту мысль, надо было получить ее изъ прошедшаго, укрѣпившагося и созрѣвшаго. Если эта мысль

---

[1]) Döllinger S. 616. [2]) Tac. Ann. IV. 56. [3]) Philostr. V. Ap. I. 15. [4]) Philostr. V: Ap. possim. [5]) Lucian: Alex. Sive Pseud. [6]) *Baur*. Das Christenthum der 3 ersten Jahrhunderte. S. 453.

могла пережить Западную Римскую имперію, перейдти въ Византію, воскреснуть въ Италіи и Германіи при Карлѣ Великомъ и потомъ перенестись на королевскую власть бывшихъ вассаловъ священной имперіи, то, мнѣ кажется, можно допустить, что въ основаніи ея лежало дѣйствительное убѣжденіе римской толпы, а не движеніе лести, и не произволъ властелина. Дикій и отвратительно-пошлый характеръ римскаго цезаря, по самой идеѣ языческаго божества, не долженъ былъ имѣть вліянія на апоѳеозу; вѣдь и коренные боги не являлись воплощенною добродѣтелью. Иностранные культы, введенные въ Римъ, были новѣе и страннѣе туземнаго греческаго богослуженія; они пользовались, сравнительно съ нимъ, большею популярностью, но всего больше возбуждало сочувствіе вѣрующей толпы какое-нибудь случайное, экстренное явленіе, неподходившее подъ обыденную форму. Эту черту характера уловилъ Сенека: «Если, говоритъ онъ, кто нибудь, потрясая жезломъ, разсказываетъ заученный вздоръ, если мастеръ рѣзать себя (жрецъ Беллоны), высоко поднимая топоръ, рубитъ въ кровь руки и плеча, если кто нибудь ползетъ на колѣняхъ и поднимаетъ вой, если старикъ въ холщевой одеждѣ, съ лавровою вѣткою въ рукѣ, днемъ несетъ передъ собою зажженный фонарь и громко кричитъ о гнѣвѣ какого-нибудь бога, тогда вы сбѣгаетесь и восклицаете: этотъ человѣкъ вдохновленъ богомъ!» [1]). Потребность непосредственнаго откровенія, передъ которымъ замолчало бы самое упорное сомнѣніе, давала себя живо чувствовать. Аполлоній Тіанскій былъ признанъ богомъ [2]) за свое ученіе и за свои чудеса, а между тѣмъ его рѣчи не оставили по себѣ прочныхъ слѣдовъ. Оракулъ, учрежденный Александромъ въ Авонотихѣ, пользовался такою извѣстностью, что къ нему обращался даже стоическій философъ и императоръ Маркъ Аврелій [3]). Со смертью Александра рушилось все его искуственное зданье. Въ жизни Нерона встрѣчается яркая черта времени. Неронъ обожалъ только одну, такъ называемую сирійскую богиню и вѣрилъ въ ея силу, но наступило время разочарованія и Неронъ, въ минуту каприза, наругался самымъ грязнымъ образомъ надъ своимъ идоломъ [4]). Масса не была такъ рѣшительна и постоянно колебалась между робкимъ индифферентизмомъ и напряженнымъ ханжествомъ; трусливость не оставляла ее ни на минуту и большинство боговъ являлись ей лично-

---

[1]) De vita beata 27. [2]) Lamprid. V. Alex. Severi c. 29. [3]) Lucian. Pseudom. 48. [4]) Sueton. Nero. c. 56.

стями, отъ преслѣдованій которыхъ надо откупаться подарками и жертвоприношеніями.

Между пламенною вѣрою фанатика и трусливымъ суевѣріемъ, очерченнымъ Плутархомъ, лежитъ цѣлая бездна; первая вся основана на чувствѣ, во второмъ нѣтъ искры воодушевленія; первая влечетъ къ подвигамъ самоотверженія, второе все проникнуто самымъ мелкимъ эгоизмомъ. Фанатизмъ исключаетъ и боязнь и борьбу съ самимъ собою и сомнѣніе; суевѣріе все основано на боязни и сомнѣніи. Словомъ, мнѣ кажется, что суевѣріе и невѣріе стояли ближе другъ къ другу, чѣмъ фанатизмъ и суевѣріе. Первые два настроенія вызваны были дряхлостью господствующей религіи, а послѣднее, проявившееся съ такою силою въ первые вѣка христіанства, могло быть вызвано только молодою и новою идеею. Суевѣріе давно потеряло изъ виду идею религіи; его близорукая трусливость не позволяла ему взглянуть вдаль и вверхъ; нужно было смотрѣть подъ ноги, обращая все вниманіе на то, чтобы не опустить какой-нибудь формальности, не нарушить обряда. Языческія религіи не были богаты нравственнымъ содержаніемъ; подъ вліяніемъ суевѣрія онѣ окончательно измельчали; при жертвоприношеніяхъ нужно было соблюдать столько внѣшнихъ предосторожностей въ отношеніи къ самой статуѣ божества, что мало–по–малу въ народномъ вѣрованіи эта статуя совершенно вытѣснила то понятіе, которое она должна была напоминать собою. Прежнее освященіе статуй извѣстными молитвами и обрядами получило значеніе дѣланія боговъ; явилось мнѣніе, что люди могутъ принуждать божество вселяться въ статуи и жить въ нихъ какъ душа человѣка живетъ въ тѣлѣ [1]). Идолъ сдѣлался святынею самъ–по–себѣ, а не по той идеѣ, которую онъ вызывалъ въ молящемся. Явилось служеніе собственно идоламъ; ревностные поклонники божества стали исполнять при идолѣ должности слуги; одни натирали его мазями, другіе завивали ему волосы, шевеля руками по мраморной или металлической его прическѣ; третьи держали передъ нимъ зеркало; многіе просили боговъ заступиться за нихъ въ судѣ и держали передъ глазами истукана выписки изъ своихъ процессовъ [2]). Такъ какъ на идола перестали смотрѣть какъ на портретъ, то святыня идола стала заключаться не столько въ формѣ, сколько въ матеріи, освященной извѣстнымъ, почти магическимъ обрядомъ; рядомъ съ поклоненіемъ статуямъ видно поклоненіе простымъ камнямъ. Язычество

---

[1]) August. Civ. Dei VIII 1. 2. [2]) Aug. C. D. VI. 2.

совершило кажется свое міровое поприще и поворотило къ своему началу, къ пелазгическимъ временамъ. Явился грубый фетишизмъ, который тѣмъ болѣе рѣжетъ глазъ, что онъ существуетъ рядомъ съ роскошнымъ развитіемъ изобразительныхъ искусствъ; въ этомъ фетишизмѣ должно видѣть истощеніе внутренняго содержанія; его нельзя извинить или объяснить внѣшними препятствіями, лежащими въ недостаточномъ развитіи техники. На перекресткахъ лежали священные камни, политые масломъ; прохожіе становились передъ ними на колѣни, наливали на нихъ нѣсколько капель елея и просили ихъ о своихъ нуждахъ [1]). Апулей серьезно обвиняетъ своего противника Эмиліана въ томъ, что въ его помѣстьѣ нѣтъ ни увѣнчаннаго сука, ни камня, помазаннаго масломъ [2]). При фетишизмѣ существуетъ обыкновенно любопытный обычай наказывать бога за неисправное исполненіе просьбы. Этотъ обычай проявляется въ древнемъ Римѣ при императорахъ. Флотъ Августа пострадалъ отъ бури, и Нептунъ былъ наказанъ тѣмъ, что его статую исключили изъ торжественной процессіи [3]). Калигула разговаривалъ съ Юпитеромъ капитолійскимъ, иногда бранился съ нимъ и угрожалъ ему погибелью [4]). Юліанъ, человѣкъ умный и образованный, разсердился на Марса и поклялся никогда не приносить ему жертвы [5]). Замѣчательно, что многіе философски-развитые люди этой эпохи поддавались въ жизни самому наивному суевѣрію. Маркъ Аврелій былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ римскихъ императоровъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени и замѣчательнѣйшій изъ послѣдователей Эпиктета. Въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ онъ презираетъ ничтожество всего земнаго, богатства, величія и наслажденія [6]); онъ совѣтуетъ слѣдовать только внутреннимъ внушеніямъ своего духа и приписываетъ разуму неограниченную свободу [7]). Онъ такъ мало зависитъ въ своемъ мышленіи отъ какого нибудь вѣрованія, что даже о безсмертіи души выражаетъ серьезное сомнѣніе [8]). Тотъ же смѣлый мыслитель, тотъ же проповѣдникъ безграничной свободы мысли, въ своей вседневной жизни и даже въ своихъ государственныхъ распоряженіяхъ подчиняется не внутреннему голосу чувства, а указаніямъ жрецовъ и прорицателей. Отправляясь на войну противъ Маркоманновъ, онъ собираетъ въ Римъ жрецовъ всѣхъ религій, и занимается разными торжественными церемоніями, а

---

[1]) Arnob. I. 39. Luc. Psedom. 30. [2]) Apul. Apol. p. 349. [3]) Sueton. August. 16 [4]) Suet. Calig. 22 [5]) Amm. Marc. XXIV. 6. [6]) «προςεθυιον» V. II, 1831. [7]) X 33. [8]) IV. 21.

войско ждетъ и удобное время уходитъ. Жертвы приносятся въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что бѣлые волы приходятъ въ смятеніе и, по дошедшей до насъ шуткѣ того времени, пишутъ къ благочестивому цезарю письмо слѣдующаго содержанія. «Бѣлые волы Марку Кесарю. Если ты побѣдишь, мы погибли [1])». Трудно даже понять, изъ чего такъ много хлопоталъ человѣкъ, отвергавшій безсмертіе души и признававшій ничтожнымъ все земное величіе, блескъ господства и военную славу; трудно себѣ представить, какимъ образомъ человѣкъ, не ступавшій ни одного шагу безъ гаданій, молитвъ и жертвоприношеній, могъ въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ подниматься такъ высоко надъ господствовавшими понятіями эпохи. Впрочемъ, разладъ между жизнью и теоріею поражаетъ насъ въ этотъ періодъ времени. Особенно часто совмѣщаются въ одномъ лицѣ самое смѣлое невѣріе въ капитальныхъ вопросахъ, касающихся міроправленія и безсмертія души, и самое трусливое суевѣріе въ мелкихъ случаяхъ вседневной жизни. Возьмемъ для примѣра Августа. Послѣднія его минуты описаны Светоніемъ очень подробно и наглядно и въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на вѣрованіе въ загробную жизнь. За нѣсколько минутъ до смерти, Августъ справляется о томъ, что происходитъ въ городѣ, потомъ спрашиваетъ себѣ зеркало, поправляетъ волосы, приводитъ въ порядокъ отвисшую нижнюю челюсть и вдругъ обращается къ друзьямъ съ неожиданнымъ вопросомъ: «А каково я съигралъ комедію жизни»? Потомъ онъ декламируетъ греческіе стихи: «Если вамъ нравится игрушка, аплодируйте и всѣ провожайте насъ съ радостью». Затѣмъ, по его желанію, присутствующіе выходятъ изъ комнаты, онъ обнимаетъ Ливію, говоритъ: «Ливія, помни наше супружество, живи счастливо... прощай» и съ этими словами умираетъ [2]). Намъ нѣтъ никакого основанія подозрѣвать Августа въ неискренности; Римскому императору, 76-ти–лѣтнему старику не стоило притворяться; репутація его была составлена и какъ бы онъ ни умеръ, онъ могъ быть увѣренъ, что его превознесутъ до небесъ и обоготворятъ. Наконецъ, еслибы Августъ сталъ притворяться, то, какъ императоръ, какъ жрецъ и поборникъ государственной религіи, онъ притворился бы въ противоположную сторону и окружилъ бы свои послѣднія минуты всѣмъ аппаратомъ мистической религіозности. Въ предсмертныхъ словахъ Августа видно только добродушно ироническое, понятное со сто-

---

[1]) Am. Marc. XXV, 4, § 7. [2]) Sueton. Aug. 99.

роны отжившаго старика, обращеніе назадъ, на пройденнлю жизнь. Видитъ ли онъ что нибудь впереди, сказать трудно, но что онъ равнодушенъ къ этому вопросу и не задаетъ его себѣ, это очевидно. Тотъ же Августъ, обнаружившій въ послѣднія минуты такой спокойный раціонализмъ, былъ въ теченіи всей своей жизни самымъ суевѣрнымъ человѣкомъ. Онъ вѣрилъ снамъ и своимъ и чужимъ, и вѣра его укрѣплялась тѣмъ, что иногда, въ очень важныхъ случаяхъ, сны сбывались. Въ день филиппскаго сраженія онъ чувствовалъ себя нездоровымъ и хотѣлъ остаться въ своей палаткѣ; одинъ изъ его друзей разсказалъ ему свой сонъ и это побудило его измѣнить свое намѣреніе. Онъ вышелъ изъ палатки и не раскаялся въ этомъ, потому что лагерь побывалъ въ рукахъ непріятеля, палатку его опрокинули, а постель истоптали и изорвали [1]). — Любопытно также узнать изъ Светонія, что Августъ, на основаніи видѣннаго сна, ежегодно въ извѣстный день выходилъ на улицу просить милостыню, и «подставлялъ ладонь проходившимъ, которые подавали ему ассы [2])». Гаданія и предзнаменованія были у Августа въ большомъ почетѣ; велико было его смущеніе, когда онъ надѣвалъ лѣвый башмакъ раньше праваго, и велика радость, если, когда онъ отправлялся въ долгій путь, глаза его случайно наполнялись слезами. Въ природѣ всякое рѣдкое явленіе обращало на себя его вниманіе и перетолковывалось какъ счастливое или несчастное предвѣщаніе. Нѣкоторые дни считались у Августа благопріятными, другіе бѣдственными [3]). — Есть данныя, позволяющія думать, что и въ обществѣ скептицизмъ въ области важныхъ религіозныхъ вопросовъ совмѣщался и шелъ рука объ руку съ суевѣрнымъ и тщательнымъ до мелочей выполненіемъ мелкихъ формальностей культа, имѣвшихъ большею частью магическое или вѣрнѣе теургическое значеніе. О послѣднемъ, т. е. о суевѣріи я уже говорилъ. Что касается до скептицизма, то онъ засвидѣтельствованъ многими писателями. Плутархъ [4]) говоритъ, что не многіе люди вѣрятъ въ существованіе Тартара, Цербера и загробныхъ казней. «А кто и вѣритъ, продолжаетъ онъ, тотъ старается избавиться отъ этого страха посредствомъ омовеній. Мы видимъ такимъ образомъ, что тѣ (Эпикурейцы), отвергая безсмертіе, уничтожаютъ самыя сладкія и великія надежды обыкновенныхъ людей». Здѣсь видно, что Плутархъ уже не стоитъ за букву догма—

---

[1]) Suet. Aug. 91. [2]) Suet. Aug. 91. [3]) Suet. Aug. 92. [4]) Non posse sua viter viv. Sec. Epic. c. 25—31.

*

та; ее отстаивать поздно и опасно, потому что Эпикурейцы могутъ поднять на смѣхъ и погубить въ глазахъ народа всю апологію. Плутархъ защищаетъ только безсмертіе души и опирается не столько на преданіе, сколько на внутреннюю потребность, живущую въ груди каждаго человѣка. Невѣрію въ казни ада онъ самъ сочувствуетъ, потому что бояться боговъ и видѣть въ нихъ существа враждебныя, по его мнѣнію, грѣшно [1]). Въ общей системѣ возраженій Плутарха, направленныхъ противъ Эпикурейцевъ, просвѣчиваетъ мысль, которую однако самъ Плутархъ не рѣшается высказать прямо и смѣло. Можетъ быть вы и правы, слышится въ его даказательствахъ, можетъ быть и нѣтъ безсмертія души, но, во-первыхъ, въ него пріятно вѣрить, во-вторыхъ, это вѣрованіе можетъ быть полезно для народной нравственности. Вообще Плутархъ болѣе публицистъ, чѣмъ философъ, и заботится не столько о достиженіи отвлеченной истины, сколько о практическихъ удобствахъ извѣстнаго вѣрованія или мнѣнія. Замѣчательно, что ослабленіе вѣрованія въ безсмертіе души не измѣнило обрядовъ погребенія. Лукіанъ [2]) говоритъ, что въ его время попрежнему клали въ ротъ покойнику оболъ для платы Харону за перевозъ, а между тѣмъ и Харонъ, и Стиксъ, и Церберъ, и самъ Аидъ съ Персефоною давно ушли въ область сказки. — Въ римскомъ мірѣ, еще во времена республики рѣшались высказывать открыто невѣріе въ загробную жизнь. «Тамъ, говоритъ Цезарь, нѣтъ мѣста ни для радости, ни для заботы [3])». «Недавно, говоритъ черезъ нѣсколько времени Катонъ, Кай Цезарь въ этомъ собраніи вѣрно и прекрасно разсуждалъ о жизни и смерти; онъ объявилъ, и я съ нимъ вполнѣ согласенъ, что о преисподней разсказываютъ нелѣпости, будто тамъ злые отдѣлены отъ добрыхъ и обитаютъ въ страшныхъ, безплодныхъ, дикихъ и отвратительныхъ мѣстахъ [4])». Эти слова произносились въ сенатѣ, а сенатскія вѣдомости читались тогда всѣми, стало быть Катонъ и Цезарь говорили передъ всѣмъ римскимъ народомъ и не боялись своими религіозными мнѣніями повредить своей популярности. Филонъ александрійскій, писатель 1-го вѣка по Р. Хр., жалуется на размноженіе пантеистовъ и атеистовъ [5]). «Мальчики даже не вѣрятъ, говоритъ Ювеналъ [6]), въ существованіе какихъ-то мановъ и подземнаго царства, и кота (вѣроятно собака, Церберъ превращена для насмѣшки въ кошку)

---

[1]) De superst. c. 11. 12. [2]) De luctu 7—9. [3]) Sallust. Bell. Cat. 51. [4]) Sallust. Bell. Cat. 52. [5]) Philo L. I. c. 3. [6]) Lat. II. v. 149.

и черныхъ лягушекъ въ стигійскомъ болотѣ». «Лови день» (Carpe diem»), говоритъ Горацій и вообще всѣ лирики совѣтуютъ наслаждаться жизнью, пока живется, и, вспоминая о смерти, находятъ въ ея грозномъ призракѣ лишнюю побудительную причину для дѣятельнаго участія въ жизненномъ пирѣ. Эта философія была всякому по плечу; человѣкъ убѣжденный въ неизбѣжности уничтоженія, видѣлъ въ ней разумное отношеніе къ случайному дару жизни, доставшемуся на время; человѣкъ, ни въ чемъ неубѣжденный и не о чемъ немыслившій, увлекаяся роскошью картинъ, жизненностью образовъ, обаяніемъ беззаботности и наконецъ безграничною свободою, открывавшеюся для чувственности при такомъ взглядѣ на вещи. Любимые поэты читались въ Римѣ почти всѣми; сочиненія ихъ расходились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ [1]) и, можетъ быть, ихъ вліянію на массу должно отчасти приписать господство эпикуреизма между такими людьми, которые собственными силами не могли бы выработать себѣ никакого міросозерцанія. Этотъ эпикуреизмъ имѣлъ мало общаго съ ученіемъ, развитымъ въ стихотвореніи Лукреція. О природѣ и естественныхъ причинахъ бытія эти доморощенные эпикурейцы не заботились. По ихъ мнѣнію вся философія состояла въ наслажденіи минутою. Эта удобная и общепонятная философія выражается между прочимъ въ надписяхъ надъ гробницами. «Что съѣлъ и выпилъ, говоритъ надпись, то со мною; что я оставилъ, то потерялъ;». — «Читатель, говоритъ другая, наслаждайся жизнью; послѣ смерти нѣтъ ни смѣха, ни игры, ни сладострастія». — «Друзья, совѣтуетъ третья, повѣрьте мнѣ, смѣшайте кубокъ вина и пейте его, увѣнчавъ голову цвѣтами; послѣ смерти все пожирается огнемъ и землею». — Съ инымъ страннымъ настроеніемъ отвергали безсмертіе души Плиній Старшій [2]) и Сенека [3]). Убѣжденіе подобныхъ людей нельзя не уважать, хотя и нельзя раздѣлять его съ ними. Напротивъ, исповѣданіе вѣры мелкихъ скептиковъ, составлявшихъ выписанныя эпитафіи, возбуждаетъ только жалость и презрѣніе. Они играютъ идеею уничтоженія, радуются ей и эта идея какъ—будто снимаетъ съ нихъ тяжелое бремя. Для такихъ людей страхъ составляетъ самую крѣпкую узду и самую надежную опору нравственности. Но узда разорвалась, опора подгнила, рухнула и начи-

---

[1]) Schmidt. Geschichte der Denk-und Glaubensfreiheit. S, 118. [2]) Hist Nat. II, 7. [3]) Ep. 102.

нается сплошная оргія, грязный разгулъ чувственности, въ которомъ глохнутъ лучшіе инстинкты человѣчества. Дешевый скептицизмъ, дикое суевѣріе и животная чувственность составляютъ три главные момента нравственной жизни человѣка временъ имперіи; эти три момента опираются другъ на друга, тѣсно связаны между собою и часто совмѣщаются въ одно время въ одной личности или господствуютъ надъ нею, поочередно смѣняя другъ друга. Жрецы государственной религіи и иноземныхъ культовъ находили свою выгоду въ этихъ трехъ свойствахъ своихъ современниковъ и потому довольно искусно заботились о ихъ поддержаніи. Скептицизмъ не былъ имъ опасенъ; они видѣли, что человѣкъ, не видѣвшій ничего впереди себя, тѣмъ болѣе дорожитъ земными благами и потому наравнѣ съ прочими вѣритъ въ гаданія, въ предзнаменованія и оракулы, и приноситъ болѣе или менѣе богатые дары и жертвы. Скептицизмъ толпы, т. е. отсутствіе твердаго убѣжденія и самостоятельнаго взгляда былъ имъ (жрецамъ) полезенъ, какъ почва, на которой можно посѣять суевѣріе. Отъ обширнаго политическаго вліянія жрецы уже давно отказались и въ Римѣ и въ Греціи и даже въ Египтѣ; они довольствовались мелкимъ вліяніемъ на домашнюю жизнь и часто брали окупъ съ своихъ поклонниковъ; жрецу было пріятно втереться въ довѣріе значительнаго лица, давать ему совѣты, пользоваться его уваженіемъ и щедростью; но положеніе Арнуфиса, совѣтника Марка Аврелія, и Александра Авонотихита, царившаго надъ переднею Азіею, составляютъ рѣдкія исключенія; большинство жрецовъ довольствовалпсь тѣмъ, если въ ихъ храмахъ курились жертвы и стекалась толпа вѣрующихъ просителей, если ихъ уважали богатыя матроны и, слушаясь ихъ совѣтовъ, не жалѣли денегъ. Для достиженія этихъ мелкихъ цѣлей нужно было употреблять мелкія средства. Твердая увѣренность въ словахъ и движеніяхъ, выставленіе на-показъ религіознаго воодушевленія и строгости нравовъ, таинственная двусмысленность предсказаній, порою какое–нибудь чудо, чтобы подогрѣть усердіе и вѣру поклонниковъ — вотъ средства, которыми держались языческіе жрецы. Смѣшно припомнить, какими ребяческими фокусами Александръ Авонотихитъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ обманывалъ и держалъ въ повиновеніи почти весь образованный міръ; ни эпикурейцы, ни христіане не могли сбить его съ пьедестала; онъ прямо выгонялъ изъ своего святилища всѣхъ невѣрующихъ, чтобы тѣмъ удобнѣе обманывать вѣрующихъ. Онъ возглашалъ при началѣ мистерій своихъ: «прочь хри–

стіанъ», народъ кричалъ: «прочь эпикурейцевъ»; подозрительныхъ людей выгоняли силою и прорицатель остался прорицателемъ до самой смерти. Шарлатанъ оставилъ свое имя въ всемірной исторіи наряду съ правителями, философами и поэтами; у жрецовъ было много средствъ дѣйствовать на воображеніе толпы и подогрѣвать ея суевѣріе. Жрецы обладали многими медицинскими секретами и цѣлебная сила ихъ средствъ увеличивалась вѣрующимъ настроеніемъ паціентовъ, обращавшихся къ ихъ помощи. Чудесныя исцѣленія, производившіяся въ храмахъ Эскулапа, Сераписа и Изиды, могли не быть шарлатанствомъ; они объясняются очень просто и естественно, и конечно, девять десятыхъ употреблявшихся при нихъ церемоній были не нужны и имѣли цѣлью подѣйствовать на воображеніе посѣтителей. Кромѣ медицинскихъ свѣдѣній жрецы обладали многими знаніями изъ опытной физики и химіи. Все дѣло было въ господствовавшемъ настроеніи массы; то, что теперь показалось бы простымъ фокусомъ даже людямъ, непонимающимъ его устройства, то казалось Грекамъ и Римлянамъ чудомъ. Жрецы даже боялись писать о своихъ продѣлкахъ; до насъ дошли Pneumatica Герона, [1]) жившаго въ половинѣ втораго вѣка до Р. Хр. въ Александріи; эта любопытная книга заключаетъ въ себѣ разныя наставленія и рецепты, какъ дѣлать въ храмахъ чудеса. Тутъ читатель узнаетъ, что при особенномъ устройствѣ храма зажиганіе огня на алтарѣ растворяетъ двери, а погашеніе его запираетъ ихъ; можно сдѣлать и такъ, что если зажечь огонь, то двѣ статуи, стоящія у жертвенника, сдѣлаютъ возліяніе, и при этомъ зашипитъ змѣя; при раствореніи дверей храма можетъ раздаваться звукъ трубы; словомъ, разныя огненныя явленія, таинственные звуки, громъ и молнія, явленіе духовъ и тѣней, странные голоса—все было въ разпоряженіи жрецовъ и могло по ихъ желанію потрясать воображеніе и нервы молящихся [2]). Если нужно было сдѣлать чудесное исцѣленіе и поразить всѣхъ зрителей эффектною сценою, то не трудно было это устроить. Стоило нанять какого нибудь бѣдняка, и онъ за ничтожную плату соглашался прикинуться хромымъ, слѣпымъ, сухорукимъ и потомъ, въ данную минуту, на глазахъ цѣлаго города, прозрѣвалъ и исцѣлялся [3]). Бывали и періодическія чудеса, происходившія каждый годъ. Въ Элеѣ три пустые котла запечатывались

[1]) The Pneumatics of Hero, translated by B. Woodcroft. [2]) Theodoret. H. E. III, 3. Greg. Naz. or. IY. Eunap. vit. Max. [3]) Clementin. Homil. 9,18—

при всѣхъ гражданахъ и ставились въ храмъ; на другой день печать оказывалась нетронутою; ее вскрывали и въ котлахъ оказывалось вино, налитое Діонисомъ [1]). На островѣ Андросѣ въ праздникъ Діониса текъ изъ храма ручей вина [2]). Всѣ эти фокусы требовали конечно издержекъ, но они съ лихвою окупались пріобрѣтаемымъ вліяніемъ. Въ разсказѣ о Паулинѣ и Мундѣ видно до какой степени простиралось въ лучшихъ людяхъ того времени довѣріе къ жрецамъ, Паулина, не отказавшая въ собственномъ тѣлѣ, конечно не отказывала въ деньгахъ; рядомъ съ этимъ разсказомъ можно поставить другой, не менѣе характеристичный. Въ Александріи жрецъ Сатурна, Тиронъ объявилъ, что его богъ желаетъ, чтобы нѣкоторыя названныя имъ женщины проводили ночь въ храмѣ. Онъ назвалъ замѣчательнѣйшихъ красавицъ города, и мужья этихъ дамъ не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Вступая въ храмъ, избранная красавица видѣла только статую бога и съ полною вѣрою занимала приготовленное ложе. По особенному механизму лампы гасли, изъ пустой статуи выходилъ жрецъ, а суевѣрная дама принимала его за воплощеніе бога и поступала сообразно съ этимъ вѣрованіемъ. И это, какъ видно по разсказу Руфина, не было случайностью, единичнымъ обманомъ; та же штука повторялась всякій разъ, какъ того желалъ жрецъ [3]). Объ астрологіи, о магіи и ея видоизмѣненіяхъ, некромантіи и теургіи скажу коротко, Въ ея дѣйствительное существованіе вѣрили даже христіанскіе писатели. Евсевій не отвергаетъ чудесъ Аполлонія Тіанскаго и только выводитъ ихъ изъ нечистаго источника и полагаетъ, что онъ дѣйствовалъ чародѣяніями, при помощи дьявола. Масса языческаго народа была тѣмъ болѣе расположена вѣрить въ возможность магіи, что характеръ самой религіи не позволялъ провести раздѣлительную черту между молитвою и заклинаніемъ. Боги язычества были обоготворенныя силы природы, подчиненныя извѣстнымъ законамъ; хотя это представленіе почти утратилось въ греко-римскомъ мірѣ подъ вліяніемъ антропоморфизма, выработаннаго поэзіею, однако оно сохранило свою силу въ томъ отношеніи, что за людьми признавалась способность подчинять себѣ волю боговъ при помощи извѣстныхъ обрядовъ и заклинаній, которымъ боги не могли сопротивляться. Молитва въ римской религіи не требовала ника-

---

[1]) Pausan. VI, 26. 1. [2]) Ibid. [3]) Rufin. H. E. XII. 24.

кого внутренняго усердія; нужно было только исполнить точно форму и тогда божество должно было удовлетворить требованію молящагося. Плиній разсказываетъ, что высшія государственныя лица при религіозныхъ актахъ приказывали читать вслухъ молитвенную формулу по богослужебной книгѣ; жрецъ долженъ былъ, во избѣжаніе ошибки, повторять за чтецомъ каждое слово; другой жрецъ долженъ былъ наблюдать за сохраненіемъ молчанія между присутствующими; сверхъ того, при чтеніи молитвы играли на флейтѣ, чтобы заглушить всякій посторонній звукъ, способный предвѣщать несчастье [1].) При молитвѣ Римлянинъ покрывалъ себѣ голову и зажималъ себѣ уши, чтобы никакой посторонній звукъ не помѣшалъ дѣйствительности молитвенныхъ словъ [2]). Нѣкоторые обряды, которымъ придавали очень важное значеніе, носятъ на себѣ чисто магическій характеръ; когда городъ находился въ опасности, когда государству угрожали враги, то диктаторъ, назначенный собственно для этой цѣли, прибивалъ гвоздь въ стѣну храма Юпитера капитолійскаго. Со временъ Сципіоновъ, этотъ обычай былъ оставленъ, вѣроятно потому, что былъ слишкомъ простъ и не соотвѣтствовалъ всѣмъ остальнымъ роскошнымъ формамъ богослуженія. Во всякомъ случаѣ, этотъ обрядъ прибиванія гвоздя представляетъ чисто магическій характеръ. Знакомство Римлянъ съ иностранными культами могло только содѣйствовать развитію магіи. У Грековъ магическіе обряды были связаны съ культомъ подземныхъ боговъ, которымъ служили демоны. Геката была спеціальною покровительницею волшебства и ея обожаніе связано съ безчисленнымъ множествомъ заклинаній и фантастическихъ формальностей. Служеніе и мистеріи фригійской матери боговъ были проникнуты колдовствомъ [3]). Ассирійскіе Халдеи уже съ незапамятныхъ временъ примѣшали къ своему сабеизму элементъ астрологіи. Представляя себѣ свѣтила живыми существами, одаренными роковою силою, они старались узнавать свойства ихъ вліянія на людскіе интересы, старались даже по возможности управлять этимъ вліяніемъ и успѣли увѣрить согражданъ въ своихъ обширныхъ свѣдѣніяхъ, и въ своемъ могуществѣ. Въ Вавилоніи и Ассиріи утвердился обычай носить амулеты, въ которыхъ, по понятіямъ народа, сосредоточивалась спасительная сила извѣстныхъ небесныхъ тѣлъ [4]). Древняя философія не мѣшала развитію астроло-

---

[1]) Plin. Hist, Nat. XXVIII. 2. Cic, de divin. I. 29. [2]) Plutarch. Quaest. Rom. 10. [3]) Döllinger S. 659. [4]) Döllinger S. 394.

гіи и магіи. Платонъ считаетъ звѣзды одушевленными, божественными существами, одаренными высшимъ разумомъ и значительною силою [1]. Аристотель говоритъ, что свѣтила обладаютъ высшею и божественною душею и имѣютъ несомнѣнное вліяніе на землю, находящуюся въ центрѣ міроздаиія [2]. Даже пантеистическій матеріализмъ стоиковъ допускалъ, что звѣзды, какъ части міроваго бога, должны въ свою очередь считаться богами и посредствомъ своихъ движеній управляютъ судьбою низшихъ существъ [3]. Полный атеизмъ системы Эпикура исключалъ конечно вмѣшательство всякой высшей силы въ дѣла людей [4], но большинство его послѣдователей проводили только его ученіе въ жизнь, и, не заботясь ни о научномъ его расширеніи, ни о пропагандѣ [5], не могли искоренить въ массахъ вѣру въ магію и астрологію. Такимъ образомъ въ Римѣ было множество матеріаловъ для развитія волшебства; духъ религіи и философіи содѣйствовалъ его процвѣтанію; суевѣрное настроеніе народа съ жадностью воспринимало все таинственное и чудесное. Въ вседневной жизни представлялось множество случаевъ, въ которыхъ необходимо было или узнать будущее или измѣнить въ свою пользу естественное теченіе событій. Если женщинѣ нужно было приковать къ своей особѣ вѣтрянаго мужа или любовника, она добывала любовный напитокъ *philtrum*, приготовлявшійся съ разными магическими церемоніями. Если дряхлому старику нужно было искуственнымъ образомъ поддержать гаснущія страсти, онъ обращался къ медицинскому колдовству. Если нужно было извести врага, и за этимъ дѣломъ обращались къ различнымъ заклинаніямъ. Тиверія обвиняли въ томъ, что онъ такими чарами убилъ Германика и въ его домѣ надъ половицами были найдены полусгнившіе остатки труповъ, обгорѣлыя и кровавыя кости и свинцовыя доски, на которыхъ рядомъ съ именемъ Германика были написаны разныя проклятія и таинственныя изреченія [6]. При магическихъ церемоніяхъ часто требовались человѣческія жертвы; при развитіи рабства, этимъ потребностямъ удовлетворять было не трудно и владѣтель, нисколько не задумываясь, могъ рѣзать въ своихъ мистеріяхъ и взрослыхъ и дѣтей; до исчезновенія раба ни государству, ни закону не было дѣла. Цицеронъ [7]) говорилъ въ глаза Ватинію: «Ты вызываешь

---

[1]) Döllinger S. 285. [2]) Aristot. De coelo II, 12. [3]) *Cicero* Nat. deor. II, 15 Acad. quaest. II. 37. [4]) *Zeller*. Philosophie der Griechen, Bd. III. S. 239. [5]) *Zeller*. Th. III. S. 329. S. 386. [6]) Tacit. Ann. II. 69. [7]) In Vatin. c. 6.

духи усопшихъ и приносишь въ жертву подземнымъ богамъ внутренности дѣтей.» Ювеналъ [1]) говоритъ о коммагенскомъ аруспиціи: »онъ разсматриваетъ грудь цыпленка, кишки щенка, а порою и внутренности мальчиковъ«. Существовалъ также обычай при важныхъ заклинаніяхъ вырѣзывать незрѣлый плодъ изъ живота беременной женщины [2]). Послѣ смерти императора Юліана нашли въ одномъ храмѣ, въ которомъ онъ совершалъ тайны жертвоприношенія, мертвую женщину; она была повѣшена за волосы и животъ ея былъ взрѣзанъ [3]). Магія подавала поводъ ко многимъ злодѣяніямъ и по цѣлямъ, къ которымъ она стремилась, и по средствамъ, которыя она употребляла. Правительство неразъ пробовало выгонять астрологовъ и математиковъ [4]), но здѣсь, какъ и вездѣ, попытки правительства не могли искоренить зла, лежавшаго глубоко въ народныхъ вѣрованіяхъ и удовлетворявшаго насущнымъ потребностямъ массы. Тиверій удалилъ магиковъ изъ Италіи, сбросилъ съ скалы математика Питуанія [5]), а самъ постоянно держалъ при себѣ астролога Тразилла [6]) и, на основаніи его наставленій, предсказалъ Гальбѣ, что онъ будетъ императоромъ [7]). Высшія формы магіи были некромантія или вызываніе духовъ и теургія или вызываніе боговъ; въ ту и въ друвую крѣпко вѣрили новоплатоники [8]), въ ученіи которыхъ перемѣшались результаты строгаго мышленія и созданія болѣзненной фантазіи, вѣрованія Запада и Востока, словомъ почти все, что выработала языческая цивилизація. — Легковѣріемъ народа и его стремленіемъ къ сверхчувственному міру пользовались такимъ образомъ и жрецы и магики, и астрологи и простые шарлатаны. Даже люди простаго званія, нищіе и рабы успѣвали поживиться отъ суевѣрія массы. Кругомъ храмовъ бродили цѣлыя кучи одержимыхъ божествомъ; немытые, нечесаные, они смотрѣли дикимъ взоромъ на проходящихъ, вертѣли члены, закидывали голову и приходили въ состояніе полнаго бѣшенства, причемъ произносили отрывистыя слова и предсказывали будущее [9]). Этихъ людей было такъ много, что для нихъ существовало даже особенное имя, по гречески τεολεπτικοι, (теолептики) по латынѣ *fanatici* (fanum-храмъ). Римскіе юристы разбирали даже вопросъ: если проданный рабъ окажется фанатикомъ, закидывав-

---

¹) Sat. VI. v. 550. ²) Lucan. Phars. VI. v. 554. ³) Theod. H. S. III, 21. 22. ⁴) Tac. Ann. II. 32 XII, 52. Hist. II. 62. ⁵) Tac. Ann. II, 32. ⁶) — — VI. 20. 21. ⁷) — VI. 20 ⁸) Döllinger. 662. ⁹) Minucius Felix Octav. 27.

шимъ голову и предсказывавшимъ будущее, то составляетъ ли такой скрытый порокъ достаточную причину для уничтоженія торга[1])? Изъ этого ясно, что во 1-ыхъ рабы любили предаваться этому выгодному и нетрудному занятію, и что, во 2-ыхъ фанатиковъ (въ спеціальномъ смыслѣ) было такъ много, что на это явленіе пришлось обратить вниманіе закона.

Какое общее заключеніе можно сдѣлать изъ этого очерка языческихъ религій? То, мнѣ кажется, что реформа была необходима. Каждый мыслящій и честный человѣкъ видѣлъ, что положеніе дѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ было изъ рукъ вонъ плохо. Религія истощила свои живыя силы; самые завѣтные догматы были подорваны въ общественномъ мнѣніи; въ промыслъ и въ безсмертіе души не вѣрили; нравственность не поддерживалась ни страхомъ, ни надеждою,- а къ безкорыстной нравственности способны немногіе; что осталось изъ религіи, то было вредно; а остались сладострастные миѳы и безнравственныя мистеріи, развращавшія юношество и поощрявшіе всякаго рода чувственные, желанія, кровосмѣсители опирались на примѣры Зевса, бывшаго любовникомъ матери (Димитры), сестры (Геры) и дочери (Прозерпины); многіе любовались на Зевса и Ганимеда; соблазнители дѣвушекъ и дѣвушки припоминали Данаю, Европу и Леду; воры приносили жертвы Гермесу; публичныя женщины становились подъ покровительство Афродиты. Догматы были подорваны, а обряды только усилились; суевѣріе притупило умъ народа, стѣснило творческую фантазію и превратило антропоморфизмъ въ бездушный и безсмысленный фетишизмъ. Религіозное чувство, послѣднѣе убѣжище народа, выдохлось; остались формы и сдавленное ими, мельчало и тупѣло выроставшее поколѣніе. На это печальное положеніе дѣлъ не могли смотрѣть равнодушно мыслители. Они говорили, но жили съ народомъ въ совершенно различныхъ сферахъ; ихъ не слыхалъ народъ; многіе гнушались имъ, и не безъ причины; если и случалось народу поймать на-лету философскую мысль, онъ коверкалъ ее такъ, что отъ нея отступился бы самъ творецъ ея.. Нуженъ былъ и здѣсь, еще болѣе нежели въ государственной жизни, практическій реформаторъ, любящій «малыхъ сихъ», знающій ихъ нужды, непренебрегающій ихъ умственною нищетою, пережившій на себѣ ихъ мелкія горести,

---

[1]) Digest. 21. 1. 1. 9.

ихъ обыденныя страданія, на которыя такъ гордо смотрѣлъ съ высоты мысли и стоикъ и эпикуреецъ. Нужна была любовь; нужно было мягкое сердце; нужна была горячая голова, способная воспламенить другихъ и вызвать ихъ силою изъ нравственнаго униженія.

VIII.

Философы стояли въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ въ отношеніи къ миѳамъ и къ народному богопочитанію. Всѣ они сходились между собою на томъ, что считали настоящее положеніе дѣлъ невыносимымъ и предлагали средства для исправленія народной логики и народной нравственности. Въ предлагаемыхъ средствахъ замѣчается самое пестрое разнообразіе. Одна сторона откинула всякую религію и въ религіозномъ чувствѣ видитъ корень всѣхъ современныхъ заблужденій; другая оплакиваетъ упадокъ религіознаго чувства и хочетъ реформировать господствующую религію, вдохнуть новую жизнь и здоровый разумъ въ одряхлѣвшія и обезсмысленныя формы. Мыслители, стоящіе по срединѣ, развиваютъ свое нравственное ученіе, не заботясь о томъ, чтобы привести его въ какія бы то ни было отношенія съ существующимъ порядкомъ вещей. Они далеки отъ полемическаго характера первыхъ и аналогическаго характера вторыхъ; они равнодушны ко всему, что дѣлается внѣ ихъ мыслящей личности и возводятъ это равнодушіе въ теорію. Они самостоятельнымъ путемъ доходятъ до восточнаго квіетизма и только легкая иронія, съ которою они относятся къ явленіямъ современности, доказываетъ, что самоуглубленіе индѣйскаго Іоги не въ духѣ западнаго Европейца. Всѣ очерченныя мною группы мыслителей, невѣрующіе эпикурейцы и скептики, вѣрующіе платоники и пиѳагорейцы, и равнодушные стоики-эклектики отличаются практическимъ направленіемъ своихъ ученій. Чтобы охарактеризовать ихъ ученіе, необходимо бросить взглядъ назадъ, на цвѣтущее время эллинизма. Не вдаваясь въ историческое изложеніе развитія греческой философіи, я ограничусь тѣмъ, что въ самыхъ краткихъ чертахъ обозначу характеръ тѣхъ трехъ направленій, которыя развивались и видоизмѣнялись въ разсматриваемую мною эпоху. Платонъ, Эпикуръ и Зенонъ стоятъ

во главѣ этихъ трехъ ученій. Говорить подробно о Платонѣ я считаю лишнимъ, потому что общій характеръ его ученія уже былъ переданъ мной читателямъ Рус. Слова. (См. идеализмъ Платона Апр. кн). Поэтому я прямо перехожу къ результатамъ его философіи. Философія Платона похожа болѣе на религію, чѣмъ на научную систему. Односторонность замѣчается преимущественно въ воззрѣніи мыслителя на человѣческую душу. Только мысли дано право гражданства. Чувство, фантазія — вовсе исключены; ихъ надо давить и искоренять. Принимая матерію за зло, считая тѣло тюрьмою души, Платонъ совершенно уничтожаетъ эстетическое чувство; кто уважаетъ *только* вѣрность идеи, тотъ не способенъ цѣнить красоту формы и пластичность образа. Свободное творчество и свободная критика должны быть чужды идеальному человѣку Платона. Для свободнаго творчества нужна фантазія, а всякая примѣсь къ божественному разуму оскверняетъ его, по мнѣнію Платона, и должна быть выбрасываема, стало быть и фантазія, показывающая идею въ образѣ, вредитъ и мѣшаетъ созерцанію истины. Свободная критика ведетъ къ сомнѣніямъ и къ индивидуальнымъ воззрѣніямъ, а то и другое, по ученію философа, предосудительно, потому что первое разрушаетъ спокойное созерцаніе, а второе — придаетъ этому созерцанію своеобразную форму; гдѣ нѣтъ ни свободнаго творчества, ни свободной критики, тамъ нѣтъ жизни мысли. Самъ Платонъ создалъ свою философскую систему при помощи фантазіи и критики. Желая превратить остальное человѣчество въ конгрегацію вѣрующихъ адептовъ, онъ, подобно Аристотелю, стираетъ личность, отвергаетъ историческій прогрессъ и является поборникомъ самаго возмутительнаго деспотизма, какого испугался бы онъ самъ въ дѣйствительности.

IX.

Ученіе, діаметрально противуположное платонизму, развилъ Эпикуръ (340—270 до Р. Х.). Принимая свидѣтельство нашихъ чувствъ за единственный достовѣрный источникъ знанія [1], Эпикуръ не

---

[1]) *Lucretius.* De rer. nat. IV. 280 ff.

строитъ никакой теоріи; о мірозданіи онъ знаетъ только то, что все сложилось само собою, по внутренней необходимости, безъ вмѣшательства боговъ и высшихъ безтѣлесныхъ существъ. Какъ все это сложилось, Эпикуръ объясняетъ гипотезою, не придавая ей значительной возможности. Все въ природѣ, по мнѣнію Эпикура, безцѣльно, случайно и между тѣмъ основано на естественной связи причины и слѣдствія [1]. Все ученіе имѣетъ практическое направленіе. Эпикуръ хочетъ уничтожить суевѣріе, и понимаетъ подъ этимъ именемъ идею божества и промысла. Для этого онъ доказываетъ безцѣльность созданія и отсутствіе того міроваго разума, который Платонъ воплотилъ въ личности димiурга. Не отходя ни на шагъ отъ міра видимыхъ явленій, Эпикуръ на непосредственномъ наблюденіи физическихъ законовъ строитъ свою гипотезу о происхожденіи міра. Онъ принимаетъ вѣчность матеріи, потому что ничто въ мірѣ не уничтожается и не возникаетъ изъ ничего [2]; согласно съ новѣйшею жизнію, Эпикуръ полагаетъ, что всѣ тѣла состоятъ изъ атомовъ; эти атомы, по его мнѣнію, носились въ пространствѣ, потомъ, сталкиваясь между собою, приходили въ вращательное движеніе, образовали тѣла и принимали разныя свойства, какъ-то цвѣтъ, форму и теплоту [3]. Атомы вѣчны; соединенія ихъ между собою временны. На постоянномъ ихъ переходѣ изъ одной формы въ другую основано кругообращеніе матеріи, явленія рожденія и смерти, развитія и размноженія. Душа человѣка по мнѣнію Эпикура состоитъ изъ тончайшихъ атомовъ, неимѣющихъ даже ощутительнаго вѣса [4]. Эти атомы распространены по всему тѣлу [5], а тѣ, въ которыхъ заключается сила мышленія и чувства, живутъ въ груди [6]. При разрушеніи тѣла, атомы души мгновенно разлетаются [7], и такимъ образомъ прекращается сознаніе и уничтожается личность. Это воззрѣніе Эпикурейцы считаютъ очень утѣшительнымъ, потому что оно избавляетъ отъ вѣры въ ужасы преисподней [8]. Эпикуръ принимаетъ совершенную свободу человѣческой воли и отвергаетъ всякаго рода предопредѣленіе и фатализмъ [9]. Развитіе отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества онъ объясняетъ естественною связью причины и слѣдствія [10]. Къ народной религіи Лукрецій

---

[1]) Lucr. I. 1021—1041. II. 699. IV. 821. V. 196. 420. 921. [2]) Lucr. I. 150. [3]) Lucr. II. 216. 284. I. 1020. [4]) Lucr. III. 178. 232. 270. [5]) Lucr. III. 217. [6]) Lucr. III. 94. 137. 397. [7]) Lucr. III. 418—841. [8]) Lucr. III. 25. 37. [9]) Lucr. IV. 475. [10]) Lucr. V. 923. 1090.

относится такъ: «Подавленная тяжелымъ культомъ, человѣческая жизнь лежала во прахѣ; религія, возвышаясь надъ смертными, показывала съ неба страшную голову, наполнявшую ихъ ужасомъ. Смертный Грекъ первый рѣшился взглянуть ей въ глаза и выступить ея противникомъ. Ни храмы боговъ, ни молніи, ни грозный ропотъ неба не остановили его; напротивъ отъ этого возрастало его мужество и усиливалось желаніе первому сбить запоры съ затворенныхъ дверей природы. Живая сила духа превозмогла, онъ вышелъ за пламенѣющіе предѣлы міра и работою мысли измѣрилъ все необъятное. И вотъ побѣдитель разсказываетъ намъ, что̀ можетъ случиться и что невозможно; онъ говоритъ намъ, что каждая сила получаетъ опредѣленныя границы, выше которой не могутъ распространяться ея дѣйствія. И теперь религія въ свою очередь побѣждена и брошена подъ ноги; насъ побѣда возноситъ до неба. Я боюсь, ты упрекнешь меня, что я ввожу тебя въ школу безбожія и ставлю на путь преступленія. Напротивъ эта религія гораздо чаще порождала зло и несчастіе. Вспомни какъ ужасно избранные вожди Данаевъ, лучшіе люди, въ Авлидѣ обагрили кровью Ифигеніи жертвенникъ Артемиды. Жертвенная повязка покрыла дѣвическій уборъ; убитый горемъ, отецъ стоялъ у жертвенника, жрецы скрывали отъ него роковое желѣзо; глядя на него, граждане проливали слезы, и дѣва, онѣмѣвши отъ страха, упала на колѣни и лишилась чувствъ. И не спасло несчастную то, что она была старшая дочь короля, что она первая назвала его именемъ отца. Ее подняли люди и дрожащую понесли на рукахъ къ жертвеннику; не на бракъ ее вели, не къ знатному жениху; ее, невинную дѣву, въ самый день свадьбы, родной отецъ собирается зарѣзать на алтарѣ, чтобы флотъ дошелъ счастливо съ попутнымъ вѣтромъ; вотъ сколько бѣдствій могла причинить религія [1].» Это̀ знаменитое мѣсто Лукреція указываетъ на двѣ замѣчательныя черты эпикурейскаго міросозерцанія. Во-первыхъ, Лукрецій не отличаетъ религію отъ суевѣрія, и отвергаетъ внутреннія основы религіознаго чувства, полагаа, что изученіе природы подрываетъ всякое благоговѣніе. Во вторыхъ, онъ преслѣдуетъ въ религіи не столько внутреннюю нелогичность, каторую онъ въ ней подозрѣваетъ, сколько безнравственность, которую влечетъ за собой духъ греческаго религіознаго міросозерцанія. Стало-быть, первая черта указываетъ на

[1]) Lucr. I. 62—101.

обширность эпикурейскаго отрицанія, а вторая на практическое направленіе этого отрицанія. Эпикуреизмъ почти не отдѣляетъ очищеннаго идеализма Платона и фатализма стоиковъ отъ заблужденій народной религіи. Живое эстетическое чувство [1]) влекло одного Эпикура къ созданію идеальныхъ существъ, одаренныхъ всѣми физическими и нравственными совершенствами, вѣчно живущихъ и вѣчно блаженныхъ. Онъ воплотилъ идеалы въ образахъ антропоморфическихъ боговъ, неимѣющихъ ничего общаго ни съ міротвореніемъ, ни съ міроуправленіемъ, ни съ ловкими интересами людей и земли. Свободные отъ заботъ и трудовъ, неволнуемые ни страстями, ни желаніями, они живутъ въ вѣчно свѣтлой и веселой атмосферѣ въ такъ-называемыхъ *интермундіяхъ*, т. е. въ пространствахъ между мірами.

Что особенно отличаетъ философію Эпикура—это полная свобода мысли, не исключающая ни одной способности человѣческой души. Пусть фантазія свободно творитъ свои образы, пусть чувство манитъ къ такимъ представленіямъ, которыя непонятны трезвому критическому уму, Эпикуръ не отвергаетъ этихъ причудливыхъ, но прелестныхъ созданій. Онъ только не даетъ имъ практическаго значенія, не позволяетъ основать на нихъ теорію мірозданія, но признаетъ ихъ освѣжающее и живительное вліяніе на личность художника и человѣка. Если припомнить сужденія Платона и Аристотеля о Грекахъ и о варварахъ, если припомнить, далѣе, что Платонъ предлагалъ въ своей республикѣ ввести коммунизмъ женъ, а Аристотель подвергалъ сомнѣнію существованіе добродѣтели у женщины, то изъ этихъ данныхъ можно вывести заключеніе, что личность человѣка въ системѣ Эпикура пользуется такимъ уваженіемъ и такою свободою, какихъ не знала до него классическая древность.

Боги у Эпикура существуютъ какъ свободныя созданія фантазіи и не связываютъ людей никакими практическими обязательствами. Такъ какъ въ жизни люди съ ними не сталкиваются, а послѣ смерти человѣческая личность уничтожается, то представленіе этихъ боговъ совершенно уживается съ Эпикуровымъ атеизмомъ. Нравственная философія его по своему духу находится въ органической связи съ его понятіями о богахъ и ихъ отношеніи къ людямъ. Въ ней проводится та мысль, что благо недѣлимыхъ должно быть конечною цѣлью всякой человѣческой дѣя-

[1]) *Zeller*. III. S. 238.

тельности [1]). Не признавая закона, даннаго свыше, Эпикуръ считаетъ единственнымъ безусловнымъ добромъ наслажденіе, единственнымъ безусловнымъ зломъ — страданіе [2]). Но всякое положительное наслажденіе основано на удовлетвореніи потребности, слѣдовательно на страданіи, которое должно быть устранено. Поэтому, всякое наслажденіе имѣетъ конечною цѣлью уничтоженіе страданія, и потому высшее благо для человѣка есть душевное спокойствіе и тѣлесное довольство, происходящее отъ удовлетворенія всѣхъ потребностей. Чѣмъ малочисленнѣе эти потребности, чѣмъ онѣ скромнѣе, тѣмъ легче могутъ онѣ быть удовлетворены, и потому тѣмъ достижимѣе идеалъ блаженства. По мнѣнію Эпикура, пишетъ Целлеръ (Phil. der Griechen III, s 245), «не пьянство и пиры, не любовь къ женщинамъ, не удовольствія стола дѣлаютъ жизнь пріятною, а трезвый умъ, изслѣдывающій причины нашей дѣятельности и нашихъ стремленій, и прогоняющій величайшихъ враговъ нашего спокойствія — предразсудки». Наслажденія и страданія души по мнѣнію Эпикура сильнѣе физическаго удовольствія и физической боли; въ первомъ случаѣ мы испытываемъ посредствомъ воспоминанія прошедшія, а посредствомъ страха или надежды будущія горести и радости, которыя усиливаютъ впечатлѣнія настоящей минуты. Во второмъ мы переживаемъ только въ настоящемъ ощущенія боли или удовольствія, и состояніе души воспоминающей о прошедшемъ, смотрящей въ будущее и наслаждающейся созерцаніемъ мысли, можетъ заглушать или ослаблять страданія тѣла [3]). Впрочемъ Эпикуръ нигдѣ не высказываетъ стоическаго презрѣнія къ страданію; онъ утѣшаетъ страждущихъ болѣе доступною идеею: «сильныя страданія, говоритъ онъ, продолжаются недолго, а при посредственныхъ страданіяхъ можетъ быть наслажденіе, до нѣкоторой степени заглушающее и перевѣшивающее боль [4])». Эпикуръ не отдѣляетъ блаженства отъ добродѣтели, но говоритъ, что не добродѣтель сама по себѣ дѣлаетъ человѣка счастливымъ, а то наслажденіе, которое изъ нея выходитъ. Добродѣтель не составляетъ для него цѣли, это только средство достигнуть блаженной жизни, но зато онъ считаетъ это средство вѣрнымъ и необходимымъ [5]). Мудрецъ Эпикура стоитъ выше страданія, но не требуетъ этого отъ другихъ людей, и потому способенъ чувствовать жалость [6]), хотя это чувство не долж-

---

[1]) *Zeller.* S. 242. [2]) Zeller. S. 243. [3]) *Cicero.* Quaest. Tusc. V. 33—96. [4]) *Zeller.* S. 249. [5]) Sen. ep. 85. [6]) Diog. Sel. X. 117, 118, 119.

но мѣшать его философской дѣятельности; онъ не презираетъ наслажденія, но управляетъ своими чувственными стремленіями и, умѣряя ихъ силою мысли, не позволяетъ имъ оказывать вредное вліяніе на его жизнь. Мудрецъ стоитъ выше обстоятельствъ и можетъ быть счастливъ во всякомъ положеніи. «У Эпикура, говоритъ Целлеръ [1]) выразилось стремленіе общее всѣмъ школамъ послѣ аристотелевской философіи — дать человѣку свободу и самостоятельность и сдѣлать его независимымъ отъ всего внѣшняго въ безконечности его мыслящаго самосознанія». Отдѣльныя правила жизни, предписанныя Эпикуромъ, направлены къ тому, чтобы умѣрить страсти и похоти и такимъ образомъ привести человѣка къ полному довольству собою и жизнью. Внутреннее спокойствіе составляетъ счастье мудреца, котораго не отнимутъ у него ни бѣдность, ни незнатность; естественнымъ потребностямъ удовлетворить не трудно, а отъ удобствъ, составляющихъ роскошь жизни, мудрецъ не отказывается, но не ставитъ отъ нихъ въ зависимость свое внутреннее довольство. Не подавляя чувственности, Эпикуръ умѣряетъ и ограничиваетъ его. Мудрецъ не долженъ жить циникомъ или нищимъ; онъ можетъ наслаждаться всѣми удобствами жизни, всею прелестью изящной обстановки, всѣми оттѣнками пріятныхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ ощущеній [2]); нужно только, чтобы случившаяся потеря этихъ благъ не сдѣлала его несчастнымъ; «его умѣренность, говоритъ Целлеръ [3]), состоитъ не въ томъ, что онъ не многимъ пользуется, а въ томъ, что онъ въ немногомъ нуждается». Циникъ съ умысловъ бросаетъ удобства жизни, Эпикуреецъ умѣетъ только при случаѣ обходиться безъ нихъ.

Циники и стоики насилуютъ природу человѣка, а Эпикурейцы только приводятъ ее въ естественцыя границы и даютъ ей разумное направленіе. Эпикуреецъ не боится смерти, и рѣшается на самоубійство, если нѣтъ другаго средства избавиться отъ невыносимыхъ страданій, напр. если онъ осужденъ на мучительную казнь или болѣнъ неизлѣчимою тяжкою болѣзнью; но, такъ какъ ни лишенія, ни временная болѣзнь не могутъ помѣшать его внутреннему довольству, то самоубійство возможно только тогда, когда и безъ того предстоитъ за длиннымъ рядомъ страданій неизбѣжная смерть. Короче, Эпикуреецъ не ищетъ смерти, но умѣетъ въ случаѣ надобности помириться и съ нею. Онъ постоянно—ищетъ возможно лучшаго и въ то же время

---

[1]) Bd. III. 252. [2]) Diog. X. 119, 120, 121. [3]) Bd. III. S. 255.

довольствуется наличнымъ. Въ немъ соединяется элементъ движенія съ элементомъ спокойствія; это соединеніе по самой сущности своей исключаетъ и тревогу и апатію. — «Эпикуръ, пишетъ Сенека, одинаково осуждаетъ тѣхъ, кто стремится къ смерти и тѣхъ, кто ея боится; онъ говоритъ: смѣшно бѣжать къ смерти отъ пресыщенія жизнью, когда родомъ жизни ты самъ сдѣлалъ то, что надо бѣжать къ смерти [1]). —Гражданскаго долга Эпикуръ не признаетъ, во 1-ыхъ потому, что для него вообще не существуетъ понятія долга, во 2-ыхъ потому что онъ понимаетъ гражданское общество только какъ охранительное учрежденіе, котораго конечная цѣль есть безопасность отдѣльной личности. Должность правительственная дѣлается такимъ образомъ чисто полицейскою, причемъ въ различныхъ степеняхъ измѣняются только размѣры поприща. Очень понятно, что Эпикуръ предоставляетъ эти должности тѣмъ, кто не можетъ заняться лучшимъ; его мудрецъ составляетъ въ государствѣ охраняемое, а охранителями являются люди менѣе развитые или по крайней мѣрѣ неимѣющіе всеобъемлющаго развитія. Эпикуръ, по словамъ Сенеки [2]), говоритъ: пусть мудрецъ не приступаетъ къ правительвенной дѣятельности, если ни что не принудитъ». Зенонъ говоритъ: пусть приступитъ, если ни что не помѣшаетъ.» Золотая середина, по мнѣнію Эпикура, всего вѣрнѣе ведетъ къ счастью, и обезпеченный частный человѣкъ можетъ быть гораздо спокойнѣе, нежели правитель государства. — Любопытно сравнить воззрѣнія Эпикура на государства съ убѣжденіями Вильгельма Гумбольдта, высказанными въ первомъ его политическомъ разсужденіи: »Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen » Мы найдемъ въ томъ и въ другомъ сильное развитіе индивидуализма и низведеніе государства на степень охранительнаго учрежденія. Эти сходныя мысли даже высказаны въ сходныхъ выраженіяхъ. Ослабляя узы тѣхъ отношеній, въ которыя человѣкъ поставленъ рожденіемъ, какъ гражданинъ государства и какъ членъ семейства, Эпикуръ придаетъ особенно важное значеніе тѣмъ связямъ, которыя основаны на взаимной наклонности. Онъ высоко цѣнитъ дружбу, называетъ ее высшимъ благомъ жизни [3]) и говоритъ, что мудрецъ можетъ даже рѣшиться для друга на величайшія страданія и смерть. И это нисколько не противорѣчитъ эгоистическому духу всего ученія; умирая за друга, эпикуреецъ не наспуетъ своей при-

[1]) Sen. Epistola 24, 80. [2]) De otio sapientium 30. [3]) Diog. X 148.

роды; онъ дѣлаетъ это потому, что ему легче умереть, нежели видѣть или знать, что умираетъ или страдаетъ его другъ. — Если прибавить къ этой характеристтикѣ эпикуреизма извѣстія о личномъ характерѣ Эпикура, отличавшагося кротостью, любящимъ сердцемъ, преданностью къ друзьямъ и гуманностію къ своимъ рабамъ [1]), то не трудно будетъ убѣдиться, что вся его нравственная философія основана на непосредственномъ чувствѣ и потому носитъ на себѣ характеръ неподдѣльной искренности. Эпикуръ не заботится о томъ, чтобы провести въ своемъ ученіи до конца какую-нибудь идею, онъ руководствуется тѣмъ, что подсказываетъ ему чувство, и потому, если его положенія не всегда вытекаютъ одно изъ другаго, то по крайней мѣрѣ всѣ они вытекаютъ изъ одного міросозерцанія, изъ одной человѣческой личности, которой образъ очень отчетливо рисуется во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ ученія. Это ученіе должно было дѣйствовать на различныхъ людей различно и результаты его вліянія должны были рѣзко отличаться другъ отъ друга, смотря по личному характеру воспринимавшаго его человѣка. Ни одно ученіе не открываетъ такого обширнаго поля свободѣ личности, и потому ни одно ученіе болѣе эпикуреизма не подаетъ повода къ злоупотребленіямъ. Нѣтъ ничего легче, какъ оправдать имъ всякую безнравственность. «Мнѣ это доставляетъ наслажденіе, я такъ и поступаю», говорили многіе порочные люди древности, опираясь на Эпикура, котораго они не понимали или не хотѣли понимать.

Въ Римѣ ученіе Эпикура рано нашло себѣ многочисленныхъ послѣдователей [2]) Замѣчательнѣйшимъ и самымъ талантливымъ толкователемъ Эпикура былъ безспорно Лукрецій. Его знаменитое стихотвореніе о природѣ вещей служитъ главнымъ источникомъ для изученія эпикуровой физики. Послѣ Лукреція Эпикуръ не выдерживаетъ ни чьей научной обработки и остается до паденія греко-римскаго міра безъ всякаго измѣненія. Замѣчательно, что эпикуреизмъ не породилъ философскихъ сектъ; кто предавался ему, тотъ предавался всей душою, принималъ все міросозерцаніе учителя и, успокоившись на немъ, проводилъ въ жизнь его совѣты, не заботясь о дальнѣйшей ихъ теоретической разработкѣ. Такимъ замѣчательнымъ эпикурейцемъ былъ Лукіанъ Самосатскій, обсуживавшій съ точки зрѣнія своей школы и осмѣивавшій съ непо-

---

[1]) Diog. X 9. Cic. Tusc. quaest. II. 19. 44. Cic. Fin. II. 25. 81. [2]) Cicero Tusc. IV. 3.

дражаемымъ остроуміемъ несообразности и грязныя стороны современнаго ему язычества. Дѣятельность этого Вольтера древности была чисто—практическая; въ умозрительныя изслѣдовінія онъ не пускался; основывать свое ученіе на новыхъ доказательствахъ, отстаивать его вѣрность, и такимъ образомъ доставлять ему вліяніе на массы, онъ считалъ излишнимъ и шелъ къ той же цѣли путемъ отрицанія и ожесточенною полемикою съ существующимъ порядкомъ вещей. Если Лукіанъ можетъ быть принятъ за представителя умственныхъ стремленій позднѣйшаго эпикуреизма, то эротическіе поэты, подобные Горацію, Проперцію и Тибуллу могутъ считаться представителями его нравственныхъ тенденцій, какъ ихъ понимало разлагающееся общество императорскаго Рима. Горацій въ своихъ сатирахъ приближается къ идеалу эпикурова мудреца; но зато Горацій въ одахъ и эпизодахъ беретъ самую чувственную сторону этого ученія и, извращая его истинный смыслъ, оскорбляетъ иногда эстетическое чувство читателя своими пѣснями публичнымъ женщинамъ и растлѣннымъ мальчикамъ. — Еще ниже стоятъ въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи Тибуллъ и Проперцій, пѣвцы грязной и приторной чувственности. Конечно, если принимать такихъ людей за представителей эпикуреизма, то можно отъ него отвернуться съ презрѣніемъ. Но даже сама мыслящая древность смотрѣла на эпикурейцевъ иначе и понимала, что эти неглубокіе дилеттанты, несмотря на обширное вліяніе своей на толпу читателей, не могутъ быть поборниками философскаго ученія. Ни Цицеронъ, ни строгій стоикъ Сенека не любили эпикуреизма, а между тѣмъ оба они сознаются, что современные имъ послѣдователи Эпикура были большею частью честные люди, дорожившіе жизнью мысли и понимавшіе безкорыстную и искреннюю дружбу[1]). Я больше не возвращусь къ Эпикуреизму и потому выставлю здѣсь выдающіяся черты его вліянія на нравственность и его отношенія къ народной религіи. Онъ поощрялъ развитіе чувственности въ неразвитыхъ людяхъ, небывшихъ въ состояніи подняться на высоту философской мысли. Онъ избавлялъ отъ страха загробныхъ наказаній и снималъ такимъ образомъ послѣднюю узду съ животныхъ страстей человѣка. Людей съ тонкимъ умомъ и развитымъ эстетическимъ чувствомъ онъ приводилъ къ сладкому спокойствію, и потому не было примѣровъ, чтобы эпикуреецъ сдѣлался эклектикомъ или приверженцемъ

[1]) H. Ritter IV. S. 104.

другаго ученія. Съ религіею вообще онъ былъ въ открытой и непримиримой враждѣ, и потому не могъ имѣть на народъ никакого вліянія. Вѣрующіе язычники ненавидѣли эпикурейцевъ наравнѣ съ христіанами и выгоняли ихъ какъ безбожниковъ изъ храмовъ и мистерій. — Несравненно большимъ вліяніемъ пользовались поэты, разработывавшіе по-своему нравственное ученіе Эпикура. Тѣ не касались личностей боговъ, не преслѣдовали суевѣрія, а только подрывали отвлеченные догматы, которыми не особенно дорожилъ народъ. Къ тому же, когда протестъ противъ религіи выражался въ заманчивой формѣ апологіи чувственности, онъ всегда находилъ себѣ доступъ и вызывалъ сочувствіе. — Эпикуреизмъ самъ по себѣ не есть безнравственное ученіе, но что онъ содѣйствовалъ развитію безнравственности и тупой изнѣженности въ массахъ это составляетъ общепризнанный и очень понятный фактъ [1]), основанный на степени умственнаго и нравственнаго развитія воспринимавшихъ его личностей.

X.

Стоицизмъ, основанный Зенономъ (340—260 до Р. Х.) и стоящій по-срединѣ между платонизмомъ и эпикуреизмомъ, принимаетъ только два неразлучныя между собою начала, матерію и движущую ее силу, которая, взятая въ полной совокупности, можетъ быть названа міровою душою или богомъ [2]). Весь міръ составляетъ одинъ огромный организмъ, а отдѣльныя существа могутъ быть разсматриваемы какъ его члены [3]). Всѣ эти члены связываются между собою единствомъ оживляющаго ихъ начала, міроваго огня, который въ то же время составляетъ управляющую міромъ необходимость и причину жизни и движенія. Эта необходимость исключаетъ всякую случайность и подчиняетъ себѣ все, что совершается въ мірѣ [4]). Богъ проникаетъ собою все сущее и весь стоицизмъ представляется такимъ образомъ фаталистическимъ и пантеистическимъ матеріализмомъ. На основаніи этого пантеизма части божества, звѣзды, земля, море, рѣки и пр. являются въ свою очередь богами и заслуживаютъ божескія почести [5]).

---

[1]) Zeller. III. S. 263. [2]) Dëllindez. S. 320. [3]) Döllinger S. 321. [4]) *Cicero* De fato 6. *Cicero* De divin. I, 55. [5]) Döllinger S. 322.

Звѣзды управляютъ судьбами низшихъ существъ, но сами онѣ, вмѣстѣ со всею вселенною, подвержены гибели и сгорятъ въ великомъ міровомъ пожарѣ, который, по мнѣнію стоиковъ, повторяется періодически, черезъ извѣстное число тысячелѣтій [1]). Сходясь съ Эпикуромъ въ матеріалистическомъ воззрѣніи, стоики не доходятъ однако до того холоднаго и трезваго эмпиризма, которымъ отличается изложенное мною выше ученіе. Эпикуръ отвергалъ въ природѣ разумность и не видѣлъ въ мірозданіи никакой общей цѣли; Зенонъ и его послѣдователи утверждаютъ, что все въ мірѣ устроено съ самою благою цѣлью; все, повидимому безполезное, безобразное и вредное имѣетъ въ природѣ свою особенную прелесть [2]); даже нравственное зло произошло не какъ случайное уклоненіе отъ нормы; оно произведено сознательно, какъ оттѣненіе добра, по тому необходимому закону симметріи, по которому всякое существо или свойство должно имѣть въ природѣ свою противоположность [3]). Такъ какъ зло является такимъ образомъ твореніемъ необходимости, то преступникъ не можетъ быть отвѣтственнымъ въ своемъ поступкѣ. Правда, этотъ фатализмъ, какъ видно изъ извѣстнаго анекдота о Зенонѣ и его рабѣ, не уничтожаетъ наказанія, которое оправдывается тѣмъ же фатализмомъ, но зато онъ уничтожилъ бы понятіе человѣческой свободы и подавилъ бы въ адептахъ ученія всякую энергію къ самостоятельной дѣятельности; чтобы спасти это драгоцѣнное понятіе, надо было погрѣшить противъ послѣдовательности. При преобладаніи практическаго интереса надъ чисто-научнымъ, это не представляло большаго затрудненія и Эпиктетъ говоритъ, что человѣкъ можетъ свободно распоряжаться внутренними дѣятельностями своего духа и что отъ него зависитъ судить, желать и избѣгать [4]). Человѣческая душа матеріальна; въ ней больше эѳира или божественнаго огня, нежели въ неодушевленныхъ и неразумныхъ существахъ, и потому она обладаетъ разумомъ, волею и самосознаніемъ. Все это подвержено уничтоженію, т. е. частицы эѳира послѣ разрушенія тѣла присоединяются къ общей массѣ міроваго огня или переходятъ въ новыя матеріальныя формы, а личность во всякомъ случаѣ теряетъ самосознаніе и слѣдовательно бытіе. Въ частностяхъ школа была несогласна внутри себя насчетъ судьбы души. Одни полагали, что разрушеніе ея происходитъ въ минуту

---

[1]) *Zeller.* III. S. 81. [2]) Marc. Aur. III, 2. [3]) Chrysippus apud Aul. Gell. Noctes. Atticae VI, 1. 2. [4]) Döllinger S. 323.

смерти, другіе давали ей времени до міроваго пожара, третьи думали наконецъ, что до міроваго пожара доживутъ въ очищенномъ видѣ души мудрецовъ, а что обыкновенныя и низкія души разрушатся вмѣстѣ съ тѣломъ [1]). Въ отношеніи къ народной религіи стоики держали себя двойственно и довольно нерѣшительно. Большинство миоовъ они считали нелѣпыми или безнравственными [2]), но презирая ихъ въ душѣ, совѣтовали уважать въ нихъ существующій порядокъ вещей. Храмовъ, говорятъ они, не должно было бы строить [3]), но ради народа въ нихъ должно вступать съ благоговѣніемъ [4]). Многіе миоы они старались толковать аллегорически, отыскивая въ нихъ физическое значеніе [5]). Обоготворенію людей они не сопротивлялись, потому что при ихъ пантеистическомъ воззрѣніи можно было обожать все, въ чемъ проявляется эоиръ [6]). Мантику они защищали, находя, сообразно съ своимъ фатализмомъ, естественную связь между предзнаменованіями и пресказываемыми ими событіями [7]). Та же божественная сила, разсуждали они, которая распорядилась будущимъ, побуждаетъ напримѣръ жреца выбрать такое жертвенное животное, во внутренностяхъ котораго окажутся соотвѣтствующіе знаки [8]). Стоики не признаютъ, подобно Платону, противоположности между матеріею и разумомъ. Вся добродѣтель, по ихъ ученію, заключается въ знаніи. Идеальный мудрецъ стоической школы обладаетъ всею полнотою разума, науки и добродѣтели; у него нѣтъ мнѣній, потому что онъ все знаетъ достовѣрно; нѣтъ страстей, потому что у него есть все и онъ слѣдовательно ничего не желаетъ. Онъ совершенно свободенъ, не можетъ ничего потерять, потому что то, что онъ считаетъ своимъ, неотъемлемо; онъ ни въ комъ не нуждается для своего блаженства и отождествляетъ свой разумъ съ божественною необходимостью, такъ что, при столкновеніи съ разными событіями, онъ заранѣе предвидитъ ихъ и совершенно мирится съ ними [9]). Такъ какъ мудрецъ совершенно свободенъ, и такъ какъ высшая цѣль его состоитъ въ достиженіи философской безстрастности, то эта цѣль оправдываетъ всякія средства и такимъ образомъ открываетъ поприще для самаго необузданнаго произвола личности. Самыя страшныя преступленія позволительны, если они ведутъ мудреца къ его цѣли [10]). Здѣсь стоицизмъ показы—

---

[1]) *Zeller* III. 105. [2]) *Cicero* Nat. deor II, 28. [3]) *Plutarch.* Stoic. rep. 6. [4]) Dollinger S. 325. [5]) *Cicero* N. D. III, 24. [6]) *Epictet.* Diss. I, 14. [7]) *Zeller.* III. S. 119. 22. [8]) Cis. De Divin. I, 18, 55, 57. [9]) Epictet. Diss III, 26. [10]) Plutarch. Stoic. rep. 22. Sext. Empir. Advers. Mathem. XI. 193.

вается съ такой стороны, которая можетъ дѣйствовать на массу такъ же вредно, какъ и теорія наслажденія Эпикура, потому что каждый воленъ считать себя за мудреца и поступать сообразно съ этимъ достоинствомъ. Въ этомъ отношеніи стоицизмъ хуже эпикуреизма и какъ умозрительная система и какъ школа практической нравственности. Его послѣднее положеніе, нелогично и безнравственно. Становясь на пьедесталъ абсолютной добродѣтели, стоики, сами того не замѣчая, подставляли на мѣсто ея удовлетвореніе своимъ личнымъ цѣлямъ и влеченіямъ и очень наивно оправдывали своею личною прихотью грязныя слабости и проступки. Зенонъ предавался педерастіи, и оправдывалъ ее какъ безразличное въ самомъ себѣ дѣйствіе [1]). До такихъ излишествъ, сколько извѣстно, не доходилъ ни Эпикуръ, ни лучшіе изъ его послѣдователей. Во взглядахъ стоиковъ на политику замѣтно постепенное охлажденіе къ гражданской дѣятельности, возраставшее по мѣрѣ того, какъ усиливался деспотизмъ и падала народная нравственность.

Такъ какъ истина одна, то разумная дѣятельность всѣхъ людей должна быть тожественна, потому что она воплощаетъ въ себѣ общій законъ. Этотъ общій законъ связываетъ между собою отдѣльныя личности въ гражданское общество. Дѣйствуя собственно для себя, стоическій мудрецъ дѣйствуетъ въ то же время на общую пользу, потому что его интересы и стремленія не расходятся съ законами необходимости, устроившей все для блага всѣхъ существъ вообще и разумныхъ въ особенности [2]). Что эта мысль исключаетъ позволительность преступленія — это ясно, такъ что разобранное мною положеніе стоицизма опровергается даже ихъ собственнымъ ученіемъ. Сильнѣе другихъ членовъ гражданскаго общества связаны между собою люди, сознающіе свою разумную природу и свое назначеніе, т. е. мудрецы, которые по сходству своихъ убѣжденій и добродѣтелей должны быть непремѣнно дружны между собою [3]). Эти мудрецы составляютъ въ ученіи стоиковъ хотя не замкнутую, но гордую аристократію, смотрящую очень презрительно и враждебно на все, что не входитъ въ ея составъ. Гражданская дѣятельность, къ которой направляетъ стоицизмъ своихъ адептовъ, имѣетъ цѣлью благо стоическихъ мудрецовъ, а не массы,

---

[1]) Sext. Empir. Hypot III. 200. [2]) *Cicero* Fin. III, 19. [3]) Cicero Nat. deor.

къ которой большая часть мыслителей древности относилась съ извѣстнымъ стихомъ Горація:

Odi profanum vulgus et arceo!...

Такъ какъ трудно управлять произвольно народомъ, которому не сочувствуешь, то Хризиппъ выражаетъ ту мысль, что государственный человѣкъ долженъ непремѣнно навлечь на себя неудовольствіе боговъ или народа [1]). Позднѣйшіе стоики разошлись еще болѣе съ народными стремленіями и стали совѣтовать мудрецу удаляться отъ государственныхъ дѣлъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности чистоту своей личности и спокойствіе внутренняго міра [2]). Эпиктетъ совѣтуетъ даже избѣгать супружеской жизни, чтобы остаться независимымъ отъ всякаго посторонняго вліянія, омрачающаго блаженство созерцательнаго мышленія [3]). Стоицизмъ подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ отрывается такимъ образомъ отъ практической жизни и теряется въ аскетизмѣ, развившемся во 2-мъ и 3-мъ вѣкѣ по Р. Х. подъ вліяніемъ восточной философіи, пережившимъ язычество и принявшимъ такіе громадные размѣры въ христіанскомъ подвижничествѣ, столпничествѣ и постничествѣ.

X.

Эти элементы разработывались мыслителями послѣднихъ дней римской республики и первыхъ вѣковъ имперіи. Ученія Платона, Эпикура и Зенона господствовали надъ умами и находили себѣ болѣе или менѣе вѣрныхъ и талантливыхъ толкователей и распространителей. Для моего предмета всего важнѣе отношеніе этихъ мыслителей къ народной религіи и потому я расположу характеристики ихъ ученій сообразно съ этимъ направленіемъ изслѣдованія. Всего враждебнѣе смотрѣли на религію эпикурейцы; ихъ идеи просты и ясны; они не хотятъ никакого соглашенія, никакого мира и отрицаютъ все, что не можетъ быть осязательно доказано и ощупано. Такое простое ученіе не могло получить особенно значительнаго научнаго развитія; опираясь непосредственно на опытъ, оно могло измѣниться только тогда, когда бы въ области опытныхъ наукъ произошли какія нибудь значитель-

---

[1]) Stobaeus Serm. 45, 29. [2]) Seneca. Epist. 29. [3]) Epictet Diss. III, 22.

ныя открытія; творческой фантазіи въ этой трезвой системѣ не было мѣста и потому одинъ мыслитель не могъ силою собственной мысли ни опрокинуть дѣло предшественника, ни надстроить надъ его зданіемъ свое новое. «Эпикурейская философія принимала очень незначительное участіе въ научномъ движеніи, говоритъ Целлеръ [1]). Она съ большою энергіею защищала свое міросозерцаніе противъ несогласныхъ съ нимъ воззрѣній, но не предоставляла послѣднимъ никакого вліянія надъ собою, и до такой степени довольствовалась ученіемъ своего основателя, что не пыталась даже развивать его дальше, и что изъ среды ея ни одинъ мыслитель не сдѣлался эклектикомъ». Это доказываетъ, что эпикуреизмъ былъ крайнею оппозиціею; дальше человѣческая мысль не могла идти въ отрицаніи; сомнѣваться въ свидѣтельствѣ существъ и въ собственномъ существованіи можно только для упражненія въ діалектикѣ, потому что еслибы даже видимые предметы были призраками, то они оказывали бы практическое вліяніе и потому мы поневолѣ должны были бы обращаться съ ними какъ съ дѣйствительно существующими вещами. И такъ, кто доходилъ до простаго и крайняго отрицанія, для того невозможно было ни воротиться къ полуфантастическимъ теоріямъ стоиковъ и платониковъ, ни уклониться въ сторону и начать собою новое направленіе философскаго изслѣдованія. Это очень естественно. Если я принимаю сверхчувственный, міръ то я могу себѣ представить его не такъ, какъ себѣ вообразитъ его другой, соглашающійся со мною въ фактѣ существованія. Если же я его отвергаю, то соглашаюсь буквально со всѣми отвергающими. Поэтому и понятно, что эпикуреизмъ не дробился на секты, и что напротивъ того стоики и платоники развивали каждый свое ученіе, придерживаясь только основныхъ началъ своей школы. Объ эпикуреизмѣ было уже говорено достаточно; что касается стоиковъ и платониковъ, то каждая отдѣльная личность мыслителя заслуживаетъ оцѣнки и изученія.

Цицеронъ, какъ всеобъемлющій умъ, конечно не могъ обойти философскихъ вопросовъ міросозерцанія. Но, какъ государственный человѣкъ и ораторъ, онъ занимался умозрительною частью философіи настолько, насколько это было необходимо для составленія себѣ опредѣленныхъ убѣжденій и яснаго плана дѣйствій. Этика представляет-

---

[1]) Bd. III, S. 329.

ся ему важнѣйшею частью философіи и онъ постоянно жертвуетъ строгою послѣдовательностью нравственному достоинству и практической примѣнимости. Онъ не открылъ собою новаго пути въ философскомъ мышленіи, но представилъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ критику главныхъ системъ, и критикуя ихъ положенія, составилъ и сформулировалъ свои убѣжденія, принимая изъ каждой школы то, что казалось ему истиннымъ. Этотъ эклектицизмъ иногда ведетъ его къ противорѣчіямъ, потому что онъ руководствуется не безстрастнымъ мышленіемъ, а преимущественно нравственнымъ и эстетическимъ чувствомъ. Какъ эклектикъ, Цицеронъ положительно отвергаетъ только эпикуреизмъ, и колеблется между платонизмомъ, стоицизмовъ и философіею Аристотеля. Въ стоической этикѣ ему нравится отожествленіе добродѣтели съ блаженствомъ [1]), но ему кажется, что стоики требуютъ отъ человѣка слишкомъ многаго, [2]) и что идеалъ стоическаго мудреца неосуществимъ въ дѣйствительности. [3]) Перипатетиковъ онъ упрекаетъ въ томъ, что они отдѣляютъ блаженство отъ добродѣтели, но соглашается съ ними въ томъ положеніи, что не должно отрываться отъ физической природы, а напротивъ заботиться о ней и поддерживать ее умѣреннымъ удовлетвореніемъ потребностей. [4]) Цицеронъ признаетъ существованіе Бога, и приводитъ въ пользу этого мнѣнія два главныя доказательства. Во-первыхъ, онъ видитъ во всемъ мірозданіи разумную идею и опредѣленную цѣль и потому необходимо принимаетъ мыслящую личность творца и міроправителя [5]). Во-вторыхъ религія, по его мнѣнію, практически необходима, потому что безъ нея погибла бы всякая нравственность и всякая возможность общественной жизни [6]). Онъ говоритъ, что существо Бога не можетъ быть опредѣлено [7]), но предполагаетъ, что Богъ одинъ [8]), и что онъ духъ [9]) или что его тѣло состоитъ изъ очень тонкой матеріи [10]). Съ народною религіею Римлянъ Цицеронъ и не пробуетъ мириться въ области мысли. Онъ откровенно говоритъ, что она годится только для массы, и что ее должно поддерживать, какъ полезную въ политическомъ отношеніи. [11]) Вообще у Цицерона преобладаетъ утилитарный взглядъ

---

[1]) Tusc. Quaest V, 1, 1, 25 71. [2]) De finibus IV, 9, 21, 19, 55,—28, 77. [3]) De amicitia V. 18. [4]) De finibus. IV, 11—15. [5]) De divinatione II, 72, 148. [6]) Natura deorum I, 2, 4. II, 61, 153. III, 2, 5. De legibus II, 7, 15. [7]) N. D. I, 21, 60. [8]) De leg I, 7, 22. [9]) Tusc. I, 27. [10]) Tusc. I, 26, 65. [11]) N. D. III. 2, 5.

на религію и онъ дорожитъ только тѣми догматами, которые, по его мнѣнію, возвышаютъ человѣческое достоинство. Безсмертіе души ему дорого, и онъ старается вѣрить въ него, но практическое направленіе его изслѣдованій побуждаетъ его во что бы то ни стало отдѣлаться отъ страха смерти и потому онъ дѣлаетъ предположеніе и на тотъ случай, еслибы душа уничтожалась съ разрушеніемъ тѣла [1]); тогда, разсуждаетъ онъ, все–таки не будетъ страданія, потому что не бытіе исключаетъ способность ощущать. Это предположеніе однако нигдѣ не выражено твердо и положительно; вездѣ, напротивъ того, Цицеронъ говоритъ о безсмертіи души какъ о фактѣ, въ которомъ онъ почти совершенно убѣжденъ, и какъ о догматѣ, которымъ онъ глубоко дорожитъ [2]). Что касается до загробныхъ наказаній, онъ считаетъ ихъ баснями, оскорбляющими достоинство бога и человѣка [3]).

XII.

Стоицизмъ, насильственно отрывавшій человѣка отъ внѣшняго міра и заставлявшій его довольствоваться своимъ внутреннимъ *я*, находилъ себѣ многихъ приверженцевъ въ такое время, когда всякій честный человѣкъ смотрѣлъ на окружающій порядокъ вещей съ ужасомъ и отвращеніемъ. Когда надъ всѣмъ образованнымъ міромъ господствовалъ какой нибудь Калигула или Неронъ, когда онъ безнаказанно выгонялъ философовъ и заставлялъ римскихъ дамъ выходить на арену, когда аристократія превратилась въ толпу льстецовъ и доносчиковъ, а религія въ безолаберный наборъ суевѣрныхъ обрядовъ, тогда лучшіе люди конечно принуждены были сосредоточить свои нравственныя силы и замкнуться въ самихъ себя. Трудно было человѣку съ свѣтлымъ умомъ и теплымъ чувствомъ думать о гармоническомъ наслажденіи жизнью, когда на каждомъ шагу встрѣчались насиліе и произволъ, цинизмъ разврата, тупоумное суевѣріе и легкомысленное отрицаніе. Нѣкоторые лучшіе государственные люди имперіи представляютъ въ своей личности воплощенія стоическаго мудреца, довольно близко подходящія къ идеалу. Каній Іулъ, Тразеа Петъ, любимецъ Тацита и Гельвидій Прискъ были мучениками своихъ убѣжденій и прославили

---

[1]) Tusc. I. 34. [2]) De legibus I, 22, 23. [3]) Tusc. I, 21.

стоическую школу своими страданіями и смертью. Въ то время, какъ они проводили въ жизнь стоическія положенія, другіе дѣятели развивали въ своихъ сочиненіяхъ начала этой нравственной философіи. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія Сенека, Музоній Руфъ и Эпиктетъ. Всѣ они отличаются преимущественно практическимъ направленіемъ и смотрятъ па логику и на физику какъ на вспомогательныя науки нравственной философіи.

Люцій Анній Сенека, знаменитый современникъ и наставникъ Нерона, подобно Цицерону сближаетъ стоицизмъ съ дѣйствительностью и старается смягчить строгость его нравственныхъ требованій. Онъ соглашается съ основными положеніями своей школы и даже съ риторскимъ воодушевленіемъ развиваетъ мысли о томъ, что добродѣтель есть высшее и единственное благо [1]), что всякій не-мудрецъ пороченъ, и что все принадлежитъ мудрецу [2]). Рядомъ съ этими восторженными изрѣченіями встрѣчаются мысли, ограничивающія ихъ значеніе; какъ человѣкъ богатый, Сенека сознается, что матеріальныя блага содѣйствуютъ во многихъ отношеніяхъ тому внутреннему довольству, которое доставляетъ добродѣтель [3]). Какъ придворный, онъ совѣтуетъ сносить съ покорностью оскорбленія со стороны людей стоящихъ высоко на ступеняхъ общественной лѣстницы [4]). Жизненный опытъ очевидно поколебалъ въ Сенекѣ вѣру стоиковъ во всемогущество разума и нравственной воли. Люди по его мнѣнію порочны и отъ природы расположены ко злу [5]). Поэтому онъ ограничиваетъ нравственныя требованія своей школы, формулируя ихъ такъ: «мы должны сообразоваться съ волею боговъ настолько, насколько намъ позволяетъ наша человѣческая слабость» [6]). Полагая, что эта слабость есть нормальное свойство человѣка, Сенека говоритъ, что вся жизнь есть мученіе, и что только смерть спасаетъ отъ ея волненій и тревогъ. Здѣсь, очевидно, матерія признается источникомъ зла и ей противуполагается духовное начало, котораго не признавало матеріалистическое ученіе древнихъ стоиковъ. Сенека съ любовью развиваетъ ученіе о промыслѣ и представляетъ бога существомъ любящимъ, отцомъ добродѣтельныхъ людей, заботящимся о нихъ въ жизни и посылающимъ имъ даже несчастья съ благою цѣлью, какъ испытанія и какъ средства развить силу характера [7]). Богъ, котораго уважаетъ и лю-

---

[1]) Ep. 71, 74. 76. [2]) Ep. 66, 71. [3]) De vita beata c 21. [4]) De ira II, 33. [5]) De beneficiis I, 10. [6]) De beneficiis I, 10. [7]) De benef. VII, 31. De provid. 2.

битъ Сенека, не имѣетъ ничего общаго съ милостями древне-римскихъ и олимпійскихъ боговъ. Къ народной религіи онъ стоитъ въ совершенно враждебныхъ отношеніяхъ. Онъ прямо называетъ ее суевѣріемъ и открыто глумится надъ «неблагородною толпою боговъ» [1]), но видя въ догматахъ и обрядахъ культа государственное учрежденіе, Сенека совѣтуетъ уважать его, чтобы не подавать соблазна необразованному народу [2]). Самъ же онъ признаетъ только того бога, который живетъ въ насъ и въ мірѣ какъ духовное и живительное начало [3]). Всѣ религіозныя упражненія, по его мнѣнію излишни, не нужно ни молитвы. ни поднятія рукъ къ небу, ни жертвоприношеній [4]).

Люцій Музоній Руфъ, учившій также при Неронѣ, но пережившій Сенеку и умершій уже при Титѣ, относится иначе къ народной религіи. Онъ принимаетъ всѣхъ миѳологическихъ боговъ за дѣйствительно существующія личности и говоритъ даже, что они питаются испареніями воды и земли; сообразно съ этимъ онъ говоритъ о душѣ человѣка, что она родственна съ богами по своей сущности и состоитъ изъ матеріи, которая можетъ быть повреждена и испорчена вліяніемъ воздуха, воды и другихъ тѣлъ [5]). Все вниманіе Музонія устремлено на нравственную философію; философія, по его мнѣнію, равняется добродѣтели, она учитъ насъ познавать и примѣнять къ практикѣ правила нравственности и потому можетъ, какъ думалъ Музоній, совершенно исправить недостатки общества и навсегда излѣчить его нравственныя болѣзни [6]). Потому философія не должна быть достояніемъ немногихъ избранныхъ; пусть учатся философіи богатые и бѣдные, вельможи и земледѣльцы, мужчины и женщины [7]). Видно, что и въ рядахъ мыслителей стали сознавать необходимость обновленія жизни посредствомъ распространенія въ массахъ честныхъ и твердыхъ убѣжденій, принятыхъ сознательно и осмысленныхъ самодѣятельнымъ размышленіемъ каждаго. Тотъ умственный аристократизмъ, которымъ были проникнуты древніе стоики и Аристотель, уступаетъ мѣсто болѣе гуманному и широкому пониманію человѣческой личности. Является сознаніе, что человѣкъ, какъ человѣкъ, имѣетъ извѣстныя права и что эти права должно хранить и уважать. Музоній Руфъ предназначаетъ свои философскія сентенціи для всѣхъ;

---

[1]) *Augustinus*, de civitate Dei VI, 10. [2]) Ibid. [3]) Ritter. Geschichte der Philosophie ID, S. 203. [4]) Ep. 41. [5]) *Ritter. IV.* 209. *Dollinger*. 576. [6]) Döllinger. S. 576. [7]) Ritter. Iv. S. 205.

онъ говоритъ, что за плугомъ и за лопатой можно научиться необходимому; человѣчеству нужно было много пережить и передумать, чтобы отъ рѣзкаго аристократизма Аристотеля возвыситься до этого, почти христіанскаго воззрѣнія на «нищихъ духомъ», т. е. на немудрецовъ. Предписывая правила жизни для всѣхъ, Музоній входитъ въ подробности домашняго быта, и не ограничиваясь начертаніемъ одной руководящей идеи, говоритъ о томъ, чтѐ нужно употреблять въ пищу, какъ одѣваться, и какъ устроивать жилище [1]. Онъ старается привести человѣчество къ естественному состоянію, которое въ его глазахъ сливается съ стояніемъ первобытной дикости. Онъ совѣтуетъ воздерживаться отъ мясной пищи и, по возможости, освобождаться отъ всякихъ искуственныхъ потребностей [2]. Аскетизмъ Ново-Пиѳагорейцевъ находилъ себѣ, какъ видно, приверженцевъ во всѣхъ школахъ; дѣло въ томъ, что господствующая изнѣженность бросалась въ глаза всѣмъ практическимъ мыслителямъ; они въ ней видѣли не проявленіе, а источникъ нравственной порчи, и потому вооружались противъ нея всею силою своей діалектики. Эклектикъ Секстій, стоикъ Музоній Руфъ, платоникъ Плутархъ и ново-пиѳагореецъ Аполлоній Тіанскій сходились между собою въ своихъ практическихъ предписаніяхъ, хотя теоретическіе доводы, которыми они ихъ поддерживали, были различны и сообразовались съ характеромъ той философіи школы, къ которой они принадлежали. Требуя отъ человѣка естественнаго образа жизни, Музоній Руфъ значительно отклоняется отъ духа первобытнаго стоицизма. Идеалъ, къ которому онъ стремится, есть нравственная чистота, а не безмятежность духа. Извѣстное положеніе стоиковъ о позволительночти преступленія находитъ себѣ въ немъ горячаго противника. Совѣтуя воздерживаться отъ мясной пищи, онъ однако не хочетъ привести человѣка къ умерщвленію плоти, потому что это—не естественное состояніе. Брачную жизнь онъ одобряетъ, но прелюбодѣяніе, вытравливаніе зародышей и выкидываніе рожденныхъ дѣтей возмущаютъ его нравственное чувство [3]. Вообще, предписанія Музонія можно разсматривать какъ сформулированныя убѣжденія человѣка, одареннаго здравымъ смысломъ и правильнымъ нравственнымъ чувствомъ. Подъ руками Музонія философія сошла съ той высоты, на которой она была доступна немногимъ спеціально приготовлен-

---

[1]) *Zeller* III. S. 399. [2]) Ibid. [3]) Zeller. III S. 399. Ritter. IV. S. 212.

нымъ людямъ, но не пріобрѣла еще той живой привлекательности, которая заставляетъ массы народа идти за проповѣдникомъ и съ благоговѣніемъ слушать его поученія. Музоній былъ мыслитель, спускавшійся до толпы, а народу нуженъ былъ практическій дѣятель, который, возвысившись до живаго пониманія идеи, не потерялъ бы знанія жизни и живаго сочувствія къ потребностямъ и стремленіямъ массы. Музоній въ своихъ столкновеніяхъ съ дѣйствительностью обнаруживалъ самое наивное незнаніе жизни и непониманіе человѣческаго сердца. Отправившись парламентеромъ въ военный лагерь, онъ простодушно сталъ развивать передъ солдатами Веспасіана философское ученіе о благахъ мира и объ опасностяхъ войны, и рѣчь его такъ надоѣла раздраженнымъ легіонаріямъ, что они прогнали и чуть-чуть не побили непризваннаго проповѣдника [1]).

То же направленіе отличаетъ собою разсужденія знаменитаго *Эпиктета*, ученика Музонія Руфа, записанныя, какъ извѣстно, Арріаномъ. Эпиктетъ яснѣе своего учителя понимаетъ свое положеніе; онъ сознаетъ въ себѣ человѣка мысли и рѣшительно отказывается отъ роли проповѣдника. Его интересовали преимущественно вопросы практической нравственности, но онъ относился къ нимъ какъ строгій мыслитель и не дѣлалъ въ пользу практической жизни ни одной уступки. Онъ хотѣлъ возвысить жизнь до уровня мысли и самъ умѣлъ осуществлять въ дѣйствительности строгія предписанія стоической нравственности. Онъ былъ бѣденъ и изуродованъ бывшимъ своимъ господиномъ, Эпафродитомъ; на его стоическое ученіе недоброжелательно смотрѣло правительство и при Домиціанѣ онъ принужденъ былъ вмѣстѣ со всѣми философами вообще удалиться изъ Рима. Всѣ эти испытанія онъ переносилъ твердо и безропотно, какъ говорятъ его біографы [2]). Будучи строгимъ къ самому себѣ, онъ былъ строгъ и къ другимъ и, побѣждая въ себѣ человѣческія слабости, не хотѣлъ признавать ихъ въ другихъ. Поэтому во всемъ его ученіи нѣтъ того характера мягкости, которымъ отличаются разсужденія Музонія. Эпиктетъ не возмущается грязнымъ преступленіемъ, но и не выражаетъ состраданія къ неосторожному проступку; въ томъ и въ другомъ онъ видитъ ошибку, происходящую отъ ложнаго представленія, и къ тому и къ другому относится съ презрительною безстрастностью. Съ той высоты мысли, съ которой

---

[1]) Tacit. Hist. III 81. [2]) *Suidas*, sub vocabulo ἐπίκτητος *Aul. Gell.* Noct. Att. II, 18; XV, 11.

онъ смотритъ внизъ на людей и на жизнь, онъ не видитъ тѣхъ оттѣнковъ различія, которые отмѣчаютъ въ практической жизни обыкновенные люди. Аристократъ и простой работникъ, свободный человѣкъ и рабъ, богачъ и бѣднякъ, счастливый и несчастый — всѣ равны между собою, и ко всѣмъ этимъ людямъ Эпиктетъ относится одинаково строго и безстрастно. При такомъ взглядѣ на вещи нужно было отказаться отъ всякой попытки измѣнить дѣйствительность въ свою пользу; къ-чему было трудиться, бороться съ препятствіями, сталкиваться съ людьми, когда можно было помириться со всякимъ положеніемъ, перенести всякія притѣсненія и остаться во всякомъ случаѣ свободнымъ, добродѣтельнымъ и счастливымъ. Бороться съ обстоятельствами значило тратиться на мелочи. Надо было переносить все и блаженствовать мыслью въ невозмутимомъ покоѣ внутренняго своего міра. Эпиктетъ совѣтуетъ мудрецу, стремящемуся къ этому блаженству, отказаться отъ политической дѣятельности и даже отъ брачной жизни. Онъ сходится въ этомъ отношеніи съ аскетическими предписаніями Ново-Пиѳагорейцевъ, но между тѣмъ и другими большая разница въ цѣляхъ, къ которымъ они стремятся. Ново-Пиѳагорейцы, основываясь на учуніи о переселеніи душъ и твердо вѣря въ загробное существованіе, представляютъ себѣ всякаго рода воздержаніе, какъ средство сохранить свою чистоту и улучшить свою судьбу послѣ смерти; слѣдственно ихъ цѣль лежитъ за предѣлами земной жизни. Эпиктетъ, напротивъ того, не вѣритъ въ безсмертіе души, и несмотря на то презираетъ все внѣшнее и, матеріальное только для того, чтобы независѣть отъ него и стоять выше случайности. Ново-Пиѳагорейцы обѣщали много въ будущемъ и дѣйствуя на воображеніе вѣрующей массы, могли увлечь ее за собою; Эпиктетъ говоритъ только уму, не утѣшаетъ человѣка никакими обѣтованіями, и требуетъ самоотрѣченія холоднаго, разсчитаннаго, чуждаго тому энтузіазму, который производитъ восторженныхъ мучениковъ и подвижниковъ. Это самоотреченіе можно назвать безпредметнымъ; человѣкъ отрекается отъ жизненныхъ радостей не во имя высшей, воплощенной идеи добра, не во имя любви къ ближнимъ, а только потому, что эти радости могутъ современемъ измѣнить. Эти соображенія для народа были слишкомъ дальновидны и холодны; ему было доступнѣе ученіе Платониковъ и Пиѳагорейцевъ, говорившихъ о загробной жизни и о волѣ живыхъ боговъ, или нравственная философія Эпикура, ограничивавшая все настоящею минутою и призывавшая къ обильному наслажденію дарами жизни. Безкорыст-

ный аскетизмъ и неутѣшительный матеріализмъ стоиковъ одинаково отталкивали народъ отъ ихъ ученія. Наслажденіе презиралось; взамѣнъ его не обѣщалось ничего лучшаго; практическихъ улучшеній; реформъ въ политической жизни стоицизмъ не дѣлалъ; слѣд. ничѣмъ рѣшительно ученіе Эпиктета не могло ни привлечь на свою сторону умы большинства, ни влить живые соки въ народное міросозерцаніе. Между тѣмъ, религіозное ученіе эпиктета отличается возвышенною духовностью. Цѣль всей философіи состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы удовлетворить нравственнымъ потребностямъ души, подкрѣпить и утѣшить духъ человѣка, подавленный суетностью всего земнаго. Чего народъ искалъ въ символическихъ актахъ мистерій, того требуетъ Эпиктетъ отъ работы мысли. Философъ, по его словамъ, врачъ,—къ которому должны приходить не здоровые, а больные [1]). Философія есть святыня, мистерія, къ которой не должно приступать безъ содѣйствія божества [2]). Мудрецъ есть посланникъ Зевса; ему поручено показать людямъ, что человѣкъ можетъ быть счастливъ среди лишеній и матеріальныхъ страданій [3]) Нравственное добро есть даръ божества и сущность самого божества заключается въ разумѣ и въ знаніи [4]). Дѣятельность и благодѣтельное вліяніе его можетъ быть познаваемо въ теченіи звѣздъ, въ плодородіи земли и вообще въ физическихъ явленіяхъ; такъ понимаетъ его народъ и такъ Эпиктетъ оправдываетъ догматы и обряды богопочитанія, предоставляя впрочемъ мудрецу право обходиться безъ нихъ и сноситься съ божествомъ непосредственно, черезъ внушенія своего внутренняго демона. Благороднѣйшая часть человѣческой личности, мыслительная сила, разсматривается имъ какъ эманація божества, и онъ настаиваетъ на томъ, чтобы человѣкъ сознавалъ свое родство съ божествомъ и чтобы, считая себя сыномъ бога, онъ уважалъ свое нравственное достоинство и понималъ свои обязанности къ самому себѣ и свои отношенія къ другимъ людямъ, какъ къ членамъ одной, всеобъемлющей семьи [5]). Эта эманація божества рѣзко противополагается тѣлу, матеріи, къ которой Эпиктетъ относится съ крайнимъ презрѣніемъ, называя его плохимъ сосудомъ, комомъ грязи [6]) и тягостною оболочкою души. Но эта свободная душа понималась только какъ эманація божества, и о понятіи личности Эпиктетъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета. Онъ

[1]) Dissert. III, 23, 30. [2]) Diss. III, 21, 11-20; 22, 2, 53. [3]) Diss. III, 22, 23, IV, 8, 30. Diss [5]) Diss, I, 3; c. 9. c. 12. 26. [6]) Diss. IV, 1, 100.

принималъ между различными людьми только одно количественное различіе; въ мудрецѣ присутствуетъ больше божественнаго духа, въ преступникѣ меньше. О томъ, что и добро и зло выражается въ единичныхъ, индивидуальныхъ формахъ, что оно въ этихъ проявленіяхъ носитъ на себѣ своеобразный колоритъ, безъ котораго оно невообразимо—объ этомъ Эпиктетъ не имѣетъ понятія. Отношеніе между божествомъ и человѣческою личностью, говоритъ Дёллингеръ [1]), представлялось языческимъ мыслителямъ въ образѣ «океана, на которомъ плаваетъ множество бутылокъ, наполненныхъ водою: когда одна изъ нихъ разбивается, то часть морской воды, отдѣлявшаяся до того времени отъ цѣлаго, соединяется съ общею массою.» Безкорыстіе Эпиктетова ученія дѣлало его недоступнымъ для народа; неутѣшительность его налагала тяжелую печать грусти даже на тѣ избранныя личности, которыя рѣшались посвятить свои силы на стоическое умерщвленіе страстей и чувственныхъ поползновеній. Императоръ Маркъ Аврелій воплощаетъ въ своей личности тотъ моментъ грусти и мрачнаго раздумья, который необходимо долженъ былъ испытать стоикъ, одаренный мягкимъ сердцемъ и поэтическимъ, страстнымъ сочувствіемъ ко всему благородному и прекрасному. Его окружала нравственная порча, противъ которой онъ напрасно боролся какъ государственный дѣятель; его философія говорила ему, что это нравственное зло въ порядкѣ вещей, что противъ него не слѣдуетъ и возмущаться, потому что все въ мірѣ измѣнчиво и неудержимый потокъ жизни увлекаетъ за собою и личныя стремленія, и земное величіе, и человѣческія слабости и пороки. Вмѣсто этой уничтоженной привязанности къ живой дѣйствительности, стоицизмъ не давалъ ему никакого твердаго вѣрованія; въ жизни—пустота, за предѣлами гроба небытіе, вокругъ себя—нравственное зло и лѣнивое равнодушіе къ интересамъ мысли. Вотъ что видѣлъ М. Аврелій и вотъ что настраивало его то къ спокойной и глубокой грусти, то къ мрачной и презрительной ироніи. Любопытно между прочимъ замѣтить, что стоицизмъ даже не избавлялъ своихъ адептовъ отъ грубаго суевѣрія; даже благородная и развитая личность Марка Аврелія, проникнутая нравственнымъ ученіемъ Эпиктета, была заражена нелѣпыми предразсудками и самымъ слѣпымъ довѣріемъ къ спасительной силѣ различныхъ обрядовъ и заклинаній.

[1]) Heidenthum und Judenthum s. 593.

XIII.

Группу мыслителей мистиковъ составляютъ Платоники и Пиѳагорейцы. Эта группа была всего ближе къ общему настроенію народныхъ массъ и изъ нея выходили тѣ проповѣдники, которые вели народъ за собою и которыхъ народъ окружалъ суевѣрнымъ обожаніемъ и чудеснымъ сіяніемъ божественной святости. Изъ этой группы вышелъ и Аполлоній Тіанскій, котораго личность представляетъ, быть можетъ, самый яркій примѣръ такого обоготворенія.

Онъ стоитъ на переходной чертѣ отъ эклектизма къ положительному пиѳагореизму, котораго нравственныя тенденціи воплотились въ Аполлоніѣ Тіанскомъ, или, вѣрнѣе, въ томъ нравственномъ идеалѣ, который начертилъ Филостратъ въ своей біографіи. Мы познакомимся съ ними въ слѣдующемъ отдѣлѣ статьи.

Съ картины Ораса Вернэ (*).

(Посвѣщается графу Григорію Александровичу Кушелеву-Безбородко).

Въ одной сорочкѣ бѣлой и босая,
На прикрѣплённыхъ къ дереву доскахъ,
Съ застывшею слезой въ угаснувшихъ глазахъ
Лежитъ она, красавица, страдая
Въ предсмертныхъ мукахъ...,
Чёрная коса
Растрёпана; полураскрыты губы,
И стиснуты нѣмой, но жгучей болью зубы,
И проступаетъ потъ на тѣлѣ, что роса...
Бѣдняжечка! Надъ ней — и небо голубое,
И померанца сѣнь душистая — въ плодахъ, —
И всё вокругъ нея въ сіяньи и цвѣтахъ, —
А ужъ у ней распятье золотое
Положено на грудь... И вотъ-ужъ, въ-торопяхъ,
Съ прощальнымъ и напутственнымъ поклономъ,
Уходятъ онъ нея и духовникъ — монахъ,
Подъ сѣрой рясою и сѣрымъ капюшономъ,
И впереди, съ зажженною свѣчей, —
Могильщикъ — каторжникъ, съ обритой головой.
Онъ ротъ закрылъ платкомъ, онъ весь дрожитъ отъ страха
Какъ будто передъ нимъ — не мертвый одръ, а плаха...

Одну, безъ помощи, безъ дружеской руки,
Оставить бѣдную въ послѣднія мгновенья —
О, Господи, въ нихъ нѣтъ ни искры сожалѣнья!
Но что̀ это? Взгляните: у доски
Разбросаны одежды въ безпорядкѣ —
Плащъ фіолетовый съ мантильей голубой,

(*) Картина находится въ галлереѣ Гр. Г. А. Кушелева-Безбородко.

И платья женскаго межъ нихъ бѣлѣютъ складки,
И рукоятка шпаги золотой
Видна̀ изъ-подъ одеждъ; а вотъ и ларчикъ рядомъ,
Съ рѣзьбой и съ дорогимъ узорчатымъ окладомъ;
Въ нёмъ серьги и запястья, и жемчу́гъ. —
Больная всё сняла̀, когда сразилъ недугъ,
Лишь обручальнаго кольца снять не хотѣла...
А!.. У нея въ рукѣ — ещё рука,
Чужая, мёртвая, и вся ужъ потемнѣла...
Вотъ отчего одна скривилася доска:
Съ нея свалился трупъ — страдальцевъ было двое!..
Припавъ къ землѣ кудрявой головой,
Лежитъ, поверженъ ницъ, мужчина молодой;
Онъ весь накрытъ плащомъ; со смертью въ грозномъ боѣ
Онъ не сробѣлъ до са̀маго конца,
И ницъ упалъ, чтобъ мёртваго лица
Не увидала милая подруга...

Но замерла у ней рука въ рукѣ супруга:
Страдалицѣ легко̀ съ нимъ вмѣстѣ умирать. —
И никому ихъ рукъ теперь не разорвать!
И скоро ужъ конецъ, и скоро эти очи
Неразрѣшимой мглой загробной, вѣчной ночи
Съ улыбкой злобною завѣситъ смерть сама...
Глядите... Слышите — шепнула: «Умираю!»
Нѣтъ, не глядите! Прочь!.. Теперь я понимаю:
Прочь, поскорѣе прочь:
У ней — чума! чума!!.

Л. МЕЙ.

26 іюня 1861 г. а [illegible] Августа 1861 года —

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

(I. Отъѣздъ политическаго міра съ Наполеономъ III въ Виши; возстаніе въ Испаніи: обманутыя надежды Абдулъ-Меджида и Пія IX; покушеніе Беккера; разбои въ южной Италіи и пріятная жизнь Франциска II въ Римѣ; маленькій Джонъ Россель сдѣлался великимъ человѣкомъ; послѣднія событія въ Америкѣ и во Франціи; осужденіе Миреса и нѣсколько новыхъ плутней въ Парижѣ.—II.) Теорія Стюарта Милля о взаимномъ отношеніи общества къ правительству; положеніе Венгріи передъ Австріей; ожиданіе императорскаго отвѣта на адресъ Песта; рѣшительный тонъ политики Рикасоли; Абдулъ-Азизъ, занимающійся починкой турецкой имперіи.

I.

Уѣхало его величество — и за нимъ покатили почти всѣ бывшіе у насъ посланники, секретари посольствъ, министры, съ портфелями и безъ портфелей, государственные совѣтники, бароны финансовъ и дипломатическаго міра. Наши промышленные и биржевые тузы разсѣялись во всѣ четыре стороны — и вслѣдъ за ними понеслась пестрая стая знатныхъ лоретокъ, этихъ разноцвѣтныхъ грацій, которыя, подобно мотылькамъ, порхаютъ въ тѣни италіянскаго бульвара и съ жадностью плотояднаго звѣря увиваются вокругъ золотаго тельца. Въ Парижѣ живетъ теперь только наша братья: мы люди темные, опекаемые и платящіе дань властямъ предержащимъ. Изъ финансо-

выхъ витязей остался съ нами одинъ бѣдный Миресъ, заключенный въ стѣнахъ Мазаса, а изъ государственныхъ сановниковъ — Боатель, префектъ полиціи.

Успокоились наши великіе политическіе умы; ихъ головы, скрывавшія подъ собою тайны сего міра, укачиваются теперь морскою волной или осѣняются широкими соломенными шляпами; наши капиталисты коварно закидываютъ удочку несчастнымъ рыбкамъ, въ озерахъ и рѣкахъ, а сановники заняты искуственнымъ удобреніемъ своихъ полей; защитники общественнаго порядка въ тѣни парковъ отдыхаютъ отъ ярой борьбы съ краснымъ чудовищемъ и съ революціонной гидрой, ухаживаютъ за прелестыми владѣтельницами окрестныхъ замковъ и въ качествѣ домашнихъ друзей бесѣдуютъ съ женами и дочерьми своихъ пріятелей; телеграфическія нити, густою сѣтью протянутыя вдоль и поперегъ Европы, наподобіе паутины, прекратили на-время дипломатическіе переговоры. Казалось бы исторія должна была задремать среди этого покоя государственныхъ мужей и ходъ событій пріостановиться въ ожиданіи повелительнаго сигнала могущественныхъ пастырей народовъ. Но посмотримъ, такъ ли: не было ли въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ какихъ-нибудь интересныхъ фактовъ, совершившихся безъ вмѣшательства и дозволенія со стороны дипломатовъ. Соберемъ эти факты и, быть-можетъ, несмотря на бездѣйствіе государственныхъ людей, мы получимъ жатву, которая вполнѣ вознаградитъ нашъ трудъ.

Испанское правительство, желая, въ качествѣ шестой великой державы, участвовать въ гармоническомъ концертѣ Европы, должно было настроить себя на общій ладъ и для этого удвоить свою армію и прибѣгнуть къ безпрестанному увеличенію налоговъ. Народъ, не понимая благости такой мѣры, имѣлъ неблагоразуміе чувствовать тягость новыхъ податей и поэтому случаю изъявить неудовольствіе! Возстаніе вспыхнуло въ Лоѣ (Loja), значительномъ городѣ Андалузіи, находящемся въ прелестной долинѣ, къ сѣверу отъ Sierra d'Alhama. И что же? Благодаря уловкамъ противорѣчіямъ оффиціальныхъ газетъ и насильственному молчанію либеральныхъ журналовъ, не смѣющихъ говорить истину изъ опасенія лишиться своего существованія, — мы имѣемъ только весьма темное понятіе о ходѣ этого событія; извѣстно, однакожъ, что возстаніе было сильное. Поддерживаемые всеобщей симпатіей народныхъ массъ, инсургенты встрѣтили самый радушный пріемъ въ Лоѣ и въ окрестныхъ селахъ; въ нѣсколько дней они успѣли

составить армію въ 10,000 человѣкъ и когда правительство отправило противъ нихъ войска, пѣшія и конныя, съ пушками и со всевозможными военными снарядами, возмутители смѣло пошли на встрѣчу своихъ враговъ и въ продолженіе десяти часовъ боролись, съ упорствомъ, отличающимъ испанскій народъ. Разбитые артиллеріей, они удалились въ дикія ущелья горъ д'Альгамы и оттуда угрожаютъ Антекверѣ, Малагѣ, Гренадѣ; до сихъ поръ они не побеждены окончательно. Но даже когда эти инсургенты удалены будутъ въ послѣднія убѣжища и когда кастильскіе предводители совершатъ надъ ними военную казнь, вопросъ соціальный не рѣшится насиліемъ. Промышленныя населенія Каталоніи, Андалузіи, Мурціи, Валенціи, Толеды, ожидавшія только оружія, чтобы отвѣтить на сигналъ, поданный въ горахъ Лои, не подчинятся добровольно силѣ. Между тѣмъ, испанское правительство, по обыкновенію, не прибѣгаетъ къ другимъ мѣрамъ для успокоенія народа: такимъ образомъ, еще болѣе распространится неудовольствіе и новыя инсуррекціи будутъ неизбѣжны! Но видно, такова судьба: вопреки всѣмъ противудѣйствіямъ, общество, стрѣмясь къ равновѣсію, безпрестанно подвержено будетъ безпорядкамъ.

Образованная Европа съ печальнымъ удивленіемъ видѣла, что испанское правительство обѣщало истребить всѣхъ *республиканцевъ и протестантовъ*. Пусть бы еще только первыхъ: это слово превратилось въ какое-то пугало и нападки на него сдѣлались общимъ мѣстомъ! Но какъ объявить гоненіе на протестантовъ! Какъ въ XIX вѣкѣ требовать казни человѣка за то, что онъ не католикъ! На этомъ основаніи пришлось бы истребить всю англійскую націю, всѣхъ жителей Германіи и Соединенныхъ Штатовъ, словомъ полтораста милліоновъ людей! Недавно, въ Гренадѣ производился процесъ противъ нѣсколькихъ лицъ, обвиненныхъ въ привязанности къ реформатской религіи. Несчастные подверглись жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны министерства: оно объявило ихъ преступниками и, соображая наказаніе съ мѣрою вины, требовало, на основаніи закона, подвергнуть ихъ каторжной работѣ на девять или на десять лѣтъ. Въ этомъ распоряженіи нельзя не видѣть вліянія Сестры Патроцинio, которая въ пользу іезуитскаго общества эксплуатируетъ легковѣріе правительства, и реалы и мараведисы бѣднаго испанскаго народа. Эта благочестивая сестра пріобрѣла свое могущество нѣсколькими удачными предсказаніями и тѣмъ, что купила у дрогиста, въ Аранжуесѣ, нѣ-

сколько помадныхъ банокъ, наполненныхъ сокомъ какого-то ядовитаго растенія, сокомъ, которымъ ей удалось совершить чудо: воспроизвести на своемъ маленькомъ тѣлѣ пять ранъ.

Отъ королевства католическаго перейдемъ къ царству правовѣрныхъ. Итакъ, скончался его величество Абдулъ-Меджидъ, великолѣпный падишахъ константинопольскій. Жизнь его гасла со дня на день и наконецъ погасла окончательно. Пія IX, одолѣваетъ водяная. Какое поразительное и интересное зрѣлище, представляемое нашимъ девятнадцатымъ вѣкомъ! Два верховныхъ представителя двухъ непріязненныхъ религій распростерты на болѣзненномъ одрѣ, умирая медленно не вслѣдствіе частныхъ ударовъ жестокой болѣзни, но вслѣдствіе неизлечимой слабости и неспособности жить! Судьба обоихъ одинакова, и тотъ и другой были слабы, болѣзненны, расположены къ меланхоліи, расточительности; Оба отличались благородными намѣреніями, но впадали въ однѣ ошибки; и тотъ и другой хотѣлъ водворить на своей землѣ знамя реформы, поставить свою церковь въ уровень съ образованнымъ міромъ; но не имѣя силы исполнить свой планъ, они стали отчаяваться въ возможности осуществленія его и дали распространиться злоупотребленіямъ. Съ давнихъ поръ, при всякомъ новомъ требованіи духа времени, они покачивали своими головами, опускали свои немощныя руки и отвѣчали завѣтною формулой: *Non possumus! Non possumus!* (*)

---

*) Въ подтвержденіе нашихъ словъ, представимъ замѣчательный портретъ папы, писанный дружеской рукой и извлеченный нами изъ сочиненія протонотарія Ливерани (Liverani), которое произвело сильное впечатлѣніе въ Италіи.

«Чистая нравственность, любовь къ церковнымъ церемоніямъ, легкость и пріятность въ импровизаціи, сила и грація въ молитвѣ, способность къ гармоническому пѣнію, величественный видъ во время богослуженія, наконецъ постоянное усердіе въ прославленіи Бога, усердіе, котораго не могутъ поколебать даже самыя отважныя предпріятія,—вотъ главныя отличительныя черты Пія IX..... Онъ съ неутомимымъ терпѣніемъ выслушиваетъ просителей, но въ то же время страстно любитъ пустые толки и розсказни; о людяхъ и вещахъ судитъ болѣе по наружному виду, чѣмъ по внутреннему ихъ достоинству. Онъ рѣшителенъ и настойчивъ, но зато неумолимъ въ своей ненависти; легко увлекается и не способенъ скрывать своихъ чувствъ; этимъ онъ даетъ доступъ къ своему сердцу плутамъ и ложнымъ куртизанамъ, которые на его челѣ читаютъ то, что происходитъ въ его душѣ. Они смотрятъ на него съ умилительнымъ взглядомъ, съ открытымъ ртомъ, съ согнутой выей, готовые подтвердить всякое его слово, польстить всякому его желанію, даже еслибъ это желаніе повлекло за собой его гибель.... Онъ любитъ дѣлать до-

Только благодаря внѣшней помощи, Турція и папская область могли продлить свое существованіе. Турки поддерживались союзомъ съ гяурами Англичанами, а римскій первосвященникъ защищается жандармами Наполеона III, отлученнаго отъ церкви, но которому не повредили анонимные громы Ватикана.

Теперь много говорятъ, что Абдулъ-Азизъ, преемникъ несчастнаго Абдулъ-Меджида, человѣкъ энергическій, умный, настоящій реформаторъ. Онъ прогналъ отъ себя этого плута Ризу-пашу, перелилъ въ монету свою серебряную посуду, чтобы заплатить хоть нѣсколько долговъ, оставшихся послѣ брата, и еще не устроилъ себѣ гарема; но подобныя реформы достаточны ли, чтобы спасти отъ погибели націю? Впрочемъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что восшествіе на престолъ новаго падишаха встрѣчено съ восторгомъ кредиторами и данниками порты. Абдулъ-Азизъ, отправляясь осматривать арсеналъ, сѣлъ на простую барку, въ которой было всего три гребца, безъ ливреи. Извѣстіе объ этомъ событіи распространилось немедленно и вслѣдствіе того государственные фонды тотчасъ же возвысились до трехъ процентовъ!

Покушеніе Беккера на жизнь короля Вильгельма произвело большое впечатлѣніе, хотя оно не имѣло связи ни съ какимъ заговоромъ. Этотъ молодой студентъ былъ дилетантъ, изучавшій самыя разнообразныя науки: литературу, законовѣдѣніе, восточные языки и дифференціальныя исчисленія; по-временамъ онъ занимался также политикой. Его покушеніе было слѣдствіемъ патологическаго умственнаго разстройства: этотъ сумасбродъ не хотѣлъ дать жить человѣку, котораго считалъ не дальнимъ по уму. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ объяснялъ свой поступокъ. Онъ изъявлялъ уваженіе къ личному характеру короля, но не признавалъ въ немъ качествъ,

---

бро, но желаетъ, чтобы тысяча газетъ распространяли его славу, чтобы тысяча надписей, легендъ и медалей напоминали каждый его благотворительный поступокъ. Онъ мѣняетъ свои взгляды и планы, смотря по температурѣ, по направленію вѣтра, по виду неба, по настроенію своихъ нервовъ, по патологическому состоянію болѣзненнаго тѣла; словомъ, его душа принимаетъ всѣ впечатлѣнія его слабаго организма. Отличаясь нѣжнымъ и добрымъ сердцемъ, онъ однакожъ въ припадкѣ запальчивости предается такимъ поступкамъ, которыхъ никакъ нельзя назвать гуманными. Такъ, напримѣръ, онъ низвергнулъ добродѣтельнаго монсиньора Гигли, запретилъ монсиньору Кампадонико показываться на глаза, и велѣлъ арестовать несчастнаго нищаго, который осмѣлился просить у него подаянія....»

необходимыхъ для исполненія его высокаго назначенія. Онъ не увлекался ненавистью къ деспотизму, но возмущался только предполагаемою нелѣпостью? Увлеченіе самое опасное! Людей, не обладающихъ геніемъ, нѣсколько милліоновъ. Беккеру пришлось бы произвести страшное опустошеніе даже въ институтѣ Франціи и въ академіи изящныхъ искуствъ и литературы! Нѣтъ, этого несчастнаго надо скорѣй упрятать въ домъ умалишенныхъ. У насъ въ Парижѣ двѣ личности въ родѣ Беккера, а именно мосье и мадамъ Гань (Gagne), яростные авторы *Унитеиды* (Unitéide); хотя они готовы весь родъ человѣческій превратить въ гекатомбу, но имъ спокойно дозволяется ходить по улицѣ; правда, что они убиваютъ людей, но только въ своихъ стихахъ!

Въ Фонтенебло, императоръ Наполеонъ, привыкшій къ такимъ явленіямъ, чуть было не сдѣлался предметомъ подобнаго рода попытки, затѣянной Германцами, неизвѣстно какъ и зачѣмъ. Дѣло въ томъ, что захвачено было ихъ человѣкъ двадцать въ то время, какъ они совѣщались о предстоявшемъ предпріятіи. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней человѣку, отличавшемуся нѣмецкими чертами лица, нельзя было показываться въ отеляхъ и кофейняхъ. Но если императоръ, съ одной стороны, имѣетъ враговъ, желающихъ его смерти, то съ другой онъ защищается множествомъ людей, заинтересованныхъ его жизнію. Онъ не столько охраняется толпою полицейскихъ чиновниковъ, окружающихъ его особу, сколько содержателями гостинницъ въ Виши. Эти промышленники зорко наблюдаютъ за своими посѣтителями «чтобы», какъ выразился одинъ изъ нихъ, «не лишиться доходовъ, ожидаемыхъ *въ продолженіе*». Говоря объ этомъ предметѣ, мы не можетъ не упомянуть, что, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, какой-то совершенно молодой человѣкъ покушался убить Франциска II.

Впрочемъ, всѣ вообще извѣстія, получаемыя изъ Неаполя, печальны, а тѣ, которыя доходятъ изъ Турина, также не представляютъ много отраднаго. Наконецъ пріискали губернатора, съумѣвшаго удержаться между Неаполитанцами, которыхъ нерѣдко оскорбляло надменное обращеніе Піемонтцевъ. Туземцы не отослали отъ себя Понзу де Санъ Мартино, какъ отсылали другихъ, и вдругъ само министерство піемонтское заставило его подать въ отставку. Дѣло вотъ въ чемъ: Понза, повидимому, честный человѣкъ, не желавшій, подобно своимъ предшественникамъ, перехитрить неаполитанскихъ политиковъ, которые всѣ отличаются хитростью. Противъ коварства нѣтъ болѣе надежнаго оружія, кромѣ прямоты; въ этомъ заключался секретъ изумительнаго

торжества Гарибальди, котораго честность творила чудеса, потому что сама была чудомъ. Побѣжденные на полѣ хитрости, піемонтскіе губернаторы рѣшились отмстить насиліемъ, и отъ этого произошло все зло. Возникла вражда, которая все болѣе и болѣе усиливалась, раздуваемая многочисленными противниками италіанскаго единства. Она распространялась подобно пожару, и теперь вопросъ: какъ его потушить. Нельзя отрицать, что отдѣльные частные разбои превратились въ партизанскія войны и теперь необходимо вмѣшательство правительства посредствомъ инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи. Назадъ тому болѣе шести мѣсяцевъ, генералъ Пинелли хотѣлъ вооруженною рукой уничтожить зло въ самомъ корнѣ и обѣщался разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, которые послѣ восшествія Виктора Эммануила на неаполитанскій престолъ вздумали бы производить насилія и убійства во имя прежняго короля Франциска II. Какъ мѣра, необходимая для общественнаго блага, система Пинелли имѣла свою хорошую сторону. Къ несчастію, онъ въ своей прокламаціи объявилъ духовныхъ виновниками смутъ. Кавуръ, уже отлученный отъ церкви, боялся компрометировать себя еще болѣе въ глазахъ кардиналовъ, и потому вызвалъ Пинелли и установилъ королевскихъ намѣстниковъ, которые въ дѣлахъ правленія прибѣгали то къ хитрости, то къ насилію. Понза де Санъ Мартино принялъ прямую, открытую систему; чтобы водворить спокойствіе въ краѣ, онъ хотѣлъ наполнить его піемонтскими солдатами, которые бы своею многочисленностью сдѣлали невозможнымъ всякое сопротивленіе; въ то же время онъ намѣренъ былъ обращаться съ инсургентами кротко и въ особенности заботиться объ успокоеніи умовъ. Этотъ планъ тоже былъ хорошъ и удостоился одобренія со стороны министерства Рикасоли. Но вдругъ является генералъ Чальдини съ малочисленнымъ войскомъ, достаточнымъ для того, чтобъ уничтожить возстаніе, но не для того, чтобъ его предупредить. Полномочіе Чальдини превышало полномочіе Понзы, который, имѣя причины считать себя обиженнымъ, подалъ въ отставку.

Мы приводимъ эти подробности не съ цѣлью оправдать Понзу или обвинить генерала Чальдини, но чтобы показать, какимъ образомъ, благодаря Неаполитанцамъ съ одной стороны, и Піемонтцамъ съ другой, міръ и безопасность до сихъ поръ не водворились въ этомъ несчастномъ краѣ. А между тѣмъ необходимо положить конецъ всѣмъ этимъ безпорядкамъ! Пока приверженцы бурбонской династіи ограничивались тѣмъ, что въ видѣ флаговъ вывѣшивали на вершинѣ Везувія

бѣлыя салфетки, а на Позилиппѣ (Pausilippe) нѣсколько рубашекъ, развѣвавшихся отъ вѣтра къ ужасу національной гвардіи, манифестаціи ихъ могли казаться смѣшными. Когда недовольные осмѣливались жечь бумажныя фабрики, произвести нѣсколько убійствъ и множество грабежей; когда Боско посылалъ въ Неаполь сотни портретовъ, съ грозными стихами, направленными на возмутителей, возстававшихъ противъ власти законнаго короля; когда *camorristi*, это отвратительное братство убійцъ, готовыхъ продать свои дубины и стилеты тому, кто болѣе заплатитъ, явились подъ знаменемъ Франциска II, тогда еще оставалось времени болѣе чѣмъ необходимо для того, чтобы подумать о прекращеніи безпорядковъ. Но теперь нѣкоторыя шайки инсургентовъ заключаютъ въ себѣ слишкомъ тысячу человѣкъ; цѣлыя села осаждаются и предаются грабежу, подобно городамъ, взятымъ приступомъ; восемьдесятъ человѣкъ національной гвардіи были сожжены въ одинъ разъ; священники буквально растерзаны на куски, піемонтскіе карабинеры пригвождены къ деревьямъ: теперь всякая медленность въ подавленіи этихъ злодѣйствъ была бы преступленіемъ не только противъ Италіи, но и противъ человѣческаго общества.

«Итакъ, вы видите», восклицаютъ нѣкоторые реакціонеры, «вы видите, что Италія не созрѣла для свободы». Мы видимъ, что если Италія не созрѣла, то потому только, что многія ея части были глубоко испорчены нравственно, вслѣдствіе системы, которая въ продолженіе двухъ генерацій отравляла королевство обѣихъ Сицилій. — Французское правительство, косвенно поддерживаетъ возмущеніе, занимая войсками папскую землю. Благодаря этой поддержкѣ, шайки Кіавоне (Chiavone) могутъ образоваться въ наслѣдіи Св. Петра, чтобы оттуда производить набѣги и потомъ, въ случаѣ преслѣдованія со стороны Піемонтцевъ, укрываться за французскими патрулями. Гойонъ не знаетъ, что цѣлыя бочки фальшивой монеты отправляютъ изъ Рима для уплаты жалованья приверженцамъ такъ называемаго *святаго дѣла*; онъ не замѣчаетъ пропажи тридцати четырехъ тысячъ ружей и многихъ пушекъ, отданныхъ въ его собственныя руки неаполитанскими войсками, укрывшимися въ папской землѣ послѣ сраженія при Вультурнѣ; онъ ничего не подозрѣваетъ и попрежнему разсматриваетъ пуговки на штиблетахъ и сумки своихъ солдатъ. Вслѣдствіе какой-то непонятной политики, императоръ Французовъ, этотъ защитникъ вѣчныхъ принциповъ 89-го года, какъ онъ самъ себя называетъ, упорно продолжаетъ защищать

своими войсками папу, монсиньора Мерода и кардинала Антонелли, которые, по собственному признанію одного изъ нихъ, поклялись его ненавидѣть до самой смерти. Римъ теперь превратился во вторую Гаэту, съ тою разницею, что Франциска II уже не безпокоятъ болѣе невѣжливыя бомбы и отвратительная кухня города, осаждаемаго непріятелемъ. Этотъ принцъ теперь весьма доволенъ своей судьбой; онъ разъѣзжаетъ въ коляскѣ, граціозно раскланивается съ дамами и, какъ подобаетъ особѣ его званія, любезно обходится съ разнаго рода людьми: епископами, воинами, дипломатами, монахинями и банкирами. Возставъ отъ сна, онъ подходитъ къ окошку, дышетъ на стекло, чертитъ на немъ крестъ и потомъ уничтожаетъ этотъ благочестивый знакъ поцѣлуями. Въ этомъ положеніи его видѣли офицеры французскаго корабля «la Bretagne», наблюдавшіе за нимъ, при помощи подзорныхъ трубъ, въ продолженіе цѣлаго дня, наканунѣ самаго отъѣзда его изъ Неаполя. Какую трагикомедію представляетъ весь этотъ римско-неаполитанскій вопросъ.

Рѣшеніе италіянскаго вопроса заключается теперь въ Римѣ и въ Венгріи. Съ нѣкотораго времени дѣла этой страны приходятъ въ дурное состояніе. Песткій сеймъ отступилъ на шагъ, а кабинетъ Шмерлинга теперь хочетъ сдѣлать два шага впередъ. Аграмскій сеймъ не принялъ соединенія Кроаціи съ Венгріею.—

Послѣ сообщеній, сдѣланныхъ палатѣ общинъ, послѣ рѣчи Рикасоли и положительныхъ, ясныхъ и точныхъ увѣреній Мадзини, послѣ двусмысленныхъ отрицаній газеты *Patrie* и увертокъ Монитера, кажется нельзя сомнѣваться, что французское правительство имѣетъ виды на Сардинію и что путешествіе г-на Пиши на этотъ островъ не предпринято съ цѣлью поправленія здоровья. «Англія не спитъ!» воскликнуло министерство. Очень хорошо; но пусть и Италія не спитъ!

Разсужденія англійскихъ палатъ мало представляютъ интереса, но зато одинъ изъ государственныхъ людей Англіи, маленькій Джонъ Россель, недавно имѣлъ новый успѣхъ. Утомленный долгою жизнію, исполенной парламентскихъ преній, которыя не повели ни къ какому серіозному результату, онъ, подобно Карлу V, захотѣлъ присутствовать на своихъ собственныхъ похоронахъ. Время для этого онъ избралъ удобное. Благодаря смерти своего старшаго брата, онъ получилъ наслѣдство. Теперь уже онъ не младшій въ родѣ, не простой лордъ; онъ вскорѣ будетъ имѣть право похвалиться титуломъ графа Лёдло (Ludlow) и занять мѣсто посреди гордой феодальной

аристократіи. Потомъ королева сдѣлаетъ ему подарокъ, въ видѣ ордена подвязки: «Honni soit qui mal y pense!» Маленькому Джони, осыпанному почестями, ничего не остается дѣлать, кромѣ развѣ умереть или съиграть роль умершаго. Такъ какъ послѣднее проще, то онъ намѣренъ занять мѣсто въ катакомбахъ палаты лордовъ, окутанный въ широкую мантію кавалера и сгибаясь подъ тяжестью лентъ и бахромъ. Педели передъ нимъ будутъ подымать булаву и махать своими напудренными париками; одинъ изъ присутствующихъ епископовъ глухо произнесетъ спичъ, чтобъ объявить о принятіи почтеннаго покойника, потомъ усопшій герой, въ свою очередь, дребежжащимъ голосомъ подтвердитъ свою смерть. Затѣмъ умолкнетъ и уже никогда болѣе не станетъ говорить объ этомъ докучливомъ биллѣ относительно избирательной реформы, который онъ пересматривалъ каждый годъ для препровожденія времени и съ цѣлью обмануть публику.

Въ Соединенныхъ Штатахъ конгресъ собрался, чтобы совѣщаться о благѣ отечества. Никогда, въ продолженіе всего существованія республики, обстоятельства не были такъ торжественны и будущность такъ опасна. Представители должны взвѣшивать судьбу своего народа, сдѣлать выборъ между политикою отважною, ведущею къ успѣху, и политикою коварною и слабою, которая влечетъ за собою упадокъ. Народы имѣютъ сходство съ отдѣльными личностями: гордость является у нихъ наканунѣ внезапнаго паденія. Мы съ безпокойствомъ смотримъ на собраніе этихъ людей, избранныхъ въ эпоху баснословнаго благоденствія американскаго народа. Упоенные своею славой, они, быть можетъ, не станутъ искать причину междусобной войны въ своей собственной снисходительности къ преступному рабству. Безъ сомнѣнія, они, для возстановленія спокойствія, прибѣгнутъ къ мѣрамъ шаткимъ и постараются оправдать себя *божественнымъ учрежденіемъ*, забывъ, что невозможно достигнуть никакого положительнаго результата, не руководствуясь вѣчными, неоспоримыми принципами.

Президентъ Линкольнъ отправилъ въ палату весьма воинственное посланіе. Онъ оправдываетъ въ немъ наборъ 400,000 человѣкъ, и требуетъ два милліарда франковъ. Безъ сомнѣнія, такая армія и такая сумма весьма значительны для американскихъ республиканцевъ, которые не имѣютъ обыкновенія, подобно другимъ народамъ назначать въ пищу пушкамъ двадцатаго или десятаго человѣка, способнаго носить оружіе, и отдавать въ казну пятую часть своихъ доходовъ. Но желательно, чтобъ эти пожертвованія крови и денегъ были употреблены съ пользою, и что-

бы правительство наконецъ приняло политику и систему болѣе рѣшительныя.

Въ продолженіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ война велась съ плачевною медленностью. Старый генералъ Скоттъ (Scott) пользуется репутаціей хорошаго тактика—Американцы называютъ его величайшимъ полководцемъ XIX вѣка, но онъ дѣйствуетъ съ такимъ нерѣшительнымъ благоразуміемъ, что его предупреждаютъ самыя обстоятельства. Когда представляется удобный случай къ начатію дѣйствій, онъ упускаетъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ случай не входитъ въ его глубокія соображенія. Онъ говоритъ, что намѣренъ пріучить свои войска къ войнѣ, но войска непріятельскія также мало были въ огнѣ, какъ и его собственныя, и притомъ не имѣютъ того превосходства, какое даетъ правое дѣло. Американскій народъ по преимуществу отличается энергіей и не терпитъ медленности; онъ построилъ капонирскіе локомотивы, чтобы овладѣть югомъ съ быстротою паровъ: такъ онъ спѣшитъ окончить это дѣло, а между тѣмъ генералъ Скоттъ приказываетъ своимъ войскамъ дѣлать не болѣе пяти восьмыхъ мили въ день. На этомъ основаніи, для занятія территоріи рабовладѣтельныхъ штатовъ, потребуется пятнадцать лѣтъ, не принимая въ соображеніе битвы, а также новые наборы, въ которыхъ, быть можетъ, встрѣтится надобность. Между тѣмъ правительство Линкольна желало бы овладѣть значительной частью спорной территоріи еще до будущей жатвы хлопчатой бумаги, чтобъ быть въ состояніи успокоить Англію, снабдивъ ее этимъ драгоцѣннымъ продуктомъ. Въ Миссури, генералъ Лайонъ (Lyon), удаленный отъ Вашингтона, дѣйствуетъ почти совершенно самостоятельно и съумѣлъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, съ тремя или четырьмя тысячами человѣкъ, отнять у рабовладѣльцевъ большую часть штата.

Къ ошибкѣ стратегической въ планѣ похода присоединилась другая ошибка, еще болѣе важная, въ дѣлѣ политики и нравственности. Правительство не съумѣло отдѣлить своихъ личныхъ видовъ отъ видовъ рабства. Нисколько не заботясь объ освобожденіи Негровъ, оно объявляетъ, что вооружается въ пользу какого-то конституціоннаго права. Спрашивается, съ какою цѣлью оно предприняло войну? ибо, собственно говоря, разница между *федератами* и *конфедератами* самая ничтожная. Въ своемъ посланіи Линкольнъ, вмѣсто того, чтобы съ чувствомъ глубокаго раскаянія признаться, что бѣдствіе междуусобной войны не имѣетъ другой причины, кромѣ слабости и низости юга,

разсуждаетъ со всевозможнымъ краснорѣчіемъ о законности права отпаденія. Всякому, кто не посвященъ въ тонкости юриспруденціи, такая причина покажется слишкомъ ничтожною. Дѣйствительно, если дѣло идетъ только о точномъ опредѣленіи права отпаденія и инсуррекціи, права, которое во всякомъ республиканскомъ правленіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ считается самою священною обязанностью,—то правительство Вашингтона совершило жестокое преступленіе, подвергнувъ свой край ужасамъ междуусобной брани. Вмѣсто того, чтобы стать на точку зрѣнія нравственности и поддерживать равенство людей, какъ бѣлыхъ, такъ и черныхъ, требуемое самой конституціей, Линкольнъ въ своемъ посланіи довольствовался упомянуть объ этомъ принципѣ только мимоходомъ. Бѣдные рабы, влачащіе цѣпи на поляхъ, засѣянныхъ тростникомъ или хлопчатой бумагой, и вы, несчастныя матери, у которыхъ отнимаютъ дѣтей, и старые слуги, которыхъ бьютъ бичемъ, вы, быть можетъ, надѣятесь, что дѣло идетъ о вашей свободѣ, и прислушиваетесь къ пушечному грому, считая его вѣстникомъ вашего освобожденія?—Ошибаетесь. Кровавый споръ ведется не изъ-за васъ: симъ рѣшается только вопросъ относительно точнаго значенія слова *федерація*.

Американцы, отважные и энергическіе въ предпріятіяхъ матеріальныхъ, всегда отличались крайнею робостью, когда дѣло шло объ утвержденіи принциповъ. Это весьма оригинальный недостатокъ: чтобы допустить существованіе рабства возлѣ свободы, чтобы осуществить такое невозможное сближеніе, необходимо было беспрестанно прибѣгать къ новымъ соглашеніямъ и жертвовать принципомъ свободы въ пользу распространяющагося притѣсненія. Когда сѣверъ увидѣлъ, что, для сохраненія его независимости, необходимо было прекратить уступки, онъ еще разъ прибѣгъ къ политикѣ соглашеній, оказавшейся для него роковою. Республиканцы вступили въ соглашеніе съ такъ называемыми демократами. Свободные штаты сѣвера вступили въ новое соглашеніе со штатами центра, чтобы сохранить ихъ въ союзѣ, вмѣстѣ съ пятью стами тысячъ рабовъ. Чтобы пріобрѣсти хорошее расположеніе этихъ пограничныхъ штатовъ, правительство Линкольна до-того доводитъ свою уступчивость, что велитъ выдать рабовъ, которые укрылись въ рядахъ его армій. Оно даже доходитъ до такой неизрѣчимой робости, что соглашается признать за Кентукки титулъ верховнаго штата, въ чемъ вообще отказываетъ отдѣльнымъ штатамъ. Оно признаетъ абсолютную нейтральность этого края и обязывается

не вступать въ его территорію. Отъ этого произошло, что провизія и оружія безпрепятственно отправлялись къ возмутителямъ юга и что шпіоны находили для себя въ Кентукки безопасное убѣжище. Кромѣ того, войска сѣвера лишили себя такимъ образомъ возможности занять цѣпь горъ Аллегани, гдѣ ихъ встрѣтило бы населеніе, расположенное въ ихъ пользу, и откуда они, по произволу, какъ изъ цитадели, могли бы угрожать Каролинамъ, Флоридамъ, Алабамѣ и при первомъ сигналѣ распространить пламя инсуррекціи на всемъ югѣ. Что же хотятъ они пощадить, эти свободные люди сѣвера? Они щадятъ рабство, потому что долгое время находились съ нимъ въ сообществѣ; а въ особенности потому, что для нихъ дороги хлопчатая бумага и фабрики Массачусета и Англіи. Они боятся этого рабства и въ то же время, быть можетъ, надѣются воспользоваться имъ когда нибудь. Но увы! сѣверъ ошибается, если думаетъ, что междуусобная война не будетъ имѣть для него другихъ непріятныхъ послѣдствій, кромѣ растраты 400,000 человѣкъ и двухъ милліардовъ франковъ: безпорядокъ и деморализація распространятся въ американской республикѣ, если она не поспѣшитъ исправить свое прежнее сообщество съ зломъ и не будетъ опираться на справедливость. Жители юга, по крайней мѣрѣ, болѣе откровенны; они признаются, что сражаются въ пользу рабства. Ихъ священники, католическіе и протестантскіе, молятъ бога войны благословить ихъ оружія и бичи. Для защиты этихъ признаковъ ихъ правъ, епископъ Полькъ (Polk), одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ теологовъ юга, промѣнялъ свой посохъ на ружье и надѣлъ мундиръ генералъ-маіора. Будемъ надѣяться, что непоколебимая логика событій съумѣетъ внушить надлежащіе принципы жителямъ сѣвера, потому что уничтоженіе рабства теперь такъ несомнѣнно, какъ фактъ, включенный въ страницы исторіи.

Вы видите, что вашъ корреспондентъ чувствуетъ необходимость представить событія, происходившія въ Турціи, Германіи, Испаніи, Америкѣ, Италіи, Англіи, чтобы говорить какъ можно менѣе о современной исторіи Франціи. Я однакожъ долженъ упомянуть вкратцѣ о четырехъ событіяхъ.

Первое событіе. Заботы относительно здоровья *владыки нашихъ судебъ* (стиль сенаторовъ). Два раза онъ падалъ въ обморокъ, продолжавшійся два часа. Монитеръ торжественно отрицалъ, будто докторъ Райе (Rayer) поспѣшно былъ призванъ въ Виши. Официальный журналъ правъ: докторъ Райе не былъ призванъ, но докторъ Де-

нонвилье (Denonvillier), по мнѣнію котораго августѣйшій паціентъ страдаетъ не порчею спиннаго мозга, а каменною болѣзнію. Вслѣдствіе этого его величество поспѣшилъ усердно пить воду Виши, отказаться отъ шампанскаго, строго соблюдать шестую заповѣдь церкви и какъ можно болѣе удерживаться отъ вспышекъ гнѣва. Какъ бы то ни было, воды принесли ему несомнѣнную пользу, но кажется, чрезвычайный дипломатическій конгресъ, о которомъ говорили такъ много, не состоится. Между тѣмъ императоръ предается удовольствіямъ, сколько можно. Ему сдѣлали безумный пріемъ, обнаруживающій дурной вкусъ и расточительность учредителей. По приказанію мѣстныхъ властей, были срублены цѣлые лѣса сосенъ, чтобы воздвигнуть тріумфальныя арки, съ гирляндами.—На этихъ аркахъ красовались надписи, во вкусѣ восточной дикой лести. Болѣе десяти тысячъ Овернцевъ расположены были въ окрестности, чтобы привѣтствовать своего государя; одна Англичанка—замѣтимъ, не Француженка,—отличилась, разостлавъ свою кружевную шаль подъ императорскіе сапоги.

Второе событіе. Правительство выпустило на 132 милліона облигацій желѣзныхъ дорогъ. Условія были какъ нельзя болѣе благопріятны: каждый подписчикъ можетъ въ одинъ мѣсяцъ выручить шестнадцать процентовъ вкладной суммы. Подписка вскорѣ превзошла назначенную цифру на два милліарда; всякій, чтобы быть увѣреннымъ въ полученіи акцій, подписался на сумму въ 10, 20, 50 разъ превышавшую ту, какую въ состояніи былъ внести. «Это торжественная манифестація финансоваго могущества странъ, новое доказательство довѣрія, внушаемаго правленіемъ его величества», восклицаетъ въ своемъ донесеніи Форсадъ де-ла Рокеттъ (Forçade de la Roquette), министръ финансовъ.

Третье событіе: Происходили избиранія въ члены генеральныхъ совѣтовъ и официальные журналы громогласно пропѣли гимнъ торжества. Само-собою разумѣется, что при этомъ употреблены были всѣ мѣры, къ какимъ прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ. Префекты, не слишкомъ разборчивые въ этомъ отношеніи, вооружились всѣмъ своимъ могуществомъ, чтобы выдвинуть своихъ протеже; лица, которыхъ вліяніе могло быть опасно, взяты были подъ стражу; типографіи и журналы не смѣли объявлять адресы независимыхъ кандидатовъ; кандидаты официальные разсылали свои билеты съ чиновниками, которыхъ провожали два жандарма, съ обнаженными саблями, и между тѣмъ никогда не было избрано столько противниковъ правительства. Странная вещь!

Когда префекты увидѣли, что не въ состоянiи навязать кандидатовъ императора, они стали предлагать конкурентовъ изъ числа легитимистовъ или орлеанистовъ, чтобы избѣгнуть пораженiя. Безъ сомнѣнiя, это весьма ловкая и отважная хитрость. Она напоминаетъ выходку мальчика, котораго повалилъ и тузилъ товарищъ, и который дерзко кричалъ своему побѣдителю: «бей меня, я приказываю!»

Четвертое событiе. Миресъ наконецъ осужденъ къ тюремному заключенiю на пять лѣтъ и къ уплатѣ трехъ или четырехъ тысячъ франковъ за плутовство. Это весьма скудное вознагражденiе за миллiоны, украденные у публики. «Бѣдный Миресъ подвергся жестокому обращенiю!» воскликнули нѣкоторые почтенные акцiонеры. Эти добрые люди почти тронуты были до слезъ, когда узнали, что Миресъ, по выслушанiи приговора, погрозилъ своимъ судьямъ кулакомъ, испустилъ дикiй крикъ и наконецъ заплакалъ навзрыдъ. Его друзья — у Миреса есть друзья — говорятъ, что онъ отмститъ правительству открытiемъ страшныхъ тайнъ. Пусть же мститъ онъ, бѣдняга, если можетъ и если позволятъ Морни, Барошъ и Мокаръ. Между тѣмъ герцогъ Грималъди, обвиняется господиномъ Калле де-Сенъ-Поль (Calley de Saint-Paul), тестемъ генерала Флери, въ похищенiи 1,200,000 франковъ въ знаменитыхъ гугенапскихъ рудникахъ. Гримальди, въ свою очередь, обвиняетъ Сенъ-Поля въ покражѣ двѣнадцати миллiоновъ. Другой важный сановникъ похитилъ алмазы; г. де-Сенъ-Жоржъ, печатавшiй бюллетени наполеоновскаго coup d'état, повиненъ въ банкротствѣ на 800,000 франковъ, и поэтому отправленъ въ Сидни, не въ качествѣ ссыльнаго, но въ качествѣ представителя Францiи, въ качествѣ консула, съ 30,000 франковъ жалованья въ годъ. У насъ такимъ образомъ было три или четыре случая значительнаго воровства и обмана, не считая интересной исторiи барона Pons de Vidil, одного изъ шестидесяти знатныхъ членовъ нашего Жоке-клуба. Этотъ законодатель роскоши и вкуса почелъ нужнымъ раздробить черепъ своего сына, чтобы покончить опекунскiе счеты. Какъ бы то ни было, Рвдиль, Сенъ-Жоржъ, Сенъ-Поль и Гримальди жалкiе плуты въ сравненiи съ Миресомъ, который изъ ничтожнаго бордоскаго жида превратился въ знаменитаго капиталиста. Судья при немъ удивлялся огромнымъ барышамъ, которые онъ бралъ за свои коммисiи однимъ почеркомъ пера: 32 миллiона за 175 миллiоновъ, которые предполагалось собрать подпиской въ пользу римскихъ дорогъ; 60 миллiоновъ, раздѣленныхъ съ партнеромъ Саламанка, по

дѣлу относительно дороги изъ Пампелуны въ Саррагоссу; 82 милліона, присужденныхъ за готовность дать ходъ турецкому займу. Изъявляя весьма естественное удивленіе такимъ огромнымъ барышамъ, судья назвалъ такой образъ дѣйствованія *лихоимствомъ*. «Лихоимство!» воскликнулъ предпріимчивый Миресъ. «Видно, что вы судья, а не банкиръ. Вы не понимаете никакого толка въ денежныхъ дѣлахъ. Какъ жаль, что я не могу быть судимъ человѣкомъ равнымъ мнѣ!» Это восклицаніе весьма остроумно, но справедливость требуетъ замѣтить, что оно изобрѣтено не Миресомъ. Назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ, въ царствованіе Люи-Филиппа, знаменитый убійца Poulmann воскликнулъ по выслушаніи приговора: «Гильотина, гильотина! Какіе же вы буржуа! тотчасъ видно, что вы никогда не жили среди полей! Я требую справедливости! Я хочу быть судимъ людьми, равными мнѣ!»

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

II.

«Если мы спросимъ себя, (говоритъ Стюартъ Милль, въ своемъ новомъ сочиненіи,) отъ какихъ причинъ и условій зависитъ хорошее правленіе во всѣхъ его отношеніяхъ, то мы находимъ, что главное условіе, изъ котораго вытекаютъ всѣ другія, заключается въ достоинствѣ самаго общества, управляемаго тѣмъ или другимъ правительствомъ.... Поэтому, продолжаетъ онъ, мы можемъ принять за критеріумъ разумной власти степень ея желанія увеличить добрыя качества подвластныхъ ей людей, какъ въ общественномъ, такъ и въ частномъ быту; эти качества дополняютъ силу движенія, которая работаетъ въ правительственномъ механизмѣ». (On Represent. govern. by J. S. Mill.. 1861, стр. 28 и 30).

Итакъ, по мнѣнію знаменитаго публициста, норма политической жизни народовъ опредѣляется нормой общественнаго ихъ развитія, т. е. всѣми умственными и соціальными условіями, въ какихъ находится нація. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство, въ какой бы формѣ не выражалась его система, не можетъ существовать отдѣльно отъ общества, — точно также, какъ сила тяготѣнія безъ физическаго тѣла; само собою разумѣется, что самая потребность въ политической жизни вызывается народнымъ сознаніемъ. Процессъ этого сознанія чрезвычайно теменъ, потому что въ немъ участвуютъ самыя разнооб-

разныя обстоятельства, ускользающія отъ нашего наблюденія и анализа; конечно, въ немъ играетъ главную роль воля человѣка, но на волю дѣйствуютъ тысячи другихъ внѣшнихъ условій, начиная отъ географическаго положенія націи и оканчивая ея религіозными убѣжденіями. Почему, напримѣръ, древняя Греція выработываетъ у себя демократическія начала, а Персія останавливается на деспотическомъ принципѣ и съ нимъ умираетъ — на этотъ вопросъ современное знаніе еще не въ состояніи дать положительнаго отвѣта.

Есть мнѣніе,—и оно принадлежитъ добродушнымъ оптимистамъ нашей эпохи, — что въ политическихъ системахъ есть непремѣнный прогрессъ или переходъ изъ одной и худшей формы въ другую и лучшую, такъ что пожалуй и Персія могла бы сдѣлаться Греціей, если бъ прожила дольше. На этомъ парадоксѣ основывались различныя политическія теоріи, которыя прилагались къ народной жизни, какъ искуственныя подпоры придвигаются къ хилому и падающему дереву. Франція два разъ пробовала перенести на свою почву англійское представительное правленіе, и каждый разъ доходила до самыхъ нелѣпыхъ результатовъ; исторія представляетъ множество и такихъ примѣровъ, когда народъ, вмѣсто прогресса, отступаетъ назадъ и, теряя хорошее правительство, подчиняется дурному. Это случилось съ италіянскими государствами, процвѣтавшими въ XV вѣкѣ, и едва не доведенными до китайской гнили въ XIX, хотя соціальное развитіе Сѣверной Италіи теперь гораздо полнѣй и выше, чѣмъ было тогда. Изъ этого слѣдуетъ, что общество не всегда можетъ опредѣлить норму своей политической жизни, и мнѣніе Милля можно признать справедливымъ только въ такомъ случаѣ, когда, *во-первыхъ*, общество свободно располагаетъ своими внутренними силами и *во-вторыхъ*, когда оно, въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ не зависитъ отъ завоевателя или отъ другой принудительной системы. Примѣромъ первой категоріи служитъ настоящій Римъ; нельзя сказать, чтобъ онъ не чувствовалъ необходимости слиться съ италіянскимъ королевствомъ, но надъ нимъ висятъ двадцать тысячъ французскихъ штыковъ, и онъ принужденъ согласиться съ этой ultima ratio политической власти. Примѣръ другой категоріи народовъ представляетъ намъ Венгрія.

Болѣе трехъ сотъ лѣтъ исторія Венгріи безпрерывно протестуетъ противъ австрійскаго владычества.—Дѣло въ томъ, что относительное положеніе этихъ двухъ народовъ самое ложное: страна, почти десять вѣковъ имѣвшая конституціонное правленіе и политическую жизнь, соединилась

съ страной, рѣшительно враждебной всякой національной свободѣ; въ Венгріи никогда не терялись муниципальныя или мѣстныя права, между тѣмъ какъ въ Австріи всегда стояла на первомъ планѣ централизація, начиненная сверху и до низу бюрократіей. Венгерскій комитатъ составлялъ душу внутренняго управленія; безъ его контроля не приводился въ исполненіе ни одинъ законъ, имъ избирались всѣ должностныя лица и передъ нимъ были *отвѣтственными*, а не передъ королемъ или правительствомъ; собранія комитатовъ полновластно рѣшали всѣ дѣла, принадлежавшія кругу ихъ дѣятельности; они опредѣляли бюджетъ на содержаніе чиновниковъ, дорогъ и мостовъ, госпиталей и темницъ; они могли составлять статуты, которые признавались обязательными, если только не были противны общественной и индувидуальной свободѣ; они назначали депутатовъ для общаго сейма, давали имъ очень подробныя инструкціи, отъ которыхъ представитель не имѣлъ права отступить безъ особеннаго разрѣшенія самого же комитата, такъ что высшая судебная и законодательная власть *фактически* находилась въ его рукахъ, а парламентъ былъ только органомъ исполнительныхъ распоряженій; въ дѣлахъ болѣе важныхъ, какъ напримѣръ, въ проэктахъ реформъ и въ демонстраціяхъ противъ неправильныхъ дѣйствій правительства комитаты сносились между собой, постоянно будили общественное мнѣніе и слѣдили за ходомъ національной жизни. Члены, составлявшіе собранія комитата, состояли безъ различія изъ всѣхъ сословій, изъ богатыхъ и бѣдныхъ, изъ дворянъ и земледѣльцевъ, изъ женщинъ или ихъ довѣренныхъ, изъ духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій, и право голоса основывалось не на привилегіи богатства, а на умственной способности и старшинствѣ рода. Такъ автономія комитата, какъ видно изъ нашего эскиза, была довольно широкая; но она не стѣсняла дѣятельности комуны. Въ границахъ чисто мѣстныхъ интересовъ, комуна была также независима, какъ комитатъ; она пользовалась всѣми правами и выгодами муниципальнаго представительства, избирала себѣ судей, завѣдывала полиціей и администраціей, не относилась за предписаніями къ высшей инстанціи ни въ какомъ случаѣ, если дѣло не превышало ея мѣстной дѣятельности; каждый земледѣлецъ чувствовалъ себя въ комунѣ столько же независимымъ хозяиномъ своей личности, собственности и совѣсти, сколько король или магнатъ. На верху этой пирамиды стоялъ сеймъ, подъ предсѣдательствомъ палатина, избираемаго націей. Сеймъ распадался на двѣ палаты: нижняя состояла изъ депутатовъ Кроаціи и комита-

товъ, а верхняя изъ высшаго духовенства и титулованной аристократіи. Законодательная инисіатива сейма, какъ мы уже замѣтили, находилась подъ зоркимъ наблюденіемъ и постояннымъ вліяніемъ комитата, и въ свою же очередь контролировала королевскую власть; король безъ согласія парламента не могъ собрать ни одной копейки налоговъ, ни одного солдата, ни начать войны, ни заключить мира.

Такая представительная система въ высшей степени благопріятствовала образованію политической жизни народа и развитію его индивидуальной свободы. Къ сожалѣнію, венгерская конституція, подобно всѣмъ другимъ, доселѣ намъ извѣстнымъ, страдала двумя капитальными недостатками—олигархическимъ элементомъ и отсутствіемъ народнаго воспитанія. Чтобъ пояснить это мнѣніе, мы должны оговориться, что конституціонное правленіе, почерпаетъ свою силу и дальновидность въ образованіи народа, въ его способности обсуживать свои интересы и руководить своимъ мнѣніемъ избранную имъ власть. Безъ этихъ жизненныхъ началъ она, обыкновенно, попадаетъ въ руки той или другой партіи, того или другаго привилегированнаго сословія и изъ выраженія народной воли переходитъ въ выраженіе каприза или разсчетовъ небольшой кучки людей. Каждый изъ нихъ замыкается въ свои личныя наклонности и желанія. Чтобъ парализировать олигархическій произволъ, у конституціонной націи есть одно средство—растворить его въ демократическомъ принципѣ; но демократія возможна только при совершенномъ экономическомъ равенствѣ ея членовъ. Венгерская олигархія выросла на поземельной собственности и родовыхъ привилегіяхъ, подобно англійской, и *de facto* притѣсняла тотъ же народъ, которой *de jure* имѣлъ равное съ нею участіе въ самоуправленіи. Это не удивительно: у нея были огромныя матеріальныя средства, образованіе, связи, наслѣдственныя отличія, а у массы—бѣдность и невѣжество. Мы не имѣемъ права упрекнуть мадярскую аристократію въ совершенномъ отчужденіи отъ народа, но должны сознаться, что они вовсе и не отличались тѣмъ безкорыстіемъ и патріотизмомъ, какія навязываютъ ей любители великолѣпныхъ брелокъ магнатства; читатели Русскаго Слова уже знаютъ, какъ эта аристократія охотно бросалась на чины и ордена нѣмецкой имперіи, и какъ она потомъ переродилась изъ гордой олигархіи въ подобострастную бюрократію.

За одно съ венгерской аристократіей дѣйствовали такъ называемые *легисты*, люди необходимые тамъ, гдѣ здоровый смыслъ за-

тѣняется формой закона и его крючковатымъ толкованіемъ. Это особенная порода насѣкомыхъ, которыхъ обильно плодитъ отсутствіе живаго духа въ народномъ организмѣ. Мадярскіе легисты, подобно американскимъ, старались развить въ націи вовсе не уваженіе къ праву, а страсть къ его мертвой буквистикѣ, и Венгрія не дешево расплатилась за эту страсть.

За всѣмъ тѣмъ чувство самоуправленія было развито въ Венгріи до такой степени, что она не могла отказаться отъ него добровольно. Конституція, при всѣхъ недостаткахъ ея, гарантировала Мадярамъ самостоятельное положеніе между народами и ставила ихъ неизмѣримо выше Австріи. Но Австрія была *сильнѣй* Венгріи: у первой было огромное войско, іезуиты, всегда готовые служить ея замысламъ, политика, ничѣмъ не стѣсняющаяся, у нея были всѣ тайныя и явныя средства для угнетенія націй, враждебныхъ ей по духу своего политическаго состоянія, на ея сторонѣ было католическое начало, вооруженное анаѳемой и инквизиціей, государственное право Европы и преданіе. Въ такомъ положеніи эти два народа встрѣтились подъ однимъ политическимъ горизонтомъ: основные законы Венгріи, ея племенныя особенности, ея исторія и географія никогда не могли слиться съ австрійской національностью; они не допускали ни фактическаго, ни нравственнаго единства. И потому присоединеніе Венгріи къ Австріи отнюдь не уничтожало коренныхъ правъ первой и не давало полнаго господства второй. Вотъ главныя условія, на основаніи которыхъ Мадяры примкнули къ Германской имперіи:

1. Ни что не можетъ быть сдѣлано безъ согласія Сейма, — ни законъ, ни миръ, ни война, ни измѣненіе въ судебномъ и административномъ устройствѣ.

2. Венгрія не будетъ подвластна никакой другой странѣ; но удержитъ свою независимость какъ политическую, такъ и административную; венгерскіе министры будутъ управлять ею, согласно съ ея собственными законами, издаваемыми Сеймомъ.

3. Територія венгерской короны остается единой и нераздѣльной.

4. Законодательная власть принадлежитъ одному Сейму, равно какъ и право толковать или отмѣнять существующія постановленія.

5. Никто не можетъ быть судимъ внѣ законовъ и судей, избираемыхъ самой Венгріей.

Эти условія или «pacta conventa» послужили фундаментомъ союза

Венгріи съ Австріей: они видоизмѣнялись смотря по обстоятельствамъ, но никогда ни утрачивали своего главнаго характера. Свободный и взаимно-обязательный договоръ венгерскаго народа съ династіей австрійскаго дома былъ признанъ отдѣльными договорами, подтверждался клятвами каждаго изъ нѣмецкихъ императоровъ, возлагавшаго на себя венгерскій вѣнецъ, наконецъ вытекалъ изъ всей исторіи и конституціоннаго статута Мадяръ.

Но Австрія понимала, что муниципальная жизнь и представительная система Венгерцевъ, не можетъ сплавится съ ея бюрократическимъ управленіемъ и натянутой централизаціей. Примиренія враждебныхъ началъ не могло быть; напротивъ, исторія тѣмъ рѣзче разъединяла ихъ, чѣмъ дальше развивала противоположность направленій, та что Австрія и Венгрія, передъ 1848 годомъ, находились въ томъ же положеніи другъ къ другу, какъ во время Толстогубаго Леопольда. Революція показала, что трехвѣковая политика вѣнскихъ пандуровъ, желавшая уничтожить національную независимость мадярской земли, обманулась въ надеждахъ. Побѣда осталась за болѣе сильнымъ, но побѣжденное право, оскорбленное висѣлицами Гайнау и прокламаціями Туна и Баха, не сломилось, а пріобрѣло новое сочувствіе въ глазахъ Европы. Австріи слѣдовало, по крайней мѣрѣ, воспользоваться этимъ урокомъ, но нѣтъ,—она торопилась отнять у покоренной страны даже то, чтó было оставлено ей прежними правительствами. Отсюда начинается цѣлый рядъ насильственныхъ поступковъ, возмущавшихъ даже друзей австрійскаго кабинета. Мы уже знаемъ подробности этой десятилѣтней деморализаціи, и потому не станемъ повторять ихъ. Достаточно сказать, что Австрія намѣрена была обратить Венгрію въ свою наслѣдственную ферму. Страна была лишена всѣхъ комунальныхъ правъ, свободы вѣроисповѣданія, свободы слова и совѣсти, гласнаго суда, муниципальныхъ выборовъ. Туча иностранныхъ чиновниковъ, не знавшихъ ни языка, ни обычаевъ Мадяръ, нахлынула на венгерскую землю, брала все, что можно было взять силой и угрозой; конфискаціи имуществъ были самыя произвольныя, финансовая эксплуатація дошла до безцеремоннаго обмана, вездѣ былъ введенъ монополь, самые мелкіе промыслы были обложены тарифомъ, торговля и мануфактурная дѣятельность стѣснена паспортами, заставами и регламентаціей вѣнскаго министерства, наличная касса и золотые слитки изъ пестскаго банка были перевезены въ Вѣну, и правительство не заблагоразсудило заплатить за

нихъ даже бумажными билетами; въ гимназіи и лицеи были введены програмы, составленныя подъ руководствомъ іезуитовъ, и національная академія, основанная графомъ Сечени, обложена была налогомъ въ 5,000 флориновъ; правительство запретило публичныя собранія ея членовъ, и это заведеніе, стоившее Венгріи столько пожертвованій, едва могло удержаться.

Въ такомъ состояніи застала Венгрію италіянская война. Побѣды Гарибальди, паденіе четырехъ династій, дружественныхъ съ Австріей, освобожденіе ломбардскаго королевства, быстро возраставшая сила Піемонта и всей Италіи наконецъ заставили вѣнскій кабинетъ подумать о Венгріи. Вслѣдствіе этого явился дипломъ 20 октября 1860 года. Было бы слишкомъ наивно вѣрить въ искренность либеральнаго направленія Австріи, но еще было бы наивнѣе думать, что Венгрія, послѣ всѣхъ прошлыхъ опытовъ, легко поддастся обѣщаніямъ Франциска Іосифа. Она приняла дипломъ съ недовѣріемъ и потомъ съ негодованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ видомъ конституціонной харты, въ немъ заключалось министерское предписаніе Австріи, дозволявшее подъ непосредственнымъ вліяніемъ ея, разсуждать о своихъ дѣлахъ, но не рѣшать ихъ безъ воли императора. Затѣмъ собрались палаты, въ которыхъ не замедлила составиться опозиція и обратить вниманіе страны на ея положеніе. Венгрія изъ конца въ конецъ заволновалась. Между тѣмъ палаты вотировали адресъ и отправили его въ Вѣну. Вопросъ данной минуты покоится на ожиданіи императорскаго отвѣта; его ожидаетъ Пестъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся Европа, съ величайшимъ нетерпѣніемъ; отъ него зависитъ судьба не одной Венгріи, но можетъ быть всей австрійской имперіи.

Главный пунктъ, на которомъ настаиваетъ опозиція, заключается въ требованіи отвѣтственнаго министерства въ Венгріи, Трудно вѣрится, чтобъ Францискъ—Іосифъ согласился на эту уступку, потому что она обезпечитъ Мадярамъ если не полное самоуправленіе, то по крайней мѣрѣ независимость отъ безусловнаго произвола Австріи. Впрочемъ все зависитъ отъ обстоятельствъ, и если они не повернутъ на сторону вѣнскаго правительства, то Венгрія выиграетъ свой процессъ.

Рѣшительное поведеніе Рикасоли въ высшей степени благопріятствуетъ венгерскому вопросу, потому что въ общественномъ мнѣніи и въ дипломатическихъ разсчетахъ настоящее состояніе Венеціи тѣсно соединяется съ состояніемъ Венгріи. Чѣмъ энергичнѣй будетъ дѣйствовать Піемонтъ, тѣмъ меньше можетъ разсчитывать Австрія на свое

упорство и клерилальную партію Рима. Но вотъ какъ Рикасоли ставитъ программу самой политики: «Я слышалъ, говоритъ онъ, народные толки объ уступкахъ (територіальныхъ). Позвольте мнѣ со всей силой презрѣнія отвергнуть не только это слово, но и самый помыслъ о немъ. Правительство не намѣрено уступить ни одного вершка италіянской земли, ни одного вершка оно и не уступитъ и не должно уступить. Правительство думаетъ объ одномъ—о защитѣ и возвращеніи територіи: оно думаетъ о Римѣ и Венеціи. Къ вѣчному городу и къ царицѣ Адріатики обращаются всѣ его желанія, надежды и энергія націи. Правительство чувствуетъ, что ему предстоитъ великій трудъ; оно исполнитъ его. Созрѣвшій благопріятный случай откроетъ намъ дорогу въ Венецію. Между тѣмъ мы думаемъ о Римѣ. Политически оторванный отъ остальной Италіи, долженъ ли онъ остаться центромъ интриги и заговоровъ, постоянной угрозой общественному спокойствію? *Идти въ Римъ для насъ составляетъ не только право, но и неизбѣжную необходимость.*» Такъ говорилъ Рикасоли въ парламентѣ, въ такомъ духѣ онъ доселѣ и дѣйствуетъ. Не думаемъ, чтобъ эти энергическія слова сардинскаго министра особенно пріятно отзывались въ ушахъ австрійскаго правительства; но есть основаніе думать, что это не одни слова и слова лорда Пальмерстона и его грума, возведеннаго въ достоинство пера,—Джона Росселя. Къ сожалѣнію, такому гордому и смѣлому тону далеко не отвѣчаетъ внутреннее положеніе южной Италіи. Тамъ продолжается реакція, перешедшая въ открытые разбои бандитовъ. Римскіе кардиналы и агенты прежняго правительства снабжаютъ ихъ деньгами, оружіемъ, одеждой и тѣмъ поддерживаютъ кровопролитіе, котораго какъ будто было мало подъ Гаэтой. Мѣстомъ разбоевъ служатъ окрестности Мельфи и Офанти, Базиликата, Гаргано, горы Абруццы и прибрежныя части Неаполя отряды инсургентовъ, состоящія изъ распущенныхъ солдатъ низложеннаго неаполитанскаго короля и разной сволочи, нищихъ, монаховъ, нападаютъ небольшими отрядами отъ 30—1000 человѣкъ, производятъ убійства, грабежи, насилія и потомъ снова скрываются въ горы. Бѣдные жители деревень и даже городовъ, не защищенныхъ сардинскимъ войскомъ, находятся въ постоянной опасности быть ограбленными или вырѣзанными. Эти неурядицы вызываютъ серьезное вниманіе Піемонта.

Нельзя сказать, чтобъ Турція была счастливѣй Неаполя, но въ ней, по крайней мѣрѣ, разбои облечены во всѣ законныя формы....

Абдулъ-Меджидъ, растративъ огромныя суммы на содержаніе гарема, поставилъ своего преемника въ необходимость выплачивать долги насчетъ женъ покойнаго султана. Абдулъ-Азизъ распустилъ гаремъ, распродалъ брилліанты и золотыя украшенія для покрытія издержекъ своего брата; затѣмъ онъ сокращаетъ число улемовъ, ограничиваетъ свои собственные расходы и обѣщаетъ приступить ко всевозможнымъ реформамъ на европейскій ладъ. Какъ и надо было ожидать, онъ начинаетъ преобразованія порты съ введенія нарѣзныхъ пушекъ и увеличенія сухопутнаго войска.

Характеръ правленія Абдулъ-Азиза еще не успѣлъ обозначиться, и потому трудно судить о его личныхъ качествахъ и государственной дѣятельности. Мы знаемъ только, что это одинъ изъ ревностныхъ мусульманъ. Затворническая жизнь, проведенная имъ почти въ заключеніи, образовала изъ него строгого послѣдователя исламизма если только не фанатика, и человѣка самой умѣренной жизни. Пощаженный своимъ братомъ, онъ совершенно былъ удаленъ отъ правительственныхъ занятій за кототорыя такъ горячо принимается теперь.

Г. Б.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПАНЕГИРИСТЫ И ПОРИЦАТЕЛИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Опытъ историческаго оправданія Петра I-го противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. Карла Задлера. С. Петербургъ. 1861).

(статья вторая).

Прочитавъ первую статью нашу, догадливые люди, по всей вѣроятности, вывели изъ нея такое заключеніе: «вотъ (подумали они) авторъ непремѣнно хочетъ оправдать Петра Перваго во всѣхъ его дѣйствіяхъ, оправдать его безусловно, во что бы то ни стало.... Ахъ, какой отсталый человѣкъ долженъ быть этотъ авторъ! Можно ли такъ необдуманно идти наперекоръ современнымъ воззрѣніямъ и самоновѣйшимъ выводамъ науки? Можно ли возвращаться снова къ тому, что пройдено безъ возврата, осталось далеко позади? Было время — мы превозносили Петра до небесъ, мы сочиняли ему восторженнѣйшіе панегирики въ стихахъ и прозѣ; но, вѣдь, тогда мы еще не были такъ зрѣлы и развиты, какъ теперь; тогда, къ сожалѣнію, мы опрометчиво увлекались *блестками и изгарью* гнилаго запада; тогда мы даже и не подозрѣвали тѣхъ несокрушимыхъ данныхъ, на которыхъ основывается нашъ взглядъ на Петра въ настоя-

щую минуту. Можно ли же, повторяемъ, теперь, имѣя подъ руками такія несокрушимыя данныя, пытаться оправдывать Петра во всѣхъ его дѣйствіяхъ, начиная отъ пытокъ и казней стрѣльцовъ до дѣла царевича Алексѣя Петровича? Можно ли же, видя на каждомъ шагу потоки человѣческой крови, слыша каждую минуту свистъ кнута и вопли истязуемыхъ, стараться увѣрять зрителя, что это совсѣмъ не кровь, не свистъ кнута и не вопли, а *такъ*... обманъ чувствъ, которому не слѣдуетъ вѣрить? Это — чистое безуміе!»...

Сдѣлавъ такое заключеніе о нашихъ цѣляхъ и желаніяхъ, догадливые люди, по нашему мнѣнію, обнаружили бы свою догадливость не совсѣмъ въ блистательномъ свѣтѣ. Мы очень далеки отъ мысли оправдывать Петра безусловно, во всѣхъ его дѣйствіяхъ, потому что оправдывать безусловно, во всѣхъ дѣйствіяхъ, невозможно ни одного человѣка, коль скоро онъ — человѣкъ, т. е. существо, состоящее изъ плоти и крови. Мы еще дальше отъ намѣренія (какъ бы ни было это остроумно и оригинально) доказать нашимъ читателямъ, что кровь вовсе не кровь, кнутъ вовсе не кнутъ и вопли вовсе не вопли. Кровь всегда будетъ кровью, кнутъ всегда будетъ кнутомъ и вопли всегда будутъ воплями, какъ «грѣхъ всегда будетъ грѣхомъ и мерзость всегда будетъ мерзостью», по безсмертному выраженію, употребленному г. Тертіемъ Филиповымъ въ одной изъ книжекъ въ Бозѣ почившей «Русской Бесѣды». Это аксіома, противъ которой, вопреки ожиданіямъ догадливыхъ людей, мы спорить не станемъ. Не станемъ мы также оспаривать и того мнѣнія, что крови при Петрѣ пролито было не мало; что кнуту въ то время сфера дѣятельности была не узкая; что своды преображенскихъ и другихъ застѣнковъ оглашались воплями очень нерѣдко. Опровергать все это — значило бы показать совершенное невѣдѣніе петровской эпохи, и намѣренія наши вовсе не таковы. Намѣренія наши не идутъ дальше желанія пополнить нѣкоторые пробѣлы въ интересныхъ статьяхъ нашихъ изслѣдователей – обличителей Петра Великаго, съ такой выгодной стороны заявившихъ себя отечественой публикѣ мягкостью сердецъ, благородствомъ чувствованій и гуманностью воззрѣній. Намъ — съ прискорбіемъ говоримъ это впередъ — не удастся обнаружить ни одного изъ этихъ качествъ: мы хотимъ именно попробовать взглянуть на кровь безъ междометій ужаса и отвращенія; мы хотимъ, говоря о пыткахъ и казняхъ, избѣгать всячески тѣхъ эффектныхъ восклицаній, за которыя авторъ получаетъ отъ чувствительнаго чита-

теля названіе прекрасной души человѣка. Словомъ, мы имѣемъ желаніе, отрѣшившись отъ взглядовъ лѣта по Р. Х. 1861, сколь возможно спокойнѣе разсмотрѣть вопросы: почему такъ много крови пролито было при Петрѣ? Почему такъ много пытокъ и казней ознаменовало это славное царствованіе? Проливалъ ли грозный царь человѣческую кровь изъ удовольствія ее видѣть, пыталъ ли онъ своихъ подданныхъ изъ любви къ застѣночнымъ зрѣлищамъ, или были на то какія нибудь причины, и если были, то можно ли эти причины назвать уважительными? При этомъ, разумѣется, мы коснемся и другаго вопроса, — вопроса о томъ, въ какой степени благоденствовала и благодушествовала Русь до Петра, и слѣдуетъ ли держаться того мнѣнія, что только съ воцареніемъ «великаго преобразователя нашего» выступили на первый планъ заплечные мастера, засвистали «нещадно» въ ихъ рукахъ кнуты, плети и батоги, и пошли въ ходъ по всей безпредѣльной россійской имперіи «аресты... допросы... тюрьмы... дыба... кнутъ... клещи... жженіе живыхъ... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощадѣ» и т. д.?

Разсмотрѣніе этого послѣдняго вопроса имѣетъ особенную важность: отъ рѣшенія его въ ту или другую сторону болѣе всего можетъ зависѣть оправданіе или обвиненіе Петра въ крутости и жестокости, и порицатели «великаго преобразователя нашего» не преминули, разумѣется, воспользоваться *надлежащимъ* сопоставленіемъ старой Руси новой. Была у насъ, какъ извѣстно, цѣлая школа, занимавшаяся спеціально воспѣваніемъ красотъ добраго стараго времени, и пѣснопѣнія (въ стихахъ и прозѣ) нѣкоторыхъ бардовъ этой школы могутъ доставить не мало услады каждому просвѣщенному человѣку. Новѣйшіе изслѣдователи-обличители Петра Великаго относятся къ доброму старому времени довольно неопредѣленно и особенно-яркихъ взглядовъ на него не бросаютъ; но симпатія ихъ къ прелестямъ этого времени видна уже изъ того, какъ относятся они къ петровской эпохѣ, какими эпитетами клеймятъ петровыхъ слугъ и друзей, съ какимъ наслажденіемъ высчитываютъ количество ударовъ, данныхъ тогда-то и тамъ-то такому-то или такому-то *злополучному страдальцу*. Количество ударовъ — любимый конекъ нашихъ новѣйшихъ изслѣдователей-обличителей, и манера ихъ при описаніи пытокъ и казней, вообще, такова, что мягкосердечный, но малосвѣдущій читатель начинаетъ серьёзно видѣть въ Петрѣ если не изобрѣтателя кнута и плахи, то, по крайней мѣрѣ, человѣка, который первый

познакомилъ съ этими пріятными инструментами кроткихъ и добродѣтельныхъ Россіянъ. Слыша безпрестанно съ одной стороны: «вздернутъ на дыбу», «дано двадцать пять ударовъ», «жженъ огнемъ», «розыскивано имъ трижды», «битъ батоги нещадно» и т. д.; слыша съ другой стороны самыя восторженныя похвалы доброму старому времени, мягкосердечный, но малосвѣдущій читатель проникается искреннѣйшею ненавистью къ «великому преобразователю» и его преобразованіямъ и съ умиленіемъ устремляетъ взоры свои въ даль минувшаго, гдѣ такъ привѣтливо мелькаютъ и красуются симпатичныя фигуры древнихъ царей, бояръ и пастырей церкви, новгородское вѣче, псковская вольница, общинное пользованіе землею и цѣлая куча всякаго рода добродѣтелей. Петровская Русь наконецъ начинаетъ казаться мягкосердечному, но малосвѣдущему читателю однимъ огромнымъ застѣнкомъ, биткомъ набитымъ жертвами, палачами и свирѣпыми судьями, а Русь прежняя, Русь старая принимаетъ видъ какой-то сказочно-прекрасной, обѣтованной страны, въ которой люди только и дѣлали, что возносили теплыя мольбы къ Богу, благодушно сидѣли подъ смоковницами своими, распѣвали пѣсенки, попивали крѣпкіе меды, обнимались, цѣловались и великодушно прощали другъ-другу всѣ прегрѣшенія вольныя и невольныя. О пыткахъ и казняхъ не было тогда и помину; но явился Петръ — и полилась кровь ручьями, и показались на площадяхъ русскихъ городовъ невиданные дотолѣ колья, колеса, клещи, и кроткіе законы, которыми управлялись долгого времени кроткіе Россіяне, разомъ перещеголяли жестокостью даже знаменитые законы Дракона....

И такого рода мнѣнія съ каждымъ днемъ распространяются все больше и больше; и кругъ мягкосердечныхъ, но малосвѣдущихъ людей, увлеченныхъ краснорѣчіемъ обличителей и порицателей Петра Великаго, увеличивается замѣтно. Посмотримъ же, насколько эти мнѣнія справедливы.

Не совсѣмъ-то, конечно, пріятное впечатлѣніе выноситъ гуманный человѣкъ изъ знакомства съ петровскими уголовными законами! Не очень-то благотворно можетъ подѣйствовать на нервы чтеніе, напр., такихъ статей:

1.

«Ежели кто изъ воинскихъ людей найдется идолопоклонникъ, чер-

нокнижецъ, ружья заговоритель, суевѣрный и богохульный чародѣй: оный по состоянію дѣла въ жестокомъ заключеніи, въ желѣзахъ, гоняніемъ шпицрутенъ наказанъ или весьма сожженъ имѣетъ быть (¹)».

2.

«Кто имени Божію хуленіе приноситъ, и оное презираетъ, и службу Божію поноситъ, и ругается слову Божію и святымъ таинствамъ, а весьма въ томъ онъ обличенъ будетъ; хотя сіе въ пьянствѣ или трезвомъ видѣ учинится: тогда ему языкъ раскаленнымъ желѣзомъ прожженъ, и потомъ отсѣчена глава да будетъ (²).

3.

«Кто изъ офицеровъ или рядовыхъ съ непріятелемъ тайную и опасную переписку имѣть будетъ, и непріятелю или его союзникамъ какъ нибудь вѣдомость какую подастъ, или съ непріятелемъ и отъ него съ присланнымъ трубачемъ, барабанщикомъ и съ таковыми подозрительными особами безъ вѣдома и указа отъ фельдмаршала или коменданта, хотя въ полѣ, въ крѣпостяхъ или гдѣ индѣ, тайнымъ образомъ разговоръ имѣть, переписываться, письма принимать или переносить будетъ: оный имѣетъ, яко шельмъ и измѣнникъ, чести, пожитковъ и живота лишенъ и четвертованъ быть».

«*Толкованіе.* Однако же прилучаются случаи, въ которыхъ сіе наказаніе умаляется, и преступитель сперва казненъ, а потомъ четвертованъ бываетъ, яко же оное наказаніе прибавляется рваніемъ клещами, ежели оная измѣна великій вредъ причинитъ войску, землямъ, городу или государю (з)».

4.

«Ежели кто для прибыли или въ надеждѣ къ какой прибыли, договорится, наймется, или дастъ себя подкупить, или готова себя учинитъ кого убить смертно: тогда оный купно съ тѣмъ, кто его

(¹) Уставъ воинскій. Полное собраніе законовъ россійской имперіи, т. V, стр. 321.

(²) Тамъ же.

(³) Тамъ же, стр. 356.

нанялъ, подкупилъ или упросилъ, колесомъ разломанъ, и тѣла ихъ на колеса положены быть имѣютъ [1]».

5.

«Кто украдетъ что изъ намету или палубовъ, въ полѣ или въ походѣ, и въ томъ будетъ пойманъ, оному отрѣзать уши и носъ [2]».

6.

«Кто лживую монету будетъ бить или дѣлать, оный имѣетъ живота лишенъ, и по великости нарушенія, сожженъ быть (3)».

Нехорошо! Очень нехорошо!... Прочитавъ эти шесть статей и еще нѣсколько, имъ подобныхъ, мы сами чуть-было не воскликнули вмѣстѣ съ изслѣдователемъ-обличителемъ: «дыба... кнутъ... клещи... жженіе живыхъ... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощадѣ... и всюду кровь, кровь и кровь!... Нельзя не сознаться, что дороговато стоили Россіи благодѣтельныя преобразованія великаго и геніальнаго Петра»!... Мы, дѣйствительно, готовы были въ этомъ сознаться и затѣмъ круто и рѣшительно поворотить къ поклоненію доброму старому времени, доброй старой Руси, на почвѣ которой все такъ восхитительно благодушествовало и благоденствовало; но на столѣ нашемъ, рядомъ съ воинскимъ уставомъ Петра, лежало уложеніе государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича; мы развернули это уложеніе — и первое, что намъ бросилось тутъ въ глаза, было слѣдующее:

«Будетъ кто иновѣрцы, какія ни буди вѣры, или и русскій человѣкъ, возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рождшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и присно дѣву Марію, или на честный крестъ, или на святыхъ Его угодниковъ: и про то сыскивати всякими сыски накрѣпко. Да будетъ сыщется про то допряма, и того богохульника, обличивъ, казнити — сжечь [4].

Этотъ первый параграфъ первой главы уложенія умѣрилъ нѣ-

---

(1) Тамъ же, стр. 369.
(2) Тамъ же, стр. 376.
(3) Тамъ же, стр. 379.
(4) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, гл. I, ст. 1.

сколько нашу готовность поворотить къ поклоненію доброй старой Руси... Мы продолжали читать уложеніе государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, и, между прочимъ, прочли тамъ вотъ что:

1.

«А будетъ кто умышленіемъ и измѣною городъ зажжетъ, или дворы, и въ то время, или послѣ того, зажигальщикъ изыманъ будетъ, и сыщется про то его воровство допряма: и его самого сжечь безъ всякаго милосердія (1)».

2.

«А будетъ кого бусурманъ какими нибудь мѣрами, насильствомъ или обманомъ, русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ, и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, а сыщется про то допряма: и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнемъ безо всякаго милосердія (2)».

3.

«Которые денежные мастеры учнутъ дѣлати мѣдныя, или оловянныя, или укладныя деньги, или въ денежное дѣло, въ серебро учнутъ прибавляти мѣдь, или олово, или свинецъ, и тѣмъ государевѣ казнѣ учнутъ чинити убыль: и тѣхъ денежныхъ мастеровъ за такое дѣло казнити смертію, залити горло (3)».

4.

«А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма: и ее за то казнити, живу окопати въ землю и казнити ее такою казнію безо всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти, или иные кто ближніе роду его, того не похотятъ, что ее казнити, и ей отнюдь не дать мило-

(1) Тамъ же гл. II, ст. 4.
(2) Тамъ же, гл. XXII, ст. 24.
(3) Тамъ же, гл. V, ст. 1.

сти, и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ (1)».

5.

«А будетъ кто при государѣ выметъ на кого, какое нибудь, оружіе, а не ранитъ и не убіетъ: и того казнити, отсѣчь рука (2)».

6.

«А будетъ кто царскаго величества во дворѣ украдетъ что ни буди въ первые, и сыщется про то допряма: и того бити кнутомъ. А будетъ того же тамъ съ краденымъ въ государевомъ дворѣ поимаютъ въ другіе: и того бити кнутомъ же, да вкинуть на полгода въ тюрьму. А будетъ тотъ же тать пойманъ будетъ съ краденымъ въ государевомъ дворѣ въ третьіе: и ему за то отсѣчь рука, чтобы на то смотря инымъ неповадно было воровати, въ государевѣ дворѣ красти (3).

7.

«А будетъ кто на службѣ у кого украдетъ лошадь, и ему за тое татьбу руку отсѣчь (4)».

8.

«А будетъ чей нибудь человѣкъ помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или выметъ какое оружіе, хотя его убити: и ему за такое его дѣло отсѣчь рука (5)».

9.

«А будетъ кто, не бояся Бога и не опасаяся государскія опалы и казни, учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительное наругательство,

---

(1) Тамъ же, гл. XXII, ст. 14.
(2) Тамъ же, гл. III, ст. 4.
(3) Тамъ же, гл. III, ст. 9.
(4) Тамъ же, гл. VII, ст. 29.
(5) Тамъ же, гл. XXII, ст. 8.

отсѣчетъ руку, или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а сыщется про то допряма: и за такое его наругательство самому ему то же учинити; да на немъ же взяти изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое наругательство учинитъ, будетъ отсѣчетъ руку, и за руку пятьдесятъ рублевъ, а будетъ отсѣчетъ ногу, и за ногу пятьдесятъ же рублевъ; а за носъ, и за ухо, и за губы, и за глазъ, по тому же за всякую рану, по пятидесяти рублевъ (1)».

Въ дополненіе къ этимъ краткимъ, но выразительнымъ статьямъ уложенія, приведемъ небольшой разсказъ Котошихина, который сообщитъ намъ еще нѣсколько новыхъ свѣдѣній о казняхъ, бывшихъ въ употребленіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, т. е. утѣшитъ насъ еще нѣсколькими подробностями, характеризующими кротость нравовъ и мягкость законовъ добраго стараго времени.

«А бываетъ (говоритъ Котошихинъ) мужскому полу смертные и всякіе казни: головы отсѣкаютъ топоромъ за убійства смертные и за иные злые дѣла; вѣшаютъ за убійства же и за иные злые дѣла; живаго четвертаютъ, а потомъ голову отсѣкаютъ за измѣну, кто городъ сдастъ непріятелю, или съ непріятелемъ держитъ дружбу листами, или и иные злые измѣнные и противные статьи объявятся; жгутъ живого за богохульство, за церковную татбу, за содомское дѣло, за волховство, за чернокнижество, за книжное преложеніе, кто учнетъ вновь толковать воровски противъ апостоловъ и пророковъ и святыхъ отцовъ съ покушеніемъ; оловомъ и свинцомъ заливаютъ горло за денежное дѣло, кто воровски дѣлаетъ, серебренникомъ и золотаремъ, которые воровски прибавливаютъ въ золото и въ серебро мѣдь и олово и свинецъ; а инымъ за малые такіе вины отсѣкаютъ руки и ноги или у рукъ и у ногъ палцы; ноги же и руки и палцы отсѣкаютъ за конфедератство, или и за смуту, которые въ томъ дѣлѣ бываютъ мало винны, а иныхъ казнятъ смертію; также кто на царскомъ дворѣ, или гдѣ нибудь, выметъ на кого саблю, или ножъ, и ранитъ или и не ранитъ, также и за церковную за малую вину, и кто чѣмъ замахивается бить на отца и матерь, а не билъ, таковы жъ казни; за царское безчестье, кто говоритъ противъ него за очи безчестные или иные какіе поносные слова, бивъ кнутомъ, вырѣзываютъ языкъ. Женскому полу бываютъ пытки противъ того же, что и муж-

(1) Тамъ же, гл. XXII, ст. 10.

скому полу, окромѣ того что на огнѣ жгутъ и ребра ломаютъ. А смертные казни женскому полу бываютъ: за богохулство и за церковную татбу; за содомское дѣло жгутъ живыхъ; за чаровство и за убойство отсѣкаютъ головы; за погубленіе дѣтей и за иные такіе жъ злые дѣла живыхъ закопываютъ въ землю, по титки, съ руками вмѣстѣ потоптываютъ ногами, и отъ того умираютъ того жъ дни или на другой и на третій день; а за царское безчестье указъ бываетъ таковъ же, что мужскому полу. А которые люди воруютъ съ чужими женами и съ дѣвками, и какъ ихъ изымаютъ, и того жъ дни или и на иной день обѣихъ мужика и жонку, кто бъ таковъ ни былъ, водя по торгомъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ бьютъ кнутомъ (1).»

По прочтеніи сдѣланныхъ нами выписокъ, самый ярый порицатель «великаго преобразователя нашего» долженъ будетъ сознаться, что едва-ли было бы справедливо назвать Петра родоначальникомъ лютыхъ казней на Руси, изобрѣтателемъ сожиганія, четвертованія, жженія огнемъ и тому подобныхъ ужасовъ. Все это давно уже процвѣтало въ доброе старое время, все это перешло оттуда въ петровскіе законы, какъ «завѣтъ предковъ потомству,» и если, при внимательномъ сличеніи уложенія съ уставомъ воинскимъ, усматривается, что по уставу существовали прожиганіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, колесованіе, рванье клещами и вѣшаніе за ребра—наказанія, которыхъ не было еще въ уложеніи, то за то по уложенію существовали залитіе горла расплавленнымъ металломъ и закапываніе въ землю живымъ—наказанія, которыхъ уже не было въ уставѣ. Вообще, при Алексѣѣ Михайловичѣ процвѣтали слѣдующіе роды казней: 1) сожиганіе, 2) закапываніе въ землю живымъ, 3) залитіе горла расплавленнымъ металломъ, 4) четвертованіе, 5) отсѣченіе головы, 6) вѣшаніе. При Петрѣ же казни были таковы: 1) сожиганіе живымъ, 2) четвертованіе, 3) колесованіе, 4) рваніе клещами, 5) отсѣченіе головы, 6) аркебузированіе, 7) сажаніе на колъ, 8) вѣшаніе, 9) вѣшаніе за ребра. Численный перевѣсъ тутъ, какъ можетъ видѣть всякій, на сторонѣ «великаго преобразователя,» но если Петръ, въ дѣлѣ казней, перещеголялъ нѣсколько благодушнаго родителя своего, то, устремляя взоры наши еще нѣсколько далѣе въ глубь минувшаго, мы находимъ въ этомъ «прекрасномъ далекѣ» картины, которыя смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ *лучшими* картинами, украшавшими порою Красную

---

(1) О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, гл. VII, 34.

и другія московскія и петербургскія площади въ царствованіе Петра. Мы найдемъ тамъ и разстрѣливаніе, и колесованіе, и сажаніе на колъ, и множество самыхъ разнообразныхъ, самыхъ замысловатыхъ казней. Въ доброе старое время разсѣкали на части, разрѣзывали по составамъ, перетирали тонкими веревками, засѣкали до смерти, распинали на крестахъ, топили въ водѣ, зимою пускали подъ ледъ, сжигали на кострахъ и въ желѣзныхъ клѣткахъ, подозрѣваемыхъ въ отравленіи заставляли выпивать ядъ и т. д. При Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, сверхъ всего этого, существовалъ еще особый родъ казни, называвшійся *отдѣлываніемъ*; но какъ и чѣмъ именно *отдѣлывали* паціентовъ, подлежавшихъ такому истязанію—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ должно полагать, что *отдѣлывали* недурно!..

Что касается до пытокъ и наказаній тѣлесныхъ, то и въ этомъ отношеніи не Петру слѣдуетъ приписывать честь изобрѣтенія тѣхъ орудій и способовъ истязаній, которыя поражаютъ такимъ негодованіемъ и ужасомъ мягкія и впечатлительныя сердца нашихъ новѣйшихъ изслѣдователей–обличителей. И пытки, и тѣлесныя наказанія петровскаго времени были тоже, какъ и разные роды смертной казни, однимъ только «завѣтомъ предковъ потомству,» т. е. почти что цѣликомъ перешли въ петровскіе законы изъ законовъ его предшественниковъ. Кнутъ, игравшій главную роль во всѣхъ нашихъ, и до–петровскихъ и петровскихъ, пыткахъ, игралъ эту роль съ самой первой минуты появленія своего на Руси. Кнуту, вообще, выпала на Руси завидная доля: нѣтъ ни одной вещи, которая бы принялась у насъ такъ скоро, какъ кнутъ; нѣтъ ни одной вещи, которая бы пустила въ нашу почву такіе глубокіе корни, какъ тотъ же ременный кнутъ. Пришелся ли онъ по вкусу русскому человѣку своимъ простымъ, незатѣйливымъ механизмомъ, понравился ли онъ ему своимъ многостороннимъ и общеполезнымъ приложеніемъ къ разнымъ сферамъ практической дѣятельности—предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса спеціалистамъ; но кнутъ и плеть, повторяемъ, съ первой же минуты появленія своего на Руси пустили у насъ самые глубокіе и прочные корни и въ общественную, и въ частную, и въ офиціальную, и въ семейную жизнь. Кнутомъ наказывали и *исправляли* у насъ на площадяхъ и въ застѣнкахъ — во имя закона и вѣчной правды; плетью наказывали и *исправляли* дома—женъ и дѣтей, старыхъ и малыхъ—во имя нравственности, любви и спасенія души. «А плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно, и больно, и страшно и здорово,»

говоритъ благовѣщенскій іерей Сильвестръ въ своемъ несравненномъ *Домостроѣ*, и этотъ взглядъ на значеніе плети можетъ быть названъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія всей до-петровской Руси,—отголоскомъ общественнаго мнѣнія, неумиравшаго и при Петрѣ, неумершаго еще окончательно даже и теперь, «*въ настоящее время, когда*» и пр...

Главнѣйшею, употребительнѣйшею на Руси пыткою съ участіемъ кнута была знаменитая пытка на дыбѣ или вискѣ, безъ упоминанія о которой, какъ извѣстно, не обходится ни одно новѣйшее историческое изслѣдованіе, имѣющее цѣлію обличеніе Петра. Вотъ какъ описываетъ эту пытку Котошихинъ:

«Сымутъ съ вора рубашку и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою, обшита та веревка войлокомъ, и подымутъ его къ верху, учинено мѣсто что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ, палачь, вступитъ ему въ ноги на ремень своею ногою, и тѣмъ его оттягиваетъ, и у того вора рука станутъ прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ; и потомъ сзади палачь начнетъ бити по спинѣ кнутомъ изрѣдка, — въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ; и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ какъ слово въ слово будто болшой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до костей. А учиненъ тотъ кнутъ ременной, плетеной, толстой; на концѣ ввязанъ ремень толстой шириною на палецъ, а длиною будетъ съ пять локтей.»

Испытавъ его (продолжаетъ Котошихинъ), начнутъ пытати иныхъ потому жъ, и будетъ съ первыхъ пытокъ не винятся, и ихъ спустя недѣлю времяни пытаютъ въ другорядь и въ третіе, и жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь, а инымъ, разжегши желѣзные клещи накрасно, ломаютъ ребра: и будетъ и съ тѣхъ пытокъ не повинятся, и такихъ сажаютъ въ тюрму, доколѣ по нихъ поруки будутъ, что имъ впередъ за худымъ дѣломъ не ходити и впередъ худого ничего не мыслити никому (и будетъ будутъ поруки, и ихъ свободятъ, а какъ они въ тюрмѣ отсидятъ года два и больши, а порукъ не будетъ, и такихъ изъ тюремъ свобождаютъ и ссылаютъ въ далніе городы, въ Сибирь и въ Астрахань, на вѣчное житье); а которые винятся, и такихъ потому жъ сажаютъ въ тюрму, и смотря по дѣлу указъ чинятъ, до чего доведется. А которые воры бываютъ на разбоѣ, хотя и дважды пойманы, а убійства смертного и пожогу не учинили: и такихъ, бивъ кну-

томъ по торгомъ, за первую вину, отрѣзавъ лѣвое ухо, сошлютъ въ сылку, а за другую вину, какъ будетъ пойманъ въ такихъ же дѣлахъ, бивъ кнутомъ, отрѣзавъ правое ухо, сошлютъ въ сылку жъ, а за иные вины потому жъ бываетъ наказаніе и казни, по разсмотрѣнію, кто чего будетъ достоинъ. А въ середнихъ и малыхъ винахъ бываетъ наказаніе—бьютъ кнутомъ и батоги, смотря по винѣ, а потомъ свобождаютъ (1).»

Изъ словъ Котошихина читатель можетъ усмотрѣть, что, кромѣ классической пытки на дыбѣ, при Алексѣѣ Михайловичѣ пытали еще огнемъ и ломали ребра до-красна раскалеными клещамии. Были на старой Руси и другаго рода истязанія, а именно: преступниковъ поджаривали на сковородахъ и угольяхъ, жгли какою-то особенною «составною мудростію огненною,» заставляли стоять на спицахъ, обливали холодной водой, терли по ранамъ, сдѣланнымъ кнутомъ, раскаленнымъ желѣзомъ, вбивали за ногти длинныя иглы. У Олеарія встрѣчается еще слѣдующее описаніе пытки, весьма похожей на пытку на дыбѣ, только безъ участія кнута: подсудимому завертывали руки назадъ, и за эти руки поднимали его кверху; къ ногамъ привязывали тяжелыя колодки, на которыя становился палачъ и растягивалъ истязуемому члены. Внизу зажигался огонь, и пытаемый, такимъ образомъ, и поджаривался, и коптился, и растягивался разомъ (2).

Всѣ эти истязанія процвѣтали преимущественно при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный пыталъ иногда и собственноручно: палилъ тѣмъ, на кого изволилъ гнѣваться, бороды и волосы, втыкалъ имъ въ ноги свой окованный желѣзомъ посохъ, обливалъ ихъ горячимъ виномъ и т. д.; но такъ какъ въ такихъ случаяхъ царь руководствовался не существовавшими при немъ узаконеніями, а одними, такъ сказать, бурными порывами своей творческой фантазіи, то мы объ этихъ пыткахъ распространяться не будемъ. Эти пытки были личнымъ изобрѣтеніемъ Іоанна Васильевича, и съ изобрѣтателемъ своимъ и умерли. Вѣчная имъ память (3).

---

(1) О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича, VII, 34.

(2) Beschreibung der moskowitischen und Persischen Reise, S. 272.

(3) Нѣчто подобное этимъ пыткамъ *по вдохновенію*, безъ всякой подготовки и пособія со стороны существующихъ уголовныхъ законовъ, произведено было, много лѣтъ спустя послѣ царя Іоанна Васильевича, царицею Параскевіею Ѳеодоровной, вдовою «скорбнаго главою» Іоанна Алексѣевича. Прогнѣвавшись на служителя своего Василія Деревнина, царица приказала сначала об-

Не умерли зато всѣ другія истязанія, свившія себѣ прочное гнѣздо въ русскомъ уголовномъ процессѣ. И кнутъ, и дыба, и клещи, и поджариванье, и копченье,—все это, пройдя безвредно чрезъ уложеніе царя Алексѣя Михайловича, нашло себѣ надежный пріютъ въ законахъ и практикѣ петровскаго времени. Въ это бурное время заплечнымъ мастерамъ, дѣйствительно, дремать было некогда; но если они и не дремали, то работать имъ приходилось все-таки точно также, какъ работали ихъ отцы и дѣды, не утруждая себѣ ни головы, ни рукъ надъ изученіемъ новыхъ, мудреныхъ и сложныхъ способовъ истязаній. Новыхъ способовъ истязаній при Петрѣ не было, и всѣ многочисленныя пытки, производившіяся въ его царствованіе, производились по образцу добраго стараго времени, по правиламъ, завѣщаннымъ добрыми старыми криминалистами. Вездѣ на первомъ планѣ — дыба и кнутъ; за дыбою — жженіе огнемъ, поджариванье на огнѣ, копченье на огнѣ и т. п. Стрѣльцовъ, напримѣръ, пытали на дыбахъ и жгли огнемъ; Шакловитаго пытали на дыбѣ; царевича Алексѣя Петровича и его сторонниковъ пытали на дыбахъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ самыя жестокія истязанія, сколько намъ извѣстно, выпали на долю любимца царицы Авдотьи Ѳедоровны, Степана Богдановича Глѣбова: его пытали кнутомъ, раскаленымъ желѣзомъ, горящими угольями, а потомъ на трое сутокъ привязали къ столбу, на доскѣ убитой деревянными гвоздями. Истязанія эти ужасны, но, вѣдь, всѣ они, какъ уже видѣли наши читатели, существовали и въ старой Руси,—стало быть, и въ этомъ случаѣ Петръ, вопреки его обличителямъ, не изобрѣлъ ничего *своего*, ничего новаго, небывалаго, невѣдомаго ([1]).

жечь ему свѣчкой лице и бороду, а потомъ облить ему голову водкой и зажечь волосы. См. интересный очеркъ М. И. Семевскаго «царица Прасковья», «Время» №№ 2, 3, 4 и 5 за 1861 г.

([1]) Сужденіе это основываемъ мы на тѣхъ печатныхъ свѣдѣніяхъ о пыткахъ и казняхъ петровскаго времени, которыми въ такомъ изобиліи угощаютъ отечественную публику наши новѣйшіе изслѣдователи — обличители. Легко можетъ статься, что который нибудь изъ этихъ дѣятелей, имѣющихъ доступъ въ государственные архивы, или открылъ уже тамъ или откроетъ какой нибудь совершенно еще новый родъ пытки, введенный въ Россію Петромъ Первымъ и потому самому опровергающій все нами сказанное. (Мы замѣтили, напр., что при Алексѣѣ Михайловичѣ ломали ребра клещами, раскаленными до-красна,—а при Петрѣ, можетъ быть, клещи раскалялись до-бѣла. Мы сказали, что Глѣбовъ поставленъ былъ на доску убитую деревянными гвоздями,—а гвозди-то, можетъ быть, были желѣзные, да еще съ зазу-

Не совсѣмъ также пріятно будетъ узнать обличителямъ и порицателямъ «великаго преобразователя нашего,» что Петръ, столь щедро расточавшій въ нужныхъ случаяхъ самыя жестокія пытки, ввелъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ распредѣленіе и процедуру этихъ пытокъ весьма гуманныя и разумныя начала, отъ которыхъ уже вѣяло духомъ, нѣсколько отличнымъ отъ духа «Домостроя» и тому подобныхъ кодексовъ татарско-византійской философіи. Вотъ напримѣръ что̀ говорится въ самомъ началѣ петровскихъ законоположеній «о распросѣ съ пристрастіемъ и пыткѣ»:

«Судьѣ не надлежитъ безъ довольнаго подозрѣнія дерзнуть вскорѣ никого къ пыткѣ привесть, но прежде важныя къ тому имѣть причины и совершенное подозрѣніе; и когда имѣющее подозрѣніе кому приложится, а онъ въ томъ запрется, тогда надлежитъ оное доказать. Напримѣръ: когда твердое свидѣтельство принесется, что тотъ злое дѣйство учинилъ, о чемъ его распросить надлежитъ, тогда довольное есть основаніе къ пыткѣ. Буде же свидѣтель самаго дѣйства не видалъ, но токмо онаго подозрительнаго на ономъ мѣстѣ, гдѣ преступленіе учинено, обрѣлъ, такого свидѣтельства не довольно есть; но въ такомъ случаѣ по самой малой мѣрѣ надлежитъ быть двумъ свидѣтелямъ, которые бы его видѣли.

«Пытка употребляется въ дѣлахъ видимыхъ, въ которыхъ есть преступленіе; но въ гражданскихъ дѣлахъ прежде пытать не можно, пока въ самомъ дѣлѣ злое дѣйство наружу не объявится, развѣ когда свидѣтель въ большихъ и важныхъ гражданскихъ дѣлахъ въ сказкѣ своей обробѣетъ, или смутится, или въ лицѣ измѣнится, то пытанъ бываетъ.

«Однакожъ надлежитъ жестокую пытку умѣренно, съ разсмотрѣніемъ чинить, понеже умѣреніе пытки весьма на разсужденіе судейское положено. Того ради надлежитъ судьѣ напередъ разсудить количество дѣла, въ которомъ подозрительнаго пытать намѣряется, ибо въ вящшихъ и тяжкихъ дѣлахъ пытка жесточае, нежели въ малыхъ бываетъ. Также надлежитъ ему оныхъ особъ, которыя къ пыткѣ приводятся, разсмотрѣть, и усмотря твердыхъ, безстыдныхъ и худыхъ людей, жесточае, тѣхъ же, кои деликатнаго тѣла и честные суть

бринами). Въ такомъ случаѣ этотъ второй Колумбъ имѣетъ полное право обличить и насъ со всею свойственною ему суровостью. Мы впередъ уже признаемъ себя побѣжденными.

люди, легчѣ; и буде такой пытки довольно будетъ, то не надлежитъ судьѣ его приводить къ большему истязанію. При томъ же надлежитъ судьѣ у пытки быть осторожну, чтобъ, усмотря подобіе правды, онаго тѣло, котораго пытаетъ, истязаніемъ не озлобить, нолибо къ смерти приговорить или изъ невинности его вывесть; понеже который судья безъ причины и подозрѣнія пытать велитъ, того надлежитъ равно какъ обвиненнаго, который уже уличенъ, наказать, или по самой малой мѣрѣ лишить чина его. Буде же судья безъ обмана и вымысла онаго, котораго пытать не надлежитъ, повелитъ пытать, или преступитъ обыкновеніе распросовъ, тому надлежитъ пытаннаго нѣкоторою суммою удовольствовать. Равнымъ же образомъ, когда судья изъ вымысла безъ жаднаго подозрѣнія чрезъ мѣру пытать повелитъ, что онъ отъ того умретъ, тогда можетъ лишенъ быть живота; а буде же не изъ вымысла, но за недостаточнымъ подозрѣніемъ, или прочихъ ради причинъ чрезъ мѣру преступитъ, или отъ его неосторожности такъ случится, что пытанный отъ пытки умретъ, тогда оный по присужденію вышняго судьи накажется ([1]).»

Не можетъ также доставить особеннаго удовольствія обличителямъ и порицателямъ Петра Великаго то обстоятельство, что, до изданія Краткаго изображенія процессовъ, у насъ отъ пытки не былъ освобождаемъ никто; въ Краткомъ же изображеніи процессовъ мы читаемъ слѣдующую статью:

«Въ правахъ послѣдующіе отъ пытки изъяты суть, яко шляхта, служители высокихъ чиновъ, старые седмидесяти лѣтъ, недоросли и беременныя жены. Всѣ сіи никогда къ пыткѣ подвержены не бываютъ, развѣ въ государственныхъ дѣлахъ и въ убійствахъ, однакожъ съ подлинными о томъ доводами ([2])».

Кромѣ этихъ лицъ, изъяты были отъ пытки офицеры и солдаты, за исключеніемъ попадавшихся «въ великихъ преступленіяхъ,» ([3]), а въ 1722 году, 4 апрѣля, въ дополненіе ко всѣмъ смягчавшимъ и ограничивавшимъ постановленія о пыткахъ мѣрамъ, Петръ издалъ достопамятный указъ «объ отмѣнѣ чинимыхъ по малымъ дѣламъ пытокъ»,—указъ, въ которомъ говорилось:

«Разсмотрѣть о пыткахъ, понеже и въ малыхъ дѣлахъ пытки

[1]) Краткое изображеніе процессовъ или судебныхъ тяжебъ. Полное собраніе законовъ, т. V. стр. 403, 404 и 405.

[2]) Тамъ же, стр. 407.

[3]) Уставъ Воинскій. Арт. 209, толков., стр. 382.

чинятъ, и таковымъ, на которыхъ только мнѣніе имѣютъ; чтобъ оное унять» [1]).

Слова: *гуманносшь* и *пытка*, конечно, какъ-то не вяжутся одно съ другимъ, но, признавая существующій фактъ, мы невольно должны будемъ признать и всѣ его видоизмѣненія и оттѣнки; а эти-то видоизмѣненія и оттѣнки и заставляютъ насъ произнести о Петрѣ сужденіе, которое придется крѣпко не по вкусу обличителямъ и порицателямъ «великаго преобразователя нашего», желающимъ низвести его на степень Нероновъ, Калигулъ, Геліогобаловъ и тому подобныхъ поврежденныхъ, тупоголовыхъ или глубоко-извращенныхъ субъектовъ. Обличители и порицатели Петра могутъ, впрочемъ, нѣсколько утѣшиться: опровергая мнѣніе, что «великій преобразователь нашъ» былъ новаторомъ въ дѣлѣ лютыхъ пытокъ и казней, существовавшихъ на Руси въ его время, мы никакъ не рѣшимся опровергать другое мнѣніе,—мнѣніе о томъ, что Петръ ввелъ къ намъ кое-что новенькое по части наказаній тѣлесныхъ. Да, этого мнѣнія мы опровергать не будемъ. Въ этомъ случаѣ Петръ Первый является, дѣйствительно, новаторомъ, ибо Петръ Первый—*первый* познакомилъ насъ съ шпицрутенами!

Самое слово «шпицрутенъ» указываетъ прямо, что родиною этого слова и называемаго имъ орудія былъ *гніющій* западъ. И, дѣйствительно, шпицрутены явились къ намъ съ запада, вмѣстѣ съ разными артикулами, кригсрехтами и другими «чужестранными злообычествами». Въ доброе старое время мы шпицрутеновъ не знали. Знали мы неизмѣнный кнутъ «ременной, плетеной, толстой», знали мы душеспасительную плетку, знали мы безхитростные батоги—и вполнѣ довольствовались этими инструментами въ обиходѣ нашей общественной и частной жизни. Кнутомъ пороли мы или просто, или нещадно, «по торгомъ», или «у приказу при многихъ людѣхъ»; плеткой управлялись больше дома, съ чадами и домочадцами, имѣя въ виду «въ благоденствѣ по Бозѣ жизнь свою препроводить и милость Божію получить»; батогами же колотили неустанно, ежедневно, чуть не ежеминутно—и за всякаго рода безчинства и продерзости, и за хожденіе съ луками и пищалями въ государевомъ дворѣ, и за «лишнее хожение» по дѣламъ, и за все, и за вся. И какъ, вѣдь, все это было

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. VI, стр. 524.

просто и патріархально, а главное—какъ отъ всего этого вѣяло русскимъ духомъ, пахло Русью!...

Но явился Петръ; явилась куча всякихъ нововведеній и *еретичествъ*; явился уставъ воинскій, а въ немъ такія статьи:

«Обыкновенныя тѣлесныя наказанія суть то, егда кто ношеніемъ оружія, сирѣчь мушкетовъ, сѣделъ, такожъ заключеніемъ, скованіемъ рукъ и ногъ въ желѣза, и питанія хлѣбомъ и воды точію, или на деревянныхъ лошадяхъ, и по деревяннымъ кольямъ ходить, или битьемъ батоговъ.

«Жестокія тѣлесныя наказанія въ нашихъ пунктахъ разумѣваются, егда кто тяжелымъ заключеніемъ наказанъ, сквозь шпицрутенъ и лозы бѣгать принужденъ; таковъ же, егда отъ палача (кнутомъ) битъ и запятнанъ желѣзомъ, или обрѣзаніемъ ушей, отсѣченіемъ руки или пальцевъ казненъ будетъ, тожъ ссыланіемъ на каторгу вѣчно или на нѣсколько лѣтъ. (1)»

Бѣганье сквозь шпицрутенъ и лозы, повторяемъ, было совершенною новостью для нашихъ соотечественниковъ, и новость эта, конечно, была для нихъ несовсѣмъ пріятна, хотя, говоря безпристрастно, отечественные кнутъ и батоги, въ соединеніи съ словами «весьма» и «нещадно», ни въ чемъ не уступали иноземнымъ шпицрутенамъ. Что же касается обрѣзыванья ушей, отсѣченія рукъ, пальцевъ и т. д., то мы уже имѣли случай показать нашимъ читателямъ, что все это существовало и до Петра; что уложеніе царя Алексѣя Михайловича подражало буквально въ этомъ случаѣ закону Моисееву: *око за око и зубъ за зубъ*; что, по уложенію, отсѣченіе руки, напримѣръ, производилось за такого рода *важныя* преступленія: 1) за вынутіе оружія при государѣ, 2) за рану, нанесенную кому либо въ государевомъ дворѣ, 3) за кражу въ государевомъ дворѣ, 4) за кражу на службѣ лошади, 5) за желаніе убить своего господина. Мы все это уже видѣли, все это знаемъ, а потому и не воскликнемъ, подражая изслѣдователю-обличителю: «рѣзанье ушей.... отсѣченіе рукъ.. обрубаніе пальцевъ... и всюду кровь, кровь и кровь!.. Нельзя не сознаться, что дороговато, стоили Россіи благодѣтельныя преобразованія великаго и геніальнаго Петра!..»

Шпицрутены же, во всякомъ случаѣ, останутся на совѣсти «великаго преобразователя нашего», и ужъ нечего ждать ему за это

---

(1) Уставъ воинскій. Полное собраніе законовъ, т. V. с. 410.

пощады отъ его озлобленныхъ порицателей! Они бы еще простили ему это ужасное нововведеніе, еслибы оно было продуктомъ національнаго генія, вышло, такъ сказать, изъ горнила русскаго творческаго духа; но шпицрутены—порожденіе *тлетворнаго* и *гніющаго* запада, и не искупить своей несчастной ошибки Петръ никакими заслугами предъ лицемъ возвеличенной имъ Россіи!.. «Вотъ, говорятъ озлобленные его порицатели: вотъ что значитъ сближаться съ западомъ и подражать ему! Вотъ какіе прекрасные плоды дало это сближеніе и подражаніе! Вотъ что привито къ дѣвственной русской почвѣ вашимъ *великимъ преобразователемъ*! Полюбуйтесь!..»

Въ отвѣтъ на это, мы могли бы, конечно, развить весьма краснорѣчивую параллель между отечественнымъ кнутомъ и иноземными шпицрутенами, съ нѣкоторыми очень убѣдительными доводами не въ пользу кнута... Въ отвѣтъ на это, мы могли бы замѣтить, что, вводя въ русскую армію шпицрутены, Петръ въ то же время освободилъ солдатъ отъ другихъ, общихъ всѣмъ, пытокъ; что, заимствуя у *тлетворнаго* и *гніющаго* запада новое орудіе для истязаній, онъ тамъ же заимствовалъ кое-какія другія вещи, давшія возможность русской арміи стать на степень могущественной, побѣдоносной и славной... Но ужъ такъ и быть!—мы пока ничего этого не скажемъ, предоставляя обличителямъ и порицателямъ «великаго преобразователя нашего» торжествовать и угобжаться въ посильныхъ доказательствахъ жестокости и лютости Петра, доказательствахъ, которымъ такъ наивно вѣрятъ мягкосердечные, но малосвѣдущіе люди. Пусть будетъ и на ихъ улицѣ праздникъ!

А вѣдь, говоря серьезно, еслибы жестокость, и лютость были, въ самомъ дѣлѣ, главнѣйшими мотивами всѣхъ дѣйствій Петра, еслибы пытки и казни, ознаменовавшія его царствованіе, производились царемъ единственно изъ *любви къ искуству*,— словомъ, еслибы «великій преобразователь нашъ» былъ дѣйствительно таковъ, какимъ силятся изобразить его новѣйшіе изслѣдователи–обличители, — не одни только шпицрутены могъ бы заимствовать онъ у *тлетворнаго* и *гніющаго* запада, не однимъ только кнутомъ и виской сталъ бы угощать онъ своихъ вороговъ и супротивниковъ!... Мы приходимъ въ ужасъ отъ пытокъ и казней петровской эпохи; мы не знаемъ, какъ выразить наше негодованіе при описаніи истязаній стрѣльцовъ, Глѣбова и другихъ; а бросимъ–ка хоть бѣглый взглядъ на пытки, процвѣтавшія въ западной Европѣ

*

нетолько во время Петра, но и через много лѣтъ послѣ него, — и мы невольно должны будемъ сознаться, что западные Европейцы и въ этомъ отношеніи далеко насъ опередили и перещеголяли ([1])! Не говоря уже о святѣйшихъ отцахъ-инквизиторахъ — этихъ артистовъ изъ артистовъ по части утонченнѣйшихъ мученій, которыми они обращали на путь истины своихъ заблуждавшихся о Христѣ братій — мы предлагаемъ обличителямъ и порицателямъ Петра Великаго заглянуть въ любой уголовный кодексъ XVII или XVIII столѣтій, — и могущество творческой фантазіи, роскошь изобрѣтательности западнаго человѣчества хоть кого повергнутъ въ изумленіе и трепетъ! Каждый народъ, каждая страна, почти-что каждая провинція внесли тутъ что-нибудь свое, оригинальное, и положенная каждымъ на общественный алтарь лепта увѣковѣчила самымъ прочнымъ образомъ имя жертвователя и не забудется никогда безпристрастною исторіею. Бернская пытка, бременская пытка, мадридская пытка, *датскій плащъ*, *испанская шапка*, *англійская дѣвица*, *брауншвейгскіе сапоги*, *испанскіе сапоги*, *люнебургскій стулъ*, *мекленбургскій инструментъ*, *бамбергскій инструментъ*, *померанскій вѣнокъ*, *мангеймская скамья*, *шпигованный заяцъ*, *раскаленныя бляхи*, *желѣзные крючья*, *лѣстница*, *воротникъ* — уже одни эти названія показываютъ что-то утонченное, замысловатое, глубоко обдуманное ([2]); а присовокупите къ этому бывшія и у насъ въ употребленіи пытки огнемъ, клещами, плетьми, розгами, палками, веревками, и вы получите такую полную, законченную, мастерскую картину, предъ которой картина нашихъ отечественныхъ пытокъ покажется набросанною неопытною рукою неопытнаго ученика.

([1]) Во всей исторіи русскихъ казней, съ первой до послѣдней, едва ли найдется, напр., хоть одна, которая могла бы выдержать сравненіе съ казнью, учиненною Роберту Дамьену, покусившемуся въ 1757 году на жизнь Людовика XV. Дамьенъ былъ рванъ раскаленными клещами за сосцы, за руки, за ляшки и за икры, а на эти раны лили ему растопленный свинецъ, кипящее масло, смолу, воскъ и сѣру, смѣшанные вмѣстѣ. Правая рука его, вмѣстѣ съ ножемъ, которымъ онъ ранилъ короля, сожжена была на медленномъ сѣрномъ огнѣ. Послѣ этого Дамьенъ привязанъ былъ къ четыремъ лошадямъ и разорванъ ими на части.

Точно также казненъ былъ и Равальякъ.

Traité théorique et pratique du droit criminel, ou cours de législation criminelle, par M. Rauter, p. 48.

([2]) Meisteri principia juris criminalis, p. 348 et 349.

И, вѣдь, какъ все это на западѣ было систематично и акуратно! Палачи обучались своему искуству самымъ основательнымъ образомъ; пыточныя камеры или застѣнки устроены были повсюду съ изумительнѣйшимъ комфортомъ; для производства пытокъ существовали вездѣ особыя, тщательно составленныя, инструкціи; инструкціи эти и уголовные кодексы, вообще, снабжались большею частію прекрасными рисунками разныхъ орудій и способовъ пытки, и уже одно уложеніе Маріи Терезіи (Constitutio criminalis Theresiana), изданное въ 1769 году, можетъ назваться въ этомъ отношеніи образцовымъ. Къ уложенію этому приложено шестнадцать таблицъ чертежей разныхъ пытокъ, и что ни чертежъ, то прелесть ([1])! Удивительно же, въ самомъ дѣлѣ, какъ это *лютый* и *жестокій* Петръ, при своей необузданной страсти ко всему иноземному, не перенесъ ничего изъ западной Европы въ Россію по части утонченныхъ, замысловатыхъ и глубоко-обдуманныхъ истязаній?!...

Но обличителямъ и порицателямъ «великаго преобразователя нашего» нѣтъ ни до чего этого никакого дѣла. Умышленно или неумышленно, съ преднамѣренной цѣлію или, просто, по невѣдѣнію, они оставляютъ западную Европу въ покоѣ, а мягкосердечные, но малосвѣдущіе читатели приходятъ вслѣдствіе этого къ такому заключенію, что западная Европа, въ эпоху Петра, наслаждалась нравами Аркадіи, и что, съ 1696 по 1725 годъ, во всемъ мірѣ одинъ только Петръ рубилъ головы, колесовалъ и поролъ кнутомъ да батогами. Въ такомъ случаѣ, для мягкосердечныхъ, но малосвѣдущихъ читателей даже книга г. Задлера можетъ быть весьма не безполезна. Г. Задлеръ, напримѣръ, сообщитъ имъ, что лѣтъ шестьдесятъ спустя послѣ смерти Петра Великаго, австрійскій императоръ Іосифъ II, слывущій императоромъ кроткимъ, благодушнымъ и прогрессивнымъ, чинилъ судъ и расправу далеко не по *аркадски*. Г. Задлеръ разскажетъ, что въ «Положеніи о казняхъ», изданномъ Іосифомъ II въ 1787 году, были и колесованіе, и четвертованіе, и рванье тѣла кле-

---

([1]) Въ вышеупомянутомъ нами сочиненіи Мейстера «Principia juris criminalis» находится указаніе на сочиненіе Грюпена: «Observationes de applicatione tormentorum». Произведеніе Грюпена, подобно уложенію Маріи Терезіи, снабжено рисунками и чертежами разныхъ орудій и способовъ пытки, и Мейстеръ, не безъ удовольствія упоминая объ этомъ, называетъ чертежи и рисунки, приложенные къ «Observationes de applicatione tormentorum» *изящными*.

щами, и клейменіе, и плети, и палки, и розги, и позорный столбъ, и кандалы, и много, много хорошаго! Что касается до насъ лично, то намъ въ особенности нравится существовавшая при Іосифѣ II система тюремнаго заключенія и публичныхъ работъ. Въ системѣ тюремнаго заключенія намъ болѣе всего нравится одинъ изъ сроковъ — *долговременный второй степени*, по которому заключеніе должно было продолжаться не менѣе тридцати лѣтъ и не болѣе *ста*; въ системѣ публичныхъ работъ насъ преимущественно плѣняетъ то обстоятельство, что преступники, приговоренные къ работѣ на судахъ, прикрѣплялись одинъ къ другому, человѣкъ по пяти, кольцами вокругъ шеи и живота. Ихъ не разлучали никогда, и если одинъ изъ нихъ умиралъ, то остальные должны были таскать съ собою трупъ до тѣхъ поръ, пока сами собой не спадали съ него кольца, т. е., значитъ, пока трупъ не разлагался окончательно. Ихъ подгоняли при этомъ кнутомъ, какъ скотовъ, а кормили хуже, чѣмъ скотовъ.

Недурно было также тюремное заключеніе—не простое, а *съ приковываніемъ*. Преступникъ приковывался къ стѣнѣ такъ коротко, что могъ производить только самыя необходимыя движенія. При этомъ, въ видахъ утѣшенія, его ежегодно наказывали розгами, въ примѣръ другимъ. Отъ такихъ утѣшеній не освобождались и женщины.

При *долговременномъ срокѣ второй степени* (полагая, что преступникъ попалъ въ тюрьму лѣтъ двадцати и могъ расчитывать прожить еще лѣтъ пятьдесятъ), приковываніе и ежегодное ожиданіе розогъ должны были имѣть невыразимую прелесть!..

Въ заключеніе, мягкосердечные, но малосвѣдущіе люди могутъ прочесть въ книгѣ г. Задлера три слѣдующихъ, довольно *пикантныхъ* разсказа—все изъ царствованія кроткаго, благодушнаго и прогрессивнаго австрійскаго императора Іосифа II.

I.

Жена одного богатаго, но стараго плотничнаго мастера въ Пресбургѣ, молодая и красивая женщина, убила своего мужа въ пылу любви къ молодому человѣку. Судъ приговорилъ ее, на основаніи закона, къ смертной казни; но Іосифъ увеличилъ наказаніе, опредѣленное судомъ. Прежде чѣмъ казнить преступницу, ей, по приказанію императора, давали три раза по сту палокъ на нарочно устроенныхъ для

этого подмосткахъ. Послѣ наказанія ее сажали подъ арестъ, не употребляя никакихъ лекарствъ для облегченія ея мученій.

II.

Въ 1785 году колесованы были Валохскіе бунтовщики Горья и Клотска. Ихъ колесовали, *начиная съ низу*, чтобы усилить ихъ мученія, а потомъ четвертовали. При казни должны были присутствовать по нѣскольку человѣкъ изъ каждаго мѣстечка, въ которомъ бунтовали Горья и Клотска. Трупы казненныхъ выставлены были на столбахъ, на улицахъ, *для предостереженія другихъ*.

III.

Цальгеймъ, канцеляристъ вѣнскаго городскаго магистрата, обокралъ и убилъ свою старую родственницу. Его вывели на площадь, посадили на высокую телѣгу, на которой поставленъ былъ шестъ, и прикрѣпили къ этому шесту. За симъ ему завязали глаза и стали щипать раскаленными щипцами правую грудь. Послѣ этого его повезли на другую площадь, и тамъ щипали ему лѣвую грудь. Цальгеймъ раскаялся въ своемъ преступленіи, и это раскаяніе его было причиною, что императоръ оказалъ преступнику милость—повелѣлъ колесовать его *не съ низу вверхъ*, какъ сказано было въ приговорѣ, а *сверху внизъ*. Трупъ казненнаго привязанъ былъ къ колесу, а голова выставлена на шестѣ.

Всѣ эти факты выставляютъ не совсѣмъ-то въ блистательномъ свѣтѣ мягкосердечіе и гуманность австрійскаго императора Іосифа II; а нѣмецкіе историки все-таки продолжаютъ именовать его кроткимъ, благодушнымъ и прогрессивнымъ, отзываясь о немъ, вообще, вовсе не такъ, какъ отзываются о Петрѣ Великомъ наши новѣйшіе изслѣдователи-обличители. Нѣмецкіе историки понимаютъ очень хорошо, что было бы въ высшей степени нелѣпо и дико составлять объ историческихъ дѣятеляхъ рѣзкіе приговоры единственно на основаніи коекакихъ *пикантныхъ* разсказцевъ, преднамѣренно нагроможденныхъ одинъ на другой въ видахъ *сгущенія тѣней*. Нѣмецкіе историки понимаютъ и знаютъ, что каждый историческій дѣятель долженъ быть судимъ съ точки зрѣнія *своего* времени, съ строгимъ и тщательнымъ разборомъ всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, всѣхъ доводовъ *pro* и

contra. Нѣмецкіе историки понимаютъ и знаютъ, что историческая наука—не потѣха, не «скандалезная хроника», не легкое и дешевое средство угодить модному направленію, поверхностнымъ взглядамъ и причудливымъ требованіямъ причудливой публики, ищущей прежде всего, вездѣ и во всемъ, развлеченія и забавы. Нѣмецкіе историки понимаютъ дѣло лучше насъ, знаютъ больше насъ, а потому и не позволяютъ себѣ сужденій и приговоровъ *съ кондачка* ни объ Іосифѣ II, ни о другихъ историческихъ дѣятеляхъ, въ особенности же о тѣхъ, которые, такъ или иначе, заслужили вѣчную память...

Правда, что Іосифъ II не *скасовывалъ* цѣлыми тысячами своихъ подданныхъ, не преслѣдовалъ родной сестры, не пыталъ роднаго сына... Да; но, вѣдь, прежде, чѣмъ падать въ обморокъ отъ такихъ событій, слѣдовало бы и ихъ разсмотрѣть *sine ira et studio*, съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, безъ всякой задней мысли о преднамѣренной цѣли... Это-то именно мы и попытаемся сдѣлать въ нашей третьей и послѣдней статьѣ.

І. ШИШКИНЪ.

Отвѣтъ г. Костомарову.

(По поводу его мнѣнія о положеніи южнорусскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ).

«...Зачѣмъ мы старѣемся?»
Н. Костомаровъ. (Основа, IV.)

Всѣ, читавшіе извѣстное сочиненіе г. Костомарова — »Богданъ Хмельницкій» (а читала его вся мало–мальски грамотная Россія), помнятъ, безъ сомнѣнія, тѣ мастерскія мѣста, гдѣ авторъ говоритъ о бѣдственномъ положеніи южнорусскаго крестьянина подъ владычс—ствомъ Поляковъ въ XVI—XVII вѣкѣ. Вотъ одно изъ множества такихъ мѣстъ: «Крестьяне въ Польшѣ, говоритъ современникъ, мучатся какъ въ чистилищѣ, въ то время, когда господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю. Кромѣ обыкновенной панщины, зависѣвшей отъ произвола пана, «хлопъ» — какъ называли въ Польшѣ крестьянина,

былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ прислуги дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ того крестьянинъ былъ обложенъ поборами: три раза въ годъ, передъ пасхою, пятидесятницею и рождествомъ, онъ долженъ былъ давать такъ-называемый *осыпъ*, то-есть нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей; со всего имущества: съ быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ, долженъ былъ отдавать десятую часть и, кромѣ того, каждый улій въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлинѣ подъ именемъ *восковаго*, каждый волъ пошлинѣ подъ названіемъ *роговаго*; за право ловить рыбу платилъ онъ *ставщину*, за измолъ муки *сухомельщину* и т. п. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали, какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, маетности на аренды, обыкновенно жидамъ, а сами или жили и веселились въ своихъ палаццахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой расчетливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплатя пану такъ-называемаго *дудка* (dudek); если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить подобный *дудекъ* или *поемщизну*. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянинъ не могъ заплатить, до дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, а нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья. Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Обыкновенно, жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ помѣщика право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертью. Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было еще ужаснѣе, нежели въ родовыхъ» и т. д. (Богд. Хмел. I, 21—23).

Это говорилось въ 1859 году.

Кто знакомъ съ историческими трудами г. Костомарова, тотъ, конечно, не забылъ, что подобныхъ мѣстъ у него много, даже очень много; что подобныя мѣста и составляютъ, такъ-сказать, характеристику его историческихъ изслѣдованій, ихъ лучшія и слабѣйшія стороны. Теперь, въ 1861 году, г. Костомаровъ, къ удивленію нашему и, безъ сомнѣнія, къ удивленію многочисленныхъ своихъ читате-

лей, отрекается отъ всего этого. То были, говоритъ, шутки, — то-есть, онъ этого не говоритъ, а мы такъ понимаемъ его слова: то было, говоритъ онъ, увлеченіе, историческая безтактность, непониманіе смысла событій. То были слова, слова, слова. — Г. Костомаровъ, — сознательно ли, безсознательно ли, съ умысломъ или безъ участія воли, — но только силится уничтожить всѣ предшествовавшіе труды свои, труды цѣлой жизни, свои умственныя вѣрованія и надежды однимъ ложнымъ шагомъ, и силится напрасно, ибо то, что сдѣлано имъ, принадлежитъ уже исторіи, а не ему. — Боимся думать, что для г. Костомарова наступилъ тотъ періодъ въ процессѣ умственнаго развитія, — что̀ бываетъ, къ счастью, не со всѣми, — когда человѣкъ оглядывается на свое прошедшее и, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ комбинацій разсудка, отрекается отъ своей минувшей умственной жизни, отворачивается отъ того, чему сочувствовалъ, что любилъ и за что̀ страдалъ нравственно. Боимся вѣрить, чтобъ это подозрѣніе было справедливо. Всего скорѣе, — и дай Богъ, чтобъ это была не ошибка, — что г. Костомаровъ, слѣдуя неизбѣжному закону развитія, уже не довольствуется тѣмъ, что сдѣлано имъ въ теченіе всѣхъ прожитыхъ имъ лѣтъ, въ теченіе всей его трудовой жизни. — Мы хо̀тимъ вѣрить, что г. Костомаровъ становится нравственно еще выше, выше своего прошедшаго. Это такъ и должно быть, потому что убивать все прошедшее своей жизни — не легко; легко его убить, когда есть чѣмъ замѣнить, — но когда не чѣмъ? Одно изъ двухъ: или г. Костомаровъ, вслѣдствіе послѣднихъ нашихъ соображеній, отрекается отъ всего добытаго имъ прежде для болѣе лучшаго, болѣе достойнаго вниманія или, напротивъ, онъ самъ начинаетъ не понимать своего прошедшаго, наконецъ забылъ то, что говорилъ прежде, или даже просто шутитъ.

Все сказанное нами такъ важно, обвиненіе наше или подозрѣніе такъ велико, что мы не имѣемъ права оставить безъ доказательствъ ни одного слова изъ того, что сейчасъ сказали.

Всего замѣчательнѣе, что г. Костомаровъ дѣлаетъ важный для ученаго шагъ, — можно сказать — совершенно по пустякамъ, — въ замѣткѣ (Рус. Слово 1861, IV), на которую едва ли кто обратитъ вниманіе, кромѣ автора настоящихъ строкъ, до котораго замѣтка г. Костомарова касается лично, такъ какъ талантливый историкъ высказываетъ свои новыя, а въ сущности запоздалыя и удивившія насъ противорѣчіемъ съ его же собственными историческими тенденціями

мнѣнія по поводу нѣкоторыхъ нашихъ выводовъ. Г. Костомаровъ умѣлъ все это высказать почти мимоходомъ, при разборѣ третьей книги историко-юридическаго «Архива» г. Калачова, собственно при разборѣ нашей статьи, помѣщенной въ этой книгѣ: «Крестьяне въ югозападной Руси XVI вѣка». — Выводъ, естественно вытекающій изъ всей нашей статьи, тотъ, что южнорусскому крестьянину, въ XVI вѣкѣ, подъ властью польскихъ пановъ, было нехорошо; по смыслу замѣтки г. Костомарова, напротивъ, ему было довольно хорошо, даже чуть ли не великолѣпно. Въ сущности, спору тутъ и быть не можетъ: стоитъ только прочитать памятники, на основаніи которыхъ я дѣлалъ свои заключенія, чтобы сказать, хорошо ли было крестьянамъ или дурно; по нашему мнѣнію, имъ было нехорошо; по мнѣнію г. Костомарова — очень хорошо; г. Костомарову можетъ, напримѣръ, казаться положеніе дяди Тома прекраснымъ, а мнѣ нѣтъ, — объ этомъ нечего и толковать долго, — это дѣло личнаго вкуса, а не науки. Впрочемъ и вкусъ этотъ привился къ г. Костомарову какъ-то случайно и, повидимому, очень недавно, потому что до сихъ поръ онъ смотрѣлъ на дѣло совершенно иначе и ниразу не высказывался такъ, какъ теперь высказался. А иначе сталъ высказываться г. Костомаровъ потому, какъ самъ признается, что его сильно напугали и пожурили польскіе ученые за тѣ промахи, или, вѣрнѣе, увлеченія, которыя эти ученые Поляки подмѣтили въ историческихъ трудахъ г. Костомарова. Для него, со времени этого испуга, «страданія русскаго народа подъ властью Польши» стали, какъ онъ самъ сознается, предметомъ очень «щекотливымъ», — щекотливымъ именно потому, «что въ настоящее время польскіе ученые, литераторы, журналисты силятся насъ укорить въ пристрастіи къ своимъ и въ несправедливомъ очерненіи Поляковъ и въ то же время хотятъ доказать, что нашимъ предкамъ, малороссійскимъ мужикамъ, былъ рай подъ польскимъ правленіемъ» (стр. 32). Все это прекрасно, да только мнѣ-то лично нечего бояться, потому что Поляки не могутъ обвинить меня въ пристрастіи ни къ своимъ, ни къ чужимъ, какъ обвинили г. Костомарова. Мы сами согласны, что надо быть осторожнѣе въ выводахъ, надо осмотрительнѣе пользоваться историческими памятниками, ненадо легко обращаться съ источниками, но не для того, чтобъ не навлечь укора польскихъ ученыхъ, а просто ради исторической истины. Если на г. Костомарова нападали Поляки и даже Малороссіяне за легкое пользованіе источниками, то мы и предо-

ставляемъ ему, вслѣдствіе даннаго ему урока, быть осторожнѣе; мы же позволяемъ себѣ быть и неосторожными, лишь бы всегда руководило нами безпристастіе и уваженіе къ идеѣ истины и добра. Боязнь упрековъ за пристрастные историческіе выводы напоминаетъ намъ русскую пословицу, говорящую, что тотъ, кто обжегся на молокѣ, дуетъ и на воду... Притомъ, если польскіе ученые силятся доказать (хотя еще не доказали), что нашимъ предкамъ, малороссійскимъ мужикамъ, былъ рай подъ польскимъ правленіемъ, то это еще не обязываетъ насъ примѣнять наши, добытые историческимъ путемъ, выводы и отказываться отъ своихъ словъ, если они истинны, а выводы — не придуманы нами, не вытянуты изъ фактовъ насильно — такъ-сказать — за волосы. — И такъ мы будемъ смотрѣть на положеніе малорусскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ безпристрастно и дѣлать выводы независимо отъ того, что они могутъ кому-нибудь не понравиться.. Однимъ словомъ, мы будемъ дѣйствовать ради истины, такъ, какъ-будто бы ни г. Костомарова, ни насъ и не пугали польскіе ученые.

Хотя намъ не хотѣлось бы вдаваться въ скучные толки о томъ, какъ ошибочно г. Костомаровъ понимаетъ смыслъ нашихъ выводовъ, или гдѣ онъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ, однако считаемъ неизбѣжной эту непріятную обязанность отвѣтчика, когда его обвиняютъ именно — или вслѣдствіе ошибочнаго пониманія его словъ или вслѣдствіе натяжекъ. Притомъ мы думаемъ, что видимая мелочность споровъ изъ-за словъ окупается важностью самаго предмета. Г. Костомаровъ, рѣшившійся быть осторожнымъ въ выводахъ относительно тѣхъ вопросовъ, которые ему, три года назадъ, не казались «щекотливыми». теперь несмѣло приступаетъ къ дѣлу и, прежде чѣмъ начать разборъ нашей статьи, задается такимъ вопросомъ: не слишкомъ ли ужъ бѣдственнымъ представилъ г. Мордовцевъ положеніе южнорусскаго крестьянина подъ владычествомъ Поляковъ и не обидятся ли этимъ польскіе ученые? На этотъ вопросъ — прямой отвѣтъ: цѣль г. Мордовцева была — «представить печальнымъ, горькимъ, бѣдственнымъ положеніе простаго народа подъ властью пановъ въ эпоху, когда южная Русь находилась въ соединеніи съ Польшею, и простой народъ подъ властью своихъ ополячившихся господъ» (стр. 91). Естественно, чтобы польскіе ученые остались довольны нами и не гнѣвались, нужна реакція, опровerженіе непріятныхъ для нихъ выводовъ г. Мордовцева, нужна оппозиція, крайность, — и г. Костомаровъ

прибѣгнулъ къ этой крайности, доказавъ, что положеніе крестьянъ было почти прекрасно. Безъ сомнѣнія, польскіе ученые останутся теперь вполнѣ довольны новыми выводами г. Костомарова и перестанутъ бранить его прежнія историческія монографіи, гдѣ много разъ доказывалось, что положеніе южнорусскихъ крестьянъ было далеко не прекрасно. Эти новые выводы г. Костомарова, напрасно и Богъ-вѣсть для чего силящіеся опровергнуть внутренній смыслъ и значеніе его прежнихъ трудовъ, которые тѣмъ не менѣе еще долго будутъ оставаться лучшими трудами по русской исторіи, основываются на тѣхъ же памятникахъ, на которыхъ мы основываемъ доказательства совершенно противнаго; что̀ же касается до другихъ памятниковъ исторической жизни южнорусскаго народа, то онъ почему-то обходитъ ихъ молчаніемъ, — можетъ быть потому, что они вошли въ его прежнія монографіи и подтверждаютъ не то, что̀ требуется подтвердить въ настоящую минуту. Но сколько мы знакомы съ этими памятниками, то ихъ, дѣйствительно, и не слѣдовало трогать, а иначе они сказали бы то, что̀ опять бы возбудило гнѣвъ польскихъ ученыхъ. Но какъ же, — спросятъ насъ, безъ сомнѣнія, — можно на однихъ и тѣхъ же памятникахъ дѣлать два совершенно противоположные вывода? Очень можно: тутъ дѣло вкуса, какъ мы замѣтили выше. Если я скажу, что скверно быть нищимъ, то другіе могутъ на это возразить, что не совсѣмъ скверно и даже нѣсколько хорошо; если я скажу, что положеніе малорусскаго крестьянина было дурно, когда жидъ-арендаторъ имѣлъ право лишить его жизни, засѣчь или повѣсить, то г. Костомаровъ можетъ отвѣтить на это, что надо только взглянуть на дѣло «хладнокровнѣе» и тогда мы согласимся, что умереть отъ арендатора несовсѣмъ дурно, что все это еще сносное положеніе (стр. 112, — мы послѣ поговоримъ объ этомъ). Кромѣ вкуса нужна еще добрая рѣшимость, — ужъ коли доказывать противное, такъ доказывать рѣшительно, нечего и останавливаться на полдорогѣ; а иначе, пожалуй, возраженія наши покажутся слабы, выводы безцвѣтны. Вслѣдствіе этой твердой рѣшимости, — когда г. Костомаровъ прочелъ въ нашей статьѣ, что коронный подданный, живя на казенной землѣ, платилъ 21 грошъ за волоку, то, чтобы представить положеніе польскаго мужика хорошимъ, — ему ничего не оставалось, какъ указать на то, что за негодную землю онъ платилъ меньше («съ грунту подлого 8 грошей, а съ вельми подлого, песъковатого альбо блотливого 6 грошей»). Да вѣдь это тоже самое,

какъ еслибы сказать, что когда онъ вовсе не имѣлъ земли, то платилъ еще меньше за нее, а когда умиралъ, то вовсе ничего не платилъ. Это само-собою разумѣется: мы и не считали нужнымъ приводить то, что всякому извѣстно, а разумѣли подъ оброчной волокой земли — нормальную, удобную землю, какъ разумѣется это вездѣ, — даже въ гражданскихъ палатахъ. А между тѣмъ ученому профессору это кажется новостью и онъ съ чувствомъ довольства, — ибо воображалъ, что улучшилъ этимъ положеніе крестьянина и угодилъ польскимъ ученымъ — прибавляетъ: «вотъ у насъ дѣло принимаетъ нѣсколько иной оборотъ». Чѣмъ же, позвольте спросить? — такой же, какъ и у насъ. — Когда мы скажемъ, что у насъ въ Саратовѣ говядина дорога, то не считаемъ нужнымъ пояснять, что дорога говядина только годная для пищи, а что такая, какою кормили рабочихъ на волжско-донской желѣзной дорогѣ, очень дешева: — ужъ это и безъ поясненія понятно. Послѣ этого г. Костомарову понятно будетъ, что и овса давалось съ худой волоки меньше, а съ хорошей больше: по нашему мнѣнію, съ негодной земли (подлой, вельми подлой, песчаной или болотной) и вовсе бы ничего не слѣдовало давать. Твердая рѣшимость отказаться отъ своихъ прежнихъ воззрѣній на отношенія южнорусскаго поселянина къ своимъ панамъ заводитъ г. Костомарова еще дальше. Ему недовольно было остаться при новомъ мнѣніи, что крестьянамъ было недурно, что платили они за землю изъ рукъ вонъ мало, работали тоже немного, развѣ только ради наслажденія трудомъ (иначе мы не можемъ понять его усилій—освѣтить печальную картину прошедшаго); ему хотѣлось бы доказать, въ угоду польскимъ ученымъ, что мужикамъ въ самомъ дѣлѣ былъ «рай та й годі». Мало этого: самые чиновники польскіе рисуются ему уже теперь агнцами смиренными, угнетенными невинностями, которые не брали съ мужиковъ взятки, а сами давали ихъ мужикамъ; которые не драли ихъ за чупъ, а сами давали имъ въ распоряженіе свои усы и спину; эти чиновники — «урядники» кажутся ему даже милыми созданьями, — и не погибшими, а просто милыми. «Урядники, говоритъ онъ, не могли брать что имъ угодно: ихъ доходы были опредѣлены съ точностью, они не могли въ случаѣ неуплаты крестьяниномъ ихъ доходовъ, какъ и вообще королевскихъ повинностей, ставить къ нимъ въ домы квартирантовъ (лежневъ въ домы), не смѣли они ѣздить за вымышленными побрами (по коляды великодные и пожитки вымышленные); урядникъ не

былъ лице неприкосновенное для крестьянина, который былъ обязанъ сносить отъ него всякую несправедливость: крестьянинъ имѣлъ право жаловаться ревизору на несправедливое управленіе уряда» (стр. 99). Рай та й годі! — Но все это опять-таки не доказательство благосостоянія крестьянъ; все это слова, слова, слова. Что написано въ законахъ, то еще не даетъ намъ право заключать, что такъ оно было и въ жизни, что жизнь не представляла самаго возмутительнаго противорѣчія съ такими, повидимому безукоризненными требованіями идеальнаго права, писанаго закона, который и теперь иногда такъ ловко обходится въ жизни. — Притомъ, еслибы въ жизни не существовали «великодныя коляды» чиновниковъ и вымышленные поборы, то не зачѣмъ было и упоминать о нихъ въ законахъ, когда можно было ограничиться вообще статьею о злоупотребленіяхъ власти; тогда, наконецъ, не существовали бы даже и юридическіе термины — «коляды пасхальныя» и «лежки», когда въ жизни не было бы этихъ колядокъ. Еслибы въ Китаѣ не было обыкновенія бить по пятамъ бамбукомъ, то бамбукъ не вошелъ бы въ кодексъ китайскихъ законовъ; еслибы въ древней Руси не существовало посуловъ и вымогательствъ, то не за что было бы и бить судей кнутьями «подъ колокольницею нещадно», чтобъ другимъ было «неповадно»; еслибы наконецъ у насъ на Руси не было трескучихъ морозовъ, то не зачѣмъ было бы и шубы шить. Дозволимъ себѣ еще одну оговорку: Еслибы въ древнемъ Римѣ (гдѣ было такое великолѣпное юридическое право, которое и теперь тормозитъ развитіе современнаго, болѣе человѣчнаго права), еслибы въ этомъ Римѣ не было гадко жить человѣку, кажется вполнѣ огражденному буквою закона, а не смысломъ жизни, то не зачѣмъ было бы сердиться Ювеналу и Тациту; они писали бы панегирики, подобные панегирикамъ умилительнаго холопа Сидонія, которыми этотъ господинъ прославлялъ Римъ уже тогда, когда въ немъ не-въ-примѣръ было хуже того, какъ было при Ювеналѣ, — когда тамъ уже рѣшительно невозможно было дышать. Спору нѣтъ, что и южнорусскій крестьянинъ «имѣлъ право» жаловаться на чиновника, — этимъ правомъ пользовались и русскіе въ отношеніи татарскихъ баскаковъ и темниковъ, и греческій демосъ — въ отношеніи герузіи, и илоты въ отношеніи періэковъ, такъ ловко охотившихся на нихъ, и — наконецъ дикіе имѣютъ это право, — но пусть г. Костомаровъ, положа руку на сердце, скажетъ, можно ли искренно утверждать, что законъ защищалъ и тѣхъ и

другихъ? Защищаетъ ли, напримѣръ, законъ турецкихъ Славянъ отъ насилій допускаемыхъ кадіями, отъ грабежа, дозволяемаго солдатамъ, отъ разоренія хижинъ, отъ безчестія женщинъ и дѣвочекъ, — когда дѣйствительно существуетъ законъ, запрещающій кадіямъ насилія, солдатамъ — грабежи и проч.? При такой манерѣ историческихъ доказательствъ, какую рѣшился принять на этотъ разъ г. Костомаровъ, будущіе историки и юристы станутъ, пожалуй, доказывать, что такъ-какъ въ турецкихъ законахъ запрещалось притѣсненіе Славянъ и даже были статьи въ пользу ихъ, то Славяне благоденствовали подъ турецкимъ владычествомъ, и эти юристы и историки будутъ, съ точки зрѣнія г. Костомарова, вполнѣ правы, нападая, положимъ, на господина съ подобнымъ направленіемъ, какъ у Мордовцева, который тогда сталъ бы говорить, что Славянамъ тяжко приходилось дышать подъ защитой турецкихъ законовъ. Но мы надѣемся, что если такая манера доказательствъ еще терпима въ настоящее время, когда на многое принято у насъ смотрѣть какъ-то странно, на основаніи укоренившихся отъ старины предразсудковъ, то когда же нибудь мы избавимся отъ этого схоластическаго недостатка и будемъ смотрѣть не на то, что́ написано или напечатано, а на то, что́ есть на дѣлѣ, что́ есть въ самой жизни, которую мы до сихъ поръ почему-то стараемся обходить; мы убѣждены, что при болѣе логическомъ способѣ пользоваться фактами прошедшаго, исторія отдастъ должную дань справедливости страданіямъ турецкихъ Славянъ и почтитъ хорошей памятью страданія южнорусскаго поселянина, которыя теперь хотятъ заподозрить, а польскій законъ и польскаго чиновника — возвеличить. — Но еслибы мы даже допустили, что польскій чиновникъ былъ идеаломъ честнаго служенія истинѣ и добру, то и тогда положеніе крестьянина было бы тягостно. Говорить же на основаніи писаныхъ законовъ о томъ, что польскій чиновникъ не былъ тягостью для крестьянина, а крестьянинъ благоденствовалъ, потому что молчалъ, это то же, что выразить состояніе цѣлаго народа или области фразой — «все обстоитъ благополучно»...

Желаніе во что́ бы то ни стало прославить «охуждаемое» нами (какъ говоритъ г. Костомаровъ) польское законоположеніе и доказать благосостояніе крестьянъ подъ этими законами заставляетъ его нетолько отрекаться, не стѣсняясь законами логической послѣдовательности, отъ своихъ прежнихъ воззрѣній, служившихъ путеводною

нитью во всѣхъ его предшествовавшихъ историческихъ и неисторическихъ трудахъ, но и прибѣгать къ литературному лжесвидѣтельству или — какъ бы это деликатнѣе выразиться — къ невиннымъ сочиненіямъ ради каламбура. Дѣло въ томъ, что, при описаніи состоянія крестьянъ одного изъ помѣщичьихъ имѣній, я сказалъ, что въ имѣніи этомъ на 64 души крестьянъ приходилось только 16 коней и 30 клячъ, употребивъ послѣднее слово безъ перевода, какъ это нерѣдко допускалъ въ своей статьѣ, не предполагая, чтобы нѣкоторыя южнорусскія слова оказались непонятными для людей, интересующихся исторіею южнорусскаго народа. Г. Костомарова это смутило, и онъ, воображая, что я не понимаю значенія южнорусскихъ словъ, Богъ-вѣсть почему выдумалъ, будто я говорю о какомъ-то различіи коней и клячь, какъ показываетъ будто бы «мой тонъ» (?), а потому, желая помочь моему невѣдѣнію, предостерегаетъ меня, чтобы я не думалъ, будто кляча означаетъ «худую, едва двигающую ноги лошадь» и т. д. Но, — во-первыхъ благодарю за это важное открытіе, которое, впрочемъ, было мнѣ извѣстно и прежде; а во-вторыхъ, я долженъ замѣтить, что о различіи коней и клячъ я не говорилъ нигдѣ, рѣшительно нигдѣ, не считая этого особенно — важнымъ для науки, да и тонъ мой ровно ничего не показываетъ такого, чтобы я считалъ нужнымъ вступать въ область филологическаго истолкованія различія коней и клячъ. Но г. Костомаровъ не останавливается на клячахъ, а идетъ далѣе и упрекаетъ насъ за то, какъ мы смѣли не знать, что памятникамъ кіевской коммиссіи, къ которымъ онъ такъ часто прибѣгалъ въ своихъ историческихъ трудахъ для подтвержденія тѣхъ или другихъ своихъ мнѣній, не слѣдуетъ довѣрять (а зачѣмъ же вы, г. Костомаровъ, пользовались ими?) и какъ мы смѣли не знать, что издатели этихъ памятниковъ, г.г. Юзефовичъ и Иванишевъ, могутъ «ошибаться по человѣчеству»? — Конечно, мы согласны, что всѣ могутъ ошибаться, нетолько г.г. Юзефовичъ и Иванишевъ, на которыхъ, какъ и на г. Костомарова, тоже напали польскіе ученые по причинамъ имъ однимъ извѣстнымъ; но не понимаемъ, почему именно *теперь* ошиблись эти издатели, — когда г. Костомарову нужно читать въ ихъ изданіи не то, что тамъ напечатано, и почему они не ошибались прежде, — когда г. Костомаровъ черпалъ изъ ихъ изданій все, что казалось ему годнымъ для его цѣлей. — Къ этой тактикѣ г. Костомарову пришлось прибѣгнуть по поводу того обстоятельства, что, при описаніи повинностей одного имѣнія,

я сказалъ, основываясь на памятникахъ кіевской коммиссіи, что крестьяне должны были работать на помѣщика каждый день. Такъ какъ г. Костомарову хочется все-таки доказать, что крестьяне благоденствовали, а какъ каждодневная барщина сильно могла мѣшать благоденствію, то и оставалось одно средство выйти изъ щекотливаго положенія — сказать, что въ этомъ именно мѣстѣ г.г. издатели памятниковъ, на зло г. Костомарову и въ угоду намъ, — взяли да и ошиблись. Не знаемъ, дѣйствительно ли ошиблись издатели; но какъ бы то ни было, а заподозрѣнное г. Костомаровымъ мѣсто сильно подрываетъ аргументы почтеннаго профессора. Чтобы выйти ему изъ этого непріятнаго положенія, остается одно средство: такъ какъ г. Юзефовичъ приглашаетъ всѣхъ, сомнѣвающихся въ добросовѣстномъ изданіи памятниковъ кіевской коммиссіи, обращаться за справками въ подлинныхъ документахъ лично къ нему, то мы и совѣтовали бы г. Костомарову побывать у г. Юзефовича и удостовѣриться, ежедневная ли была барщина у южнорусскихъ крестьянъ или нѣтъ. Тогда, можетъ быть, г. Костомаровъ согласится, что и мы писали свои доводы, справившись съ дѣломъ. Вообще мы должны замѣтить, что г. Костомаровъ, думая видѣть благосостояніе тамъ, гдѣ его не было и быть не могло, самъ чувствуетъ, что его доводы слабы, а потому старается шутить (стр. 102—103). Говоря откровенно, — и мы умѣемъ шутить, у насъ тоже бываетъ подъ-часъ веселое расположеніе духа; но лучше поговоримъ безъ шутокъ....

И въ самомъ дѣлѣ, — что за шутки, когда идетъ рѣчь о такомъ важномъ предметѣ, какъ тотъ, котораго мы сейчасъ коснемся. Можно шутить надъ ошибками г. Юзефовича и даже надъ своими собственными, — но есть предметы, при разговорѣ о которыхъ шутки какъ-то плохо сходятъ съ языка. Дѣло въ томъ, что въ статьѣ своей мы коснулись польскаго закона (или обычая — все равно) — отдавать населенныя имѣнія въ аренду жидамъ (или кому бы то ни было — тоже все равно) съ правомъ судить, наказывать и казнить смертью крестьянъ, и, разумѣется, замѣтили, что обычай этотъ — нехорошъ. Да и что другое можно сказать о немъ? не говорить же, что прекрасенъ. Можно было даже и ничего не говорить, потому что фактъ самъ по себѣ краснорѣчивъ. Г. Костомаровъ соглашается съ нами, что «отдача жиду въ аренду имѣнія съ правомъ суда и казни производитъ на насъ какое-то приводящее въ дрожь впечатлѣніе; но — при всемъ томъ, ему жалко отказаться отъ своихъ до-

водовъ относительно благоденствія южнорусскаго крестьянина, совѣстно сознаться, что всѣ его аргументы оказываются совершенно ничтожными передъ этимъ послѣднимъ аргументомъ,—и онъ насилуетъ свой умъ, насилуетъ свою добрую и умную природу, заставляетъ молчать сердце, чтобы еще разъ сказать, что крестьянамъ, даже и при такой обстановкѣ, было хорошо. Такъ какъ г. Костомаровъ понимаетъ, какъ трудно заставить кого бы то ни было согласиться, что смертная казнь, и притомъ въ рукахъ у арендатора, дѣло далеко не дурное или, пожалуй, даже похвальное, и какъ тутъ уже сказать нечего въ пользу благовидности такого факта, какъ лишеніе жизни, то, — чтобы и здѣсь не отступить передъ неотразимой силой и грубостью факта и хотя разъ еще порадоваться счастію крестьянина,— онъ старается закрыть глаза, чтобъ не видѣть картины казни. Онъ совѣтуетъ «повѣрить хладнокровно» то впечатлѣніе, которое всякаго приводитъ въ дрожь, когда рѣчь идетъ обо отдачѣ имѣній въ аренду съ правомъ смертной казни. Можетъ быть, у почтеннаго профессора и достаточно такого хладнокровія, но, что касается до насъ, то, признаемся — мы не довольно умѣемъ владѣть собой въ подобныхъ случаяхъ, и сколько ни силимся быть хладнокровными, но когда увидимъ только, что человѣка сѣкутъ — наше хладнокровіе пропадаетъ. Правда, мы можемъ хладнокровно обсудить фактъ отдачи имѣній въ аренду съ правомъ казни и, говоря объ этомъ фактѣ, не выходимъ изъ себя; но все-таки скажемъ, что указываемый нами въ исторіи южной Россіи обычай — дѣло возмутительное. Мы удивляемся только хладнокровію г. Костомарова, приглашающаго и насъ быть такими же хладнокровными; мы, слава Богу, еще не дожили до подобнаго нравственнаго состоянія, мы не доросли до него, можетъ быть, просто по молодости, по неопытности, — но, признаемся, — и не желали бы доживать до того періода моральнаго развитія, въ какомъ желаетъ показать себя г. Костомаровъ, или въ какомъ онъ въ самомъ дѣлѣ теперь находится. Мы бы никогда не желали дойти до того горькаго убѣжденія, чтобы говорить, что «одна отдача имѣній въ аренду жидамъ съ правомъ суда и казни, коль скоро это право существовало для пановъ, еще не должна насъ очень смущать» и. т. д. (стр. 112). — Тогда, пожалуй, насъ уже и ни что не смутитъ.

Впрочемъ, несмотря даже на все видимое хладнокровіе, котораго недоставало въ прежнихъ историческихъ монографіяхъ г. Костома-

рова и въ—особенности тамъ, гдѣ рѣчь касалась положенія южнорусскихъ крестьянъ, онъ самъ чувствуетъ, что стоитъ не на твердой почвѣ и — хватается за соломенку; потому что ничѣмъ другимъ, какъ соломенкой, нельзя назвать того слабаго довода, къ которому онъ прибѣгаетъ для своей нравственной поддержки. — Соглашаясь съ нами, что состояніе тогдашняго крестьянина «не могло не представлять стѣснительныхъ сторонъ», онъ приглашаетъ насъ сравнить тогдашніе инвентари «съ неписаннымъ, но существующимъ de facto инвентаремъ знакомыхъ намъ имѣній въ наше время въ любой губерніи — хотя бы въ Саратовской — имѣній даже господъ прогрессивныхъ, гуманныхъ, даже литераторовъ», и увѣренъ, что мы найдемъ, будто, польскіе инвентари ничуть не обременительнѣе нашихъ, такъ недавно перешедшихъ въ область исторіи». Но развѣ можно прибѣгать къ такимъ доказательствамъ? Развѣ дурное состояніе имѣній въ Саратовской губерніи даетъ намъ право радоваться и благословлять прошедшее южнорусскаго народа, потому только, что въ Малороссіи, въ XVI вѣкѣ, положеніе имѣній было не хуже этого? Если худо это, то вѣдь худо и то, — объ чемъ же мы и говоримъ? Другое дѣло, еслибъ г. Костомаровъ доказалъ намъ, что то, что̀ мы теперь видимъ, худо, а то, что̀ было тогда, — хорошо; а вѣдь онъ только и говоритъ, что и то и другое худо, — а вѣдь это и есть наша мысль. Я говорю, напротивъ, что у Ивана Ивановича голова похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ, а г. Костомаровъ указываетъ намъ на Ивана Никифоровича, у котораго голова тоже похожа на рѣдьку, только хвостомъ вверхъ. Да вѣдь все-таки это не мѣшаетъ головѣ Ивана Ивановича быть некрасивой. Дурное въ превосходной степени не мѣшаетъ быть дурному въ положительной или положительно-дурному: первое дурно во всѣхъ отношеніяхъ, а послѣднее просто дурно, какъ двѣ гоголевскія дамы одна другой не мѣшали быть пріятными, хотя одна была пріятна во всѣхъ отношеніяхъ, а другая — просто пріятная дама. — Вообще, подобный сравнительный методъ отзывается логическою несостоятельностію; къ нему прибѣгаютъ обыкновенно за неимѣніемъ фактической опоры. — «Положеніе южнорусскихъ крестьянъ было худо въ XVI вѣкѣ», говоритъ одна сторона.—«Положеніе китайскихъ кулисовъ теперь хуже», говоритъ другая. Чтожъ изъ этого? — вѣдь крестьянамъ отъ этого было не лучше, что кулисамъ худо.—Вотъ вслѣдствіе такихъ-то нелогическихъ комбинацій, г. Костомаровъ и приходитъ къ странному

заключенію, что, при всей безотрадности положенія южнорусскихъ поселянъ, «жили же эти люди, привыкали и были довольны судьбою» (стр. 111). Но, Боже мой! къ чему не привыкаетъ человѣкъ? Привыкаетъ и не къ тому, къ чему прижился южнорусскій поселянинъ, привыкаетъ къ чему-нибудь еще болѣе нехорошему; несомнѣнно и то, что они жили — «да такъ-то вони й жили» — говоритъ южнорусская поговорка; но были ли они довольны судьбой — объ этомъ надо у нихъ спросить; а какъ мертвые не говорятъ, то за нихъ скажутъ ихъ думы и пѣсни, изъ которыхъ одна вриведена въ нашей статьѣ. Даже г. Костомаровъ признается, что пѣсня эта сильно говоритъ о недовольствѣ народа своимъ тогдашнимъ положеніемъ. «Вотъ это важно», говоритъ онъ (стр. 112). Мы согласны, что дѣйствительно важно; а что въ Саратовской губерніи есть дурныя имѣнія — это не важно, когда рѣчь идетъ о XVI вѣкѣ. (NB. Другой рецензентъ моей статьи, нѣкто г. П-ій, для доказательства благоденствія крестьянъ въ XVI вѣкѣ, кинулся въ нынѣшнюю Полтавскую губернію, какъ г. Костомаровъ въ Саратовскую, и, поддерживаемый статистическими цифрами, говоритъ, что такъ-какъ въ нынѣшней Полтавской губерніи мужики бѣдны, то въ Малороссіи XVI вѣка они были.... тоже бѣдны. Основа, кн. IV).

Наконецъ и все сказанное нами—еще не все: настоящая статья г. Костомарова написана имъ нетолько противъ его самого, что не удивительно, но,—по странному стеченію обстоятельствъ, или просто по недосмотру, а можетъ быть и по увлеченію г. профессора,—выходитъ еще и такъ, что она же идетъ и противъ самой-себя, то-есть статья полемизируетъ сама съ собой. Правда, такое явленіе, повидимому, совершенно невозможно и мы прежде сами такъ думали, основываясь на законахъ физики и морали; однако чтеніе статьи г. Костомарова разубѣдило насъ въ этомъ:—статья положительно опровергаетъ самоё себя сильною цитатою изъ южнорусскаго лѣтописца, который прямо говоритъ, что прежде, до XVII вѣка, украинскіе крестьяне много терпѣли отъ пановъ, много страдали (мы не приводимъ этого мѣста—оно у г. Костомарова выписано); но что теперь они живутъ изобильно. Мѣсто это, приведенное къ концу статьи, рѣшительно убиваетъ всю статью.—Впрочемъ, что-жъ удивительнаго, если можетъ быть и статья самоубійца, когда человѣкъ дѣлается нерѣдко самоубійцей....

Послѣ всего сказаннаго нами, насъ не удивляетъ уже и то об-

стоятельство, что г. Костомаровъ,—убивъ разомъ всѣ доказательства своей статьи одной ловкой цитатой,—остановился въ раздумьи, что зашелъ слишкомъ далеко,—и наконецъ рѣшается пробраться назадъ, къ своимъ старымъ мнѣніямъ. Съ Богомъ! Нечего было и выходить изъ своей колеи.—Въ концѣ статьи онъ положительно соглашается съ нашими взглядами на матеріальное бѣдствіе южнорусскаго народа, но только прибавляетъ, что «едвали оно происходило отъ самыхъ учрежденій, а скорѣе отъ способа управленія, отъ произвола, отъ необузданности» и т. д. Не то-же-ли самое и мы говорили? Намъ все равно, отчего бы ни происходило бѣдствіе страны,—только оно происходило,—въ томъ-то и бѣда. Совѣтуя приняться за разработку этого предмета не по однимъ памятникамъ кіевской коммиссіи, а по всѣмъ доступнымъ историческимъ документамъ, г. Костомаровъ говоритъ въ заключеніе: «Мы увѣрены, что придемъ именно къ такому чувству, къ какому пришелъ г. Мордовцевъ, но тогда мы будемъ имѣть на изліяніе его несомнѣнное право.» А если г. Костомаровъ впередъ увѣренъ, что и послѣ мельчайшаго изслѣдованія подробностей, наука придетъ къ тому же, къ чему привело насъ наше изслѣдованіе, то зачѣмъ же было поднимать войну изъ-за словъ, зачѣмъ было противорѣчить себѣ, отказываться отъ своихъ прежнихъ мнѣній? Вѣдь, на основаніи семидесяти двухъ названій источниковъ, которыми пользовался г. Костомаровъ для своего «Богдана Хмельницкаго,» онъ дошелъ до того же чувства, до котораго и мы дошли, и между тѣмъ, теперь, за это же самое онъ обвиняетъ насъ въ увлеченіи: напротивъ, изъ всего сказаннаго выходитъ, что въ г. Костомаровѣ, увлекавшемся каждымъ изъ семидесяти двухъ источниковъ и дошедшемъ до того же, до чего и мы дошли,—этого увлеченія было въ семьдесятъ два раза болѣе чѣмъ у насъ. Кажется, это ясно и другого логическаго вывода быть не можетъ.

Отвѣчая г. Костомарову, мы просимъ теперь у него позволенія сказать здѣсь же два-три слова г. А. П., разбирающему нашу статью въ четвертой книгѣ Основы. Хотя въ силу уваженія, которое мы питаемъ къ таланту г. Костомарова, намъ и не слѣдовало бы слабую рецензію г. П. ставить на одну доску съ рецензіей (въ сущности тоже несильной) г. Костомарова, однако мы никакъ не можемъ раздѣлить обѣ рецензіи, страдающія одними и тѣми же внутренними недостатками и содержащія въ себѣ однѣ и тѣ же тенденціи, съ тою только разницею, что тонъ послѣдней обличаетъ въ авторѣ не-то

панскія, не-то арендаторскія убѣжденія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе назвать убѣжденія, заставляющія писателя смотрѣть на южнорусскаго пахаря XVI вѣка какъ на существо нисшей породы, какъ на человѣка не одной съ нимъ кости,—не бѣлой? Г. П-й убѣжденъ, что только человѣку съ развитыми способностями нуженъ и покой, и сытный столъ, и всѣ блага жизни; а что̀ нужно пахарю, говоритъ онъ, который даже не вполнѣ можетъ чувствовать матеріальныя лишенія? Способенъ ли онъ чувствовать моральныя боли? Если пахарь XVI вѣка былъ бѣденъ, если не было у него достаточнаго количества земли, рабочаго скота, не было даже хлѣба, то онъ могъ пойти въ садъ и—не повѣситься, а «сорвать плодъ съ дерева,» пойти къ рѣкѣ и—не утопиться, а «поймать рыбу,» наконецъ взять ружье и—«убить птицу» (подлинныя слова Г. П., стр. 13). Все это горькая истина; но жизнь въ XVI вѣкѣ была еще горше: въ XVI вѣкѣ пахарь ме могъ сорвать плодъ съ дерева, потому что у него не было сада; не могъ и птицу убить въ лѣсу, потому что это не всегда позволялось, да не у всякаго пахаря и ружье было,—а чужихъ куръ ловить тоже запрещалось.—Вообще г. П-й держится того мнѣнія, что южнорусскому пахарю XVI вѣка было довольно легко жить на свѣтѣ и нечего было жаловаться на польскихъ пановъ. Разсматривая положеніе этого пахаря только съ юридической точки зрѣнія, онъ вращается въ слишкомъ узкомъ кругозорѣ и дальше буквы закона ничего не видитъ; онъ читаетъ въ статутѣ, что законъ ограждаетъ крестьянина отъ того-то и того-то, и вполнѣ увѣренъ, что крестьянинъ уже огражденъ, что все такъ и въ жизни дѣлается, какъ въ статутѣ пишется. Въ этомъ случаѣ г. П-й напоминаетъ чиновника, который, подшивъ прошеніе къ дѣлу и бережно положивъ дѣло въ шкафъ, воображаетъ, что проситель уже удовлетворенъ. Чтожъ—вѣдь у него просьбу взяли, номеръ на бумагѣ выставили и внесли ее въ настольную книгу, однимъ словомъ—соблюли форму по закону. Исходный пунктъ убѣжденій г. П. тотъ, что пахарю, какъ мужику, надо меньше, чѣмъ развитому человѣку, что ему даже почти ничего не надо; онъ даже можетъ обойтись безъ трехъ четвертей ржи въ годъ, когда около него есть лѣсъ съ птицами, грушами и яблоками и озеро съ карасями. Вслѣдствіе такого убѣжденія г. П. указываетъ даже на восточныхъ жителей, которые довольствуются еще меньшимъ и нравственное положеніе которыхъ таково, что ихъ ужъ и унизить ни что не можетъ,—такъ они унижены.

Вотъ съ такими-то убѣжденіями, по странной игрѣ случая, столкнулись и убѣжденія глубоко-уважаемаго нами талантливаго автора Богдана Хмельницкаго и Стеньки Разина,—и нетолько столкнулись, но идутъ рядомъ, параллельно, когда еще такъ недавно они казались діаметрально противоположными первымъ. — Какъ же послѣ этого назвать подобный поворотъ въ мнѣніяхъ, какъ не отреченіемъ отъ своего благороднаго прошедшаго, отреченіемъ отъ самого себя? Мы въ одномъ увѣрены, что это отреченіе случайный порывъ сердца, не имѣющій ничего общаго съ коренными убѣжденіями г. Костомарова.

Д. МОРДОВЦЕВЪ

Женщина въ средѣ нынѣшнихъ народовъ цивилизованной Европы. Ѳ. А. Ѳедорова. Спб. 1861.

Когда мы прочитали эту книжонку, намъ представился слѣдующій, чисто-физіологическій вопросъ: отчего происходитъ засореніе человѣческаго мозга, кажется, превосходно защищеннаго природой отъ пыли, гнили и другихъ нечистыхъ наносовъ? Отчего и какъ въ нашей головѣ, повидимому, самомъ благородномъ органѣ, можетъ укладываться всякая дрянь, въ родѣ статей г. Ѳеоктистова или фельетоновъ г. Воскобойникова? Отчего, напримѣръ, иная голова никакъ не можетъ переварить самой простой, растительной пищи, а другая мелитъ и стираетъ все, какъ огромный мукомольный жорновъ?—Это вопросы сравнительной физіологіи, — науки, какъ извѣстно, очень молодой и крайне-неопытной. Вѣроятно, прежде чѣмъ она разрѣшитъ эти насущныя задачи жизни, человѣчеству еще долго придется страдать несвареніемъ мозга, вмѣстѣ съ другими *нервическими* разстройствами желудковъ. Замѣчательно, что не было ни одной самой ясной и простой вещи, которую бы не исказилъ человѣческій умъ до пошлости.

Будь люди поумнѣй въ XIV вѣкѣ, у нихъ не было бы ни разбойниковъ, въ родѣ рыцарей, ни инквизитаровъ въ монашеской одеждѣ, державшихъ въ одной рукѣ распятіе въ другой орудія пытки, ни схоластической чепухи, въ родѣ философіи г. Страхова съ братіей; будь мы поразсудительнѣй теперь, мы не стали бы читать ни *Домашней Бесѣды,* ни Петерб. Вѣдомостей, потому что догадались бы непремѣнно, что эти два великіе органа издаются съ единственной цѣлью выбивать изъ нашей головы послѣднія здравыя мысли. Но пора *зрѣлости*, какъ выражаются передовыя тупицы нашей эпохи, еще не пришла, порода земноводныхъ, подобныхъ г. Аскоченскому, еще необходима для систематическаго образованія нашей юной планеты и прежде чѣмъ воцарится разумъ, неизбѣжно пережить нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ рѣшительной глупости. — Боже мой! какая ужасная перспектива!

Не правда ли, г. авторъ «Женщины въ средѣ нынѣшнихъ народовъ цивилизованной Европы», что это такъ или почти такъ? Ваше сочиненіе лучше всякихъ хронологическихъ таблицъ и историческихъ доводовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы еще живемъ, по крайней мѣрѣ, за тысячу лѣтъ до грядущей эпохи здраваго смысла и человѣческой логики. Собственно говоря, ваша книга совершенно случайно подверглась нашему скромному разбору, — вы извините насъ; она обладаетъ всѣми качествами для того, чтобъ представиться наблюденіямъ медицинской клиники, по разряду психіатрическихъ недуговъ. Тамъ, и только тамъ можно оцѣнить ея драгоцѣнныя стороны и практическую пользу. Но что же это за удивительная книга? О чемъ она говоритъ и для чего говоритъ?

Вотъ это-то и всего труднѣе опредѣлить, что именно изволитъ говорить она!... Если я скажу, что она говоритъ вздоръ, вы имѣете полное право и не повѣрить мнѣ на слово, да къ тому же и самъ авторъ, самъ г. Ѳедоровъ оскорбится такимъ бездоказательнымъ приговоромъ. — Что же мнѣ дѣлать? лучше всего пусть г. Ѳедоровъ побесѣдуетъ съ вами самъ за себя.

Во-первыхъ, я долженъ замѣтить, что это не Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ, знаменитый баснописецъ, и не Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ, не менѣе знаменитый водевилистъ, а совсѣмъ другой, особенный Ѳедоровъ — однимъ словомъ: Ѳ. А. Ѳедоровъ — соціалистъ и философъ, знатокъ женскаго сердца и женской природы, однимъ словомъ, даровитый литераторъ, принадлежащій къ семейству гг. Альбертини,

Арсеньева, Кускова, Дубровскаго, и имъ же нѣсть числа. Теперь послушаемъ умныя рѣчи г. Ѳедорова.

«Много было говорено про женщинъ», поучаетъ насъ гуманный авторъ; «имъ посвящались цѣлыя сочиненія; новѣйшія литературы могутъ насчитать сотни книгъ, исполненныхъ блестящихъ описаній прекрасной половины человѣческаго рода, но всѣ эти сочиненія или забыты, или неизвѣстны». Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ мы позволимъ себѣ нѣсколько несогласиться съ авторомъ: намъ извѣстно, напротивъ, что все что пишется унасъ о «прекрасномъ полѣ,» расходится съ неимовѣрною быстротою; такъ напримѣръ: «Улика пылкихъ женщинъ и сладострастныхъ мужчинъ»; «Вѣрное средство обладать сердцемъ женщины», «О женщинѣ и ея строеніи», «Искуство нравиться женщинамъ», «Прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга» (это тоже книга о женщинѣ), «Подводный камень» г. Авдѣева, множество твореній г-жи Евгеніи Туръ и тысячи подобныхъ книгъ и изданій находятъ себѣ безчисленное множество читателей и почитателей подобно книгамъ: «Нѣтъ болѣе геморроя!» Книга г. Ѳедорова тоже относится къ этой завидной категоріи. Но слушайте дальше. «Сами даже женщины», продолжаетъ авторъ, «предметъ этихъ глубокихъ размышленій, съ неблагодарною разсѣянностью пробѣгали страницы книги, которую должны были охранять (отъ кого и отъ чего охранять?), поддерживать своимъ вліяніемъ и покровительствомъ. Отчего же это происходитъ? глубокомысленно спрашиваетъ самъ себя г. Ѳедоровъ и немедленно самъ себѣ разъясняетъ эту загадку: «оттого,» отвѣчаетъ онъ, «что большая часть авторовъ смотрѣли на предметъ свой съ ложной точки зрѣнія. Многіе великіе писатели говорили о женщинахъ, какъ будто о какой особенной націи, отдѣльной кастѣ, народѣ, имѣющемъ свой бытъ и свои лѣтописи». Послѣ такого приступа, вы ждете чего-то необыкновеннаго, въ родѣ тѣхъ римскихъ кулебякъ, которыя подавали на столъ горячими и изъ которыхъ вылетѣли живыя птицы въ присутствіи гостей; вы ждете и думаете, что вотъ наконецъ вопросъ о женщинѣ разрѣшенъ, эманципація ея не подлежитъ сомнѣнію, великое слово сказано, и честь этого слова принадлежитъ г. Ѳедорову. Но.... но послушайте его самого: «Женщина есть существо *относительное*, разсуждаетъ авторъ, исполненное *симпатическихъ и электрическихъ сближеній*, точка соединенія природы съ человѣкомъ». Такое опредѣленіе, кажется, не требуетъ коментарія.

Далѣе мы узнаемъ, что нашъ геніальный авторъ — человѣкъ

«*нравственный*», онъ недоволенъ состоянiемъ женщины въ современномъ обществѣ, гдѣ «*нравственность*» мужчины упала слишкомъ низко; въ этомъ и есть корень всего зла, всѣхъ бѣдъ причина. Такъ вотъ гдѣ лежитъ вся тайна эманципацiи большей и лучшей половины человѣчества. Идеаломъ же женскаго совершенства для г. Өедорова служитъ невинность. По его понятiямъ женщина «*невинностью своею*, подобно Марiи Антуанетѣ, должна напоминать какъ-бы *австрiйское происхожденiе*». Онъ хочетъ, чтобы каждая женщина была такъ невинна, какъ невинна женщина австрiйскаго происхожденiя, какъ была невинна Марiя Антуанета. Но этого мало: г. Өедоровъ вслѣдъ за этимъ требованiемъ представляетъ намъ восхитительный примѣръ невинности, и даже не примѣръ, а возможный на землѣ идеалъ ея, къ которому должна стремиться каждая женщина, не выключая даже и женщинъ австрiйскаго происхожденiя. Этотъ примѣръ почерпнутъ имъ изъ жизни г-жи Сталь. Вотъ что пишетъ онъ объ этомъ:

«Младенчество и юношескiй возрастъ этой поистинѣ замѣчательной женщины такъ превосходно направлены были касательно стыдливости, что она не хотѣла никогда одѣваться въ присутствiи собачки ея матери; но при собакѣ отца своего она одѣвалась смѣло, по той причинѣ, что собака послѣдняго была женскаго рода».

Удивительная находчивость у этого г. Өедорова! Ну кто бы могъ подмѣтить такую тонкость взгляда, такую деликатность чувства въ невинной дѣвушкѣ, какъ распознаванiе половыхъ отличiй въ собачьей породѣ.

Вотъ къ этому-то высокому идеалу должны по-преимуществу стремиться женщины русскiя. Имъ особенное предпочтенiе оказываетъ г. Өедоровъ, который старается завѣрить насъ, что женщина Англiи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ровно ничего не стоитъ передъ матронами нашей россiйской имперiи. И вотъ какова, по его мнѣнiю, является эта славная русская женщина:

«Русская женщина, одушевляется г. Өедоровъ, должна быть вполнѣ русской: съ крѣпкою вѣрою въ Бога, съ любовью ко всему чистому, святому, и истинно-прекрасному. Мы съ гордостью можемъ сказать, что настоящая русская женщина.... никогда не утрачивала своей *нацiональности* и оставалась *русскою во всѣхъ проявленiяхъ ея жизни*» и т. д. Намъ было бы интересно знать, что по-

нимаетъ г. Θедоровъ подъ именемъ національности — ужъ не хожденіе ли въ баню по субботамъ? Затѣмъ г. Θедоровъ представляетъ намъ превосходство женщины надъ мужчиной, ея высокія жертвы, какъ матери, какъ супруги, и въ заключеніе даетъ намъ блистательное описаніе женской красоты—и формъ тѣла.

«Она (женщина) не взята, какъ мужчина, говоритъ авторъ, изъ первороднаго гранита, ставшаго мягкой глиной подъ перстами Бога; нѣтъ, изъятая изъ человѣческихъ реберъ, *вещество гибкое и плавное*, она въ твореніи ступень отъ человѣка къ высшему. *Женщина ближе къ природѣ, чѣмъ мужчина.* Впечатлѣнія, производимыя ею какъ бы безсознательно, сопричастны впечатленіямъ природы. Глаза ея имѣютъ ослѣпительность моря; ея богатая коса есть *электрическій фокусъ* (вотъ ужъ такого фокуса мы и не ожидали, при всемъ расположеніи къ нимъ во время чтенія!); изгибы ея дѣвственныхъ формъ, *въ пріятности и гибкости соперничаютъ съ кривизною рѣкъ и гибкостью ліаны*; наконецъ, *ея прекрасныя груди олицетворяютъ собою форму вселенной*».

Когда я прочиталъ эти строки одному изъ моихъ пріятелей, заставшаго меня за этой рецензіей, знаете ли, г. Θедоровъ, что съ нимъ случилось? Онъ дотого восхитился этимъ мѣстомъ, что вообразилъ себя женщиной — да, буквально женщиной! и еще въ–добавокъ женщиной чрезвычайно умной, образованной, развитой и талантливо–поэтической — въ родѣ блаженной памяти графини Евдокіи Ростопчиной или извѣстной поэтессы «Русскаго Вѣстника» г-жи Каролины Павловой — и вообразивъ себя такимъ образомъ въ вовсе несвойственномъ ему полѣ, онъ вдохновился внезапно экспромтомъ и произвелъ на свѣтъ слѣдующее (убогое впрочемъ) дѣтище, которое я, съ позволенія читателя, и привожу здѣсь сейчасъ же, — собственно для васъ, г. Θедоровъ:

Я не взята, какъ вы, мужчина,
 Отъ камня-мертвеца;
Вы прежде были просто глина
 Подъ пальцами Творца; —

Я ближе васъ ко всей природѣ
 И тѣломъ и душой, —
И вы не мните, не по модѣ
 Царемъ быть надо мной! —

Нѣтъ- съ! Дӧка здѣсь нашелъ на доку-съ,
Какъ на гранитъ коса! —
Вѣдь электрическій есть фокусъ
Для васъ моя коса; —

Мои глаза подобны морю,
Ужасны, будто штормъ.
И съ вами я всегда поспорю
Пріятностями формъ.

Когда жъ на балѣ я, въ азартѣ —
Соперничаетъ станъ
И съ кривизною рѣкъ на картѣ,
И съ гибкостью ліанъ!

И наконецъ — убойтесь, люди,
За модести взглянуть:
Мои прекрасныя двѣ груди
Вселенной форма суть!..

Я и не вѣдала сей тайны
Подобія міровъ, —
Но мнѣ открылъ её случайно
M-r de-Phedoroff!..

Такъ вотъ къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ приводитъ поэтическое краснорѣчіе г-на Ѳедорова! Вы сами видите, мой благосклонный читатель, что стихи эти изъ рукъ вонъ плохи, но не подумайте, что я сдѣлаю гиперболу, если скажу вамъ откровенно, что они неизмѣримо выше и лучше «Женщины въ средѣ нынѣшнихъ народовъ цивилизованной Европы», принадлежащей философу и знатоку женской природы Ѳ. А. Ѳедорову. — Цѣна же этому геніальному произведенію — 30 копѣекъ серебромъ.

Подайте Лазарю на хлѣбъ....

1861.

Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Григорія Савича Сковороды съ его портретомъ и почеркомъ его руки. Спб. 1861.

Знаете ли вы, что это за человѣкъ былъ Григорій Савичъ Сковорода? Вѣроятно, не знаете, хотя и слыхали о немъ кое-что мелькомъ, при помощи различныхъ высоконазидательныхъ учебниковъ, носящихъ привлекательныя заглавія «теоріи россійской словесности» и «россійской піитики».

Если вы не знаете о томъ, что такое Сковорода, то неизвѣстный издатель твореній *сего достопримѣчательнаго мужа*, объяснитъ вамъ, что это былъ «*піитъ*» и разскажетъ, что «Украйна и Малороссія и понынѣ помнятъ о своемъ старцѣ Сковородѣ, который жилъ столѣтіе тому назадъ и котораго *сочиненія считались народными*». (??) Отъ этого же неизвѣстнаго издателя узнаете вы и то, что «Григорій Савичъ Сковорода принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, что онъ былъ украинскій поэтъ, философъ, мужъ добродѣтельный и христіанинъ въ полномъ смыслѣ слова, что ему суждено было оставить по себѣ глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ и что наконецъ его звали «Украинскимъ Діогеномъ», а потомъ «Украинскимъ Ломоносовымъ». Теперь, мой благосклонный читатель, когда вы обогащены такими свѣдѣніями относительно Григорія Савича, неугодно ли вамъ будетъ взглянуть поближе на этого Діогена и Ломоносова? — Вотъ онъ, почти что и весь, на лицо передъ вами. Надо вамъ также знать, что онъ оставилъ достопримѣчательную «прю о томъ: знай себѣ» въ прозѣ и «Садъ божественныхъ пѣсней, прозябшій изъ зернъ священнаго писанія» въ стихахъ — это его главныя творенія. Теперь войдите въ этотъ вертоградъ; но предупреждаемъ васъ, что въ этомъ вертоградѣ бездна репейнику и крапивы, и потому языку вашему предстоятъ судороги и корчи, а уху — рядъ невыносимыхъ дессонансовъ. Впрочемъ, смѣлымъ Богъ владѣетъ! Начинаемъ:

Колика слава нынѣ?
Зри на буйность въ сей гордынѣ,
О Израиль! гидры звѣря...
Коль велика въ ономъ мѣра
Нужно разумѣти.

Григорій Савичъ самъ же и коментируетъ свои творенія и поэтому мы послѣ каждаго куплета, вызывающаго такой коментарій, будемъ представлять его тутъ же. Вотъ объясненія гидры: «упоминаетъ о предревней баснѣ — о седмиглавой зміи, именуемой гидра, сирѣчь зміи водяной. Со зміемъ симъ боролся древній герой Ираклій. Отсѣченна одна глава, вдругъ на то мѣсто произрастало двѣ или три. Что дѣлать? Ираклій, съ помощію друга своего, разженнымъ желѣзомъ прижегъ каждую главу; и такъ почилъ отъ брани»

Днесь піана скачетъ воля
Утро вставши тщетна доля,
О Израиль! водна звѣря
Камо цѣль ведетъ и мѣра,
Нужно то прозрѣти.

Сиренъ льстивыхъ океанъ!
Сладкимъ гласомъ обуянъ!
Бѣдная душа на пути
Хощетъ навсегда уснути,
Не доплывши брега.

О сиренѣ: — «Сей уродъ прекраснымъ лицемъ и сладчайшимъ гласомъ привлекаетъ къ себѣ и сонъ наводитъ мореплавателямъ. Здѣсь они, забывъ все и презрѣвъ гавань и отечество, разбиваютъ свои корабли о подводные камни».

Плоть! Міръ! О несытый Аде!
Всѣ тебѣ ядъ, всѣмъ ты яде!
День и нощь челюстьми зѣваешь,
Всѣхъ безъ взгляда поглощаешъ.
Кто избѣгнетъ сѣти?

Се пучина всѣхъ есть жруща,
Се есть челюсть всѣхъ ядуща,
О Израиль! кита звѣря...
Се тебѣ тамъ, мѣть и мѣра!
Плоть не насыщаетъ.

О китѣ: — «Китъ значитъ страсть. Что есть страсть? — Есть то же, что смертный грѣхъ. — Но что есть грѣхъ? — Грѣхъ есть му-

чительная воля; она-то есть сребролюбіе, честолюбіе, сластолюбіе. Сіи-то гидра и китъ пожираютъ и мучатъ всѣхъ на морѣ міра сего. Оно тоже есть и адъ. Блаженъ, кто нѣсть рабъ сему трегубому языку. Помни 7 грѣховъ, сіе есть 7 мучительныхъ мыслей и увѣси гидру. Но вѣси ли, яко мысль есть зерно и глава дѣлу? Омерзишася въ начинаніяхъ своихъ.»

Ахъ простри бодро вѣтрила,
И ума твоего крыла;
Пловучи по бурну морю...
Возведи зеницы въ гору
Да путь потекутъ правъ.

«Житіе наше есть море. Тѣлишко — лодочка, мысли есть то вѣяніе вѣтровъ, гавань блаженства. Коль же красна рѣчь сія! Ума твоего крыла... птица бо есть сердце наше, и аще оно не увязло, можетъ вознестись ими душа наша, яко птица избавися»...

Будь ты мнѣ защитникъ тщивый,
Будь Іона прозорливый,
Главы попали зміины,
Китовой изъ блевотины
Чтобъ вскочить на Кифу.

Ну что, каково?! Какъ вамъ нравится эта философская поэзія «Украинскаго Ломоносова»? Вы плохо понимаете, вы утомлены — мы это невольно чувствуемъ—но что же дѣлать! Наша философія въ томъ и состоитъ, чтобъ ее никто не понималъ, кромѣ самого автора, а случается, что и самъ авторъ ничего не понимаетъ, что творитъ. Но съ простыми смертными иначе и не поступаютъ, когда хотятъ озадачить ихъ ученымъ величіемъ.... Въ томъ-то и дѣло, чтобъ не понимали: тогда лучше увѣруютъ... Впрочемъ, философскіе плоды съ огорода Григорія Савича Сковороды совершенно удобоваримы, но только вкусъ ихъ никуда не годится. Вкушайте и поучайтесь:

Возлети на небеса,
Хоть въ версальскіе лѣса *)

*) Версалія—именуется французскаго царя эдемъ, сирѣчь рай, или сладостный садъ, неизреченныхъ свѣтскихъ утѣхъ исполненъ.
Философическое прим. Сковороды.

Воздѣть одежду золотую,
Воздѣть и шапку парчевую,
Когда ты не веселъ
То все ты подлъ и голъ.
Брось, пожалуй, думать мнѣ
Сколько жителей въ лунѣ?
Брось коперникански сферы!
Глянь въ сердечныя пещеры!
Въ душѣ твоей глаголъ
Вотъ будешь съ нимъ веселъ!
Богъ есть лучшій астрономъ
И найлучшій экономъ!
Мать блаженная натура
Не творитъ ни что же сдура...
Воля, адъ, твоя проклята,
Воля наша пещь намъ ада!..
Убій злу волю, братъ,
Такъ упразднишь весь адъ!

Григорій Савичъ особенно не долюбливалъ воли, каковое качество, впрочемъ, для такого мудреца весьма почтенно. Но довольно! Бога ради, довольно!! слышу я возгласы нетерпѣливаго читателя, которые имѣютъ на меня дѣйствіе холоднаго душа — и я останавливаюсь... Да ужъ въ самомъ дѣлѣ, пора и честь знать: не все же возиться съ «украинскимъ философомъ», который если и можетъ назваться этимъ именемъ, то единственно въ томъ только смыслѣ, какъ у Гоголя называется философомъ—Хома Брутъ.

Но вотъ что за мысль терзала насъ неотступно отъ начала книги и до самаго ея конца: для кого и для чего неизвѣстный издатель Сковороды издавалъ въ свѣтъ всю эту схоластическую ерунду, семинарскую мертвечину? кому какое до нея было дѣло? что за настоятельная надобность вдругъ случилась у насъ въ Сковородѣ? Неужели же только ради новаго назидательнаго матеріала нашему несравненному Кузьмѣ Пруткову или ради конкуренціи и соперничества съ нимъ? На всѣ эти вопросы долго не могъ я добиться отвѣта, пока случай не натолкнулъ меня, въ самомъ концѣ книги, на списокъ особъ подписавшихся на полученіе книги. Я прочелъ—и понялъ!..

Тамъ между прочимъ значится слѣдующее:

Данилевскій, Гр.
Срезневскій, Изм.
Харьковская университетская библіотека. 10 экз.
Аскоченскій Викторъ Ипатьевичъ!

Теперь все понятно. Понятно и высокое достоинство произведеній Сковороды и сочувствіе ему такихъ именитыхъ людей, какъ гг. Данилевскаго, Срезневскаго и Аскоченскаго. Всѣмъ имъ предстоитъ равное безсмертіе съ Григоріемъ Савичемъ Сковородой. И по заслугамъ!

ВС. К — ОВСКІЙ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЛАЧЪ О ПРОПАЖѢ РОССІЙСКОЙ ФИЛОСОФІИ. (По поводу письма, помѣщеннаго въ 6 №. «Времени», подъ названіемъ: *Еще о петербургской литературѣ*, и подписаннаго буквами Н. Ко.)

Статья г. Писарева (*), напечатанная въ майской книжкѣ «Рус. Слова», подъ заглавіемъ: *схоластика XIX вѣка*, стороной коснулась философскихъ бесѣдъ г. Лаврова. Въ этой статьѣ авторъ не имѣлъ намѣренія говорить подробно ни о философіи вообще, ни о *русской* философіи въ особенности; онъ подошелъ къ этому предмету въ связи съ другими явленіями нашей современной критики и выразилъ свое мнѣніе отнюдь не безусловно. Напротивъ, предоставляя полную независимость мысли своимъ противникамъ, онъ удержалъ это право и за собой, не желая разрушать ни чьихъ иллюзій, и не думая навязывать никому своихъ личныхъ убѣжденій. Этого мало; онъ отдалъ на судъ читателей свои воззрѣнія, безъ всякой педантской претензіи на ихъ непогрѣшимость и рѣшительный приговоръ. «Мнѣ хотѣлось не заставить читателя согласиться со мною, пишетъ г. Писаревъ, а вызвать самодѣятельность его мысли и подать поводъ къ самостоятельному обсужденію затронутыхъ мною вопросовъ».

Кажется, ясно, что авторъ «Схоластики XIX вѣка» далекъ отъ всякой *тиранніи мышленія*, какъ думаетъ рецензентъ «Времени». Но мы еще возвратимся къ нему.

Редакція, совершенно соглашаясь съ г. Писаревымъ въ общемъ направленіи его статьи и не менѣе его презирая всякую тираннію мысли, всякое ученое чванство, подъ какимъ бы колпакомъ оно ни

*) Мы надѣемся, что г. Писаревъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, самъ будетъ отвѣчать своимъ противникамъ, если только полемическій споръ перейдетъ въ дѣйствительный вопросъ жизни или науки. Теперь же мы позволяемъ себѣ сказать за него нѣсколько словъ на статью г. Н. Ко, въ которой утверждается, что будто бы г. Писаревъ *отрицаетъ философію* и, что ужаснѣе всего, вводитъ *тираннію собственныхъ мыслей*.

красовалось, пошла еще дальше въ своемъ безпристрастіи. Въ іюньской книжкѣ своего журнала она помѣстила полемическую статью г. Лаврова противъ гг. Писарева и Антоновича. Мы еще не знаемъ навѣрное, какъ далеко разойдемся съ г. Лавровымъ въ нашихъ воззрѣніяхъ на философію, но какъ бы далеко мы ни разошлись,—это нисколько не мѣшаетъ намъ выслушать его голосъ и уважать его литературную дѣятельность. Странно было бы думать, что мы, печатая его возраженіе, непремѣнно должны согласиться съ нимъ и противорѣчить себѣ; нѣтъ, мы увѣрены, что г. Лавровъ не думаетъ такъ о солидарности мнѣній даже своихъ противниковъ. Мы напередъ можемъ оговориться, что не уступимъ ни одного вершка изъ своей почвы г. Лаврову, когда онъ ясно выскажетъ намъ, въ чемъ заключается его идея философіи и когда мы увидимъ, что между нашими направленіями лежитъ та умственная пропасть, которую можно наполнить только пустословіемъ или безплодным спором. Противоположныя мнѣнія никогда не могутъ примириться, если только разъединеніе ихъ лежитъ въ самомъ принципѣ, а не въ раздраженіи мелкаго самолюбія или въ желаніи во что бы то ни стало поставить на своемъ: такія мнѣнія примиряетъ жизнь, радикальныя реформы въ человѣческой мысли, а не литературная критика. Здѣсь кстати замѣчу, что еслибъ горизонтъ нашей умственной жизни былъ выше и чище, еслибъ мы дѣйствительно дорожили тѣмъ или другимъ направленіемъ идеи, тогда мы имѣли бы удовольствіе не видѣть эту журнальную *потасовку* изъ-за словъ, въ которой всего труднѣе разобрать, кто правъ и кто виноватъ.

А современная полемика сильно страдаетъ этимъ недостаткомъ; у нея нѣтъ ни содержанія для живой, полной интереса, борьбы, ни искреннихъ побужденій, ни строгихъ началъ; въ ней роли странно перемѣшались, мнѣнія, какъ мыльные пузыри, пускаемые на воздухъ, то надуваются, то лопаются, то сталкиваются, то опять расходятся: трескъ и шумъ оглушительный, а толку никакого. Мы напередъ знаемъ, съ какимъ нравоученіемъ отнесется одинъ органъ къ другому, въ случаѣ возникшаго между ними спора. Если *свистуны* оскорбятъ рѣзкимъ словомъ благовоспитанный слухъ его превосходительства—«Русскаго Вѣстника», то онъ, задыхаясь отъ гнѣва и злости, всѣхъ фельетонистовъ уничтожитъ однимъ *посвистомъ*, пріискавъ для нихъ общій родовой типъ въ г. Асконченскомъ. Если г. Чернышевскій обѣщаетъ перетрясти пыльную, изъѣденную молью ветошь «Отечеств. Записокъ», извѣстную тамъ подъ

именемъ науки, то г. Краевскій тотчасъ же выпустить г. Воскобойникова въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ, гдѣ будетъ доказано, что у г. Чернышевскаго нѣтъ ни логики, ни познаній, ни принциповъ. И эта малабарская пляска надъ трупомъ россійской словесности называется полемикой...

Но гдѣ же причина этого грустнаго явленія? Конечно, въ недостаткѣ болѣе живыхъ умственныхъ интересовъ, которые овладѣли бы вниманіемъ и литератора и общества. Мы чувствуемъ необходимость въ новыхъ, болѣе широкихъ и свѣтлыхъ воззрѣніяхъ на жизнь и знаніе, гдѣ всякая мелкая вражда, всѣ оттѣнки различій должны сгладиться передъ строгимъ требованіемъ болѣе свободной мысли. Тамъ, гдѣ просторно, меньше столкновеній и неловкихъ поворотовъ.... Есть одно обстоятельство, которое уравниваетъ насъ до одинаковаго ничтожества и безмолвія,—это обстоятельство заключается внѣ нашего умственнаго процесса, въ самомъ perpetuum immobile, которое обращаетъ въ рутину все, что доходитъ до извѣстной степени развитія или преждевременно устаетъ въ безплодной борьбѣ. Потому въ нашихъ силахъ, которыми мы и безъ того не очень богаты, замѣтны лихорадочная дрожь, на полдорогѣ порванныя стремленія и даромъ истраченная энергія. При этомъ я не могу не вспомнить той похоронной процессіи, въ которой лучшіе изъ нашихъ дѣятелей шли за гробомъ своихъ собственныхъ юношескихъ надеждъ и смѣло начатыхъ плановъ... Больно было смотрѣть нетолько на то, что хоронили въ землю, но и на тѣхъ, кто хоронилъ.

Вслѣдствіе этого—робость мысли и недовѣріе къ собственнымъ силамъ. Мы всѣ болѣе или менѣе страдаемъ психіатрическимъ недугомъ, который можно назвать идеебоязнію; мы такъ привыкли подчиняться своимъ наставникамъ, такъ долго воспитывались подъ ферулой чужихъ мнѣній, что всякая оригинальность мысли смущаетъ насъ. Пережитыя эпохи нашего умственнаго труда мы доселѣ называемъ не иначе, какъ именами Ломоносова, Карамзина, Пушкина и т. д., какъ будто и здѣсь необходимъ кумиръ для гуртоваго поклоненія;—какъ будто единичная способность, какъ бы она велика ни была, въ состояніи поворотить за собой все общество, овладѣть всею его жизнью и дѣятельностью. Если это такъ, то что же надо думать объ этомъ обществѣ? Надо предположить полную ничтожность его и совершенное отсутствіе индивидуальныхъ силъ. Иначе, какимъ образомъ огромная масса людей, съ разными наклонностями, взглядами

и цѣлями, могла бы, подобно стаду, идти по звуку рожка, куда позоветъ ее вожатый.—Это доказываетъ ужасное безсиліе ума и воли, варварскій фетишизмъ общества.

Но въ чемъ бы вы думали рецензентъ «Времени» находитъ корень зла современной нашей литературы? «Я убѣжденъ, говоритъ онъ, что я открылъ его и позволяю себѣ гордиться открытіемъ столь важнымъ въ исторіи современной отечественной словесности,—онъ (т. е. корень) состоитъ въ томъ, что наши литераторы заразились сильною наклонностью мыслить *самостоятельно*, вполнѣ самобытно.» Итакъ вотъ гдѣ наша болѣзнь, вотъ что насъ сгубило, по мнѣнію г. Н. Ко. Еслибъ это сказалъ человѣкъ, упавшій къ намъ съ другой планеты, то мы могли бы только засмѣяться ему въ глаза, какъ новичку, непонимающему, гдѣ онъ и почему онъ здѣсь; но это говоритъ не житель луны или Нептуна, а наша кровь и плоть, господинъ, позволяющій себѣ гордиться важнымъ открытіемъ. И чтобъ доказать эту sublime galimatias, онъ прибѣгаетъ къ раздѣленію авторитетовъ на *общіе* и *частные*, такъ что *поэзія* по отношенію къ Пушкину будетъ авторитетъ *общій*, а самъ Пушкинъ въ отношеніи къ поэзіи авторитетъ *частный*. «Теперь, замѣтьте, прибавляетъ г. Н. Ко, что одна изъ отличительныхъ чертъ настоящей литературы, есть именно отрицаніе общихъ авторитетовъ, т. е. поэзіи, исторіи, философіи, всего, «чѣмъ красна и тепла наша жизнь,» по мнѣнію рецензента. Сказать, что современная литература отрицаетъ общіе авторитеты, это значитъ придать ей громадную силу, какой она на самомъ дѣлѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть. Только здоровая и высоко развитая критика можетъ претендовать на такую роль, и притомъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ народной жизни. А г. Н. Ко, какъ видно изъ его собственнаго признанія, считаетъ современную литературу не многимъ лучше зачумленнаго лазарета. «Вы уже знаете, пишетъ онъ, какія мрачныя, безотрадныя мысли овладѣваютъ мною при взглядѣ на русскую словесность?»—Бѣдная словесность!—До какого униженія ты дошла, наводя болѣзненную тоску и отчаяніе на размягченную душу г. Н. Ко. Но странно читать эту іеремiаду на страницахъ журнала, гдѣ еще такъ недавно было объявлено, что «Свѣжее преданье» г. Полонскаго составитъ *эпоху* въ современной словесности. Если такая поэма, какъ «Свѣжее преданье», способно отмѣтить новый періодъ нашей литературы, то можно и не отчаяваться за ея положеніе.

Напротивъ, тогда мы вправѣ похвалиться необыкновеннымъ богатствомъ и дѣятелей и произведеній; тогда и стихотворенія г.г. Кускова и Случевскаго надо занести въ разрядъ, по крайней мѣрѣ, знаменитыхъ твореній. Но ужъ не будетъ ли это слишкомъ черезъ–край, даже для литературнаго журнала *по преимуществу*!?

Затѣмъ мы не совсѣмъ ясно понимаемъ, почему г. Н. Ко называетъ поэзію, исторію и философію *общими авторитетами?* Подъ именемъ авторитета, въ собственномъ смыслѣ, разумѣется начало, принимаемое на–вѣру и исключающее всякое вмѣшательство критики. Передъ авторитетомъ мы должны благоговѣть, падать ницъ, стираться до безличной вещи, а не прикасаться къ нему испытующимъ анализомъ. Удѣлимъ нѣкоторую долю этого благоговѣнія передъ искусствомъ,—положимъ, что оно выше всякой критики и составляетъ плодъ безотчетнаго вдохновенія, но зачто же обрекать этому буддизму исторію и философію, которыя могутъ существовать талько на основаніи критическихъ данныхъ, т. е. на основаніи всего того, что̀ діаметрально–противоположно авторитету...... Наука не имѣетъ въ себѣ ничего вѣчнаго, ничего идеальнаго, за исключеніемъ тѣхъ жалкихъ призраковъ, о которыхъ такъ печалится г. Н. Ко; скажемъ больше, въ наукѣ нѣтъ ничего постояннаго, если только она не подавлена гнетомъ преданія или рутины, а живетъ и развивается, какъ все нормальное и разумное; она видоизмѣняетъ свои предметы, формулируетъ построенія сообразно потребностямъ вѣка и человѣческой жизни. Представлять себѣ какія-то идеальныя истины внѣ всякой дѣйствительности и правильно–работающаго мозга—это значитъ ловить въ потемкахъ летучихъ мышей. Еслибъ, напр., общество могло обойтись безъ войны, то не было бы и военной науки; еслибъ у извѣстнаго народа не случилось надобности въ бюрократіи, то онъ не сталъ бы учиться и юриспруденціи. Въ средніе вѣка схоластическая теологія была строго–систематической наукой, но потребность ея миновала, и она отошла въ область фантастическихъ грёзъ. Почему же, послѣ этого, не предположить, что и современныя знанія, при другихъ условіяхъ общечеловѣческой жизни, не обратятся въ ту же паутинную схоластику, которой гордились и изъ–за которой сѣяли вѣтеръ и пожинали бури отцы Оригены и Бернары. У нихъ также были свои идеалы, и они, подобно вамъ, вѣрили въ нихъ и тепло и красно. Но къ–чему привели ихъ эти теплые идеалы? Вы, конечно, г. Н. Ко, знаете исторію среднихъ вѣковъ,

съ ихъ кострами и жаровнями, съ ихъ инквизіоціонными трибуналами и гуртовыми убійствами во имя религіи и каноническаго права.

Но не эта сторона вопроса вызвала насъ на объясненіе съ г. Н. Ко. Что особенно показалось намъ достойнымъ вниманія въ его статьѣ—это старинный, докторальный тонъ, съ которымъ наставники кіевской бурсы XVII вѣка обращались къ своимъ запуганнымъ питомцамъ; но у этихъ *просвѣтителей* были и извѣстные атрибуты ихъ гордаго тона—розги, карцеры и выдиранія за чубъ. Къ сожалѣнію, всего этого нѣтъ у г. Н. Ко въ отношеніи Писарева и Антоновича, и потому насъ сильно озадачиваетъ эта педантская спѣсь въ опроверженіи своихъ противниковъ. Въ одномъ мѣстѣ г. Н. Ко говоритъ, что возражать на статьи г. Писарева и Чернышевскаго *не стоитъ*, въ другомъ утверждаетъ, что онѣ *стоятъ вниманія*, въ третьемъ онъ признается, что «статьи эти читаются и будутъ читаться съ великимъ удовольствіемъ множествомъ нашихъ читателей.» Мы останавливаемся на послѣднемъ фактѣ, и спрашиваемъ г. Н. Ко: неужели, въ самомъ дѣлѣ, не стоитъ серьезнаго опроверженія та статья, которая обратитъ на себя вниманіе множества читателей? Изъ одного уваженія къ этому *множеству* она болѣе чѣмъ заслуживаетъ вашего снисходительнаго разбора, еслибъ даже въ ней не было никакого внутренняго достоинства. Иначе мы вправѣ предположить, что вы способны отнестись съ тѣмъ же неумѣстно-холоднымъ равнодушіемъ ко всей публикѣ и счесть ее глупѣе себя. Согласитель, что это нехорошо и неприлично. По крайней мѣрѣ, постарайтесь доказать, что вы дѣйствительно такъ глубоки, такъ высоко стоите по умственному развитію, что мы, простые смертные, даже не достойны услышать вашъ голосъ съ тѣхъ заоблачныхъ высотъ, на которыхъ такъ тепло, красно и, прибавимъ отъ себя, также пусто, какъ въ иной философской головѣ. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ защитить себя противъ большинства публики, неслушающей васъ, и читающей статьи г.г. Писарева и Антоновича, вы, обыкновенно, оборачиваете вопросъ очень неловко: ну что жъ, говорите вы, публика наша такъ легкомысленна и незрѣла, что всегда охотнѣе пойдетъ къ балаганамъ, чѣмъ сядетъ за чтеніе нашихъ философскихъ трактатовъ. Тѣмъ хуже для васъ; почему же вы пишете такъ плохо, что она съ удовольствіемъ смотритъ на *свистуновъ* и зѣваетъ до нервическихъ припадковъ надъ вашими статьями. Намъ кажется, что она въ настоящемъ случаѣ поступаетъ умно и очень практично; она

знаетъ, что подъ балаганами ее ожидаетъ отдыхъ, иногда пріятное развлеченіе отъ комической сцены, ясный день, и пестрая, волнуемая жизнью, площадь; а вы что ей дадите въ вашей ѳиваидской пустынѣ безтѣлесныхъ образовъ и вѣчныхъ идеаловъ.?—Темныя страницы, пересыпанныя еще болѣе темной терминологіей, кучу цитатъ изъ Гегеля, Шеллинга и Куно-Фишера, и ни одной практической и симпатичной мысли. Воля ваша, а вѣдь это такъ, и ужъ лучше свободно *свистѣть*, чѣмъ принужденно надуваться и *пыхтѣть* до красноты въ лицѣ и головной боли. Въ отношеніи г. Н. Ко, какъ видно изъ его чистосердечнаго признанія, есть и другая причина, почему онъ не удостоиваетъ насъ своими благосклонными объясненіями. «Вообще замѣчу, говоритъ онъ, что *питая сильное желаніе принять участіе въ нашемъ литературномъ движеніи, я большею частію бываю останавливаемъ непреодолимыми трудностями.*» Интересно было бы узнать, что это за непреодолимыя трудности, которыя связываютъ вашъ языкъ и волю? Ужъ не слабонервность ли?—Полечитесь холодными душами. Или тѣ обыкновенныя трудности, по которымъ и Акакій Акакіевичъ не принялъ участія въ нашей литературѣ? Это можетъ быть.

Остаюсь при своемъ убѣжденіи, что если статья г. Писарева стоитъ *вниманія* и съ удовольствіемъ развернется множествомъ читателей, то вамъ слѣдовало бы отвѣчать на нее нѣсколько поскромнѣй и основательнѣй, если ужъ вы рѣшились говорить по поводу ея. У г. Писарева поставленъ вопросъ очень ясно: «я считаю очевидность, говоритъ онъ, полнѣйшимъ и единственнымъ ручательствомъ дѣйствительности.... Г. Лавровъ требуетъ идеала и цѣли жизни, внѣ ея процесса; я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалъ.» Если г. Писаревъ ошибается, если его принципъ ложный, то вы должны были опровергнуть его. Вѣдь вы, если не ошибаюсь, исписали восемнадцать страницъ «Времени,»—(а время вещь какая?) и слѣдовательно могли удѣлить нѣсколько строкъ для серьезной бесѣды, тѣмъ болѣе, что вы нашли же мѣсто говорить о какихъ-то общихъ авторитетахъ, пожалѣть о *самостоятельномъ* мышленіи нашихъ литераторовъ и даже мимоходомъ похвалить тотъ журналъ, въ которомъ является ваше письмо. Вѣдь это вовсе не идеально: Не лучше ли было бы поспорить съ г. Писаревымъ о самомъ принципѣ, который раздѣляетъ васъ? Вотъ г. Лавровъ гораздо

луманнѣе г. н. ко. и не страдаетъ *непреодолимыми препятствіями* участвовать въ движеніи нашей литературы: онъ не отказалъ намъ въ удовольствіи послушать его возраженія противъ г.г. Писарева и Антоновича, а мы больше этого ничего и не желаемъ.

Р. Р.

Статья г. Лаврова **Моимъ Критикамъ** по случаю поздняго ея доставленія не могла войти въ іюльскую книжку.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

---

1) Сицилійская революція и экспедиція Гарибальди. Карла Варення.

2) Четырехмѣсячная экспедиція Гарибальди въ Сицилію и Италію. Дюрана-Браже.

3) Сицилія какъ она была и какъ есть. Уэстминстерское Обозрѣніе. Январь. 1860.

1) La révolution Sicilienne et l'expedition de Garibaldi. par M. Charles de Varenne. Paris. un vol. 1860.

2) Quatre mois de l'expedition de Garibaldi en Sicile et en Italie. par m. Durand-Brager. Paris. un vol. 1861.

3) Sicily as it was and is. The Westminster Review. January 1860.

(*Окончаніе.*)

Пока совершались описанныя выше событія, неаполитанская революція быстро подвигалась впередъ. Король находился въ стѣсненномъ положеніи; Австрія хотѣла помочь ему, но кардиналъ Феретти не позволилъ войскамъ пройти черезъ папскія области; Фердинандъ хотѣлъ бомбардировать Неаполь, но генералъ Руберти, комендантъ замка Сентъ-Эльмо, отказался исполнить это безчеловѣчное повелѣніе, хотя былъ другомъ Бурбоновъ. Между тѣмъ волненіе такъ усилилось, что король

рѣшился пожертвовать дель-Каретто, тѣмъ болѣе, что хитрый начальникъ полиціи, предвидя торжество либеральной партіи, вступилъ въ переговоры съ ея начальниками. Осужденный на изгнаніе, онъ, при всеобщихъ проклятіяхъ, покинулъ Неаполь, но общественное презрѣніе всюду преслѣдовало его; нѣсколько разъ онъ едва не дѣлался жертвой народной ненависти. Принужденный оставить Ливорно и Геную, онъ только въ окрестностяхъ Монпелье нашелъ возможность скрыть свой стыдъ и бѣшенство. Вслѣдъ за нимъ былъ удаленъ и архіепископъ Кокль.

29 января король подписалъ конституцію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) законодательная власть должна была раздѣляться королемъ съ палатой перовъ, назначаемыхъ имъ, и палатой депутатовъ, избираемыхъ народомъ; 2) господствующей религіей признавалась католическая; другія вѣроисповѣданія не допускались; 3) сверхъ того были признаны отвѣтственность министровъ; 4) зависимость арміи и флота отъ короля; 5) учрежденіе національной гвардіи; 6) свобода печати и цензура послѣдовательная; предварительная же была оставлена только для сочиненій спеціально-духовныхъ; 7) король не долженъ былъ содержать Швейцарцевъ и другихъ иностранныхъ войскъ; 8) офицеры до капитана избирались солдатами; высшіе чины давались королемъ. Конституція эта была обнародована 10 февраля.

Новое министерство составилось подъ предсѣдательствомъ Ботселли; другіе министры были Бонани, Дентиче, Торелла, Сковатсо, Гарціа; директоромъ полиціи, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Карлъ Поэріо, знаменитый адвокатъ, страдавшій нѣсколько разъ во имя народа. Эти назначенія показали, что король уступая временно требованіямъ либеральной партіи хотѣлъ произвести реакцію при первомъ удобномъ случаѣ; генералъ Гарціа былъ прежде директоромъ военнаго департамента и любимцемъ Фердинанда; Ботселли со дня подписанія конституціи сдѣлался реакціонеромъ; когда король подписалъ статутъ, онъ бросился къ ногамъ его, восклицая: государь, если-бы я зналъ ваше величество, я никогда не дѣлалъ-бы заговоровъ. Такое униженіе оттолкнуло отъ Ботселли либеральную партію; оскорбленный министръ сдѣлался непримиримымъ врагомъ ея. Самолюбіе стояло у него выше любви къ отечеству. Реакціонные планы короля были такъ очевидны, что всѣ честные министры спѣшили выходить въ отставку. Поэріо и Сковатсо первые увидѣли лицемѣріе короля и удалились отъ должности; другіе слѣдовали ихъ примѣру, такъ что въ

теченіе $3^1/_2$ мѣсяцевъ перемѣнилось 27 министровъ: никто не хотѣлъ быть сообщникомъ Фердинанда. Наиболѣе проницательные чувствовали необходимость въ расширеніи конституціи. Саличети потребовалъ изгнанія іезуитовъ; король колебался, но видя, что общественное мнѣніе противъ нихъ, принужденъ былъ уступить; вслѣдъ затѣмъ и Саличети получилъ отставку; энергическій эксъ-министръ не пришелъ въ отчаяніе и публиковалъ въ либеральныхъ газетахъ новую политическую программу: онъ требовалъ реформъ въ конституціи, уничтоженія палаты перовъ, объявленія войны Австріи. Нація съ восторгомъ встрѣтила эту программу, особенно послѣдній пунктъ. Слѣдствіемъ была отставка Ботселли и назначеніе новаго, болѣе либеральнаго министерства— Карла Тройя. Къ несчастію министерство это отличалось безхарактерностью.

Пока происходили эти событія въ Неаполѣ, въ Сициліи образовывался парламентъ. Въ ожиданіи его составленія былъ учрежденъ совѣтъ изъ 20 перовъ и 20 депутатовъ. Лордъ Минто обратился къ нему съ предложеніями Фердинанда какъ посредникъ. Король учреждалъ особое министерство для Сициліи, назначалъ намѣстникомъ Руджіеро Сеттимо, съ порученіемъ открыть парламентъ. Условія эти не рѣшали существенныхъ вопросовъ и потому были отвергнуты; взамѣнъ ихъ Сицилійцы, по настоянію лорда Минто, предложили свои: они желали, чтобы солдаты и чиновники на островѣ были Сицилійцы, чтобы при особѣ вице-короля было образовано новое министерство, не исключая портфеля иностранныхъ дѣлъ и флота; чтобы убытки, причиненные неаполитанскими войсками были уплачены изъ суммъ Неаполитанскаго королевства; чтобы всѣ распоряженія совѣта были признаны законными. Фердинандъ не согласился и обвинилъ Сицилійцевъ въ желаніи помѣшать возрожденію Италіи. Онъ надѣялся, что Англія, взволнованная учрежденіемъ республики во Франціи, сблизится съ нимъ и будетъ содѣйствовать покоренію острова, забывъ, что ея выгоды требовали его независимости подъ британскимъ протекторатомъ.

25 марта парламентъ собрался и немедленно передалъ исполнительную власть въ руки шести министровъ, подъ предсѣдательствомъ Сеттимо. Вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ вопросу о формѣ правительства. Послѣдняя уступка, которую рѣшились сдѣлать Фердинанду, состояла въ томъ, что Сицилійцы готовы были признать сына его какъ вице-короля. Получивъ отказъ, парламентъ опредѣлилъ отложиться отъ Неаполя, и потомъ занялся рѣшеніемъ вопроса, чѣмъ

должна быть Сицилія: республикой или конституціонной монархіей. Большинство рѣшило въ пользу конституціи; короля положено было выбрать послѣ пересмотра хартіи.

Многіе замѣчательные писатели обвиняютъ Сицилійцевъ за этотъ поступокъ; они говорятъ, что этимъ они оттолкнули возможность примиренія съ Фердинандомъ и повредили великому дѣлу итальянской независимости. Намъ кажется поступокъ ихъ совершенно логическимъ: они были обнадежены, что Англія и Франція признаютъ ихъ независимость и что неаполитанскій король не осмѣлится предпринять войну противъ государства уже признаннаго; они пріобрѣли только то, чѣмъ владѣли прежде, за что страдали, за что гибли на висѣлицахъ и въ темницахъ; уступить возвращенныя права безъ боя было бы непростительнымъ малодушіемъ, показало бы, что они не стоютъ той свободы, за которую сражаются. Въ случаѣ успѣха войны Италіи съ Австріей, они могли расчитывать на помощь итальянской федераціи; въ случаѣ образованія одной итальянской республики имъ нечего было бояться за свою независимость — сверхъ того на добросовѣстность Фердинанда никакъ нельзя было положиться... Гораздо важнѣе та ошибка, которую они сдѣлали впослѣдствіи, призвавъ на престолъ герцога генуэзскаго.

Между тѣмъ нѣкоторыя неудобства, неразлучныя со всякимъ переходнымъ положеніемъ, доставили случай Фердинанду приступить къ реакціи. Національная гвардія не была окончательно сформирована въ провинціяхъ; обижаемые въ-теченіе столькихъ лѣтъ жители спѣшили отомстить за свои страданія на жандармахъ; журналистика жестоко нападала на армію; торговля и промышленность остановились вслѣдствіе общаго броженія — все это Король приписывалъ конституціи, онъ всѣми мѣрами старался распространить это мнѣніе въ арміи, и съ этой цѣлью если кто просилъ его о какой-нибудь милости, онъ отказывалъ, ссылаясь на статутъ; агенты его неутомимо работали въ войскѣ и вскорѣ онъ могъ надѣяться на содѣйствіе его; но прежде надо было удалить недовольныхъ. Война съ Австріей представляла для этого удобный случай. Принужденный рѣшиться на нее противъ воли, онъ понималъ, что послѣ торжества Италіи деспотизмъ его сдѣлается невозможнымъ и потому старался изо всѣхъ силъ сдѣлать кампанію безплодною.

Не станемъ описывать всѣхъ мелкихъ препятствій и недостойныхъ хитростей, которыя употреблялъ онъ противъ генерала Пепе, замѣтимъ только одно, что эскадрѣ даны были запечатанныя инструкціи,

съ приказаніемъ распечатать ихъ въ Анконѣ, въ которыхъ положительнымъ образомъ запрещалось неаполитанскому флоту предпринимать что-нибудь враждебное противъ Австрійцевъ. Этотъ фактъ служитъ достаточнымъ опроверженіемъ тѣмъ легковѣрнымъ историкамъ, которые думаютъ, что Фердинандъ намѣренъ былъ сохранить конституцію.

Освободившись въ концѣ мая отъ ненадежныхъ войскъ (надо прибавить, что король предоставилъ на волю офицерамъ идти или не идти въ походъ), Фердинандъ занялся приготовленіемъ къ контръ-революціи.

Избраніе депутатовъ совершилось въ ненарушимомъ порядкѣ 18-го апрѣля. Первое засѣданіе парламента было назначено 1-го мая, но его отложили до 15-го. Наканунѣ этого дня, исполнительная власть, не посовѣтовавшись съ палатами, прислала имъ присягу, которой содержаніе состояло въ томъ, что депутаты обязаны были поклясться «исповѣдывать и заставлять исповѣдывать католическую религію; быть вѣрными королю Обѣихъ Сицилій и соблюдать конституцію 10-го февраля». Первый пунктъ этой присяги нарушалъ принципъ вѣротерпимости, второй—обязывалъ вести междоусобную войну; третій—стѣснялъ развитіе конституціи, обязывая подчиниться переходному положенію. Значительное большинство депутатовъ воспротивилось этой присягѣ. Толпы народа окружали ратушу, дожидаясь рѣшенія ихъ; наконецъ двери отворились, и депутація, назначенная изложить королю затрудненія палаты, появилась. Фердинандъ послѣ долгаго колебанія отвѣчалъ, что онъ самъ присягалъ по этой формулѣ и не находитъ причинъ, почему депутаты не могутъ принять ее. Когда посланные возвратились, загорѣлся новый споръ сильнѣе прежняго. Въ это время парламентъ получилъ извѣстіе, что войска вышли изъ казармъ и что въ городѣ строятся баррикады. Депутатъ Іосифъ Ричарди предложилъ вывести національную гвардію и съ помощью ея поддержать порядокъ и свободу. Предложеніе его было одобрено... Увидѣвъ грозное положеніе, принятое революціей, Король рѣшился уступить: сообщилъ депутатамъ формулу новой присяги и даже предложилъ пока совершенно не присягать; и въ тоже время убѣдительно просилъ ихъ употребить свое вліяніе для успокоенія народа и разрушенія баррикадъ. Депутаты исполнили его желанія и, отпустивъ національную Гвардію, пригласили народъ разрушить баррикады....

Между тѣмъ многочисленныя войска окружили дворецъ и запрещали всякій доступъ къ нему. Раздраженіе народа достигло такой степени,

что отвратить стычку можно было только серьезными гарантіями. Ричарди потребовалъ передачи городскихъ фортовъ въ руки милиціи, и отсылки королевской гвардіи въ Ломбардію, если король не согласится распустить ее. Это предложеніе показалось слишкомъ смѣлымъ и было отвергнуто. Депутація была отправлена только съ просьбой ускорить открытіемъ палатъ. Министры съ своей стороны доказывали королю, какія печальныя послѣдствія могутъ произойти отъ стычки между гражданами и войсками. Онъ поворотился къ нимъ спиной и сказалъ: «время подумать вамъ о самихъ себѣ, часъ вашего наказанія недалекъ». Министры немедленно подали въ отставку и такимъ образомъ отвѣтственность за всѣ послѣдовавшія событія лежитъ на королѣ. Депутація отъ національной гвардіи также явилась къ нему и объявила, чтобъ онъ не расчитывалъ на помощь милиціи, если вздумаетъ пойти противъ конституціи.

Между тѣмъ сраженіе началось. Не болѣе 700 человѣкъ защищали баррикады, но чтобъ оттѣснить ихъ, пришлось прибѣгнуть къ артиллеріи. Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ придворнымъ лакеемъ; на баррикадахъ находилось нѣсколько агентовъ полиціи—все это доказываетъ, что Фердинандъ принялъ всѣ мѣры, чтобъ день не обошелся безъ битвы. Она была ужасна. Градъ пуль сыпался изъ оконъ, съ балконовъ, изъ-за баррикадъ. Раздраженные солдаты врывались въ дома и не давали пощады никому, ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Всѣ жестокости, совершенныя Австрійцами въ Миланѣ и Брешіи, повторили въ Неаполѣ Швейцарцы и лаццарони...

При первомъ извѣстіи о начавшемся сраженіи сильное негодованіе овладѣло депутатами. Стефанъ Ромео требовалъ низложенія короля; Іосифъ Ричарди учрежденія комитета общественной безопасности и созванія національной гвардіи. Эти предложенія возбудили жаркую оппозицію и только послѣ долгихъ преній положено было составить комитетъ изъ пяти депутатовъ. Къ несчастію, эти депутаты не отличались рѣшимостью и всѣ свои распоряженія ограничили посылкою двухъ депутацій: одной, состоящей изъ Гавріила Пепе и Авоссы, къ коменданту города, чтобы онъ приказалъ войскамъ прекратить огонь; другой — изъ Джуліани и Ричарди къ французскому повѣренному въ дѣлахъ и адмиралу Бодэну съ просьбой способствовать прекращенію непріязненныхъ дѣйствій. Легко можно было предвидѣть весь неуспѣхъ первой депутаціи; что касается до второй, она тоже потеряла время: адмиралъ Бодэнъ ограничилъ свое содѣйствіе только тѣмъ, что вмѣстѣ

съ г. Левро, французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, написалъ къ королю письмо, въ которомъ совѣтовалъ ему быть умѣреннымъ и великодушнымъ. Пока происходили эти переговоры, почти всѣ баррикады были взяты, послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося семь часовъ.

Въ это время депутаты положили удалиться въ Каподимонте и призвать туда національную гвардію Неаполя и его окрестностей. Но было уже поздно: королевскія войска восторжествовали вездѣ и депутатамъ не осталось ничего больше, какъ протестовать. Едва протестъ былъ подписанъ, какъ явился швейцарскій капитанъ и приказалъ депутатамъ разойтись. «Не угодно ли вамъ выйти, отвѣчалъ 90-лѣтній аббатъ Капьятси, собраніе рѣшитъ, что должно дѣлать.» Капитанъ удалился. Черезъ нѣсколько минутъ его позвали вновь и передали протестъ депутатовъ(*). Затѣмъ президентъ объявилъ засѣданіе конченнымъ. Депутаты разошлись; черезъ нѣсколько минутъ явились Ричарди и Джуліани, но двери ратуши были заперты и часовые никого не пускали... Съ грустью оглянулись они: Неаполь представлялъ печальное зрѣлище: противъ ратуши горѣлъ дворецъ Ричарди (брата депутата), на улицахъ были разложены костры; окровавленные, пьяные солдаты бросали въ нихъ сломанныя двери, остатки баррикадъ, награбленную мебель; трупы грудами валялись на улицахъ; король вышелъ изъ дворца вмѣстѣ съ своей женой и любовался кровавымъ дѣломъ своего тиранства; дружески бесѣдовалъ онъ съ пьяными Швейцарцами и крѣпко жалъ руки отвратительнымъ бандитамъ, покрытымъ кровью зарѣзанныхъ ими жертвъ; восторженные крики: viva il re! раздавались въ отвѣтъ ему; эхо доносило ихъ до ушей несчастныхъ депутатовъ, вмѣстѣ съ воплями изнасилованныхъ женщинъ и умирающихъ дѣтей...

Ричарди отправился въ Сицилію. Новое министерство составляли,

---

(*) Вотъ содержаніе: «Палата депутатовъ соединившаяся для приготовительнаго засѣданія, въ то время, когда занималась своими полномочіями, видя себя угрожаемой насиліемъ королевскихъ войскъ въ лицѣ своихъ членовъ, выражающихъ верховное представительство страны, протестуетъ противъ этого дѣйствія слѣпаго деспотизма не только передъ лицемъ Италіи, которой возрожденію хотятъ помѣшать, но и предъ лицемъ цѣлой Европы, возрождающейся въ духѣ свободы. Палата объявляетъ, что она прекращаетъ свои засѣданія, только покоряясь грубой силѣ и что не только не намѣрена оставить выполненіе своихъ обязанностей, но напротивъ намѣрена соединиться снова, при первомъ удобномъ случаѣ, чтобъ принять рѣшеніе сообразное съ важностью положенія, въ которомъ права народа и національное достоинство такъ недостойно попраны». Это прокламація покрыта 64 подписями.

подъ предсѣдательствомъ князя Каріати, Руджіеро, Ботселли, Караскоза, Искителло и Торелло; оно начало управленіе рядомъ стѣснительныхъ указовъ: королевство было объявлено на военномъ положеніи, національная гвардія обезоружена, войско и флотъ, посланные на помощь Венеціи, отозваны. Бывшіе либералы обратились въ свирѣпыхъ реакціонеровъ и предписали многочисленные аресты.

Прибывъ въ Сицилію, Ричарди нашелъ ее раздѣленною на двѣ партіи: національной гвардіи и клубовъ, сардинскую и тосканскую. Занятые внутренними преобразованіями, Сицилійцы занимались болѣе преніями, чѣмъ образованіемъ арміи; пересмотръ конституціи поглощалъ все ихъ вниманіе. Напрасно Ричарди приглашалъ ихъ сдѣлать высадку въ значительныхъ силахъ въ Калабрію; они отвѣчали, что не рѣшатся до тѣхъ поръ, пока Калабрія не возстанетъ сама...

1-го іюня Ричарди былъ уже въ Козенцѣ. Черезъ два часа послѣ его прибытія образовался комитетъ, первымъ дѣйствіемъ котораго была слѣдующая прокламація: «Жестокости, совершенныя въ Неаполѣ и указы, разрушающіе конституцію, которые за ними послѣдовали, прервали всякую связь между государемъ и народомъ. Въ качествѣ народныхъ представителей, сильные помощью Сицилійцевъ и общимъ негодованіемъ противъ самаго гнуснаго изъ правительствъ, мы пришли стать въ головѣ народнаго движенія въ Калабріи и объявить слѣдующее, надѣясь быть вѣрными выразителями общихъ желаній. Вспоминая о торжественномъ обѣщаніи парламента, выраженномъ въ благородномъ протестѣ 15-го мая, собраться вновь при первой возможности, мы считаемъ долгомъ пригласить нашихъ товарищей въ Козенцу къ 15 іюня съ тѣмъ, чтобы продолжать засѣданія, прерванныя въ Неаполѣ грубой силой и чтобы подъ щитомъ народнаго собранія укрыть священныя права неаполитанскаго народа. Мы—уполномоченные страны, и призываемъ, для поддержанія народной свободы, патріотизмъ національной гвардіи, которая, защищая священное дѣло, безъ сомнѣнія съумѣетъ заставить уважать собственность и общественный порядокъ, безъ чего не можетъ быть свободы..

Іосифъ Ричарди, Доминикъ Мауро, Рафаэль Валентини, Евгеній Ризо.»

Эта прокламація немедленно была перепечатана другими комитетами. Но дѣйствія ея были парализованы прочими депутатами, подписавшими протестъ 15-го мая. Вмѣсто того, чтобъ явиться въ Кала-

брію, они поддались обѣщанію короля, созвавшаго парламентъ къ 1-му іюля и остались на своихъ мѣстахъ. Другія причины неудачи возстанія заключались въ малочисленности помощи Сицилійцевъ (500 человѣкъ), въ ограниченіи круга дѣйствій одной Калабріей, въ приближеніи времени жатвы, заставившей крестьянъ рззойтись по деревнямъ, въ подкупахъ инсургентовъ партизанами короля.

Во все время войны конституціонная партія отличалась рѣдкой умѣренностью и великодушіемъ, королевскія же войска снова запятнали себя варварствомъ, разстрѣливая даже десятилѣтнихъ дѣтей.

Въ половинѣ іюля возстаніе было потушено. Сицилійцы были взяты въ плѣнъ пароходомъ «Стромболи» въ водахъ Іоническаго моря, что возбудило справедливые протесты Англіи. Послѣ отплытія Сицилійцевъ Ричарди и члены комитета скрывались нѣсколько дней въ лѣсахъ и потомъ принуждены были на рыбачьихъ лодкахъ достигнуть Іоническихъ острововъ.

Сзывая парламентъ къ 1-му іюля, Фердинандъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страха, опасаясь разгара калабрійскаго возстанія. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ парламентъ надоѣдалъ ему: Имбріани говорилъ о незаконности обезоруженія національной гвардіи; Поэріо о томъ же и объ итальянскомъ вопросѣ; Шіалойя и Драгонетти о безчеловѣчномъ обращеніи съ плѣнными Сицилійцами и Калабрійцами; другіе депутаты поднимали сицилійскій вопросъ; — теперь-же, когда возстаніе было укрощено, король рѣшился ускорить распущеніемъ парламента. Указъ былъ подписанъ 1-го сентября, хотя объявленъ только 5-го, когда экспедиція, отправленная противъ Мессины, уже отплыла.

Пока продолжалась война въ Калабріи, Сицилійцы были заняты избраніемъ короля. Послѣ жаркихъ споровъ выборъ ихъ палъ на герцога генуэзскаго; французская и англійская эскадра, получивъ объ этомъ извѣстіе, подняли сицилійскій флагъ и салютовали ему 21 выстрѣломъ; адмиралъ Бодэнъ предложилъ одинъ изъ кораблей своей эскадры для отправленія депутаціи, назначенной къ герцогу генуэзскому. Такимъ образомъ эти двѣ державы признали самостоятельность Сициліи, а между тѣмъ двуличная политика ихъ ясно выразилась въ сицилійскомъ вопросѣ, точно также, какъ впослѣдствіи въ венеціанскомъ.

Предложеніе короны сыну Карла-Альберта противорѣчило видамъ англійскаго правительства, которое, на основаніи проэкта Гуммелауэра, надѣялось получить протекторатъ надъ Сициліей: противорѣчило

Франціи, которая поддерживала кандидатомъ сына герцога тосканскаго; заставляло Фердинанда рѣшиться на самыя отчаянныя мѣры; возбудило негодованіе въ партіи республиканцевъ. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Ричарди, который думаетъ, что лучше всего было оставить вопросъ о конституціонномъ королѣ до окончанія войны за независимость Италіи; до тѣхъ же поръ заняться исключительно приведеніемъ острова въ неприступное положеніе и формированіемъ арміи. Выборъ Сицилійцевъ могъ имѣть значеніе только при постоянныхъ успѣхахъ сардинскаго оружія; въ противномъ случаѣ онъ доставлялъ Піемонту только новаго непріятеля въ лицѣ неаполитанскаго короля. Карлъ-Альбертъ отлично понялъ свое положеніе; послѣ сраженія при Кустоцѣ ему оставалось только лавировать; герцогъ генуэзскій, по его приказанію, отказался отъ сицилійской короны...

Новое министерство образовалось вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ. Положеніе его было самое критическое: Сицилія не имѣла флота и между тѣмъ главная опасность угрожала ей съ моря; Сицилія не имѣла обученной арміи, потому что неаполитанскіе короли рекрутскую повинность въ натурѣ замѣняли податью. Несогласіе партій, неопытность генераловъ и дипломатическія интриги готовили ей гибель... Но она не предчувствовала ея; она была полна самообольщенія; она считала себя сильнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Когда извѣстіе о приготовленіи экспедиціи противъ острова достигло въ Палермо, народъ предался необузданной радости: онъ думалъ, что Сицилія послужитъ гробомъ войскамъ Фердинанда. Когда предложили назначить диктатора, министръ путей сообщенія Лафарина сказалъ: «нѣтъ, господа, нѣтъ! никогда диктатуры! Вы—парламентъ,—развѣ народъ нашъ не засѣдаетъ съ вами? Въ комъ сомнѣваться? Кого бояться? Какая внутренняя опасность угрожаетъ намъ? Ахъ, диктатура часто бываетъ предшественницей смерти свободы! Но если въ эти торжественныя минуты конституціонныя постановленія могутъ сдѣлаться препятствіемъ къ спасенію нашего отечества, мы сами нарушимъ ихъ и потомъ скажемъ: мы нарушили конституцію, но спасли свободу—вотъ наши головы—рубите ихъ!» (*) Невыразимыя рукоплесканія привѣтствовали эти слова; диктатура была отвергнута. А между тѣмъ въ это время огненная буря ревѣла надъ Мессиной. 3 сентября генералъ Филанджіери, начальникъ экспедиціоннаго корпуса, появился на мессинскомъ рейдѣ и открылъ огонь вмѣстѣ

(*) La Farina. Storia d'Italia dal 1815 al 1850. Vol. IV.

съ цитаделью противъ береговой батареи il Mare Grosso, которая скоро приведена была въ молчаніе. Тогда неаполитанцы приступили къ высадкѣ. Бомбы, гранаты, конгревовы ракеты дождемъ посыпались на городъ, но не смутили мужества мессинцевъ; батареи ихъ отвѣчали неумолчно; высадившіяся войска были отброшены къ цитадели или принуждены сѣсть на суда. На другой и на третій день бомбардированіе возобновилось съ удвоенной силой. На четвертый генералъ Филанджіери рѣшился высадиться внѣ пушечныхъ выстрѣловъ города. Войска Фердинанда встрѣчены были штыками національной гвардіи, страшный рукопашный бой загорѣлся съ неслыханнымъ ожесточеніемъ; счастіе переходило то на ту, то на другую сторону; наконецъ явился съ резервомъ полковникъ Ламаза, герой 12-го января. Въ головѣ колонны, съ дерзкой неустрашимостью солдата бросается онъ впередъ и принуждаетъ непріятелей отступить. Во все это время чугунный градъ не переставалъ сыпаться на Мессину. Дворцы, церкви, монастыри съ громомъ падаютъ въ прахъ; пожаръ распустилъ свое кровавое знамя подъ дымнымъ пологомъ, облекающимъ Мессину, какъ черной тучею. Вопли и стоны раненыхъ, крики начальниковъ мѣшаются съ громомъ выстрѣловъ и колокольнымъ звономъ... И надъ всѣмъ этимъ южное солнце безмятежно текло по лазурному своду, прорѣзывая раскаленными лучами пороховое облако, повисшее надъ Мессиной...

Скоро положеніе осажденныхъ сдѣлалось невыносимо; они послали одного изъ коммисаровъ къ командирамъ англійскаго фрегата «Гладіаторъ» и французскаго «Геркулесъ» съ тѣмъ, чтобы при ихъ посредничествѣ заключить перемиріе на 24 часа, но условія, предложенныя генераломъ Филанджіери были такъ жестоки, что на нихъ нельзя было согласиться. Борьба началась снова. Наконецъ королевскія войска одолѣли и 7-го сентября ворвались въ городъ. Жестокости, совершенныя въ Неаполѣ, повторились. Не было дома неразрушеннаго; всѣ окрестности на двѣ мили кругомъ представляли груды развалинъ. Больные, старики, женщины, дѣти были убиваемы самымъ варварскимъ образомъ; оставшіеся въ живыхъ мессинцы подверглись самому безчеловѣчному грабежу. Писатели всѣхъ націй и партій подтверждаютъ это (*) общественное мнѣніе Европы возстало противъ

(*) Лафарина, Ричарди, Уллоа; корреспонденты газетъ «Times» и «Journal des Débats», адмиралъ Бодэнъ и другіе—всѣ согласны въ описаніи ужасовъ бомбардированія Мессины, и надо имѣть совѣсть какого-нибудь барона Леона

этихъ свирѣпостей, достойныхъ временъ Нерона и генералъ Филанджіери принужденъ былъ оправдываться передъ палатой перовъ. Разумѣется, его не могли обвинить, но шаткость и недобросовѣстность его доводовъ показали Европѣ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ (*). Взрывъ общественнаго негодованія былъ такъ великъ, что представители Франціи и Англіи принудили Фердинанда заключить перемиріе. Принужденный сдержать порывы своей жестокости, онъ притворился великодушнымъ и обнародовалъ въ Гаэтѣ 28-го февраля 1849 года манифестъ въ формѣ ультиматума, въ которомъ обѣщалъ утвердить сицилійскую конституцію черезъ четыре мѣсяца, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) католическая религія остается господствующею; 2) личная свобода гарантирована, исключая случаевъ, предвидѣнныхъ закономъ; 3) никто не можетъ быть принужденъ къ уступкѣ собственности иначе, какъ въ видахъ общественной пользы и за приличное вознагражденіе; 4) всѣ Сицилійцы имѣютъ право выражать свое мнѣніе печатно, сообразно съ цензурными постановленіями; 5) король предоставляетъ себѣ право объявить о приведеніи въ дѣйствіе этой конституціи особымъ указомъ. Сицилійцы видѣли недобросовѣстность короля: они понимали, что на его обѣщанія нельзя полагаться и потому отвергли предлагаемыя условія. Война снова вспыхнула. Инсургенты были разбиты при Катанѣ. Сиракузы, Агоста и другіе города сдались безъ выстрѣла. Филанджіери направился къ Палермо. Онъ не ожидалъ серьезнаго сопротивленія, потому что зналъ, что въ парламентѣ не было единодушія, что городъ былъ раздѣленъ на партіи: одни хотѣли сопротивленія во что бы то ни стало; другіе соглашались вступить въ переговоры на основаніи гаэтскаго ультиматума. Министры подали въ отставку, предоставивъ вести переговоры барону Канолотто, Виго и Грассо. Лица, болѣе другихъ окомпрометированныя въ возстаніи, поспѣшили оставить островъ. Руджіеро Сеттимо, видя всѣ усилія свои водворить порядокъ напрасными, пришелъ въ отчаяніе и 23 апрѣля оставилъ управленіе и удалился на Мальту. Такимъ образомъ недостатокъ энергіи и практичности въ го-

---

Гервэ Сенъ Дени, чтобъ защищать подобныя варварства, какъ дѣлаетъ онъ въ своей книгѣ: Hist. de la rév. dans les Deux-Siciles.

(*) Чтобъ быть справедливыми, мы должны сказать, что жители Мессины также запятнали себя нѣсколькими жестокими поступками, но не надо забывать, что королевскія войска, оставляя городъ, выпустили до 5,000 мошенниковъ и убійцъ, содержавшихся въ разныхъ тюрьмахъ.

сударственныхъ людяхъ Сициліи погубили страну. Краснорѣчивые ораторы, замѣчательные писатели, честные патріоты, они не были людьми дѣйствія; люди золотой средины, они совершили дѣло недостойное своего патріотизма; они не поняли, что мѣсто ихъ въ рядахъ народа на полѣ битвы, что смерть ихъ будетъ побѣдою принципа и изъ праха ихъ, подобно фениксу, возродится свобода. Сицилія должна была пасть по тѣмъ же причинамъ, по которымъ пала впослѣдствіи Венеція. Тѣ же дипломатическія интриги, тотъ же суровый призракъ... реакціи грозили ей. Продолженіе сопротивленія не могло спасти ее. На Италію нечего было надѣяться. Принужденная бороться съ своими принцами и съ иностранными арміями, съ непріятелями внутренними и внѣшними, Италія не могла устоять въ этой борьбѣ; она не могла подать помощи Сициліи. Паденіе не всегда пораженіе; падаютъ люди, но принципы не умираютъ; напротивъ они выигрываютъ чистотой и доблестью своихъ представителей. Палермо готово было сдаться и омрачить позорнымъ малодушіемъ прежнюю славу. Но народъ думалъ не такъ: оставленный баронами, онъ въ инстинктахъ своихъ нашелъ какъ должно ему поступать... Три дня продолжался отчаянный бой между Палермитянами и войсками Филанджіери. Изумленный такимъ мужествомъ, онъ принужденъ былъ смягчить свои условія: онъ не требовалъ уже безусловной покорности и согласился на амнистію (кромѣ 43 человѣкъ), на позволеніе безпрепятственно отправиться волонтерамъ, на право содержать караулы въ Палермо только національной гвардіи.

15-го мая Филанджіери вступилъ въ Палермо...

Снова тюрьмы наполнились узниками! Снова система дель-Каретто была введена въ употребленіе!... 83 м. фр. государственнаго долга было переведено на Сицилію; увеличенія податей, стѣсненіе частной дѣятельности, военные суды — вотъ чѣмъ наградилъ Фердинандъ Сицилію! Различныя истязанія, голодъ, цѣпи, сырое помѣщеніе, усиленныя работы—вотъ что выпало на долю осужденныхъ на каторгу: достаточно вспомнить о несчастномъ Поэріо, судьбой котораго такъ заинтересовалъ всю Европу лордъ Гладстонъ въ письмахъ своихъ къ лорду Абердину. Вся образованная Европа пришла въ ужасъ, читая описанія варварствъ, совершавшихся въ тюрьмахъ королевства Обѣихъ Сицилій. Вся журналистика возстала на Фердинанда и его министровъ, и представители великихъ державъ на парижскомъ конгрессѣ выразили все негодованіе, возбужденное его тираническимъ управленіемъ. Но онъ остался глухъ къ голосу общественнаго мнѣнія, онъ

остался глухъ къ жалобамъ своего угнетеннаго народа, онъ не хотѣлъ понимать духа времени: жестокостями своими онъ самъ вызывалъ новую революцію...

Новая драма готова была разъиграться. Народное стремленіе было остановлено, но не уничтожено. Образованіе итальянской народности, продолжалось. Но при разсматриваніи вопроса объ итальянской національности необходимо обратить вниманіе на историческое развитіе каждаго народа на полуостровѣ, на тѣ данныя, подъ вліяніемъ которыхъ слагалась народная жизнь. Для образованія демократической федераціи надо приблизительно равное политическое и умственное развитіе, общность интересовъ каждаго изъ членовъ федераціи. Тогда только возможно единственное прочное соединеніе, соединеніе по добровольному согласію. Разсматривая исторію Сициліи, мы видимъ, что интересы ея были отдѣльны отъ интересовъ Италіи, что она жила особою жизнью; и только общее иго связывало ее съ судьбой полуострова. Принадлежа по языку и религіи къ Италіи, она имѣла свои рѣзкія характеристическія черты: норманскій и арабскій элементъ вошли въ нее глубже, чѣмъ гдѣ нибудь на полуостровѣ; въ ней не было демократическаго духа республикъ Средней Италіи; участіе аристократіи въ развитіи конституціи подготовило ее къ ограниченной монархіи; историческія обстоятельства связали ея развитіе съ развитіемъ Неаполя, представлявшаго олицетвореніе военнаго деспотизма и дикаго произвола. Никогда не покоренная, привыкшая избирать своихъ королей съ условіемъ, чтобъ они соблюдали конституцію, она видѣла себя постоянно обманутой. Такимъ образомъ трактаты, служившіе основаніемъ добровольнаго соединенія были нарушены. Неаполитанцы не признавали сицилійской автономіи противъ всѣхъ законовъ международнаго права; Неаполитанцы постоянно смотрѣли враждебно на попытки Сицилійцевъ возвратить прежнюю самостоятельность; неаполитанскіе чиновники и солдаты притѣсняли Сицилійцевъ, какъ только можно; даже ораторы и писатели возставали противъ стремленій Сициліи къ независимости. Какъ-же должны были смотрѣть Сицилійцы на всѣ эти проявленія народной ненависти, которую сверхъ того короли старались поддерживать всѣми силами? Разумѣется Сицилійцы ненавидѣли Неаполитанцевъ и при всякомъ удобномъ случаѣ отлагались отъ нихъ. Итальянцы смотрѣли равнодушно на усилія Сицилійцевъ освободиться; помощь, данная имъ, была незначительна, не мудрено, что и они въ свою очередь дали незначительную по-

мощь (*). Самая отдѣльность ихъ революціи показываетъ, что они не имѣли точки опоры па полуостровѣ. Они искали ее въ союзѣ съ Піемонтомъ; ближе другихъ сходилась съ ихъ требованіями конституція сардинская, и они не задумались выбрать королемъ герцога генуэзскаго, хотя и несвоевременно, какъ мы уже сказали. Но хотя между Сициліей и остальной Италіей съ перваго взгляда кажется не было тѣсной связи, но на самомъ дѣлѣ успѣхъ сицилійской революціи имѣлъ—бы огромное вліяніе на судьбу полуострова: неаполитанская реакція была невозможна, еслибъ Сицилійцы умѣли создать сильную армію и флотъ, и вошли въ ближайшее сношеніе съ Неаполемъ. Съ другой стороны Неаполитанцамъ надо было имѣть болѣе сочувствія къ дѣлу Сицилійской свободы; надо было забыть народную ненависть, искусно разжигаемую королями для личныхъ своихъ интересовъ. Тогда сицилійская армія и флотъ могли-бы гарантировать политическую свободу Неаполя, которая въ свою очередь гарантировала участіе неаполитанской арміи въ дѣлѣ освобожденія Италіи. Неуспѣхъ предпріятія 15 мая могъ стоить Фердинанду короны, и кто знаетъ, какимъ путемъ пошла-бы тогда итальянская революція! Но власть въ эту эпоху находилась въ рукахъ умѣренной партіи (mezzani), которая думала примирить два несовмѣстимыя начала; гордясь своими теоріями, она принесла въ жертву имъ народное благосостояніе и послужила лучшимъ оружіемъ въ рукахъ реакціи для доставленія новаго торжества обскурантизму. Не понявъ великой идеи общаго братства и федераціи, они въ угоду мелкой ненависти областей подкрѣпила падающее зданіе деспотизма трупами лучшихъ людей Италіи.

Въ 11 часовъ, въ ночь съ 3-го на 4 апрѣля 1860 года, почти весь гарнизонъ Палермо выступилъ на улицы. Всѣ посты были утроены; городскія ворота заперты, по дорогамъ къ городу расположены сильные караулы; на площадяхъ разставлены пушки; сбирры и патрули пробѣгали городъ по разнымъ направленіямъ, захватывая всѣхъ запоздавшихъ.... Вдругъ около четырехъ часовъ утра раздался набатъ съ колокольни монастыря босыхъ Капуциновъ; ружейные залпы послышались въ томъ—же направленіи. Испуганные жители бросаются къ окнамъ и дверямъ; жестокій ружейный огонь встрѣчаетъ всякаго, кто осмѣливается отворить дверь или окно. Несчастные Палермитяне принуждены въ бездѣйствіи смотрѣть, какъ гибнетъ сотня

(*) 100 человѣкъ Карлу-Альберту, 500—Ричарди для экспедиціи въ Калабрію.

храбрыхъ, рѣшившихся отстаивать свободу Сициліи. Пятьдесятъ ружей и одна деревянная пушка, окованная желѣзными обручами — были ихъ оружіемъ. Съ этими средствами они не побоялись стать противъ 15 т. съ многочисленной артиллеріей. Четыре часа сопротивлялись они, но наконецъ сила одолѣла; церковныя двери были разбиты ядрами, неаполитанскіе солдаты ворвались и храбрые защитники итальянской независимости пали на грудахъ непріятельскихъ труповъ. Свирѣпый Манискалько торжествовалъ.

Мы говорили уже о варварскихъ поступкахъ неаполитанскаго правительства, послѣ усмиренія сицилійскаго возстанія. Назначеніе директоромъ полиціи Манискалько довело тиранство до послѣдней степени. Сынъ лакея, онъ началъ службу свою въ жандармахъ. Замѣтивъ его способности, дель-Каретто сталъ давать ему разныя порученія по шпіонской части. Успѣшное выполніе ихъ доставило ему мѣсто начальника полиціи въ Палермо. Пользуясь страхомъ двора, постоянно видѣвшаго вездѣ и во всемъ заговоры и бунты, онъ умѣлъ представить дѣла въ такомъ видѣ, что будто только его дѣятельности обязаны спокойствіемъ на островѣ. Сдѣлавшись директоромъ полиціи, онъ сталъ настоящимъ намѣстникомъ, потому что находился въ непосредственной корреспонденціи съ королемъ. Разнообразіемъ казней и пытокъ онъ превзошелъ дель-Каретто. Вмѣстѣ съ генераломъ Сальцано, палермскимъ комендантомъ, онъ навелъ ужасъ на всѣхъ. Тюрьмы были набиты тысячами несчастныхъ узниковъ. Не было семейства, которое не оплакивало бы кого нибудь изъ близкихъ. Опасность угрожала всѣмъ. Инстинктъ самосохраненія заставлялъ взяться за оружіе.

Сицилійскіе изгнанники знали о положеніи острова: братья Чіотта сообщали имъ о всѣхъ жестокостяхъ полиціи. Извѣстія ихъ печатались въ разныхъ журналахъ и брошюрахъ и настроивали общественное мнѣніе въ пользу Сицилійцевъ. Центральный революціонный комитетъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстными; Амари, Тореарса, Рокофорте и другіе изгнанники вели съ нимъ дѣятельную переписку. По общему согласію они рѣшились возстать въ то время, когда король неаполитанскій по тайному договору съ папой и Австріей двинется для покоренія центральной Италіи. Время было выбрано превосходно: въ Сициліи должны были остаться только обыкновенные гарнизоны; сердца Неаполитанцевъ должны были потрястись отъ негодованія при видѣ войны предпринятой противъ Италіи. Уже неаполитанскія войска начали сосредоточиваться на римской границѣ,—

но нѣкоторые нетерпѣливые патріоты не выдержали до назначеннаго срока: савойскія знамена были по ночамъ поставляемы на площадяхъ; крики: да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ Викторъ Эммануилъ раздавались на улицахъ и даже въ церквахъ; сбиры, которыхъ прежде всѣ боялись, были оскорбляемы и даже убиваемы. — Манискалько предчувствовалъ революцію и рѣшился всѣми мѣрами вызвать ее какъ можно скорѣе....

Неудачное покушеніе 4-го апрѣля не остановило Сицилійцевъ: возстанія вспыхивали то тамъ, то сямъ. Подвижныя колонны напрасно ходили взадъ и впередъ; военный судъ напрасно разстрѣливалъ плѣнниковъ десятками — волненіе не прекращалось. Ему недоставало только предводителя. Взоры всѣхъ обращены были на Гарибальди. Оставалось склонить его. За это дѣло взялся Франческо Криспи. Этотъ человѣкъ отличался громадной энергіей и безконечной ненавистью къ Бурбонамъ. Принужденный бѣжать послѣ революціи 1848 года, онъ былъ предметомъ постоянныхъ преслѣдованій неаполитанскаго правительства. Изгнанный по настояніямъ его изъ Бельгіи, Франціи и Швейцаріи, онъ не могъ найти пристанища даже въ Піемонтѣ, потому что идеи его не нравились Кавуру. Всемогущій министръ ограничивалъ мечты свои присоединеніемъ къ Піемонту Ломбардіи и герцогствъ, и враждебно смотрѣлъ на людей, думавшихъ объ единствѣ Италіи; онъ готовъ былъ на федерацію съ папой, съ великимъ герцогомъ тосканскимъ, и королемъ неаполитанскимъ и потому терпѣть не могъ представителей крайней партіи. Удалившись въ Америку, Криспи съ нетерпѣніемъ ожидалъ мгновенія, когда пробьетъ часъ освобожденія Италіи. Едва открылась кампанія 1859 года, онъ употребилъ всѣ средства, чтобъ возбудить на островѣ возстаніе: виллафранкскій миръ остановилъ его замыслы, но не уничтожилъ ихъ. Переодѣтый, онъ явился въ Сицилію, возобновилъ всѣ порванныя нити заговора и, приготовивъ все для взрыва, отправился на континентъ, чтобъ предложить Гарибальди начальство надъ экспедиціей.

Знаменитый генералъ, не смотря на свою безграничную смѣлость, не тотчасъ рѣшился на предлагаемую экспедицію. Какъ морякъ, онъ боялся числительнаго превосходства неаполитанскаго флота. Но едва Криспи показалъ ему вѣроятность успѣха, онъ перестал̃ъ колебаться. Но не со стороны одного Неаполя угрожали ему препятствія. Графъ Кавуръ сталъ также въ числѣ его непріятелей. Онъ никогда не благопріятствовалъ Сицилійцамъ и не задолго передъ

тѣмъ отказался даже выслушать просьбы сицилійской депутаціи. Революція мѣшала его любимому плану образовать королевство сѣверной Италіи и управлять имъ неограниченно съ помощью покорнаго парламента. Мы не заподозриваемъ патріотизма графа Кавура, но должны сказать, что онъ не менѣе отечества любилъ власть. Онъ былъ представителемъ той золотой посредственности, которая разъ уже погубила Италію. Образованіе итальянскаго королевства вносило въ парламентъ демократическій элементъ, при которомъ министерство Кавура не могло быть прочно. Смѣлость Гарибальди пугала его; изъ успѣха его предпріятія возникали многосложныя политическія компликаціи. Кавуръ могъ потерять то, что уже выигралъ, а онъ былъ во все не такой человѣкъ, чтобъ рисковать. Всѣ эти соображенія заставили его поставить экспедиціи Гарибальди цѣлый рядъ препятствій. Первымъ изъ нихъ было распоряженіе министерства, чтобъ муниципальныя суммы были положены непремѣнно въ государственное казначейство, хотя эти суммы состояли изъ добровольныхъ вкладовъ для освобожденія Италіи. Второе препятствіе состояло въ томъ, что министры воспротивились выдачѣ Гарибальди капитала, положеннаго имъ въ миланскій банкъ. Не довольствуясь этимъ, Кавуръ приказалъ министерскимъ журналамъ провозгласить о потушеніи сицилійскаго возстанія. Увидѣвъ, что всѣ эти препятствія не останавливаютъ Гарибальди, что онъ умѣлъ достать и оружіе, и деньги, Кавуръ рѣшился прибѣгнуть къ силѣ; но губернаторъ Генуи въ отвѣтъ на его предписаніе остановить экспедицію отвѣчалъ, что по первому знаку Гарибальди весь гарнизонъ отправится за нимъ. Принужденный покориться силѣ обстоятельствъ, оскорбленный министръ долженъ былъ ограничиться діатрибами въ министерскихъ журналахъ противъ Гарибальди...

5-го мая экспедиція высадилась въ Марсалѣ въ числѣ 1015 человѣкъ.

Не станемъ говорить о геройскихъ подвигахъ этой горсти храбрыхъ—послѣднія событія, вѣроятно, слишкомъ памятны нашимъ читателямъ; бросимъ только бѣглый взглядъ на общій характеръ событій.

Кромѣ своихъ волонтеровъ, Гарибальди могъ расчитывать въ первое время послѣ высадки только на помощь вооруженныхъ крестьянъ (squadre); отряды ихъ въ скоромъ времени должны были значительно увеличиться благодаря проповѣдямъ духовенства, которое все, кромѣ іезуитовъ, стало за народное дѣло. Съ этими си-

лами онъ смѣло двинулся впередъ; побѣды при Калатафими и Алькамо открыли ему дорогу въ Палермо. Обманувъ притворнымъ отступленіемъ генерала Боско, Гарибальди поутру 27 мая вступилъ въ Палермо. Городъ немедленно покрылся баррикадами. Съ разсвѣтомъ начался бой. Градъ бомбъ посыпался на городъ; Неаполитанцы бросились въ штыки, чтобъ разрушить баррикады, но усилія ихъ сокрушились передъ мужествомъ патріотовъ...

19 іюня въ Палермо повсюду вѣяли итальянскія знамена. Насталъ день возмездія: сицилійская революція далеко не отличалась той умѣренностью, которая была замѣчена въ сѣверной и средней Италіи. Управленіе сбирровъ было слишкомъ жестоко; въ жилахъ Сицилійцевъ текла пламенная арабская кровь; послѣднее бомбардированіе Палермо, нанесшее городу, не говоря уже объ убитыхъ, до 30 м. фр. убытковъ, было у всѣхъ въ памяти, все это вызывало къ отмщенію. Люди менѣе другихъ развитые и болѣе страстные воспользовались этимъ случаемъ. Нѣсколько сбирровъ было принесено ими въ жертву своему мщенію. Генералъ Гарибальди принужденъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости: убійцы были разстрѣляны и спокойствіе водворилось...

Примѣру Палермо послѣдовали и другіе города Сициліи. 29 іюня перемиріе было заключено; во власти Неаполитанцевъ осталась только цитадель Мессины. Гарибальди готовился отправиться въ Калабрію.

Освобожденіе Сициліи совершилось во имя Виктора Эммануила. Съ самаго начала Гарибальди не скрывалъ своего намѣренія. Онъ былъ представителемъ единства Италіи, и Сицилійцы сочувствовали ему. Жестокій опытъ научилъ ихъ не довѣрять ни протекторату Англіи, ни обѣщаніямъ неаполитанскихъ королей. Положеніе Италіи было совершенно другое чѣмъ за десять лѣтъ. Въ головѣ движенія стоялъ торжествующій Піемонтъ; между Викторомъ-Эммануиломъ и народомъ была живая связь; остальные владѣтели были изгнаны или находились въ положеніи близкомъ къ тому: Сицилійцы возмужали подъ тяжестью десятилѣтняго ига; представителемъ благороднаго короля являлся народный герой—все это способствовало соединенію. Благодарственные адресы со всѣхъ сторонъ сыпались къ диктатору; волонтеры со всѣхъ сторонъ стекались подъ его знамена; но едва дѣло коснулось до перенесенія войны на континентъ, энтузіазмъ ихъ значительно охладѣлъ. Безпечность южнаго характера, довольство своимъ положеніемъ, не-

нависть къ Неаполитанцамъ, недостатокъ политическаго воспитанія — заставили ихъ смотрѣть довольно равнодушно на новую экспедицію. Онъ зналъ это, зналъ что для увлеченія народа надо обратиться къ его сердцу, въ которомъ никогда не умираютъ начала добра и патріотизма, которое иногда кажется бьется только для своекорыстныхъ расчетовъ, но при первомъ словѣ своего избранника забываетъ все и творитъ героевъ, удивляющихъ позднихъ потомковъ чистотой и величіемъ своихъ дѣлъ.

Чувствуя необходимость пробудить въ Сицилійцахъ уснувшее чувство патріотизма, Гарибальди обратился къ своей арміи съ слѣдующей прокламаціей: «Солдаты! Ваше мужество и преданность дѣлу Италіи восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Войска Бурбоновъ несмотря на свою храбрость не могли устоять передъ нашимъ натискомъ и обратились въ бѣгство.»

«Но то, что мы сдѣлали, не значитъ ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что намъ остается сдѣлать. Ваше оружіе, восторжествовавъ надъ всѣми непріятелями, которые еще остаются, должно дать почувствовать себя подъ стѣнами Мантуи и Вероны.»

«Тѣ, которые не найдутъ въ себѣ довольно силы къ перенесенію страданій насъ ожидающихъ, пусть возвратятся къ себѣ домой. Но я увѣренъ, что никто изъ васъ не покинетъ моего знамени, знамени Италіи.»

Вскорѣ послѣ этой прокламаціи онъ обнародовалъ другую къ сицилійскимъ женщинамъ. Вотъ его слова; «Свобода, къ которой мы такъ стремились, была пріобрѣтена Сициліей, благодаря мужественной рѣшительности ея жителей и помощи ихъ континентальныхъ братьевъ. Свободу трудно пріобрѣсти, но еще труднѣе сохранить: цѣлая Италія въ продолженіи вѣковъ служила печальнымъ доказательствомъ этого.

«Сицилія есть такая страна, гдѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ исторіи другихъ народовъ для отысканія примѣровъ во всѣхъ родахъ гражданскихъ доблестей; женщины въ ней во всѣ времена мужествомъ своимъ удивляли цѣлый свѣтъ.....

«Сицилія свободна—это правда; одна цитадель остается во власти непріятеля—но вотъ уже 11 лѣтъ назадъ сицилійскій народъ достигъ того-же результата, а между тѣмъ эта свободная страна впала снова въ неволю, была попрана наемными иноплеменниками, приведена въ

положеніе худшее того, въ которомъ была прежде своей достопамятной революціи—все это потому, что не хотѣла сдѣлать послѣдняго усилія.

«Граціозныя и милыя Сициліянки, внемлите голосу человѣка, который искренно любитъ вашу прекрасную родину, съ которой соединенъ онъ привязанностью цѣлой жизни. Онъ ничего не требуетъ ни для себя, ни для другихъ, но для блага общей нашей отчизны онъ требуетъ вашей могущественной помощи. Призовите къ оружію жителей этого острова, заставьте стыдиться тѣхъ, которые станутъ укрываться на лонѣ матери или возлюбленной.....»

«Женщины, давайте вашихъ дѣтей, вашихъ возлюбленныхъ! Въ маломъ числѣ—борьба будетъ длинна, сомнительна, полна опасностей для всѣхъ; многочисленные—мы побѣдимъ безъ сраженія! Скоро вы увидите осуществленными надежды двадцати поколѣній Итальянцевъ и я вамъ отдамъ вашихъ милыхъ съ лицемъ загорѣвшимъ на поляхъ битвъ, съ челомъ увѣнчаннымъ ореоломъ побѣды, благословляемыхъ этими страждущими и покоренными поколѣніями, которые послали дѣтей своихъ на искупленіе вашей земли».

Голосъ великаго человѣка не былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Сицилія отозвалась на него. Мелкіе мѣстные интересы замолкли передъ сознаніемъ общаго блага. Сицилія поняла, что для достиженія автономіи, она должна пройти чрезъ централизующія формы королевства. Сознаніе это проникло всѣхъ, даже женщинъ. Вотъ что отвѣчали онѣ диктатору, препровождая ему пожертвованія.... «Вы, котораго само Провидѣніи избрало для освобожденія нашей отчизны, примите этотъ скромный даръ, назначенный для покупки ружей, для того, чтобъ изгнать страшный деспотизмъ и устроить сильное итальянское государство, котораго глава будетъ Викторъ Эммануилъ, король-солдатъ, король-благородный человѣкъ, освободитель Италіи. Сицилійскія женщины единогласно объявляютъ себя въ пользу его, въ пользу присоединенія....

Это единодушіе дало возможность Гарибальди перенести войну на континентъ и способствовало присоединенію королевства Обѣихъ Сицилій къ Піемонту. Такимъ образомъ великое дѣло итальянскаго единства сдѣлало огромный шагъ впередъ. Ошибки, погубившія его въ 48 и 49 годахъ, были устранены. Сицилія и Неаполь признали, что для достиженія свободы необходима прочная связь между притѣсненными народностями; они поняли, что взаимныя уступки составляютъ лучшую цѣпь для соединенія ихъ; они сознали нелѣпость національ-

ной вражды, которой такъ искусно пользовались неаполитанскіе Бурбоны. Къ чести Сициліи надо сказать, что она, имѣя, право на автономію; нашла въ себѣ довольно мужества отказаться отъ ней воимя общаго блага. Этимъ она избѣгла ошибки, сдѣланной за 11 лѣтъ назадъ. Второй причиной къ успѣху служило то, что управленіе дѣлами находилось въ рукахъ людей энергическихъ и талантливыхъ, отличавшихся опредѣленнымъ образомъ мыслей, а не жалкихъ mezzani. Но при всемъ своемъ желаніи Сицилія и Неаполь не могли не внести въ устройство итальянскаго королевства разлагающаго элемента, потому что значительная часть націи была развращена. Тиранство Бурбоновъ развило съ одной стороны преторіанство; съ другой почти совсѣмъ уничтожило народное образованіе; но эти самыя причины, считавшіяся ими надежнѣйшими опорами власти, и подорвали ее. Полицейскій деспотизмъ дошелъ до того, что никто не могъ считать себя въ безопасности и потому возстаніе было неминуемо, по инстинкту личнаго самосохраненія. Съ другой стороны низкое политическое воспитаніе народа, развращеніе его тунеядствомъ, нищенствомъ и страхомъ полиціи, предавало его въ руки духовенства, которое само, кромѣ ордена іезуитовъ, находилось въ угнетенномъ состояніи и потому не могло примириться съ деспотической властью неаполитанскихъ королей, и какъ только представилась возможность увлекло къ возстанію поселянъ. Неаполитанское правительство не заботилось о нравственномъ воспитаніи арміи, позволяло ей грабить жителей, и потому не удивительно, что эта деморализованная армія при неудачѣ бунтовала противъ своихъ генераловъ, убивала ихъ, а при встрѣчѣ съ непріятелемъ обращалась въ бѣгство. Эта самая армія, награбивъ сокровища у мирныхъ гражданъ, обреченныхъ ея жадности свирѣпостью и корыстолюбіемъ генераловъ, спѣшила заключить перемиріе, чтобъ скорѣе насладиться плодами своихъ богатствъ. Тѣмъ не менѣе это растлѣніе народа принесло въ настоящее время свои плоды Бурбонамъ: оно мѣшаетъ правильной организаціи Итальянскаго Королевства. Шайки солдатъ, видя невозможность быть тѣмъ, чѣмъ были прежде, сдѣлались шайками разбойниковъ; лаццарони, видя, что новое правительство не поддерживаетъ ихъ лѣни, стали противъ него; нѣкоторые фанатики монахи, приверженцы папы, явились во главѣ вооружившихся калабрійцевъ и гражданская война вспыхнула. Нѣтъ сомнѣнія, что эти шайки будутъ уничтожены, но все-таки грустно видѣть подобное явленіе въ тотъ мигъ, когда вся Италія какъ одинъ человѣкъ стремится къ

окончанію великаго дѣла своей національности. Будемъ надѣяться, что образованіе проникнетъ въ эти невѣжественныя массы и сдѣлаетъ невозможной даже мечту о возвращеніи прежняго порядка вещей. Будемъ надѣяться, что дипломатическія интриги англійскаго кабинета не приведутъ ни къ чему и что Сицилія согласится лучше быть частью итальянскаго королевства, чѣмъ влачить независимую жизнь подъ британскимъ протекторатомъ, такъ дорого обходящимся Іоническимъ островамъ и колоніямъ. Нѣтъ, если ей и улыбается автономія, то развѣ въ будущемъ, когда демократическій элементъ, такъ глубоко проникшій въ итальянское развитіе, возстанетъ съ прежнею силою и образуетъ федерацію демократическихъ республикъ.

Тогда торжественно празднуя день высадки Гарибальди въ Марсалу, день давшій новое движеніе итальянскому вопросу, сдѣлавшій реакцію невозможной—тогда освобожденная Италія съ благодарностью преклонится передъ своимъ героемъ, передъ однимъ изъ лучшихъ людей XIX вѣка и съ гордостью повторитъ слова великаго поэта: «нашъ вѣкъ есть лучшій изъ всѣхъ вѣковъ: онъ есть вѣкъ искупленія прошедшаго и залогъ надеждъ для будущаго.»

В. ПОПОВЪ.

Физіологическіе эскизы Молешота.

Physiologisches Skizzenbuch von Jac. Moleschott. Giessen 1861.

I.

«Въ наше время было бы странно думать, что духъ не зависитъ отъ матеріи»—этими словами начинаетъ Молешотъ свою книгу. Мы постепенно перестаемъ бояться природы и благоговѣть передъ нею; мы перестаемъ навязывать ей сознательныя стремленія и опредѣленныя

цѣли; мы смотримъ на то, что у насъ передъ глазами, и стараемся быть внимательными; усилія наши направлены къ тому, чтобы усовершенствовать орудія познаванія, и, чтобы разсмотрѣть предметъ нашего наблюденія въ разныхъ положеніяхъ и съ разныхъ сторонъ, мы обуздываемъ дѣятельность теоретическаго мышленія, которое постоянно торопится къ общимъ выводамъ; мы хотимъ какъ можно больше видѣть, и какъ можно меньше догадываться. До сихъ поръ не придумано такого микроскопа, который могъ бы слѣдить за работою мысли въ мозгу живаго человѣка; на этомъ основаніи, изслѣдователи очень благоразумно обходятъ до времени эти интересныя отправленія человѣческаго организма, и сосредоточиваютъ свои силы на разъясненіи другихъ процессовъ, болѣе грубыхъ и слѣдовательно болѣе осязательныхъ. Что̀ можно разсмотрѣть микроскопомъ и разложить химическимъ анализомъ, то разсматривается и разлагается; что̀ недоступно непосредственному изслѣдованію, то наблюдается черезъ сближеніе отдѣльныхъ фактовъ, подобно тому, какъ въ алгебраическихъ уравненіяхъ неизвѣстная величина опредѣляется по извѣстнымъ. Камень за камнемъ сносится на то мѣсто, гдѣ надо выстроить домъ; наблюденія и опыты не противорѣчатъ другъ—другу, но часто лежатъ особнякомъ, не обнаруживая между собою видимой связи и необходимаго соотношенія. Неизвѣстнаго еще такъ много, что даже не обозначены общія линіи того зданія, которое выстроится современемъ, и въ которое войдутъ, какъ строительные матеріалы, всѣ песчинки добытыя правильнымъ трудомъ человѣческой мысли. Ни что не построено, но многое собрано, и главное, многое разрушено. Съ тѣхъ поръ, какъ живетъ человѣчество, оно невольно старалось себѣ объяснить, что такое человѣкъ, міръ, природа и ея законы; любознательности было много, а знаній мало; поневолѣ приходилось добавлять фантазіей; возникло великое множество міросозерцаній, болѣе или менѣе поэтическихъ, великое множество образовъ болѣе или менѣе величавыхъ; отъ разныхъ остатковъ этихъ міросозерцаній приходится теперь избавляться; разные изношенные образы приходится разбивать, выметая ихъ, осколки съ того мѣста, на которомъ предполагается строить новое зданіе въ современномъ вкусѣ, на прочномъ фундаментѣ. Отношеніе между человѣкомъ и окружающею природою, и, даже въ самомъ человѣкѣ, отношенія между различными частями и отправленіями его организма составляютъ рѣшительное яблоко раздора между мыслителями и фантазерами. Послѣдніе, сильные числомъ,

хотятъ допустить, во что бы то ни стало, присутствіе такихъ элементовъ, какихъ въ дѣйствительномъ мірѣ никогда не было и не можетъ быть, такихъ вещей, о которыхъ, по выраженію нашего народно-эпическаго языка, «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.» Фантазеры вооружаются самымъ разнообразнымъ дрекольемъ, чтобы отстоять свое дѣло; они вносятъ свои невѣсомыя тонкости во всѣ сферы человѣческихъ знаній и искуства; натуралисты, историки и поэты часто оказываются зараженными самымъ узколобымъ мистицизмомъ. Мыслителямъ приходится иногда тратить много времени на то, чтобы разбивать теоріи и фантазіи, и чтобы открывать глаза слишкомъ довѣрчивымъ и совершенно беззащитнымъ неспеціалистамъ; лучшіе изъ мыслителей идутъ другимъ путемъ, болѣе труднымъ, но зато болѣе плодотворнымъ; они совершенно отворачиваются отъ области произвольныхъ гаданій, предоставляютъ ее идеалистамъ, а сами наблюдаютъ и изучаютъ химическій составъ крови, процессъ пищеваренія, конструкцію волосъ, ногтей и прочія ничтожныя мелочи; и эти ничтожныя мелочи уже теперь повернули вверхъ-дномъ колоссальныя теоріи міровыхъ мыслителей и цѣлыхъ народовъ; эти ничтожныя мелочи уже теперь разбили оковы человѣческой мысли. Дѣло разрушенія сдѣлано; дѣло-созиданія будетъ впереди и займетъ собою не одно поколѣніе.

II.

Физіологическіе эскизы Молешота посвящены строгому изслѣдованію нѣкоторыхъ отправленій и отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла. Первый этюдъ разсматриваетъ вліяніе пищи на человѣческій организмъ, второй разбираетъ подробно тѣ видоизмѣненія, которыя производитъ въ человѣкѣ движеніе на чистомъ воздухѣ, четвертый въ популярной формѣ сообщаетъ публикѣ микроскопическія наблюденія ученыхъ надъ роговою оболочкою человѣческаго тѣла. Третій очеркъ, о которомъ стоитъ поговорить подробно въ концѣ статьи, существенно отличается отъ остальныхъ по своему характеру и предмету; онъ заключаетъ въ себѣ характеристику Георга Форстера, написанную съ замѣчательною глубиною критическаго взгляда и проникнутую самымъ честнымъ сочувствіемъ къ личности благороднаго дѣятеля.—Главною задачею моей настоящей статьи будетъ

сгрупировать мысли Молешота, выраженныя въ его чисто физіологическихъ эскизахъ и представить ихъ читателямъ въ ясномъ и по возможности сжатомъ изложеніи.

«Жить, говоритъ Молешютъ, значитъ сохранять форму своего тѣла вопреки безпрерывному измѣненію мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ, составляющихъ собою тѣло» (стр. 2.) Безпрерывное измѣненіе матеріальныхъ частицъ совершается посредствомъ тѣхъ выдѣленій, которыя сопровождаютъ собою процессы дыханія и пищеваренія; кромѣ того оно происходитъ путемъ испарины, отпаденія засохшихъ частичекъ кожи, выростанія и обрѣзыванія волосъ и ногтей. Убывающія частицы нашего тѣла должны замѣщаться новыми; новыя надо выработывать изъ какого нибудь матеріала, а матеріалъ этотъ мы получаемъ изъ пищи, которую принимаемъ въ желудокъ и изъ воздуха, который вдыхаемъ въ легкія. Мы, по словамъ Либиха, похожи на ходячія печи, нуждающіяся въ постоянной или по крайней мѣрѣ часто повторяющейся топкѣ. Положенное въ насъ топливо перегараетъ и претерпѣвая разныя измѣненія, переработывается въ кровь. А что такое кровь? Бордё говоритъ, что кровь есть мясо въ жидкомъ состояніи, но Молешотъ съ этимъ не соглашается. Въ крови, по его словамъ, заключаются задатки и зародыши всего тѣла: мозгъ, нервы, кости, мясо, кожа и хрящи все выработывается изъ крови, слѣдовательно въ крови есть такія химическія составныя части, которыхъ нѣтъ въ мясѣ и которыя идутъ на построеніе другихъ тканей нашего тѣла. Значеніе крови становится такимъ образомъ чрезвычайно важнымъ. Химическій составъ крови даетъ намъ мѣрку для оцѣнки сравнительнаго достоинства всякой пищи; если употребляемая нами пища содержитъ въ себѣ всѣ составныя части крови и притомъ въ одинаковой пропорціи съ кровью, то эта пища можетъ поддерживать наше существованіе и сохранять наше здоровье. Тщательное изслѣдованіе химическаго состава здоровой крови должно такимъ образомъ служить основаніемъ для всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о количествѣ и качествѣ пищи, необходимыхъ для надлежащаго восполненія убывающихъ частицъ организма. Молешотъ посвящаетъ разсмотрѣнію крови цѣлую главу своего эскиза. Изъ этого разсмотрѣнія оказывается, какъ извѣстно людямъ, знакомымъ съ физіологіею, что кровь состоитъ изъ соединенія азота, углерода, водорода, кислорода, калія, натрія, кальція, магнія, желѣза, сѣры, фосфора, хлора и флуора. Если выразиться проще, можно сказать, что на 100 частей крови

приходится 79 частей воды; остальныя 21 часть состоятъ изъ бѣлковины, (т. е. изъ такого вещества, которое по своему составу и по свойствамъ очень похоже на яичный бѣлокъ) изъ различныхъ солей, и изъ очень незначительнаго количества жира и сахара; на 1000 частей крови приходится около 4 частей жира, а количество сахара, заключающееся въ крови, еще гораздо меньше и до сихъ поръ еще не было опредѣлено. Красный цвѣтъ крови происходитъ отъ примѣси желѣза; нарушеніе этого цвѣта сопровождаетъ собою разстройство и бо̀льшую или меньшую слабость всего организма; поэтому присутствіе желѣза въ крови совершенно необходимо, хотя количество такъ незначительно, что не можетъ быть въ точности опредѣлено. Каждая изъ составныхъ частей крови потребляется организмомъ на построеніе тѣхъ или другихъ разрушающихся или устарѣвшихъ частицъ. Такъ напр. фосфорнокислая известь (соединеніе фосфора, кислорода и кальція) идетъ на ремонтъ костей, флуористый кальцій образуетъ зубы, поваренная соль хрящи. Для работы нашего мозга необходимъ фосфоръ и особеннаго рода фосфористый жиръ. «Какъ кровь не можетъ обращаться съ должною силою безъ притока желѣза, какъ кости не могутъ служить опорою для нашего тѣла безъ притока извести, такъ точно мозгъ не можетъ думать безъ притока фосфора и фосфористаго жира.» Безъ фосфора нѣтъ дѣятельности мысли; но предполагать, чтобы у умнаго человѣка было въ мозгу много фосфора, по словамъ Молешота, неосновательно, потому что органъ одинаково страдаетъ отъ избытка какого нибудь ингредіента какъ и отъ недостатка. Каждый органъ вытягиваетъ изъ крови именно то количество матеріала, которое необходимо для его отправленій; онъ не возьметъ себѣ лишняго, но если же случится недостатокъ, если въ крови не найдется необходимыхъ матеріаловъ, тогда конечно дѣятельность органа должна ослабѣть, и постепенно прекратиться—(Moleschott. Lehre der Nahzungsmittel s. 100). Очень можетъ быть,. что утомленіе, которое мы чувствуемъ послѣ продолжительной умственной работы, происходитъ отъ того, что фосфористый жиръ истрачивается и что мозгъ не успѣваетъ вытягивать изъ крови необходимаго количества матеріала; очень можетъ быть, что напряженіе мысли, усиліе ума связано съ усиленною дѣятельностью тѣхъ сосудовъ, которые тянутъ фосфоръ изъ крови въ мозгъ. Что это утомленіе, эти усилія и напряженія основываются на чисто матеріальномъ процессѣ—въ этомъ смѣшно и сомнѣваться; но сущность этого

процесса совершенно не разъяснена, и потому мы хорошо сдѣлаемъ, если изъ заманчивой сферы гипотезъ снова спустимся на твердую почву положительныхъ фактовъ.

III.

Такъ какъ принимаемая нами пища должна переработаться въ кровь, то она, какъ уже было выше замѣчено, должна заключать въ себѣ всѣ тѣ составныя части, которыя были указаны въ крови; вода, бѣлковина, соли, жиръ и сахаръ непремѣнно должны входить въ нашу пищу, потому что всѣ эти специи необходимы для образованія крови; воды должно быть всего больше, потому что изъ нея состоятъ почти $^4/_5$ всей нашей крови; дѣйствительно опытъ показываетъ, что самыя сухія пищи содержатъ въ себѣ значительный процентъ воды; мы пьемъ чай или кофе утромъ и вечеромъ; за обѣдомъ мы ѣдимъ супъ, слѣдовательно во всѣхъ этихъ видахъ поглощаемъ воду; сверхъ того мы понѣскольку разъ въ день чувствуемъ жажду, и утоляемъ ее напитками, которыхъ большая часть разбавлена водою, наконецъ, мы вдыхаемъ въ себя водяные пары, носящіеся въ воздухѣ, и такимъ образомъ еще увеличиваемъ количество поглощаемой воды. Словомъ, вода есть самая важная и необходимая составная часть нашей пищи; жажда чувствуется скорѣе голода и въ меньшее время ведетъ за собою смерть; впрочемъ, всѣ составныя части крови непремѣнно должны входить въ нашу пищу; если будетъ совершенно опущенъ хоть одинъ изъ ея ингредіентовъ, то произойдетъ разстройство организма, которое рано или поздно приведетъ къ его разрушенію. Я обратилъ вниманіе на особенную важность воды только потому, что недостатокъ ея замѣчается всего скорѣе, измучиваетъ и убиваетъ человѣка въ самое короткое время, и слѣдовательно бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло. Въ строго научномъ смыслѣ нельзя сказать, чтобы вода была важнѣе другихъ составныхъ честей крови: онѣ всѣ необходимы для поддержанія жизни и здоровья, слѣдовательно всѣ одинаково важны; замѣчу только, что жиръ можетъ быть замѣненъ сахаромъ потому, что сахаръ, принимая въ кишечномъ каналѣ разныя химическія измѣненія, превращается въ жиръ. Пчелы приготовляютъ воскъ изъ цвѣточнаго сахара, а воскъ представляетъ существенное сходство съ жиромъ, съ тою только разницею, что еще менѣе жира

содержитъ въ себѣ кислорода. Наблюденія Либиха надъ домашними животными доказали рѣшительно, что сахаръ превращается въ жиръ; знаменитый химикъ взвѣшивалъ жиръ убитыхъ быковъ и масло доставляемое коровами и вычислилъ, что эти животныя не могли получить этихъ веществъ изъ своей пищи въ видѣ чистаго жира. Анализъ коровьяго помета показалъ, что въ немъ корова выбрасываетъ столько же жира, сколько его находится въ ея пищѣ. Но въ этой пищѣ (въ сѣнѣ и картофелѣ) есть много такихъ веществъ, которыя въ желудкѣ превращаются въ сахаръ; изъ сахара развивается молочная кислота, изъ молочной кислоты масляная кислота и наконецъ жиръ. Изъ этого превращенія сахара въ жиръ видно, что вещества, составляющія нашу пищу, болѣе или менѣе подвергаются измѣненіямъ, смотря потому, насколько эти вещества сродны составнымъ частямъ нашей крови. Молочная кислота ближе сахара подходитъ къ жиру; сахаръ подходитъ къ жиру ближе крахмала. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что крахмалъ не такъ скоро можетъ быть превращенъ въ жиръ, какъ сахаръ, и что сахаръ въ свою очередь перейдетъ въ жиръ медленнѣе молочной кислоты.—Но главная и важнѣйшая часть пищеваренія заключается именно въ приготовленіи крови изъ принятой пищи, слѣдовательно чѣмъ скорѣе и легче принятая пища переработывается въ кровь, тѣмъ успѣшнѣе совершается пищевареніе; успѣшность пищеваренія зависитъ преимущественно отъ свойства пищи, или, точнѣе, отъ степени сродства ея съ составными частями крови; удобоваримою можно назвать ту пищу, изъ которой легче и скорѣе добываются ингредіенты крови; на этомъ основаніи молочная кислота окажется удобоваримѣе сахара, сахаръ удобоваримѣе крахмала. Тѣ составныя части нашей пищи, которыя не могутъ переработаться въ кровь, оказываются ненужными и должны быть удалены, какъ постороннія тѣла. Эти-то ненужныя составныя части нашей пищи составляютъ главное основаніе испражненій, къ которымъ сверхъ того присоединяются желудочныя и кишечныя слизи и жидкости, обветшалыя частицы кожи, выдѣленія желчи, словомъ, такіе матеріалы, которые входили въ составъ нашей крови и нашего тѣла и потомъ устарѣли и пришли въ негодность. Чѣмъ меньше ненужныхъ частицъ содержитъ въ себѣ наша пища, тѣмъ большее количество питательныхъ веществъ она отдаетъ въ кровь; такимъ образомъ болѣе питательною называется та пища, которая содержитъ въ себѣ наибольшій процентъ веществъ необходимыхъ для образованія крови.—Не всѣ пи-

тательныя вещества, заключающіяся въ нашей пищѣ, могутъ быть изъ нея добыты во время ея пребыванія въ желудкѣ и въ кишечномъ каналѣ. Пребываніе это ограничено извѣстнымъ временемъ, и если, въ теченіи этого времени, желудочные и кишечные соки не успѣли химически переработать пищу, если они не успѣли обратить ее въ кровь, то пища выйдетъ изъ нашего тѣла, несмотря на то, что она въ неразложенномъ состояніи заключаетъ въ себѣ много матеріаловъ, способныхъ превратиться въ кровь.—Мясо и молоко по своему химическому составу подходятъ къ крови ближе печенаго хлѣба; печеный хлѣбъ подходитъ къ ней ближе сѣна; мясо и молоко питательнѣе хлѣба и сверхъ того удобоваримѣе хлѣба; это значитъ, что фунтъ мяса заключаетъ въ себѣ больше ингредіентовъ крови, чѣмъ фунтъ хлѣба; кромѣ того ингредіенты крови, заключающіеся въ фунтѣ хлѣба, должны претерпѣть нѣсколько химическихъ измѣненій, прежде чѣмъ они превратятся въ дѣйствительную кровь, и число этихъ химическихъ измѣненій больше, чѣмъ число измѣненій, которыя должны претерпѣть питательныя вещества заключающіяся въ фунтѣ мяса. Стало быть, не говоря уже о томъ, что количество питательныхъ частицъ въ хлѣбѣ меньше, чѣмъ въ мясѣ, нужно еще обратить вниманіе на то, что это меньшее количество труднѣе добыть изъ хлѣба, чѣмъ изъ мяса, и что слѣдовательно большее количество питательнаго вещества пропадетъ даромъ, т. е. пройдетъ черезъ пищеварительный каналъ не разложившись. При всемъ томъ, человѣкъ можетъ жить, питаясь хлѣбомъ и водою, и совершенно обходясь безъ мяса и молока; онъ будетъ слабѣе человѣка, питающагося мясомъ, но не умретъ, и даже будетъ способенъ работать. Если же вы будете кормить человѣка однимъ картофелемъ, то онъ черезъ 2 недѣли ослабѣетъ и сдѣлается неспособнымъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Это происходитъ отъ того, что картофель непитателенъ и неудобоваримъ. Въ крови нашей заключается въ 50 разъ больше бѣлковины, чѣмъ жира, а въ картофелѣ бѣлковины почти въ 20 разъ меньше чѣмъ веществъ, образующихъ жиръ. Стало быть, чтобы вытянуть изъ картофеля то количество бѣлковины, которое необходимо для поддержанія нормальнаго состава крови, человѣкъ долженъ принять въ желудокъ огромное количество разныхъ постороннихъ и ненужныхъ веществъ. По вычисленіямъ Молешота оказывается, что здоровый работникъ долженъ съѣдать въ день 20 фунтовъ картофеля, чтобы добывать изъ него необходимое количество бѣлковины. Но органы пищеваренія не могутъ справиться съ такимъ огром-

нымъ количествомъ матеріала; они будутъ завалены ненужнымъ мусоромъ и, можетъ быть, совершенно остановятъ свою дѣятельность; еслибы этого не случилось, тогда произошло бы другое неудобство: крахмалъ картофеля переработался бы въ жиръ и этотъ жиръ потопилъ бы собою остальныя, болѣе благородныя части нашей крови. «Можетъ ли, восклицаетъ Молешотъ, лѣнивая картофельная кровь придавать мускуламъ силу для работы, и сообщать мозгу животворный толчекъ надежды? Бѣдная Ирландія! Твоя бѣдность родитъ бѣдность! Ты не можешь остаться побѣдительницею въ борьбѣ съ гордымъ сосѣдомъ, которому обильныя стада сообщаютъ могущество и бодрость! Ты не можешь побѣдить! Твоя пища можетъ породить безсильное отчаяніе, но не возбудитъ она воодушевленія, а только воодушевленіе способно отразить исполина, въ жилахъ котораго течетъ живая сила дѣятельности вмѣстѣ съ богатою кровью. Не благодари Америку за тотъ подарокъ, который увѣковѣчиваетъ твое несчастіе! Мы можемъ хвалить доброе намѣреніе Гокинса, принесшаго тебѣ картофель, но ты не должна считать его своимъ благодѣяніемъ.» (Ученіе о предметахъ пищи. Стр. 119.) Но почему же картофель, неспособный поддерживать силы человѣка, служитъ отличною пищею для рогатаго скота и для свиней? Почему сѣно, изъ котораго человѣческій желудокъ не вытянетъ ни одной питательной частицы, можетъ въ случаѣ необходимости, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ поддерживать существованіе лошади? Почему человѣкъ, оставленный въ луговой степи, рискуетъ умеретъ съ голоду, между тѣмъ какъ эти же самыя степи кормятъ многочисленныя стада буйволовъ? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы отъискивается въ различномъ устройствѣ органовъ пищеваренія. Эти органы у травоядныхъ животныхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ у плотоядныхъ, потому что растительная пища сравнительно съ животною нуждается въ бо́льшемъ количествѣ измѣненій, чтобы превратиться въ кровь и слѣдовательно должна дольше животной пищи пробыть въ желудкѣ и въ кишкахъ и дольше ея подвергаться дѣйствію пищеварительныхъ соковъ и кислотъ. «Пища, говоритъ Молешотъ, превратила дикую кошку въ ручную. Изъ плотояднаго животнаго съ короткимъ пищеварительнымъ каналомъ путемъ постепенной привычки изъ нея образовалось совершенно другое существо, которому длинный каналъ даетъ возможность переваривать растительную пищу, незнакомую ему въ естественномъ состояніи.» (Уч. о предм. пищи. Стр. 1.) «Человѣкъ занимаетъ средину между плотоядными и травоядными животными: зубы

и челюсти, желудокъ и кишки, слюнныя железки и жевательные мускулы его устроены такъ, что дѣлаютъ его способнымъ принимать и переваривать смѣшанную пищу (ibid. 180.) Вслѣдствіе этой смѣшанной пищи, кровь его также стоитъ по своему химическому составу по срединѣ между кровью чисто плотояднаго и кровью чисто травояднаго. Изъ крови вырабатываются ткани организма; свойствами крови обусловливаются свойства мускуловъ, зубовъ, желѣзокъ, костей, мозга, особенности ума и характера. Измѣните пищу человѣка, и весь человѣкъ мало-по-малу измѣнится. Переходъ отъ мяса къ сѣну такъ рѣзокъ, что человѣкъ его не вынесетъ, но путемъ постепенныхъ измѣненій можно довести человѣка до того, что онъ сдѣлается травояднымъ животнымъ, точно также, какъ кошка изъ животнаго плотояднаго сдѣлалась животнымъ способнымъ варить растительную пищу. Такой переходъ потребовалъ бы многихъ поколѣній, но въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго; сомнительно только, чтобы травоядный человѣкъ могъ быть вѣнцомъ созданія и человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Сомнительно, чтобы усовершенствованіе или вѣрнѣе усложненіе пищеварительныхъ органовъ не совершилось въ ущербъ развитію мозга. Можно выразить смѣлое предположеніе, что разнообразіе пищи, ведущее за собою разнообразіе составныхъ частей крови, служитъ основаніемъ разносторонности ума и гармоническаго равновѣсія между разнородными силами и стремленіями характера. Европеецъ доводитъ разнообразіе пищи до послѣднихъ предѣловъ; какъ гражданинъ міра, онъ не ограничивается произведеніями своей родины и питается всѣмъ, что приходится ему по вкусу; какъ человѣкъ занимаетъ средину между животными, такъ Европеецъ занимаетъ средину между людьми; растительная и мясная пища достигаютъ возможно полнаго равновѣсія въ репертуарѣ европейской кухни образованныхъ и зажиточныхъ классовъ. Поэтому въ Европейцѣ нѣтъ той дикости, которая характезируетъ собою племена звѣролововъ; нѣтъ и той сонливости, которою отличаются Индусы, питающіеся корнями и овощами; процессъ пищеваренія совершается легко и скоро; отягощеніе и лѣнь, порождаемыя сытнымъ обѣдомъ, продолжаются не болѣе часа, потому что смѣшанная пища разлагается легко и отсылаетъ въ кровь необходимый транспортъ матеріаловъ. Мозгъ тянетъ изъ крови столько фосфора, сколько понадобится; работа мысли идетъ широкимъ махомъ; возникаютъ философскія системы и художественныя произведенія, слагаются соціальныя теоріи и практическія усовершенствованія, является вѣра въ силы че-

ловѣчества и уваженіе къ человѣческому достоинству—и что же? Если даже побудительный толчокъ къ этимъ прекраснымъ движеніямъ лежитъ внѣ свойствъ нашей пищи, то конечно этимъ свойствамъ мы обязаны тѣми силами, которыя выполняютъ задуманное дѣло, и не даютъ замереть благороднымъ стремленіямъ и высокимъ (Уч. о предм. пищи. Стр. 181.)

IV.

Существеннѣйшая часть принимаемой нами пищи подвергается нѣсколькимъ, болѣе или менѣе важнымъ измѣненіямъ прежде нежели мы рѣшаемся взять ее въ ротъ. Никто не ѣстъ сыраго мяса или картофеля, никто не глотаетъ цѣликомъ зерна ржи или пшеницы. Поваренное искуство, развивавшееся помимо всякой научной теоріи, заботится только о томъ, чтобы угодить болѣе или менѣе утонченнымъ требованіямъ вкуса, а между тѣмъ, большая часть его распоряженій заслуживаетъ полнаго одобренія со стороны возникающей науки о предметахъ пищи. Цѣлый рядъ примѣровъ можетъ подтвердить собою ту мысль, что человѣчество руководилось безошибочнымъ инстинктомъ въ выборѣ и приготовленіи своихъ яствъ.—По извѣстному непріятному ощущенію жаждущій чувствуетъ, что его организмъ нуждается въ притокѣ воды; грудной ребенокъ кричитъ, когда чувствуетъ голодъ и успокоивается, когда начинаетъ сосать грудь; въ этихъ случаяхъ очевидно дѣйствуетъ природный инстинктъ, а не опытъ. Тотъ же природный инстинктъ выражается въ чувствѣ вкуса; когда мы находимся въ здоровомъ состояніи, то намъ нравится то, чего дѣйствительно требуетъ нашъ организмъ; намъ пріѣдается одна и та же пища, потому что она вноситъ въ нашу кровь слишкомъ много однихъ ингредіентовъ и слишкомъ мало другихъ; намъ никогда не надоѣдаетъ хорошая говядина. именно потому, что она доставляетъ намъ въ изобиліи всѣ составныя части нашей крови; намъ никогда не надоѣдаетъ чистая ключевая вода, именно потому, что этого матеріала всегда требуетъ наша кровь. Словомъ, организмъ нашъ заявляетъ свои требованія, по мѣрѣ того, какъ они возникаютъ, и мы по необходимости стремимся ихъ выполнить; мы чувствуемъ, что намъ чего-то хочется, и чувствуемъ, въ чемъ именно мы нуждаемся; для этого намъ нѣтъ надобности напрягать вниманіе; такъ называемыя животныя потребно-

сти и влеченія сказываются сами-собою и говорятъ громче и громче, до тѣхъ поръ, пока вы не заткнете имъ ротъ полнымъ удовлетвореніемъ. Духовную потребность вы можете отстрочить, или даже задушить въ себѣ, но бѣда вамъ будетъ, если вы вздумаете упрямиться и идти наперекоръ заявившей себя физической потребности. Разстройство организма, помраченіе умственныхъ способностей, общій упадокъ силъ,—вотъ тѣ послѣдствія, которыя неминуемо ведетъ за собою умышленная борьба съ собственнымъ тѣломъ. Тому, кто выбралъ однажды мрачную дорогу аскета, трудно повернуть назадъ и выбраться на вѣрный путь.

Неправильный образъ жизни развиваетъ органическія ткани, отклоняющіяся отъ нормы; неправильно слагающійся мозгъ порождаетъ дикія идеи и ведетъ къ нелѣпымъ заключеніямъ; эти заключенія образуютъ міросозерцаніе, въ которомъ каждый предметъ представляется въ своеобразныхъ размѣрахъ и окрашивается произвольными красками; жизнь смѣняется вѣчною галлюцинаціею; образъ жизни становится строже, потому что этого требуютъ дикія умозаключенія, и все это фантастическое зданіе завершается явленіемъ идіотизма или помѣшательства.—Къ счастью всего человѣчества, поваренное искуство никогда не шло въ-разрѣзъ съ потребностями нашей физической природы; оно дѣйствовало ощупью, и попадало въ цѣль безъ промаха, потому что старалось угодить требованіямъ нашего вкуса, а во вкусѣ всегда заявлялись дѣйствительныя нужды нашего организма.—Приведу нѣсколько примѣровъ.

Мы варимъ картофель и поступаемъ въ этомъ случаѣ очень раціонально.

Превращеніе крахмала въ сахаръ, долженствующее совершиться въ желудкѣ, значительно облегчается этою операціею. Въ сыромъ картофелѣ крахмалъ заключенъ въ видѣ маленькихъ зернушекъ въ клѣточки или пузырьки; оболочка этихъ клѣточекъ состоитъ изъ такой матеріи, которую желудочный сокъ разлагаетъ съ большимъ трудомъ. Дѣйствіе горячей воды разрушаетъ сцѣпленіе клѣточекъ между собою, и крахмальныя зернышки освобождаются изъ своихъ футляровъ; они приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ разлагающими слизями пищеварительныхъ органовъ и превращеніе ихъ въ сахаръ и въ жиръ значительно облегчается.

Крахмалъ хлѣбныхъ зеренъ освобождается изъ клѣточекъ уже тогда, когда дѣйствіе мельничныхъ жернововъ превращаетъ ихъ въ

муку. Просѣяваніе муки отдѣляетъ отъ нея отруби, т. е. мелкіе остатки клѣтчатки (Zellstoff). Печеніе хлѣба превращаетъ значительную часть крахмала въ сахаръ, и потому печеный хлѣбъ нетолько вкуснѣе сырой муки, но и удобоваримѣе ея.

Изъ гороха и чечевицы приготовляется супъ; этотъ супъ или похлѣбка протирается сквозь сито и шелуха гороховыхъ и чечевичныхъ зеренъ выбрасывается. Это значительно облегчаетъ работу желудка. Шелуха этихъ зеренъ состоитъ изъ очень плотной клѣтчатки, которая почти вовсе не поддается разлагающему дѣйствію желудочнаго сока. Еслибы мы стали цѣликомъ глотать горошины, какъ пилюли, то большая часть ихъ прошла бы черезъ пищеварительный каналъ совершенно неразложенною. Еслибы мы стали жевать горохъ, то зерна конечно разложились бы въ желудкѣ и въ кишкахъ, но шелуха составила бы совершенно лишнее бремя, и понапрасну засорила и распучила бы наши внутренности. Стало быть приготовленіе гороховой похлѣбки предлагаетъ нашему желудку питательныя вещества гороха въ очищенномъ и упрощенномъ видѣ.

Если изъ куска мяса хотятъ приготовить бульонъ, то это мясо кладутъ въ холодную воду, и эту воду кипятятъ вмѣстѣ съ мясомъ; если же хотятъ получить хорошій кусокъ вареннаго мяса, то мясо кладутъ прямо въ кипятокъ. Это правило, извѣстное каждой кухаркѣ, также имѣетъ свое разумное основаніе.

Въ сыромъ мясѣ мясныя волокна окружены особеннаго рода сокомъ, заключающимъ въ себѣ растворъ бѣлковины, различныхъ солей и азотистаго креатина (Fleischstoff). Этотъ растворъ отъ прикосновенія горячей воды свертывается и твердѣетъ; вокругъ мяса образуется корка, затрудняющая дѣйствіе воды на мясо; питательныя вещества остаются въ самомъ кускѣ и не выходятъ въ воду, и такимъ образомъ получается вареное мясо, сохраняющее весь свой вкусъ и всю питательность. Въ холодной водѣ, постепенно подогрѣваемой, распускается сокъ, окружающій мясныя волокна; онъ весь выходитъ изъ мяса и переходитъ въ воду, такъ что когда вода вскипитъ, то получится крѣпкій мясной наваръ и вываренный кусокъ мяса, котораго волокна легко отдѣляютса другъ отъ друга и сравнительно съ прежнимъ составомъ мяса, представляютъ мало питательности.

Жареное мясо удобоваримѣе, чѣмъ сырое. По изслѣдованіямъ Мульдера оказалось, что жареніе образуетъ уксусную кислоту, которая облегчаетъ собою пищевареніе; маринованное мясо, т. е. мясо,

вымоченное въ уксусѣ, переваривается также легче сыраго мяса. Очень жирное мясо, напр. свинину, обыкновенно солятъ, потому что соленое сало переваривается легче сыраго жира. Употребленіе разныхъ приправъ, перца, гвоздики, лавроваго листа, мускатнаго орѣха, употребленіе сахара, стараго сыра, вина и ликера основано также на требованіяхъ нашего желудка; если пользоваться всѣми этими приправами съ благоразумною умѣренностью, то всѣ онѣ могутъ содѣйствовать пищеваренію, ускорять въ нашемъ тѣлѣ обмѣнъ соковъ и передвиженіе частицъ, и слѣдовательно усиливать дѣйствіе нервовъ воспринимающихъ впечатлѣніе и выработывающихъ мысль. На умѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ Молешотъ смотритъ очень снисходительно; попытки разныхъ филантроповъ и обществъ трезвости онъ считаетъ нетолько практически безполезными, но даже теоретически неразумными. Алкоголь, говоритъ онъ, замедляетъ сгараніе органическихъ тканей, такъ что работникъ, выпивающій чарку водки послѣ своего скуднаго обѣда, не такъ скоро проголодается, какъ его товарищъ, не употребляющій крѣпкихъ напитковъ. «Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, продолжаетъ онъ, что было бы жестоко отнимать у поденщика, который въ потѣ лица заработываетъ себѣ кусокъ хлѣба, средство подольше удерживать въ своемъ тѣлѣ скудную пищу. Пусть дадутъ ему обильное пропитаніе, тогда онъ будетъ въ состояніи обходиться безъ водки. Пока не позаботятся о томъ, чтобы работа должнымъ образомъ прокармливала человѣка, до тѣхъ поръ будетъ казаться насмѣшкою наше желаніе устранить менѣе хорошее, не давая и не умѣя дать лучшаго. Или, можетъ быть, слѣдуетъ отмѣнить употребленіе, водки, потому что оно дѣлаетъ возможнымъ злоупотребленіе? Тогда попробуйте сначала опровергнуть тотъ упрекъ, что вы унижаете нравственное достоинство человѣка, если заставляете его отказываться отъ наслажденія, во избѣжаніе скотскаго разврата. Аскетъ, требующій строгаго цѣломудрія, насилуетъ человѣческую природу; точно также насилуетъ ее врачъ, требующій уничтоженія водки, на томъ основаніи, что на свѣтѣ есть пьяницы. Гёте далъ новому міросозерцанію прекрасный лозунгъ: memento vivere! (помни, что нужно жить!). Кто проповѣдуетъ уничтоженіе водки, тотъ переноситъ насъ въ средневѣковое католичество, которое душило лучшій цвѣтъ человѣчности безобразнымъ девизомъ: memento mori! (помни, что нужно умереть.) (Уч. о предм. пищи. Стр. 148.)

V.

Мы видѣли такимъ образомъ, что приготовленіе пищи въ нашихъ кухняхъ основано на инстинктивно понятыхъ потребностяхъ нашего организма.

На томъ же инстинктивномъ пониманіи этихъ потребностей основано смѣшеніе нашихъ кушаній между собою, порядокъ, въ которомъ онп слѣдуютъ другъ за другомъ въ обѣдѣ, и старанія разнообразить репертуаръ обѣда, такъ чтобы сегодня не повторялось то, что подавалось вчера.—Мясо напр. подается обыкновенно съ какимъ нибудь соусомъ, и соусъ этотъ состоитъ изъ какихъ нибудь овощей.

Причина объясняется очень просто. Мясо даетъ нашей крови необходимое количество бѣлковины, а овощи сообщаютъ ей тѣ вещества, изъ которыхъ образуется жиръ; сверхъ того, они содержатъ въ себѣ значительное количество солей, облегчающихъ собоюувариваніе мяса. Если же приправою къ мясу постоянно служитъ одинъ сортъ овощей, то очень понятно, что въ кровь вносится постоянно та соль, которая преобладаетъ въ данномъ овощѣ; въ другихъ соляхъ и минеральныхъ частицахъ чувствуется недостатокъ, и этотъ недостатокъ обнаруживается въ томъ, что намъ надоѣдаетъ и пріѣдается одна и та же приправа, и мы съ удовольствіемъ принимаемся за что нибудь новое. Напр. въ рѣпѣ мало желѣза, а въ шпинатѣ его очень много; если на вашемъ столѣ въ продолженіи трехъ дней будетъ появляться рѣпа, то на четвертый день вы съ удовольствіемъ увидите шпинатъ, именно потому, что онъ способенъ пополнить возникшій въ крови недостатокъ желѣза.—Мы видимъ такимъ образомъ, что главное назначеніе принимаемой пищи состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать въ нашемъ организмѣ необходимое количество и нормальный химическій составъ крови. Очевидно, что нетолько качество, но и количество пищи должно быть въ этомъ случаѣ принято въ соображеніе. Какъ бы ни была пища питательна и удобоварима, но если ея такъ мало, что она не покрываетъ расходовъ нашего тѣла, то мы постоянно будемъ терять больше, чѣмъ будемъ получать; сводить концы съ концами будетъ невозможно, и всѣ наши жизненныя отправленія будутъ страдать отъ недостаточнаго питанія. Бѣлковина, заключающаяся въ крови, постепенно перегараетъ, и, превращаясь въ моче-

вину, въ мочевую кислоту, въ углекислоту и въ воду, выбрасывается изъ нашего тѣла разными каналами и путями. Жиръ и вещества, служащія къ его образованію, также выдѣляются въ формѣ воды и углекислоты. Съ каждымъ выдыханіемъ выходитъ изъ нашего тѣла извѣстная часть пережженой бѣлковины и пережженаго жира. Каждый разъ, когда мы испражняемся, съ нашими испражненіями выходитъ желчная кислота, образовавшаяся изъ жира. Каждый разъ, когда мы выпускаемъ мочу, изъ нашего тѣла выдѣляются разныя соли и минеральныя частицы. Въ теченіи 24 часовъ различныя выдѣленія и испражненія уменьшаютъ вѣсъ нашего тѣла на $^1/_{14}$ часть. Этотъ ущербъ долженъ быть пополненъ, если мы на завтрашній день желаемъ сохранить ту сумму силъ, которою владѣли сегодня. Около четвертой части понесеннаго ущерба покрывается тѣмъ количествомъ кислорода, который мы вдыхаемъ въ атмосферномъ воздухѣ, остальныя три четверти должны быть пополнены пищею и питьемъ.

Такимъ образомъ, чтобы не почувствовать ослабленія, мы должны въ теченіи сутокъ принимать такое количество питательныхъ веществъ, котораго вѣсъ былъ немного больше $^1/_{19}$ части всего вѣса нашего тѣла. Если предположить, что въ вашемъ тѣлѣ 4 пуда вѣса, то вы въ теченіи сутокъ должны принимать пищи отъ $8^1/_2$ до 9 фунтовъ; если вы цѣлыя сутки пробудите на одномъ мѣстѣ въ совершенномъ спокойствіи, то количество выдѣленій будетъ меньше и меньшее количество пищи будетъ въ состояніи поддержать вашу жизнь и вѣсъ вашего тѣла. Но мы ѣдимъ не для того, чтобы жить, говоритъ Молешотъ. «Наука конечно интересуется тѣмъ, при какой діетѣ человѣкъ можетъ не умереть, но человѣчеству важно знать то, при какой пищѣ мужчина способенъ работать, а женщина—кормить своихъ дѣтей.» Чѣмъ сильнѣе работа, тѣмъ обильнѣе и питательнѣе должна быть пища. «Когда идетъ дѣло о лошадяхъ и о конской работѣ, говоритъ Мульдеръ, тогда никто не сомнѣвается въ томъ, что пища должна соотвѣтствовать работѣ. Не сѣно, а овесъ способенъ удовлетворять потребностямъ лошадинаго организма, когда лошадь должна работать какъ слѣдуетъ. А при напряженной работѣ и овесъ оказывается недостаточнымъ; тогда лошадей надо кормить бобами. Лошадямъ даютъ то, что имъ необходимо! А людямъ?» (!) Такимъ образомъ, наибольшую практическую важность имѣетъ въ нашихъ глазахъ количество пищи, необходимое человѣку для того, чтобы жить полною, человѣческою жизнью, чтобы работать и мыслить, чтобы чувствовать

и любить, чтобы производить дѣтей и выкармливать ихъ, а не для того только, чтобы прозябать и предохранять свои органическія ткани отъ окончательнаго разрушенія. Изслѣдованія Молешота доводятъ его до слѣдующихъ результатовъ. Сумма всей пищи должна равняться 7-ми фунтамъ; на это количество приходится почти $5^3/_4$ фунтовъ воды. Твердыхъ веществъ требуется немного больше $1^1/_4$ фунта; (125 золотниковъ); въ томъ числѣ должно быть около 25 золотниковъ бѣлковины, около 14 золотниковъ чистаго жира, около 80 золотниковъ веществъ способныхъ превратиться въ жиръ, и окого 6 золотниковъ солей и минеральныхъ частицъ. Молешотъ допускаетъ, что отдѣльныя личности уклоняются отъ этихъ цифръ въ ту или другую сторону, но онъ утверждаетъ, что эти цифры могутъ быть смѣло приняты въ основаніе разсчета, когда дѣло идетъ о запасеніи провіанта для крѣпости или для экипажа корабля. Жиръ, сахаръ и крахмалъ могутъ замѣнять другъ-друга въ этомъ разсчетѣ; но бѣлковина, которой требуется только 25 золотниковъ въ сутки, не можетъ быть замѣнена никакимъ другимъ веществомъ. Дешевая растительная пища, богатая крахмаломъ, обыкновенно бѣдна бѣлковиною и потому количество бѣлковины въ большей части случаевъ опредѣляетъ собою степень питательности. Бѣлковина всего дороже, потому что ея мало, и потому, что она въ достаточномъ количествѣ встрѣчается большею частью въ такой пищѣ, которая по дорогой цѣнѣ своей мало доступна рабочему классу. Изъ предметовъ растительной пищи только чечевица, бобы и горохъ содержатъ въ себѣ столько бѣлковины, что одного фунта этой пищи почти достаточно, чтобы удовлетворить въ этомъ отношеніи требованіямъ организма на цѣлыя сутки. Печенаго хлѣба надо съѣсть для достиженія той же цѣли около трехъ фунтовъ, рису болѣе 5 фунтовъ, картофеля 20 фунтовъ, цвѣтной капусты 52 фунта, а грушъ 110 фунтовъ. Питаться фруктами работнику нѣтъ никакой возможности; питаться картофелемъ тоже мудрено. Мясо, горохъ, или печеный хлѣбъ одни въ состояніи поддерживать силы человѣка, доставляя ему необходимый процентъ бѣлковины, и потому конечно позволительно выразить желаніе, чтобы бобы, горохъ и чечевица вытѣснили собою картофель, занимающій самое почетное мѣсто въ пропитаніи неимущихъ классовъ Ирландіи и Германіи. Такого рода измѣненіе могло бы повести за собою улучшеніе породы, укрѣпленіе народнаго здоровья и возвышеніе національнаго самосознанія. Значеніе употребляемой пищи въ развитіи историческихъ событій до

сихъ поръ еще не было достаточно принято въ соображенiе, и даже Бёкль выразилъ насчетъ этого предмета однѣ догадки, которыя ожидаютъ еще въ будущемъ опроверженiя или подтвержденiя. — Мы видѣли выше, что здоровый человѣкъ въ теченiи 24 часовъ долженъ принять около семи фунтовъ пищи; эта средняя величина измѣняется смотря по времени года, смотря по полу и возрасту субъекта и смотря по той степени напряженiя, которой требуетъ отъ него его работа. Зимою мы ѣдимъ больше чѣмъ лѣтомъ, если только предположить, что дѣятельность наша остается одинаковою; зимою мы больше чѣмъ лѣтомъ выдыхаемъ углекислоты и выдѣляемъ мочи. Расходъ нашего тѣла черезъ это увеличивается, и сообразно съ этимъ долженъ увеличиваться и приходъ. Каждый замѣчалъ, что аппетитъ уменьшается во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ; въ это время организмъ нашъ собственными средствами развиваетъ меньшую степень животной теплоты, пережигаетъ меньшее количество бѣлковины и жира, и потому нуждается въ меньшемъ количествѣ топлива. Праздность значительно уменьшаетъ скорость обмѣна матерiи. Люди богатые, непривычные ни къ физической, ни къ умственной работѣ, обыкновенно не въ мѣру толстѣютъ, страдаютъ приливами крови, жалуются на недостатокъ аппетита и стараются расшевелить его искуственными средствами и замысловатыми приправами. Женщины выдыхаютъ только двѣ трети того количества углекислоты, которое выдыхаютъ мужчины; вслѣдствiе этого онѣ ѣдятъ обыкновенно меньше мужчинъ. Старики выдѣляютъ также меньше взрослыхъ мужчинъ, и этимъ обстоятельствомъ объясняется то уменьшенiе аппетита, которое обыкновенно замѣчается подъ старость. Грудной ребенокъ и юноша, не достигшiй еще полнаго развитiя силъ, выдѣляютъ относительно величины своего тѣла больше углекислоты и мочевины, чѣмъ взрослый мужчина. Кромѣ того и ребенокъ и юноша ростутъ, слѣдовательно приходъ долженъ превышать расходъ, потому что только избытокъ принимаемой пищи даетъ матерiалы для увеличенiя объема тѣла и для укрѣпленiя всѣхъ органическихъ тканей. Стало быть, еслибы мы стали опредѣлять количество пищи, необходимое для ребенка, сравнивая размѣры его тѣла съ размѣрами нашего, то мы рисковали бы заморить его голодомъ, и во всякомъ случаѣ значительно остановили бы его ростъ. Во-первыхъ, ребенокъ выдѣляетъ сравнительно больше взрослаго, во-вторыхъ, онъ растетъ, слѣдовательно по этимъ двумъ причинамъ нуждается въ бо́льшемъ количествѣ пищи, чѣмъ нуждался бы карликъ

зрѣлаго возраста и одинаковой величины съ нашимъ субъектомъ. «Съ того дитя растетъ,» говорятъ русскія няньки, видя, что окружающіе удивляются аппетиту ихъ питомцевъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, данныя науки оправдываютъ народное изреченіе, основанное на непосредственномъ опытѣ. Если ребенокъ не пріученъ къ лакомствамъ, и если онъ требуетъ себѣ простой пищи, то можно давать ему столько, сколько онъ пожелаетъ. Неиспорченная природа не потребуетъ лишняго и не создастъ себѣ искуственныхъ нуждъ. Животныя объѣдаются очень рѣдко и нѣтъ причины думать, чтобы ребенокъ, неизбалованный воспитаніемъ, составилъ въ дурную сторону исключеніе изъ общаго правила.

VI.

Вопросъ о сравнительной цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ съ каждымъ десятилѣтіемъ становится существеннѣе и важнѣе. Въ западной Европѣ, въ Англіи, во Франціи и въ Германіи, при густомъ и постоянно возрастающемъ населеніи, пролетаріи обращаютъ на себя вниманіе государственныхъ людей и ученыхъ, соціалистовъ и филантроповъ. Вѣдь нельзя же цѣлымъ тысячамъ работниковъ и работницъ оставаться безъ куска хлѣба, нельзя же имъ умирать голодною смертью, а между тѣмъ, нельзя же требовать, чтобы хлѣбъ, овощи и мясо составляли общую собственность, подобно тому, какъ составляютъ общую собственность атмосферный воздухъ, солнечный свѣтъ и рѣчная вода. Надо стало-быть подумать о томъ, чтобы неимущіе могли собственными руками зарабатывать себѣ здоровую пищу, которая могла бы сообщать ихъ мышцамъ силу для новой работы, а ихъ мозговымъ нервамъ живую бодрость и постоянно обновляющійся притокъ надежды. Въ 1679 году Папенъ предложилъ приготовлять пищу изъ костей; кости эти подвергались сильному давленію, вывариваліcь въ кипяткѣ и превращались такимъ образомъ въ клей или студень. Обстоятельства замяли проэктъ Папена, но когда французская революція выдвинула впередъ вопросъ о пролетаріяхъ, коммиссія знаменитыхъ тогдашнихъ врачей получила приказаніе разсмотрѣть это предложеніе, остававшееся подъ спудомъ впродолженіи цѣлаго столѣтія. Каде де-Во, Жемберна,

Пеллетье, д'Арсе и другіе объявили, что кости даютъ превосходную пищу, что одинъ фунтъ костей даетъ столько навару, сколько давали шесть фунтовъ говядины, и что супъ изъ костей во всѣхъ отношеніяхъ лучше говяжьяго бульона. Такъ - называемый румфордовскій супъ, приготовленный изъ костей, былъ даже введенъ въ госпитали и въ инвалидные дома. Но больнымъ и инвалидамъ отъ этого супа не поздоровилось, и новой коммиссіи поручено было снова разсмотрѣть дѣло; членами этой коммиссіи были между прочими Дю-Пюитренъ и Мажанди; результаты новаго изслѣдованія были вовсе неутѣшительны. Оказалось, что румфордовскій супъ легко подвергается гніенію, что онъ не вкусенъ, обременителенъ для желудка и вовсе не такъ питателенъ, какъ мясной наваръ. Новѣйшія изслѣдованія подтвердили мнѣніе второй коммиссіи и теперь можно сказать рѣшительно, что супъ изъ костей настолько же дороже мяснаго супа, насколько дурное сукно дороже хорошаго. Конечно, порція костянаго супа и аршинъ плохаго сукна можно получить за меньшее количество денегъ, чѣмъ порцію мяснаго навара и аршинъ хорошаго сукна, но если вы примете въ соображеніе сравнительную питательность обоихъ суповъ и сравнительную прочность обѣихъ матерій, то вы увидите, что, покупая болѣе дорогую вещь, вы сберегаете деньги, потому что обезпечиваете себя отъ новыхъ тратъ на болѣе долгое время, и доставляете себѣ существенную, а не воображаемую пользу.

Въ новѣйшее время, въ 1849 году, французскій ученый Мильонъ предложилъ печь хлѣбы изъ непросѣянной муки, говоря, что отдѣляющіеся отруби уносятъ съ собою множество самыхъ питательныхъ частицъ. Коммиссія, разсматривавшая вопросъ о костяхъ, бралась подарить Франціи огромное количество пропадавшей до того времени говядины. Мильонъ сулилъ Франціи такую же огромную прибыль въ сбереженіи отрубей. «Еслибы, говоритъ онъ, кто нибудь вдругъ объявилъ, что ему удалось обогатить Францію на нѣсколько милліоновъ гектолитровъ очень питательной пищи, не увеличивая трудовъ земледѣльца и не отнимая ни вершка земли у какого нибудь другаго растенія; еслибы этотъ человѣкъ сталъ утверждать, что эта пища въ сравненіи съ пшеничною мукою содержитъ въ себѣ больше клейковины и вдвое больше жира, и что остальныя ея части, за исключеніемъ 10 процентовъ клѣтчатки, легко превращаются въ кровь, то можно было бы подумать, что онъ бредитъ или видитъ сонъ. А между тѣмъ эта пища дѣйствительно существуетъ; она на-

ходится въ пшеницѣ и ее удаляютъ изъ пшеницы съ большимъ трудомъ. У пшеницы отнимаютъ значительную часть ея азота, ея жира, ея крахмала, солей, вкусныхъ и пряныхъ матеріаловъ для того только, чтобы освободиться отъ нѣсколькихъ тысячныхъ долей клѣтчатки». Это краснорѣчивое воззваніе Мильона, напечатанное въ Annales de chimie et de physique» за 1849 годъ, встрѣтило себѣ правдивое опроверженіе. «Хлѣбопашецъ и садовникъ, пишетъ Бушарда, люди постоянно работающіе и находящіеся въ постоянномъ движеніи, могутъ переваривать рѣшетный хлѣбъ; отруби, заключающіеся въ этомъ хлѣбѣ, находятъ себѣ полезное назначеніе. Но если вы дадите этотъ хлѣбъ слабому старику, то отруби, не разложившись, пройдутъ черезъ его кишечный каналъ, потому что пищеваренію помѣшаетъ плотность питательныхъ частицъ и тотъ слой клѣтчатки, въ которомъ онѣ заключены. Не экономнѣе ли будетъ въ этомъ случаѣ отдать отруби и мякину рогатому скоту, и получить отъ него взамѣнъ мясо и молоко, въ высшей степени полезныя для людей съ слабыми пищеварительными органами.»

Солдаты, получающіе въ крѣпостяхъ рѣшетный хлѣбъ, по словамъ Молешота, часто продаютъ свой паекъ, и покупаютъ себѣ хлѣбъ изъ просѣянной муки. Дѣло въ томъ, что только сильный желудокъ способенъ переносить рѣшетный хлѣбъ, и каждый согласится съ тѣмъ, что пріятнѣе избѣгать разстройства, нежели лѣчиться отъ него. «Всякій, говоритъ Молешотъ, съ бо̀льшимъ удовольствіемъ понесетъ деньги къ булочнику, чѣмъ къ аптекарю.»

Эти два примѣра показываютъ ясно, что когда дѣло идетъ о пищѣ, то сравнительная дешевизна съѣстныхъ припасовъ опредѣляется нетолько тою суммою денегъ, которая за нихъ заплачена. Возъ соломы дешевле четверти овса, но ежели вы станете кормить вашихъ лошадей соломою, то навѣрное въ концѣ концовъ останетесь въ убыткѣ. Картофель дешевле мяса, но если вы станете питаться картофелемъ, то навѣрное придете къ непріятнымъ и разорительнымъ результатамъ. Дешевымъ можно назвать то средство, которое съ наименьшими издержками ведетъ насъ къ желанной цѣли; если же, платя ничтожную сумму, мы не достигаемъ предположенной цѣли, то мы бросаемъ деньги на вѣтеръ, и утѣшаемся только тѣмъ, что бросаемъ ихъ мелкими клочками. Развѣ картофель можетъ быть названъ дешевою пищей? Развѣ онъ исполняетъ назначеніе пищи? Если онъ обманываетъ голодъ, то на это есть средства еще болѣе дешевыя;

стоитъ только покрѣпче затянуть себѣ животъ, какъ дѣлаютъ то австралійскіе дикари, и вы этимъ средствомъ на нѣсколько часовъ укротите мучительное чувство голода; вы не дадите новой силы вашему организму, но этого не сдѣлаетъ и картофель; вся разница въ томъ, что картофельная діэта ослабитъ и разстроитъ васъ мало-помалу и на медленномъ огнѣ сожжетъ ваши силы, между тѣмъ какъ голодъ разрушитъ ихъ быстро и заставитъ васъ испытать острыя мученія вмѣсто хронической болѣзни. Есть ли между тѣмъ и другимъ чувствительная разница?—это такой вопросъ, рѣшеніе котораго совершенно зависитъ отъ вашего вкуса, если дѣло идетъ о васъ самихъ; но если вы администраторъ или филантропъ, если вы обязаны или желаете обсуживать и рѣшать вопросы народнаго продовольствія, тогда будьте осторожны и не рекомендуйте той или другой дешевой пищи, не справившись съ тѣмъ, насколько она питательна и здорова. Гокинсъ, познакомившій Ирландію съ картофелемъ, оказалъ ей плохую услугу; его можно оправдать только его невѣдѣніемъ; привести же невѣжество въ оправданіе какого нибудь современнаго намъ дѣятеля было бы безсмысленно, потому что теперь физіологія, діэтетика, гигіена возвысились до степени науки; кто не знакомъ съ успѣхами науки, тотъ рѣшительно неспособенъ быть судьею въ какомъ бы то ни было важномъ вопросѣ практической жизни, тотъ рѣшительно неспособенъ быть благодѣтелемъ человѣчества въ какомъ бы то ни было отношеніи. Время случайныхъ открытій миновало; усовершенствованія выработываются, а не родятся сами-собою. Микроскопъ и химическій анализъ, вотъ орудія современнаго прогресса, и при помощи этихъ орудій Молешотъ дошелъ до одного простаго, частичнаго, но существенно важнаго результата. Онъ доказалъ, что обработка стручковыхъ растеній (чечевицы, гороха, бобовъ и фасоли) должна вытѣснить обработку картофеля. За первыми больше хлопотъ и издержекъ, но зато эти растенія даютъ такую пищу, которая во всѣхъ отношеніяхъ можетъ замѣнить собою мясо, недоступное по своей цѣнѣ бѣднымъ работникамъ западной Европы. Недостаточность картофеля, какъ главной пищи, сознается всѣми свѣдущими людьми. Съ разныхъ сторонъ слышатся предложенія замѣнить его какимъ нибудь заморскимъ еще не акклиматизованнымъ растеніемъ. Верро хвалитъ корни трюфелевиднаго растенія, прозябающаго въ средней Африкѣ и извѣстнаго подъ англійскимъ именемъ *native bread* (туземный хлѣбъ). Боскъ рекомендуетъ корни *Glycine Apios* растущей въ Каролинѣ;

Трекюль указываетъ на Apios tuberosa, находящуюся въ Миссури; Мульдеръ говоритъ объ обиліи бѣлковины, заключающейся въ корняхъ *Ullico tuberosus*. Всѣ эти растенія съ мудреными названіями надо еще пріучать къ европейской почвѣ, а между тѣмъ горохъ, бобы и чечевица цвѣтутъ на нашихъ глазахъ, и нуждаются только въ томъ, чтобы мы расширили масштабъ ихъ обработки. Простой, чисто-житейскій совѣтъ Молешота, основанный въ то же время на тщательномъ анализѣ составныхъ частей рекомендуемыхъ имъ растеній, во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе европейскихъ агрономовъ. Если мысль Молешота можетъ быть осуществлена на дѣлѣ, то послѣдствія этого осуществленія навѣрное будутъ имѣть самое благотворное вліяніе на улучшеніе народной нравственности, на развитіе народнаго богатства, на усиленіе народной дѣятельности и предпріимчивости.

VII.

Послѣ всего, что было говорено выше, трудно сомнѣваться въ томъ вліяніи, которое оказываетъ пища на темпераментъ, на направленіе и дѣятельность мысли, словомъ, на весь нравственный и интеллектуальный характеръ человѣка. Есть осязательные факты, способные убѣдить самаго необузданнаго идеалиста. Въ кузницахъ департамента Тарнъ рабочихъ постоянно кормили растительною пищею; по ежегоднымъ отчетамъ оказывалось, что каждый работникъ круглымъ числомъ проводилъ въ году 15 дней въ лазаретѣ. Въ 1833 году Талабо, назначенный главнымъ начальникомъ этихъ заведеній, ввелъ мясную пищу, и здоровье рабочихъ поправилось такъ сильно, что уже только три дня въ году приходилось на болѣзни. При этомъ нужно принять въ соображеніе то, что рабочій уходилъ въ лазаретъ тогда, когда уже чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ къ работѣ, что онъ нѣсколько времени перемогался, работалъ черезъ силу, старался выходиться и переломить болѣзнь; окажется, что 15 дней лежанія въ больницѣ равняются нѣсколькимъ мѣсяцамъ ненормальнаго состоянія, мрачнаго и раздражительнаго расположенія духа. Здоровая пища въ пять разъ уменьшила число больничныхъ

дней; ясно, что она вмѣстѣ съ тѣмъ значительно измѣнила характеръ рабочихъ; кто впятеро рѣже бываетъ боленъ, тотъ по крайней мѣрѣ вдвое веселѣе и бодрѣе, у того по крайней мѣрѣ вдвое успѣшнѣе идетъ работа и вслѣдствіе этого вдвое больше родится надеждъ и предпріятій. Ирландцы, переселяющіеся въ Америку, часто представляютъ замѣчательные примѣры физическаго и нравственнаго превращенія. Изнуренный и органически испорченный картофельною діэтою, Ирландецъ лѣнивъ по слабости, вслѣдствіе химическаго состава крови, и не годится у себя дома ни на какую работу. Тотъ же Ирландецъ переѣзжаетъ въ Америку, подкрѣпляетъ свои силы сочнымъ мясомъ—и становится другимъ человѣкомъ; мускулы становятся тверже, работа идетъ успѣшнѣе; смѣлость, предпріимчивость, веселая бодрость и самоуваженіе, естественныя слѣдствія здоровья и успѣшной дѣятельности, вытѣсняютъ мало-по-малу прежнія, неутѣшительныя черты ирландскаго характера; Ирландецъ перерождается на новой почвѣ и становится другимъ человѣкомъ вслѣдствіе обильной и здоровой пищи. Различіе типовъ въ различныхъ сословіяхъ навѣрное находится въ связи съ свойствами принимаемой ими пищи. Насколько свойства пищи имѣютъ вліяніе на особенности народнаго характера, это опредѣлятъ, вѣроятно, болѣе тщательныя изслѣдованія; здѣсь достаточно будетъ привести нѣсколько общихъ замѣчаній. Племена, питающіяся звѣриною ловлею, отличаются большею частью физическою силою и отвагою; тѣми же свойствами, хотя не въ такой сильной степени, одарены кочевые народы, питающіеся молокомъ и мясомъ; многіе расположены искать причины этихъ свойствъ въ образѣ жизни этихъ племенъ; но при этомъ не должно забывать, что образъ жизни развивается изъ особенностей темперамента, что темпераментъ обусловливается преимущественно химическимъ составомъ крови, и что кровь выработывается изъ принимаемой пищи. Невозможно отрицать вліяніе мѣстности и климата, но невозможно также не видѣть, что эти условія дѣйствуютъ уже на нѣчто данное, на существующее тѣло, и что слѣдовательно всего важнѣе вопросъ: изъ чего составилось это тѣло? Вопросъ о принимаемой пищѣ равносиленъ этому вопросу и слѣдовательно всего ближе подходитъ къ вопросу о личномъ характерѣ человѣка. «Пока Яванцы будутъ питаться преимущественно рисомъ, а суринамскіе Негры банановою мукою, до тѣхъ поръ они будутъ подчинены Голландцамъ», говоритъ Молешотъ. Безъ сомнѣнія, преобладаніе Англичанъ и Голландцевъ надъ туземцами сво-

ихъ колоній зависитъ преимущественно отъ большаго развитія мозга; мозгъ зависитъ отъ химическаго состава крови, а кровь отъ пищи. Сравните, напримѣръ, кротость Отаитянъ, питающихся плодами, съ дикостью Новозеландцевъ, упивающихся кровію своихъ враговъ,». (Физ. эск. стр. 91). Въ дѣйствіи вина на организмъ и на мыслительныя способности человѣка всего ярче обнаруживается наша зависимость отъ матеріи; нѣсколько рюмокъ крѣпкаго напитка измѣняютъ человѣка совершенно; если онъ былъ грустенъ, онъ становится веселъ; если онъ былъ сосредоточенъ, онъ становится сообщителенъ; шутки, остроты, откровенныя изліянія, внезапные порывы гнѣва, неожиданные припадки чувствительности—рядъ словъ и поступковъ, на которые тотъ же самый человѣкъ никогда бы не рѣшился при другихъ условіяхъ, становится естественнымъ въ его собственныхъ глазахъ и понятнымъ для всѣхъ окружающихъ; всѣ говорятъ: «онъ пьянъ» и извиняютъ многое, чего не извинили бы трезвому. Состояніе пьянаго человѣка рѣзко отдѣляютъ отъ нормальнаго положенія; это дѣлаютъ потому, что напряженіе силъ и нервовъ, произведенное дѣйствіемъ вина, продолжается очень не долго и вскорѣ смѣняется разслабленіемъ организма и усыпленіемъ субъекта; сверхъ того это напряженіе рѣзко бросается въ глаза и потому невольно кажется намъ подозрительнымъ и какъ будто болѣзненнымъ. Но сравните между собою двухъ трезвыхъ людей: одинъ изъ нихъ хладнокровенъ и разсудителенъ, споритъ спокойно, возражаетъ мягко, дѣлаетъ жесты умѣренные и скромные; другой горячъ и впечатлителенъ, споритъ съ ожесточеніемъ, кричитъ на васъ, машетъ руками, и во всякую минуту готовъ вамъ наговорить дерзостей, въ которыхъ черезъ четверть часа будетъ просить извиненія. Еслибы эти два господина, А. и В. помѣнялись между собою ролями, вы навѣрное подумали бы, что А. пьянъ, а В. болѣнъ, и потому не въ мѣру тихъ и кротокъ. Между тѣмъ А. не дѣлалъ бы ничего неприличнаго; онъ только обнаруживалъ бы ту степень страстности, съ которою вы уже совершенно освоились въ В.; разница между прежнимъ А. и теперешнимъ показалась бы вамъ поразительною только потому, что та возникла вдругъ, безо всякихъ переходовъ и промежуточныхъ инстанцій. Если вы сегодня видѣли 10-ти-лѣтняго ребенка, который приходится вамъ по-поясъ, и черезъ четверть часа увидите, что тотъ же самый ребенокъ приходится вамъ по плечо, то вы скажете, конечно, что его поставили на ходули; но если вы увидите того же ребенка лѣтъ черезъ пять,

то васъ даже нисколько не удивитъ происшедшая въ немъ перемѣна, единственно потому, что вы видѣли или можете предположить промежуточныя инстанціи. Еслибы, видаясь постоянно съ А., вы видѣли и замѣчали, что его спокойная природа становится постепенно живѣе и страстнѣе, и еслибы, лѣтъ черезъ пять, онъ сдѣлался очень похожъ на В., то вы вѣроятно не стали бы объяснять дѣйствіемъ вина эту страстность и впечатлительность. Вы только сказали бы, припоминая прошлое, что въ характерѣ вашего знакомаго произошла значительная перемѣна; эта перемѣна, совершившаяся внезапно, могла бы васъ озадачить и испугать; совершаясь постепенно, она васъ будетъ радовать; вы увидите въ ней признакъ здоровья и возрастающей силы. Слабая степень опьяненія оказывается такимъ образомъ усиленіемъ и ускореніемъ кровообращенія, произведеннымъ внезапно, и вслѣдствіе этого, продолжающимся недолго. Укрѣпляющая пища, принимаемая въ изобиліи, произведетъ, при продолжительномъ дѣйствіи на организмъ, тѣ же явленія, которыя производитъ лишняя рюмка крѣпкаго вина, съ тою только существенною разницею, что эти явленія будутъ нормальнымъ достояніемъ организма, а не результатомъ временнаго возбужденія. Наша зависимость отъ вѣчныхъ свойствъ матеріи, выражающаяся рѣзко въ дѣйствіи вина на организмъ, выражается не такъ рѣзко, но зато болѣе прочнымъ образомъ, въ дѣйствіи мясной и растительной пищи. Эту зависимость хорошо понимали поборники аскетизма; воздержаніе отъ мясной пищи было необходимо для достиженія ихъ цѣлей; надо было ослабить мускулы и разводянить кровь, чтобы пріучить человѣка къ изнуренію плоти. Всѣ мы знаемъ по опыту, что воздержаніе отъ мясной пищи уменьшаетъ половое влеченіе; противъ этого никто не споритъ, какъ противъ существующаго факта; а допуская это обстоятельство, можно ли долѣе сомнѣваться въ зависимости всего нравственнаго характера отъ химическаго состава пищи. Развѣ могутъ смотрѣть одними глазами на разнообразныя явленія жизни сильный и слабый, здоровый и больной, человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и аскетъ, изуродованный образомъ жизни и питанія? Краски и звуки окружающей природы, дѣйствія и личности близкихъ людей, движенія собственной мысли и собственнаго чувства—словомъ, всѣ матеріалы, надъ которыми работаетъ зиждущая дѣятельность нашего мозга, представятся въ различномъ свѣтѣ этимъ двумъ діаметрально-противоположнымъ типамъ. Тамъ, гдѣ здоровый и сильный человѣкъ увидитъ только пестроту и

разнообразіе явленій, привлекательную игру жизни, тамъ слабый и больной увидитъ тщету міра сего, суетность земной красоты, неразумное и незаконное уклоненіе отъ вѣчной нормы; тамъ, гдѣ первый снисходительно улыбнется, тамъ второй нахмуритъ брови; тамъ, гдѣ первый увлечется живымъ порывомъ, тамъ второй призоветъ на помощь суровыя требованія идеала; то, что первый пойметъ и оправдаетъ инстинктомъ сердца, силою чувства, то осудитъ второй педагогическимъ приговоромъ сухаго разсудка, вращающагося въ ограниченной сферѣ одностороннихъ отвлеченностей.

«Сытый голоднаго не разумѣетъ,» говоритъ русская пословица, и эту пословицу въ самомъ буквальномъ смыслѣ можно приложить ко всѣмъ сферамъ духовной дѣятельности человѣчества. Разладъ между сытыми и голодными, между людьми наслаждающимися и людьми страждущими, продолжится до тѣхъ поръ, пока на бѣломъ свѣтѣ будутъ люди нуждающіеся въ необходимомъ, и люди упорно отворачивающіеся отъ наслажденія; обезпечить матеріальное существованіе первыхъ и побѣдить разумными доводами упорство вторыхъ—эти двѣ великія задачи, сознанныя уже нашею эпохою, предстоитъ окончательно рѣшить отдаленному будущему. Уничтоженіе матеріальныхъ лишеній и связанныхъ съ ними физическихъ страданій уничтожило бы большую часть общественныхъ золъ и преступленій. Каждая дикая мысль, каждое отчаянное движеніе души могутъ быть приведены въ нѣкоторую зависимость отъ неправильнаго или недостаточнаго питанія; тѣ же обстоятельства жизни, тѣ же столкновенія съ печальною дѣйствительностью производятъ совершенно различное впечатлѣніе на сытаго и на голоднаго, на здороваго и на больнаго. «Мы рождены изъ матеріи, говоритъ Молешотъ; растенія, вытягивающія свойственныя имъ соли изъ земли, связываютъ насъ съ извѣстною почвою. Черты нашего лица и мысли нашего мозга имѣютъ такую же географію, какъ и растенія. Мы не можемъ жить безъ пищи, и потому не можемъ избѣжать вліянія матеріи, распространяющагося изъ кишечнаго канала черезъ кровь во всѣ части нашего тѣла при каждомъ кускѣ пищи, который мы проглатываемъ». (Phys Skizz S. 93). Связанный такимъ образомъ съ почвою, на которой онъ живетъ, человѣкъ господствуетъ надъ этою почвою, умѣя выбирать себѣ именно то, что ему нравится и что онъ признаетъ для себя необходимымъ. Не ограничиваясь простымъ утоленіемъ голода и жажды, человѣкъ создаетъ себѣ потребности, которыя можно было бы назвать искуст-

венными, еслибы они не проявлялись одновременно у всѣхъ народовъ земнаго шара, и еслибы какой-то непосредственный инстинктъ не указывалъ этимъ народамъ на разнообразныя средства, удовлетворяющія этимъ потребностямъ. Стремленіе къ наркотическимъ веществамъ существуетъ у Аравитянъ и у Гренландцевъ, у Негровъ и у Европейцевъ, у Индусовъ и у американскихъ Индѣйцевъ. Сибирскіе дикари пьютъ настой мухомора, Турки курятъ табакъ и опіумъ, мы пьемъ чай, кофе, пиво, вино и куримъ табакъ, Индусы жуютъ бетель, Перуанцы коку, Негры готовятъ вино изъ пальмоваго сока, Киргизы изъ кобыльяго молока: всѣ безъ исключенія находятъ возможность какимъ нибудь снадобьемъ привести себя въ возбужденное состояніе. Колоритъ этого возбужденія измѣняется смотря по свойствамъ принятаго вещества, смотря по силѣ пріема и по комплекціи принимающаго субъекта. Между тѣми галлюцинаціями, которыя возбуждаютъ опіумъ и гашишъ, и тѣмъ слабымъ возбужденіемъ, которое доставляетъ чашка крѣпкаго чаю — лежитъ множество промежуточныхъ оттѣнковъ. Сильное напряженіе нервовъ, порождаемое опіумомъ и гашишемъ, ведетъ за собою всеобщее разслабленіе и страданіе; крѣпкій чай производитъ только біеніе сердца и очень медленно разстраиваетъ нервную систему; поэтому опіумъ и гашишъ употребляютъ на востокѣ люди, готовые за нѣсколько минутъ жгучаго наслажденія заплатить годами страданій; чай и кофе, напротивъ того, пьютъ Европейцы, съ величайшею осторожностью и бережливостью тратящіе силы. Генрихъ Кенигъ говоритъ, что кофе принадлежитъ католикамъ, а чай — протестантамъ. Дѣйствительно, тщательныя наблюденія показали, что кофе развиваетъ силу воображенія. а чай изощряетъ критическую способность ума; въ сѣверной Германіи преобладаетъ чай, въ южной кофе. Движеніе идей, начавшееся въ XVIII столѣтіи, совпадаетъ съ введеніемъ въ Европу чая и кофе во всеообщее употребленіе; правители, боявшіеся этого движенія, запирали кофейные дома, служившіе сборнымъ мѣстомъ для людей, интересовавшихся политическими вопросами; такъ распорядился Карлъ II, но эта полицейская мѣра не принесла особенной пользы династіи Стюартовъ и не остановила даже распространенія чая и кофе. Видѣть въ употребленіи чая или кофе причину того или другаго политическаго переворота было бы конечно смѣшно, но вотъ съ какой стороны можно посмотрѣть на дѣло: еслибы народонаселеніе какого нибудь государства вмѣсто стакана чаю выпивало утромъ и вечеромъ по стакану пива, то у большей ча-

сти жителей нервы сложились бы какъ нибудь иначе; не было бы той впечатлительности, той подвижности, той раздражительности, которую возбуждаетъ чай; мозговыя нервы воспріимчивѣе остальныхъ нервовъ и прежде другихъ испытываютъ на себѣ вліяніе наркотическихъ веществъ; очень понятно, что въ мозговыхъ нервахъ и выразилось бы всего сильнѣе дѣйствіе пива или чаю. Скорость и послѣдовательность въ развитіи идей, вліяніе воспринятой идеи на поступки, словомъ логика и практическая философія народа всего замѣтнѣе могутъ измѣниться отъ того, что одинъ наркотическій напитокъ будетъ замѣненъ другимъ. Представьте же себѣ, что въ государство это проникаетъ какая нибудь новая, общечеловѣческая идея; скоро ли она распространится, встрѣтитъ ли себѣ горячее сочувствіе, найдетъ ли критическое опроверженіе, явятся ли въ отношеніи къ этой идеѣ фанатическіе адепты или благоразумные цѣнители, все это такіе вопросы, на которые можно отвѣчать приблизительно вѣрно только въ томъ случаѣ, если мы будемъ знать главныя особенности народной логики, или проще, если мы будемъ знать свойства мозговыхъ нервовъ отдѣльныхъ гражданъ. На положеніе этихъ нервовъ имѣютъ несомнѣнное вліяніе употребительные наркотическіе напитки. Стало быть эти же напитки имѣютъ нѣкоторую долю вліянія на судьбу той или другой великой идеи. «Посредствомъ кофе, говоритъ Молешотъ, точно также какъ посредствомъ пароходовъ и электрическихъ телеграфовъ, пускается въ обращеніе рядъ мыслей, возникаетъ теченіе идей, проэктовъ и предпріятій, которыя всѣхъ увлекаютъ за собою». Не одинъ историкъ-мистикъ придетъ въ негодованіе при мысли о міровомъ значеніи чая или кофе; употребляя слова: «духъ времени, требованія эпохи, настроеніе умовъ;» онъ не думаетъ и не гадаетъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ высокихъ представленій лежатъ чисто матеріальныя причины, которыя еще ждутъ себѣ правильной оцѣнки. Развитіе промышленности, путей сообщенія, торговли и военнаго дѣла принимаются въ соображеніе и считаются существенными чертами въ прогрессѣ народностей и въ совершенствованіи всего человѣчества. Когда рѣчь заходитъ о выборѣ и приготовленіи пищи, т. е. о построеніи нашего собственнаго тѣла, тогда мы улыбаемся или дѣлаемъ гримасу, относимся къ изслѣдованію какъ къ безвредной шуткѣ или осуждаемъ его какъ неумѣстный парадоксъ. Наши историки говорятъ о тѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, которыя клонятся къ тому, чтобы доставить нашему тѣлу извѣстнаго рода ком-

фортъ, избытокъ и частности жизненнаго наслажденія, и ничего не говорятъ о томъ, изъ чего слагаюсь это тѣло, и какъ съ теченіемъ времени совершенствовались и очищались эти строительные матеріалы. Эта странная непослѣдовательность извиняется съ одной стороны молодостью естественныхъ наукъ, неуспѣвшихъ еще занять свое мѣсто въ ряду руководящихъ знаній исторіи, съ другой стороны, бѣдность историческихъ свидѣтельствъ о пищѣ различныхъ народовъ и различныхъ сословій.—Теперь интересъ къ естественнымъ наукамъ пробуждается, мелочи перестаютъ считаться безполезными и незанимательными, анализъ подробностей разрушаетъ туманныя теоріи и звонкія фразы, и зданіе антропологіи, надъ фундаментомъ котораго работаютъ люди, подобные Фохту и Молешоту, основывается на твердыхъ фактахъ, на неопровержимыхъ данныхъ непосредственнаго опыта и точнаго наблюденія. Надѣюсь, что прочитавъ эти страницы, наша публика согласится съ тѣмъ, что изслѣдованія Молешота о съѣстныхъ припасахъ, представленныя въ популярной формѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія всякаго образованнаго человѣка и могутъ имѣть самое благотворное вліяніе на дѣятельность молодой, формирующейся мысли, сбрасывающей оковы рутиннаго фразерства и подавляющаго мистицизма. Веселѣе жить, легче дышать, когда вмѣсто призраковъ и отвлеченностей видишь осязательныя явленія и сознаешь какъ свою зависимость отъ нихъ, такъ и свое господство надъ ними. Я беру въ руки топоръ и знаю, что могу этимъ топоромъ срубить себѣ домъ или отрубить себѣ руку; я держу въ рукѣ бутылку и знаю, что налитое вино можетъ доставить мнѣ умѣренное наслажденіе или довести меня до уродливыхъ нелѣпостей; въ каждой частицѣ матеріи лежитъ и наслажденіе и страданіе; все дѣло въ томъ, чтобы знать ея свойства и умѣть ими пользоваться, какъ мы умѣемъ пользоваться топоромъ и виномъ; чѣмъ шире и глубже становятся наши знанія, тѣмъ полнѣе и безслѣднѣе расплываются въ ничто неуклюжіе призраки Ормузда и Аримана, пугавшіе довѣрчивое дѣтство отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ. Газы, соли, кислоты, щелочи соединяются и видоизмѣняются, дробятся и разлагаются, кружатся и движутся безъ цѣли и безъ остановки, проходятъ черезъ наше тѣло, порождаютъ новыя тѣла—и вотъ вся жизнь, и вотъ исторія. Но формы для насъ дороже матеріала; мы любимъ и ненавидимъ только формы, сражаемся за формы и противъ формъ, и потому въ исторіи конечно слѣдимъ за развитіемъ и увяданіемъ формъ, а не матеріала,

потому что матеріалъ вѣченъ, неизмѣненъ. Это естественно, но изучая формы, надо же знать и матеріалы, хотя бы для того, чтобы опредѣлить, насколько дорогія намъ формы зависятъ отъ свойствъ матеріала, хотя бы для того, чтобы овладѣть матеріаломъ и располагать имъ по своему благоусмотрѣнію. Изученіе матеріала и изученіе формъ, естественныя науки и гуманныя, химія и исторія должны идти рука объ руку и сознать въ себѣ потребность соединенія, хотя самое соединеніе относится также къ области будущаго.

Д. ПИСАРЕВЪ.

1861.
12 іюня.

СМѢСЬ.

Поѣздка въ Олонецъ.

Грустно, однообразно и неудобно путешествовать по сѣверному краю Россіи, а путешествовать надо. Чѣмъ дальше уходишь отъ нашихъ центральныхъ городовъ, тѣмъ замѣтнѣе становится народная жизнь, тѣмъ ярче и крупнѣй выступаютъ ея особенности, совершенно стертыя и уничтоженныя вокругъ столицъ. Въ полудикой глуши, гдѣ нѣтъ никакихъ признаковъ ни исторіи, ни общества, никакихъ слѣдовъ такъ называемой образованности высшей породы людей, — тамъ-то и нападаешь на свѣжія струи человѣческихъ силъ, желаній и понятій. То подъ ветхой кровлей крестьянской избы, то на пустынномъ берегу подъ навѣсомъ рыбака, то на нивѣ пахаря, то въ шалашѣ пастуха встрѣчаешь простыя, правда, очень ограниченныя, зато и неискаженныя воззрѣнія на жизнь. Здѣсь лучше сохранились и пѣсня, и преданіе, и достоинство личности, миновавъ того вліянія, которое густымъ осадкомъ плесени насѣло на городскихъ жителяхъ. Наша деревня, особенно далеко отброшенная отъ большихъ трактовъ и дорогъ, по сравненію съ городомъ представляетъ подобіе молодаго, неумытаго и нечесанаго, но умнаго и разбитнаго парня, противопоставленнаго форменному и опрятному, но пустому щеголю.

Судьба совершенно случайно занесла меня въ окрестности Олонца,

къ восточному берегу Ладожскаго озера, натолкнула на нѣкоторыя наблюденія, которыя не считаю лишнимъ передать публикѣ.

14 іюля я отправился на пароходѣ въ Шлиссельбургъ. Помѣстившись между «сѣрымъ народомъ», въ надеждѣ найдти себѣ попутчика въ Олонецкую губернію, я дѣйствительно встрѣтилъ одного крестьянина съ Онеги; но онъ былъ такой неразговорчивый, что я, послѣ двухъ, трехъ словъ, оставилъ его, и почти всю дорогу проскучалъ одиночествомъ.

Проѣхавъ тосненскіе пороги, лежащіе на половинѣ пути отъ Шлиссельбурга, я спустился въ буфетъ и сѣлъ недалеко отъ господина въ синей сибиркѣ.

— Позвольте узнать, спросилъ я его, куда ѣдете?

— Въ Кошку, отвѣчалъ онъ.

— Гдѣ же эта Кошка?

— А это будетъ влѣво отъ *Шлюшина* (Шлиссельбурга). Тамъ у насъ судно разгружается. А вы куда слѣдуете?

— Въ Олонецъ.

— Видно, олонецкіе?

— Нѣтъ.

— Такъ, видно, родные тамъ есть?

— Нѣтъ, я не въ Олонецъ собственно, а въ деревню Кондуши.

— Зачѣмъ же вы туда ѣдете? Вы развѣ бывали тамъ?

— Нѣтъ, ни разу.

— Какъ же знаете Кондуши?

— Сталъ спрашивать, какое большое селеніе на берегу Ладожскаго озера есть около Олонца—мнѣ сказали: Кондуши,—вотъ я туда и ѣду.

— Да тамъ есть села получше и побольше Кондушей.

— Но мнѣ надо, чтобъ село было рыбное.

— Такъ тебѣ лучше ѣхать въ Тулоксу. Это отъ Олонца всего двѣнадцать верстъ. Мы сами олончане, такъ это хорошо знаемъ. Да ты скажи, зачѣмъ ты туда ѣдешь?

Я объяснилъ, какъ могъ, свое намѣреніе.

— Вотъ чудакъ-отъ еще — ѣдетъ, и самъ не знаетъ, куда ѣдетъ. Слушай ты мои слова: поѣзжай-ко къ намъ въ Ильинское, я тебѣ дамъ записку домой; отведемъ тебѣ избу отдѣльную — будетъ тебѣ покойно; описывай, сколько хочешь, мѣшать никто не будетъ. У меня есть лошади — свозимъ тебя, куда хочешь. Да еще вотъ что тебѣ скажу — хочешь, такъ я тебя и свезу туда. Я вѣдь ѣду

домой; только вотъ будемъ судно разгружать, такъ пожалуй дня три заживемся на Кошкѣ. Ждешь — такъ поѣдемъ съ нами, а коли не ждешь — ступай впередъ, а я записку дамъ.

— Очень радъ, я не отказываюсь.

— Ну такъ вотъ и хорошо.

— А вы поѣдете каналомъ?

— Да ты здѣсь, видно, совсѣмъ не бывалъ, что не знаешь, какъ суда ходятъ. Мы прямо озеромъ поѣдемъ. Дастъ Богъ, такъ на другой день и на мѣсто станемъ.

Въ сумерки пароходъ остановился въ городѣ; я провелъ ночь въ гостиницѣ. Шлиссельбургъ я видѣлъ мелькомъ, и онъ показался мнѣ сплошнымъ рядомъ деревянныхъ заборовъ, раздѣленныхъ на двѣ половины ладожскимъ каналомъ. На другой день я переѣхалъ на судно одного олонецкаго купца, доставляющаго дрова въ Петербургъ; крестьянинъ, пригласившій меня въ пассажиры, былъ шкиперъ этого судна, или какъ на озерѣ говорятъ, *шкипаръ*. Кошкинскій рейдъ находится въ семи верстахъ отъ Шлиссельбурга. Здѣсь озерныя суда (гуккары, гальоты, шкои) перегружаются на плоскодонныя суда (тихвинки и друг.), потому-что выходъ Невы изъ озера перерѣзанъ мелью, и озерное судно можетъ войди въ неё только пустое. Все почти пространство отъ Шлиссельбурга до Кошкинскаго рейда — подводная отмель, которая близь рейда называется *Чайкой*; фарватеръ посреди этой мели обозначенъ двумя рядами *бакаловъ* (бакеновъ), съ одной стороны бѣлыми, съ другой красными. Мель сплошь заросла водорослями, которыя образуютъ на поверхности воды зеленыя сѣти; весла путаются въ нихъ, даже винтъ у парохода, закручивая её въ себя, задерживаетъ ходъ.

Судно, на которомъ я провелъ нѣсколько дней плаванія, разгрузившись на Кошкинскомъ рейдѣ, должно было идти въ устье Тулоксы, гдѣ для него былъ назначенъ дровяной грузъ. Путь къ устью Тулоксы или Олонки ведетъ сначала прямо на сѣверъ, совпадая съ путемъ на островъ Валаамъ, но на срединѣ озера сворачиваетъ на сѣверо-востокъ. Этотъ путь дѣлитъ озеро на двѣ половины — сѣверо-западную и юго-восточную, весьма различныя по устройству своего дна; въ западной разсѣяны подводные камни, скалистые острова и самый берегъ Финляндіи представляетъ рядъ *фіардовъ*; на восточной же половинѣ по преимуществу разстилаются мели, берегъ песчаный и образуетъ мѣстами плоскодонныя лахты, родъ гафовъ, отдѣ-

ляемыхъ отъ озера длинными островами. Въ сѣверной части озера находится островъ Валаамъ, извѣстный своимъ монастыремъ и живописной дикостью скалъ. Въ послѣднее время этотъ островъ сдѣлался предметомъ эстетическихъ изученій петербурскихъ художниковъ. Онъ изрѣзанъ бухтами до самой середины, такъ что представляетъ систему полуостровов. У сѣверовосточнаго и южнаго мыса Валаама находится нѣсколько отдѣльныхъ скалистыхъ островов, гряды которыхъ вѣроятно продолжаются въ видѣ подводныхъ камней.

Замѣчательно, что по этому же пути, имѣющему такое географическое значеніе, направляются осенью перелетныя птицы, проводящія лѣто на безчисленныхъ озерахъ Олонецкой губерніи. Онѣ слетаются на восточный берегъ озера, отдыхаютъ здѣсь по лахтамъ, особенно въ Ондрусовской, гдѣ монахи запрещаютъ стрѣлять, и потомъ летятъ на Кошкинскій рейдъ, вслѣдъ за попутнымъ вѣтромъ.

19 іюля вечеромъ мы оставили Кошкинскій рейдъ. Слѣдующій день мы провели на озерѣ; ночевали въ каютѣ. Это была не большая комната, устроенная въ кормѣ на-манеръ крестьянской избы. Два окна освѣщали её; подъ ними подлѣ стѣны — лавки; противъ оконъ русская широкая печь; подлѣ стѣнъ были сдѣланы узкія полати такимъ образомъ, что въ каютѣ было шесть альковов: три на полатяхъ, и три подъ полатями; я спалъ въ одномъ изъ нижнихъ. Въ одномъ углу былъ отгороженъ гардеробъ, гдѣ висѣли армяки. Зеленый столъ, на которомъ обѣдали и пили чай, икона, шкафикъ съ фаянсовой посудой, комодъ, столъ, на которомъ стряпали — составляли мебель каюты.

На другой день было такъ жарко, что матросы нѣсколько разъ купались въ озерѣ, держась за веревки. Вѣтеръ упалъ, паруса слабо надувались, и мы такъ тихо подвигались впередъ, что шкиперъ не надѣялся прійти къ устью Тулоксы раньше утра 21 числа. Въ надеждѣ увидать на завтра новый берегъ, я легъ спать. Проснувшись уже не рано на другой день, я прежде всего спросилъ у матроса, сидѣвшаго въ каютѣ: видно ли Тулоксу?

— Тулокса, братъ, далеко, отвѣчалъ онъ съ грустнымъ оттѣнкомъ голоса.

— Отчего далеко?

— Далеко. Мы уже теперь на серединѣ озера.

Я понялъ, что ночью насъ отнесло въ сторону, и вышелъ на палубу. Оказалось, что мы дѣйствительно стоимъ на якорѣ по срединѣ

озера. Ночью поднялась буря и пронесла наше судно на тридцать вертсъ сѣвернѣе устья Тулоксы, гдѣ шкиперъ рѣшился дождаться попутнаго вѣтра.

Два дня сряду дулъ сильный противный вѣтеръ, волновавшій озеро; судно наше колыхалось, какъ поплывокъ на удочкѣ.

Оба дня я провелъ подъ гроссъ-мачтой, гдѣ меньше всего качало, сидя на старомъ парусѣ. Мрачныя тучи покрывали небо, и какъ будто вовсе не измѣняли ни своихъ очертаній, ни положенія; былъ только слышенъ монотонный шумъ волнъ, да свистѣнье въ снастяхъ гуккара; озеро представляло темную равнину, по которой катились высокіе и однообразные возы; они поперемѣнно поднимались отъ черной воды въ видѣ бѣлыхъ кудрей и исчезали, опять оставляя послѣ себя черное поле. Чѣмъ дальше отъ судна, тѣмъ бѣлыя волны становились менѣе видны, и по краямъ озеро было обведено совершенно темнымъ кольцомъ; ни въ одной сторонѣ не было замѣтно берега, только на востокѣ чуть чуть мерещилъ суховскій маякъ. Въ продолженіи этихъ двухъ дней никакой перемѣны жизни; тѣ же тучи и тѣ же волны, что и вчера; даже ни одна птица не пролетала по небу; только по водѣ вѣтромъ прогнало мимо нашего судна одно полѣно, и больше ничего!

22 числа къ вечеру стало тише; мы могли сняться съ якоря и на другой день утромъ были передъ устьемъ Тулоксы. Передъ нами была полоса желтыхъ песковъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, перерывъ котораго въ родѣ воротъ означалъ устье Тулоксы. Около гуккара стояло уже нѣсколько соймъ (*) съ дровами, другія отчаливали отъ берега; почти всѣми соймами управляли женщины. Сначала было тихо и гуккаръ стали грузить; но вскорѣ началось волненіе и нагрузки должны были прекратиться. Шкиперъ предложилъ мнѣ ѣхать на берегъ и я съ удовольствіемъ вышелъ на землю.

На берегу толпилось множество народу, пріѣхавшаго для нагрузки. Нѣкоторые сидѣли въ лодкахъ и обѣдали. Подлѣ одной телѣги стоялъ парень, обнявшись съ дѣвушкой и закутавшись въ одинъ зипунъ; они молча смотрѣли на народъ и на меня, когда я проходилъ мимо ихъ. Для шкипера была прислана телѣга изъ Ильинскаго погоста; мы сѣли и поѣхали по берегу Ладожскаго озера къ устью Олонки, которое находилось восемью верстами юговосточнѣе. Дорога пролегала по узкой полосѣ между берегомъ и лѣсомъ; лѣсъ стоялъ

(*) *Сойма*—гребное судно, самое употребительное на Ладожскомъ озерѣ.

на высокомъ подножіи изъ песчаныхъ холмовъ; вправо было озеро, вспучившееся отъ бури и покрытое желто-зеленымъ цвѣтомъ; на немъ, какъ на горѣ, стояло наше судно; волны бѣлыми рядами катились прямо на берегъ и поднимались на плоскій песокъ, который застилался у подножія лѣса. По всему берегу тянулся почти безконечный тынъ, для развѣшиванія неводовъ; мѣстами устроены вóроты для вытягиванія неводовъ изъ озера. Доѣхавъ до устья Олонки, мы поворотили въ лѣсъ, вверхъ по рѣкѣ и наконецъ выѣхали на сердобольскую почтовую дорогу; по сторонамъ стали попадаться деревни; лѣсъ со всѣхъ сторонъ отошелъ въ даль. Влѣво отъ насъ были поля, засѣянныя хлѣбомъ, вправо избы, почти безпрерывно, но въ одинъ рядъ тянувшіяся подлѣ берега Олонки; совершенно незамѣтно мы подъѣхали къ ильинскому погосту.

— Вотъ и дома, сказалъ шкиперъ.

— Какъ дома? спросилъ я.

— Вонъ изба моя, отвѣчалъ онъ, указывая на противуположный берегъ, гдѣ торчало нѣсколько избъ.

— А гдѣ же Ильинскій погостъ?

— Да ты на Ильинскомъ и есть.

— А гдѣ же церковь?

— А церковь на погостѣ. Отсюда будетъ еще четыре версты.

Такимъ образомъ оказалось, что большихъ русскихъ деревень здѣсь нѣтъ и что система здѣшней колонизаціи вовсе не походитъ на систему во внутренней Россіи. Характеръ ея очень простъ. На плоскихъ берегахъ, еле-еле возвышающихся надъ водой, наставлены избы одинъ рядъ на одномъ берегу, другой на другомъ; деревни состоятъ рѣдко болѣе, чѣмъ изъ десяти избъ, но зато разстоянія между деревнями рѣдко болѣе ста саженъ; избы обращены къ рѣкѣ, у самой воды, такъ что вся колонизація по рѣкѣ Олонкѣ представляетъ одну почти непрерывную улицу, середину которой составляетъ рѣка, и лодка поэтому сдѣлалась необходимымъ экипажемъ для каждаго (*). За избами, въ обѣ стороны отъ рѣки, тянутся сначала огороды, а потомъ пашни, а за пашнями лѣса, внутри которыхъ лежатъ *пожни.* Окраины лѣса совершенно параллельны рѣкѣ, и подходятъ къ ней

(*) Такая смежность избъ съ пашнями заставляетъ крестьянъ не разводить вовсе гусей и утокъ; замѣчательно, что здѣсь нѣтъ нашихъ голубей и на колокольняхъ, вмѣсто нихъ, живутъ галки.

только близь устья, потому-что здѣсь и колонизація кончается избой крестьянина Тита. По тому же плану, какъ я послѣ увидѣлъ, построенъ и городъ Олонецъ. Едва ли это не единственный городъ въ Россіи по своему оригинальному расположенію; онъ состоитъ изъ одной большой площади, обставленной кругомъ домами въ одинъ рядъ, за которыми, также какъ и въ деревняхъ, находятся сначала огороды, потомъ пашни, а за ними лѣса. На площади, или лучше на пустырѣ, на которомъ сходятся двѣ рѣки, протекающія черезъ городъ, построены соборъ, почтамтъ съ садомъ и гостиный дворъ.

Изба нашего шкипера была совершенно похожа на другія, но эти избы сравнительно съ избами Средней Россіи составляютъ особенный типъ, и строятся, кажется, на всемъ сѣверѣ до Ярославской губерніи, только съ нѣкоторыми легкими измѣненіями. Онѣ состоятъ изъ двухъэтажной связи и приставленнаго къ нимъ двухъэтажнаго двора, который своей необширностью свидѣтельствуетъ о малыхъ размѣрахъ здѣшняго скотоводства (*). Связь состоитъ въ верхнемъ этажѣ изъ избы (т. е. кухни, по карельски *перти*), горницы (по карельски *горницу*), и сѣней, раздѣляющихъ ихъ между собой; въ нижнемъ этажѣ подъ избой находится подъизбица (*алагайне перче*), въ которой иногда живутъ зимой, а подъ горницей подполье. Верхній этажъ двора служитъ сараемъ, по карельски *саро́о*; тутъ сваливается сѣно и солома, которыя ввозятся въ сарай на телегахъ по широкому досчатому помосту, пристроенному къ воротамъ сарая; въ этомъ же сараѣ находится *клѣть*, по карельски *айту*, т. е. кладовая; подъ сараемъ находится скотный дворъ (*тангутъ*). Всѣ эти постройки соединены въ одно цѣлое и покрыты даже одной общей крышей, такъ что со стороны представляютъ одну массивную избу.

Я поселился у шкипера, въ горницѣ. Хозяинъ мой былъ однимъ изъ зажиточныхъ крестьянъ въ Ильинскомъ погостѣ, но несмотря на то горница его мало отличалась отъ обыкновенной избы; только русская печь была поменьше, да кромѣ того здѣсь, вмѣсто полатей стояла кровать съ занавѣской и шкафъ съ посудой. На стѣнахъ были развѣшены лубочныя картины, между прочимъ Страшный Судъ. Первоначальный рисунокъ, принесенный въ Россію греческими миссіонерами, вѣроятно значительно измѣненъ русскими редакціями; картина, ко-

---

(*) Скотоводство здѣсь такъ незначительно, что число лошадей пополняется не собственнымъ приплодомъ, а покупками на Сердобольской ярмаркѣ.

торую я нашелъ здѣсь, заключала въ себѣ много русскихъ вставокъ. Составъ ея былъ слѣдующій: вверху Саваофъ; вправо и влѣло отъ него рай; вправо ангелъ, вѣроятно Михаилъ, поражаетъ копьемъ чертей, которые летятъ одинъ за другимъ въ правый уголъ картины, въ которомъ помѣщается адъ; за послѣднимъ чортомъ летитъ внизъ и скамейка вверхъ ногами, на которой онъ вѣроятно сидѣлъ въ раю; налѣво отъ Саваофа лики святыхъ, пророковъ, мучениковъ и между ними лики царей...

На другой день послѣ моего пріѣзда, мнѣ удалось сдѣлать одно полезное знакомство. Въ гости къ шкиперу пришелъ старикъ Матвѣй Евдокимовичъ Аникіевъ, прикащикъ купца Лулакова. Онъ знатокъ здѣшней старины и очень любознательный человѣкъ; я нашелъ у него много разныхъ книгъ на разныхъ языкахъ. Онъ мнѣ сообщилъ нѣсколько преданій, относящихся къ началу здѣшней колонизаціи.

Первѣйшими деревнями на рѣкѣ Олонкѣ считаются двѣ: Юксила (ниже погоста) и Вангимала (4 версты выше города Олонца). Первый колонистъ пришелъ на Олонку и выстроилъ себѣ избу на мѣстѣ нынѣшней деревни Юксилы; черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ плывущую по рѣкѣ щепку: заключивъ, что вверхъ вѣроятно кто-нибудь живетъ, онъ пошелъ вверхъ и въ 20 верстахъ выше нашелъ другаго колониста, гдѣ нынѣ деревня Вангимала,—«будь же ты мой старшій братъ»! сказалъ онъ ему. Отсюда и происходитъ названіе деревни Вангимала (*вангембы велли* значитъ старшій братъ по карельски). Названіе же деревни Юксила Аникіевъ производилъ отъ слова *юокси*, поспѣшилъ, «ускорилъ придти» по выраженію его самого, потому что юксильскій колонистъ поспѣшилъ на встрѣчу другому. Это преданіе пользуется огромной популярностью между тумѣстными жителями и, вѣроятно, имѣетъ какой нибудь историческій смыслъ. Кромѣ того Аникіевъ расказывалъ мнѣ, что четыре версты ниже деревни Унойлы или Теттеле есть мѣсто, называющееся *Лайванъ кеаняльмюсъ*, то есть «поворотъ судна». По преданію, лѣтъ пятьсотъ назадъ была здѣсь кровопролитная война; приходила сюда Литва и воевала; и было это, по увѣренію Аникіева, около того времени, когда король Магнусъ осаждалъ островъ Валаамъ. Впослѣдствіи я познакомился съ крестьяниномъ Полушкинымъ, самымъ старымъ человѣкомъ на погостѣ (ему 87 лѣтъ); онъ говорилъ, что это была война съ Шведами; что шведское судно вошло въ Олонку, но будто Шведы приняли лѣсъ за войско, пошли назадъ и на поворотѣ коп-

цомъ судна своротили берегъ. И теперь будто въ этомъ мѣстѣ виденъ осыпавшійся берегъ. Эта же Литва, по словамъ М. Е. Аникіева, имѣла кузницу на Олонкѣ; на мѣстѣ, гдѣ она находилась, около деревни Алексала, и теперь еще находятъ въ землѣ огарины и угли; другое мѣсто съ такими же признаками находится у погоста, противъ питейнаго дома; не далеко отъ погоста лежитъ обширное поле, гдѣ находятъ кости и оружіе. Это поле составляетъ берегъ рѣки Олонки въ промежуткѣ между деревнями Юксилой и Коччилой, и все было распахано подъ паръ; подлѣ Коччилы въ Олонку впадаетъ ручей и образуетъ стрѣлку, конецъ которой отрѣзанъ рвомъ отъ городскаго поля и представляетъ видъ большаго бугра; на немъ большая старая яма; этотъ-то бугоръ съ ямой и считается остатками древняго укрѣпленія или городка. Въ обрывѣ рѣки высовываются кости; я досталъ оттуда черепъ, неимѣющій, впрочемъ, ничего особеннаго; на ногахъ скелетовъ сохранилась еще кожаная обувь, покрой которой, по словамъ Аникіева, употребляется только на западномъ берегу Ладожскаго озера.

Главной прогулкой моей было хожденіе по деревнямъ и пашнямъ. Мнѣ еще не случалось видѣть сѣверной природы, столь бѣдной; почва по берегу Олонки покрыта тоненькимъ покровомъ зелени, изъ которой кое–гдѣ торчатъ желтые цвѣтки; видъ этой зелени болѣе походилъ на раннюю весну, когда растительность только-что готовится къ развитію, хотя это было въ концѣ іюля. Только на мѣстахъ вспаханыхъ, въ огородахъ трава поднималась въ видѣ косматаго ковра; плоскіе берега усиливаютъ впечатлѣніе неизысканной природы. Я уже говорилъ о замѣчательной простотѣ устройства здѣшней колонизаціи; простота здѣсь какъ въ природѣ, такъ и въ культурѣ; пашни всѣхъ деревень, лежащихъ на одной сторонѣ рѣки, представляютъ одну сплошную полосу, безъ большихъ промежутковъ, и огорожены почти одной общей изгородью; одна изгородь тянется отъ одной избы до другой въ пяти или десяти саженяхъ отъ берега; другая изгородь отдѣляетъ пашни отъ лѣса. Пожня одно изъ характеристическихъ урочищъ этой страны. Это прогалины въ лѣсу, на которыхъ бываютъ сѣнокосы; когда я въ первый разъ пришелъ на пожню, я вовсе не ожидалъ такой бѣдности, какую встрѣтилъ. Пожня состояла изъ зыбкой почвы, покрытой слоемъ мшистаго дерна, по которому были разсѣяны низкія травы, не болѣе четверти высоты, и притомъ только двухъ породъ. Дернъ состоялъ изъ корешковъ мховъ и злаковъ почти

съ простыми порами, потому что ничтожное количество чернозема заключалось въ нихъ въ видѣ разсыпанныхъ крупинокъ. Ниже этого дерна, не болѣе трехъ пальцевъ толщиною, уже былъ песокъ и глина.

Я коснулся здѣсь пожни для того, чтобъ была понятнѣе интересная исторія здѣшняго земледѣлія, о которой я собралъ нѣсколько свѣдѣній, переданныхъ мнѣ опытнымъ крестьяниномъ. Въ настоящее время въ ильинскомъ погостѣ принято общинное владѣніе поземельной собственностью; но этотъ образъ владѣнія—позднѣйшее нововведеніе; прежде же «олонецкій уголъ» (то есть колонизація по рѣкамъ Олонкѣ, Тулоксѣ и другимъ) составлялъ исключеніе изъ всей губерніи, и держался частнаго землевладѣнія. Это объясняется мѣстными условіями, въ которыхъ находилось начало здѣшняго хлѣбопашества. Нынѣшнія олонецкія нивы до начала колонизаціи были покрыты дремучими лѣсами; первые колонисты рубили и садились на расчищенныхъ мѣстахъ; подъ свои нивы они также должны были очищать болотистую почву отъ растущаго на нихъ лѣса; такимъ образомъ получалась полоса земли въ родѣ той пожни, какую я описалъ выше; затѣмъ нужно было выжечь ее, чтобъ высушить болото, дернъ обратить въ питательную золу, и потомъ унавозить выжженную полосу; вслѣдствіе такихъ трудовъ, съ пріобрѣтеніемъ хлѣбопашеннаго участка, естественно, что у здѣшнихъ колонистовъ явилось частное право владѣнія; пока колонизація была рѣдка, разработанныя нивы были отдѣльными участками, разсыпанными въ лѣсу, и понятно, что каждый колонистъ смотрѣлъ на свой участокъ, какъ на купленную дорогой цѣной собственность; впослѣдствіи, когда колонизація сдѣлалась сплошною, и нивы слились въ одну непрерывную полосу, частное землевладѣніе осталось въ прежнемъ видѣ. Въ той части Россіи, гдѣ были открытыя поля, и пашни не требовали предварительной расчистки, первые колонисты нашли цѣлыя пространства земли, годной къ хлѣбопашеству, на которыя не могли иначе смотрѣть, какъ на общее достояніе; на Олонкѣ же количество обработываемой земли ограничено силами народа; что̀ могли обработать, то только и было годнымъ для посѣва зерна»; все же остальное пространство составляло болото или лѣсъ.

Создавая такимъ образомъ свою ниву, здѣшній крестьянинъ считалъ себя вправѣ продавать свой участокъ; послѣ смерти владѣльца онъ дѣлился между его дѣтьми. Неравномѣрное умноженіе наслѣдниковъ произвело неравенство участковъ; нѣкоторыя фамиліи додѣлились

дорого, что бѣднѣли и не въ состояніи были сами обработывать земли свои, а стали отдавать ихъ на аренду болѣе богатымъ или даже продавали. Такимъ образомъ между здѣшними крестьянами явились значительные землевладѣльцы; такъ было до Екатерины II. При Екатеринѣ будто бы, какъ разсказывали мнѣ, дворянство выдумало сдѣлать спекуляцію и убѣдило царицу разрѣшить дворянству покупать земли въ Олонецкой губерніи. Вышелъ указъ; какой-то черниговскій помѣщикъ (имя его я забылъ) пріѣхалъ въ Олонецъ и сталъ скупать земли; между тѣмъ въ народѣ давно уже былъ распространенъ слухъ, что правительство хочетъ передѣлить земли и ввести общинное владѣніе, въ избѣжаніе мѣльчанія участковъ. Этотъ слухъ держалъ богатыхъ мужиковъ въ постоянномъ страхѣ потерять при передѣлѣ залишки земель, потому что на тѣ земли, которыя они скупили у бѣдныхъ, никакихъ документовъ не было: дѣлалось все на совѣсть. Спекуляція черниговскаго помѣщика и состояла въ томъ, чтобъ скупить у богатыхъ мужиковъ залишки по низкой цѣнѣ и снова имъ же продать по высокой; богатые мужики выигрывали въ этомъ случаѣ въ томъ, что послѣ новой покупки у черниговскаго помѣщака они получили крѣпи на земли; впослѣдствіи, когда дѣйствительно вышелъ указъ о раздѣлѣ земель и обращеніи ихъ въ государственныя, закрѣпленные за богатыми мужиками участки избѣгли поступленія въ государственные; отсюда и *олонецкіе помѣщики*.

Почти всѣ эти помѣщики—крестьяне, которые, кромѣ своихъ земель, имѣютъ еще участки и въ общественныхъ земляхъ; помѣстья эти, впрочемъ, не велики. Самое большое принадлежитъ г. Гарницкому и, кажется, составляетъ не болѣе сорока десятинъ.

Съ введеніемъ общиннаго владѣнія землей олонецкіе мужики лишились права продавать или откупать ихъ; крестьяне считаютъ этотъ образъ владѣнія болѣе безопаснымъ отъ монополя богачей, и на другія земли смотрятъ какъ на несправедливо присвоенныя имѣнья. Они отличаютъ эти олонецкія помѣстья отъ помѣстій по рѣкѣ Свири; «наши олонецкія помѣстья, говорятъ они, не дарены царемъ, какъ свирскія, а просто взяты у міра». Противъ же общиннаго владѣнія я ничего не слышалъ отъ крестьянъ. Неудобствъ при передѣлахъ, какъ мнѣ говорили, здѣсь не существуетъ, потому будто бы, что движеніе народонаселенія здѣсь едва примѣтно, а по словамъ нѣкоторыхъ стариковъ, оно даже идетъ ретроградным путемъ. Я повѣрялъ эти разсказы по церковнымъ метрикамъ ильинскаго погоста; изъ слѣдующей

краткой таблицы, извлеченной изъ этихъ метрикъ, оказывается, что эти разсказы близки къ истинѣ.

	Родилось.	Умерло.	Разница.
Въ 1846 году	45	45	»
» 1847 »	62	54	+ 11
» 1848 »	60	72	— 12
» 1849 »	54	67	+ 13
« 1850 »	65	72	— 7
» 1851 »	57	68	— 11
» 1852 »	73	62	+ 11
» 1853 »	66	59	+ 7
» 1854 »	64	72	— 8
» 1855 »	53	67	— 14
» 1856 »	66	53	+ 13
» 1857 »	63	104	— 41
» 1858 »	67	69	— 2
» 1859 »	71	56	+ 15

Впрочемъ, дѣйствительное положеніе дѣла должно быть не такъ печально, какъ оказывается изъ этой таблицы, потому что въ число умершихъ вносятся имена холостыхъ Финновъ, живущихъ въ работѣ у крестьянъ Ильинскаго погоста, и число которыхъ кажется на погостѣ до двухъ-сотъ человѣкъ; но за всѣмъ тѣмъ, если и существуетъ прибыль въ народонаселеніи, то весьма ничтожная; это, впрочемъ, легко объяснить полугородскимъ образомъ жизни ильинскихъ крестьянъ при болотистыхъ окрестностяхъ, которыя тѣмъ менѣе высушиваются и обработываются, чѣмъ болѣе представляется жителямъ заработковъ по судоходству.

Случилось мнѣ быть и въ уѣздномъ городѣ Олонцѣ. Я уже сказалъ выше, что Олонецъ расположенъ по образцу деревень; но такъ какъ въ серединѣ города соединяются двѣ рѣки Верховье и Магрега, составляющія Олонку, то параллелизмъ двухъ набережныхъ, которыя правильно тянутся отъ устья вверхъ по Олонкѣ, здѣсь нарушается, и набережныя образуютъ неправильный кругъ, въ центрѣ котораго находится гостиный дворъ. Городъ состоитъ изъ ветхихъ, деревянныхъ домишковъ, иногда украшенныхъ мезонинами.

Объ основаніи Олонца сохранилось преданіе, переданное мнѣ Аникіевымъ, что тамъ, гдѣ теперь замѣтны признаки бывшаго вала и за-

росшаго рва, былъ дѣйствительно городокъ, въ которомъ жила «княгиня» или «княжня» Ольга по имени которой и Олонецъ названъ. *) Этимъ и ограничивается это преданіе.

Другое преданіе относится къ многочисленному разряду народныхъ сказаній о Петрѣ Великомъ, память о которомъ въ Олонецкой губерніи и на Ладожскомъ озерѣ связана почти съ каждымъ урочищемъ. Вотъ оно. Прежде въ городѣ не было никакой администриціи; всѣмъ управлялъ *мирный воевода*. Мирнымъ его прозвалъ Петръ Великій. Проѣзжая однажды черезъ Олонецъ, онъ спрашиваетъ воеводу: гдѣ у тебя дѣла?

— Никакихъ дѣлъ нѣтъ, говоритъ воевода.

— А книги, которыя тебѣ присланы?

— Всѣ цѣлехоньки, вотъ въ шкапѣ лежатъ; извольте сами, государь, посмотрѣть!

— Да какъ же ты управляешь? спрашиваетъ Петръ. Вѣдь бываютъ ссоры, претензіи?

— Бываютъ-то, бываютъ, да я миромъ сужу ихъ, отвѣчалъ воевода, а самъ бухъ въ ноги царю.

— Какъ же эго миромъ? разскажи, говоритъ Петръ.

— А вотъ какъ. Придетъ ко мнѣ кто-нибудь, жалуется, что чужая лошадь съѣла овесъ у него.—Призываю хозяина лошади, спрашиваю: съѣла твоя лошадь его овесъ? Сначала тотъ станетъ запираться; а я закричу: врешь! Если не сознаешься, я тебя въ тюрьму посажу! (Тюрьмы тогда уже были). А сзади у меня и сторожа стоятъ, чтобъ взять его; они будто и приготовятся вести его, и подойдутъ къ нему поближе. Онъ бухнется мнѣ въ ноги и сознается; ну, говорю, такъ заплати жъ ты ему, сколько онъ запроситъ, да кланяйся ему въ ноги, проси прощенья. А тому скажу: а ты братъ ужъ не проси съ него много, а по братски, раздѣли грѣхъ пополамъ. Тотъ подумаетъ, подумаетъ, видитъ, что воевода такъ къ нему ласково обращается, примѣрно вмѣсто пяти четвериковъ, махнетъ рукой и скажетъ: ну, Богъ съ тобой! давай два съ половиной четверика. Вотъ и уйдутъ, и помирятся.

— Такъ будь же отселѣ мирный воевода, сказалъ Петръ и уѣхалъ.

---

*) Въ лѣтописяхъ Олонецъ называется *Олоньсь*; Карелы называютъ его *Онукса*.

Лѣтъ черезъ десять въ Петербургѣ поссорились на балу изъ-за какихъ-то словъ два генерала; одинъ другому что-то сказалъ, пошли вздоры; дѣло затянулось и кончиться не можетъ; оба платятъ по ровну, дѣло-то ни въ ту, ни въ другую сторону и не клонится; приказные и пишутъ, и мажутъ, и только деньги обираютъ. Дошло до царя; онъ и вызываетъ изъ Олонца мирнаго воеводу. Пріѣхалъ воевода.

— Вотъ какое у меня дѣло, говоритъ царь. Во сколько ты времени берешься разсудить?

— Во сколько прикажете, ваше величество.

— Три мѣсяца будетъ тебѣ?

— Нѣтъ, это будетъ не удобно. Позвольте ужъ поскорѣе, чтобъ въ Олонцѣ безъ меня дѣла не разстроились, чтобъ тамъ ихъ кто-нибудь не замутилъ.

— Такъ какъ же?

— Да чтобъ мнѣ черезъ недѣлю и назадъ быть. Въ три дня либо кончу, либо нѣтъ.

— Ну, хорошо,

— Царь издаетъ указъ, что онъ вызвалъ для суда мирнаго воеводу изъ Олонца, и что онъ положитъ, то непремѣнно и будетъ исполнено. Генералы испугались. Вотъ на завтра призываетъ мирный воевода одного генерала; входитъ онъ; на столѣ лежатъ дѣла, вытребованныя изъ сената.

— Я цѣлую ночь читалъ твое дѣло, говоритъ воевода. Оно совсѣмъ не правое. Выбирай одно изъ трехъ: или тюрьма, или висѣлица, или помириться съ врагомъ. Завтра принеси или прошеніе, или записку, что ты выбралъ.

Генералъ хотѣлъ было спорить, но олонецкій воевода закричалъ на него: ступай! Мнѣ некогда тутъ съ тобой ...

Призываетъ другаго генерала и то же самое приказываетъ. Думаютъ генералы: чортъ съ нимъ, лучше помириться, чѣмъ висѣлица. На другой день приходятъ въ одно время, подаютъ прошенія о прекращеніи суда съ изъявленіемъ желанія мириться.

— Ну вотъ такъ! Пойдемте къ государю.

— Ну, рѣшилъ ли? спрашиваетъ царь.

— Рѣшилъ.

— Какъ же?

— Они помирились между собой. Теперь позвольте мнѣ, в. в., къ своимъ.

Царь его отпустилъ и воевода воротился въ Олонецъ и сталъ править городомъ попрежнему.

Послѣ города, я посѣтилъ Ондрусовскую пустынь, находящуюся на самомъ берегу Ладожскаго озера, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ устья Олонки къ югу. Эта обитель основана помѣщикомъ Андреемъ Завалишинымъ, названнымъ въ монашествѣ именемъ Андреяна; въ монастырѣ нѣкогда хранилось рукописное житіе этого монаха, но дано было въ городъ читать какому-то купцу, а тотъ и зачиталъ его. Потому всѣ свѣдѣнія объ Андреянѣ основаны на однихъ мѣстныхъ преданіяхъ. На островѣ Сало, который лежитъ противъ монастыря и въ малую воду почти соединяется съ материкомъ, жилъ прежде разбойникъ Ондрусъ, Финнъ и лютеранинъ, который грабилъ суда, ходившіе съ хлѣбомъ по озеру; Андреянъ, убѣжденный Александромъ Свирскимъ оставить грѣшный міръ, выбралъ мѣсто для своего пустынножительства въ сосѣдствѣ Ондруса; но разбойникъ, вѣроятно боясь, чтобъ отшельникъ не сдѣлался доносчикомъ его разбоевъ, потребовалъ, чтобъ онъ удалился; Андреянъ отвѣчалъ ему, что онъ никакого зла ему не сдѣлаетъ, его занятію не помѣшаетъ, а будетъ еще молиться о его здоровьѣ. Ондрусъ никакъ не могъ понять такого отрицанія отъ дѣйствительной жизни, и продолжалъ гнать Андреяна. Въ одну ночь на ватагу Ондруса сдѣлалъ нападеніе другой разбойникъ, жившій на сторожевскомъ мысу, на южномъ берегу озера, и хотѣвшій захватить грабежъ хлѣбныхъ судовъ въ свои руки; ватага Ондруса была разбита, самъ атаманъ, избитый и связанный, былъ отправленъ въ лодкѣ на сторожевскій мысъ; но утромъ онъ просыпается и видитъ себя снова на островѣ Сало и притомъ совершенно невредимымъ; тутъ онъ увѣровалъ въ молитву Андреяна и принялъ монашество, точно также какъ и сторожевскій разбойникъ, который даже основалъ отдѣльную обитель. Андреянъ, по мѣстному преданію, былъ убитъ крестьянами деревни Обжи; умирая, онъ сказалъ: «такъ будьте вы ни умные, ни безумные.» Оттого Обжане и досёлѣ считаются полуумными.

Вся колонизація по Олонкѣ внизъ отъ города составляетъ два погоста: туксинскій и ильинскій; послѣдній состоитъ изъ тридцати трехъ деревень, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Олонки.

Ильинскій погостъ что-то въ родѣ промышленнаго села. Землед-

ліе на второмъ планѣ; главная промышленность здѣшнихъ жителей заключается въ различныхъ заработкахъ, при распиловкѣ и нагрузкѣ дровъ на суда; молодые люди отправляются даже для этого на кошкинскую пристань; другіе служатъ матросами; по всей длинѣ погоста (около двѣнадцати верстъ) находятся «биржи,» то есть склады сѣна или дровъ и при нихъ пристани, на которыхъ озерныя суда нагружаются этими матеріалами; для заработковъ на этихъ биржахъ приходятъ крестьяне изъ-за Олонца, съ верхнихъ волостей. На выгонкѣ лѣса и дровъ сверху приходитъ до 150 человѣкъ; дрова складываются на берегу, такъ что весной, передъ навигаціей, берега Олонки одѣты полѣницами дровъ, какъ стѣнами; здѣсь дрова распиливаются на болѣе мелкія полѣнья, и по этому случаю собирается здѣсь тумѣстныхъ и приходящихъ сверху до 500 человѣкъ; это оживляетъ ильинскій погостъ значительной дѣятельностью въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Заработки на биржахъ выгоднѣе, чѣмъ на пашняхъ; за день жатвы платятъ здѣсь 30 коп., на биржѣ день стоитъ 75 коп.; на полевыхъ работахъ остаются только бобыли, и то потому только, что здѣсь они получаютъ, кромѣ платы, пищу. Въ то время, какъ ильинскіе жители сами, даже и съ бабами, работаютъ на биржѣ, на ихъ поляхъ работаютъ бѣдные пришельцы, между которыми считается до двухъсотъ Финновъ Сердобольскаго уѣзда. Здѣшніе жители не продаютъ никакихъ сельскихъ произведеній; напротивъ многое еще сами прикупаютъ; такъ напримѣръ пестрядь на одежду и даже муку; кромѣ того значительная доля пищи замѣняется кофеемъ, который здѣсь очень распространенъ. «Олонецъ—кофейная сторона,» говорилъ мнѣ шкиперъ нашего гуккара. Здѣсь почти въ самой бѣдной семьѣ можно найти кофе. Въ праздники многіе одѣваются въ ситцевыя рубахи, женщины въ ситцевыя платья; мнѣ приводилось видѣть дѣвушекъ въ перчаткахъ. И это единственная роскошь, дозволяемая въ крестьянскомъ быту. Что касается кухни, она отличается неопрятностью и бѣдностью. Курныя избы, въ которыхъ грязи и копоти гораздо больше, чѣмъ въ «Домашней Бесѣдѣ» Аскоченскаго, особенно вредны для гигіеническихъ условій здоровья; онѣ дѣйствуютъ на разстройство легкихъ, глазъ, измѣняютъ цвѣтъ кожи и, нѣтъ сомнѣнія, притупляютъ мозгъ. Правда, здѣсь ихъ немного, но онѣ отвратительно-гадки.

Жители ильинскаго погоста всѣ Карелы; но они говорятъ по-русски, исключая женщинъ, между которыми рѣдкія знаютъ русскій

языкъ. Впрочемъ и мужики дѣлаютъ ошибки, составляя иногда цѣлыя фразы по карельской грамматикѣ, напримѣръ: «я былъ купаться» вмѣсто «я купался». Дѣти также, какъ и женщины, ни слова не знаютъ по-русски; между тѣмъ для нихъ на погостѣ учреждена школа для обученія русской грамотѣ; десятилѣтній сынъ нашего шкипера уже третій годъ учится въ ильинской школѣ, читаетъ довольно скоро, и однакожъ ни одного слова не понимаетъ. Мнѣ говорили, что здѣсь всѣ школьники выучиваются русской грамотѣ, не понимая ея, и потому начинаютъ извлекать изъ нея пользу только тогда, когда выходятъ изъ-подъ вліянія матерей, и выучиваются говорить по-русски. Поэтому развитіе карельскаго мальчика идетъ очень трудно, несравненно труднѣе, чѣмъ русскаго; онъ долженъ по-крайней-мѣрѣ шесть лѣтъ долбить непонятную грамоту, которая положительно ни къ чему ему не служитъ. Здѣсь мы лицомъ къ лицу встрѣчаемся съ соціальнымъ фактомъ, доказывающимъ, что женщина всегда и вездѣ играетъ главную роль въ образованіи общества. Нежеланіе же карельскихъ женщинъ учиться русскому языку много зависитъ отъ ихъ антипатіи къ русскому населенію, о которомъ составилась здѣсь не совсѣмъ лестная репутація.

Въ родѣ того, какъ дѣти, не понимая ни слова по-русски, читаютъ по-русски, такъ карельскія бабы, ничего не понимая, поютъ русскія пѣсни и другихъ не имѣютъ. Жаль, что я не записалъ ни одной для примѣра; онѣ значительно исковерканы, но до смысла можно добраться. Непонятно, какъ этотъ народъ удовлетворяется пѣснями, смыслъ которыхъ ему неизвѣстенъ; ему доступна только поэзія музыки, но поэзія слова остается для него мертвою; и можетъ быть долго еще, пока этотъ народъ совсѣмъ не потеряетъ свой говоръ, ему придется употреблять чужую логику и чужое неясное слово тамъ, гдѣ оказывается недостаточнымъ его собственное.

Черезъ нѣсколько дней я долженъ былъ возвращаться въ Петербургъ, по ладожскому каналу, а до канала мнѣ хотѣлось добраться не по большой дорогѣ, а по проселочной черезъ глухія деревни, и оттуда уже ѣхать далѣе по каналу. Эта дорога доставила бы мнѣ много разнообразныхъ свѣдѣній, еслибъ я имѣлъ возможность исполнить свое желаніе. Къ сожалѣнію, этотъ путь дотого непроходимъ и дикъ, что я испугался за послѣдствія своего путешествія, и принужденъ былъ отправиться по большой дорогѣ. Послѣ обѣда я выѣхалъ

изъ Олонца и къ вечеру былъ въ Александровской слободѣ, возлѣ Александро-Свирскаго монастыря; это первая русская деревня отъ Олонца; избы впрочемъ такого же устройства, какъ и по Олонкѣ. На другой день утромъ я былъ уже на берегу Свири, въ деревнѣ Ручьевой; отсюда оставалось до канала кажется около тридцати верстъ; дешевле всего было нанять здѣсь лодку и ѣхать по Свири; я такъ и сдѣлалъ. Одинъ старикъ согласился за два рубля дать мнѣ лодку и гребцовъ; это были его дочь и сынъ. И я съ утра до вечера пробылъ на рѣкѣ, испытывая впечатлѣнія чисто сѣвернаго путешествія. Мальчикъ чередовался съ сестрой: то она правила, а онъ тянулъ за бичевку, то онъ садился въ лодку править, а она шла по вязкому берегу, сверкая икрами и согнувшись подъ бичевкой. Вечеромъ мы догнали у какой-то тони трешкотъ, шедшій съ пассажирами изъ Лодейнаго поля въ Ладогу. Этотъ трешкотъ былъ не что иное, какъ тихвинка, на которой сверху быль деревянный колпакъ, образовавшій подъ собой одну общую каюту, въ которой пассажиры располагаются на сѣнѣ другъ подлѣ друга. Въ Ладогѣ я пересѣлъ въ другой, болѣе обширный трешкотъ; тамъ были, кромѣ общей каюты, отдѣльныя; въ каютахъ были столы и скамьи. Вечеромъ я вышелъ на палубу, куда вылѣзли почти всѣ пассажиры; нѣсколько мужиковъ пѣли пѣсни; въ другомъ углу разговаривали. Разговоръ шелъ о томъ, что скоро будетъ тысячелѣтіе Россіи. При этомъ одинъ господинъ разсказалъ легенду о Смольномъ монастырѣ. Этотъ соборъ, послѣ построенія, сто восемьдесятъ лѣтъ простоялъ безъ службы; никакъ не могли *мостки* (лѣса) обобрать. Одинъ старичокъ вызвался это сдѣлать, да ему не повѣрили и за дерзкое самохвальство посадили въ тюрьму. Три года сидѣлъ онъ за то, что хотѣлъ взяться за дѣло, которое ученые не могли рѣшить. Наконецъ, когда ученые сами отказались, старичка выпустили и велѣли ему убрать мостки. Онъ помолился и говоритъ: «ну, теперь снимайте мостки! Теперь ничего не *кряхнетъ.*» Лѣса обобрали и служба пошла.

Долго длилась эта бесѣда, но наконецъ стали расходиться; осталось три или четыре человѣка, да и тѣ, поужинавши хлѣбомъ, уткнулись въ шубы. Я провелъ всю ночь на палубѣ, и ничего не потерялъ. Тогда какъ днемъ каналъ скученъ своимъ однообразіемъ, въ безлунную ночь онъ хорошъ и даже поэтиченъ. Темныя суда, огни въ домахъ, сцена пьяныхъ на проплывшемъ мимо суд-

нѣ, безпрестанные крики: «на верёхъ! на верёхъ!», брань, шлепанье канатовъ по водѣ, говоръ на берегу, доходящій по большей части черезъ отраженіе, и безъ–умолку шумящіе пассажиры въ буфетѣ навсегда остались у меня въ памяти, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моего путешествія.

ГР. ПОТАНИНЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Замѣна откупной системы акцизомъ.—Постановленіе по этому предмету.—Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.—О мануфактурной выставкѣ.—Статья г. Рафаила Зотова о графѣ Аракчеевѣ.—О разбойникахъ въ старорусскомъ уѣздѣ.

Литература наша въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ постоянно громила разныя злоупотребленія по виннымъ откупамъ; продѣлки откупщиковъ служили даже сюжетами для повѣстей и романовъ; стихотворцы наши тоже нерѣдко настроивали свои арфы для откупныхъ мотивовъ; еще въ прошедшемъ году обществу сдѣлалось извѣстнымъ, что правительство намѣрено отмѣнить откупную систему. Въ октябрѣ 1860 года состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о замѣнѣ съ 1863 года откупной системы акцизною, и съ тѣмъ вмѣстѣ указаны были главныя основанія, на которыхъ должны быть составлены правила объ акцизѣ съ питей. Для составленія положенія объ акцизной системѣ назначена была коммисія изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ отъ академіи наукъ, и изъ спеціалистовъ по части винокуренія и проч. Коммисія составила цѣлый кодексъ, имѣющій опредѣлить: мѣру акциза, способъ взиманія его; отношенія и дѣятельность *акцизнаго управленія* (это новая отрасль управленія, имѣющая возникнуть вмѣстѣ съ введеніемъ въ дѣйствіе новый системы), права и порядокъ

торговли и т. п.; трудъ этотъ внесенъ въ государственный совѣтъ для окончательнаго утвержденія; по всей вѣроятности немногія статьи этого кодекса будутъ измѣнены совѣтомъ, но во всякомъ случаѣ измѣненія эти будутъ относиться лишь къ частностямъ устава, а общія его начала, указанныя самимъ государственнымъ совѣтомъ естественно должны остаться и могутъ быть сообщены публикѣ, какъ разсмотренный уже проэктъ закона. Мы не беремся передать подробно всѣхъ разнообразныхъ особенностей проэктированнаго коммисіей устава, а ограничимся главными и общими его чертами.

Акцизъ опредѣляется съ количества вина, которое можетъ быть выкурено на заводѣ, взиманіе же акциза будетъ производиться по мѣрѣ обращенія вина въ продажу заводчикомъ.

Для этого предстояло установить правила, на основаніи которыхъ можно бы было съ *надлежащей* точностью опредѣлять силу каждаго завода; средствомъ для этого избрано измѣреніе объема винокуренной посуды (квасильныхъ чановъ) и опредѣленіе *каждый разъ* крѣпости вина посредствомъ спиртомѣровъ. Нормальный выходъ вина опредѣленъ изъ пуда ржаной муки (32 %), къ чему приравнены и прочіе продукты, употребляемые для винокуренія. Норма эта представляетъ высшій процентъ добыванія спирта, возможный только на большихъ и усовершенствованныхъ заводахъ; для прочихъ же нашихъ заводчиковъ, по отзывамъ экспертовъ, приглашенныхъ къ составленію проэкта устава, норма эта будетъ тягостна; но понизить ее, безъ причиненія ущерба казнѣ по другимъ заводамъ, оказалось невозможнымъ, какъ сказано въ проэктѣ устава; впрочемъ, надо надѣяться, прибавлено въ проэктѣ, что эта норма побудитъ заводчиковъ къ усовершенствованію своихъ заводовъ.

«Нормальный выходъ вина изъ даннаго количества припасовъ, употребляемыхъ на его производство, при извѣстной ёмкости квасильныхъ чановъ, обезпечиваетъ правительству опредѣленную сумму акцизнаго сбора, — говориться въ проектѣ устава (С. Пет. Вѣд. № 130); при опредѣленной нормѣ выхода техническое несовершенство нѣкоторыхъ заводовъ, гдѣ вина выкуривается менѣе нормы, не имѣетъ никакого вліянія на общую сумму питейнаго сбора». Далѣе говорится: «Понятно, что еслибы заводчики никакимъ образомъ не могли выкуривать на своихъ заводахъ вина болѣе нормальнаго размѣра, то при обложеніи акцизмомъ емкости квасильныхъ чановъ, по измѣреніи заводской посуды, правительству вовсе не было бы надобности хлопо-

тать о надзорѣ за производствомъ винокуренія и выпускомъ вина изъ подваловъ». Но достигнуть этого оказывается невозможнымъ, потому что техника винокуренія во многомъ допускаетъ уклоненія отъ опредѣленной нормы, именно: при извѣстной емкости квасильнаго чана можно увеличивать количество спирта въ сравненіи съ количествомъ, получаемымъ обыкновенно, затирая бо́льшее противъ обыкновеннаго количества муки, или употребляя вмѣсто одного рода припасовъ другіе; кромѣ того усовершенствованіе винокуренныхъ способовъ способствуетъ наибольшему полученію вина противъ расчитаннаго для обыкновенныхъ винокуренныхъ заводовъ.

Для предохраненія правительства отъ потери акциза съ вина, выкуреннаго сверхъ нормы, опредѣленной сообразно силѣ заводовъ и обычнымъ способомъ винокуренія, коммисія, составленная, какъ мы замѣтили выше, изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, «не могла найти другаго способа» какъ обязать заводчиковъ заявлять о количествѣ и родѣ затираемымъ ими припасовъ и повѣрять справедливость ихъ показаній непосредственнымъ наблюденіемъ; а для поощренія владѣльцевъ заводовъ къ усовершенствованію производства винокуренія и къ правильнымъ показаніямъ излишка вина, получаемаго противъ нормы, опредѣлено: перекуренное количество вина обложить акцизомъ въ половинномъ размѣрѣ противъ нормы.

Непосредственное наблюденіе правительства, *посредствомъ* чиновниковъ будетъ заключаться, между прочимъ, въ слѣдующемъ: опредѣленіе, разумѣется, съ помощію спиртомѣра, крѣпости вина на каждомъ винокуренномъ заводѣ, при каждой выкуркѣ; повѣрка, дѣйствительно ли столько затерто заводчикомъ хлѣба и какого именно, сколько онъ объявилъ, сколько выкурено вина и сколько отпущено въ продажу; кромѣ того «коль возможно чаще» производить ревизію винокуренныхъ заводовъ; наблюдать, чтобы не было корчемства съ помощію устройства отдѣльныхъ отъ завода перегонныхъ аппаратовъ; пробовать заторы, нѣтъ ли тамъ патоки и другихъ сахаристыхъ веществъ, которыя воспрещены, потому что увеличиваютъ количество выкуриваемаго вина противъ нормы.

Коммисія признала впрочемъ, что правительственная повѣрка сопряжена съ большими затрудненіями и стѣсненіемъ для заводчиковъ, поэтому, въ избѣжаніе этихъ стѣсненій, предложила способъ установленія другихъ нормъ, соотвѣтствующихъ обыкновеннымъ выходамъ на заводахъ, достигшихъ уже извѣстной степени совершенства. Въ

этомъ случаѣ изъ пуда ржаной муки вмѣсто 0.32 ведеръ безводнаго спирта, принимается 0.34 ведра, разсчитывая выходы изъ другихъ припасовъ сообразно уже принятому ихъ отношенію къ пуду ржаной муки. Такимъ образомъ получается другой рядъ нормъ для выхода вина, которыя названы *высшими.* Принятіе этихъ высшихъ нормъ признано необязательнымъ для заводчиковъ, потому что значительная часть заводовъ въ Россіи, при нынѣшней степени ихъ несовершенства, не могутъ курить по этой высшей нормѣ. Поэтому, коммисія положила предоставить самимъ заводчикомъ избирать, желаютъ ли они курить вино по высшей или низшей нормѣ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣднемъ случаѣ, вино полученное сверхъ опредѣленной нормы, оплачивалось половиннымъ акцизомъ; въ первомъ же — совсѣмъ было изъято изъ акциза; здѣсь полнымъ освобожденіемъ отъ акциза за перекуренное вино, по мнѣнію коммисіи, устранено будетъ побужденіе со стороны заводчика къ сокрытію выхода вина, и упростится самый надзоръ за заводами.

Охранительныя и контрольныя мѣры, предложенныя коммисіей состоятъ въ томъ, что для облегченія надзора за заводами и для отстраненія устройства слишкомъ мелкихъ заводовъ предположено установить наимѐньшій размѣръ въ 540 ведеръ всѣхъ квасильныхъ чановъ въ совокупности на заводѣ, полагая одинъ рядъ квасильныхъ чановъ, въ 4 чана, по 135 ведеръ емкости каждый. Такой заводъ, въ теченіи всего періода винокуренія, выкуритъ 2,250 ведеръ полугара. Относительно порядка винокуренія, коммисія положила, что винокуреніе можетъ производиться не иначе какъ съ разрѣшенія, и притомъ съ точнымъ соблюденіемъ дней начала и окончанія производства, числа ежедневныхъ затировъ, количества и рода затираемыхъ матеріаловъ; въ видахъ облегченія надзора и контроля, принята наименьшая продолжительность срока винокуренія; для отстраненія же могущихъ быть злоупотребленій отъ излишней выкурки вина противъ предварительныхъ исчисленій, основанныхъ на силѣ завода и заявленномъ числѣ, родѣ и величинѣ заторовъ, положено, чтобы заводчикъ безъ заявленія не затиралъ количества припасовъ болѣе установленнаго. основаннаго на емкости квасильныхъ чановъ, и безъ разрѣшенія не замѣнялъ бы одинхъ припасовъ другими.

Разсуждая о способѣ контролированія операцій винокуренія, коммиссія нашла, что постоянное пребываніе надсмотрика отъ казны на каждомъ заводѣ, *врядъ ли* было бы удовлетворительнымъ средствомъ;

кромѣ того коммисія признала, что нѣтъ возможности пріискать столько благонадежныхъ агентовъ, сколько существуетъ заводовъ; наконецъ коммисія «не хотѣла» стѣснять заводчиковъ пребываніе же постояннаго агента непремѣнно ихъ стѣснило бы; а между тѣмъ весь правительственный контроль былъ бы основанъ на личномъ показаніи агентовъ и личномъ къ нимъ довѣріи; вслѣдствіе этихъ-то соображеній коммисія и нашла менѣе стѣснительнымъ для заводовъ и болѣе безопаснымъ для правительства способъ, основанный на *сколь-возможно-частой* ревизіи.

Порядокъ выпуска вина въ продажу заключается въ томъ, что заводчикъ, въ распоряженіи котораго находится подвалъ, обязанъ каждодневно свозить въ подвалъ выкуренное вино и вести акуратно-приходо-расходную книгу, а вино отпускать не иначе какъ съ накладными. Ревизоры, конечно, будутъ повѣрять этотъ порядокъ.

Согласно указанію государственнаго совѣта, право владѣть винокуреннымъ заводомъ будетъ принадлежать только тѣмъ лицамъ, которыя имъ доселѣ пользуются, т. е. дворяне; но коммисія, убѣждающая вообще смотрѣть на эту мѣру какъ на переходную и возвышающая свой голосъ противъ монополіи этого права, вредящей земледѣльческимъ интересамъ страны,—рѣшила что арендовать винокуренные заводы могутъ лица всѣхъ сословій имѣющіе права на заводскую промышленность.

Пивовареніе и медовареніе тоже подчинено акцизу, который, по мнѣнію коммисіи, долженъ взиматься съ размѣра заводской посуды для приготовленія этихъ напитковъ. Акцизъ этотъ уплачивается впередъ за все количество свареннаго пива. Медоваренная посуда облагается акцизомъ въ четверо болѣе того какимъ облагается на пивоварняхъ,—потому что въ каждомъ котлѣ безъ затрудненій можетъ быть сдѣлано по четыре вари.

Правила для торговли напитками, проектированныя коммисіей, состоятъ въ слѣдующемъ: всѣ мѣста, въ которыхъ могутъ быть продаваемы напитки, раздѣлены на два разряда: на *собственно питейныя* заведенія и *обыкновенныя торговыя.* Къ первымъ отнесены заведенія, которыя занимаются исключительно продажей питей, и притомъ продаютъ ихъ *непремѣнно* и *распивочно*, т. е. питейныя дома, шинки, выставки, распивочные погреба, портерныя лавки, корчмы, и постояные дворы, если въ нихъ продаютъ питья. Заведенія же, продающія напитки только на выносъ, отнесены къ обыкновеннымъ

торговымъ заведеніямъ; сюда принадлежатъ: оптовые склады, ренсковые погреба безъ распивочной продажи, водочные магазины, лавки, называющіяся нынѣ штофными и ведерными, мелочныя, фруктовыя и т. п., наконецъ и трактиры.

Всѣ заведенія какъ оптовыя, такъ и продающія на выносъ, коммисія предположила подчинить въ отношеніи разрѣшенія открытія ихъ, общимъ правиламъ обыкновенныхъ торговыхъ заведеній; поэтому мѣстныя начальства должны дозволять открытіе этихъ заведеній только тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ право въ томъ мѣстѣ на торговлю и снабдили себя патентами на продажу питей. Что же касается собственно питейныхъ заведеній, то уже государственный совѣтъ указалъ, что дозволять открывать ихъ «лицамъ, имѣющимъ право на торговлю—въ городахъ, съ разрѣшенія городскаго начальства, а въ селеніяхъ помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ съ разрѣшенія: въ первыхъ—ихъ владѣльцевъ, а въ послѣднихъ—вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ; но коммисія нашла, что для сокращенія переписки и для предупрежденія злоупотребленій, могущихъ происходить отъ *произвола* административныхъ мѣстъ и лицъ, слѣдуетъ дозволить разрѣшать питейныя заведенія въ казенныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ самимъ сельскимъ обществамъ, по приговорамъ.

Число питейныхъ заведеній не опредѣляется; мѣста открытія ихъ также избираются свободно, исключая мѣстъ близъ храмовъ, кладбищъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній и т. п.

Что касается до лицъ, которымъ можетъ быть предоставлена питейная продажа, то коммисія примѣнила къ питейной продажѣ общія постановленія о правахъ на торговлю; причемъ каждый желающій открыть питейный домъ, въ удостовѣреніе своей благонадежности, долженъ представить свидѣтельство о доброй нравственности, за подписью трехъ извѣстныхъ ратушѣ, или думѣ лицъ, а въ селеніяхъ трехъ благонадежныхъ хозяевъ.

При составленіи проекта положенія коммисія имѣла въ виду также и охраненіе народной нравственности, подобно тому какъ и настоящее наше законодательство содержитъ въ себѣ эти мѣры и для откупной системы; такъ въ видахъ наименьшаго привлеченія народа въ питейныя заведенія и для облегченія полицейскаго надзора коммисія установила, чтобы питейный домъ или шинокъ занималъ только одну комнату, безъ лавокъ, стульевъ и прочей мебели и т. п.

и чтобы въ питейныхъ заведеніяхъ не было никакихъ закусокъ, кромѣ хлѣба.

Въ устройствѣ управленія акцизнымъ сборомъ въ губерніяхъ, положено сосредоточить все-акцизное управленіе въ губерніи въ лицѣ одного отвѣтственнаго управляющаго акцизнымъ сборомъ, и возложить на него общее наблюденіе за исполненіемъ на всемъ пространствѣ губерніи, законовъ и правилъ положенія о питейномъ сборѣ, и принятіе всѣхъ необходимыхъ для этой цѣли мѣръ. Коммисія, для облегченія обязанности управляющаго, положила ввести въ составъ губернскаго акцизнаго управленія: помощника управляющаго и ревизоровъ, подчиненныхъ главному управляющему; за тѣмъ изъ этой начальственно-административной точки исходятъ концентрически дальнѣйшіе круги акцизнаго управленія, состоящіе изъ особыхъ мѣстныхъ управленій, дѣйствія которыхъ будутъ простираться только на одинъ или нѣсколько смежныхъ уѣздовъ, соединенныхъ, смотря по удобству, въ одинъ акцизный округъ; начальники этихъ округовъ будутъ называться надзирателями акцизнаго сбора, и у нихъ въ свою очередь также будутъ помощники; объ остальныхъ же непремѣнныхъ членахъ всѣхъ управленій, именно: секретаряхъ, *письмо*водителяхъ, *дѣло*производителяхъ, бухгалтерахъ, контролерахъ, ихъ помощникахъ, канцелярскихъ чиновникахъ и служителяхъ и т. д., — мы не говоримъ какъ о предметѣ общеизвѣстномъ, и подразумѣваемомъ вездѣ, гдѣ дѣло касается административныхъ учрежденій.

Лица по акцизному управленію могутъ быть избираемы изъ всѣхъ сословій, но во время служенія ихъ отечеству на акцизномъ полѣ будутъ считаться чиновниками.

Главнѣйшія обязанности управляющаго акцизнымъ сборомъ будутъ состоять, между прочимъ, въ рѣшеніи дѣлъ по нарушенію правилъ о питейномъ сборѣ, или въ наложеніи штрафовъ и взысканій, въ указанныхъ въ проектѣ положенія случаяхъ.

«Въ отношеніи къ начальнику губерніи, акцизныя управленія отнесены къ тѣмъ казеннымъ управленіямъ, гдѣ губернаторы не входятъ ни въ какія непосредственныя распоряженія; впрочемъ, когда замѣтятъ въ ихъ дѣйствіяхъ злоупотребленія, или же иное, хотя и не съ вреднымъ умысломъ допускаемое, нарушеніе порядка и нерадѣніе о выгодахъ казны, то обязаны поставлять на видъ тѣмъ управленіямъ; въ случаѣ, если замѣчанія губернатора будутъ оставлены безъ вниманія, и безпорядки не прекратятся, особенно же, если са-

мое мѣстное управленіе и ближайшее надъ нимъ начальство допускаютъ безпорядки или злоупотребленія, то губернаторъ, не теряя времени, доводитъ о томъ до свѣдѣнія высшаго надъ тѣми управленіями начальства по принадлежности».

Точно также и опредѣленіе должностныхъ лицъ по акцизному управленію поставлено въ независимость отъ начальника губерніи, потому что, по мнѣнію коммисіи, для успѣшнаго исполненія возлагаемыхъ на управленіе обязанностей, оно должно пользоваться *самостоятельной властью*. Власть начальника губерніи, по надзору за дѣйствіями акцизнаго управленія, ограничена вмѣшательствомъ только тамъ, гдѣ открываются злоупотребленія. Поэтому начальнику губерніи вмѣняется въ обязанность назначать ревизіи заводовъ, чрезъ своихъ чиновниковъ, при особыхъ только случаяхъ, какъ, напримѣръ, жалобахъ, замѣченныхъ безпорядкахъ, открывающихся корчемствахъ, слабомъ смотрѣніи за заводами и т. п.»

«Казенныя палаты обязаны только контролировать денежную отчетность акцизнаго управленія».

Особенная привиллегія службы по акцизному управленію состоитъ въ томъ, что въ пользу чиновника, открывшаго злоупотребленіе заводчика и т. п., обращается половина штрафа; изъ другой же половины половина обращается въ кассу, а другая половина—въ особый капиталъ департамента разныхъ податей и сборовъ, для раздачи въ награду должностнымъ лицамъ, отличающимся при открытіи корчемства, и въ пособіе служащимъ по акцизному управленію.

Въ порядкѣ производства слѣдствій и дѣлъ о нарушеніяхъ правилъ питейнаго сбора, коммисія соединила вмѣшательство и вліяніе полиціи съ абсолютной властью акцизнаго управленія, предоставивъ, впрочемъ, ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ «*нѣкоторую степень власти*» по наложенію взысканій на заводчиковъ, за нарушеніе ими правилъ о выдѣлкѣ питей и выпускѣ ихъ съ заводовъ и изъ заводскихъ подваловъ и складовъ.

Опредѣленіе размѣра акциза съ вина составляетъ важнѣйшую сторону новаго положенія, потому что цифрой акциза опредѣляется и доходъ казны, и тягости народа, уплачивающаго этотъ налогъ изъ своихъ добытковъ. Соображенія коммисіи и собранныя его по этому предмету статистическія данныя открываютъ весьма любопытныя явленія народнаго быта, обличающія отчасти и степень благосостоянія массъ, съ чѣмъ фактически мы вообще очень мало знакомы.

Чтобы избѣжать объемистыхъ комментаріевъ, которые были бы необходимы при объясненіи явленій, обращающихъ на себя по нашему воззрѣнію, особенное вниманіе, мы предпочли, не вдаваясь въ разсужденія, просто подчеркнуть тѣ строки соображеній коммисіи, которыя содержатъ въ себѣ любопытныя и важныя указанія; надѣемся, что читатель самъ пойметъ сущность ихъ и дополнитъ собственной мыслью то, что̀ мы хотѣли бы сказать.

Для опредѣленія акциза коммисіею были приняты въ соображеніе: 1) доходъ казны отъ питейныхъ сборовъ; 2) количество потребляемаго народомъ вина̀; 3) случаи увеличенія и уменьшенія потребленія вина̀ и дохода казны отъ измѣненія системы питейныхъ сборовъ и возвышенія или пониженія размѣра ихъ, и, наконецъ, 4) расходъ народа на вино.

1) Дѣйствительный доходъ казны въ послѣдніе два года былъ слѣдующій:

Доходы:		
По великороссійскимъ и сибирскимъ губерніямъ:	*1859 г.*	*1860 г.*
за акцизныя статьи	41,074,987 р.	41,983,278 р.
за выбранное казенное вино	53,090,406 »	56.267,663 »
По привиллегированнымъ губерніямъ, за откупа акцизные и чарочные . . .	24,233,047 »	21,734,666 »
По прибалтійскимъ губерніямъ, съ городовъ и винокуренной подати . . .	798,745 »	804,554 »
	119,197,185 р.	128,790,161 р.
Расходы:		
На заготовленіе вина для великороссійскихъ и сибирскихъ губерній по $71^{1}/_{5}$ коп. (1859) и $76^{6}/_{01}$ (1860) за ведро . .	14,938,235 р.	16,163,128 р.
На управленіе питейнымъ сборомъ	830,341 »	810,522 »
	15,768,576 р.	16,973,650 р.

Итакъ, чистаго дохода было: въ 1859 году — 103,428,609 р., а въ 1860 — 103,816,511 р.; среднею же цифрою принято 103,500,000.

«Но цифру эту нельзя было принимать въ основаніе при исчисленіи будущихъ доходовъ казны. Доходъ казны за предъидущее двухлѣтіе, съ 1857—1859 г., составлялъ 66 мильйоновъ въ годъ; но при отдачѣ откуповъ на четырехлѣтіе съ 1859 года, наддача была болѣе чѣмъ на 40 мильйоновъ, что̀ составляетъ около 53%. Такая безпримѣрная, въ исторіи питейныхъ откуповъ, наддача, основывалась, по объясненію министра финансовъ, «не столько на дѣйствительномъ

ходѣ откупныхъ дѣлъ до 1859 года, сколько на надеждахъ на вящшее улучшенiе оныхъ впредь». Именно откупщики разсчитывали, между-прочимъ, на полученiе значительныхъ прибылей отъ проведенiя желѣзныхъ дорогъ и на освобожденiе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но ожиданiя эти не оправдались. *Открытiе новыхъ желѣзныхъ дорогъ замедлилось, а отмѣна крѣпостной зависимости, если не уменьшила, то уже никакъ не увеличала потребленiе вина.* Кромѣ-того, неожиданное возникновенiе и развитiе, въ западныхъ губернiяхъ, обществъ трезвости значительно повредило доходамъ содержателей откуповъ. *Угрожаемые сдѣлаться несостоятельными, откупщики, для поддержанiя своихъ доходовъ, довели до крайнихъ предѣловъ злоупотребленiя при продажѣ питей, въ ущербъ общественной нравственности и народнаго благосостоянiя. Эти, всѣмъ извѣстные факты вызвали, въ разныхъ мѣстахъ, нѣкоторые безпорядки, что побудило правительство принять надлежащiя противъ нихъ мѣры. Но не взирая на это, и въ настоящее время весь доходъ откупщиковъ основывается единственно на продажѣ вина дурнаго качества по возвышеннымъ, противъ откупныхъ условiй, цѣнамъ, на непомѣрномъ возвышенiи дохода съ акцизныхъ статей посредствомъ недозволенныхъ закономъ мѣръ, вредныхъ для частной промышлености, и на разныхъ другихъ притѣснительныхъ дѣйствiяхъ.* При всемъ-томъ, откупщики не выручаютъ такихъ прибылей, какiя получались ими прежде, и многiе изъ нихъ находятся въ крайне-затруднительномъ положенiи.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нетолько нельзя разсчитывать на возвышенiе откупной суммы, а, напротивъ, скорѣе можно ожидать пониженiя оной.

2) По официальнымъ свѣдѣнiямъ, среднее потребленiе вина за 1859 и 1860 г. составляетъ въ годъ:

		Ведръ.
1)	По великороссiйскимъ, сибирскимъ, и Ставропольской губернiямъ . . .	21,432,000
2)	По 16-ти привиллегированнымъ губернiямъ	23,340,000
3)	По остзейскимъ приблизительно . .	1,500,000

По расчету на безводный спиртъ выйдетъ, что въ мѣстахъ первой категорiи спирту потребляется 8,144,000 ведеръ, во второй—11,203,000, а въ третьей—750,000 ведеръ. Слѣдовательно, приходится на каждую душу:

	Вина.	Спирту.
По великороссійскимъ, сибирскимъ и Ставропольской губерніямъ. . . .	0,50	0,20
По 16-ти привиллегированнымъ губерніямъ	1,30	0,62
По остзейскимъ, приблизительно . . .	0,88	0.44

Всего же изъ 20,097.000 вед. безводнаго спирта на каждую душу обоего пола, въ мѣстахъ всѣхъ трехъ категорій приходится: 0,33.

Приведенныя цифры ниже дѣйствительныхъ, потому-что въ продажѣ есть *нѣкоторое количество и корчемнаго вина́*, и, кромѣ того, при пріемѣ казною отъ заводчиковъ вина́, допускается закономъ, въ пользу откупщика, нѣкоторая скидка изъ крѣпости вина́, и еще *установлена произволомъ* откупщика скидка изъ принимаемаго количества, около 20 ведеръ съ тысячи.

Сравненіе количества вина́, потребляемаго въ великороссійскихъ губерніяхъ, съ потребляемымъ въ *привиллегированныхъ*, показываетъ, что *въ послѣднихъ, по разсчету на число жителей, потребленіе втрое болѣе.* Главная причина такой разницы заключается въ чрезмѣрно-высокой цѣнѣ въ великороссійскихъ губерніяхъ вина́ и монополіи въ раздробительной продажѣ, препятствующихъ водворенію правильнаго потребленія его.

Возвышеніе цѣнъ по великороссійскимъ и сибирскимъ губерніямъ началось съ 4-хъ-лѣтія 1843—1847 года, такъ что *полугаръ отъ его законной цѣны* въ 3 рубля *дошелъ*, въ настоящее время, какъ обнаруживаютъ собранныя офиціальныя свѣдѣнія, *въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 10 р.*, и только *въ очень-немногихъ мѣстахъ, продается по 5 и по 4 рубля.* Вслѣдствіе такой системы возвышенія цѣнъ, принятой откупщиками, доходъ казны возвышался; но, несмотря на это увеличеніе налога, потребленіе вина не уменьшалось, но еще увеличивалось, и именно:

	Средній доходъ въ годъ. руб.	Потребленіе вина. ведра.
Съ 1843—1847 годъ.	42,762,338	16,612,343
» 1847—1851.	44,498,181	16,727,966
» 1851—1855.	52,375,558	16,658,471
» 1855—1857.	55,726,496	17,882,876
» 1557—1859.	57,845,208	20,501,099
» 1859—1861.	80,657,484	21,432,000

Приведенныя цифры показываютъ, что упадало налогу:

Съ 1857—1859 г. по 1 р. 44 к. на душу и по 2 р. 82 к. на ведро, а съ 1859—1861. . . . . 3 р. 1 к. . . . . . . 3 р. 76 к. . . . . .

Такимъ образомъ, съ увеличеніемъ, въ двухлѣтіе 1859—61 г., налога противъ предъидущаго на душу на 39%, а на ведро 33%, потребленіе вина нетолько не уменьшилось, но еще увеличилось на $4\frac{1}{2}$%. Этотъ фактъ, очевидно, доказываетъ, что потребленіе вина въ великороссійскихъ губерніяхъ еще столь-незначительно, что даже чрезмѣрно-возвышенный налогъ не препятствуетъ увеличенію потребленія вина. При пониженіи же налога должно ожидать весьма-значительнаго усиленія потребленія.

Сумма, расходуемая народомъ на вино, можетъ быть опредѣлена только приблизительно. По имѣющимся свѣдѣніямъ о продажныхъ цѣнахъ на вино, сумма эта опредѣляется отъ 180,000,000 до 200,000,000; но она на разныя мѣстности Россіи распредѣляется недовольно-равномѣрно. Изъ этой суммы 103,000,000 р. обращается въ пользу казны, до 40,000,000 р. идутъ на покрытіе стоимости вина, а остальное въ пользу откупщиковъ и другихъ продавцовъ вина и на ихъ расходы. Болѣе-точнаго распредѣленія на народъ означенной суммы сдѣлать невозможно, кромѣ той части ея, которая поступаетъ въ казну, т. е. 103,500,000. Изъ этого числа, въ 1859 и 1860 годахъ, 80,657,485 р. упадало на великороссійскія и сибирскія губерніи; это составляло на ведро полугара 3 р. 76 к., на ведро безводнаго спирта 9 р. 89 к., а на душу 2 р. 1 к. Доходъ, получаемый казною въ привиллегированныхъ губерніяхъ — 22,983,000, что составляетъ, въ сренней сложности, на душу 1 р. 24 копейки. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ губерніяхъ налогъ этотъ распредѣляется весьма-неровно между губерніями.

Изъ сравненія великороссійскихъ губерній съ привиллегированными оказывается, что *обширная часть сѣверной и восточной Россіи и западная часть Сибири не выносятъ и такого налога*, какой падаетъ на привиллегированныя губерніи. Все это показываетъ, что для того, чтобы сдѣлать правильное потребленіе вина доступнымъ для народа, и такимъ путемъ достигнуть обезпеченія казеннаго дохода, безъ излишняго отягощенія потребителей, необходимо значительно понизить цѣны на вино въ великороссійскихъ губерніяхъ.

При невозможности обезпечить надежнымъ образомъ поступленіе питейнаго дохода, въ-случаѣ установленія различныхъ размѣровъ акцизнаго сбора, независимо отъ другихъ неудобствъ, которыя послѣдовали бы отъ принятія такой мѣры, коммисія нашла, что, затѣмъ, остается опредѣлить какъ для великороссійскихъ, такъ и для привил-

легированныхъ губерній акцизъ въ одинаковомъ размѣрѣ. По соображеніи *разныхъ разсчетовъ,* она остановилась на размѣрѣ акциза въ 4 рубля съ ведра безводнаго спирта.

По мнѣнію коммисіи, размѣръ акциза въ 4 рубля на ведро спирта, достаточно облегчивъ народонаселеніе великороссійскихъ губерній, *обремененныхъ налогомъ до чрезмѣрности*, не составитъ и для привиллегированныхъ губерній такой *тягости*, которую можно бы было назвать *невыносимою*. Слѣдовательно, вообще, въ распредѣленіи налога по всей имперіи достигнется большая справедливость, а казна получитъ, по всей вѣроятности, тотъ же питейный доходъ, какой получается ею и нынѣ.

Впрочемъ, соразмѣрность ввеличины акциза съ предполагаемымъ доходомъ казны отъ питей будетъ во власти правительства. Если по введеніи новой системы окажется, что акцизъ въ 4 рубля съ ведра спирта слишкомъ—малъ, для полученія предположеннаго дохода, то онъ можетъ быть повышенъ, и наоборотъ, можетъ быть сдѣлано пониженіе акциза, если, *по состоянію государственнаго казначейства, онъ признается высокимъ*.

Акцизъ съ пива и меду опредѣленъ въ 30 к. съ ведра, вмѣсто 40—45 к., взимаемыхъ теперь откупщиками въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Расходы на акцизное управленіе по губерніямъ, считая въ томъ числѣ и проценты, опредѣленные чиновникамъ въ вознагражденіе съ количества вина, оплаченнаго акцизомъ на заводахъ, порученныхъ ихъ надзору, всего, по соображеніямъ коммисіи, должны простираться до 5 милліоновъ руб. сер., т. е. среднимъ числомъ по 500 р. на душу, предполагая составъ управленія въ 10 тысячъ чиновниковъ, какъ мы говорили выше..

Кромѣ акциза, будетъ взиматься еще патентный сборъ съ каждаго завода для выдѣлки питей и съ мѣстъ продажи ихъ. Кромѣ вольной продажи питей, будетъ еще и казенная продажа въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ выкуривается вина менѣе нежели потребляется; но цѣны казеннаго вина предполагается назначить выше частныхъ, чтобы не стѣснять свободной промышленности; эта послѣдняя мѣра едва ли и можетъ представлять возможность пониженія цѣнъ противъ промышленныхъ, потому что заготовленіе вина и храненіе его чиновниками во всякомъ случаѣ увеличитъ расходы противъ обыкновенныхъ нормальныхъ.

Изложивъ сущность новыхъ постановленій, имѣющихъ замѣнить

собою откупную систему, приносившую *правительству* сто милліоновъ годоваго дохода,—мы хотимъ сдѣлать вопросъ: можно ли намъ ожидать отъ этой перемѣны тѣхъ благъ, которыя ожидаются преимущественно потому только, что отмѣняется откупная система?

Общественная деморализація, съ помощію откуповъ, и въ особенности деморализація того класса, члены котораго служать органами управленія, представляетъ, по нашему мнѣнію, такое препятствіе ко всякому истинному прогрессу, что никакія частныя мѣры, никакія постановленія, имѣющія частныя характеръ, не въ силахъ скоро измѣнить привычнаго порядка; откупщики подкупали въ свою пользу чиновниковъ (объ этомъ уже такъ много писано, что мы ограничиваемся одной этой фразой), чиновники дѣлали имъ за то всѣ возможныя уклоненія отъ условія и отъ закона, какъ сказано въ соображеніяхъ коммисіи; теперь вмѣсто откупщиковъ являются съ своими вѣчными интересами заводчики, а чиновники остаются тѣ–же; теперь правительство обязываетъ откупщиковъ условіями, закономъ и наблюденіемъ, и обезпечиваетъ исполненіе своихъ требованій залогами, составляющими собственность откупщиковъ; съ новымъ порядкомъ все это измѣняется лишь на довѣріе правительства къ чиновникамъ акцизнаго управленія; никакой контроль не приводитъ къ желаемымъ результатамъ, и безсиліе контролированія одного чиновника другимъ, въ акцизномъ хозяйствѣ едва–ли представляетъ что нибудь благонадежное. Откупщики разбавляли водку, отравляя ее кромѣ того разными болѣе или менѣе вредными примѣсями, потому что ихъ право монополіи и безотвѣтственность передъ закономъ, съ помощію чиновниковъ, условливало возможность этого; теперь — кто и что будетъ мѣшать всѣмъ этимъ продѣлкамъ, когда торговля виномъ сдѣлается доступнымъ всякому желающему; гдѣ будетъ еще конкуренція, тамъ можно ожидать, что скоро будетъ понятъ вредъ плутовства для собсобственныхъ же интересовъ; а гдѣ конкуренціи можетъ не быть, какъ напримѣръ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, или въ селеніяхъ, казенныхъ и удѣльныхъ, гдѣ продавцы вина будутъ заключать выгодныя для себя контракты съ сельскими управленіями, выговаривая для себя даже право монополіи; а въ возможности существованія этого едвали можно сомнѣваться; кромѣ того, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ продажа вина будетъ производиться временно,—обмѣриваніе, разсыропливаніе и даже вредныя примѣси неизбѣжны. Въ подобныхъ дѣлахъ какъ продажа вина, нужна нѣкоторая честность массъ, вошедшая какъ–бы въ инстинктъ; а гдѣ же *мы–то* возьмемъ ее?

Все это заставляетъ сомнѣваться, чтобы взамѣнъ откупныхъ, не выросли передъ нашими глазами какія либо новыя изобрѣтенія подкупа, обмана, мошенничества, воровства и всякаго подобнаго безобразія. А тамъ, пожалуй, снова поднимется умирающая, стоглавая гидра— откупъ... и, можетъ быть уже не съ сотней, а съ двумя сотнями милліоновъ рублей...,

Подобно тому господину, который писалъ къ своему начальнику: «считалъ бы себя преступнымъ, еслибы не принесъ вашему превосходительству наиглубочайшаго поздравленія съ новымъ годомъ»— и мы можемъ сказать, что считали бы себя преступными, если бы ничего не сказали о выставкѣ русскихъ мануфактурныхъ произведеній, бывшей здѣсь въ теченіи прошедшаго мѣсяца. Принадлежа къ періодическимъ и довольно рѣдкимъ явленіямъ современной цивилизаціи, выставки, по теоріи, должны бы имѣть важное значеніе какъ для производителей, такъ и для потребителей всего, что производится въ странѣ; но мы были бы несправедливы, если бы сказали, что наши русскія выставки имѣютъ то же важное значеніе. Что-то не полное, что-то случайное, только кажущееся, а не дѣйствительно существующее, что-то не самобытное, а подражательное, и при томъ пустое, тщеславное,—представляютъ наши выставки. Иниціатива нашихъ выставокъ принадлежитъ не обществу, не смотря на то, что они составляютъ явленіе исключительно общественное: поэтому едва ли они могутъ служить полнымъ выраженіемъ производительной дѣятельности общества и естественныхъ богатствъ страны. На каждой изъ нашихъ выставокъ сколько можно встрѣтить предметовъ, которыя составляя собою не болѣе какъ случайность, ничего общаго невыражающую,—неизвѣстно съ какой цѣлью и съ какимъ побужденіемъ явились на выставкѣ; проходя мимо ихъ, вы невольно вспомните почтеннѣйшаго Петра Иваныча Бобчинскаго, упрашивающаго Хлестакова сказать въ Петербургѣ, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановъ Бобчинской!... Сравненіе слишкомъ смѣло, но надо сознаться, что наши выставки всегда бываютъ очень похожи на Хлестакова въ гостяхъ у городничаго. Когда-то къ намъ явится настоящій ревизоръ-выставка, когда-то мы перестанемъ дѣлать все только для вида, а не для дѣла!...

Съ окончаніемъ выставки, разумѣется, комитетъ ея и эксперты занялись уже оцѣнкой предметовъ, представленныхъ экспонентами, и за

тѣмъ послѣдуетъ произнесеніе приговоровъ о качествахъ и достоинствахъ произведеній и присужденіе наградъ за *усердіе*, *прилежаніе*, *стараніе*, *искусство и пользу*. Какъ скоро дѣятельность комитета выставки сдѣлается извѣстной публично, мы сообщимъ нашимъ читателямъ по-возможности подробный отчетъ о самой выставкѣ, и свѣдѣнія о заключеніяхъ комитета; а теперь скажемъ, что выставка во все время открытія ея, была однимъ изъ лучшихъ гуляній для жителей Петербурга, и столь же многолюднымъ какъ Café chantant, минеральныя воды, Павловскъ и проч., даже общій видъ выставки напоминалъ отчасти выставку сюрпризовъ, которыми привлекалъ въ прошедшемъ году Иванъ Иванычъ Излеръ, въ своемъ «Кофіѣ.»

Нѣсколько подробный отчетъ о настоящей выставкѣ, читатель найдетъ въ замѣткахъ «Темнаго человѣка.»

Намъ пришлось говорить о чиновникахъ, по поводу проекта Положенія объ акцизѣ съ вина; поэтому будетъ кстати сказать нѣсколько словъ и вообще о нашихъ чиновникахъ и чиновничествѣ. Еслибы мы избрали для выраженія нашихъ мыслей по этому предмету, собственныя разсужденія, то это могло бы показаться какимъ-либо произволомъ съ нашей стороны и даже, пожалуй, внушить въ господахъ чиновникахъ нѣкоторое подозрѣніе относительно безпристрастія нашихъ воззрѣній; но мы предпочитаемъ воспользоваться столь правдивыми письменными документами, сколько могутъ быть правдивы сказанія о самомъ себѣ; документы эти находятся въ № 143 «Русскаго Инвалида» за 1861 г. (2 сего іюля), и изображаютъ графа А. А. Аракчеева и г. Рафаила Зотова, передающаго въ означенной статьѣ свое «знакомство съ графомъ Аракчеевымъ»,— какъ чиновника средней руки.

Дѣйствіе *драмы*, изображенной г. Зотовымъ, происходитъ въ 1824 г.

Но приступимъ къ дѣлу, напомнивъ читателю, что мы говоримъ о графѣ Аракчеевѣ, который, какъ извѣстно всѣмъ, имѣлъ огромное вліяніе вообще на дѣла правленія, слѣдовательно стоялъ вверху правительственной іерархіи и былъ, такъ сказать, прототипомъ тогдашняго сановника,—и о г. Рафаилѣ Зотовѣ, извѣстномъ литераторѣ, который, кромѣ того, что за «успѣхи въ литературѣ» награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра, какъ увидимъ ниже, отличенъ былъ правительствомъ какъ отличныхъ качествъ чиновникъ и какъ храбрый офицеръ русской арміи. Слѣдовательно мы говоримъ о лю-

дяхъ не рядовыхъ, а признанныхъ полезнѣйшими, почетныхъ и отличнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія нетолько правительства, но и общества близкаго еще къ намъ 1824 года.

Дѣло въ томъ, что г. Зотовъ, помѣщикъ 8 душъ крестьянъ, захотѣлъ сдѣлать ихъ вольными, но онъ не написалъ имъ какъ бы слѣдовало попросту, отпускныя, а вѣроятно, желалъ сдѣлать офиціально извѣстнымъ свою филантропію; поэтому онъ обратился съ своимъ желаніемъ во всеподданнѣйшей просьбѣ, которую онъ и отправилъ по почтѣ изъ Царскаго села въ Петербургъ, въ томъ предположеніи, будто просьба гораздо вѣрнѣе дойдетъ до *собственныхъ* рукъ государя императора.» Но пусть самъ г. Зотовъ сообщаетъ весь ходъ дѣла, мы беремъ на себя трудъ подчеркивать кое-что и сокращать лишь эпическую часть разсказа, не имѣющую впрочемъ никакого аромата, букета, игры, которыми отличаются мѣста лирическія:

«Прошло нѣсколько времени, и я начиналъ уже думать, что просьба моя, какъ незаслуживающая вниманія, оставлена безъ всякаго дѣйствія. Вдругъ, однажды, получаю пакетъ, на печати котораго виднѣлась знаменитая надпись: *безъ лести преданъ*. Это было увѣдомленіе, что «графъ Аракчеевъ проситъ такого—то явиться къ нему въ назначенный день и часъ.» *Повѣстка эта и теперь хранится у меня.*

«Я понялъ, что меня зовутъ по моей всеподданнѣйшей просьбѣ, но какъ имя графа Аракчеева вселяло тогда страхъ въ самыхъ храбрыхъ, то признаюсь, *и я внутренно сознавался, что легче было въ полоцкомъ сраженіи идти на батарею, нежели явиться къ Алексѣю Андреевичу*. Это было въ концѣ 1824 года. Я служилъ тогда правителемъ канцеляріи театральнаго комитета, предсѣдателемъ котораго былъ знаменитый графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

«Не помню теперь, почему я не доложилъ графу Милорадовичу о намѣреніи моемъ—подать просьбу на Высочайшее имя объ освобожденіи крестьянъ, но я показывалъ ее своему директору, А. А. Майкову, который одобрилъ мою мысль. Можетъ быть, я думалъ, что послѣдній, всякой день видѣвшійся съ графомъ, скажетъ ему объ этомъ и избавитъ меня отъ неловкаго всегда доклада важному лицу по домашнему дѣлу. Но оказалось, что Майковъ не говорилъ ни слова, потому что, какъ скоро я показалъ ему полученное мною приказаніе

явиться къ графу Аракчееву, онъ меня тотчасъ же послалъ къ графу Милорадовичу предупредить его объ этомъ.

Съ довольно стѣсненнымъ сердцемъ исполнилъ я это приказанiе, и прочелъ даже графу черновую просьбу мою на высочайшее имя.

— А почему же вы мнѣ не показали ее, когда вздумали подавать? спрсилъ онъ.

— Я ее читалъ Аполлону Александровичу (Майкову) отвѣчалъ я, и думалъ, что онъ донесетъ вашему сiятельству. Мнѣ же Аполлонъ Александровичъ ничего не приказывалъ, чтобъ доложить объ этомъ вамъ.

— Онъ мнѣ не говорилъ, и вы ничего не сказали: вотъ и вышелъ болтунъ. Вы, кажется, всякой день видите меня и могли замѣтить, что я охотно выслушиваю всѣ просьбы подчиненныхъ. Съ вами же я обращался всегда, какъ съ избраннымъ воиномъ 1812 года, и не далъ вамъ повода думать, что оставлю вашу просьбу безъ вниманiя. Почемъ вы знаете? Можетъ быть я бы и самъ взялся доложить. А то послали къ Государю! Развѣ вы не знаете, что Государь Императоръ не иначе рѣшаетъ дѣла, какъ по обсужденiи ихъ въ подлежащемъ мѣстѣ. Ну, куда теперь пойдетъ ваша просьба? Вотъ васъ уже требуетъ къ себѣ графъ Алексѣй Андреевичъ.... Эхъ, господинъ Зотовъ! Напрасно вы со мною не посовѣтовались.

У меня навернулись слезы на глазахъ (О, слезоточивый г. Зотовъ!); *до того я былъ тронутъ ласковыми словами* графа. Но какъ я *зналъ*, что онъ не любилъ, когда отмалчиваются, то и *отвѣчалъ*, что именно это-то милостивое обращенiе и дѣлаетъ труднымъ приступить къ нему съ пустыми домашними дѣлами.

Г. Зотовъ отправился затѣмъ къ Аракчееву.

«Графъ Аракчеевъ быстро окинулъ меня взглядомъ съ ногъ до головы. Я былъ во фракѣ (тогда не было вицъ-мундировъ, а статскаго мундира у меня никогда и не было). Я имѣлъ Владимирскiй и Анненскiй кресты въ петлицѣ, знакъ Анны 4-й степени на шпагѣ, серебряную медаль 1812 года и такую же бронзовую. Графъ Аракчеевъ почему-то прежде всего обратилъ вниманiе на мои знаки отличiя, составлявшiе красивую симетрическую группу.

— Ты служилъ въ 12-мъ году?—спросилъ онъ. Слово *ты* нѣсколько поразило меня. Графъ Милорадовичъ всѣмъ своимъ подчиненнымъ говорилъ всегда *вы*, а если хотѣлъ быть любезнымъ, то

приказывалъ *по-французски*, начиная всегда словами: «faites moi l'amitié.

— Служилъ, ваше сіятельство.

— Былъ адъютантомъ? (Не хотѣлъ ли онъ намекнуть, что знаки отличія получилъ я *по протекціи?*)

— Никакъ нѣтъ. Во фронтѣ,—получилъ десять ранъ.

— Въ какомъ дѣлѣ?

— Подъ Полоцкомъ, 6-го октября.

— За это получилъ Анненскую шпагу?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— А Владимірской крестъ за какія услуги получилъ? ты вѣдь при театрѣ служишь?

— Точно такъ.—И орденъ Св. Владиміра удостоился я получить изъ думы *за успѣхи въ литературѣ*.

Еще разъ осмотрѣлъ онъ меня съ ногъ до головы, повернулся къ столу и взялъ съ него бумагу. Это была моя просьба на Высочайшее имя.

— Что ты это за просьбу написалъ къ Государю.

— Просилъ причислить моихъ крестьянъ къ государственнымъ.

— Знаю, но что это была за мысль? Что ты хотѣлъ этимъ показать? *философію?*

Слово *философія и до сихъ поръ*, кажется, отзывается въ моихъ ушахъ. Оно было сказано не грозно, не сурово, но съ такою сухою ѣдкостью, что меня обдало холодомъ. Какъ молнія блеснула во мнѣ мысль: такъ вотъ я зачѣмъ призванъ! Я однако же не *оторопѣлъ* и отвѣчалъ со всевозможнымъ *простодушіемъ*:

— «*Нѣтъ*, ваше сіятельство, простое желаніе сдѣлать добро моимъ крестьянамъ, которые мнѣ ничего не приносятъ и которыхъ я не могу защитить отъ притязаній сосѣдей. Пусть они лучше принадлежатъ Богу и Государю, чѣмъ сосѣдямъ.»

«— Ты занимаешь какую-нибудь должность у графа Михаила Андреевича?» спросилъ Аракчеевъ.

— Я правитель канцеляріи театральнаго комитета и всякій день докладываю его сіятельству.»—Тѣмъ кончилась аудіенція и графъ кивнулъ головою; а я, *отвѣсивъ поклонъ*, убѣжалъ отъ него, *отуманенный* этимъ свиданіемъ. Только теперь понялъ я, что меня призывали больше къ допросу: не *философъ—ли* я?

Не знаю какъ для васъ, читатель, а для меня разсказъ г. Зо-

това—единственная страница въ нашей литературѣ, передающая правдиво нѣсколько чертъ изъ близкой къ намъ эпохи 1824 года. Вотъ каковы были въ то время сановники. А время золотое было и для нашей братіи—г. Зотовъ получилъ орденъ св. Владиміра за успѣхи въ литературѣ. А нынѣ что!!..- Вотъ г. Аскоченскій, напримѣръ, ужь какъ-бы кажется не получить хоть бы какой нибудь преміи за успѣхи въ литературѣ, а все нѣтъ, какъ нѣтъ!... Времена скорбныя для литературныхъ геніевъ.

Что же касается до нынѣшнихъ нѣкоторыхъ господъ чиновниковъ, обязанныхъ охранять общественное спокойствіе, то хвалить ихъ излишне, потому что факты говорятъ сами за себя. Вотъ одинъ изъ нихъ, сообщенный въ № 155 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

Въ старорусскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи, слѣдовательно на полсутокъ ѣзды отъ Петербурга, завелась шайка разбойниковъ, подъ предводительствомъ какого-то Степки, грабила, поджигала, обваровывала окрестныя селенія, и теперь, конечно усердіемъ чиновниковъ, изловленъ Степка, съ однимъ изъ своихъ товарищей, а о сообщникахъ этой шайки производится слѣдствіе. Прежде поимки Степки, слѣдствіе не было произведено, вѣроятно, по недостаточности поводовъ къ тому.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Петербургъ лѣтомъ.—Гулянье въ Лѣтнемъ саду.—Странное сходство.—Модель.—Блестящая публика.—Дамы—патріотки и прочность ихъ политическихъ убѣжденій.—*Камелиізмъ.*—Дѣти въ Лѣтнемъ саду предъ статуей Сатурна.—La pointe—великосвѣтское гулянье.—Гулянья И. И. Излера.—Гулянье съ нѣмецкимъ оттѣнкомъ и новый Леотаръ на Крест. остр. Полюстровскіе обитатели. Запустѣніе Новой деревни и шалости Яхтъ—Клуба. Чудеса мануфактурной выставки.—Что такое творчество? Выставочные эскизы—патріотическія пѣсни.—Дерптская корпорація.—Мое увлеченіе поэмой Г. Полонскаго «Свѣжее преданіе».—Г. Модестовъ—какъ глава новой школы.—Наша бѣдность и лекарство отъ нея по рецепту М. П. Погодина.—Гимнъ темнаго человѣка.—Какъ удобно теперь путешествовать по Волгѣ... Вопросъ, существуетъ-ли царство польское? Неизвѣстный коллежскій ассесоръ и извѣстные арзамаскіе рыцари.

Прощаясь въ прошломъ мѣсяцѣ съ своимъ читателемъ, я обѣщался свой іюльскій дневникъ посвятить общественной жизни Петербурга съ ея лѣтними удовольствіями и неудовольствіями и теперь волей–неволей долженъ сдержать обѣщаніе. Хотя элегическій тонъ фельетона мнѣ совершенно не сроденъ, и для этой дороги боги создали своеобразный и несравненный геній Новаго поэта, я все-таки, скрѣпя сердце, попробую набросать очеркъ на тему фельетонныхъ повѣствованій....

Когда на нашемъ невскомъ горизонтѣ показывается богиня весны съ своей кислой улыбкой, Петербургъ начинаетъ *выходить изъ себя*,

во всѣхъ значеніяхъ этого слова. Петербургскіе жители отъ богоспасаемой Коломны до Васильевскаго острова бѣгутъ вонъ изъ города по окрестностямъ наслаждаться любезной природой, кислымъ молокомъ и сельской свободой... Меня всегда утѣшаетъ этотъ поэтическій элементъ людей, которые любятъ наслаждаться природой не по однимъ стихотвореніямъ Фета, не по одной весенней цвѣточной выставкѣ... Мы, обитатели столицы, въ продолженіи почти цѣлаго года, видя зелень только въ шпинатѣ за обѣдомъ у Палкина и на листьяхъ вѣниковъ въ торговыхъ баняхъ, а *лѣса* на однихъ только возводимыхъ палатахъ какого нибудь Утина, дорожимъ каждымъ клочкомъ травы, каждымъ кустикомъ сирени или акаціи гдѣ нибудь въ Лѣсномъ или на Петергофской дорогѣ... Поэтому въ продолженіи первыхъ двухъ недѣль весны городъ совершенно пустѣетъ: всѣ, кто имѣетъ или даже не имѣетъ средствъ, бѣгутъ за Неву на дачи, въ деревянные домишки съ неизбѣжными полисадниками... Городская жизнь дѣлается дѣйствительно невыносимой.... Перестройки домовъ загораживаютъ всѣ улицы, взломанная мостовая напоминаетъ слѣды землетрясенія. . Пыль и жаръ, духота и безлюдье... Оставшимся на лѣто въ городѣ предстоитъ удовольствіе наслаждаться всѣми этими удобствами, глотать пыль, падать по взрытой мостовой и часто рисковать быть задавленнымъ обвалившимися каменьями или залитымъ съ ногъ до головы краской съ крыши передѣлываемаго дома. Дѣти горожанъ, за неимѣніемъ мѣста для гулянья, принуждены играть или на темныхъ, похожихъ на могилу, дворахъ или задыхаться отъ духоты и пыли на помпеевскихъ улицахъ города. А между тѣмъ въ Петербургѣ есть пять—шесть огромныхъ садовъ, всегда пустыхъ и запертыхъ, куда публика къ сожалѣнію не пускается.

Но, виноватъ... у насъ есть одинъ публичный садъ, гдѣ ворота всегда отворены «для званыхъ и незваныхъ».. Это Лѣтній садъ. Но, удивительное дѣло!.. У насъ есть корпораціи, которыя дѣлаются сами собою, какъ-бы случайно, безъ всякаго систематическаго устройства и подготовленія. Напр., какъ я говорилъ, ворота Лѣтняго сада открыты постоянно для всѣхъ, кому угодно, а между тѣмъ посмотрите на публику, которая въ первые дни весны пестритъ его длинныя, прямыя аллеи? Это точно дѣти одной большой семьи, одного воспитанія и принципа, съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ на лицахъ... Мнѣ даже всегда казалось, что у всей этой публики одинъ общій покрой платья, одинъ и тотъ же портной и модистка, ихъ наряжающіе...

Каждый разъ, въ воскресное гулянье, пробираясь чрезъ аллею сада къ пароходной пристани, я при всей своей смѣлости терялся и чувствовалъ себя неловко въ пышной, великолѣпной публикѣ. Я дѣлался недоволенъ и своей походкой, и платьемъ и своимъ собственнымъ лицемъ и торопился скорѣе пробѣжать роковое пространство..

Поэтому меня и теперь беретъ робость, когда я хочу вмѣстѣ съ читателемъ пройтись по дорожкамъ Лѣтняго сада, гдѣ гуляетъ въ весенніе вечера одна избранная, недоступная публика... Но любовь къ отечеству все превозмогаетъ, и я, умасливъ свои волосы лучшей Пыляевской помадой и одѣвшись съ весьма подозрительной изящностью столичнаго льва, отправляюсь на гулянье Лѣтняго сада...

Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ Англичанинъ нарочно пріѣхавъ изъ Англіи, взглянулъ на рѣшотку Лѣтняго сада и насладившись ея зрѣлищемъ, уѣхалъ обратно на родину, не желая ничего больше видѣть въ Петербургѣ. Извѣстное дѣло, что всѣ Англичане чудаки... Можетъ быть рѣшетка Лѣтняго сада есть дѣйствительно одно изъ чудесъ міра, но для меня самый садъ гораздо интереснѣе и замѣчательнѣе по своему характеру. Никогда и нигдѣ я не видалъ, чтобы садъ такъ походилъ на гуляющую въ немъ публику, и публика на садъ, какъ за этой замѣчательной рѣшеткой. Посмотрите и главное *вдумайтесь* въ характеръ этихъ разрисованныхъ, остриженныхъ и величественныхъ аллей сада, гдѣ все такъ изящно спокойно, гдѣ даже самая прихотливая угловатость природы сглажена искусной рукой садовника. Посмотрите на рядъ этихъ маститыхъ деревьевъ, вытянутыхъ въ линію точно по старшинству лѣтъ, и по разнымъ другимъ неотъемлемымъ достоинствамъ. Въ ихъ линіи ни одного неправильнаго уклоненія, ни одного эксцентрическаго изгиба, вездѣ академическія позы и какая то особенная важность? Смотря на мощные стволы этихъ широколиственныхъ деревьевъ, мнѣ невольно казалось, что они сдѣланы на-заказъ и куплены на какой нибудь мануфактурной выставкѣ... Порой же мнѣ казалось (я увлекаясь впадалъ въ мистицизмъ), что эта зеленая роща близнецовъ есть первобытная модель какого нибудь филантропическаго или ученаго общества. Въ каждомъ деревѣ я находилъ знакомую физіономію, находилъ видѣнную гдѣ-то прежде важную личность. Если моя мысль покажется очень смѣлой, то прошу провѣрить ее собственнымъ впечатлѣніемъ; можетъ быть, я и не совсѣмъ неправъ... Я бы готовъ былъ повести свое сравненіе и дальше, но... чтобъ гусей не раздразнить...

*

Оглядываясь кругомъ въ саду, съ робостью подчиненнаго, я сажусь на самую скромную скамейку и весь обращаюсь въ зрѣніе, въ чувство глубокаго подобострастія... Еслибы можно было соединить въ одинъ фокусъ весь блескъ скользящей мимо меня публики, то вышло бы непремѣнно новое солнце.

Бриллıанты въ дамскихъ взорахъ,
Бриллıанты на грудяхъ,
Бриллıанты на уборахъ,
Въ аксельбантахъ, въ звонкихъ шпорахъ,
Бриллıанты въ волосахъ....

Отъ всей этой подвижной выставки нарядовъ, бѣлоснѣжныхъ плечь, аллегорическихъ причесокъ, французскаго языка съ коломенскимъ акцентомъ, талій и очаровательныхъ ножекъ, у меня начинало рябить въ глазахъ и я въ порывѣ самоуничиженія готовъ былъ спрятаться въ собственную свою перчатку. Въ этой ароматной плеядѣ дамъ и мужчинъ, «вѣчно свободныхъ и вѣчно довольныхъ» Марсовъ и Венеръ Невы, надъ которыми незримо вѣялъ геній моды и куаферства, *новому* человѣку странно, дико и неловко, какъ смертному въ обществѣ боговъ на Олимпѣ...

Глядя на пышную вереницу дамъ, скользящихъ предо мною, я съ восторгомъ глядѣлъ на своихъ недоступныхъ соотечественницъ, и не могъ ни минуты усумниться въ ихъ эманципаціи, видя почти на каждой прическѣ патріотическую шляпу à la Гарибальди.

— Развѣ это не явное сочувствіе къ итальянскому герою? думалъ я, глядя на ихъ довольныя, веселыя лица, на которыхъ было будто написано, что эти львицы—патріотки только сейчасъ прочли пріятную телеграфическую депешу о благополучномъ состояніи здоровья своего итальянскаго кумира. Я рѣшительно начиналъ вѣрить въ самостоятельность политическихъ убѣжденій нашихъ дамъ: въ то время, когда всѣ европейскіе журналы и газеты горько оплакиваютъ смерть Кавура и хлопочутъ о его посмертной славѣ, наши родныя патріотки остаются попрежнему вѣрны Гарибальди и не носятъ какихъ нибудь плащей или чепчиковъ à la Кавуръ... Вотъ напримѣръ, самая патентованная камелія, промчавшаяся передо мной, въ сопровожденіи двухъ сѣдовласыхъ старцевъ,

Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ,

въ шляпѣ и бурнусѣ à la Гарибальди, кажется готова сдѣлаться итальянскимъ волонтеромъ... получивъ, разумѣется, за это приличное *содержаніе*...

Замѣчу здѣсь кстати: профессія камелій сдѣлалась съ нѣкоторыхъ поръ до того законной и возведена до такой почтенной степени гражданственности, что многіе потомки Адама, которыхъ я видѣлъ въ Лѣтнемъ саду, соблазнились этимъ новымъ общественнымъ рангомъ и *камелігизмъ* сдѣлали своей спеціальностью, которой вовсе не гнушаются. Какой нибудь изъ такихъ мужчинъ—камелій готовъ съ цинической логикой отстаивать свою новую общественную роль и скажетъ вамъ полушутя, полусерьезно:

— Mon cher! Самъ вашъ Гегель говоритъ: «что дѣйствительно то разумно.» Вотъ каковъ нашъ галантерейный вѣкъ!.. Было время, когда къ именамъ подобныхъ жрицъ и жрецовъ прибавлялись самые неблагозвучные термины, а теперь для нихъ придумали изящное галантерейное названіе «Камеліи», въ родѣ новаго рыцарскаго ордена...

... Широкой, разноцвѣтной лентой вьется по саду семья этихъ любимыхъ героинь Новаго поэта и только мраморныя статуи мудрецовъ съ отбитыми носами смотрятъ на нихъ угрюмо и пасмурно сквозь зелень деревьевъ, какъ—будто предсказывая, что и съ ихъ свѣжими лицами можетъ случиться та же бѣда, которая постигла ихъ мраморныя лица... Упрекъ живой и краснорѣчивый...

Но вотъ другой уголокъ Лѣтняго сада—площадка, посреди которой поставленъ памятникъ дѣдушкѣ Крылову. Еслибы могла ожить на минуту (я опять бросаюсь въ мистику) эта бронзовая фигура нашего баснописца, какъ бы удивленъ и смущенъ былъ онъ обществомъ, его окружавшимъ и вѣрно бы написалъ новую басню. Впрочемъ, въ этотъ уголокъ сада публика и не ходила, а посылала туда своихъ дѣтей, подъ присмотромъ гувернеровъ, нянекъ и компаньонокъ. Дѣти Лѣтняго сада это та же публика, только въ миніатюрѣ. Накрахмаленные, затянутые, разряженные, понимающіе вполнѣ слово: неприлично,—они не смѣютъ шалить, бѣгать, а сидятъ группами или же офиціально забавляются офиціальными игрушками. Что—то чахлое, больное въ связанныхъ движеніяхъ этихъ несчастныхъ дѣтей, которые уже съ дѣтства пріучены къ неподвижности, къ манерности и умѣ-

ютъ отличать другъ друга по кастамъ, по происхожденію. Это дѣти той среды, гдѣ воспитаніе съ дѣтства отлучаетъ ребенка отъ жизни, гдѣ его систематически портятъ нелѣпыми и узкими правилами манежной выправки или гаремнаго содержанія. Вяло и серьёзно играютъ эти дѣти, а съ угла площадки смотритъ на нихъ статуя Сатурна, пожирающаго своего ребенка. Держу пари, что родители этихъ взрослыхъ дѣтей, проходя мимо статуи Сатурна, содрогаются при видѣ его завтрака. А какъ будто вы, почтенные воспитатели, выше этого звѣрства въ отношеніи къ вашимъ дѣтямъ, у которыхъ вы крадете жизнь, пожираете ихъ дѣтство, ихъ лучшія движенія и порывы!... Статуя Сатурна, право, не такъ ужасна для васъ....

Теперь, когда весь городъ уплылъ и разъѣхался по дачамъ, Лѣтній садъ опустѣлъ и на его аллеяхъ уже не видать прежнихъ блестящихъ посѣтителей. Эта избранная публика является нынче уже въ другомъ мѣстѣ—на Елагиномъ острову, куда она по вечерамъ ѣздитъ смотрѣть на взморье и на захожденіе солнца. La pointe—мысъ выдающійся въ море, служитъ пунктомъ этихъ великосвѣтскихъ гуляній, гдѣ пышная скука ѣздитъ въ пышныхъ экипажахъ, чтобъ какъ нибудь убить огромный запасъ времени, которое совершенно некуда дѣвать счастливымъ баловнямъ праздности и бездѣлья... Великолѣпныя дамы, посѣщающія гулянья à la pointe, вовсе не увлекаются ни видомъ моря, ни захожденіемъ солнца, а дѣлаютъ свои прогулки въ видѣ свѣтскаго обряда, въ видѣ моднаго жертвоприношенія. Это тѣ самыя существа, безстрастныя и величественныя, о которыхъ Пушкинъ сказалъ:

Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда...

Онѣ не увлекаются ничѣмъ, даже очаровательнымъ Штраусомъ не увлекаются; онѣ презрительно улыбаются, говоря объ увеселительныхъ вечерахъ Излера и увѣряютъ, что во всю свою жизнь не были ни разу на гуляньяхъ Крестовскаго и Петровскаго острововъ. Такія дамы при одномъ только словѣ «камелія» падаютъ въ обморокъ, а о романахъ Жоржъ-Занда говорятъ съ благороднымъ негодованіемъ. Онѣ похожи въ этомъ случаѣ на самую французскую академію, которая недавно отказала Жоржъ-Занду въ преміи, на томъ основаніи, что ея романы безнравственны и неприличны, а Тьера нашли достойнымъ

этой премiи за его «нравственность»... Великосвѣтскія русскія дамы и парижская академія въ этомъ совершенно сошлись...

Куда жъ теперь направимъ путь?

Во всѣхъ окрестностяхъ Петербурга, въ Лѣсномъ институтѣ, въ Павловскѣ, въ Тиволи, въ Коломягѣ—вездѣ есть гулянья, вездѣ музыка... Петербургъ—городъ въ высшей степени музыкальный. Онъ танцуетъ, обѣдаетъ подъ музыку, развратничаетъ подъ музыку; бродячіе оркестры и шарманки съ утра до ночи услаждаютъ слухъ невзыскательныхъ любителей. Оперы и концерты удовлетворяютъ болѣе взыскательный слухъ диллетантовъ–меломановъ. Нѣтъ почти ни одной квартиры въ городѣ, гдѣ бы не раздавался, порой, звукъ унылый форто-пьяно, нѣтъ ни одной болѣе или менѣе чувствительной Нѣмочки, которая хотя бы однимъ пальчикомъ не наигрывала: Mein lieber Augusten или вальсъ самой далекой древности...

За исключеніемъ Павловскихъ музыкальныхъ вечеровъ, гдѣ попрежнему продолжаетъ волновать женскія сердца своей чарующей скрипкой Штраусъ, музыкальные вечера И. И. Излера, какъ всегда, первенствуютъ надъ всѣми прочими гуляньями. Но нельзя не замѣтить, что изобрѣтательный геній Ивана Ивановича потерялъ прежнюю свою силу и неутомимость. Плохой оркестръ Баха, хоръ Цыганъ, которые называются, разумѣется, московскими и хоръ баварскихъ пѣвцовъ–вотъ все чѣмъ богатъ теперь Излеровскій кафе–шантанъ. Публика, по старой привычкѣ къ имени—попрежнему густыми толпами является на эти лѣтніе праздники слушать Баха и смотрѣть на замѣчательную пляску баварцевъ, которые подъ тактъ музыки немилосердно бьютъ себя по щекамъ съ какимъ–то непозволительнымъ стоицизмомъ.

Но едва-ли есть гулянья веселѣе и искреннѣе гуляній на Крестовскомъ островѣ, гдѣ недавно явился новый Леотаръ, исполняющій всѣ воздушныя упражненія европейскаго акробата съ такимъ же точно искуствомъ. Эти гулянья имѣютъ чисто нѣмецкій характеръ, гдѣ нѣмецкое пиво возбуждаетъ нѣмецкія остроты и гдѣ Нѣмцы цѣлыми семействами весело проводятъ вечера, а часто и цѣлыя ночи праздниковъ... Такого веселья нѣтъ уже нигдѣ, нѣтъ, напр. въ тихомъ Полюстровѣ, куда на лѣто переселяется большая часть петербургскихъ чиновниковъ... Мужья въ форменныхъ облаченіяхъ и ихъ жены въ необъятныхъ кринолинахъ (явный признакъ неисправимой чиновницы)

по вечерамъ плавною походкою и съ такимъ выраженіемъ въ лицахъ, какъ—будто они не гуляютъ, а исполняютъ какую—то гражданскую обязанность, ходятъ по дорожкамъ превосходнаго Безбородкинскаго сада, внимательно слушаютъ музыку г.г. Вухерпфенига и Эстрейха и никогда не заходятъ въ буфетъ. Многіе дачники, не желая покупать билета (25 к. с.) для прохода на островъ Тиволи, даромъ наслаждаются музыкой, а иногда и фейерверкомъ, гуляя по аллеѣ, раздѣляемой отъ острова узкой канавой.

Я совѣтую всѣмъ любителямъ безмятежной тишины, огородовъ, капусты и размышленія жить лѣтомъ въ Полюстровской деревнѣ, гдѣ можно на—досугѣ дѣлать физіологическія наблюденія надъ дачной жизнью петербургскихъ чиновниковъ низшаго разряда... Простота нравовъ, доходящая до поэзіи дикости, напомаженныя прекрасныя чиновницы, пѣшія кавалькады въ саду и дешевизна овощей по близости огородовъ, всего этого достаточно, чтобъ вполнѣ удовлетворить человѣка съ идиллическими наклонностями... Я самъ теперь дышу воздухомъ Полюстрова и предпочитаю музыку оркестра Эйстрейха всѣмъ Бахамъ и Штраусамъ на свѣтѣ...

Насколько жители Полюстрова идиллики и близки къ природѣ, можетъ доказать слѣдующій выговоръ, сдѣланный однимъ супругомъ женѣ, выговоръ, подслушанный мною недавно совершенно случайно... Проходилъ я мимо одной дачи съ небольшимъ балкономъ, выходящимъ въ полисадникъ. На балконѣ сидѣлъ господинъ въ фуражкѣ съ кокардой и курилъ трубку,—въ другомъ углу находилась, по всей вѣроятности, его супруга съ книгою въ рукахъ...

— Брось пожалуйста книгу, говорилъ мужъ.—Это вѣдь изъ рукъ вонъ! хорошо почитать часъ, даже два, три, пожалуй... а то цѣлый день отъ этой проклятой книги отстать не можешь... это вѣдь ужъ неприлично женщинѣ...

Вѣдь только въ человѣкѣ съ кокардой и можно встрѣтить такую патріархальность... Вотъ дачники Новой и Старой деревни, напрасно ожидая, чтобъ въ зданіи искуственныхъ минеральныхъ водъ раздались звуки музыки и хоръ московскихъ Цыганъ, совершенно упали духомъ и потеряли всякую надежду на развлеченія прошлыхъ лѣтъ. Впрочемъ, чтобъ сколько нибудь развлечь дачниковъ, на дачѣ, занимаемой рѣчнымъ Яхтъ—клубомъ, открылись музыкальные вечера, при участіи оркестра г. Лунда.

Не занимая дачниковъ музыкальными вечерами, чѣмъ занимается

самъ Яхтъ-клубъ, этог опе понимаетъ, кажется, никто... Недавно, сидя на пароходѣ, я увидѣлъ на палубѣ господина въ совершенно незнакомой для меня формѣ. На головѣ фуражка съ золотымъ околышемъ, воротникъ съ якорями и два ряда бронзовыхъ пуговицъ на вицъ—мундирѣ.

— Что это за форма?!

Бѣгло разсказавъ о петербургскихъ гуляньяхъ и общественныхъ увеселеніяхъ, я очень надолго вѣроятно снимаю съ себя обязанность возвращаться къ этой темѣ и толковать съ читателемъ о дачной жизни съ ея удобствами и неудобствами. Тема довольно скучная и, признаюсь откровенно, очень для меня тяжелая. Но, что написано, то съ плечъ долой! Поищу теперь для себя другой пищи, другихъ матеріаловъ, болѣе интересныхъ.

Могу-ли я пройти молчаніемъ то событіе, о которомъ теперь пишутся безконечныя статьи во всѣхъ нашихъ газетахъ? Событіе это— мануфактурная выставка въ Петербургѣ. Теряясь въ лабиринтѣ статей объ этомъ событіи, я съ каталогомъ въ карманѣ лично хотѣлъ насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ выставки и отправился на биржу. Кромѣ чудесъ, о которыхъ я сейчасъ буду говорить, выставка мануфактурныхъ произведеній поразила меня дешевизной цѣнъ, по которымъ продавались на выставкѣ разныя издѣлія. Справляясь о цѣнности вещей и увѣряясь все болѣе и болѣе въ ихъ несомнѣнной дешевизнѣ, я начиналъ уже чувствовать полное торжество... но, увы! торжество мое продолжалось не долго.... Самый простой вопросъ, сдѣланный мной на выставкѣ, доказалъ мнѣ, что эта дешевизна существуетъ только въ теоріи и непримѣнима на дѣлѣ....

Понравились мнѣ на выставкѣ большіе охотничьи сапоги, очень хорошей работы.

— Что стоятъ сапоги? спросилъ я господина, приставленнаго къ вещамъ.

— Семь рублей.

Дешевизна очевидная. Желая купить сапоги, я сказалъ объ этомъ.

— Продать ихъ нельзя.

— Отчего?

— Потому что по списку они значатся уже проданными.

— Ну, такъ нельзя-ли будетъ здѣсь заказать себѣ точно такіе же сапоги?

— Можно-съ, только это будетъ стоить дороже.

— А какъ? полюбопытствовалъ я.

— Семнадцать рублей серебромъ.

— Такъ вотъ какова ваша дешевизна! замѣтилъ я, отходя дальше. Та же самая исторія повторилась со мной нѣсколько разъ на выставкѣ, когда я хотѣлъ что нибудь купить для себя....

Итакъ, на выставкѣ мнѣ остались въ утѣшеніе одни *дивища* ея, одни ея чудеса. Если мы считали до сихъ поръ только семь чудесъ міра, то эта выставка дала намъ еще семь новыхъ, которымъ нѣтъ сравненія по оригинальности и необыкновенности. Разскажу о нихъ по порядку.

Прежде всего нужно упомянуть о самомъ художественномъ произведеніи, которое когда-либо видѣли люди, о произведеніи, поставленномъ на выставку Невскимъ мыловареннымъ заводомъ. Отгадайте, какое это произведеніе? Бьюсь объ закладъ, что не догадаетесь...

— Свѣчи! говорите вы, основываясь на самой простѣйшей аналогіи.

— Свѣчи? — совершенно нѣтъ, господа; тутъ игра не стоитъ свѣчъ. Невскій заводъ выставилъ огромную колонну, вылитую изъ 130 пудовъ самаго чистаго стеарина, цѣною въ 5000 р. с.

Вы рѣшительно теряетесь въ догадкахъ и спрашиваете:

— Для чего же сдѣлано это художническое произведеніе? съ какой цѣлью?

— Господа! отвѣчаю я, вспомните, что это творчество, которое творитъ только для того, чтобъ творить. Творчество само по себѣ есть цѣль. Спросите соловья — для чего поетъ онъ, спросите Полонскаго, о чемъ говорилъ онъ въ своей новой поэмѣ, и соловей и Полонскій отвѣтятъ вамъ: «Мы и сами не знаемъ для чего и о чемъ поёмъ. Хотѣлось пѣть—ну, мы и запѣли... мы, значитъ, творцы»...

То же самое, пожалуй, отвѣтитъ вамъ и творецъ стеариновой пирамиды — и будетъ по-своему правъ... Развѣ вы можете поэта луны и цвѣтовъ заставить сдѣлаться поэтомъ-гражданиномъ? развѣ вы можете также стѣснять свободно творчество стеариноваго художника и заставлять его въ то время лить хорошія чистыя свѣчи, когда ему вдохновеніе нашептываетъ сдѣлать пирамиду....

Другой художникъ-мыловаръ, московскій купецъ Өедоръ Авгу-

стовичъ Киберъ пошелъ еще дальше: онъ выставилъ *столъ, сваренный изъ простаго мыла* (200 р.) и *вазу изъ мыла кокосоваго* (50 р. с.). Вотъ что значитъ смѣлая мысль художника!.. Можетъ быть, чрезъ нѣсколько лѣтъ, по милости изобрѣтательнаго г. Кибера, изъ нашихъ квартиръ совершенно изгонится деревянная мебель и замѣнится мыльной...

А войлочная изба, выставленная г.г. Бардовскими? Изба эта прекрасной и изящной работы безъ одного куска дерева или доски, стоитъ всего будто-бы только 1700 р.... Рѣшительно дерево скоро не будетъ употребляться ни для какихъ работъ и построекъ, замѣненное каменнымъ углемъ, гречневой шелухой, мыломъ и войлокомъ и земля современемъ покроется нетронутыми дѣвственными лѣсами...

Г. Веберъ выставилъ тоже весьма замѣчательные приборы — двѣ мухоловки, по 25 р. с. каждая (?!) Это изобрѣтеніе замѣчательно тѣмъ, что въ мухоловку попадаютъ только большія мухи, а маленькія проскакиваютъ... Вѣдь за такой снарядъ по моему мнѣнію, можно не жалѣя дать 25 р. с.

Другой г. Веберъ, токарный мастеръ въ Петербургѣ, выставилъ шахматную игру изъ пальмаваго и чернаго дерева *цѣною въ двѣсти руб. сер.* Цѣна за такую обыкновенную игру, говорятъ, потому такъ значительна, что г. Веберъ продаетъ покупателю вмѣстѣ съ игрою полную таблицу разгадокъ задачъ, задаваемыхъ въ шахматномъ листкѣ Русскаго Слова.

И наконецъ послѣднее диво — мастера Замятина, выставившаго фантастическую дамскую шляпку, вырѣзанную изъ бересты и по цѣнѣ страшно неприступную... Но наши столичныя дамы — патріотки, и чтобъ поощрить изобрѣтателя, вѣроятно не посмотрятъ на дороговизну шляпки — и пріобрѣтутъ ее. Это несомнѣнно...

Не имѣя частію надобности, а частію возможности, для поощренія родной мануфактуры, купить что нибудь на выставкѣ, я посвящаю ей три стихотворенія, навѣянныя на меня ея чудесами и диковинами... Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; можетъ быть три мои пѣсни, прославляющія выставку, доставятъ ей хоть десятокъ новыхъ поклонниковъ... Итакъ—

Усядься, Муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! Не вертись, рѣзвушка!
Теперь начнемъ. —

ВЫСТАВОЧНЫЕ ЭСКИЗЫ.

I.

Я слыву патріотомъ горячимъ
И остриженъ по-русски, въ кружокъ;
Я въ поддѣвкѣ гуляю по дачамъ,
Прославляя повсюду востокъ.

—

Образъ мыслей моихъ благороденъ, —
Жду отъ запада много я зла,
И всегда говорю, какъ Погодинъ,
Что Европа давно ужъ сгнила....

—

Маскарадъ прогрессистовъ шутовскій,
Разгадалъ я и понялъ вполнѣ,
Лишь редакторъ одинъ Калиновскій
По душѣ съ своимъ Свѣточемъ мнѣ....

—

Пусть твердитъ громко житель приневскій,
Что его идеалъ — Маколей,
Михаилъ же Иванычъ Семевскій
Для меня, признаюся — милѣй...

—

Пусть о выставкѣ бредитъ всемірной,
Возвратившись домой, нашъ туристъ,
Я-жъ, на родинѣ тихой и мирной,
Посылаю заморщинѣ свистъ...

—

За Невою есть биржа родная,
Куда волны народа текутъ,
Тамъ издѣлья родимаго края
Меня къ гимну и къ пѣснямъ зовутъ.

—

Свой восторгъ ощущая заранѣ,
И мурмолку надѣвъ на главу,
Я на яликѣ пестромъ Тайвани
Съ чувствомъ трепета къ биржѣ плыву...

II.

Я видѣлъ выставку издѣлій
Въ толпѣ зѣвающихъ людей,
Въ толпѣ любителей, камелій,
Фельетонистовъ и дѣтей.

—

Я видѣлъ всё, и въ удивленьи
Невольно раскрывая ротъ,
Твердилъ въ понятномъ увлеченьи:
Я патріотъ! Я патріотъ!..

—

Востокъ, родной мнѣ, вѣдь не даромъ
Превозносилъ я столько лѣтъ,
И проклиная западъ съ жаромъ,
Всегда по-русски былъ одѣтъ...

—

Когда на биржѣ я увидѣлъ
Плоды богатыхъ, русскихъ силъ,
Я западъ вновь возненавидѣлъ,
Какъ заклятой славянофилъ.

—

Но не канаты *Казалета,*
Не шляпки дамскія *Брюно,*
Не кисло-сладкій хлѣбъ буфета,
Не съ Гоно красное вино,

—

Нѣтъ,—не телѣга отъ *Гризара,*
Не знаменитый русскій квасъ,
Не геній творческій *Плюшара*
Меня плѣняли въ этотъ часъ.

—

Я видѣлъ... чудная картина!
На память будущимъ вѣкамъ,
Въ сто тридцать пудъ изъ стеарина
Колонну вылитую тамъ.

—

Я полчаса стоялъ на стражѣ,
Принявши самый гордый видъ...
Клянусь! въ самомъ Египтѣ даже
Такихъ нѣтъ больше пирамидъ!

—

Пускай озлобленныя рѣчи
Кругомъ встрѣчаютъ дивный трудъ,
Пусть стеариновыя свѣчи,
Какъ прежде, таютъ и текутъ, —

—

Я встану гнѣвной Немезидой
За тотъ безсмертный мавзолей,
И передъ новой пирамидой
Заставлю ницъ упасть людей.

—

III.

Много новыхъ чудесъ
Я, по волѣ небесъ,
На той выставкѣ нашей замѣтилъ,
И, схвативъ карандашъ,
Въ каталогѣ тогда-жъ
Ихъ большими крестами отмѣтилъ.

—

Видѣлъ я, какъ народъ
Съ удивленіемъ ротъ
Открывалъ и бросался содомомъ,
И гремѣло «ура»
Тамъ до ночи съ утра
Передъ чуднымъ Бардовскаго домомъ.

—

Весь изъ войлока онъ
Съ четырехъ былъ сторонъ —
Я узрѣлъ, пробираясь въ народѣ,
Весь изъ войлочныхъ плитъ
Былъ онъ тщательно сшитъ
По какой-то мудреной методѣ.

—

И смотрѣли всѣ мы
На избу изъ кошмы,
На постройку великаго зданья. —
Потъ струился съ чела..
Но меня тамъ ждала
Радость новая сверхъ ожиданья.

—

Я на биржѣ нашелъ
Удивительный столъ,
Столъ изъ мыла, сваренный не дурно,
И изъ мыла была-жъ
(Вотъ онъ геній-то нашъ!)
Какъ изъ мрамора бѣлая урна.

—

Я предъ ними стоялъ
И невольно мечталъ
Иль купить или выстроить даже
Новый войлочный домъ
Гдѣ нибудь надъ прудомъ
Съ флигелями въ четыре этажа;

—

Гдѣ-бъ изъ мыла была
Мебель вся: отъ стола,
Отъ шкаповъ до простаго дивана;
И изъ мыла того-жъ
(Если только найдешь)
Было самое форто-піано....

—

Отъ одного я только пріунылъ, когда замѣтилъ, что на коренной русской выставкѣ являются одни нѣмецкіе художники, какъ г.г. Киберъ, Веберъ и многіе другіе.

Кстати уже о Нѣмцахъ: знаете-ли вы, господа, о чудовищныхъ корпораціяхъ Дерптскаго университета? Знаете-ли вы, до какого отвратительнаго китаизма дошла исключительность этихъ будущихъ нѣмецкихъ ученыхъ? Я разскажу вамъ. Въ Дерптскомъ университетѣ русскіе студенты (въ числѣ 14 человѣкъ) этими татарскими корпораціями поставлены въ самое тяжкое положеніе. Одно уже имя Русскаго возбуждаетъ ненависть нѣмецкихъ буршей. Правила ихъ нелѣпыхъ корпорацій до такой степени уродливы, что не могутъ возбудить сочувствіе Русскихъ; но если они не соблюдаютъ этихъ правилъ, то ихъ исключаютъ изъ общества студентовъ. Это исключеніе у нихъ называется «*посадить на* Verschiesz». За исключеннымъ не признаютъ никакихъ правъ; онъ, какъ парія, долженъ сносить всѣ оскорбленія; отъ него отвертываются, распоряжаются его вещами, деньгами и пр. по уставу ихъ корпораціи. Исключенію подлежатъ всѣ, которые не признаютъ за Нѣмцами права германизировать другія на—

ціи, права презирать и насмѣхаться надъ всѣмъ русскимъ, и наконецъ тѣ, которые не признаютъ разумности дуэлей, бывающихъ тамъ почти ежедневно. А объ этихъ дуэляхъ нельзя говорить даже безъ смѣха. Нѣмецъ вызываетъ на дуэль за каждую малость: за недопитый стаканъ пива или за неловкое выраженіе. И вотъ дуэлисты важно сходятся, на лице храбрые рыцари надѣваютъ маски, на грудь легкую кирасу, руки, голыя по локоть, обвязываютъ шелковыми шнурами, въ правой рукѣ у каждаго шпажонка—нѣчто въ родѣ зубочистки. И вотъ соперники начинаютъ фехтовать, бой продолжается до тѣхъ поръ, пока кто–нибудь изъ двухъ не сдѣлаетъ другому легкой царапины или прорѣхи на панталонахъ. Затѣмъ дуэль прекращается и побѣдитель подаетъ побѣжденному руку и приглашаетъ на бутылку пива. Разумѣется, русскіе студенты не могли признать этого безсмысленнаго обычая, за что и подвергались изгнанію. Мы помнимъ исторію съ русскимъ студентомъ Зоринымъ, котораго въ его квартирѣ всѣ корпораціи осаждали за то, что онъ, Русскій, осмѣлился оскорбиться дерзостью Нѣмца. По этому поводу отъ дерптскихъ русскихъ студентовъ былъ посланъ протестъ во всѣ наши университеты.

Положеніе Русскихъ въ Дерптѣ и теперь не завидное, что достовѣрно извѣстно намъ изъ одного частнаго письма. Ученые нѣмецкіе *лыцари* до того презираютъ все русское, до того невѣжественны и грубы, что ни въ одномъ книжномъ магазинѣ, ни въ одной частной библіотекѣ не найдешь нетолько русскаго журнала, но даже русской книги. Есть, правда, въ Дерптѣ академическая мусса, гдѣ выписываютъ Русскій Вѣстникъ и Русскій Инвалидъ (??!), но туда лицамъ непризнающимъ корпорацій, а слѣдовательно и русскимъ студентамъ, нѣтъ входа.

Судьба на нынѣшній разъ очень ко мнѣ милостива, посылая мнѣ одни нравственныя наслажденія изъ области чистаго искусства... Не успѣлъ я отдохнуть отъ пріятныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ мануфактурной выставки, какъ она, т. е. судьба, мнѣ вновь посылаетъ эстетическое, художественное наслажденіе въ видѣ новаго романа въ стихахъ г. Полонскаго... Такіе подарки очень дороги въ наши обличительные, суровые дни. Романъ въ стихахъ! Вѣдь это такая пріятная новость, что я даже самъ не могу говорить о ней прозой:

Есть наслажденіе въ полемикѣ газетъ,
Талантъ эпическій—въ потанинскомъ романѣ,
Есть упоеніе—сидѣть, одѣвшись въ пледъ
Съ любимой женщиной на пристани Тайвани.

*
* *

Кускова я люблю,—но ты, родной поэтъ,
О, муза нѣжная! всего милѣе мнѣ ты!...
Съ тобой забыть готовъ я бредни юныхъ лѣтъ,
И вѣкъ, и умъ, и мысль, Тайвани и газеты!...

*
* *

Читаю.... трепещу... горю... я будто пьянъ....
Что сдѣлалось со мной—не вѣдаю, не знаю....
И хоть умомъ понять не въ силахъ твой романъ,
Зато... зато его я сердцемъ понимаю....

Сладкозвучная муза г. Полонскаго была постоянно моей любимой музой и я совершенно сочувствую укору, который сдѣлалъ недавно одинъ журналъ русской критикѣ за то, что она всегда проходила безъ вниманія поэтическій талантъ г. Полонскаго... О, еслибы я былъ критикомъ, то съ какой бы любовью занялся оцѣнкой этого таланта и какъ пчела собралъ бы весь медъ, все благоуханіе неоцѣненныхъ произведеній нашего поэта. Но я, къ сожалѣнію, не критикъ, во мнѣ слишкомъ много увлеченія для этого; я могу только восхищаться и рукоплескать....

Неужели же и вы, мой добрый читатель, не будете мнѣ вторить, прочитавъ «*Свѣжее преданіе*» г. Полонскаго?... Вы, пожалуй, спросите меня, какое содержаніе, какая мысль новой поэмы? Я вамъ отвѣчу на это словами другаго великаго поэта—Гейне, который сказалъ: Der nur ist ein Dichter, der die Bilder schafft (Поэтъ только тотъ, кто творитъ образы). Какой же мысли вы хотите отъ поэта-художника? Онъ далъ вамъ образы, картины, звучные стихи—и вы не имѣете права требовать отъ его поэмы ничего больше. Вы должны чувствовать, а не понимать....

Читайте и вы увидите, что только Пушкинъ въ своемъ Онегинѣ могъ рисовать такъ, такъ граціозно шутить и острить, такъ поэтически трогать... У г. Полонскаго и стихъ и манера и самыя шалости также милы и изящны, какъ въ поэмѣ Пушкина...

Вспомните, какъ рисуетъ Пушкинъ своего героя:

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха....

Посмотрите теперь бѣглый очеркъ Камкова въ «Свѣжемъ преданіи»:

...Что онъ магистръ и сочинитель,
Что онъ какъ древній Ювеналъ,
Нетолько знаетъ по-латынѣ,
Но,—что довольно рѣдко нынѣ,—
Прочелъ Гомера до конца,
И также изучилъ глубоко
Языкъ боговъ и духъ слѣпца,
Какъ баронесса Поль-де-Кока...

Я съ намѣреніемъ сравниваю двухъ поэтовъ, чтобъ доказать достоинство послѣдняго. Въ поэмѣ «Свѣжее преданіе» г. Полонскій показалъ намъ совершенно новую сторону своего таланта—самый злой и *оригинальный* юморъ, который въ немъ никто до сихъ поръ не предполагалъ. Насколько онъ оригиналенъ, я приведу два-три примѣра... Говоря о своемъ героѣ, Камковѣ, поэтъ замѣчаетъ:

Камковъ былъ самъ порой смѣшонъ
И страненъ,—но иначе онъ
Блохою жизни былъ укушенъ,
Инымъ фантазіямъ послушенъ,
Иною солью просоленъ.

Нужна истинная смѣлость дарованія юмориста, чтобъ сказать два такіе стиха:

Блохою жизни-былъ укушенъ.
Иною солью просоленъ.

Я увѣренъ, что г. Кусковъ, у котораго въ стихотвореніяхъ вездѣ

такъ и прыгаютъ всевозможныя насѣкомыя, позавидуетъ этой богатой метафорѣ...

Полюбуемся еще примѣромъ: вспоминая въ романѣ о женѣ князя Таптыгина, авторъ шутитъ такъ:

.....мнѣ объ ней
Всего скорѣй напоминаетъ
Одеколонъ, когда его
Я слышу запахъ—отъ чего,
И почему?—самъ чортъ не знаетъ;
А чортъ не знаетъ потому,
Что онъ не вѣритъ ни чему
И Молешота изучаетъ.

Вы вѣроятно не понимаете этого остроумія, также какъ не понимаете и такой фразы:

Теперь ея въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Погребены ея страданья, —
Что значитъ: вся погребена. (??)

Но тонкое, изящное остроуміе не всѣмъ понятно, и въ этомъ нашъ поэтъ не виновенъ.... Что же касается до граціи самаго стиха въ новой поэмѣ, то онъ вездѣ щеголяетъ изящной, прекрасной формой, даже напр. въ такихъ выраженіяхъ:

Я кашлянулъ, *какъ будто въ глотку*
Мнѣ пыль засѣла...

Но передать всѣ блёстки, всѣ перлы остроумія и юмора, разсыпанные въ поэмѣ, невозможно. Я лучше укажу на отдѣльныя картины въ романѣ, которыя по смѣлости образовъ нельзя уже заподозривать въ подраженіи кому либо изъ старыхъ поэтовъ. Эти картины—рѣшительно *новое слово* въ русской поэзіи. Для примѣра не могу не указать на начало третьей главы, какъ на особо-законченное и цѣлое стихотвореніе:

Ночь на исходѣ. Снѣжнымъ комомъ,
Уединенна и блѣдна,
Виситъ надъ кровлями луна,

*

И дымъ встаетъ надъ каждымъ домомъ
Столпообразнымъ облакамъ
Подобно; медленно и грозно
Онъ къ потухающимъ звѣздамъ
Ползетъ.
Неужели такъ поздно?
Лѣниво удаляясь прочь,
У башенъ спрашиваетъ ночь:
Который часъ?
— *Да ужъ девятый!*
Звонитъ ей Спасская въ отвѣтъ.
И ночь уходитъ. Ей во слѣдъ
Глядитъ, зардѣвшись, кремль зубчатый
Сквозь призму неподвижной мглы.
Надъ сѣрыми его зубцами
Кресты и вышки и орлы
Горятъ пурпурными огнями.
И утро съ розовымъ лицемъ
Стучится въ ставни кулакомъ:
«*Вставай лѣнтяй! вставай затворникъ!*»

Если вы умѣете наслаждаться поэзіей, то на васъ должны обаятельно-страстно подѣйствовать эти образы—ночи, которая говоритъ съ башнями, и розолицаго утра, которое стучитъ своимъ кулакомъ въ ставни оконъ. Осмѣленный музою г. Полонскаго, и вдохновленный его дивными образами, я самъ написалъ стихотвореніе почти на ту же тему. Разумѣется, что оно есть только слабое и робкое подражаніе приведенной выше картинѣ.

Итакъ прошу вашего снисходительнаго вниманія:

ОТРЫВОКЪ

изъ романа, который никогда не напечатается.

Потухъ послѣдній лучъ зари,
Туманы сизые упали
И звѣзды, будто фонари
Въ саду у Излера, мерцали.
Роса на листьяхъ, какъ алмазъ,

Слезами крупными дрожала,
А въ небесахъ луна, какъ тазъ,
Суконкой вытертый сейчасъ,
Надъ тёмнымъ городомъ всплывала.
— Куда-жъ мнѣ дѣться? молвилъ день,
Спросивъ у стража Нарвской части;
Но стражъ молчалъ... лишь въ блескѣ власти,
Надъ нимъ всплывала ночи тѣнь.
— Который часъ, кума?
«Не рано»!...
И изъ жилетнаго кармана,
Ночь, вынимая свой брегетъ,
Дню шлетъ рѣшительный отвѣтъ:
— Иди! ужъ часъ пошелъ десятый!
Дремотой сладкой міръ объятый
Теперь весь мой....
И мнилось мнѣ:
Въ тотъ часъ, по мрачному эфиру,
Надѣвши темную порфиру,
Ночь, при звѣздахъ, и при лунѣ,
Гнала день палкой по спинѣ...

Если мое олицетвореніе дня и ночи покажется немного дикимъ, то за это я уже не отвѣчаю, потому что мое стихотвореніе есть только одинъ мотивъ чужаго образа... Можетъ бить, впрочемъ, я такъ уже увлекся красотами поэмы г. Полонскаго, что началъ пересаливать. Мои увлеченія и порывы заставлютъ меня подчасъ дѣлать ужасные промахи, и, по милости ихъ, я иногда похожу на одного неизвѣстнаго міру поэта, плачевную исторію котораго я недавно узналъ.

Поэтъ этотъ уже сѣдовласый мужъ; но если кудри его стали теперь рѣдки, зато благородныя плечи мужа очень густо иллюстрированы. Несмотря на такую обстановку и на принципы скалозубщины, сей старецъ пишетъ стихи. Въ печать онъ не пускается, а пишетъ больше оды на торжественные случаи своему начальству. Вотъ одна такая-то ода и сгубила безкорыстнаго витію. Желая однажды воспѣть благородныя подвиги своего начальника, онъ, по невинному незнанію руской рѣчи, помѣстилъ въ свое произведеніе такой куплетъ:

Тебя я искренно воспѣлъ
Не изъ корысти, не изъ злата:

Ты былъ поборникъ темныхъ дѣлъ,
Безправья, злобы и разврата.

Вотъ это–то слово: *поборникъ* и его неправильное пониманіе и погубило *одоносца*. Понимая слово въ его буквальномъ смыслѣ, онъ хотѣлъ выразить то, что виновникъ его оды *поборяетъ* злобу, развратъ, темныя дѣла, и пр. Но его глава, прочитавъ оду и дойдя до *поборника*, пришелъ въ страшный гнѣвъ и приказалъ дерзкаго посадить куда–то на двѣ недѣли... Итакъ несчастный поэтъ, по случаю своей безграмотности, былъ заподозрѣнъ въ смѣлости яраго прогрессиста и долженъ былъ испытать двухнедѣльное уединеніе... Послѣ этого у кого, кажется, не пропадетъ охота писать стихи!—а у него не пропала. Вотъ что значитъ даръ, полученный отъ боговъ....

Недавно явилась въ свѣтъ книга—физическая географія моря, соч. Мори, въ весьма порядочномъ переводѣ г. Толстопятова. Но у послѣдняго вдругъ явился новый конкурентъ въ переводѣ той же самой книги, знаменитый переводчикъ Гегеля, г. В. Модестовъ. Хотя г. Модестовъ давно уже извѣстенъ всѣмъ по своеобразности своего краснорѣчія, но въ переводѣ сочиненія Мори онъ дошелъ до геркулесовыхъ столповъ особаго изложенія. Начиная съ заглавія книги, переведеннаго такъ: *море въ своихъ физическихъ явленіяхъ, собранныхъ опытными мореходцами,* до самаго конца, книга его исполнена таинственности древнихъ оракуловъ.

Навѣрно можно назначить большую премію тѣмъ, которые растолкуютъ намъ такія мѣста изъ книги г. Модестова:

«Притомъ (стр. 164) мы знаемъ, что токъ, какъ геологія устроиваетъ его по своимъ теоріямъ, не стремится отъ одного озера къ другому, потому что гдѣ только вода надъ ніагарскимъ водопадомъ глубока, тамъ, въ отношеніи къ скорости воды близь паденія, мы находимъ тихій, медленный токъ, и въ глубокихъ мѣстахъ она движется медленнѣе нежели въ мелкихъ, ибо также стекаетъ съ нижнихъ водъ. Этотъ фактъ сообщаютъ намъ обыкновенныя вымыванія въ канавахъ»...

А вотъ и лирическое мѣсто:

«Чудно строеніе нашей атмосферы! Изъ всѣхъ частей великаго мірозданія она является самою удивительною, самою возвышенною съ

своими разнообразными аппаратами, съ своимъ помѣщеніемъ ко всему организму земли» (??)

Г. Модестовъ, говоря объ атмосферѣ, пишетъ о какихъ—то *косметическихъ явленіяхъ* въ воздухѣ (точно о мыльныхъ столахъ мануфактурной выставки) и увѣряетъ, что когда во время тропическихъ дождей противуположные *токи* воздуха *постигаютъ* землю, вслѣдствіе такого постиженія горизонтъ вдругъ *опущается* (стр. 115).

Несмотря на отсутствіе всякаго здраваго смысла въ трудахъ г. Модестова, я знаю, что онъ имѣетъ своихъ почитателей. Я даже знаю, что онъ создалъ, можетъ быть, самъ того не вѣдая, особую школу русскихъ ораторовъ, которые изъясняются по его системѣ и слывутъ въ своихъ околоткахъ за геніальныхъ краснобаевъ.

Въ одной изъ приволжскихъ губерній живетъ одинъ господинъ, который прочитавъ десять книгъ философіи Гавріила и Гегеля въ переводѣ Модестова, вдругъ сдѣлался губернскимъ Цицерономъ: онъ такъ заговорилъ, что его всѣ слушали, слушали, благоговѣли, но ни слова не понимали. Самъ редакторъ губернскихъ вѣдомостей и вмѣстѣ съ тѣмъ учитель русскаго языка въ гимназіи, читавшій въ оригиналѣ Гёте, Данта, Байрона и Гомера, откровенно признавался мнѣ, что губернскій геній такъ глубокомысленно говоритъ, такъ уменъ, что даже онъ его не понимаетъ.

— «А я, кажется, не совсѣмъ дуракъ... прибавилъ онъ при этомъ, проводя нѣсколько разъ ладонью по гладко—остриженному своему черепу.

Дѣйствительно, новаго Цицерона никто понять не могъ, по той простой причинѣ, что онъ самъ не понималъ себя. Я бережно списалъ множество его афоризмовъ, изъ которыхъ на-удачу приведу нѣсколько:

«Любовь къ ближнему есть утопическая почва индифферентнаго субъективнаго стремленія, а такое стремленіе во всей своей цѣльности есть только часть возможности и истиннаго представленія чувства...

«Прогресъ, по самому существу и естеству своему, касаясь жизненнаго интереса, относится къ массѣ идей такъ же, какъ относится идея къ массѣ, а масса къ идеѣ»...

Вотъ какую діалектику распространяютъ изданія г. Модестова и какіе ораторы, какъ фениксы, возрождаются изъ его новой школы.

Я забылъ еще сказать объ одномъ прелестномъ изрѣченіи провинціальнаго публициста.

Знаете-ли, что такое время? говорилъ онъ однажды. Время есть

безконечность, возведенная въ апофеозу недѣлимости, круженіе вѣчности бытія и небытія и соединеніе духовности съ матеріей, матеріи съ жизненностью безъ вещественнаго самосгаранія.

Нашъ замысловатый ораторъ вѣроятно не читалъ одного стихотворенія Л. А. Мея на ту же тему: что такое время? Къ этому прекрасному стихотворенію, мысль котораго взята у одного американскаго писателя, недостаетъ только послѣдняго куплета, который полнѣе оканчиваетъ поэтическую картину г. Мея. Вотъ этотъ куплетъ:

Такъ пытая мертвыхъ и живыхъ собратій,
Наконецъ спросилъ я Достоевскихъ братій:
— Что такое время?—Вотъ тебѣ билетъ, —
Подпишись на «Время,» тамъ найдешь отвѣтъ.

Но нашъ провинціальный геній стиховъ не читаетъ и презираетъ даже всѣхъ, кто ихъ пишетъ, также какъ одинъ петербургскій начальникъ частнаго учебнаго заведенія, который, узнавъ однажды, что его воспитанникъ написалъ невинные стихи «къ лунѣ», сбавилъ ему баллъ за поведеніе. Объ этомъ наставникѣ и наблюдателѣ юношества, наставникѣ, который свой формализмъ доводитъ до каррикатуры, разсказываютъ слѣдующій случай:

Явился одинъ изъ его воспитанниковъ изъ отпуска и опоздалъ двѣ съ половиною минуты. Содержатель школы вышелъ изъ себя за такое нарушеніе правилъ.

— Вѣдь это неповиновеніе, кричалъ онъ, неуваженіе ко мнѣ, къ моимъ правиламъ!

— Да вѣдь я опоздалъ только двѣ минуты, замѣтилъ скромно ученикъ.

— А, двѣ минуты!.. По–вашему, государь мой, это ничего?... Хорошо!.. Одинъ опоздаетъ двѣ минуты, другой двѣ минуты... знаете–ли вы, что если изъ 60 человѣкъ каждый опоздаетъ по двѣ минуты, то изъ этого выйдетъ ровно два часа... цѣлыхъ два часа! а это вѣдь не бездѣлица!

Такая находчивость наставника такъ поразила ученика, что онъ, кажется, въ глубинѣ души своей созналъ всю тяжесть и важность своего преступленія. Но наставникъ его былъ человѣкъ великодушный и наказаніе свое ограничилъ только оставленіемъ преступника безъ третьяго блюда...

Въ прошломъ мѣсяцѣ я говорилъ объ одной петербургской начальницѣ женскаго учебнаго заведенія. Та была хороша, но въ Казани нашлась еще лучше. Трепеща за нравственность своихъ воспитанницъ, эта блюстительница цѣломудрія самой мысли дѣтей, изъ *Богородицы* выкидывала слова: *яко Спаса родила еси душъ нашихъ*. Тамъ же одна классная дама, недовольная ни одной священной исторіей, сама по-своему переложила для дѣвицъ исторію о Давидѣ и женѣ Уріевой. Очень жаль, что мы не знакомы съ этимъ переложеніемъ!..

Теперь два слова о двухъ протестахъ г. Льва Камбека, наводящихъ насъ на то размышленіе, какъ опасно и часто непріятно носить бороду. Когда я вижу человѣка съ бородой, то вполнѣ оцѣняю его мужество и смѣлость характера. По свидѣтельству опыта и наконецъ по смыслу протестовъ г. Камбека, я окончательно увѣрился въ томъ, что мы даже настолько не созрѣли, что не можемъ безнаказанно отпускать волосы на бородѣ своей. Каждая благовоспитанная маменька не позволитъ своей дочери даже посмотрѣть на васъ, если вы *бородачъ*, каждый франтъ львиной породы заподозритъ васъ своимъ портнымъ, и броситъ вамъ презрительно *ты*, при первомъ случаѣ... Г. Камбекъ разсказываетъ намъ два такіе случая, испытанные имъ самимъ. Посвятивъ себя въ роль общественнаго обличителя, г. Камбекъ постоянно вѣренъ своей роли. Это его жребій, его пожизненный крестъ..,

Всѣмъ намъ Зевесомъ отъ вѣка указаны
Торные въ жизни пути:
Тѣ — къ важнымъ должностямъ съ дѣтства привязаны,
Тѣ должны въ откупъ идти,
Эти—назначены быть журналистами,
Тѣ—мостовую топтать,
Тѣ же пѣвцами пошли голосистыми
Звѣзды, луну воспѣвать.
Льву же Камбеку при самомъ рожденіи
Зевсъ громовержецъ сказалъ:
— Въ мірѣ ходи ты—и въ общемъ движеніи
Каждый лови тамъ скандалъ.

Обличеніе зла во всѣхъ формахъ и одеждахъ—разумѣется доброе и полезное дѣло, и протесты г. Камбека возбуждаютъ наше полное

сочувствіе, хотя иногда мы и улыбаемся на его обличенія. Но у г. Камбека, какъ я уже сказалъ, доля такая земная. Кажется не онъ одинъ носитъ бороду, а между тѣмъ съ нимъ однимъ только и случаются бѣды. Вотъ, пишетъ онъ, хотѣлъ я недавно сѣсть въ общественную карету, но кондукторъ замѣтилъ мнѣ: —куда лѣзешь, борода! Въ карету вамъ нельзя, для васъ есть наружное мѣсто»...

Затѣмъ въ другой разъ онъ разсказываетъ случай весьма грустный о тѣхъ праздношатающихся держимордахъ, которые готовы сдѣлать вамъ на улицѣ оскорбленіе только за то, что вы не любите бриться.

Вотъ происшествіе, случившееся съ г. Камбекомъ:

Недавно онъ, съ женою своей, свояченицей, дальней родственницей послѣдней и однимъ знакомымъ отправились гулять по Невскому. Впереди шли свояченица съ родственницей, за ними, въ разстояніи полуаршина, остальные. Подлѣ дома г. Грефа, нѣкто *Хецнѣвичъ*, войдя въ этотъ промежутокъ, тростью разъединилъ шедшихъ впереди дамъ и остановился въ срединѣ, бросая наглые взгляды. Г. Камбекъ подвинулъ его впередъ и замѣтилъ ему, что такой поступокъ нетолько можно назвать невѣжествомъ, но наглостью. Тогда уличный негодяй схватилъ г. Камбека за грудь и закричалъ дворнику, чтобъ его взяли въ часть. Одинъ изъ дворниковъ побѣжалъ за городовымъ, между тѣмъ г. Камбекъ, освободившись отъ Хецнѣвича, объявилъ ему свое званіе...

— Мнѣ дѣла нѣтъ до вашего званія, я самъ—*дворянинъ Хецнѣвичъ*. Черезъ четверть часа явился городовой, и потребовалъ въ кварталъ Хецнѣвича вмѣстѣ съ г. Камбекомъ. Тогда Хецнѣвичъ, по совѣтамъ нѣкоторыхъ окружающихъ изъ собравшейся толпы, поспѣшилъ удалиться, сказавъ съ угрозою, что онъ будетъ преслѣдовать г. Камбека закономъ.

Рѣшительно нельзя не придти въ ужасъ отъ такого господина, который, надѣлавъ дерзостей, еще грозитъ закономъ... Неужели нѣтъ мѣръ противъ такихъ грозныхъ явленій нашей общественной жизни? Имена такихъ героевъ, какъ Хецнѣвичъ должны по-настоящему выставляться на площадяхъ на всеобщій позоръ и отвращеніе... А то какая на нихъ теперь управа? Они при видѣ каждой женщины на улицѣ днемъ и ночью готовы исполнить извѣстную разбойничью *сарынь-на-кичку*».

Всѣ жалуются кругомъ на безденежье, всѣхъ занимаетъ рѣшеніе этого важнаго экономическаго вопроса... Какъ быть? что дѣлать?... Вдругъ появляется въ Акціонерѣ статья М. П. Погодина «*Три вечера въ Петербургѣ*, статья, въ которой вопросъ этотъ рѣшается очень просто, на основаніи простаго здраваго смысла, а не на законахъ какой нибудь политической экономіи. Вотъ каковъ г. Погодинъ!..

Когда я прочелъ громкое названіе его статьи: *Три вечера въ Петербургѣ*, то я думалъ, что она принадлежитъ какой-нибудь европейской знаменитости, заѣхавшей къ намъ по пути... Каково жъ было мое удивленіе, что я прочелъ подпись нашего общаго соотечественника—московскаго ученаго.

И былъ вечеръ первый, и отправился московскій ученый на засѣданіе политико-экономическаго комитета и слушалъ тамъ пренія о мелкой и крупной собственности и пр. и пр. Желчь разлилась у г. Погодина отъ этихъ преній. Все, говоритъ онъ, къ нашей русской жизни европейскія теоріи прилаживаютъ, ну и выходитъ вздоръ. Отъ полической экономіи всѣ бѣды наши...» Политическая экономія не дала намъ, говоритъ онъ, ни одного правительственнаго распоряженія, котораго пользу можно бы было ощупать руками, а развѣ наоборотъ. Отъ нея только одни затрудненія....

И былъ вечеръ вторый.... Провелъ я его, говоритъ М. П. у Кокорева вмѣстѣ съ многими капиталистами, которые разсуждали откровенно о своихъ дѣлахъ. Вотъ что онъ узналъ отъ нихъ о положеніи нашихъ дѣлъ:

Демидовы, Строгоновы и прочіе горнозаводчики находятся въ великомъ затрудненіи для веденія своихъ дѣлъ.

Графъ Б. проситъ о милліонномъ пособіи для своихъ сахарныхъ заводовъ.

Брантъ, владѣлецъ корабельной верфи въ Архангельскѣ, ищетъ 600 т. рублей.

Братья Ш., владѣющіе огромными предпріятіями и заведеніями, предлагаютъ вѣрнѣйшія акціи по полтинѣ за рубль.

Одинъ сильный домъ Алексѣевыхъ обанкрутился на огромную сумму и за двѣ его фабрики, стоившія болѣе милліона, даютъ только 180,000 р. с.

Барковъ, желѣзный торговецъ, обанкрутился на 5 милл.

Бернардаки хочетъ закрыть свои 11 заводовъ. —

Мѣняевъ, старинный петербургскій домъ прекращаетъ платежи.

Кокоревъ подвергается опасности.

Рыбинскій откупъ оказывается несостоятельнымъ, потому что привозу въ Рыбинскъ клади вдвое меньше, а пароду меньше втрое.

Нарвская и Протвинская бумагопрядильни страдаютъ; послѣдняя не можетъ продолжать работы!

Сельскій-Хозяинъ ликвидированъ; Закаспійское товарищество, Кавказъ и Меркурій, Бѣломорская компанія, Амурская компанія, Дружина колеблются.

Слушая такой разсказъ, продолжаетъ М. П. нельзя не задуматься: всѣ поименованныя лица извѣстны были своею основательностью, *честностью* и расчетливостью. Что за общая напасть!

И вотъ г. Погодинъ даетъ намъ новое и самое простое лекарство отъ общаго банкротства. Чтобъ поправить бѣду, думаетъ онъ, пусть правительство выдастъ всѣмъ нуждающимся, въ пополненіе уничтоженныхъ ассигнацій, подъ залогъ ихъ предпріятій и имуществъ какія нибудь обезпеченныя имъ ассигнаціи, которыя бы ходили наравнѣ съ прочими государственными обязательствами: съ теченіемъ времени, по мѣрѣ платежей, онѣ вынимались бы изъ оборота, и никто не остался бы въ убыткѣ, а всѣ въ барышахъ.

Видите-ли, какъ ларчикъ просто открывался! Вотъ вамъ г г. экономисты и урокъ.... Кто рѣшится изъ васъ доказать, что мѣры, предлагаемыя г. Погодинымъ, неудобны и безполезны!...

Кто устоитъ въ неровномъ спорѣ?..

Но пойдемъ далѣе: *былъ вечеръ третій*, вечеръ въ блестящемъ салонѣ. «Боже мой! восклицаетъ М. П. сколько свѣту, сколько блеску, какое богатство, какое великолѣпіе: Послѣднее платье на дамѣ не стоило меньше ста рублей серебромъ, а весь нарядъ клади круглымъ числомъ по тысячѣ! Малѣйшая косыночка равнялась десяти четвертямъ ржи, а тончайшіе рукавчики не получишь меньше чѣмъ за 20 четвертей овса! А за шаль опрастывай цѣлый закромъ! за колечко, за сережки иныя поднимай на вилы пять стоговъ сѣна.

«И вспомнилъ я Невскій проспектъ. На сколько милліоновъ помѣщается товару въ его магазинахъ! Какой же это товаръ? Мука, крупа, масло, мясо, соль? Фи! здѣсь только des petits-riens, трень-брень? Такъ для чего же вы ихъ покупаете, *безсмысленныя*, (съ этимъ нѣжнымъ эпитетомъ обращается М. П. уже прямо къ дамамъ) когда нужда вездѣ распространяется и когда недостаетъ средствъ вашему наряду для удовлетворенія насущныхъ своихъ потребностей?»

Напрасно бы русскія дамы стали бы возражать М. П., напрасно бы говорили онѣ:

— Помилуйте M-r Погодинъ! за что вы такъ ругаетесь? Неужели мука, крупа, масло, мясо и соль должны были-бы быть единственными нашими потребностями. Вспомните, что самъ Шекспиръ сказалъ:

Дай человѣку то лишь, безъ чего
Не можетъ жить онъ, ты его сравняешь
Съ животнымъ...

Но суровый ученый остался бы попрежнему неумолимымъ, и обругавъ, чего добраго! по дорогѣ Шекспира, продолжалъ бы свою проповѣдь къ дамамъ:

— Если крестьяне устроиваютъ между собою общества воздержности и отказываются отъ самаго сладкаго своего удовольствія, то почему же вы не устроите между собою общества бережливости, не произнесете обѣта тратить года на два, на три меньше обыкновеннаго? Почему вы не убѣдите вашихъ мужей вмѣсто го-сотерна и бордо по 5 р. с. за бутылку пить въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ русское пиво и наливку по 30 к.? (Нѣтъ ужъ лучше пить кокоревскую водку чѣмъ вино въ 30 к.,—замѣчаніе мужей). Перестанемъ мы выписывать всякую дрянь—ну вотъ и курсъ поднимется и золото заведется, и деньги найдутся...

«Бережливость! заключаетъ М. П., вотъ самое простое и вѣрное, первое лекарство противъ нашей болѣзни безденежья!»

И такъ, мы теперь знаемъ враговъ нашихъ; ихъ два — лукавая политическая экономія и еще болѣе лукавая слабость наша—расточительность.

Простой способъ богатѣть съ полною ненужностью политико-экономическихъ началъ въ жизни, такъ сильно на меня подѣйствовалъ, что я вдохновясь новой идеей, написалъ для общественнаго блага слѣдующую элегію:

РУССКОМУ МІРУ

ОТЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА ПОСВЯЩАЕТСЯ.

О чемъ хлопочутъ всѣ журналы?
Что пишетъ Шиль?

Къ чему твои намъ идеалы
Ученый Милль?

Мы всѣ богаты-a priori,
De facto-жъ мы,
Дойдемъ до нищенства и горя,
И до сумы.

Банкротство губитъ наши силы, —
Вкругъ денегъ нѣтъ...
Заводамъ, фабрикамъ,—могилы
Готовитъ свѣтъ.

Акціонеръ палъ духомъ въ мракѣ,
И растерялъ
На предпріятья Бернардаки
Свой капиталъ.

Капиталисты ищутъ жадно
Вездѣ займа,
И дорожаютъ безпощадно
Кругомъ дома.

Что жъ нашей бѣдности причина?
Гдѣ корень зла?
То роскошь насъ съ заразой сплина
Съ ума свела?

У насъ рубли летятъ какъ стружки
На разный хламъ,
На тряпки, модныя игрушки
Мущинъ и дамъ.

Мы строимъ виллы и чертоги
Въ короткій срокъ,
Комфортъ и мода—наши боги
И нашъ порокъ.

Мы не заглядывая въ фонды,
И наобумъ
Бросаемъ тысячи на блонды
И женъ костюмъ.

Тѣ деньги кинемъ мы, навѣрно —
Въ часъ, въ полчаса,

На что купили-бъ—сто, примѣрно,
Кулей овса.

Чтобы спастись отъ разоренья,
Отъ страшныхъ бѣдъ,
Намъ далъ Погодинъ въ утѣшенье
Такой совѣтъ:

«Забудьте всѣ ученья Милля,
Науки смыслъ...
Вѣдь безъ него же дѣды жили
Жилъ Гостомыслъ! —

«Внимайте зову не науки,
А мыслей сихъ:
Пусть не роскошничаютъ внуки,
Какъ дѣды ихъ.

Пускай мужья не пьютъ лѣниво
Бордо и джинъ,
Но будутъ пьяны и отъ пива
И русскихъ винъ;

Пусть не батистъ насъ прикрываетъ,
А русскій холстъ;
Нашъ капиталъ пускай не таетъ,
Положенъ въ ростъ;

Пускай съ уборами картоны
Средь нашихъ странъ,
Мѣняютъ дамы на роброны,
На сарафанъ;

Прочь гонимъ моду мы злодѣйку,
Соблазна тѣнь,
И прячемъ мѣдную копѣйку
На черный день.

Пусть все, что прежде было мило,
Мы проклянемъ
И мебель русскую изъ мыла
Поставимъ въ домъ.

———

Къ этому я уже прозой прибавлю одно свое личное желаніе: пусть нашъ откупъ кончитъ свое долгоденствіе и отойдетъ въ вѣчность! Пора, давно уже пора!.. Откупщики, вѣроятно предчувствуя свою близкую смерть, передъ кончиной начинаютъ страшно буйствовать. Недавно, напр. агенты откупа среди бѣлаго дня на самомъ Невскомъ проспектѣ напали на г. Дмитріева, стали насильно отнимать его вещи, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ нужно осмотрѣть. Задержанный такимъ образомъ почтенный гражданинъ, вмѣсто своей квартиры попалъ въ полицію. Г. Дмитріевъ протестовалъ противъ этого грубаго насилія питейныхъ откуповъ. Но что имъ отъ этого дѣлается?

Вѣдь извѣстно изъ какихъ людей состоитъ этотъ откупъ. Ни одинъ честный человѣкъ не пойдетъ служить въ эту гнилую, грязную и пошлую среду, точно также и самъ откупъ не возьметъ къ себѣ на службу ни одного порядочнаго человѣка, потому что ему нужны плуты, Расплюевы, нужны люди, у которыхъ честность и чувство порядочности давно потеряны. Что же значитъ для такихъ господъ протестъ г. Дмитріева? Ровно ничего. Они пожалуй скажутъ на это, что имъ исторіи и хуже этой съ рукъ сходили. Вотъ напримѣръ извольте послушать о дѣйствіяхъ провинціальныхъ агентовъ откупа: эти еще почище столичныхъ будутъ. Мѣсяцъ тому назадъ партія рабочихъ ѣхала на телѣгахъ по направленію къ селу Краснополью, близъ котораго напали на нихъ болѣе 20 человѣкъ верховыхъ, вооруженныхъ ружьями, ограбили этихъ бѣдныхъ людей, и одного изъ нихъ убили на-поваль, а нѣсколькихъ ранили смертельно. По произведенному слѣдствію, судебнымъ слѣдователемъ, открылось, что верховые разбойники—была корчемная стража откупщика, изъ числа которыхъ 16 человѣкъ содержатся теперь въ острогѣ. Насчитываютъ до 200 человѣкъ подобной стражи, сформированной откупщикомъ, и весь этотъ сбродъ учрежденъ имъ будто бы для охраненія его откуповъ отъ корчемства, съ дозволенія начальства (См. Пет. Вѣд. 121.)

Къ такимъ возмутительнымъ фактамъ никакихъ добавленій не нужно: они говорятъ сами за себя.

Перенесемся теперь въ провинцію... Въ провинціяхъ, лежащихъ по Волгѣ, въ настоящее время съ нетерпѣніемъ ожидаютъ открытія нижегородской желѣзной дороги. На пароходное сообщеніе Волгой, на которое такъ много прежде надѣялись, теперь мало кто расчитываетъ.

Кромѣ того, что самая Волга, мелѣющая годъ отъ году, представляетъ для этого мало удобствъ въ будущемъ, пароходное Волжское общество «Самолетъ» возбуждаетъ повсюду всеобщее неудовольствіе своимъ плохимъ устройствомъ и неисправностью. Изъ двадцати случаевъ его неисправностей приведу одинъ. 18 іюня, въ пятомъ часу пополудни пароходъ «Ундина»—общества Самолетъ,—вышедшій изъ Твери утромъ того же дня, ударился о камень въ 2–хъ или 3 верстахъ выше селенія Кимры и, получивъ повреждепіе, за невозможностью идти далѣе, былъ поставленъ капитаномъ на мель. Капитанъ, въ сопровожденіи двухъ пассажировъ, тотчасъ же отправился на близлежащую почтовую станцію Пикуново, для отсылки эстафеты въ Тверскую контору общества, съ просьбой о присылкѣ новаго парохода для доставленія пассажировъ къ мѣсту ихъ назначенія. Станція Пикуново отстоитъ отъ Твери въ 98 верстахъ, и судя по разстоянію, депеша должна была прибыть въ Тверь на другой день рано утромъ.

Но, увы! мечты пассажировъ не сбылись... На другой день, пароходъ того же общества, проходя мимо, остановился на–время, но не взявши никого съ поврежденнаго экипажа, пошелъ далѣе... Каково жъ было положеніе бѣдной «Ундины» съ своими временными гостями?... Такимъ образомъ прошло 38 часовъ безъ всякой для нихъ помощи. Небольшой запасъ буфета былъ истощенъ весь, и пассажирамъ грозила голодная смерть. Затопленіе кормовой части парохода заставило пассажировъ, помѣщавшихся тамъ, искать себѣ пріюта въ незатопленныхъ частяхъ, отчего произошла страшная тѣснота... Наконецъ только 20 іюня проходившій мимо, *а не посланный на помощь*, пароходъ «Сирена», *послѣ долгихъ просьбъ и убѣжденій пассажировъ* «Ундины», принялъ ихъ къ себѣ... Вотъ какова эта частная компанія волжскаго пароходства!.. Извольте послѣ этого ѣздить на ея пароходахъ....

Но мы уже привыкли ничему не удивляться... Мы даже вотъ не удивимся, когда прочтемъ любопытный документъ и именно рапортъ одного земскаго суда, въ отвѣтъ на отзывъ Благорайскаго магистрата Люблинской губерніи, просившаго его открыть пребываніе одного ремесленника изъ г. Благорая. Земскій судъ, получивъ рапортъ, написанный на польскомъ языкѣ, поставленъ былъ не въ малое затрудненіе, и вотъ что отвѣчалъ на него:

«Земскій судъ, не имѣя въ виду распоряженія правительства о томъ, чтобы подобнаго рода бумаги на польскомъ діалектѣ королев–

ства Польскаго велѣно было приводить въ исполненіе, не имѣя также при судѣ и переводчика польскаго языка, а потому бумагу эту въ подлинникѣ представляя (тому-то) на благоусмотрѣніе, покорнѣйше проситъ *въ разрѣшеніе предписанія, во свѣдѣнія суда на будущее время, существуетъ-ли Польское королевство (!!) и должно-ли приводить подобныя бумаги въ исполненіе и куда обращать ихъ для перевода..*».

Нужно замѣтить при этомъ, что документъ этотъ взятъ не изъ архива, а написанъ въ нынѣшнемъ году и помѣченъ 27-го апрѣля. Къ тому же онъ писанъ по начальству, и слѣдовательно со всею точностью и осмотрительностью...

О, простосердечный, наивный земскій судъ! Твой скептицизмъ умилителенъ....

Скептицизмъ развитъ у земщины
До размѣра колоссальнаго;
Тамъ боятся иноземщины,
Какъ бродяги—рукъ квартальнаго.

—

Вѣренъ міру до-Петровскому
И старинной орѳографіи,
Земскій Судъ по Ободовскому
Не учился географіи.

—

Серебро есть точно польское...
Говорятъ герои Азіи:
А ужъ это царство Польское
Существуетъ лишь въ фантазіи.

—

И читая отношеніе
Говорятъ они: да ну его!...
Ахъ, зачѣмъ вы въ поученіе
Не прочтете атласъ Зуева!...

—

Но вотъ вамъ два подвига, совершенно уже ненаивные. Къ нимъ и названія приличнаго не подберешь...

Нѣкто, весьма почтенный и развитой человѣкъ г. Т., бывая прежде въ домѣ одного помѣщика (губернія, къ несчастію, неизвѣстна), вдругъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія по несходству понятій и

убѣжденій. Помѣщикъ, какъ обскурантъ въ высшей степени съ дикою ненавистью ко всякому движенію, оттолкнулъ отъ себя г. Т. и онъ рѣшился, безъ ссоры, постепенно прекратить съ нимъ всякое знакомство. Помѣщикъ, замѣтивъ это отдаленіе, рѣшился, какъ истый Киргизъ-кайсакъ, отмстить г. Т. и избралъ для исполненія своего плана нѣкоего коллежскаго ассесора Степана Ѳедоровича О., служащаго въ П. Каковъ былъ этотъ коллежскій ассесоръ, можно судить по слѣдующему факту. Когда однажды г. Т. въ письмѣ своемъ къ г. О. началъ съ извѣстной фразы: Милостивый государь, Степанъ Ѳедоровичъ, то послѣдній вскипѣлъ и при первомъ свиданіи замѣтилъ:

— Я, государь мой, коллежскій ассесоръ, что по военному выходитъ майоръ, и вы должны писать ко мнѣ не просто милостивый государь, а Ваше Высокоблагородіе, милостивый государь...

Однажды г. Т. проходилъ мимо того дома, гдѣ жилъ помѣщикъ и увидѣлъ послѣдняго, который выбѣжалъ на балконъ и самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ г. Т. на минутку зайти къ нему. Г. Т. зайдя къ нему, нашелъ въ его квартирѣ г. О. вмѣстѣ съ другими его пріятелями. Г. О. тотчасъ же приступилъ къ исполненію своей гнусной, заказной роли. Онъ началъ съ того, что сталъ съ перваго слова говорить г. Т. *ты* и нагло подсмѣиваться надъ нашимъ временемъ, когда, по его мнѣнію, каждый мѣщанинъ (г. Т. былъ изъ мѣщанъ) начитывается разной печатной дряни, да разсуждаетъ о прогрессахъ....

Когда г. Т. что-то замѣтилъ ему на это, тогда коллежскій ассесоръ ударилъ его по лицу, при общемъ хохотѣ своихъ пріятелей, приговаривая: ну, теперь описывай меня въ газетахъ....

И такіе баши-бузуки живутъ въ нашемъ обществѣ, занимаютъ извѣстныя гражданскія ступени, и никто при встрѣчѣ съ ними не отвертывается отъ нихъ, какъ отъ скверныхъ гадовъ, не преслѣдуетъ ихъ негодованіемъ и презрѣніемъ... А пока у насъ этого не будетъ, до тѣхъ поръ никакая гласность, никакое обличеніе не можетъ благотворно дѣйствовать, потому что эти русскіе бандиты нагло смѣются надъ гласностью и обличеніемъ...

Давно-ли мы писали о нижегородскихъ герояхъ, оскорбившихъ женщину, какъ въ Арзамасѣ (той же губерніи) новая такая исторія... Тутъ уже отличаются наши Марсы.... Сидя у воротъ постоялаго дома и ожидая пріѣзжающихъ на ночлегъ, арзамаскій мѣщанинъ

Ѳедоръ Ходалевъ увидѣлъ, что два офицера резервнаго батальона колыванскаго полка, Терпиловскій и Архангельскій, тащили къ Выѣздновскому мосту какую-то женщину, которая отъ нихъ рвалась и просила пощады. Когда мѣщанинъ Ходалевъ, подойдя къ нимъ, началъ просить, чтобъ они ту женщину оставили, тогда они, освободивъ ее, бросились уже на Ходалева (непонятное бѣшенство!) и начали его жестоко бить....

И вездѣ вѣдь, куда ни оглянись, повсюду еще растетъ эта крапива, эта бѣлена общественной жизни, вездѣ являются передъ нами, какъ листъ передъ травой, эти Хецнѣвичи. Козляиновы, Вергеймы... Какъ зло жизни, они еще сильны, какъ сильны были тѣ свиньи, которыя затоптали воюющаго съ ними Донъ-Кихота... Грустная истина!...

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 30.

(Іюнь 1861 года).

Колишъ и Морфи.—Постановленіе состоявшееся въ Сентъ-Джорджевскомъ клубѣ.—Отрывокъ изъ письма Морфи.—О будущемъ собраніи Британской Шахматной Ассоціаціи.—Двѣ партіи Колиша.—Партіи Гиршфельда съ Ланге, Андерсеномъ, Майетомъ и Зуле.—Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. С. Урусова (статья 15-я).—Задачи.—Корреспонденція.

Извѣстность Колиша растетъ съ каждымъ днемъ. Онъ одержалъ верхъ надъ всѣми состязавшимися съ нимъ противниками. Но до сихъ поръ ему все еще не удалось склонить ни одного первокласнаго игрока къ серьезному, продолжительному состязанію, которое одно только можетъ упрочить его шахматную славу. Мы видѣли (Шахматный Листокъ за январь текущаго года), что всѣ старанія его устроить матчъ съ Гаррвитцомъ, Стаунтономъ и Левенталемъ остались безъ успѣха. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ мысли Колиша обратились къ Морфи; но и тутъ мало надежды на успѣхъ. Морфи теперь уже не тотъ, какимъ мы видѣли его три года назадъ. Онъ не только не ищетъ, но всячески избѣгаетъ серьезныхъ состязаній, его партіи уже не наполняютъ шахматныхъ журналовъ, его имя не красуется болѣе на оберткѣ Нью-Іоркскаго **Chess-**

Monthly (*); однимъ словомъ, побѣдитель Левенталя, Гаррвитца и Андерсена почти вовсе оставилъ шахматное поприще. Какъ бы то не было, Колишъ давно уже горитъ желаніемъ сразиться съ непобѣдимымъ Морфи и, наконецъ, стараніями его въ Сентъ-Джорджевскомъ клубѣ состоялось слѣдующее постановленіе (**):

«Г. Колишъ заявилъ нѣкоторымъ членамъ столичныхъ шахматныхъ клубовъ о своемъ желаніи вступить въ состязаніе съ Пауломъ Морфи; для приведенія въ исполненіе намѣренія г-на Колиша опредѣлено составить особый комитетъ. Членами его избраны:

Лордъ Артюръ Гэ,
Н. Стридъ,
Томасъ Гамптонъ, } Сентъ-Джорджевскаго клуба.

Г-нъ Левенталь, Сентъ-Джемскаго клуба.

Георгъ Мауде, Лондонскаго клуба.

«Постановлено просить вышепоименованныхъ лицъ сдѣлать надлежащія распоряженія для приглашенія г-на Пауля Морфи съиграть шахматный матчъ съ г. Игнатіемъ Колишемъ».

За тѣмъ слѣдуютъ подписи извѣстнѣйшихъ лондонскихъ шахматистовъ, содѣйствующихъ намѣренію Колиша. Въ числѣ ихъ значатся имена лорда Литтельтона, Монгредьена, виконта Креморна, сира Джона Трелонэ и др.

Въ слѣдствіе этого, комитетъ отнесся къ г-ну Морфи письмомъ въ которомъ изложены условія матча. Условія эти главнѣйшимъ образомъ состоятъ въ томъ, что пари назначается въ 5.000 франковъ, а участь матча рѣшается одинадцатью выигранными партіями. Отвѣчалъ ли Морфи на вызовъ, и если отвѣчалъ, то что именно, — мы еще не знаемъ, но изъ напечатаннаго въ одномъ журналѣ отзыва его письма къ какому-то

(*) Съ наступленіемъ нынѣшняго года Даніель Фиске передалъ редакцію Chess-Monthly какому-то мало извѣстному любителю, а за тѣмъ и Морфи отказался отъ участія въ этомъ журналѣ; впрочемъ оно и прежде было болѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное.

(**) Печатный экземпляръ этого постановленія сообщенъ намъ г-мъ Колишемъ, который находится теперь въ Англіи, и какъ кажется, намѣренъ основать тамъ сое обыкновенное мѣстопребываніе.

нью-іоркскому любителю можно видѣть, что если онъ и не отказывается окончательно отъ состязанія, то и не принимаетъ положительно вызовъ. «Я могу только обѣщать, пишетъ Морфи (и прошу считать это *особеннымъ изъятіемъ* изъ принятаго мною правила не принимать впредъ вызововъ) расположить моимъ временемъ такъ, чтобы, при посѣщеніи вновь Европы, имѣть возможность посвятить недѣли двѣ или даже болѣе, если будетъ нужно, предполагаемому матчу. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ повторить, *что я положительно отклоняюсь играть на какое бы то ни было пари.* Мирное, дружеское состязаніе, не стѣсняемое публичностію, доставитъ мнѣ большое удовольствіе; надѣюсь также и г-ну Колишу. Пріятно будетъ мнѣ вступить въ такого рода бой,—когда посчастливится вновь переплыть океанъ».

А между тѣмъ въ Англіи готовится блистательное шахматное торжество: собраніе или, какъ англичане называютъ его для бо̀льшей важности, конгресъ Британской Шахматной Ассоціаціи. Разные документы по этому предмету сообщены на дняхъ графу Г. А. Кушелеву-Безбородко при письмѣ, въ которомъ главный распорядитель собранія Левенталь убѣдительно приглашаетъ его лично участвовать въ конгресѣ; но дѣла иной важности, чѣмъ шахматныя забавы, не позволяютъ графу предпринять теперь поѣздку въ Англію. Судя по означеннымъ, документамъ собраніе Ассоціаціи будетъ многочисленно и дѣятельно; вотъ его составъ:

Президентъ: лордъ Литтельтонъ; Вице - Президенты: лордъ Креморнъ и сиръ Джонъ Блонденъ; Президентъ распорядительнаго комитета: капитанъ Кеннеди; Директоръ - распорядитель: Левенталь; Казначей Томасъ Гамптонъ; Почетный Секретарь: Голлоуэ. Для бо̀льшаго порядка и успѣха въ дѣйствіяхъ собранія оно раздѣляется на нѣсколько комитетовъ: непремѣнный распорядительный и содѣйствующіе.

Непремѣнный комитетъ: лордъ Артюръ Гэ, Мармадюкъ Уйэвиль, Кокъ, Энглишъ, полковникъ Ледли, Брейсъ, Ролей, Джонъ Оуенъ, капитанъ Бутлеръ, капитанъ Джонъ Гамильтонъ, Уоррель, президентъ гласговскаго шахматнаго клуба Белль, президентъ лондонскаго клуба Монгредьенъ, президентъ бирмингамскаго клуба То-

масъ Авери, президентъ манчестерскаго клуба Гансъ Гашъ, почетный секретарь этого клуба Киппингъ, президентъ сутамптонскаго клуба Джемсъ Дунканъ, почетный секретарь ливерпульскаго клуба Мортонъ Спаркъ, Барнесъ.

Распорядительный комитетъ: Президентъ и вицепрезиденты ассоціаціи, всѣ члены непремѣннаго комитета и сверхъ того: капитанъ Кеннеди (предсѣдатель), Левенталь (директоръ), Джорджъ Уокеръ, Боденъ, Уэтерсъ, Томпсонъ, Филлипсъ, Юнгъ, Берри, Г. Вейнесъ, Д. Вейнесъ, Пиготтъ, Ланглей, Ѳедденъ.

Содѣйствующіе комитеты. Отъ Сентъ-Джемскаго клуба: секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ Сабуровъ, Бартесъ, Уормальдъ, Сичъ, Гоуардъ, Джемсъ Уильсонъ (секретарь корреспондентъ), отъ клуба въ Нью-Кастлѣ на Тейнѣ: Сайласъ Ангасъ и Деффи; отъ гуддерсфильдскаго клуба: Джонъ Уаткинсонъ.

Подробная программа предполагаемыхъ дѣйствій конгресса, извлеченіе изъ которой читатели найдутъ ниже—разослана англійскимъ любителямъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ при слѣдующемъ циркулярѣ:

Сентъ-Джемскій шахматный клубъ, Сентъ-Джемсъ Галь. Лондонъ Апрѣля 1861.

Милостивый Государь.

Имѣю честь сообщить Вамъ программу предназначеннаго въ Бристолѣ собранія Шахматный Ассоціаціи. Комитетъ не сомнѣвается, что любители шахматной игры окажутъ ему щедрое содѣйствіе и поставятъ въ возможность привести въ исполненіе всѣ нижеизложенныя предположенія. Въ особенности обращается вниманіе Гг. подписчиковъ на то обстоятельство, что подписная цѣна (5 шил.) далеко недостаточна не покрытіе расходовъ собраній, а потому ожидаются болѣе щедрыя пожертвованія со стороны любителей и покровителей Шахматной игры, въ Англіи. Еслибъ вслѣдствіе этого клубы и отдѣльные члены пожелали подписать каждый гинею, то этимъ была-бы оказана важная услуга, какъ Ассоціаціи, такъ и шахматному дѣлу вообще.

Для приведенія нашихъ предположеній къ успѣшному окончанію потребна довольно значительная сумма, а такъ какъ все исполненіе зависитъ главнѣйше отъ количества денегъ, которыя поступятъ

въ распоряженіе комитета, то секретари клубовъ, члены и любители чувствительно обяжутъ его, поставивъ заранѣе въ извѣстность о томъ, сколько именно они намѣрены подписать.

Всѣ пожертвованія должны быть препровождаемы къ казначею Томасу Гамптону въ Сентъ-Джемскій шахматный клубъ, въ Лондонѣ Сентъ-Джемсъ Кингъ-Стритъ № 20. Прочія сообщенія, безъ денежныхъ приложеній, должны быть адресуемы на имя г-на Левенталя, директора по распорядительной части, въ Сентъ-Джемскій клубъ, Сентъ-Джемсъ Галь, въ Лондонѣ.

Дозволяю себѣ присовокупить, что никогда еще собраніе шахматной ассоціаціи не совершалась при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ качествѣ директора распорядителя я получилъ удостовѣреніе отъ многихъ лицъ въ самомъ горячемъ содѣйствіи. Гг. Колишъ, Боденъ, Уокеръ, Станлей, Горвитцъ и многіе другіе извѣстнѣйшіе игроки обѣщаютъ лично быть въ собраніи. Будутъ посланы приглашенія къ замѣчательнѣйшимъ чужестраннымъ игрокамъ, въ томъ числѣ къ знаменитому Американцу Паулсену, прославившемуся чуднымъ искусствомъ въ игрѣ **à l'aveugle**. Онъ теперь въ Европѣ и комитетъ приложитъ все стараніе, чтобъ имѣть его въ собраніи.

Имѣю честь быть и проч. Д. Левенталь, Директоръ распорядительной части.

Ежегодное собраніе Шахматной Ассоціаціи назначается на сей разъ въ Бристолѣ во вторникъ, среду, четвергъ, пятницу и субботу, 10, 11, 12, 13 и 14-го сентября н. с. 1861 г. Дѣйствія откроются въ 10 часовъ во вторникъ, 10-го сентября, собраніемъ подписавшихся для окончательнаго устройства турнировъ, распредѣленіемъ состязающихся и проч. Немедленно послѣ того начнется:

Большой турниръ о двухъ призахъ, въ которомъ примутъ участіе восемь или шестнадцать игроковъ, какъ англійскихъ такъ и чужестранныхъ. Онъ будетъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: игроки распредѣляются по жребію и участь состязаній рѣшается первой выигранной партіей. Выигравшіе опять распредѣляются жребіемъ и такъ дальше, до тѣхъ поръ, пока останутся два непроигравшіе ни одной партіи игрока; они разыграютъ между со-

бой матъ, и тотъ изъ нихъ, кто выиграетъ три партіи получитъ первый призъ, второй же достанется его сопернику. Цѣнность призовъ будетъ зависѣть отъ суммы, какая поступитъ въ распоряженіе комитета.

Малый турниръ о двухъ призахъ отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что къ нему допускаются одни лишь англійскіе любители.

Матчъ между великобританскими и иностранными игроками. Комитетъ надѣется устроить покрайней мѣрѣ одно состязаніе такого рода и предоставить побѣдителю призъ.

Матчи между клубами. Эти состязанія, къ которымъ допускаются лишь незначительное число игроковъ съ каждой стороны, будутъ состоять въ играхъ одинъ на одинъ или по совѣщанію. Въ послѣднемъ случаѣ, для выигранія времени, постановляется, чтобы число союзныхъ игроковъ съ каждой стороны было не болѣе двухъ. Призы будутъ заключатся въ красивыхъ шахматахъ изъ слоновой кости. Ассоціація въ каждой партіи принимаетъ на себя половину издержекъ, другая же половина возлагается на сражающіеся клубы.

Состязаніе задачами. (Подробности этого состязанія изложены ниже, въ отдѣлѣ правилъ и постановленій).

Матчъ по телеграфу будетъ разъигранъ между четырьмя или пятью членами Лондонскаго Клуба и такимъ же числомъ членовъ ассоціаціи, по избранію распорядительнаго комитета.

Лекція о шахматахъ и шахматныхъ игрокахъ будетъ прочитана г-мъ Левенталемъ во вторникъ, въ 8 часовъ вечера.

Большой матчъ по совѣщанію между англійскими и иностранными игроками розыгранъ будетъ въ такомъ только случаѣ, если время дозволитъ.

Обѣдъ назначается въ пятницу 13-го сентября, въ 7 часовъ по полудни, подъ предсѣдательствомъ лорда Литтельтона.

Общій митингъ для разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ Шахматной Ассоціаціи назначается въ субботу 14-го сентября, въ 3 часа пополудни.

Книга конгресса. Комитетъ издастъ книгу конгресса, соста-

вленіе которой возлагается на г-на Левенталя. Въ ней будетъ заключатся: 1.) Исторія Британской Шахматной Ассоціаціи. 2.) Исторія главнѣйшихъ столичныхъ и провинціальныхъ шахматныхъ клубовъ. 3.) Полный отчетъ о конгрессѣ и всѣхъ его собраніяхъ. 4.) Всѣ разыгранныя на конгрессѣ партіи, или, покрайней мѣрѣ, замѣчательнѣйшія изъ нихъ, съ подробными примѣчаніями. 5.) Согласно желанію, выраженному многими членами, комитетъ включитъ въ свою книгу отчетъ послѣдняго собранія въ Бирмингамѣ, съ присовокупленіемъ всѣхъ замѣчательныхъ партій, разыгранныхъ при этомъ случаѣ. 6.) Выборъ проблемъ изъ представленныхъ на состязаніе. 7.) Списокъ всѣхъ вкладчиковъ на устройство конгресса.

О составлении фонда. Подписка въ пять шиллинговъ или болѣе даетъ право быть членомъ ассоціаціи въ текущемъ году и принимать участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ конгресса.

Правила и постановленія. 1.) Матчи, турниры и проч. будутъ разыграны въ Бристольскомъ Атенеѣ. 2.) Въ залы атенея допускаются только лица, принявшіе участіе въ составленіи фонда. 3.) Время для игры назначается отъ 9 час. утра до 12 ночи. 4) Такъ какъ распорядительный комитетъ принимаетъ на себя сообщить каждому подписавшему гинею подробный отчетъ конгресса, то всѣ съигранныя партіи и всѣ задачи, представленныя на состязаніе, считаются собственностію комитета; поэтому никто не имѣетъ права дѣлать извѣстными такія партіи и задачи безъ особеннаго разрѣшенія. 5.) Постановленія конгресса обязательныя для всѣхъ, принимающихъ въ немъ участіе.

Правила для принимающихъ участіе въ турнирахъ. 1) Имена состязающихся должны быть доставлены директору не позже 1-го сентября. Желающіе собраться на большомъ турнирѣ платятъ за входъ гинею, а на маломъ турнирѣ полъ-гинеи. Подписавшіе уже такую сумму ничего болѣе не платятъ. Если желающихъ принять участіе въ состязаніи окажется болѣе потребнаго числа, то комитетъ имѣетъ правос дѣлать выборъ. 2.) Игроки будутъ распредѣлены по жребію, во вторникъ 10-го сентября, въ 11 часовъ утра; неявившіеся къ этому сроку считаются отказавшимися отъ участія въ турнирѣ и комитетъ имѣетъ право назначить вмѣсто ихъ

другихъ. 4.) Игра начнется во вторникъ, 10-го числа, немедленно послѣ распредѣленія игроковъ, а въ послѣдующія дни въ 10 часовъ утра, и будетъ продолжаться до полуночи. 5.) Каждый игрокъ, опоздавшій къ назначенному времени, получасомъ или болѣе, признается проигравшимъ, если явившійся къ сроку его соперникъ того пожелаетъ. 6.) Такъ какъ весьма желательно къ закрытію собранія выполнить всѣ предположенія, то состязателей убѣдительно просятъ не слишкомъ долго думать надъ ходами. Въ этомъ отношеніи комитетъ пользуется правомъ вмѣшательства. 7.) Участники турнира обязаны сообщать директору письменно всѣ разъигранныя ими партіи. 8.) Всѣ споры передаются распорядительному комитету, рѣшенія котораго признаются окончательными.

Правила для матчей между клубами. Каждый матчъ разъигрывается по тѣмъ правиламъ, какія клубы постановятъ между собой; пари опредѣляется до начатія состязанія и условіе вручается директору.

Правила о матчахъ по телеграфу бутутъ зависѣть отъ условій съ телеграфической компаніей.

Правила о состязаніи задачами: 1.) Со стороны комитета предоставляется четыре приза. Можно состязаться на всѣ призы или только на одинъ. Въ первомъ случаѣ состязатель обязанъ заплатить 10 шил. 6 пен., которые должны быть препровождены вмѣстѣ съ задачами не позже 1-го Сентября. Во второмъ случаѣ не требуется никакой особенной платы. 2.) Каждый состязающійся обязанъ представить не меньше шести задачъ, которыя всѣ должны принадлежать къ разряду простыхъ матовъ въ 3, 4 и въ 5 ходовъ. 3.) Условныя задачи, а равно и кипергани, не принимаются. Задачи, бывшія уже въ печати, не допускаются къ состязанію. 4) Задачи принимаются какъ отъ англійскихъ, такъ и отъ иностранныхъ сочинителей. Комитетъ для разсмотрѣнія проблемъ назначенъ будетъ во время собранія. 6.) Задачи должны быть сообщаемы въ двухъ экземплярахъ: одинъ изъ нихъ за подписью автора, въ запечатанномъ конвертѣ, который открывается лишь по присужденіи призовъ; другой безъ подписи, съ какимъ либо отличительнымъ знакомъ или эпиграфомъ.

ПАРТІЯ № 187.

FIANCHETTO.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

Колишъ. (Бѣлые).	Рейнджеръ. (Черные).		
1) e2 — e4	b7 — b6	21) c2 — f5°	e6 — f5°
2) d2 — d4	c8 — b7	22) d1 — b1	b4 — e7
3) f1 — d3	e7 — e6	23) b1 — f5°	b6 — g6
4) g1 — e2	d7 — d5	24) g2 — g4	h5 — g4°
5) e4 — e5	c7 — c5	25) f3 -- g4°	b7 — c8
6) c2 — c3	b8 — c6	26) f5 — f3	g6 — e6
7) 0 — 0	d8 — c7	27) f2 — g3	h8 — h7
8) c1 — e3	f8 — e7	28) f1 — b1	b5 — b4
9) a1 — c1	c5 — c4	29) a1 — a5	a7 — a6
10) d3 — b1	0—0—0	30) e2 — c3	c8 — b7
11) b2 — b3	c8 — b8	31) c3 — a4	b8 — a7
12) b3 — b4	g8 — h6	32) g3 — f2	h7 — h6
13) f2 — f3	h6 — f5	33) f3 — e2	a7 — a8
14) e3 — f2	g7 — g5	34) e2 — f3	b4 — b3
15) a2 — a4	h7 — h5	35) a4 — b2	e7 — b4
16) a4 — a5	b6 — b5	36) a5 — a4	e6 — g6
17) b1 — c2	c6 — b4°	37) b1 — a1	g6 — c2
18) c3 — b4°	e7 — b4°	38) b2 — d1	b3 — b2
19) c1 — b1	c7 — a5°	39) d1 — b2°	c2 — b2°
20) b1 — a1	a5 — b6	40) f3 — f7°	d8 — f8 и

бѣлые сдаются.

ПАРТІЯ № 188.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Тайнлоръ и Рейнджеръ. (Бѣлые.)	Колишъ. (Черные.)		
1) a2 — a3	e7 — e5	2) c2 — c4	g8 — f6

3) b1 — c3	d7 — d5	19) a1 — d1	d8 — d6
4) c4 — d5°	f6 — d5°	20) c2 — e2	f7 — f5
5) e2 — e3	d5 — f6	21) f2 — f4	e5 — e7
6) f1 — c4	f8 — d6	22) d3 — c4 +	g8 — h8
7) g1 — e2	0 — 0	23) d1 — d6°	c7 — d6°
8) d2 — d4	e5 — d4°	24) f1 — d1	f8 — f6
9) e2 — d4°	b8 — c6	25) c4 — d5	b7 — d5°
10) d4 — c6°	b7 — c6°	26) d1 — d5°	f6 — e6
11) d1 — c2	d8 — e7	27) d5 — d3	d6 — d5
12) c4 — d3	h7 — h6	28) e2 — d2	d5 — d4
13) c3 — e4	b6 — b5	29) e3 — d4°	e6 — e2
14) e4 — f6° +	e7 — f6°	30) d2 — c3	e2 — e1 +
15) c1 — d2	c8 — b7	31) g1 — f2	e7 — e2 +
16) d2 — c3	d6 — e5	32) f2 — g3	e2 — g4 +
17) c3 — e5°	f6 — e5°	33) g3 — f2	e1 — e2 +
18) 0 — 0	a8 — d8		

и черные дѣлаютъ матъ слѣдующимъ ходомъ.

ПАРТІЯ № 189.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна въ Берлинѣ 12-го января 1861 г.)

Гиршфельдъ. (Бѣлые).	Ланге. (Черные).		
1) c2 — c4	e7 — e5 (1)	11) d3 — h7° +	g8 — h7°
2) e2 — e3	g8 — f6	12) d1 — b1 +	h7 — g8
3) b1 — c3	d7 — d5	13) d2 — b4°	c8 — f5
4) c4 — d5°	f6 — d5°	14) b1 — f5°	d6 — b4° +
5) g1 — f3	d5 — c3°	15) e1 — e2	d8 — d6
6) b2 — c3°	f8 — d6	16) f3 — g5 (4)	g7 — g6
7) d2 — d4	e5 — d4°	17) f5 — d3 (5)	a8 — d8
8) c3 — d4°	0 — 0	18) h2 — h4	f8 — e8
9) f1 — d3	b8 — c6 (2)	19) a2 — a3	b4 — a5
10) c1 — d2	c6 — b4 (3)	20) e2 — f1	a5 — b6

21) h4 — h5	d6 — f6	30) e3 — d4°	g7 — f6
22) g5 — f3	c7 — c5	31) a1 — d1	f6 — f5 (6)
23) h5 — g6°	f7 — g6°	32) f2 — f3	b7 — b5 (7)
24) d3 — c4 +	g8 — g7	33) f1 — f2	a7 — a5
25) h1 — h4	c5 — d4°	34) d1 — b1	e6 — b6
26) h4 — f4	f6 — e6	35) g2 — g3 (8)	f5 — e6
27) c4 — e6°	e8 — e6°	36) f2 — e3	e6 — d5
28) f3 — d4°	b6 — d4°	37) e3 — d3	b5 — b4
29) f4 — d4°	d8 — d4°	игра ничья.	

Примѣчанія къ партіи № 189.

(1) e7 — e6 или c7—c5 было бы правильнѣе.

(2) Тутъ представляется также ходъ c7 — c5.

(3) Этотъ ходъ ведетъ къ немедленной потерѣ пѣшки; явно, что г. Ланге не замѣтилъ этого обстоятельства, а между тѣмъ въ разборѣ партіи осуждаетъ предыдущій ходъ бѣлыхъ (10 $\frac{c1 - d2}{}$) говоря, что завоеваніе пѣшки h7 не имѣетъ рѣшительныхъ послѣдствій. Положимъ что и такъ, но взять пѣшку, не разстроивая при томъ своего положенія, никогда не мѣшаетъ.

(4) И этотъ ходъ не нравится г. Ланге, но онъ не указываетъ какой другой былъ бы лучше и кажется забываетъ, что движеніе пѣшки на g6 (а это необходимое послѣдствіе 16-го хода бѣлыхъ) ослабляетъ позицію черныхъ.

(5) Съ перваго взгляда можетъ показаться, что сильнѣе было бы отвести ферзя на h3, угрожая матомъ, но въ дѣйствительности это была бы грубая ошибка: черные дадутъ шахъ ферземъ на a6 и, если бѣлый король уйдетъ на f3, то выигрываютъ даромъ коня, а если на d1, то даютъ матъ въ два хода.

(6) Если вмѣсто этого пойдутъ королемъ, на e7 бѣлые отвѣтятъ d1 — e1 и выиграютъ партію.

(7) Гнаться за пѣшкой a3 посредствомъ 32 $\frac{}{e6 - e3}$, было бы очень опасно.

(8) Г. Ланге справедливо замѣчаетъ, что лучше было бы идти королемъ на e3 или g3, хотя и тутъ черные могли бы еще играть на ничью.

ПАРТІЯ № 190.

ГАМБИТЪ СЛОНА.

(Играна въ Берлинѣ 21-го апрѣля 1860 г.)

	Гиршфельдъ. (Бѣлые).	Майетъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	f2 — f4	e5 — f4°
3)	f1 — c4	d8 — h4 +
4)	e1 — f1	d7 — d6
5)	d2 — d4	c8 — g4
6)	g1 — f3	g4 — f3°
7)	d1 — f3°	g7 — g5
8)	g2 — g3	h4 — h3 +
9)	f1 — f2	b8 — c6
10)	c2 — c3	c6 — a5
11)	c4 — f1	h3 — h6
12)	g3 — f4°	h6 — h4 +
13)	f2 — g2	g5 — g4
14)	f3 — d3	0—0—0
15)	d4 — d5	b7 — b6
16)	d3 — a6 +	a8 — b8
17)	b2 — b4	a5 — b7
18)	f1 — b5	d8 — c8
19)	b5 — c6	b7 — d8
20)	c6 — d7	g8 — e7
21)	a2 — a4	c7 — c6
22)	d7 — c8°	e7 — c8°
23)	a4 — a5	h4 — e7
24)	h1 — e1	c6 — d5°
25)	c1 — d2	e7 — h4
26)	a5 — b6°	a7 — b6°
27)	a6 — a8 +	b8 — c7
28)	b1 — a3	h4 — h3 +
29)	g2 — h1	g4 — g3
30)	e1 — e2	g3 — h2°
31)	a3 — b5 +	c7 — d7
32)	a1 — a7 +	c8 — a7°
33)	a8 — a7° +	d7 — e6
34)	b5 — c7 +	e6 — f6
35)	c7 — e8 +	f6 — e6
36)	e4 — d5° +	e6 — d5°
37)	a7 — a8 +	d5 — c4
38)	a8 — e4 +	c4 — b3
39)	e4 — d5 +	b3 — a4
40)	d5 — a2 +	a4 — b5
41)	c3 — c4 +	b5 — c6
42)	a2 — a8 +	c6 — d7
43)	a8 — a7 +	d8 — b7
44)	a7 — b7° +	d7 — d8
45)	b7 — c7 ⨳	

ПАРТІЯ № 191.

ГАМБИТЪ ЛАДЬИ.

(Играна въ Маріенбадѣ въ августѣ 1860 г.)

	Андерсенъ. (Бѣлые).	Гиршфельдъ. (Черные).			
1)	e2 — e4	e7 — e5	13)	c4 — b3	b8 — d7
2)	f2 — f4	e5 — f4°	14)	g1 — f2	a8 — e8
3)	g1 — f3	g7 — g5	15)	e1 — h1	d7 — f6
4)	h2 — h4 (1)	g5 — g4	16)	g2 — g3	f4 — g3° +
5)	f3 — e5	g8 — f6	17)	f2 — g2	d6 — e5°
6)	f1 — c4	d7 — d5	18)	d4 — e5°	e8 — e5°
7)	e4 — d5°	f8 — d6	19)	c1 — h6	f8 — e8
8)	d2 — d4	f6 — h5	20)	b3 — a4	e8 — e7
9)	0 — 0	d8 — h4°	21)	h6 — g5	f5 — e4 +
10)	d1 — e1	h4 — e1°	22)	c3 — e4°	e5 — e4°
11)	f1 — e1°	0 — 0	23)	a4 — b5	h5 — f4 +
12)	b1 — c3 (2)	c8 — f5	24)	g2 — g3°	e4 — e3 +

и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 191.

(1) Прежде мы называли этотъ гамбитъ итальянскимъ именемъ **gambitto grande**, для отличія его отъ гамбита: 1. $\frac{e2 - e5}{e7 - e5}$ 2. $\frac{f2 - f4}{e5 - f4^\circ}$ 3. $\frac{g1 - f3}{g7 - g5}$ 4. $\frac{f1 - c4}{}$ (**gambitto lungo**), но послѣ того, какъ г. Янишъ предложилъ (Шахм. Лист. за іюль 1860) дать первому изъ нихъ названіе—*гамбитъ ладьи*, оставивъ за вторымъ наименованіе гамбита коня, мы охотно принимаемъ эту терминологію. Само собою разумѣется, что каждая изъ помянутыхъ формъ королевскаго гамбита можетъ, смотря по дальнѣйшему теченію игры, получить какое нибудь болѣе спеціальное названіе. Такъ напримѣръ гамбитъ коня пораждаетъ гамбиты Муціо, Коха, Макъ - Доннеля (*), а гамбиты Сальвіо и Алгаейра составляютъ варіянты гамбита ладьи.

(*) Этотъ гамбитъ Макъ-Доннеля (1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e5}$ 2. $\frac{f2 - f4}{e5 - f4^\circ}$ 3. $\frac{g1 - f3}{g7 - g5}$ 4. $\frac{f1 - c4}{g5 - g4}$ 5. $\frac{b1 - c3}{}$) не должно смѣшивать съ его двойнымъ гамбитомъ, который получается изъ дебюта двухъ слоновъ: 1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e5}$ 2. $\frac{f1 - c4}{f8 - c5}$ 3. $\frac{b2 - b4}{c5 - b4^\circ}$ 4. $\frac{f2 - f4}{}$

(2) Г. Зуле совѣтуетъ вмѣсто этого играть c4 — d3 для воспрепятствованія ходу 12 $\overline{\text{f8 — c5}}$, которымъ черные развертываютъ свою игру.

ПАРТІЯ № 192.

ГАМБИТЪ САЛЬВІО.

(Игра въ Берлинѣ въ апрѣлѣ 1860 г.)

Зуле. (Бѣлые).	Гиршфельдъ. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	17) b1 — a3	b8 — c6
2) f2 — f4	e5 — f4°	18) e1 — d2	e8 — d7
3) g1 — f3	g7 — g5	19) a3 — c2	c6 — a5
4) f1 — c4	g5 — g4	20) c2 — e3	a5 — e4+
5) f3 — e5	d8 — h4+	21) e3 — c4°	e6 — c4°
6) e1 — f1	g8 — f6	22) g5 — e3	a8 — e8
7) d1 — e1	h4 — e1°+	23) b2 — b3	e8 — e3°
8) f1 — e1°	f6 — e4°	24) b3 — c4°	g7 — h6
9) c4 — f7°+	e8 — e7	25) d2 — c2	e3 — e2+
10) f7 — b3	e4 — g5	26) c2 — b3	e2 — g2°
11) d2 — d4	d7 — d6	27) a1 — g1	g2 — d2
12) c1 — f4°	g5 — e6	28) d3 — b4	f8 — f2
13) b3 — e6°	c8 — e6°	29) h2 — h3	a7 — a5
14) f4 — g5+	e7 — e8	30) h3 — g4°	a5 — b4°
15) e5 — d3	f8 — g7	31) h1 — h6°	d2 — b2+
16) c2 — c3	h8 — f8	и бѣлые сдаются.	

ПАРТІЯ № 193.

ГАМБИТЪ ЛАДЬИ.

(Изъ послѣдняго матча Андерсена съ Гиршфельдомъ.)

Андерсенъ. (Бѣлые).	Гиршфельдъ. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	4) h2 — h4	g5 — g4
2) f2 — f4	e5 — f4°	5) f3 — e5	g8 — f6
3) g1 — f3	g7 — g5	6) f1 — c4	d7 — d5

7)	e4 — d5°	f8 — d6	20)	d2 — c1	c8 — g4
8)	d2 — d4	f6 — h5	21)	c1 — b2	g7 — g8
9)	c4 — b5+	e8 — f8 (1)	22)	e2 — f2	a8 — e8+
10)	b1 — c3	h5 — g3 (2)	23)	e1 — d2	g4 — d1°
11)	h1 — h2 (3)	d8 — f6	24)	h1 — d1°	h7 — h5
12)	c3 — e2	g3 — e2°	25)	b2 — f6	h8 — h6
13)	d1 — e2°	a7 — a6	26)	f6 — g5	g8 — g7
14)	b5 — d3	b8 — d7	27)	c2 — c3	h6 — g6
15)	e5 — g4°	f6 — d4°	28)	d3 — g6°	g7 — g6°
16)	h2 — h1	d7 — f6 (4)	29)	f2 — d4	d6 — e5
17)	g4 — f6°	d4 — f6°	30)	d4 — b4+	f8 — g8
18)	c1 — d2	f6 — b2°	31)	b4 — b7°	g6 — e4
19)	a1 — d1	b2 — g7	32)	b7 — c6	e8 — b8

и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 193.

(1) c7 — c6 было-бы нехорошо; такъ съигралъ Морфи въ одной изъ партій съ Гаррвитцемъ и проигралъ.

(2) 10 $\frac{}{\text{d8 — e7}}$ было-бы слабѣе напримѣръ. 11 $\frac{\text{0 — 0}}{\text{d6 — e5°}}$ 12 $\frac{\text{d4 — e5°}}{\text{e7 — e5°}}$ 13 $\frac{\text{f1 — e1}}{\text{e5 — f6}}$ 14 $\frac{\text{e1 — e8+}}{\text{f8 — g7}}$ 15 $\frac{\text{c3 — e4}}{}$ или 11 $\frac{\text{0 — 0}}{\text{d6 — e5°}}$ 12 $\frac{\text{d4 — e5°}}{\text{e7 — h4°}}$ 13 $\frac{\text{f1 — f4°}}{\text{h5 — f4°}}$ 14 $\frac{\text{c1 — f4°}}{\text{g4 — g3}}$ 15 $\frac{\text{d1 — f3}}{\text{c8 — g4}}$ (15 $\frac{}{\text{h4 — h2+}}$ 16 $\frac{\text{g1 — f1}}{\text{h2 — h1+}}$ 17 $\frac{\text{f1 — e2}}{\text{h1 — a1°}}$ 18 $\frac{\text{f4 — h6+}}{}$ чернымъ нѣтъ спасенья) 16 $\frac{\text{f4 — g3°}}{\text{g4 — f3°}}$ 17 $\frac{\text{g3 — h1°}}{\text{h8 — g8}}$ 18 $\frac{\text{g1 — f2}}{}$ и бѣлые, не смотря на потерю ладьи за мелкаго офицера, имѣютъ очень хорошую игру.

(3) Лучше было бы играть ладью на g1.

(4) Не лучше ли было бы идти этимъ конемъ на c5? Это стоитъ разсмотрѣть.

ПАРТІЯ № 194.

ДЕБЮТЪ РЮИ-ЛОПЕЦА.

(Играна въ берлинскомъ клубѣ 2-го февраля 1860 г.)

	Гиршфельдъ. (Бѣлые).	Майетъ. (Черные).			
1)	e2 — e4	e7 — e5	2)	g1 — f3	b8 — c6

3)	f 1 — b5	a7 — a6
4)	b5 — a4	b7 — b5[1]
5)	a4 — b3	d7 — d6
6)	c2 — c3	h7 — h6
7)	d2 — d4	c8 — g4
8)	c 1 — e 3	g4 — f 3°
9)	d1 — f 3°	d8 — f 6
10)	b1 — d2	0—0—0[2]
11)	b3 — f 7°	e5 — d4°
12)	f 3 — f 6°	g8 — f6°
13)	c3 — d4°	c6 — b4
14)	f 7 — b3	d8 — e8
15)	f 2 — f 3	c7 — c5
16)	0 — 0	c5 — c4
17)	f1 — c1	d6 — d5[3]
18)	e4 — e5	f6 — d7
19)	a2 — a4	b4 — d3
20)	c 1 — c3	c8 — b7
21)	c3 — d3°	c4 — d3°[4]
22)	b3 — d5°+	b7 — b6
23)	d5 — e4	f8 — b4
24)	d2 — b3	b5 — a4°
25)	d4 — d5+	d7 — c5
26)	a1 — a4°	b6 — b5
27)	a4 — b4°+	b5 — b4°
28)	b3 — c5°	d3 — d2
29)	e4 — c2	e 8 — c8
30)	e5 — d3+	b 4 — b5
31)	c2 — b3	d2 — d1 Ф +
32)	b3 — d1°	b 5 — c 4
33)	d3 — f4	g7 — g5
34)	b2 — b3+	c4 — b5
35)	f4 — e2	h8 — d8
36)	e2 — d4+	b5 — b4
37)	d5 — d6	b4 — c3
38)	d1 — e2	c8 — c5
39)	d4 — b5+	e 5 — b5°
40)	e2 — b5°	a6 — b5°
41)	e3 — b6 и черные сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 194.

(1) Слѣдовало идти 4 $\frac{\quad}{g8 - f6}$, но Майетъ любитъ откланяться иногда отъ правильной игры; такъ напр., защищаясь противъ гамбита Эванса, онъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, нерѣдко играетъ пятымъ ходомъ слона на d6.

(2) Неосторожный ходъ, вслѣдствіе котораго немедленно пропадаетъ пѣшка f7.

(3) Необходимо, чтобъ защищать пѣшку b4, которую иначе бѣлые смѣло могутъ взять конемъ.

(4) Хорошо расчитанное пожертвованіе, вслѣдствіе котораго центральныя пѣшки бѣлыхъ становятся очень опасны.

———

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 15-я)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НАЧАЛА ИГОРЪ.

ДЕБЮТЪ VI.

GIUOCO PIANO.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{G1 - F3}{B8 - C6}$ 3. $\frac{F1 - C4}{\quad}$

Первая защита.

3) . . . . . g8 — f6
4) f3 — g5 d7 — d5

Всего лучше атаковать: 4) $\frac{d2 - d4}{\quad}$ и 5) $\frac{o - o}{\quad}$.

5) e4 — d5° c6 — a5

Если f6 — d5°, то должно жертвовать коня: g5 — f7°.

6) d2 — d3 f6 — d5°.

Если 6) $\frac{c4 - b5+}{\quad}$, то: 6) $\frac{\quad}{c7 - c6}$ 7) $\frac{d5 - c6^\circ}{b7 - c6^\circ}$ 8) $\frac{b5 - a4}{\quad}$(если d1 — f3, то c6 — b5°) 8) $\frac{\quad}{h7 - h6}$ 9) $\frac{g5 - f3}{e4 - e5}$ и черныя выигрываютъ.

7) d1 — f3 c8 — e6
8) g5 — e6° f7 — e6°
9) f3 — h5 + и бѣлые выигрываютъ.

Вторая защита.

3) . . . . . f8 — c5

Если теперь $\frac{c2 - c3}{g8 - f6}$ 5) $\frac{d2 - d4}{e5 - d4^\circ}$ то игра обратится въ Шотландскій Гамбитъ. Можно атаковать 4) $\frac{0 - 0}{}$ (ходъ Ланге).

4) 0 — 0 g8 — f6

Или: 4) $\frac{}{d7 - d6}$ 5) $\frac{c2 - c3}{d8 - e7}$ 6) $\frac{d2 - d4}{c5 - b6}$ 7) $\frac{a2 - a4}{a7 - a6}$ 8) $\frac{h2 - h3}{}$ съ лучшимъ положеніемъ.

5) d2 — d4 c5 — d4°

Если e5 — d4°, то e4 — e5, какъ въ Шотландскомъ Гамбитѣ а если c6 — d4°, то: 6. $\frac{f3 - e5^\circ}{d4 - e6}$ 7. $\frac{c4 - e6^\circ}{f7 - e6^\circ}$ 8. $\frac{e4 - d3}{c5 - e7}$ 9. $\frac{e4 - e5}{f6 - d5}$ 10. $\frac{c2 - c4}{d5 - b6}$ 11 $\frac{d1 - g4}{0 - 0}$ 12. $\frac{d3 - f4}{}$

6) f3 — d4° c6 — d4°
7) f2 — f4 d7 — d6
8) f4 — e5° d6 — e5°
9) c1 — g5 d8 — e7
10) g1 — h1 e7 — c5
11) g5 — f6° g7 — f6°

Если c5 — c4°, то: 12. $\frac{b1 - a3}{c4 - e6}$ 13. $\frac{c2 - c3}{d4 - c6}$ 14. $\frac{a3 - b5}{e6 - d7}$ 15. $\frac{d1 - d7^\circ +}{e8 - d7^\circ}$ 16. $\frac{a1 - d1 +}{}$ и выиграютъ.

12) b1 — a3 e8 — e7
13) c2 — c3 d4 — e6
14) d1 — f3 e6 — f4
15) g2 — g3 и бѣлые выигрываютъ.

Не менѣе сильно въ 5-й ходъ, вмѣсто d2 — d4. играть d2 — d3 и c1 — g5.

ДЕБЮТЪ VII.

Гамбитъ Эванса.

1. $\frac{E2 - E4}{E7 - E5}$ 2. $\frac{G1 - F3}{B8 - C6}$ 3. $\frac{F1 - C4}{F8 - C5}$ 4. $\frac{B2 - B4,}{}$

или 4. $\frac{0 - 0}{}$ и 5. $\frac{b2 - b4}{}$.

Какъ видно, этотъ Гамбитъ есть варіантъ Giuoco Piano; стоитъ чернымъ съиграть 4. $\frac{c5-b6}{}$ и игра обратится въ простую. Но было бы рисковано съиграть 4. $\frac{d7-d5}{}$, тогда: 5. $\frac{c4-d5^\circ}{c6-b4^\circ}$ 6. $\frac{c1-b2}{b4-d5}$ 7. $\frac{e4-d5^\circ}{d8-d5^\circ}$ 8. $\frac{b2-e5^\circ}{f7-f6}$ 9. $\frac{e5-c7^\circ}{c8-g4}$ 10. $\frac{b1-c3}{d5-c6}$ 11. $\frac{c7-g3}{g8-e7}$ 12. $\frac{0-0}{}$ и выигрываютъ.

Принятый Гамбитъ.

4) . . . . . c5 — b4°

5) c2 — c3 b4 — a5

отходить на c5, или въ 4-й ходъ брать пѣшку конемъ, не хорошо: 5. $\frac{}{b4-c5}$ 6. $\frac{d2-d4}{e5-d4^\circ}$ 7. $\frac{c3-d4^\circ}{c5-b6}$ (если c5 — b4 +, то 8. $\frac{e1-f1}{d8-e7}$ 9. $\frac{a2-a3}{}$ и a1 — a2) 8. $\frac{a2-a4}{g8-e7}$ (если a7 — a6, то c1 — b2, а если g8 — f6, то 9. $\frac{e4-e5}{d7-d5}$ 10. $\frac{c4-b5}{}$ и 11. $\frac{a4-a5}{}$) 9. $\frac{f3-g5}{d7-d5}$ 10. $\frac{e4-d5^\circ}{c6-a5}$ 11. $\frac{c4-a2}{0-0}$ (если e7 — d5°, то $\frac{g5-f7^\circ}{d8-e7}$ и f7 — e5) 12. $\frac{0-0}{}$ бѣлые выигрываютъ.

6) d2 — d4 e5 — d4°

7) 0 — 0 a5 — b6

Если g8 — f6, то, какъ показалъ Андерсенъ, 8. $\frac{e4-e5}{d7-d5}$ 9. $\frac{c4-b}{f6-e4}$ 10. $\frac{c1-a3}{}$.

Но вмѣсто a5 — b6 можно играть a5 — c3°, или g8 — e7. Напр: 7. $\frac{}{a5-c3^\circ}$ 8. $\frac{b1-c3^\circ}{d4-c3^\circ}$ 9. $\frac{d1-b3}{d8-e7}$ 10. $\frac{c1-g5}{f7-f6}$ 11. $\frac{c4-g8^\circ}{f6-g5^\circ}$ 12. $\frac{f3-g5^\circ}{c6-d4}$ 13. $\frac{b3-d5}{d4-e2+}$ 14. $\frac{g1-h1}{c3-c2}$. Или: 7. $\frac{}{g8-e7}$ 8. $\frac{f3-g5}{d7-d5}$ 9. $\frac{e4-d5^\circ}{c6-e5}$, и т. д.

8) c3 — d4° c6 — a5

9) c4 — d3 g8 — e7

10) c1 — a3 d7 — d5

11) e4 — d5° e7 — d5°

12) f1 — e1 + c8 — e6

13) d3 — f5 d8 — f6

14) f5 — e6° f7 — e6°

15) d1 — e2 d5 — f4

16) e2 — e5 0—0—0 черные выигрываютъ.

ДЕБЮТЪ VIII.

Атака Рюи-Лопеца.

1. $\frac{\text{E2 — E4}}{\text{E7 — E5}}$ 2. $\frac{\text{G1 — F3}}{\text{B8 — C6}}$ 3. $\frac{\text{F1 — B5}}{\quad}$

Первая защита.

3) . . . . . a7 — a6
4) b5 — a4 g8 — f6
5) 0 — 0 лучш. f6 — e4°

Или 5. $\frac{\text{b1 — c3}}{\text{f8 — c5}}$ 6. $\frac{\text{d2 — d3}}{\text{h7 — h6}}$ 7. $\frac{\text{0 — 0}}{\text{0 — 0}}$ игра равна.

Но если 5. $\frac{\quad}{\text{f8 — e7}}$, то 6. $\frac{\text{b1 — c3}}{\text{d7 — d6}}$ 7. $\frac{\text{d2 — d4}}{\text{e5 — d4°}}$ 8. $\frac{\text{f3 — d4°}}{\text{c8 — d7}}$ 9. $\frac{\text{b5 — c6}}{\text{b7 — c6°}}$ 10. $\frac{\text{f2 — f4}}{\quad}$ бѣлые выигрываютъ.

6) f1 — e1 e4 — f6
7) d2 — d4 e5 — e4
8) d4 — d5 c6 — e7
9) f3 — g5 f6 — d5°
10) g5 — e4° сильная атака.

Или можно: 6. $\frac{\text{d2 — d4}}{\text{f8 — e7}}$ 7. $\frac{\text{f1 — e1}}{\text{e4 — d6}}$ 8. $\frac{\text{d4 — e5}}{\quad}$.

Вторая защита.

4) . . . . . f8 — c5
5) c2 — c3 d8 — e7
6) 0 — 0 f7 — f6
7) d2 — d4 c5 — a7
8) d4 — d5 c6 — d8 игра равна.

Или:

5) d1 — e2 d8 — e7
6) d2 — d3 h7 — h6
7) 0 — 0 0 — 0
8) g1 — h1 b7 — b5
9) a4 — b3 d7 — d6 игра равна.

Третья защита.

4)	. . . . .	f7 — f5
5)	a4 — c6°	d7 — c6°
6)	f3 — e5°	d8 — e7
7)	d1 — h5 +	g7 — g6
8)	e5 — g6°	e7 — e4°+
9)	e1 — d1	g8 — f6
10)	h5 — h4 и выиграютъ.	

Четвертая защита.

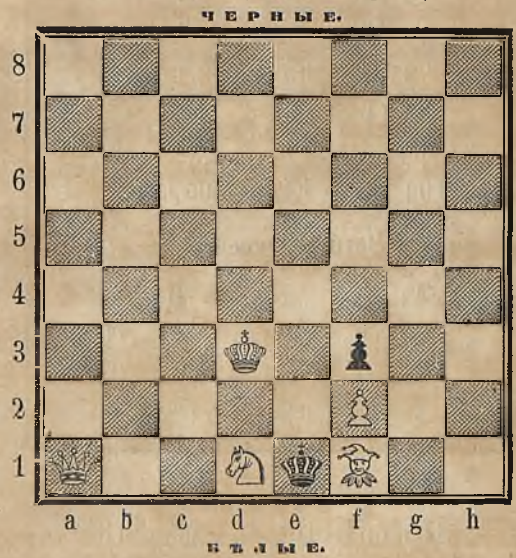
4)	. . . . .	f8 — d6
5)	b1 — c3	g8 — f6
6)	0 — 0	0 — 0
7)	d2 — d3	c6 — d4.
8)	f3 — d4°	e5 — d4°
9)	c3 — d5°	c7 — c6
10)	d5 — f6°	d8 — f6°
11)	f2 — f4 бѣлые выигрываютъ.	

(Продолженіе впредь.)

Задачи.

№ 89.

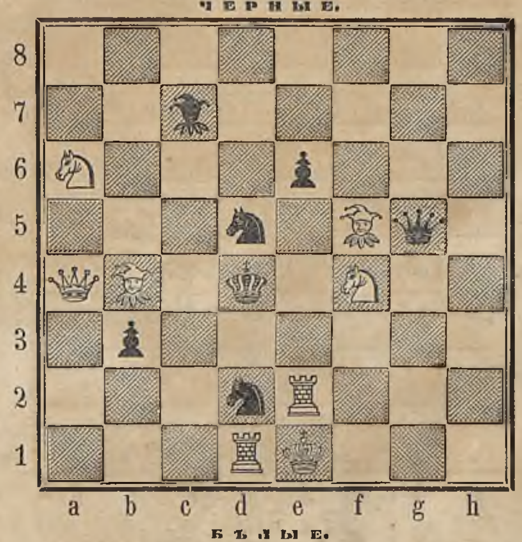
Г-на З. . . . (въ Пятигорскѣ).



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 90.

Г-на З. . . . (въ Пятигорскѣ).



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 7 ходовъ.

№ 91.

Н. ВЛАСОВА (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

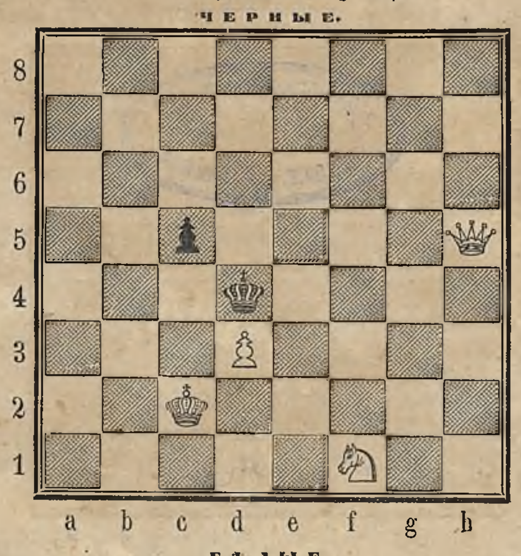
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

№ 91.

Г-НА З. . . . (въ Пятигорскѣ).

ЧЕРНЫЕ.



БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденція *Г-ну Ан—ну* (въ Тобольскѣ). Изъ Шахматнаго Листка за Апрѣль, № 28, Вы изволите усмотрѣть, что Архимедовъ винтъ разгаданъ Вами какъ нельзя лучше. Тамъ же, въ отдѣлѣ корреспонденціи стр. 109, Вы найдете разрѣшеніе предложеннаго Вами вопроса относительно переименованія пѣшекъ въ офицеры.

Г-ну З. . . (въ Пятигорскѣ). Съ величайшимъ удовольствіемъ принимаемъ Ваше предложеніе, но находимся въ необходимости измѣнить отчасти Ваши условія, а потому покорнѣйше просимъ Васъ сообщить редакціи Листка, въ скорѣйшемъ по возможности времени, Ваше имя, фамилію и адресъ.

Р. Гольд—ру (въ Москвѣ). Задача Г. Власова очень хороша. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать обѣщанныхъ къ будущей зимѣ сообщеній.

В. А. Ул—му (въ Карачевѣ). Отвѣтъ на письмо Ваше отъ 30 Іюня отправленъ по почтѣ.

Г-ну К. . . . (въ Новгородѣ). Не успѣвъ еще разобрать всѣхъ Вашихъ замѣчаній, отлагаемъ отвѣтъ до слѣдующаго выпуска Листка.